

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помните одно: только кореню основанью
крѣпко, то и древо неподвижно; только
кореня не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. грам. Москвы

1859.

I.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,
на Мясницкой улицѣ.

1859.

Δ
P Slav 600.5 ($\frac{1859}{1}$)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 26 дня 1859 года.

Ценсоръ Н. Гиллровъ-Платоновъ.

Merse 4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

стр.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Судъ Божій. <i>А. С. Хомякова.</i>	1
Осенней позднею порой. <i>Ф. И. Тютчева.</i>	2
На смерть П. П. К.... <i>А. И. Одоевскаго</i>	3
Іоаннъ Дамаскинъ. <i>Гр. А. Толстаю</i>	5

ПРОЗА:

Встрѣча съ Мартинистами. <i>С. Т. Аксакова.</i>	31
Записки Гаврилы Романовича Державина	1

НАУКИ.

О современныхъ явленіяхъ въ области Философій. <i>А. С. Хомякова</i>	1
Крестьяне на Руси. <i>И. Д. Бѣллева</i>	33
Словенцы. Очеркъ исторіи ихъ Словесности. <i>Д-ра Клауна</i>	87

КРИТИКА.

О положительномъ и отрицательномъ отношеніи къ жизни въ Русской литературѣ. <i>А. И-Ц.</i>	1
Современныя идеи православны ли? <i>Н. Г-ва</i>	47

СМѢСЬ.

Записки Сербскаго протоіерея Матвѣя Ненадовича.	1
Отрывки изъ писемъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія о положеніи Славянъ въ Европѣ. <i>М. П. Поюдина</i>	53
Что можетъ способствовать успѣху наукъ въ Россіи. <i>М. Т.</i>	89
Боснія, путевыя замѣтки <i>А. Θ. Гильфердинга</i>	99
Разсказъ очевидца о Скупщинѣ <i>М. Миличевича</i>	139

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Русское государство въ половинѣ XVII в. Рукопись времянь Царя
Алексѣя Михайловича, открытая *П. А. Безсоновымъ* (*въ особой книжкѣ*).

ОПЕЧАТКИ:

Въ отдѣлѣ Изыщной Словесности, въ стихотвореніи *А. И. Одоевскаго*, на стр.
4, въ четвертомъ стихѣ напечатано: *Ея опять увидѣлъ онъ*; вмѣсто: *Ее
опять увидѣлъ онъ*. Въ отдѣлѣ Наукъ, въ ст. *А. С. Хомякова*, на стр. 31, въ
восьмой строчкѣ снизу напечатано: *консуватороек* вмѣсто *консерватороек*.

СТИХСТВОРЕНІЯ.

I.

СУДЪ БОЖІЙ.

Гласъ Божій: « собирайтесь на праведный судъ.

« Сбирайтесь къ Востоку народы ! »

И, слѣпо свершая назначенный трудъ,

Народы земными путями текутъ,

Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

Спѣшатъ, и кровавый предчувствуя споръ,

Смятенъ, волненія полны,

Сбираются, грозный, гремящій соборъ,

На Черное море, на синій Босфоръ:

И ропщутъ и пѣвятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ,

Несутся суда—и надъ ними:

Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,

И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,

И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: « собирайтесь изъ дальнихъ сторонъ!

« Великое время приспѣло

« Для гризны кровавой, большихъ похоронъ:

« Мой судъ совершится, мой часъ положенъ,

« Въ сраженъе бросайтесь смѣло.

« За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ
 « За гордость Царьграда слѣпую,
 « Отману я далъ сокрушительный млатъ,
 « Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
 « И силу коварную, злую.

« Грозою для міра былъ страшный боецъ,
 « Былъ карой Восточному краю :
 « Но слышу я стоны смиренныхъ сердецъ,
 « И ломаю престоль, и срываю вѣнецъ,
 « И бичъ вѣковой сокрушаю. »

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ:
 Волнуются берегъ и море;
 Безумной борьбою весь міръ потрясенъ,
 И стонъ надъ землею, и па морѣ стонъ,
 И плачь и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови:
 Свершать его слѣпо народы....
 О Боже, прости ихъ! и всѣхъ призови!
 Исполни ихъ вѣры и братской любви,
 Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

А. Хомяковъ.

Мартъ. 1854 года.

II.

Осенней позднею порою
 Люблю я Царскосельскій садъ,
 Когда онъ тилою полу мглою
 Какъ бы дремотю обьлтъ.

И бѣлокрылыя видѣнья
 На тускломъ озера стеклѣ,
 Въ какой-то нѣгѣ оптимья,
 Коснѣютъ въ этой полумгѣ....

И на порфирныя ступени
 Екатерининскихъ дворцовъ—
 Ложатся сумрачныя тѣни
 Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ.

И садъ желтѣетъ какъ дуброва—
 И при звѣздахъ, изъ тьмы ночной,
 Какъ отблескъ славнаго былова,
 Выходитъ куполь золотой.

Θ. Тютчевъ.

Царское Село.
 22-го Октября 1838.

III.

НА СМЕРТЬ П. П. Ко.... 1831.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
 Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ,
 Онъ имя сладкое сливалъ
 Со словомъ искренней молитвы....
 Опять увидѣтъ взоръ очей,
 Услышать радостные звуки,
 Прижать къ устамъ уста и руки

Любимой матери своей—
 Вотъ были всѣ его желанья!
 Уже минули дни страданья:
 Ея опять увидѣлъ онъ;
 Но дни минутные свиданья,
 Но ихъ взаимно-сладкій сонъ
 Едва приснился имъ..... и снова
 Изъ-подъ семейственнаго крова
 Онъ въ край восточный полетѣлъ;
 Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
 Еще отъ сладкаго волненья
 Вдымалась радостная грудь, —
 И не докончивъ сновидѣнья,
 Уже онъ кончилъ жизни путь...

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
 Онъ вспоминалъ съ горестью глубокой
 О вѣжной матери, объ узницѣ далекой,
 И съ третьимъ именемъ потухъ.....

А. И. Одоевскій.

1832 г.

IV.

ЮАННЪ ДАМАСКИНЪ.

I.

Любимъ Калифомъ Іоаннъ;
Ему что день — почетъ и ласка,
Къ дѣламъ правленія призванъ
Лишь онъ одинъ изъ Христіанъ
Порабощеннаго Дамаска. —
Его поставилъ властелинъ
И судъ рядить и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной пріютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы, шелкомъ ткани;
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеныя фонтаны.

Но грусть объемлетъ Іоанна;
Въ своей темницѣ золотой .
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой,
Когда онъ нѣсенъ даръ святой
Въ молодыхъ лѣтахъ пріялъ отъ Бога.
Онъ счастливъ былъ-бы и убогой,

Когда-бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
 Въ глухой степи, въ уединеньи,
 Двора волненіе забыть
 И жизнь смиренно посвятить
 Роднымъ мечтамъ и вдохновенью.
 И раздавался ужъ не разъ
 Его краснорѣчивый гласъ
 Противу ереси безумной,
 Что на иконы подиялась
 Грозой неистовой и шумной.
 Упорно съ ней боролся онъ,
 И отъ Дамаска до Царьграда—
 Боецъ за честь святыхъ иконъ,
 Какъ вѣры крѣпкая ограда,
 Былъ православными почтенъ.
 Но шумъ и блескъ его тревожить,
 Ужиться съ ними онъ не можетъ,
 И тяжелой думой обуянъ,
 Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
 Вошелъ правитель Іоаннъ
 Въ чертогъ Дамасскаго владыки.
 — О государь, внимли! мой санъ,
 «Величье, пышность, власть и сила,
 «Все мнѣ несносно, все постыло.
 «Инымъ призваніемъ влекомъ,
 «Я не могу народомъ править:
 «Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
 «Глаголомъ вольнымъ Бога славить!
 «Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
 «Мученья полонъ я и скуки;
 «Среди пировъ, въ глазѣ дружинъ,
 «Иные слышатся мнѣ звуки;
 «Неодолимый ихъ призывъ
 «Къ себѣ влечетъ меня все болѣ—
 «О! отпусти меня, Калифъ,
 «Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»
 И тотъ просящему въ отвѣтъ:
 «Возвеселись, мой рабъ любимый!

- « Печали вѣчной въ мѣрѣ нѣтъ,
 « И нѣтъ тоски неизлечимой!
 « Твоею мудростью одной
 « Кругомъ Дамаскъ могучь и славенъ.....
 « Кто нынѣ намъ величемъ равенъ ?
 « И кто дерзнетъ на насъ войной?
 « А я возвышу жребій твой—
 « Не даромъ я окрестъ державенъ !
 « Ты примешь чести торжество
 « Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
 « Возми полцарства моего,
 « И правь другою половиной! »
 Къ нему пѣвецъ: « Твой щедрый даръ,
 « О государь, пѣвцу не нуженъ;
 « Съ иною силою онъ друженъ;
 « Въ его груди пылаетъ жаръ,
 « Которымъ зяждется созданье;
 « Служить Творцу его призванье;
 « Его души незримый мѣръ
 « Престоловъ выше и порфиръ.
 « Онъ не измѣнитъ, не обманетъ;
 « Все, что другихъ влечетъ и манитъ:
 « Богатство, сила, слава, честь—
 « Все въ мѣрѣ томъ въ избыткѣ есть;
 « А всѣ сокровища природы:
 « Степей безбережный просторъ,
 « Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
 « И моря пѣнистыя воды,
 « Земля, и солнце, и луна,
 « И всѣхъ созвѣздій хоророды,
 « И синей тверди глубина—
 « То все одно лишь отраженье,
 « Лишь тѣнь таинственныхъ красоть,
 « Которыхъ вѣчное видѣнье
 « Въ душѣ избранника живетъ!
 « О вѣрь, тотъ златомъ не подкупенъ,
 « Кому сей чудный мѣръ доступенъ,
 « Кому Господь дозволять взглядъ

« Въ то сокровенное горнило,
 « Гдѣ первообразы кипятъ,
 « Трещуть творческія силы!
 « То ихъ торжественный приливъ
 « Звучитъ пѣвцу въ его глаголъ—
 « О отпусти меня, Калифъ,
 « Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И рекъ Калифъ: « Въ твоей груди
 « Не властенъ я сдержатъ желанье,
 « Прійми свободу и иди,
 « Куда влечетъ тебя призванье!»

И вотъ правителя дворцы
 Добычей сдѣлались забвенья;
 Одылись пестрые зубцы
 Травой и прахомъ запустѣнья;
 Его несчетная казна
 Давно ужъ нищимъ роздана,
 Усердныхъ слугъ не видно болѣ,
 Рабы отпущены на волю,
 И не укажетъ ни одинъ,
 Куда ихъ скрылся господишь.
 Въ хоромахъ стѣны и картины
 Давно затканы паутиной,
 И мхомъ фонтаны заросли;
 Плющи, ползущіе по хорамъ,
 Отъ самыхъ сводовъ до земли
 Зеленымъ пѣдають узоромъ,
 И макъ спокойно полевой
 Растетъ кругомъ на звонкихъ плитахъ,
 И вѣтеръ, шелестя травой,
 Въ чертогахъ ходитъ позабытыхъ.

II.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!
О, еслибъ могъ въ свои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей растетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужъ на устахъ дрожить хвала
Всему, что благо и достойно—
Какія-жъ мнѣ воспѣть дѣла?
Какія битвы, или войны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу?
Чье передамъ я торжество,
Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный;

Блаженъ, кто жизнью умѣлъ
 Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
 Блаженъ, кто истину искалъ,
 И тотъ, кто, побѣжденный, палъ,
 Въ толпѣ ничтожной и холодной,
 Какъ жертва мысли благородной!
 Но не для нихъ моя хвала,
 Не имъ восторга изліянья!
 Мечта для пѣсень избрала
 Не ихъ высокія дѣянья!
 И не въ вѣнцѣ сіяетъ онъ,
 Къ кому душа моя стремится;
 Не блескомъ славы окруженъ,
 Не на звенящей колесницѣ
 Стоитъ онъ, гордый сынъ побѣд;
 Не въ торжествѣ величья—нѣтъ,—
 Я зрю его передо мною
 Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ;
 Онъ тихо, мирною стезею,
 Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
 Благихъ рѣчей своихъ отраду
 Въ сердца простыя онъ лѣтъ,
 Онъ правды алчущее стадо
 Къ ея источнику ведетъ.

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами, во плоти,
 Неся мучительное бремя,
 Онъ шелъ на жизненномъ пути?
 Зачѣмъ я не могу нести,
 О мой Господь, Твои оковы,
 Твоимъ страданіемъ страдать,
 И крестъ на плечи Твой пріять,
 И на главу вѣнецъ терновый?
 О, еслибъ могъ я лобызать
 Лишь край святой Твоей одежды,
 Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ.
 О мой Господь, моя надежда,

Моя и сила и покровъ !
 Тебѣ хочу я всё мышленья,
 Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
 И думы дня, и ночи бдѣнья,
 И сердца каждое биенье,
 И душу всю мою отдать !
 Не отверзайтесь для другаго
 Отнынѣ вѣщія уста !
 Гремь лишь славою Христа,
 Мое восторженное слово!

III.

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
 Не разъ смѣняла зной палатій,
 Не разъ, всходя, лазурный день
 Свивалъ покровъ съ природы спящей;
 И передъ странникомъ вдали
 И волновались и росли
 Разнообразныя картины:
 Бѣлѣли снѣжныя вершины
 Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ,
 Иорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
 И Мертвое чернѣло море,
 Сливаясь съ небомъ голубымъ.
 И вотъ, вѣясь въ степи широкой,
 Чертой изогнутой легло
 Предъ нимъ Кедронскаго потока
 Давно безводное русло.
 Смеркалось. Паръ струился синій;
 Кругомъ царилъ тишина;
 Мерцали звѣзды; надъ пустыней
 Выходила полная луна.

Бреговъ сожженныхъ стремнивымъ
 На дно сбѣгаютъ крутизной,
 Спирая узкую долину
 Двойной, отвѣсною стѣной.
 Внизу кресты, символы вѣры,
 Стоять въ обрывахъ тамъ и сямъ,
 И видны странника очамъ
 Въ утесахъ рытвѣ пещеры;
 Сюда со всѣхъ концовъ земли,
 Бѣжавъ мірскаго тревоженья,
 Отцы святыя притекли
 Искать покоя и спасенья.
 Съ краевъ до высохшаго дна,
 Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
 Руками ихъ возведена
 Изъ камней крѣпкая стѣна,
 Отпоръ стѣнному Сарацину.
 Въ стѣнѣ ворота. Тѣсный входъ
 Надъ ними башня стережетъ.
 Тропинка вѣтся надъ оврагомъ,—
 И вотъ, спускаясь по скаламъ,
 При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
 Подходить странникъ къ воротамъ.
 —Тебя, безбурное жилище,
 « Тебя, познанія купель,
 « Житейскихъ помысловъ кладбище,
 « И новой жизни колыбель,
 « Тебя привѣтствую, пустыня,
 « Къ тебѣ стремился я всегда!
 « Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
 « Приютомъ пѣсень и труда!
 « Всѣ попеченія мірскія
 « Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
 « Приносить вамъ, отцы святыя,
 « Свой даръ и гусли новый братъ!»

IV.

— « Отшельники Кедронскаго потока,
 « Игуменъ васъ сзываетъ на совѣтъ!
 « Сбѣрайтесь всѣ: пришедшій издалека
 « Вамъ новый братъ приносить свой привѣтъ!
 « Велики въ немъ и вѣра и призванье,
 « Но долженъ онъ пройти чрезъ испытанье.

« Изъ васъ его вручаю одному:
 « Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
 « Что разогналъ иконоборства тьму,
 « Чьимъ словомъ ложь поправа и разбита,
 « То Іоаннъ, святыхъ иконъ защита—
 « Кто захочетъ быть наставникомъ ему? »

И лишь назвалъ игуменъ это имя,
 Заволновался весь монаховъ рядъ,
 И на пѣвца дивятся и глядятъ,
 И пробѣгаетъ шопоть между ними.
 Главами всѣ поникнувши сѣдыми,
 Съ смиреніемъ игумну говорятъ:

« Благословенъ сей славный Божій воинъ,
 « Благословенъ межъ насъ его приходъ,
 « Но кто же здѣсь учить того достоинъ,
 « Кто правды свѣтъ вокругъ себя ліетъ?
 « Чье слово намъ какъ колоколь звучало—
 « Того-ль пріять дерзнемъ мы подъ начало? »

Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ—
 То черноризецъ былъ на видъ суровый,
 И строгъ его пытающій былъ взглядъ,

И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
 « Держать посты уставы намъ велятъ,
 « Служенья-жъ мы не вѣдаемъ инова!—

« Колю подѣ моиѣ началомъ хочешь быть,
 « Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
 « Но долженъ ты отнышѣ отложить
 « Невужныхъ думъ безплодное броженье;
 « Духъ праздности и прелесть пѣснопѣнья
 « Постомъ, пѣвецъ, ты долженъ побѣдять!

« Колю ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
 « Умѣй мечты житейскія попрасть,
 « И на уста, смиривъ свою гордыню,
 « Ты наложи молчанія печать!
 « Исполни духъ молитвой и печалью—
 « Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалѣ.»

*

*

*

Замолкъ монахъ. Нежданный приговоръ
 Какъ громъ упалъ средь мирнаго синклита.
 Смутились всѣ. Пѣвца померкнулъ взоръ,
 Покрыла блѣдность впалыя ланиты.

И неподвиженъ долго онъ стоялъ,
 Безмолвно опустивъ на землю очи,
 Какъ будто бы отвѣта онъ искалъ,
 Но отвѣчать не доставало мочи.

И тихо началъ онъ: « Всю бодрость силъ,
 « И мысли всѣ, и всѣ мои стремленья—
 « Одной я только цѣли посвятилъ:
 « Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣнья.

- « Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать—
 « Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ:
 « Въ ней Божій перстъ и Божья благодать—
 « Отнынѣ гласъ мой не раздается болѣ.
- « Не самъ ли я у Господа просилъ
 « Тернистый путь и крестъ послать мнѣ свыше?
 « И Онъ теперь мою мольбу услышалъ,
 « Въ твоихъ рѣчахъ Онъ волю проявилъ!
- « Такъ вотъ гдѣ ты таялось, отрѣчене,
 « Что я не разъ въ молитвахъ общалъ!
 « Моей отрадой было пѣснопѣнье,
 « И въ жертву Ты, Господь, его избралъ!
- « Настаньте-жъ, дни молчанія и муки!
 « Прости, мой даръ! Ложись на гусли прахъ!
 « А вы, въ груди взлелеянные звуки,
 « Забудьте всѣ на трепетныхъ устахъ!
- « Спустися ночь на горестнаго брата
 « И тьмой его отъ солнца отлучи!
 « Померкните, затнитесь безъ возврата,
 « Монихъ псалмозъ звенящія лучи!
- « Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
 « Уймись скорбѣй, взволнованная кровь!
 « Свѣти лишь ты, небесная любовь,
 « Въ моей ночи звѣздою лучезарной!
- « О мой Господь! Прости послѣдній стонъ,
 « Послѣдній сердца страждущаго ропотъ!
 « Единный мигъ—замгеть и этотъ шопоть,
 « И встану я, Тобою возрожденъ!
- « Свершилось. Мрака набѣгаютъ волны.
 « Взоръ гаснетъ. Стынетъ кровь. Всему конецъ!
 « Изъ міра звукозвѣнья въ міръ безмолвный
 « Нисходитъ къ вамъ развѣчанный пѣвецъ!»

V.

Въ глубокомъ ущельи,
 Какъ гнѣзда стрижей,
 По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынные кедлы,
 Но рѣчи не слышно ничьей;
 Все тихо, пока не сберется къ служенью,
 Отшельниковъ рой;
 И вторить тогда ихъ протяжному пѣнью.
 Одинъ отголосокъ глухой.
 А тамъ, надъ краями долины,
 Безлюдной пустыни царить торжество,
 И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
 Все пусто кругомъ и мертво.
 Какъ жгучее бремя,
 Такъ небо усталую землю гнететь,
 И кажется, будто бы время
 Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полеть.
 Порой отдаленное слышно рычанье
 Голоднаго льва;
 И снова наступитъ молчанье,
 И снова шумить лишь сухая трава.
 Когда изъ-подъ камней змѣя, выползая,
 Блеснетъ чешуей;
 Крылами треща, саранча полевая
 Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
 Пустыня проснется отъ дикаго клика,
 Посыпятся камни, и тамъ, въ вышинѣ,
 Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
 Покажется въ небѣ: ва легкомъ конѣ
 Появится всадникъ; надъ самымъ оврагомъ
 Сдержавъ скакуна запыленного летъ,
 Проѣдетъ онъ мимо обителя шагомъ
 И инокамъ сверху проклятье пошлетъ.

И снова все стихнетъ. Лишь въ полдень орлицы
 На крыльяхъ недвижныхъ парятъ,
 Да вечеромъ звѣзды горятъ,
 И скучною таятся длинныя дни вереницей.

VI.

Порою въ тверди голубой
 Проходятъ тучи надъ долиной;
 Онѣ туманныя картины
 Связаютъ вѣчно межъ собой.
 Такъ, въ нескончаемомъ движеніи,
 Клубится предо мной всегда
 Воспоминаній череда,
 Погибшей жизни отраженья;
 И льнуть и выются безъ конца,
 И вѣчно волю осаждаютъ,
 И онѣмѣвшаго пѣвца,
 Ласкаясь, къ пѣснямъ призываютъ.
 И казнью сталъ мнѣ праздный даръ,
 Всегда готовый къ пробужденью;
 Такъ ждетъ лишь вѣтра дуновенья
 Подъ пелюжъ тлѣющей пожаръ.
 Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
 Тѣснятся образы толпой,
 И въ тишинѣ надъ чуткимъ ухомъ
 Дрожатъ созвучій мѣрный строй;
 И я, не смѣя святотатно
 Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,
 Въ хаоса ночь гоню обратно
 Мои вепѣтые псалмы.
 Но тщетно я, въ бесплодной битвѣ,
 Твержу обрядныя слова
 И заученныя молитвы—
 Душа беретъ свои права!

Увы, подъ этой ризой черной,
 Какъ въ оны дни подъ багрецомъ,
 Живымъ палимое огнемъ,
 Мятется сердце непокорно!
 Юдолю, гдѣ я похоронилъ
 Броженье дѣятельныхъ силъ,
 Свободу творческаго слова—
 Юдолю молчанья роковаго!
 Ты передай душѣ моей
 Твоихъ стремившій покой угрюмый!
 Пустынный вѣтеръ, ты развѣй
 Мои недремлющія думы!

VII.

Тщетно онъ просить и ждетъ отъ безмолвной юдоли покоя,
 Вѣтеръ пустынный не можетъ недремлющей думы развѣять.
 Годы проходятъ одинъ за другимъ, все безплодные годы!
 Все тяжелѣе надъ нимъ тяготитъ роковое молчанье.
 Такъ онъ однажды сидѣлъ у входа пещеры, рукою
 Грустныя очи закрывъ и внутреннимъ звукамъ внимая.
 Къ скорбному тутъ къ нему подошелъ одинъ черноризецъ,
 Палъ на колѣни предъ нимъ и сказалъ: «помоги, Иоанне!
 «Братъ мой по плоти преставился, братомъ онъ былъ по душѣ
 мнѣ!

«Тяжкая грусть меня нынѣ сѣдаетъ; я плакать хотѣлъ бы—
 «Слезы не льются изъ глазъ, но склипаются въ горестномъ сердцѣ.
 «Ты же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную пѣсню,
 «Пѣснь погребальную милому брату. ее чтобы слыша,
 «Могъ я рыдать и тоска-бы моя получила ослабу!»
 Кротко взглянулъ Иоаннъ и печально въ отвѣтъ ему молвилъ:
 «Или не вѣдаешь ты, какимъ я связанъ уставомъ?
 «Строгое старецъ на пѣсни мои наложилъ запрещенье!»
 Тотъ же сталъ пакы его умолять, говоря: «не узнаешь

«Старець о томъ никогда; онъ отсель отлучился на три дня,
 «Брата-жъ мы завтра хоронимъ; молю тебя всею душою,
 «Дай утѣшеніе мнѣ въ безпредѣльно горькой печали!»
 Паки-жъ отказъ получивъ: «Іоанне! сказалъ черноризецъ,
 «Если бы былъ ты тѣлеснымъ врачомъ, а я бѣ отъ недуга
 «Такъ умираю, какъ теперь умираю отъ горя и скорби,
 «Ты ли бы въ помощи мнѣ отказалъ? И не дашь-ли отвѣта
 «Господу Богу о мнѣ, если нынѣ умру безутѣшенъ?»
 Такъ говоря, колебалъ въ Дамаскнѣ онъ мягкое сердце.
 Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто.
 Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
 Образы мрачной явились толпой, и въ воздухъ звуки
 Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ рыданье.
 Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то воздушное пѣнье,
 Долго слушалъ, и всталъ, и съ молитвой вошедши въ пещеру,
 Тамъ послушной рукой начерталъ, что ему прозвучало.
 Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было молчанье.

Надъ вольной мыслью Богу негодны
 Насиліе и гнѣтъ:
 Она, въ душѣ рожденная свободно,
 Въ оковахъ не умретъ!

Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,
 Сковать свои мечты?
 Ужель попать въ себѣ живые звуки
 Насильно думалъ ты?

Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ въ высотѣ лазурной
 Блѣзеть дальній снѣгъ,
 Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
 Удержать ли свой бѣгъ?

И потекутъ ли впасть струи потока,
 Что между скалъ гремѣть?
 И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
 Вернется ли назадъ?

VIII.

Колоколовъ унылый звонъ
 Съ утра долгнну оглашаетъ.
 Покойникъ въ церковь принесенъ.
 Обрядъ печальный похоронъ
 Надъ нимъ отшельники свершаютъ.
 Свѣчами свѣтится алтарь,
 Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
 Поетъ напутственный тропарь,
 Ему монахи вторять хоромъ:

ТРОПАРЬ.

« Какая сладость въ жизни сей
 « Земной печали не причастна?
 « Чьи ожиданья не напрасны?
 « И гдѣ счастливый межъ людей?
 « Все то превратно, все ничтожно,
 « Что мы съ трудомъ приобрѣли—
 « Какая слава на земли
 « Стоитъ тверда и непреложна?
 « Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
 « Изчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
 « И передъ смертью мы стоимъ
 « И безоружны и безсильны.
 « Рука могучаго слаба,
 « Ничтожны царскія велѣнья—
 « Прійми усопшаго раба,
 « Господь, въ блаженныя селенья!

*

« Какъ грозный витязь смерть нашла,
 « Меня, какъ хищникъ, низложила,
 « Свой гѣвъ разинула могила

- « И все житейское взяла.
- « Спасайтесь, сродники и чада.
- « Изъ гроба къ вамъ зываю я,
- « Спасайтесь, братья и друзья,
- « Да не узрите пламень ада!
- « Вся жизньъ есть царство суеты,
- « И дуновенье смерти чую,
- « Мы увядасмъ какъ цвѣты —
- « Почто же мы мѣтемся всуе?
- « Престола наши суть гроба,
- « Чертоги наши—разрушенье.....
- « Прійми усопшаго раба,
- « Господь, въ блаженныя селенья!

*

- « Средь груды тлѣющихъ костей
- « Кто царь? кто рабъ? судья, иль воинъ?
- « Кто царства Божія достоинъ?
- « И кто отверженный злодѣй?
- « О братья, гдѣ серебро и злато?
- « Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
- « Среди невѣдомыхъ гробовъ
- « Кто есть убогій, кто богатый?
- « Все пепель, дымъ, и пыль, и прахъ,
- « Все призракъ, тѣнь и привидѣнье—
- « Лишь у Тебя на небесахъ,
- « Господь, и пристань и спасенье!
- « Изчезнетъ все, что было плоть,
- « Величье наше будетъ тлѣнье—
- « Прійми усопшаго, Господь,
- « Въ Твои блаженныя селенья!

*

- « И Ты, предстательница всѣмъ!
- « И Ты, заступница скорбящихъ!
- « Къ Тебѣ о братъ здѣсь лежашемъ,

« Къ Тебѣ, святая, воцѣмь!
 « Моли Божественнаго Сына,
 « Его, Пречистая, моли,
 « Дабы усопшій на земли
 « Оставилъ здѣсь свои кручины!
 « Все пепель, прахъ, и дымъ. и тѣнь!
 « О други, брению не вѣрьте!
 « Когда дохнетъ въ нежданнѣй день
 « Дыханье глительное смерти,
 « Мы всѣ поляжемъ, какъ хлѣба.
 « Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ—
 « Прійми усопшаго раба,
 « Господь. въ селеніяхъ счастливыхъ!

*

« Иду въ незнаемый я шугъ,
 « Иду межъ страхомъ и надеждой;
 « Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
 « Не внимлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
 « Лежу безгласенъ, недвижимъ,
 « Не слышу братскаго рыданья,
 « И отъ кадила синій дымъ
 « Не мнѣ струить благоуханье;
 « Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
 « Моя любовь не упряетъ,
 « И ею, братья, васъ молю,
 « Да каждый къ Господу взываетъ:
 « Господь! Въ тотъ день, когда труба
 « Вострубитъ міра преставленье—
 « Прійми усопшаго раба
 « Въ Твои блаженныя селенья!»

*

Свѣчами свѣтятся алтарь,
 Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
 Поетъ напутственный тропарь,
 Ему монахи вторятъ хоромъ.

IX.

Монахи вторять, онъ поетъ,
 Но вотъ межъ ними, гость неожиданный,
 Нахмуря брови, предстаетъ
 Наставникъ старый Иоанна.
 Суровы гнѣвные черты.
 Главу подъявля величаво:
 « Монахъ, онъ молвить, такъ-ли ты
 « Блюдешь и чтвишь мои уставы?
 « Когда предъ нами братнїи прахъ,
 « Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
 « Въ твоихъ ли звукахъ и стихахъ
 « Теперь нуждается покойный?
 « Изъиди, внокъ недостойный—
 « Не въ нашихъ жить тебѣ стѣнахъ!»

И гнѣвной рѣчью пораженный,
 Пѣвецъ уналь къ его ногамъ:
 « Прости отецъ, не знаю самъ,
 « Какъ преступилъ твои законы!
 « Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
 « Въ неодолимой сердца мукѣ
 « Невольно вырвались звуки,
 « Невольно пѣсня полилась!»
 И ноги старца онъ объезлетъ:
 « Прости вину мою, отецъ!»
 Но тотъ раскаянью не внемлетъ,
 Онъ говоритъ: «Бѣги, пѣвецъ!
 « Досель житейская гордыня
 « Еще жива въ твоей груди—
 « Отъ нашихъ келїи отойди,
 « Не оскверняй собой пустыни!»

X.

Прошла по лаврѣ роковая вѣсть,
 Отшельниковъ смутилося собранье:
 « Нашъ Іоаннъ, Христовой церкви честь,
 « Наставника навлекъ негодованье!
 « Ужель ему прійдется перенести,
 « Ему, пѣвцу, позорное изгнанье?»
 И жалостью исполнились сердца,
 И всѣ соборомъ молятъ за пѣвца.

Но, словно столбъ, наставникъ непреклоненъ,
 И такъ въ отвѣтъ просящимъ молвить онъ:
 « Уставъ, что мной однажды узаконенъ,
 « Не будетъ даромъ нынѣ отмѣненъ.
 « Кто къ гордости и къ ослушанью склоненъ,
 « Того, какъ тернъ, мы вырываемъ вонъ.
 « Но если въ немъ неложны сожалѣнья,
 « Эпитимей онъ выкупитъ прощенье:

« Пусть онъ обходитъ лавры черный дворъ,
 « Съ лопатою обходить и съ метлою;
 « Свой духъ смиривъ, пусть всюду грязь и соръ
 « Онъ непокорной вымететъ рукою.
 « Дотоль надъ нимъ мой крѣпокъ приговоръ,
 « И нѣтъ ему прощенья предо мною!»
 Замолкъ. И внявъ безжалостный отказъ,
 Вся братія въ печали разошлась.

*

*

*

Презрѣнье, другн, на пѣвца,
 Кто даръ священный унижаетъ,
 Кто предъ кумирами склоняетъ
 Красу лавроваго вѣнца!
 Кто гласу истины и чести
 Внушене выгодъ предпочелъ,
 Кто угожденію и лести
 Безстыдно продалъ свой глаголъ!
 Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,
 Ему на казнь и на позоръ,
 Его безсовѣстное слово,
 Какъ всенародный приговоръ.
 Но ты, иной взакавшій пищи,
 Ты, что молитвою влекомъ,
 Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
 Живущій мыслью со Христомъ,
 Ты, что пророческаго взора
 Предъ блескомъ міра не склонялъ.—
 Испить ты можешь, безъ укора,
 Весь униженія фіалъ!

И старца рѣчь дошла до Дамаскина.
 Эпитимн условія узнавъ,
 Пѣвецъ спѣшить свои загладитъ вины,
 Спѣшить почтить несслыханный уставъ.
 Смѣнила радость горькую кручину:
 Безъ ропота, лопату въ руки взявъ,
 Пѣвецъ Христа не мыслить о пощадѣ,
 Но унижене терпитъ Бога ради.

*

*

*

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
 Воздавалъ за зло добромъ—
 Избѣнъ, покрытый кровію,

Вънчанъ терновымъ вѣнцомъ—
 Всѣхъ съ собой страдаемъ сближенныхъ,
 Въ жизни долею обиженныхъ,
 Угнетенныхъ и униженныхъ,
 Осѣнилъ своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
 Даромъ гибнуть подъ ярмомъ,
 Вѣрьте, други, въ избавленіе—
 Къ Божью свѣту мы грядемъ!
 Вы, неволею согбенные,
 Злой кручиной удрученные,
 Вы, Христу сопогребенные,
 Соживаете съ Христомъ!

XI.

Темнѣть. Паръ струится синій;
 Въ ущелья мракъ и тишина;
 Мерцаютъ звѣзды, и луна
 Восходитъ тихо надъ пустыней.
 Въ свою пещеру одинокъ
 Ущель отшельникъ раздраженный.
 Все спитъ. Луной посеребранный,
 Изсякшій видится потокъ.
 Надъ нимъ скалистыя вершины,—
 Изъ мрака смотрять тамъ и тутъ;
 Но сердца старца не влекутъ
 Природы дивныя картины;—
 Оно для жизни умерло.
 Согнувши строгое чело,
 Онъ, чуждый міру, чуждый братьямъ,
 Лежить, простертъ передъ Распятъемъ.

Въ пыли сѣдая голова,
 И смерть къ себѣ онъ призываетъ,
 И шепчетъ мрачныя слова,
 И камнемъ въ перси ударяетъ.
 И долго онъ поклоны клалъ,
 И долго смерть онъ призывалъ.
 И наконецъ, въ изнеможенъи,
 Безгласенъ, наземь онъ упалъ,
 И старцу видится видѣнье:

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
 И разлилось благоуханье,
 И отъ невидимыхъ высотъ
 Въ пещеру падаетъ сіянье.
 И вотъ, вся въ трепетныхъ лучахъ,
 Одеждой звѣздною блистая,
 Явилась Дѣва Пресвятая,
 Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ.
 Изъ свѣта чуднаго сляпанный,
 Небесно кротокъ тихій видъ:
 «Почто ты гонишь Юанна?»
 Она монаху говоритъ.
 «Его молитвенные звуки,
 «Какъ голосъ неба на земли,
 «Въ сердца послушныя текли,
 «Врачуя горести и муки.
 «Почто-жь ты, старецъ, заградилъ
 «Нещадно тотъ источникъ сильный,
 «Что цѣлый міръ бы наползалъ
 «Водой цѣлебной и обильной?
 «На то-ли жизни благодать
 «Господь послалъ своимъ созданьямъ,
 «Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
 «Себя казнить и убивать?
 «Онъ далъ природѣ пзобиле,
 «И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
 «Онъ далъ движеніе облакамъ,

- « Землѣ цвѣты, и птицамъ крылья.
 « Почто-жь пѣвца живую рѣчь
 « Сковалъ ты заповѣдью трудной?
 « Оставь его глаголу течь
 « Рѣкой пѣвучей неоскудно!
 « Да оросять его мечты,
 « Какъ дождь, Кедронскую долину;
 « Оставь землѣ ея цвѣты,
 « Оставь созвучья Дамаскину!»

Видѣнье скрылось въ облакахъ,
 Заря восходитъ изъ тумана.....
 Встаетъ встревоженный монахъ,
 Зоветъ и ищетъ Іоанна,—
 И вотъ обнялъ его старикъ:
 « О сынъ смиренія Христова!
 « Тебя душою я постигъ—
 « Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
 « Отверзи вѣщія уста,
 « Твои окончены гоненья!
 « Во имя Господа Христа,
 « Пѣвецъ, святыхъ вдохновенья
 « Изъ сердца звучнаго излей;
 « Меня-жь, молю, прости, о чадо,
 « Что слову вольному преградой
 « Я былъ по грубости моей!»

XII.

Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣсню!
 Возрадуйся жизнию новой!
 Исчезла косненія долгая плеснь,
 Воскресло свободное слово!

Того, кто оковы души сокрушилъ,
 Да славить немолчно созданье!
 Да хвалить торжественно Господа силъ
 И солнце и мѣсяцъ и хоры свѣтилъ,
 И всякое въ мірѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
 И мыслить и молвить возможно!
 Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой,
 Во имя Твое онъ выходитъ на бой
 Со всѣмъ, что неправо и ложно!

Раздайся-жь, воскресная пѣсня моя!
 Какъ солнце, взойди надъ землею!
 Расторгни убійственный сонъ бытія,
 И свѣтъ лучезарный повсюду ля,
 Грома, что созиждено тьмою!

* * *

Не съ дикихъ падаетъ высота,
 Средь темныхъ скалъ, потокъ нагорный;
 Не буря грозная идетъ;
 Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
 Не сотни гнущихся дубовъ •
 Шумять главами вѣковыми;
 Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
 Качая гребнями сѣдыми—

То Иоанна лѣтся рѣчь,
 И силъ исполненная новыхъ,
 Она громить, какъ Божій мечъ,
 Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ;
 Не утро свѣлое настало;
 Не стая лебедей выграла

Весной на лонѣ дсныхъ водѣ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовуть сосѣднихъ соловьевъ;
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ—

То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликование Христіанъ,
То славить рѣчію свободной
И хвалить въ пѣсняхъ Іоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда.

Гр. А. Толстой.

ВСТРѢЧА СЪ МАРТИНИСТАМИ.

(Воспоминаніе изъ Петербургской жизни.)

Въ 1808 году, на Мойкѣ, набережная которой тогда отдѣлялась, или скорѣе, передѣлялась и украшалась новой узорной, чугунной рѣшеткой, не подалеку отъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и конногвардейскихъ казармъ, находился каменный домъ старинной Петербургской архитектуры. Домъ этотъ принадлежалъ нѣкогда, какъ я послѣ узналъ, Ломоносову и потомъ какъ-то приобрѣтенъ былъ казною. Въ настоящее время въ немъ помѣщался съ своимъ семействомъ начальникъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Владимира 3-й степени, Василій Васильичъ.... назовемъ его: Рубановскій. Это была его казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, которая давала ему возможность, при небольшомъ жалованьѣ, кое-какъ существовать въ Петербургѣ. Конечно, мѣсто Рубановскаго было не безвыгодное, потому что хлѣбъ отпускался *недостаточнымъ* людямъ по такой цѣнѣ, которая была вдвое и даже втрое ниже рыночной; и хотя для полученія хлѣба, по дешевой цѣнѣ, надобно было представить свидѣтельство отъ полиціи въ *недостаточности* состоянія, но кому неизвѣстно, что при добромъ расположеніи главнаго начальника хлѣбной конторы, легко можно было приобрѣсть и доброе расположеніе частнаго пристава. При такомъ мирномъ согласіи властей, добрые люди, получавшіе дешевый хлѣбъ, конечно не остались бы неблагодарными. Но статской Енераль (какъ его звалъ народъ), или Генераль-Куль (какъ называло его одно высшее лице), ста-

рикъ Рубановскій, фанатикъ безкорыстія, самъ почти нищій, — былъ честности неподкупной, убѣжденій непреоборимыхъ, и у него нельзя было спекулировать во имя недостаточности состоянія. Рубановскій, человекъ религіозный до мистицизма, злой Мартинистъ, какъ его звали въ обществѣ, во всю свою жизнь, съ суровой строгостью и съ тягостною для всѣхъ точностью, свято исполнялъ долгъ суда и правды на поприщѣ своей разнообразной и долговременной служебной дѣятельности. Добившись до порядочнаго чина, онъ служилъ и у города *Архангельска* предсѣдателемъ казенной палаты, а въ послѣдствіи и въ Оренбургскомъ краѣ, тоже предсѣдателемъ какой-то палаты. Въ Уфѣ, какъ и вездѣ, былъ онъ однимъ и тѣмъ же чиновникомъ непреклонной, неумолимой честности. Именно въ Уфѣ онъ познакомился съ своимъ отцомъ и матерью, и это былъ единственный домъ или семейство, съ которымъ Рубановскій постоянно находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ былъ нелюбимъ въ обществѣ, ненавидимъ своими подчиненными; да признаться, мѣдленно было его и любить, но не уважать его было невозможно: будучи всегда чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ, независимъ по своему безкорыстію и умѣренности, онъ не стѣснялся въ своихъ рѣчахъ законами лицемернаго приличія, не держалъ на привязи своего языка и, когда считалъ это справедливымъ, не щадилъ никого. Его боялись, какъ огня, и никогда не заводили съ нимъ ни ссоръ, ни споровъ; отъ него молча отходили прочь, но за то неумолимо дѣйствовали противъ него тайно, какъ противъ безпокойнаго чиновника и злонаправнаго человека. Вслѣдствіе такихъ происковъ, Рубановскій никогда не засаживался долго на одномъ мѣстѣ; черезъ каждые два, три года его *переводили*, и вотъ наконецъ перевели изъ Уфы въ Петербургъ, гдѣ уже онъ оставался довольно долго на службѣ, до выслуги пенсіи, и то благодаря покровительству Мартинистовъ.

Когда въ 1803 году привезли меня въ Петербургъ, для опредѣленія на службу, то на другой или на третій день нашего пріѣзда, меня послали съ визитами: къ бывшему наставнику моему, Г. И. Карташевскому, къ крестному моему отцу, Д. Б. Мертваго, и къ Рубановскимъ. Послѣднихъ я вовсе не зналъ,

или лучше сказать, не помнить, потому что былъ слишкомъ малъ, когда они уѣхали изъ Уфы; но я слышалъ объ нихъ, какъ объ самыхъ добродѣтельныхъ и честныхъ людяхъ. Семейство Рубановскихъ произвело однако на меня непріятное впечатлѣніе. Старикъ былъ огромнаго роста, сухощавъ, но атлетическаго мускулезнаго сложенія; глаза его выражали суровую строгость; лице онъ имѣлъ необыкновенно длинное и блѣдное, съ выдавшимся впередъ подбородкомъ; передніе зубы, точно клыки, высывались, когда онъ говорилъ, особенно когда смѣялся; но и въ смѣхѣ его не было ничего веселаго и добродушнаго. Онъ просто показался мнѣ страшенъ. Жена его, Анна Ивановна, была совершенная ему противоположность: маленькая ростомъ и худенькая, какъ скелетъ; лице же ея свѣтилось какою-то восковою прозрачностью. У старика я замѣтилъ довольно большую косу, обвитую черною лентою. Я помнилъ, что во время моего дѣтства носили косы, помнилъ, что у моего отца коса была слишкомъ въ аршинъ длиною, и помнилъ, какъ онъ приказалъ ее отрѣзать, уступивъ духу времени и просьбамъ моей матери; но съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не встрѣчалъ,—и коса Рубановскаго, которая безпрестанно шевелилась и двигалась, сообразно движенію его головы, привлекала мое вниманіе, и я не могъ отвести отъ нея глазъ; старикъ это замѣтилъ и сурово посмотрѣлъ на меня. Анна Ивановна была одѣта, какъ мнѣ показалось, въ какое-то фантастическое платье. Особенно поразилъ меня уборъ ея головы: это былъ высокій, какъ тулья мужской шляпы, чепчикъ, по срединѣ обвязанный шелковымъ платочкомъ или широкой лентою, изъ-подъ котораго висѣли кружевные крылушки. Узнавъ отъ меня, что я сынъ родителей, съ которыми они нѣкогда жили въ дружбѣ, что я тотъ самый хворенькій Сережа, котораго они оставили двухъ-лѣтнимъ, умирающимъ дитятей, хозяева приняли меня, по своему, съ радушіемъ и ласкою. Мое превращеніе изъ ребенка въ студента со шпагой и треугольной шляпой показалось имъ поразительнымъ явленіемъ, которому они долго и наввно удивлялись.

Когда я воротился домой и рассказал, какое впечатлѣніе произвели на меня Рубановскіе, рассказалъ, что я не могъ у нихъ долѣе оставаться, потому что въ часъ они сѣдѣли объѣдать, мнѣ объяснили подробно, что за почтенные оригиналы были эти люди. Мать смѣялась и сама удивлялась, что не предупредила меня объ этомъ; но она думала, что пятнадцатилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ на такомъ важномъ, по ея мнѣнію, мѣстѣ, заставило Рубановскихъ, не смотря на природное упрямство, бросить свой странный костюмъ и свои Архангелогородскіе обычаи. «Честь и слава характеру Анны Ивановны, воскликнула мать. Для женщины это великій подвигъ.» Тутъ рассказала мнѣ она, что Анна Ивановна Архангельская уроженка, что въ Уфѣ, да и вездѣ она одѣвалась точно такъ, какъ одѣваются женщины, живущія у города Архангельска, что она всегда заявляла намѣреніе не измѣнять ни въ чемъ своего костюма и никогда не объѣдать позже часа. Все это казалось въ Петербургѣ невозможнымъ, а теперь оказалось въ точности исполненнымъ. Тутъ я также узналъ, что Рубановскіе испытали ужасную потерю: менѣе года, какъ они лишились старшей дочери, необыкновенной красавицы и умницы, которая была идоломъ своего семейства, какъ выражалась одна наша общая знакомая; она же рассказала намъ, что родители перенесли эту потерю съ необыкновенной твердостью, особенно отецъ, который, не выронивъ ни одной слезинки, съ какимъ-то торжественнымъ весельемъ хоронилъ свою любимицу, тогда какъ всѣ присутствующіе надрывались отъ слезъ.

На другой день по утру отецъ мой ѣздилъ къ Рубановскимъ; мать же по нездоровью оставалась дома. Старикъ Рубановскій, особенно любившій мою мать и нетерпѣливо желавшій ее увидѣть, въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ къ намъ. Послѣ всего, слышаннаго мною, я смотрѣлъ уже на него съ почтительнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, не смотря на непріятное впечатлѣніе первой встрѣчи. Разговоръ немедленно обратился на понесенную стариками ужасную потерю. Мать съ искреннимъ и горячимъ участіемъ просила рассказать ей всѣ подробности этого несчастнаго событія. Старикъ Рубановскій какъ-то дико разсмѣялся и сказалъ:

«Я зналъ, сударыня, что вы по дружбѣ къ намъ захотите узнать всѣ обстоятельства, сопровождавшія эту великую эпоху въ нашей жизни; она во многомъ вразумила, во многомъ перемѣнила насъ. Съ перваго дня болѣзни Александры Васильевны (такъ звали его умершую дочь и такъ всегда называлъ ее отецъ), я уже почувствовалъ волю Божию, понимая, для чего нужно намъ это испытаніе — и покорился. Но въ назиданіе другимъ, могущимъ впасть въ подобное нашему, родительское, грѣховное ослѣпленіе, я сталъ записывать каждый день исторію болѣзни моей дочери и ея христіанскую кончину. Я привезъ прочесть вамъ эту записку: угодно выслушать?» Разумѣется, мой отецъ и мать усердно объ этомъ просили. Когда же хотѣли меня выслать, я попросилъ позволеніе также послушать, и старикъ Рубановскій изъявилъ желаніе, чтобы я остался.

Ни одинъ романъ, ни одно стихотвореніе Державина, ни одна трагедія не производили на меня такого впечатлѣнія, какое произвело чтеніе этой записки. Я не думаю, чтобы она была написана хорошо въ литературномъ отношеніи, но тутъ было не до красоты слога! Тутъ была правда, дѣйствительность, страстная родительская любовь, осужденная и пораженная гнѣвомъ Божиимъ, какъ выражался самъ несчастный отецъ. Я не смѣю думать, чтобы я могъ передать чувства, произведенныя во мнѣ этой запиской, чтеніе которой продолжалось часа полтора. Я даже думаю, что еслибъ я могъ привести ее въ подлинникъ, то читатели не получили бы понятія о моемъ впечатлѣніи: тутъ не доставало бы отца, читающаго, самимъ имъ составленное, описаніе болѣзни и смерти обожаемой дочери. Сначала въ запискѣ старикъ исповѣдывается, что считалъ, вѣстѣ съ женою, дочь свою совершенствомъ челоуѣческой природы, чудомъ, ниспосланнымъ на землю для обращенія заблудшихъ грѣшниковъ на путь истинный. По словамъ его, это было собранье всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ талантовъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Между прочимъ она писала превосходные стихи духовнаго содержания; сама клала ихъ на музыку и пѣла съ неподражаемымъ совершенствомъ. Пѣніе этихъ стиховъ осталось навсегда лучшимъ украшеніемъ высокихъ бесѣдъ людей, избран-

ныхъ на прославленіе имени Божія и проповѣданіе христіанской любви. Умиѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе люди, какъ напримъ: А. Ѳ. Лабзинъ и какой-то Архимандритъ Іоаннъ находили великое удовольствіе и даже душевную пользу бесѣдовать съ этой дѣвицей о самыхъ высокиихъ духовныхъ предметахъ; но въ то же время въ ней не было никакого отшельничества: она являлась въ свѣтъ, ѣздила на балы, и въ скромномъ своемъ нарядѣ, одной любезностью и красотою, привлекала къ себѣ толпу молодыхъ людей, которые принимали каждое ея привѣтливое слово съ радостію и благоговѣніемъ. Въ самомъ началѣ болѣзни, неизмѣвшей ничего въ себѣ значительнаго, больная уже предчувствовала свою кончину; заранѣе приготовилась къ ней и старалась приготовить свое семейство. Всякая медицинская помощь оказалась бесполезною. Больная слабѣла день отъ дня, стала впадать въ безпамятство, въ продолженіи котораго она или бесѣдовала съ незримыми для другихъ посѣтителями, или пѣла божественныя пѣсни. Всегда чудный ея голосъ получилъ въ это время необыкновенную силу, и торжественные его звуки разносились по цѣлой улицѣ, такъ что толпы народа собирались передъ растворенными окнами ихъ дома: окна были раскрыты отъ нестерпимаго лѣтняго зноя. Народъ, зная, что поетъ умирающая, плакалъ отъ умиленія и молился; а множество облагодѣтельствованныхъ ею нищихъ стояли день и ночь на колѣняхъ, возсылая горячія мольбы къ Богу о восстановленіи здравія болящей. Вся набережная была до такой степени полна народа, что полиція должна была разгонять его, для проѣзда экипажей. Болѣзнь долго тянулась; отецъ подробно описалъ послѣднія минуты своей дочери, ея прощанье съ семействомъ и со всѣми окружающими, ея кроткія желанія и просьбы, ея мудрыя наставленія и радостное стремленіе къ лучшей жизни. Отецъ самъ одѣвалъ умершую свою дочь въ приготовленное ею заранѣе платье, самъ клалъ ее въ гробъ, выносилъ въ церковь и отнесъ на кладбище; ни малѣйшаго ропота не произнесъ его языкъ, и вся душа была исполнена благоговѣйной радости и покорности волѣ Божіей. — Мой отецъ, мать и я обливались слезами, слушая эту повѣсть, а старикъ Руба-

новскій улыбался и говорилъ : « Вы можете плакать, а я долженъ радоваться и благодарить Бога! »

Когда Рубановскій уѣхалъ, мы долго сидѣли втроемъ и говорили о чудной кончинѣ его дочери, необыкновенной твердости отца и преданности волѣ Божіей. Когда прошла живость перваго впечатлѣнія и успокоились мои раздраженные нервы, я осмѣлился сказать, что мнѣ не по душѣ такая не человѣческая, ветхозавѣтная твердость, что можно покоряться волѣ Божіей безъ фанатизма, платя въ то же время полную дань своей человѣческой природѣ. Я прибавилъ, что Рубановскій безпрестанно представлялся мнѣ Авраамомъ, готовымъ закласть Исаака по гласу Іеговы, и что я, слушая его, часто чувствовалъ невольный ужасъ. Со мной никто не спорилъ, и только мать сказала: «Мы не можемъ судить объ этомъ дѣлѣ, потому что мы плохіе христіане!»

Когда семейство мое уѣхало, и я остался служить въ Петербургѣ, я продолжалъ посѣщать Рубановскихъ и, согласно ихъ требованію, обѣдалъ у нихъ каждое воскресенье. Я познакомился съ остальнымъ семействомъ, которое состояло изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку, и былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенная противоположность своему суровому, но высоко нравственному отцу: онъ былъ убитъ въ 1812-мъ году.

За первымъ же обѣдомъ, я насмѣшилъ своихъ хозяевъ: узнавъ вовсе неожиданно, что они живутъ въ домѣ Ломоносова, я вскрикнулъ отъ радостнаго изумленія и едва не выскочилъ изъ-за стола. Съ юношескимъ увлеченіемъ принялся я ораторствовать, что жить въ домѣ Ломоносова, этого великаго Русскаго генія—истинное счастье; что домъ его надобно бы сохранить, какъ памятникъ во всей его неприкосновенности; что всякій Русскій долженъ проходить мимо него съ непокрытой головой (что я въ послѣдствіи всегда и дѣлалъ). Всѣ смѣялись, говорили, что домъ прескверный, и еще болѣе подстрекнули мою восторженность, сказавъ, что нѣкоторая мебель, принадлежавшая нѣкогда Ломоносову, сохранилась и теперь, что въ кабинетѣ стоитъ письменный

столъ, забрызганный чернилами съ пера Ломоносова.... Этого было довольно. Я едва могъ дожидаться конца обѣда, попросилъ позволеніе пойти въ кабинетъ хозяина, и принялся цѣловать чернильные пятна на довольно неуклюжемъ, полукругломъ дубовомъ столѣ. Хозяева послѣдовали за мной и общій смѣхъ усилился. Старикъ Рубановскій, желая охладить мою горячность, сказалъ мнѣ съ насмѣшкою, что когда онъ занялъ этотъ домъ, то ему точно сказали, что письменный столъ принадлежалъ Ломоносову, что это можетъ быть и правда, но что чернильные пятна вѣроятно новѣйшаго происхожденія; что послѣ Ломоносова, хозяевъ перебывало здѣсь много, и что всякій, безъ сомнѣнія, и мылъ и скоблилъ, а потомъ пачкалъ этотъ столъ. «Да и за что такое поклоненіе г-ну Ломоносову? Конечно, есть и у него достойные похвалы стихи, какъ на примѣръ: «Размышленіе о Божіемъ величїи,» и «Ода къ Іову»; но поэма г-на Хераскова «Владиміръ» содержитъ въ себѣ несравненно болѣе христіанскихъ истинъ, полезныхъ и душеспасительныхъ для человѣка.» Оскорбленный за Ломоносова до глубины души, я имѣлъ неосторожность очень рѣзко высказать свое мнѣніе о Херасковѣ, гдѣ досталось и христіанскимъ истинамъ, такъ пошло и безжизненно вставленнымъ въ поэмѣ Хераскова. Лице моего хозяина исказилось отъ гнѣва; онъ злобно и съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «теперь я вижу, какія мысли и правила внушены вамъ вашими воспитателями». Съ тѣхъ поръ старикъ не влюбилъ меня, и я никогда не пользовался его полнымъ расположеніемъ, хотя, въ послѣдствїи, я былъ всегда остороженъ и старался не говорить ему ничего непрїятнаго.

Въ воскресенье у Рубановскихъ садились обыкновенно за столъ не въ часъ, а въ два часа, потому что, кромѣ меня, почти всегда бывало у нихъ человѣка три изъ людей коротко имъ знакомыхъ; всего чаще бывали: Александръ Григорьевичъ Черевинъ и Александръ Петровичъ Мартыновъ, мой землякъ. Я замѣчалъ иногда, что между ними и хозяиномъ была какаютто особенная связь, и что они часто изъ недоговоренныхъ фразъ хорошо понимали другъ друга, но я не обращалъ на это большаго вниманія. Анна Ивановна приняла меня

въ свою особенную благосклонность, и одинъ разъ, когда я сидѣлъ, послѣ обѣда, въ кабинетѣ у старика, именно съ Черевиннымъ и Мартыновымъ, и, признаться, скучалъ, особенно потому, что неясно понималъ, о чемъ они говорили, хозяйка позвала меня въ гостиную, гдѣ она обыкновенно сидѣла со старшей дочерью (меньшая была больная). Анна Ивановна вязала тонкій и со стрѣлками чулокъ, а дочь всегда дѣлала восковые цвѣты. «Посидите со мной, сказала Анна Ивановна, поговоримте о вашемъ семействѣ, объ Уфѣ,» и махнувъ рукой, прибавила: «пусть они на просторѣ толкуютъ о своемъ дѣлѣ.» Я замѣтилъ это выраженіе, но въ чемъ состояло дѣло, не понималъ; спросить же мнѣ показалось неприличнымъ. Вскорѣ однако всё для меня объяснилось. Пав. Петр. Мартыновъ, родной братъ Мартынова, часто бывавшаго у Рубановскихъ, служившій въ Измайловскомъ полку, при первомъ свиданіи, открылъ мнѣ глаза: старикъ Рубановскій и двое гостей, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, были Масоны или Мартинисты, а А. Ѳ. Лабзинъ, о которомъ я часто слышалъ, былъ великій братъ и начальникъ этой секты. Мартыновъ съ смѣхомъ разсказалъ мнѣ объ ихъ собраніяхъ, о пѣвнн непонятныхъ стиховъ, и о разныхъ церемоніяхъ и испытаніяхъ, съ которыми принимаютъ они новыхъ членовъ. Сказалъ, что они и его хотѣли завербовать, но что ему, какъ человѣку военному и неученому, некогда было заниматься пустяками.

Поговоривъ такимъ образомъ и посмѣявшись надъ чудаками, мы отправились къ родному дядѣ Мартынова и моему крестному отцу, Д. Б. Мертваго. Мартыновъ немедленно разсказалъ ему, что просвѣтилъ мое недоумѣнье на счетъ Рубановскихъ и прочей ихъ братіи, и прибавилъ, что онъ боится «какъ бы они не завербовали земляка», т. е. меня. Мертваго разсмѣялся и сказалъ: «чего добраго! Не поддавайся, братъ. Всё это пустяки! Рубановскіе—это честные пуритане; но нельзя этого сказать обо всѣхъ: есть такіе, которые въ мутной водѣ рыбу ловятъ. Они приберутъ тебя къ рукамъ; будутъ ѣздить на тебѣ верхомъ». Я посмѣшилъ увѣрить своего крестнаго отца, что питаю непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ тайнымъ обществамъ, ко всему мистическому, темному и непонятному

Мертвого сказалъ, что онъ очень этому радъ — и мы разстались.

Съ этихъ поръ, я уже совсѣмъ другими глазами сталъ смотрѣть на старика Рубановскаго и на его посѣтителей, которые почти всѣ принадлежали къ Массонскому братству; внимательно сталъ прислушиваться къ ихъ разговорамъ, и сталъ многое понимать, казавшееся мнѣ прежде непонятнымъ. Книги съ мистическимъ направлениемъ были мнѣ давно извѣстны, я зналъ даже и «Сіонскій Вѣстникъ», издаваемый Лабзиннымъ, который всегда подписывался двумя буквами У. М., т. е. «Ученикъ Массонства», или Θεοπεμπτή Μισαίλωφ. (1) Но я всегда былъ до нихъ большой неохотникъ. Я любилъ все ясное, прозрачное, легко и свободно понимаемое; трудъ и сухость отвлеченной мысли были мнѣ скучны и тяжелы, и я, по молодости и легкомыслию, — все, непонимаемое мною, называлъ неимѣющимъ смысла. Мнѣ однако пришлось вновь заглянуть въ эти темныя книги: однажды, старинъ Рубановскій, разговаривая о нихъ съ другими гостями, вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «читалъ ли я Путешествіе Младшаго Костиса отъ востока къ полудню?» (именно объ этой книгѣ шелъ разговоръ.) Я отвѣчалъ, что читалъ, но что она показалась мнѣ темною. Обыкновенная въ такихъ случаяхъ, саркастическая улыбка искривила ротъ старика, и онъ значительно посоветовалъ мнѣ: вновь прочесть темную книгу, а если для меня что-нибудь покажется непонятнымъ, то онъ беретъ растолковать мнѣ. Желая похвастаться, что мнѣ не чуждо, а знакомо направление мистическихъ сочиненій, я сказалъ Рубановскому, что еще въ первый годъ моего студенства я подписался на книгу «Приключенія по смерти Юнга Штиллинга», въ трехъ частяхъ, и что даже имя мое напечатано въ числѣ подписавшихся. Рубановскій очень удивился, и какъ будто

(1) Извѣстная комедія Бомарше: «Жеңятаба Фигаро» была переведена Лабзиннымъ и напечатана съ большимъ предисловіемъ отъ переводчика, подписаннымъ буквами: У. М. Переводчикъ горько защищаетъ въ немъ противъ замѣчаній какого-го рецензента, и презаноситъ похваляемъ игру двухъ Москвитинихъ актрисъ, сестеръ Сидявскихъ.

ле совсѣмъ повѣрилъ мнѣ. Я это почувствовалъ и попросилъ позволеніе принести книгу изъ его кабинета: я замѣтилъ ее лежащую на полкѣ, устроенной во всю стѣну, гдѣ помѣщалась библіотека хозяина. Онъ поспѣшилъ сказать, что вѣрить мнѣ безъ справокъ, но что книгу я могу взять, если хочу. Я принесъ книгу: «Приключенія по смерти» и захватилъ: «Путешествіе Младшаго Костиса». Я показалъ свое имя въ числѣ весьма не многихъ подписчиковъ, и, развернувъ «Младшаго Костиса», остановился на первомъ, попавшемся мнѣ мѣстѣ, и просилъ объясненія слѣдующихъ строкъ: «Цѣль есть блаженство цѣлаго. Самодѣтельность или воля чело-вѣческая должна состоять подъ непремѣнными законами чистѣйшаго ума. Сей же чистѣйшій умъ есть Творецъ всѣхъ вещей. Натура есть *Ego уложеніе*, книга законовъ, въ которой Онъ иден свои изобразилъ буквами, кои разумъ чело-вѣческой разумѣть и знать долженъ.» Хотя надобно признаться, что въ этихъ словахъ можно добратъ до нѣкотораго смысла; но я притворился, что вовсе ихъ не понимаю, и Рубановскій принялся объяснять мнѣ таинственное значеніе «идей, изображенныхъ буквами, кои разумъ чело-вѣческой разумѣть долженъ». Старикъ совершенно запутался; Черевинъ съ Мартыновымъ поспѣшили къ нему на помощь; но какъ имъ нельзя было рѣзко противорѣчить хозяину, то изъ этого вышла еще большая путаница, и мнѣ не трудно было, указавъ на противорѣчіе въ ихъ объясненіяхъ, сбить моихъ противниковъ съ поля. Я опять развернулъ «Костиса» и на страницѣ 129 прочелъ слѣдующее: «Любовь, истина и премудрость составляютъ корону Царя. Законъ, средство и цѣль—скипетръ его. Одежда жрецовъ—добродѣтель, жертвенникъ—воля, жертва—побѣда надъ страстями, куренія—дѣянія наши.» Видя, что здѣсь побѣда будетъ для меня легче, Черевинъ и Мартыновъ предупредили старика Рубановскаго и пустились въ объясненія еще болѣе темныя и непонятныя, чѣмъ самый текстъ, который слѣдовало объяснить. Я сейчасъ остановилъ и сконфузилъ ихъ, сказавъ имъ, что во всѣхъ спорахъ первымъ условіемъ должно быть ясное пониманіе языка, которымъ говорятъ говорящіе, что ихъ языкъ для меня Китайскій, и въ доказательство, повторилъ

и въкоторыя ихъ выраженія. Они сами чувствовали правду моихъ словъ, и мнѣ казалось, что Черевинъ самъ былъ готовъ расхохотаться надъ собою. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, я предложилъ мое собственное объясненіе, которое тутъ же пришло мнѣ въ голову и которое хотя имѣло только наружный смыслъ, но, право, было не хуже ихъ объясненій, и сверхъ того было очень забавно. Я крѣпко озадачилъ и хозяина и гостей, что было мнѣ очень приятно. Не умѣя настоящимъ образомъ опровергнуть меня, старый Мартинишъ осердился и съ досадою сказалъ, что если такимъ образомъ читать этѣ книги и позволять себѣ такія лжетолкованія, то лучше ихъ не читать. Я поспѣшилъ успокоить его, что не считаю моего объясненія удовлетворительнымъ, что я сказалъ такъ, только то, что пришло мнѣ въ голову, и что можетъ придти въ голову другимъ. Я общалъ внимательно прочесть этѣ обѣ книги и попросить у Рубановскаго объясненій на всё, чего не пойму; на это Рубановскій съ радостію согласился. Я сейчасъ почувствовалъ, что увлекся и зашелъ слишкомъ далеко, зашелъ именно туда, куда не хотѣлъ идти. Скука читать этѣ противныя мнѣ книги, скука добираться въ нихъ до какаго нибудь смысла, я еще бѣльшая скука—не совсѣмъ искренно толковать объ этомъ съ Рубановскимъ, представилась живо моему воображенію, и я дорого бы заплатилъ за то, чтобъ воротить слова, сорвавшіяся съ моего болтливаго языка: но уже было поздно. Это не только огорчило, даже опечалило меня, и я поспѣшилъ проститься съ хозяевами ранѣе обыкновеннаго, взявъ однако съ собою обѣ книги, т. е. «Путешествіе Младшаго Костиса» и «Приключенія по смерти», на которыя я смотрѣлъ теперь даже съ какою-то ненавистью. Вся сцена происходила въ гостиной, въ присутствіи Анны Ивановны, которая посматривала на меня съ улыбкой. Когда я прощаюсь, цѣловалъ ея руку, она шепнула мнѣ на ухо: «Ну что, попались?» И мнѣ стало еще досаднѣе на себя; старикъ же Рубановскій и его гости, переглянувшись значительно между собой, простились со мной съ бѣльшимъ вниманіемъ противъ прежняго. Хозяинъ—съ особеннымъ благоволеніемъ, а гости—съ особенной лаской и дружбой.

Какой я дуракъ, думалъ я, идя поспѣшно домой! Какой чортъ дернулъ меня зайти въ этотъ безысходный лабиринтъ, всегда мнѣ противный. Глупое самолюбіе! Хотѣлось похвастаться, что мнѣ знакомы мистическія книги! Вотъ теперь и возись съ ними. А что всего хуже: я поселилъ надежду въ Рубановскомъ съ его братіей—затащить и меня въ ихъ общество. Такія мысли ронились у меня въ головѣ и умножали мою досаду на самаго себя; но увы, позднее раскаяніе ничему не помогало.—Воротясь домой, я нашелъ записку, которая мгновенно выгнала у меня изъ головы всѣхъ Мартинистовъ, со всѣмъ ихъ мистицизмомъ. Записка была отъ университетскаго моего товарища, который нѣкогда имѣлъ на всѣхъ насъ сильное вліяніе смѣлостью своего духа и крѣпостью воли, о которомъ я не одинъ разъ говорилъ въ моихъ «Воспоминаніяхъ.»—«Любезный другъ Аксаковъ!» писалъ онъ, «вчера привезъ меня раненаго изъ Финляндіи, въ своей каретѣ, также раненый вмѣстѣ со мною, благодѣтельный Генералъ Сабанѣвъ, при полку котораго я состою съ моими орудіями (¹). Алехинъ мнѣ сказалъ, что ты здѣсь; покуда я остановился у Алехина.

Твой, Петръ Балясниковъ.»

Алехинъ былъ нашимъ товарищемъ въ гимназіи, но онъ не былъ студентомъ, по весьма печальному обстоятельству, признанному за какой-то бунтъ противъ начальства, по милости глупаго дирекгора. Алехинъ находился въ числѣ пятерыхъ лучшихъ воспитанниковъ, исключенныхъ изъ гимназіи (²). Это былъ человѣкъ съ живымъ, острымъ умомъ, веселымъ характеромъ и съ самыми разнообразными и блистательными дарованьями: онъ былъ талантливый стихотворецъ и прозаикъ, математикъ и рисовальщикъ. Выключенный или выгнанный изъ гимназіи, онъ опредѣлился въ военную службу солдатомъ, и въ настоящее время служилъ артиллерійскимъ поручикомъ и состоялъ адъютантомъ при

(¹) Генералъ Сабанѣвъ командовалъ тогда, послѣ Барклая де Толли, 2-мъ Егерскимъ полкомъ. Онъ блистательно отличился въ эту компанію.

(²) Это обстоятельство рассказано мною подробнѣе въ моихъ «Воспоминаніяхъ» во «Второмъ» періодѣ гимназіи.»

генералъ Капцевичъ, директоръ канцеляріи Военнаго Министерства и любимецъ всемогущаго тогда Военнаго Министра Аракчеева; у него-то остановился нашъ раненый товарищъ. Само собою разумѣется, что, черезъ нѣсколько минутъ, я уже обнималъ Баяснникова. Онъ былъ не опасно, но тяжело раненъ: Шведская пуля засѣла у него въ ногѣ пониже колѣнки, между костями, по счастью не раздробивъ ихъ. Военные армейскіе доктора нашли невозможнымъ вынуть пулю, и отправили раненаго для леченія въ Петербургъ. Съ особеннымъ чувствомъ дружбы и уваженія смотрѣлъ я на мужественное, исхудавшее и загорѣвшее лице моего школьнаго товарища. Это было уже не слово, а дѣло! Это былъ уже не театральнй герой, представлявшій на нашей университетской сценѣ раненаго офицера съ подвязанной рукой; это былъ въ дѣйствительности храбрый воинъ, только что сошедшій съ поля битвы, страдавшій отъ дѣйствительной раны, не дававшей ему покоя, ни днемъ, ни ночью. Почти до утра просидѣли мы втроемъ, то есть, я, Баяснниковъ и Алехинъ. Не было конца задушевыимъ разговорамъ, воспоминаніямъ и рассказамъ. Забывая боль отъ раны, всѣхъ болѣе говорилъ и рассказывалъ Баяснниковъ, да ему и было что рассказывать. Онъ превозносилъ похвалами Шведовъ и называлъ ихъ благороднѣйшей націей: офицеры были образованы и мужественны, солдаты храбры и честны; всѣ дрались отчаянно и каждыі клочекъ земли уступали послѣ упорнаго боя. Надобно сказать, что Шведская война не возбуждала сочувствія въ публикѣ. Мы начали ее вслѣдствіе Тильзитскаго мира, по приказанію Наполеона, и это оскорбляло нашу народную гордость. По превосходству нашихъ силъ и по храбрости войскъ, мы конечно должны были завоевать Финляндію, но и самая побѣда была безславна. Кровное родство нашей царствующей Императрицы, всѣми искренно любимой, съ королевой Шведской, еще болѣе возбуждало нерасположеніе къ этой войнѣ. Я живо помню грустное и горькое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня военный парадъ, устроенный 'около памятника Петра Великаго, по случаю какой-то побѣды. Каково было видѣть это торжество и слушать благодарственныя пѣнье: «Тебе Бога

хвалимъ» нашей кроткой Императрицѣ, горячо любившей свою сестру, Шведскую королеву! Я и теперь вижу ее блѣдную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, подавленную тягостью своего державнаго сана, стоящую у подножія исполинскаго монумента. Понятно, что послѣ этого рассказы Балясникова о войнѣ и храбрости Шведовъ возбудили мое сочувствіе къ этому народу, и возмутили меня до глубины души. На другой день или лучше сказать, въ тотъ же день, потому что уже разсвѣтало, Балясниковъ намѣревался явиться къ военному министру и настоятельно просить, чтобъ немедленно вынули пулю изъ его ноги и дали ему возможность скорѣе возвратиться къ дѣйствующей арміи. Алехинъ предупреждалъ его, что Аракчеевъ человекъ страшный, что съ нимъ надо поступать осторожно, но Балясниковъ разсмѣялся и сказалъ намъ: «А вотъ увидите, какъ я поступлю съ нимъ! Да еще и денегъ возьму съ него! Я не хочу стѣснять товарища и не давать ему спать по ночамъ своими стенами; я хочу жить на своей собственной, хорошей, удобной квартирѣ! Прощайте!» Онъ ушелъ за перегородку, гдѣ ему была приготовлена постель, и мы разстались.

Воротаясь домой и уснувъ нѣсколько часовъ, я отправился въ Комиссію составленія законовъ, гдѣ служилъ переводчикомъ. Я успѣшилъ отдѣлаться отъ директора Комиссіи, Розенкампа, и часу въ 1-мъ былъ уже на квартирѣ Алехина. Онъ и Балясниковъ еще не возвращались изъ Военнаго Министерства. Впрочемъ, я не долго ожидалъ ихъ. Съ громомъ подкатила карета, запряженная четверней отличныхъ лошадей, остановилась у калитки квартиры Алехина; лакей въ богатой военной ливреѣ отворилъ дверцы кареты, изъ которой выскочилъ Алехинъ, и, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ лакеемъ, высадилъ Балясникова. Поддерживая раненаго подъ руки, они ввели его въ скромную комнату, гдѣ я встрѣтилъ ихъ съ вытаращенными отъ изумленія глазами. Балясниковъ сухо сказалъ: «Скажи, что я благодарю министра.» Лакей поклонился, вышелъ и карета усакала. Балясниковъ былъ совершенно спокоенъ. Сейчасъ легъ на единственный диванъ, положилъ ногу на его боковую ручку (въ этомъ положеніи боль отъ раны была сноснѣе) и сказалъ Алехину:

«Ну, расскажи все Аксакову, а я усталъ.» Лице Алехина было очень весело, и прекрасные глаза его сверкали отъ удовольствія. «Ну, Аксаковъ, началъ онъ, дорого бы я далъ, чтобъ ты былъ свидѣтелемъ всего, что происходило сейчасъ у Аракчеева! Мы прѣехали вмѣстѣ; я оставилъ Баласникова въ пріемной, въ толпѣ просителей, и побѣждалъ съ бумагами къ министру, потому что мой генералъ боленъ, а въ такихъ случаяхъ я докладываю лично Аракчееву. Не успѣлъ я доложить и половины бумагъ, какъ входитъ дежурный ординарецъ и говоритъ, что раненый гвардейскій Русскій офицеръ, только что прѣхавшій изъ дѣйствующей арміи, проситъ позволеніе явиться къ его высоко-превосходительству: «Скажи, братецъ, г-ну раненому офицеру, сердито сказалъ Аракчеевъ, что я занятъ дѣломъ: пусть подождетъ». Я очень смутился. Начинаю вновь докладывать и слышу громкіе разговоры въ пріемной, и узнаю голосъ Баласникова. Черезъ нѣсколько минутъ, входитъ опять тотъ же ординарецъ и говоритъ: «Извините, ваше высокопревосходительство, раненый офицеръ неотступно требуетъ доложить вамъ, что онъ страдаетъ отъ раны и ждать не можетъ, и не вѣрится, чтобъ Русскій военный министръ заставилъ дожидаться Русскаго раненаго офицера». Я обмеръ отъ страха, Аракчеевъ поблѣднѣлъ, что всегда означало у него припадокъ злости. «Пусть войдетъ», сказалъ онъ глухимъ, похожимъ на змѣиное шипѣніе, голосомъ. Двери растворились и Баласниковъ, на клюкъ, вошелъ медленно и спокойно. Слегка поклонясь министру, онъ прямо и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Аракчеевъ какъ будто смутился и уже не такимъ сердитымъ голосомъ спросилъ: «что вамъ угодно?» «Прежде всего, мнѣ угодно сѣсть, ваше высокопревосходительство, потому что я страдаю отъ раны и не могу стоять», равнодушно сказалъ Баласниковъ. Съ этими словами онъ взялъ стулъ, сѣлъ и продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ: «Потомъ мнѣ нужна ваша помощь, г. министръ; Шведская пуля сидитъ у меня въ ногѣ, ее надобно вынуть искусному доктору, чтобы я могъ немедленно отправиться въ армію. Наконецъ, мнѣ нуженъ спокойный уголъ, мнѣ надобно ѣсть и пить, а у меня нѣтъ ни гроша». Все это было сказано

тихо, но твердо и какъ-то удивительно благородно. Ну какъ ты думаешь, что сдѣлалъ Аракчеевъ? Я думалъ, что онъ съѣстъ Балясникова; но онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «вели сейчасъ выдать триста рублей этому офицеру, вели послать записку къ Штофрегену (придворный лейб-медикъ), чтобъ онъ сегодня же осмотрѣлъ его рану и донесъ мнѣ немедленно, въ какомъ находится она положеніи. Я поручаю этого офицера твоему попеченію: найми ему хорошую квартиру, прислугу и позаботься объ его столѣ; какъ скоро деньги выдутъ, доложи мнѣ; а теперь возми мою карету и отвези г-на офицера домой.» — «Онъ остановился у меня, ваше высокопревосходительство, онъ мой товарищъ,» осмѣлился я сказать, «я отвезу его и сію минуту ворочусь.» — «Тѣмъ лучше; но возвращаться не нужно, я велю другому доложить глупыя бумаги твоего генерала.» Мы поклонились, вышли, взяли министерскую карету и прискакали сюда, какъ самъ ты видѣлъ. Ну братъ, это было какое-то волшебство, какое-то чудо! Балясниковъ — колдунъ! Велика важность, что есть люди, которые заговариваютъ ядовитыхъ змѣй. Нѣтъ, поди-ка заговори Аракчеева! Вѣдь онъ страшнѣе всякаго звѣря». Алехинъ не былъ студентомъ вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, и потому мало зналъ Балясникова, который былъ гораздо его моложе; но я зналъ Балясникова хорошо. Наша студентская жизнь воскресла передо мною. Прежде всего я принялся хвалить Аракчеева и доказывать, что совершенно дурной человѣкъ неспособенъ къ такому поступку, а потомъ рассказалъ Алехину, какую нравственную власть имѣлъ Балясниковъ надъ студентами, и въ доказательство привелъ слѣдующее происшествіе, пришедшее мнѣ на память. Случилось однажды, что казенный студентъ, П-въ, былъ сильно заподозренъ, но не уличенъ въ поступкѣ весьма не благовидномъ; а какъ онъ упорно заперся, то подозрѣніе пало на другаго студента, совершенно невиннаго, по общему нашему убѣжденію. Балясникову это было досадно и онъ сказалъ намъ: «пойдемте, господа, я при васъ допрошу П-ва, онъ у меня признается во всемъ». И сопровождаемый толпою товарищей, въ числѣ которыхъ былъ и я, онъ пришелъ въ комнату виноватаго, который сидѣлъ на своей

кровати и занимался любимымъ своимъ дѣломъ: рѣзкою на кости, въ чемъ былъ большой искусникъ. Баясниковъ подошелъ къ нему одинъ, а мы стояли отдѣльною толпою вокругъ нихъ; Баясниковъ принялъ величавое положеніе, сложилъ на груди руки и, молча, нѣсколько времени смотрѣлъ на П-ва; взглядъ голубыхъ, устремленныхъ глазъ Баясникова, по истинѣ имѣлъ въ себѣ что-то пронзительное. Я самъ видѣлъ, что П-въ и краснѣлъ и блѣднѣлъ, хотя, не поднимая глазъ, повидимому, пристально занимался своей работой. Наконецъ Баясниковъ грозно и повелительно сказалъ: «Господинъ П-въ, извольте бросить ваше занятіе, товарищи пришли судить васъ.» П-въ оторопѣлъ, бросилъ свою кость и ножичекъ, и всталъ съ постели. «Посмотрите-ка, мнѣ въ глаза, продолжалъ Баясниковъ тѣмъ же грознымъ голосомъ. Погляжу я, какъ вы запретесь? Сейчасъ извольте признаваться; вы сдѣлали поступокъ, который мараеетъ всѣхъ насъ?»..... и П-въ, едва взглянувъ на Баясникова, какъ въ ту же минуту дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ: «Я».—Онъ самъ послѣ говорилъ, что далъ клятву себѣ—не признаваться, что онъ не понимаетъ, какая невѣдомая сила заставила его признаться.

Покуда я рассказывалъ, Баясниковъ, лежа на диванѣ, съ поднятой вверхъ ногою, съ костылемъ подъ головой, за который держался онъ обѣими руками, смѣялся и удивлялся, что я такъ хорошо помню это происшествіе. «Но ты забылъ, сказалъ онъ, когда я кончилъ, что мы, съ общаго согласія назначили наказаніе П-ву, и что онъ смиренно ему покорился.» Я отвѣчалъ, что очень хорошо помню. Алексинъ былъ изумленъ: онъ также хорошо помнилъ непреклонное упрямство П-ва, котораго зналъ въ гимназіи. Мои рассказы вразумили Алексина, что за человѣкъ былъ Баясниковъ, и онъ уже не такъ дивился его успѣху, при встрѣчѣ съ Аракчеевымъ.

Поболтавъ еще нѣсколько времени и порадовавшись счастливому исходу, не всегда сопровождающему смѣлые поступки, мы, по настоящему желанію Баясникова, въ тотъ же день, наняли ему прекрасную квартиру въ Итальянской слободкѣ: три отдѣльныя комнаты, хорошо меблированныя, въ нижнемъ этажѣ деревяннаго дома, за двадцать

пять рублей ассигнаціями въ мѣсяць. Хозяйка, потенная старушка, съ удовольствіемъ вызвалась сама ухаживать за раненымъ, а одинъ изъ ея лакеевъ нанялся ему служить, и Балясниковъ въ тотъ же день почевалъ на новой своей квартирѣ.

На другой же день по утру, Штофрегень пріѣхалъ къ Балясникову. Внимательно осмотрѣлъ и ощупалъ его рану и сказалъ, что теперь пулю нельзя вынуть, а надобно подождать, когда она опустится и выйдетъ изъ сосѣдства костей. Онъ прописалъ какую-то мазь или примочку, и это лекарство чудесно помогло Балясникову. Онъ почти пересталъ страдать отъ своей раны. Его хозяйка, потерявшая сына подъ Аустерлицемъ, съ перваго взгляда полюбила своего постояльца, какъ роднаго, и сейчасъ же принялась ухаживать за нимъ со всею нѣжностью и умѣньемъ женской заботливости.

Прошла почти недѣля, а я и не заглядывалъ ни въ «Младшаго Костиса», ни въ «Приключенія по смерти», даже забылъ о нихъ. Несмотря на то, по завешенному порядку, въ воскресенье я отправился обѣдать къ Рубановскимъ. Старикъ сейчасъ спросилъ меня о книгахъ, и очень наморщился, когда я отвѣчалъ, что не имѣлъ времени заглянуть въ нихъ. Всѣ мои рассказы о раненомъ товарищѣ, объ его свиданіи съ Аракчеевымъ, о нашихъ задушевныхъ бесѣдахъ про гимназію и университетъ — не извиняли меня въ глазахъ неумолимаго хозяина. Онъ терпѣть не могъ Аракчеева, а Балясникова все таки называлъ бунномъ, котораго слѣдовало бы лечить на гауптвахтѣ. «Нѣтъ, милостивый государь мой, сказалъ Рубановскій съ злобной ироніей, еслибъ у васъ было желаніе, то вы бы не только сами, но и товарищамъ своимъ прочли этѣ книги; какъ военные люди, они вѣрно и не слыхивали о нихъ.» Я отвѣчалъ довольно рѣзко, что мнѣ было не до мистическихъ книгъ; но сказалъ, что къ будущему воскресенью прочту непременно обѣ книги. Старикъ былъ недоволенъ. Я замѣтилъ, что Анна Ивановна уже въ другой разъ проходитъ мимо кабинета, и какъ-то значительно въ него заглядываетъ. Я поспѣшилъ поздороваться съ нею и ушелъ изъ кабинета. Надобно предвари-

тельно сказать, что хозяйка, съ каждымъ посѣщеніемъ моимъ, показывала мнѣ болѣе и болѣе своего благорасположенія и даже довѣренности. Мы усѣлись на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ въ гостинной, и она поспѣшила предупредить меня, что сегодня послѣ обѣда будетъ у нихъ Лабзинъ, что меня представляютъ ему, и что если я ему понравлюсь, то онъ пригласитъ меня къ себѣ и на домашній спектакль, который скоро будетъ въ домѣ Черевина; что она очень хорошо видитъ ихъ намѣреніе завлечь меня въ общество, котораго она терпѣть не могла, и при этомъ случай, откровенно и неблагоклонно выражалась обо всѣхъ его членахъ, называя однихъ сумашедшими, а другихъ дураками. Сквозь всю эту женскую болтовню, я увидѣлъ настоящую причину ея гнѣва: Черевинъ былъ красивый богатый женихъ и достойный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Анна Ивановна желала, чтобъ онъ больше обращалъ вниманья на ея дочь, чѣмъ на масонскія засѣданія и книги. Анна Ивановна даже выболтала мнѣ, что Черевинъ сначала показывалъ большое расположеніе къ ея Лизѣ; но что Лабзинъ, которому всѣ они послушны какъ дѣти, отвлекаетъ его отъ этого намѣренія, и хочетъ женить, и непременно женить, на своей воспитанницѣ, Катеринѣ Петровнѣ, которую она ненавидѣла и всегда называла Катькой. Я, разумѣется, очень искренно благодарилъ мою почтенную покровительницу за ея довѣренность ко мнѣ и предостереженіе. Я увѣрялъ ее, что не поддамся никакимъ оболъщеніямъ, чему однако она не очень вѣрила. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ обѣда, пріѣхалъ Лабзинъ. Старикъ Рубановскій, у котораго сейчасъ просвѣтлѣло лице, немедленно представилъ меня великому брату и начальнику, какъ сына старинныхъ своихъ друзей, какъ молодаго человека неспорченныхъ нравовъ, подающаго добрыя надежды. Лабзинъ былъ средняго роста и крѣпкаго сложенія: выразительныя черты лица, орлиный взглядъ темныхъ, глубоко-знаменательныхъ глазъ, и голосъ, въ которомъ слышна была привычка повелѣвать, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Въ обращеніи онъ былъ совершенно простъ и любилъ употреблять рѣзкія, такъ называемыя тривіальныя или простонародныя выраженія, какъ наприимѣръ: выцара-

пять глаза, заткнуть за пояс, разодрать глотку и т. п., отъ которыхъ Анна Ивановна всегда морщилась, и при употребленіи которыхъ, всегда выразительно взглядывала на меня. Сейчасъ можно было замѣтить, что Александръ Федоровичъ Лабзинъ человекъ необыкновенно умный, властолюбивый, пылкій по природѣ, но умѣющій владѣть собою. Въ разговорахъ, онъ ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего исключительнаго, мистическаго направленія, онъ не касался никакихъ духовныхъ предметовъ, а очень весело, остроумно, не скупясь на эпиграммы, разсуждалъ о дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ; сейчасъ заговорилъ со мною о театрѣ, и очень искусно заставилъ меня высказать все мое увлеченіе и всѣ мои задушевныя убѣжденія въ высокомъ значеніи истиннаго артиста и театрального искусства вообще. Я такъ бойко разговорился, какъ никогда не говаривалъ у Рубановскихъ и всѣ они, а также и обыкновенные посѣтители ихъ, Черевинъ и Мартыновъ, смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Лабзинъ повернулъ разговоръ на литературу, и я не замедлилъ, съ такой же горячностью, высказать мои понятія и взгляды, и мое Русское направленіе въ словесности и вообще въ образѣ мыслей. Лабзинъ повидимому былъ очень доволенъ мною, расхвалилъ, обласкалъ меня, звалъ къ себѣ и пригласилъ на свой домашній спектакль къ Черевину, а вмѣсто билета далъ мнѣ печатную афишку. Въ обращеніи его съ «братьями» слышенъ былъ тонъ господина, а «братья», не исключая и старика Рубановскаго, относились къ нему почтительно, какъ будто къ существу высшей природы. Наконецъ Лабзинъ уѣхалъ, хозяинъ проводилъ его до лакейской и, какъ видно, что-то говорилъ съ нимъ, потому что не вдругъ воротился; когда же онъ вошелъ къ намъ въ гостинную, лицо его свѣтилось отъ удовольствія; онъ съ необыкновенной благосклонностью обратился ко мнѣ, часто улыбался своей странной улыбкой и старался мнѣ внушить, что понравится Александру Федоровичу Лабзину — большое счастье. Оба гостя сдѣлались также ко мнѣ необыкновенно внимательны и ласковы, и одна только Анна Ивановна чаще нюхала табакъ и чаще поправляла свой пакрахмаленный Архангелогородскій чепчикъ.

Она была въ волненіи и чѣмъ-то очень недовольна. Не имѣя возможности остаться со мной на-единѣ, она начала ходить изъ угла въ уголъ по длинной своей гостиной. Я понялъ ея желаніе и сталъ ходить вмѣстѣ съ ней. Когда мы дошли до противоположнаго угла, она тихо сказала мнѣ: « Ну что? растаяли? Ну гдѣ вамъ устоять! Александръ Федоровичъ такой хитрецъ, что проведетъ кого угодно. Ужъ если онъ чего захочетъ, то непременно поставитъ на своемъ. Я вижу, что вы еще очень молоды. Вотъ теперь будете съ ними на театрѣ играть, станете читать ихъ книги, потомъ вступите въ члены, въ покорнѣйшіе слуги Александра Федоровича, будете вмѣстѣ съ ними пѣть за ужиномъ, а тамъ пожалуй и въ Катюку влюбитесь.....» Все это было высказано не вдругъ, а въ нѣсколько приемовъ, когда мы уходили въ противоположный уголъ. И на всѣ этѣ разорванные фразы, весьма гнѣвно высказываемыя, я едва успѣвалъ отвѣчать: « Сдѣлайте милость, не беспокойтесь..... ничего этого не будетъ..... увѣряю васъ, что я никогда не буду Мартинистомъ » и пр. Давно прошелъ часъ, въ который я обыкновенно уходилъ отъ Рубановскихъ. Я взялъ шляпу и сталъ прощаться. Старикъ дружески пожалъ мнѣ руку и напомнилъ о книгахъ; Черевинъ и Мартыновъ, противъ обыкновенія, даже обняли меня; одна Анна Ивановна гнѣвно сунула мнѣ въ губы свою костлявую руку и не поцѣловала въ щеку, какъ она, и очень ласково, дѣлывала это прежде.

Воротясь домой, я прочелъ данную мнѣ Лабзинимъ афишку; она была составлена, вѣроятно, имъ самимъ, съ большой претензіею на остроумную замысловатость. Къ сожалѣнію, я помню только одну курьезность: тамъ было сказано, что такого-то года и числа будетъ представлено « притворными » актерами, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ г-на Ильина: « Лиза или торжество благодарности » (1). Слово

(1) Эта пьеса, появившаяся на сценѣ въ 1802 году, имѣла блистательный успѣхъ, хотя была составлена очень неуклюже, не говоря уже о томъ, что дѣйствительная жизнь совершенно искажена въ ней; весь ея успѣхъ зависѣлъ отъ множества сентенцій, въ которыхъ были высказаны мысли, тогда еще новыя и какъ будто либеральныя. Въ 1808-мъ году перѣдко давали эту драму и она очень хорошо принималась публикой. Надобно замѣтить, что она была необыкновенно удачно разыграна.

« притворными », вмѣсто « придворными », какъ всегда печаталось въ обыкновенныхъ афишахъ публичныхъ Императорскихъ театровъ, конечно было довольно удачно : измѣненіе одной буквы давало совершенно противоположный и приличный смыслъ одному и тому же слову. Мнѣ особенно это понравилось потому, что на благородныхъ домашнихъ театрахъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, почти всѣ дѣйствующія лица, конечно, только притворяются, будто они актеры. Этотъ спектакль въ домѣ Черевина, на Васильевскомъ острову, шелъ, черезъ нѣсколько дней.

Мы съ Алексинимъ каждый день бывали у Балясникова но въ продолженіе этой недѣли я не могъ посвящать ему всего свободнаго времени отъ служебныхъ моихъ занятій. Я непремѣнно долженъ былъ прочесть « Путешествіе Младшаго Костиса » и « Приключенія по смерти », да еще двѣ, три книжки « Сіонскаго Вѣстника », которыми также снабдилъ меня Рубановскій. Чтеніе это было для меня невыносимо скучной работой. Я читалъ уже не съ той цѣлью, чтобы добираться до таинственнаго смысла, я читалъ съ цѣлью чисто полемическою: я отыскивалъ мѣста самыя темныя и запутанныя, и придавалъ имъ самое произвольное и даже превратное толкованье. Все это я записывалъ, чтобы выдержать схватку съ старикомъ Рубановскимъ.

Наканунѣ спектакля притворныхъ актеровъ, получилъ я записку отъ П. П. Мартынова, который, узнавъ отъ своего брата, что я приглашенъ Лабзинимъ въ спектакль, выхлопоталъ и для себя пригласительный билетъ, то есть, афишку. Лабзинъ не могъ отказать въ этомъ просьбамъ роднаго брата его, А. П. Мартынова, лучшаго актера въ ихъ труппѣ. П. П. Мартыновъ предлагалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ, въ его экипажѣ, общая и обратно довести меня до дому. Я очень охотно согласился, потому что своихъ лошадей у меня не было.

Въ назначенное время П. П. Мартыновъ пріѣхалъ за мной и мы отправились на Васильевскій островъ. Во всю дорогу мы говорили о Мартинистахъ, смѣялись и заранѣе общали себѣ много забавныхъ сценъ, особенно потому, что мы были приглашены и на ужинъ, а за ужиномъ всегда происходило

у нихъ общее пѣніе, о которомъ Мартыновъ слышалъ отъ брата. Когда мы пріѣхали, то нашли, что многіе изъ приглашенныхъ посѣтителей уже собрались. Впрочемъ, и все общество было не велико, потому что большому числу посѣтителей помѣститься было бы негдѣ: собственный, деревянный домъ Черевина былъ очень хорошъ, но не такъ великъ. Въ первой комнатѣ встрѣтилъ меня Рубановскій; лице его исказилось отъ гнѣва. Онъ грубо схватилъ меня за руку, отвелъ въ уголъ и задышающимъ голосомъ спросилъ: «Какъ, вы не были съ визитомъ у Александра Федоровича? Вы не уважили его приглашенія, и осмѣлились пріѣхать къ нему въ спектакль? Неужели вы не понимаете, какая эта невѣжливость и какое это оскорбленіе мнѣ, который рекомендовалъ васъ, какъ благовоспитаннаго, молодого человѣка?» — Я въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ, безъ всякаго оправданія; но, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, что по утрамъ я занятъ на службѣ, послѣ обѣда же пріѣхать было бы неучтиво, а потому я отложилъ свое посѣщеніе до воскресенья, т. е. до послѣ-завтра; что я все это объясню Александру Федоровичу и надѣюсь, что онъ уважитъ мои причины и извинитъ меня. Но Рубановскій не хотѣлъ слушать моихъ оправданій. «Все это вздоръ, милостивый государь, говорилъ онъ, сдерживая голосъ и подавляя свою досаду. Вы могли не ѣздить одинъ день въ вашу Коммиссію или могли попроситься у директора и уѣхать поранѣе. Я совѣтую вамъ не показываться на глаза Александру Федоровичу и сейчасъ воротиться домой». Этотъ совѣтъ разсердилъ уже меня самага; я съ твердостью отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не уѣду,—и оставя Рубановскаго, пошелъ въ гостинную. Лабзинъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, съ самымъ веселымъ и ласковымъ видомъ. Я поспѣшилъ высказать мои извиненія, но хозяинъ (Лабзинъ точно былъ хозяинъ въ домѣ Черевина) не далъ мнѣ договорить ихъ, обнялъ въ другой разъ и сказалъ: «что за вздоръ! не пустымъ визитомъ выражается уваженіе и сердечное чувство: дѣло состоитъ въ ихъ искренности, а въ вашей я не сомнѣваюсь». Въ это время Рубановскій стоялъ уже подлѣ насъ. Я обратился къ нему и сказалъ: «Не

сердитесь на меня, Василій Васильевичъ, и извините меня такъ же благодушно, какъ извиняетъ меня Александръ Федоровичъ.»—Лабзинъ взглянулъ на искаженное лице Рубановскаго, понялъ все дѣло и выразительно сказалъ: «Неужели вы разсердились на молодого человѣка за такую бездѣлицу? Въ наши съ вами года это уже неприлично. Да и вины—то тутъ никакой нѣтъ. Я даже хвалю его за точное исполненіе служебной обязанности. Помиритеcь съ нимъ.» Мгновенно разгладились морщины на лбу Рубановскаго, искривившійся ротъ пришелъ въ свое обыкновенное положеніе и онъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ: «Для Александра Федоровича, я васъ извиняю.» Вся эта сцена была довольно странна и не могла не обратить на себя вниманія общества. Я говорилъ тихо, а Лабзинъ очень громко. Очевидно было, что онъ нисколько не церемонился и что всѣ его окружающіе были его почитатели и покорнѣйшіе слуги.

Александръ Федоровичъ такъ занимался мной, какъ будто я былъ единственный его гость, а всѣ прочіе—его семья. Онъ заранѣе хвалилъ своихъ актеровъ, особенно Александра Петровича Мартынова, и очень жалѣлъ, что въ этотъ вечеръ я увижу его въ невыгодной роли. «Онъ превосходенъ въ старикахъ, говорилъ Лабзинъ; онъ такъ игралъ Эдила, что едва ли не превзошелъ Шушерина; роль же молодого человѣка и любовника совсѣмъ къ нему не идетъ. Притомъ же онъ теперь въ горѣ; сегодня онъ получилъ письмо, что у него умеръ отецъ; братъ его, Павелъ Петровичъ, вашъ гвардейскій пріятель, не знаетъ объ этомъ; мы положили объявить ему завтра.» Говоря это, Лабзинъ былъ не только спокоенъ, но и веселъ. Меня поразили его слова. Какъ? Отецъ умеръ, а сынъ, получивъ о томъ извѣстіе, играетъ на театрѣ? Не можетъ быть, чтобъ добрый Мартыновъ поступалъ по своей волѣ; и такъ, онъ исполняетъ приказаніе Лабзина; и такъ, онъ не смѣетъ его послушаться! Боже мой, откуда же происходитъ эта власть, эта деспотическая, духовная сила, которою обладаетъ Лабзинъ? Вотъ мысли, промелькнувшія у меня въ головѣ, и я сталъ смотрѣть, не только съ непріятнымъ, но даже съ непріязненнымъ чувствомъ на великаго брата и начальника. Жалко мнѣ было

глядѣть и на Павла Петровича Мартынова, который, ничего не зная, безпрестанно шутилъ, смѣялся и напелтывалъ мнѣ на ухо всякій вздоръ. Спектакль скоро начался и Лабзинъ посадилъ меня возлѣ себя. Піеса шла очень не дурно; видно было, что она поставлена и слажена мастеромъ; очень хорошо играла воспитанница Лабзиныхъ, Катерина Петровна—воспитанницу добродѣтельной помѣщицы, г-жи Добросердовой; Черевинъ же, въ роли старосты, былъ удивительно хорошъ! Онъ мастерски схватилъ выговоръ и манеры крестьянъ Орловской губерніи (видно коротко ему извѣстныхъ); этотъ мѣстный колоритъ придавалъ его игрѣ много живости и естественности. Я горячо хвалилъ его Лабзину, который отвѣчалъ, какъ-то не вполне соглашаясь со мною, что, конечно, эту роль Черевинъ играетъ очень хорошо; но это единственно потому, что онъ самъ Орловскій помѣщикъ и что онъ удачно передразниваетъ провинціальный оттѣнокъ въ выговорѣ и манерахъ своихъ крестьянъ. Не помню, кто игралъ «Кремнева», отставнаго солдата; но и эта роль, впрочемъ, очень выгодная и благодарная на сценѣ, была исполнена довольно удачно. Бѣдный Мартыновъ! Еслибъ я и не зналъ объ его горѣ, то непременно бы замѣтилъ, что у него лежитъ что-то тяжелое на душѣ. Впрочемъ, роль Людора, армейскаго капитана, совершенно не шла ему, по своему характеру и по его физическимъ средствамъ.

Само собою разумѣется, что я, въ разговорахъ съ Лабзинымъ, давно успѣлъ высказать ему и мою охоту играть на театрѣ, и мои успѣхи, и мои упражненія въ сценическомъ искусствѣ, подъ руководствомъ Шушерина. Лабзинъ захотѣлъ послушать мою декламацию, и я охотно согласился. Послѣ спектакля, когда актеры, переодѣвшись, пришли въ гостинную, Александръ Федоровичъ, пригласивъ двухъ Мартыновыхъ и Черевина, увелъ насъ на другой конецъ дома, въ кабинетъ хозяина. Предполагая, что мнѣ будетъ ловчѣе и легчѣ начать не первому, что конечно показывало тонкую разборчивость его,—Александръ Федоровичъ обратился къ Александру Петровичу Мартынову и сказалъ: «Прочти-ка намъ монологъ изъ «Эдипа», въ которомъ онъ отвергаетъ кающагося

Полиника ; да прочти на славу! » — Мартыновъ, на печальное лице котораго жалко было смотрѣть, отвѣчалъ почти-тельно: « Извините меня, Александръ Федоровичъ, я не въ состояніи теперь читать ». — « Отчего это? » сказалъ Лабзинъ, возвысивъ голосъ и наморщивъ брови — « Я сегодня не въ духѣ », робко отвѣчалъ смущенный Мартыновъ. — « Ну что тутъ за духи! Прочтите!..... » и Мартыновъ началъ читать. Разумѣется, онъ не въ состояніи былъ прочесть такъ сильно, какъ читывалъ прежде, но чувства и естественности было много въ его чтеніи. Лабзинъ былъ однако недоволенъ и назвалъ Мартынова мокрой курицей. Я съ негодованіемъ выразительно посмотрѣлъ на Лабзина, и кажется, онъ понялъ мой взглядъ, потому что сказалъ: « Мужинѣ стыдно поддаваться грустному чувству ». Пришла моя очередь, я не заставилъ себя долго просить и прочелъ рассказъ « Мейнау или Неизвѣстнаго » изъ комедіи Коцебу « Ненависть къ людямъ и раскаяніе », въ которомъ онъ описываетъ измѣну и побѣгъ своей жены, а потомъ — продекламировалъ съ большимъ жаромъ монологъ Ярба изъ трагедіи Княжнина: « Дидона ». Когда я кончилъ, Лабзинъ сказалъ: « Куда же намъ съ нимъ играть, онъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ, это ужъ не притворный актеръ! » Тогда эти слова показали мнѣ великою похвалою; но едва ли въ нихъ не было насмѣшки надъ моею слишкомъ громкою и напыщенною декламациею, отъ которой я тогда еще не освободился. Остальные слушатели, какъ слѣдуетъ, осыпали меня похвалами. Я замѣтилъ, что были слушатели и позади дверей, которые разбѣжались, при нашемъ выходѣ. Мы воротились въ гостинную, и Лабзинъ занялся другими посѣтителями, освободивъ наконецъ меня отъ своего постоянного вниманія. Я подошелъ къ старику Рубановскому и старался изгладить его неудовольствіе противъ меня, въ чемъ, кажется, сначала и успѣлъ, но не надолго. Между прочимъ я имѣлъ неосторожность сказать, что меня удивляетъ странный выборъ пьесы для сегодняшняго спектакля, и что кажется, нетрудно было бы найти другую, съ содержаніемъ болѣе серьезнымъ, написанную человѣческимъ языкомъ, въ которой образованный и храбрый капитанъ не влюблялся бы

съ перваго взгляда въ дочь старосты, не бросался бы передъ ней на колѣни и не объяснялся въ любви языкомъ Аркадскаго пастушка. Старикъ посмотрѣлъ на меня съ неприятнымъ изумленіемъ и выразительно сказалъ: «Вы очень смѣлы на осужденіе людей, старшихъ васъ годами и умомъ. Ужъ если Александръ Федоровичъ выбралъ эту драму, то конечно имѣлъ на то свои причины». Онъ съ неудовольствіемъ отвернулся отъ меня и ушелъ прочь. Въ числѣ немногихъ дамъ была жена Лабзина съ своей воспитанницей, которая мнѣ очень понравилась, не смотря на дурную рекомендацію Анны Ивановны Рубановской. Къ удивленію моему, Лабзинъ не познакомилъ меня съ своей женой и воспитанницей. Можетъ быть, онъ хотѣлъ это сдѣлать у себя дома. Когда ужинъ былъ готовъ, всѣ дамы уѣхали. Намъ позвали въ залу, въ которой прекрасно поставленный театръ уже былъ снятъ и вмѣсто него стоялъ богатоубранный столъ съ кушаньями. Лабзинъ, поручивъ угощать и занимать меня Черевину, сѣлъ на главномъ хозяйскомъ мѣстѣ, окруженный старшею братіей. Подлѣ него, съ правой стороны, сидѣлъ Рубановскій, очень довольный своимъ почетнымъ мѣстомъ, а съ лѣвой—какой-то отставной адмиралъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Я сѣлъ на другомъ концѣ стола, между Черевинымъ и Павломъ Петровичемъ Мартыновымъ, а братъ его жаловался на головную боль и хотѣлъ уйдти спать, даже простился съ нами: но, подошедъ къ Лабзину и пошептавшись съ нимъ, воротился къ намъ и сѣлъ подлѣ Черевина за столъ. Мы съ Павломъ Петровичемъ всё это видѣли и мнѣ очень было больно слушать, какъ онъ смѣялся надъ покорностью своего брата и шепталъ мнѣ на ухо: «вѣдь не осмѣлился уйдти! Лабзинъ не позволилъ. Посмотри, будетъ давиться и станетъ ѣсть.» Но бѣдный Александръ Петровичъ Мартыновъ печально просидѣлъ весь ужинъ, не дотронувшись до своего прибора. Всего возмутительнѣе для меня было то, что Павелъ Петровичъ не оставлялъ въ покоѣ своего брата, и безпрестанно, разными экивоками, насмѣхался надъ нимъ, сколько я ни уговаривалъ его, чтобъ онъ не тревожилъ Александра Петровича, который очевидно боленъ и чѣмъ-то очень огорченъ. По окончаніи ужина, прислуга вышла,

двери затворили, и всѣ присутствующіе, по знаку Лабзина, довольно складно запѣли какой-то гимнъ. Не пѣли только Павель Петровичъ Мартыновъ и его братъ. Всѣхъ смѣшише казался мнѣ старикъ Рубановскій, такъ усердно разѣвавшій ротъ, что его передніе зубы, похожіе на клыки, выставлялись на показъ всему собранію.

Послѣ перваго куплета наступило общее молчанье и Лабзинъ, постукавъ рукояткой своего столоваго ножа по столу, громко и грозно сказалъ: «Александръ Петровичъ!»..... Начался второй куплетъ и несчастный Александръ Петровичъ также запѣлъ или по крайней мѣрѣ разѣвалъ ротъ, въ полголоса подтягивая общему хору. Братъ его безпрестанно толкалъ меня ногой и смѣялся, а мнѣ было грустно, тяжело и даже страшно.

Послѣ ужина, поблагодаривъ Лабзина за приглашеніе въ спектакль, а Черевина за угощеніе, потому что ужинъ и всѣ расходы спектакля происходили на его счетъ, мы съ Мартыновымъ отправились домой. Всю дорогу приставалъ онъ ко мнѣ съ своими шутками и смѣхомъ, и удивлялся, отчего я не смѣюсь. Я отвѣчалъ ему, что всѣ видѣнное мною не смѣшно, а страшно, что я вижу тутъ какой-то католическій фанатизмъ, напоминающій мнѣ тайныя инквизиторскія судилища среднихъ вѣковъ. Слова мои были тарбарской грамотой для моего товарища, и онъ замолчалъ. Бѣдный! Какъ онъ былъ жалокъ на другой день, поутру, когда при мнѣ братъ сказалъ ему о смерти ихъ отца, и какъ сегодня горька ему была вчерашняя веселость! Онъ жестоко нападалъ на брата за его ребячью покорность приказаньямъ Лабзина, исполняя волю котораго, онъ самъ игралъ и пѣлъ и брата заставлялъ веселиться и хохотать въ то время, когда имъ обоимъ слѣдовало бы плакать, молиться и служить панихиду по отцѣ! Добрый и простосердечный по природѣ, Александръ Петровичъ старался увѣрить насъ, что онъ самъ не захотѣлъ разстроить вчерашняго спектакля, а потому и скрылъ отъ брата ихъ несчастье; но мы оба ему не повѣрили. Цѣлый день провелъ я вмѣстѣ съ Мартыновыми, которые, помолясь усердно Бѣгу и выплакавъ свое горе

обильными, теплыми слезами, поуспокоились и покорились волѣ Божіей.

Наконецъ наступило воскресенье, и я, вооружась по возможности къ бою, заготовивъ множество замѣчаній, выписокъ и возраженій противъ мистическихъ книгъ, явился къ Рубановскому, гораздо ранѣе обыкновеннаго: «Ну что, прочитали?» спросилъ меня, съ неожиданною для меня ласковостью, строгой Мартинистъ. «Прочель, Василій Васильичъ», и я положилъ на столъ принесенныя мною книги. «Ну что, многого не поняли?» «Многого не понялъ, да думаю, что и никто понять не можетъ, если не позволить себѣ произвольнаго толкованья. Я отмѣтилъ карандашомъ и выписалъ въ особую тетрадь нѣкоторыя темныя мѣста, на которыя я надѣюсь получить отъ васъ истолкованье, отмѣтилъ также и такія, которыхъ растолковать никго не можетъ. Я написалъ также мой взглядъ на книгу «Приключеніе по смерти», которую нахожу не душеспасительною, а вредною». Я сейчасъ увидѣлъ, что опять поступилъ неосторожно: я раздражилъ моего хозяина преждевременно, мнѣ надобно бы было кончить этимъ ударомъ, а я началъ. Я пощажу моихъ читателей отъ скуки — выслушать весь мой споръ съ Рубановскимъ. Но для образца расскажу только нѣкоторые мои вопросы, недоумѣнья, и объясненія стараго Мартиниста. Я началъ съ «Путешествія Младшаго Костиса» и развернувъ книгу, прочель на страницѣ 169-ой: «Человѣкъ зреть мыслию силы, дѣйствія, слѣдствія и произведенія: въ семь заключается основаніе всѣхъ его понятій. Почему чистѣйшій разумъ есть токмо чистѣйшій образъ созерцапія». — «Помилуйте, говорилъ я: человѣкъ конечно зреть, то есть видить и понимаетъ мыслию, но отчего же мыслию силы, дѣйствія, слѣдствія и произведенія? Какъ можно зрѣть слѣдствіемъ и произведеніемъ? И можетъ ли въ этомъ заключаться основаніе всѣхъ его понятій? Чистѣйшій разумъ *не потому, и не токмо*, а всегда есть чистѣйшій образъ созерцапія.» Рубановскій, подумавъ, отвѣчалъ мнѣ: «Подъ словомъ сила, надобно разумѣть Божественную силу, то есть Самого Бога, а какъ въ Божественной силѣ заключаются дѣйствія, слѣдствія и произведенія, то человѣкъ и можетъ зрѣть ихъ только по-

средствомъ Божественной силы Неужели вамъ теперь непонятно, что въ этомъ заключается основаніе всѣхъ человѣческихъ понятій; и вотъ *почему* чистѣйшій разумъ есть *только* чистѣйшій образъ созерцанія.»—«Позвольте, сказалъ я, торжествующему Рубановскому. Мнѣ кажется, мы не такъ читаемъ этѣ строки; можетъ быть, тому причиною неясная разстановка словъ. Можетъ быть надобно читать: *человѣкъ мыслію зрять силы, дѣйствія, слѣдствія и произведенія*,—тогда это будетъ понятно». Рубановскій былъ озадаченъ; нелюбо подумавъ однако, онъ сказалъ: «Но значеніе мною вамъ объясненнаго несравненно выше.» Забавляясь внутренно ловушкой, въ которую попалъ Рубановскій, я продолжалъ читать на той же страницѣ слѣдующее. «Когда мысль наша въ гармоническомъ порядкѣ представляетъ мысль Божію въ Богѣ *силою*, а въ натурѣ *явленіемъ* силы: тогда мы мыслимъ благо, истинно, изящно, поелику добро, истина, и изящность, или красота составляютъ чертежъ, по которому вселенная создана.» Предчувствуя, какое будетъ толкованіе этихъ словъ, я спросилъ однако: «что такое значить: представлять мысль Божію въ Богѣ *силою*? Мысль Божія есть въ тоже время и сила, это такъ, и что мысль Божія выражается въ натурѣ *явленіемъ*—это понятно; но почему же, думая такъ, мы уже мыслимъ благо, истинно, изящно? Понимая и признавая одну истину, можно ошибиться во множествѣ другихъ, можно мыслить *не* благо, *не* истинно и *не* изящно?» Старикъ Рубановскій не задумался и торжественно и въ тоже время иронически, отвѣчалъ мнѣ: «А потому, милостивый государь, что признавъ главное, то есть, что мысль Божія въ Богѣ сила, а въ натурѣ *явленіе* силы, мы уже мыслимъ благо, истинно, изящно.» Я продолжалъ читать. «Въ семъ состоятъ преимущества духа надъ духомъ».

«Но въ томъ положеніи, въ какомъ міръ нѣкогда находится будетъ, большая часть людей совратится:

«Въ мысляхъ заблужденіями.

«Въ хотѣніи страстями.

«Въ дѣйствованіи пороками.

«Заблужденія суть *число*, страсти—*мѣра*, пороки—*вѣсь*.» (стр. 185). «Конечно, продолжалъ говорить я, вы Василій Васильевичъ, первые строки растолкуете по своему—что темно, то можно толковать какъ угодно; но говоря по совѣсти, я считаю, что вы также, какъ и я, не можете понимать, что это такое за преимущество «духа надъ духомъ». «Въ какомъ смыслѣ понимать тутъ слово духъ? Значенія его весьма различны. Значеніе запаха сюда неидетъ, значеніе сущности, содержанія какого нибудь предмета или эпохи—также неидетъ. Смыслъ духа человѣческаго приложить сюда невозможно: остается принять иносказательное значеніе добраго или злаго духа.» Рубановскій не нашелся, что отвѣчать. Я разумѣется, принявъ его молчаніе за уступку и не давъ ему опомниться, съ большой увѣренностью и жаромъ продолжалъ: «Неужели вы станете мнѣ объяснять, что значать слова: заблужденія суть *число*, страсти *мѣра*, пороки *вѣсь*? Здѣсь я просто не вижу смысла, можно пожалуй постараться придать хоть какой нибудь наружный смыслъ; но и онъ будетъ несправедливъ. Во-первыхъ, заблужденія человѣческія безчисленны, и потому назвать ихъ *числомъ*, то есть, опредѣленнымъ количествомъ, невозможно. Точно также, страсти не могутъ назваться *мѣрою*; страсти—противуположность мѣрѣ, они разрушаютъ мѣру, они безмѣрны; пороки *вѣсь*.... Тутъ ужъ я и придумать не могу никакого смысла.» «Нѣтъ сударь, подхватилъ Рубановскій, пороки точно *вѣсь*, тяжесть, которая давить, гнететь духъ человѣческій, не даетъ ему возноситься къ Богу, придавливаетъ его къ землѣ, къ земнымъ помысламъ»... Тутъ Рубановскій долго говорилъ и конечно говорилъ то, чего самъ не понималъ. Не пускаясь въ дальнѣйшія, бесполезныя возраженія, я продолжалъ читать: «Молотокъ есть образъ внѣшняго дѣйствования. Умъ долженъ искать, воля желать, дѣянія стучать. Ибо когда умъ, воля и дѣйствія составляютъ единицу, то Раздатель Премудрости даруетъ уму свѣтъ, волѣ и дѣйствіямъ благословеніе.»

«Отвѣсъ есть эмблема продолженія дѣйствій нашихъ, которыя тогда токмо останавливаются, когда придутъ въ перпендикулярную линію съ вѣчнымъ порядкомъ отца свѣтовъ».

(стр. 302-ая). Здѣсь я далъ себѣ волю и потѣшался надъ «стукотнсю нашихъ дѣяній, которыя тогда токмо возстановляются, когда придуть въ перпендикулярную линію съ вѣчнымъ порядкомъ отца свѣтовъ. Рубановскій молчалъ и только злобно улыбался.—Оставивъ «Младшаго Костиса», я церешель къ «Сіонскому Вѣстнику». «Премудрость Божія обрѣла единственный способъ къ разрѣшенію трудности въ поднятіи падшаго (вѣроятно человѣка). Явилась существовавшая всегда умственно между сими двумя линіями ипоте-нуза, произвела свой квадратъ, и заключила въ ономъ полное дѣйствіе и правосудія и любви Божеской.»—«Эти строки живо напоминаютъ, говорилъ я, подобныя выраженія въ «Младшемъ Костисѣ»: но мнѣ кажется, что подражаніе превзошло оригиналъ въ темнотѣ, чтобъ сказать поучтивѣе, а по просту—въ безсмыслицѣ.»—Хозяинъ мой, уже не отвѣчавши на мои предыдущія возраженія и насмѣшки, а только злобно улыбавшійся, здѣсь не вытерпѣлъ. Онъ крѣпко обидѣлся, не столько словомъ *безсмыслица*, какъ словомъ подражаніе «Младшему Костису.» Вѣроятно статья была написана самимъ Лабзиннымъ. Можно себѣ представить, какъ горячо старый Мартинистъ защищалъ ее, съ какимъ усиленіемъ объяснялъ, и какъ путался отъ того въ своихъ объясненіяхъ. Мнѣ не трудно было ловить его во многихъ противорѣчіяхъ.

Между тѣмъ, человѣкъ уже два раза докладывалъ, что кушанье поставлено на столъ. Надобно было прекратить наши споры и я поспѣшилъ въ короткихъ словахъ высказать мое мнѣніе о книгѣ «Приключенія по смерти.» «Эта книга, сказалъ я, есть самая нелѣпая и дѣтская фантазія о самомъ великомъ и таинственномъ предметѣ, о жизни загробной. Придавать ей образы, взятые изъ нашей земной жизни, по моему, не только дерзко, но и грѣшно. Это, по моему, святотатство. Покуда духъ человѣческой заключенъ въ тѣлѣ, онъ не можетъ представить себѣ будущей, вѣчной жизни. Онъ можетъ только ее предчувствовать. Это не православная книга, это католическія мудрованія, съ ихъ чистилищами. Она можетъ быть вредною, если читатели повѣрятъ ей и примутъ бредъ «Юнга Штильлинга,» за истину, за прозрѣніе въ таинство судебъ Божіихъ.»—Я говорилъ съ убѣжденіемъ и жаромъ.

Рубановскій не возражалъ, а опять слушалъ меня съ улыбкою, выражающею и жалость и презрѣніе. Онъ даже не далъ мнѣ кончить и сказалъ: «пойдемте—ка лучше обѣдать». Въ самую эту минугу дверь отворилась, показался Архангелогородскій чепчикъ Анны Ивановны. «Идемъ, идемъ, сударыня» сказалъ старикъ, такимъ голосомъ, которымъ выражалось отчаяніе о погибающемъ слѣпцѣ. Мы отправились обѣдать. Какъ нарочно въ этотъ день обѣдалъ я одинъ у Рубановскихъ, и разговоръ у насъ очень не клеился. Я начиналъ говорить о спектаклѣ у Черевина и хвалить игру нѣкоторыхъ актеровъ; но хозяйка явно не хотѣла поддержать этого разговора. По ея взглядамъ и ужимкамъ, я догадывался, что она нетерпѣливо желаетъ поговорить со мной глазъ на глазъ. Сейчас послѣ обѣда, Василій Васильевичъ ушелъ въ свой кабинетъ и мы остались одни съ Анной Ивановной. «Ну, рассказывайте, сказала она торопливо и нетерпѣливо: что тамъ у васъ происходило. Василію Васильевичу очень не доволенъ, и только изъ угожденія Лабзипу не ссорится съ вами.» Я рассказалъ подробно все, происходившее въ домѣ Черевина. По выраженію лица моей слушательницы, можно было отгадать, что многое ей не нравилось, особенно мои похвалы воспитанницѣ Лабзинныхъ, Катерицѣ Петровнѣ, и что, напротивъ, она была очень довольна во-первыхъ тѣмъ, что я строго осуждалъ Лабзина за его деспотизмъ и безчеловѣчную жестокость съ Мартыновымъ, а во-вторыхъ тѣмъ, что «Гогъ и Магогъ,» такъ она называла иногда Лабзина, не познакомилъ меня съ своей женой и воспитанницей, и не повторилъ приглашенія пріѣхать къ нему. «Вамъ нечего и ѣздить къ нимъ,» подхватила Анна Ивановна; но я поспѣшилъ ей сказать, что я сегодня рано по утру уже былъ у Александра Фѣдоровича, не засталъ его дома и оставилъ визитную карточку. «Ну и прекрасно, проговорила моя хозяйка, онъ визита не отдастъ, а вамъ въ другой разъ не для чего ѣхать.»—«Если Александръ Фѣдоровичъ не отдастъ мнѣ визита, отвѣчалъ я, то я и не поѣду.» Анна Ивановна запальчиво опровергала мои похвалы, впрочемъ весьма умѣренные, Катерицѣ Петровнѣ; увѣряла, что она показалась мнѣ не дурною, потому что

была подбѣлена, подрумянена и подрисована на театрѣ. Напрасно я увѣрялъ ее, что зрители сидѣли такъ близко отъ сцены, что не было возможности подрисовываться, и что я видѣлъ Катерину Петровну послѣ спектакля въ гостиной: моихъ доказательствъ не хотѣли и слушать. Анна Ивановна всего болѣе желала узнать, что дѣлалъ Черевинъ? съ кѣмъ изъ дамъ говорилъ? Я видѣлъ, къ чему клонились эти вопросы, но не хотѣлъ отвѣчать на нихъ. Наконецъ моя хозяйка не вытерпѣла и прямо спросила: «подходилъ ли къ Каткѣ Черевинъ и говорилъ ли съ ней?» Я отвѣчалъ, что не замѣтилъ.—«Но замѣтили ли вы по крайней мѣрѣ», спросила Анна Ивановна еще съ большею горячностью, что жена Лабзина казачка? Что вы такъ смотрите на меня? Да, она изъ казачекъ!» «И этого не замѣтилъ», отвѣчалъ я.—«Ну такъ вѣрно вы такъ были заняты красотой Катки, что ничего не замѣтили», сердито проговорила моя собесѣдница. Я, признаться сначала немножко поддразнивалъ ее, но потомъ постарался успокоить, что было и не трудно. Прощаясь, она вдругъ спросила меня съ особеннымъ выраженіемъ: «хотите ли вы на дѣлѣ доказать мнѣ свою дружбу?» — Я отвѣчалъ, что очень хочу.—«Дайте же мнѣ честное слово, что исполните мою просьбу!»—Я немного смутился. Аннѣ Ивановнѣ могло прійти въ голову такое желаніе, какового я не могъ исполнить по моимъ убѣжденіямъ. Подумавши немного, я отвѣчалъ, что готовъ исполнить, если ея желаніе не будетъ противно моей совѣсти, то есть моимъ понятіямъ и моимъ убѣжденіямъ. Анна Ивановна протянула мнѣ руку и сказала: «когда придетъ время, я потребую исполненія вашего обѣщанія; противнаго же вашей совѣсти тутъ ничего нѣтъ.» И мы разстались друзьями.

Сбросивъ съ плечъ споръ о мистическихъ книгахъ, къ которому я рѣшительно приготовлялся какъ будто къ ученому диспуту, я сталъ свободнѣе располагать своимъ временемъ, чаще бывагъ и дольше сидѣлъ у Балясникова, гдѣ каждый разъ находилъ Алехина, а иногда встрѣчалъ и другихъ нашихъ Казанцевъ. Всѣ мы были большіе любители театра, и у насъ сейчасъ начались чтенія разныхъ драматическихъ піесъ и даже разыгрыванье ихъ, разумѣется

безъ костюмовъ и декораций. Такимъ образомъ, въ числѣ другихъ, разыграли мы трагедію Княжнина: «Вадимъ Новгородскій». Она пользовалась большою славою, не только потому, что была запрещена, но и потому, что заключала въ себѣ, по общему мнѣнію, много смѣлыхъ, глубокихъ мыслей, рѣзкихъ истинъ и сильныхъ стиховъ,—такъ думало тогда старшее поколѣніе литераторовъ и любителей литературы. Надобно признаться, что и мы, молодые люди, были увлечены такимъ мнѣніемъ; а въ самомъ же дѣлѣ вся эта трагедія — пустой наборъ громкихъ фразъ и натянутыхъ чувствъ, часто неимѣющихъ логическаго смысла.

Рана Балясникова находилась все въ одномъ положеніи и нельзя было замѣтить, чтобы пуля спускалась къ низу. Между тѣмъ деньги вышли; Алехинъ доложилъ о томъ Аракчееву, и вновь были выданы триста рублей. Балясниковъ жилъ такъ привольно, какъ никогда не жывалъ. Прежде, живя однимъ жалованьемъ, онъ долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать; теперь же, напротивъ, у него была спокойная, прекрасно меблированная квартира, отличный столъ, потому что хозяйка и слышать не хотѣла, чтобы онъ посылалъ за купаньемъ въ трактиръ; онъ могъ обѣдать или съ нею, или въ своихъ комнатахъ, пригласивъ къ себѣ даже нѣсколько человѣкъ гостей; онъ ѣздилъ въ театръ, до котораго былъ страстный охотникъ, уже не въ партеръ, часа за два до представленія, въ давку и тѣсноту, а въ кресло; покупалъ разныя книги, въ особенности относящіяся къ военнымъ наукамъ, имѣлъ общество любимыхъ и любящихъ его товарищей—казалось, чего бы ему не доставало?... Ему не доставало дѣла, ночныхъ переходовъ, бивачныхъ огней, холода и голода, пороховаго дыма, свиста пули и грома пушекъ; ему не доставало опасностей боевой жизни. Туда рвалась его душа. Не имѣя возможности убѣдить докторовъ: вынуть пулю изъ его ноги, и не имѣя терпѣнья дожидаться времени, когда она выдетъ изъ костей, Балясниковъ, черезъ два мѣсяца, воротился въ армію. Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видалъ Балясникова. Онъ умеръ, какъ извѣстно моимъ читателямъ, въ двѣнадцатомъ году. Конечно, не всѣ предсказанія сбываются; но кого ни встрѣ-

чалъ я изъ знавшихъ коротко Балясникова, и статскіе и военные, всѣ единогласно говорили, что будь Балясниковъ живъ, онъ былъ бы фельдмаршаломъ.—Въ нѣсколькихъ словахъ я доскажу его исторію: когда кончилась Шведская кампанія, Балясниковъ перешелъ изъ гвардіи въ армію, командиромъ конно-артиллерійской роты. Въ два года съ половиной онъ довелъ ее до такого совершенства, что многіе военные люди, охотники и мастера своего дѣла, пріѣзжали полюбоваться ею. Передъ началомъ Турецкой войны, Балясникову дали другую артиллерійскую батарею и перевели его, по собственному его желанію, въ дѣйствующую армію. Тяжело было ему разставаться съ ротой, и еще тяжеле было разставаться съ нимъ его подчиненнымъ. Не говорю уже о товарищахъ его, которые всѣ смотрѣли на Балясникова, какъ на будущаго, славнаго полководца, и горячо его любили,—каждый рядовой артиллеристъ такъ былъ преданъ, такъ любилъ его, что прощанье ротнаго командира съ ротою походило на разставанье самыхъ близкихъ и горячо любящихъ другъ друга родныхъ. Только что успѣлъ Балясниковъ сдать роту, пріѣхалъ какой-то генералъ, для произведенія инспекторскаго смотра, который и былъ назначенъ на другой же день; когда роту вывели на плацъ, Балясниковъ пріѣхалъ уже какъ посторонній зритель. Будучи пріятельски знакомъ съ новымъ командиромъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ внимательно осмотрѣлъ людей, лошадей, орудія и всю аммуницію. Онъ слѣлалъ какое-то замѣчаніе старому фейерверкеру, который почти со слезами сказалъ ему: «Эхъ, ваше высокоблагородіе! Покажите сами роту генералу. Проконандуйте нами еще въ послѣдній разъ!» Балясниковъ съ минуту подумалъ и отвѣчалъ: «Хорошо, старый товарищъ.» Онъ переговорилъ съ новымъ командиромъ, который охотно на это согласился, и когда пріѣхалъ инспектирующий генералъ, Балясниковъ подъѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ новымъ командиромъ роты и сказалъ ему: «Генералъ! Я командовалъ этой ротой два съ половиною года и вчера только сдалъ ее другому командиру. Я прошу позволенія у вашего превосходительства, съ согласія новаго начальника, командовать бывшею моею ротою на инспекторскомъ смотрѣ. Рота привыкла ко мнѣ, и це

только люди, лошади знают мой голосъ!» Генераль отвѣчалъ, что онъ согласенъ, если новый командиръ роты этимъ не оскорбляется. Новый командиръ подтвердилъ, что онъ жезаетъ этого, что не хочетъ пользоваться славою за чужіе труды, и что только при прежнемъ командирѣ рота можетъ быть показана во всемъ ея блескѣ. Генераль согласился, и Балясниковъ вылетѣлъ передъ роту на своемъ бѣшеномъ конѣ, котораго онъ самъ выѣздилъ, и на котораго, кромѣ него, никто сѣсть не смѣлъ, командовалъ своимъ громозвучнымъ голосомъ: «смирно!» и вся рота, люди и лошади, вздрогнули и окаменѣли. Мнѣ рассказывалъ достовѣрный самовидѣцъ, опытный артиллеристъ, что онъ во всю свою жизнь не видывалъ, да и не увидить того, что дѣлалъ на этомъ смотру люди и лошади. Въ такомъ же духѣ, въ самыхъ похвальныхъ выраженіяхъ былъ отданъ приказъ инспектирующимъ генераломъ. Когда Балясниковъ, кончивъ военное построеніе, подѣхалъ къ ротѣ и сказалъ: «Спасибо, ребята! Утѣшилъ вы меня, прощайте.....» то въ отвѣтъ ему раздался не крикъ: «ради стараться», а всхлипыванье и рыданье. Балясниковъ самъ не могъ удержаться отъ слезъ и ускакалъ, какъ сумасшедшій.—Боже мой! Чего нельзя сдѣлать съ такимъ народомъ, который способенъ такъ любить и быть благодарнымъ!

Балясниковъ и въ Турецкой арміи заслужилъ себѣ такое же уваженіе въ начальникахъ, дружбу въ товарищахъ и любовь въ подчиненныхъ. Онъ отличался вездѣ, гдѣ только былъ къ тому случай. Война кончилась. Славный миръ былъ торжествомъ воинскаго искусства князя Кутузова, будущаго Смоленскаго. Извѣстно, что наша Турецкая армія, подъ начальствомъ Члчагова, встрѣтила бѣгущаго Наполеона съ остатками его арміи на берегахъ рѣки Березины. Балясниковъ былъ убѣжденъ, что можно было не допустить переправы непріятеля; онъ приходилъ въ отчаянье отъ распоряженій главнокомандующаго, которыя давали возможность спастись Наполеону. Когда же опасенія его оправдались и Наполеонъ, переправясь черезъ рѣку, ушелъ,—Балясниковъ, въ изступленіи отъ гнѣва, по колѣни въ грязи и въ водѣ, цѣлый день и даже вечеръ громилъ изъ своихъ орудій остатки ве-

ликой арміи. Онъ простудился и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ горячки. Такъ рановременно погибъ этотъ замѣчательный человѣкъ, память котораго живетъ во всѣхъ пережившихъ его товарищахъ.

Анна Ивановна была права: Лабзинъ мнѣ не отдалъ визита и я болѣе къ нему не поѣхалъ. По моимъ соображеніямъ и по нѣкоторымъ словамъ Анны Ивановны, я догадывался, что старикъ Рубановскій такъ много наговорилъ обо мнѣ Лабзину дурнаго, въ смыслѣ моей безнадежности для ихъ братства, что великій братъ и начальникъ охладѣлъ въ своемъ желаніи сдѣлать меня своимъ прозелитомъ. Тѣмъ не менѣе однако, я получилъ отъ него приглашеніе, черезъ Мартынова и Черевина, участвовать въ спектакль, который они намѣревались составить. Я, по моей смертной охотѣ играть на театрѣ, согласился. Но какъ скоро узнала объ этомъ Анна Ивановна, то поспѣшила напомнить мнѣ мое обѣщаніе—исполнить ея просьбу: она просила меня отказаться отъ участія въ спектакль у Лабзина. Меня очень удивило ея желаніе. Давъ слово, я долженъ былъ его держать; да правду сказать, это и не было для меня большимъ пожертвованіемъ. Деспотизмъ всегда былъ для меня ненавистенъ, а попавъ въ *притворные* актеры, я неминуемо былъ бы его свидѣтелемъ, если не надъ собой, то надъ другими. Отказъ мой произвелъ однакожъ большой эффектъ, и Рубановскій, съ Черевинымъ и Мартыновымъ, изломали головы, отыскивая причину моего, какъ они называли, каприза. Они такъ и остались въ невѣденіи; но мое недоумѣнье, для чего Анна Ивановна потребовала отъ меня этой жертвы, какъ она сама говорила,—скоро разрѣшилось: въ піесѣ, которую хотѣли играть, Черевинъ занималъ роль любовника Катерины Петровны; Анна Ивановна боялась, чтобы театральная любовь не превратилась въ настоящую, и предполагая, что мой отказъ отъ главной роли помѣшаетъ представленію піесы, заставила меня отказаться. Но увы, такъ хитро придуманное ею средство не имѣло успѣха! мою роль отдали другому и піеса была сыграна: но я уже не былъ приглашенъ въ спектакль *притворныхъ* актеровъ. Надобно сказать, что всѣ подозрѣнія и опасенія Анны Ивановны были не осно-

вательны; Черевинъ и не думалъ объ Катеринѣ Петровнѣ, да можетъ быть и Лабзинъ не думалъ женить его на своей воспитанницѣ. Въ послѣдствіи Черевинъ, поѣхавъ въ Москву для свиданія съ родными, увидѣлъ тамъ дѣвушку, которая ему понравилась, и женился на ней.

Я продолжалъ постоянно посѣщать семейство Рубановскихъ и каждое воскресенье обѣдалъ у нихъ. Старикъ, потерявъ надежду обратить меня на истинный путь, сталъ смотрѣть на меня снисходительнѣе, какъ на добраго, молодого человека, сына старыхъ друзей его, увлеченнаго вихремъ мірской суеты. Моя горячая любовь къ литературѣ, къ театру, къ изящнымъ искусствамъ, какъ выражались тогда, была въ его глазахъ такою же мірскою суетою, какъ балы, щегольство, карты и даже разгульная жизнь. Во время случившейся со мной, довольно сильной болѣзни, Рубановскій нѣсколько времени навѣщалъ меня ежедневно, и съ этихъ поръ какъ-то сталъ со мною гораздо ласковѣе. Если въ разговорахъ, какъ нибудь нечаянно, рѣчь доходила до мартинитскихъ книгъ, или до масонскихъ ложъ, и я высказывалъ мое нерасположеніе къ нимъ, старикъ Рубановскій обыкновенно прекращалъ разговоръ такими словами: «ну, да это не ваше дѣло: тутъ вы ничего не понимаете; это не при васъ писано.» Признаюсь, что это было мнѣ всегда досадно слушать, и эта досада была причиною моего легкомысленнаго и дерзкаго поступка, къ чему, въ свойствахъ моего нрава, не было никакого расположенія. Въ Комиссіи составленія законовъ, гдѣ я служилъ переводчикомъ, былъ одинъ чиновникъ, Русскій Нѣмецъ, по фамиліи Вольфъ. Это былъ человекъ тихій и работающій, но постоянно задумчивый и больной. Директоръ Комиссіи, Розенкампфъ, ему покровительствовалъ, и онъ имѣлъ маленькую квартирку въ домѣ Комиссіи. Вдругъ узнаемъ мы, что Вольфа нашли мертвымъ въ его квартирѣ. Такая страшная новость, разумѣется, всѣхъ заняла и встревожила. Изъ записки, найденной на столѣ умершаго Вольфа, было очевидно, что онъ помѣшался и уморилъ себя голодомъ. Онъ исполнилъ это довольно затѣйливо: онъ не ѣлъ нѣсколько дней сряду и чувствуя, что начинаетъ слабѣть, разсчиталъ и отпустилъ

своего наемнаго слугу, сказалъ своимъ сосѣдямъ, что на три дня уѣзжаетъ, заперъ снаружи свою комнату и точно ушелъ передъ вечеромъ; но въ ту же ночь воротился и заперся извнутри. Сторожъ, ничего этого не знавшій, сказывалъ послѣ, что на другой день мнимаго отъѣзда Вольфа, видѣлъ въ окошко, какъ онъ безпрестанно ходилъ по своей комнатѣ, около стѣнъ, и въ каждомъ углу кланялся, какъ будто молился. Когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, хватились Вольфа, и разломали дверь его квартиры, то нашли трупъ несчастнаго самоубійцы, лежащій посреди комнаты. Замѣчательно, что во всѣхъ четырехъ углахъ, на столахъ и стульяхъ, нашли по нѣскольку нетронутыхъ бѣлыхъ хлѣбовъ. Очевидно, что жалкій страдалецъ подвергалъ себя ужасному испытанію голода, и выдержалъ его. Онъ былъ безродный сирота, все его имущество, книги и бумаги были опечатаны; но говорили, что Розенкампфъ, прежде опечатанья, взялъ себѣ его письменныя сочиненія. Въ первое же воскресенье, послѣ этого печальнаго происшествія, обѣдая у Рубановскихъ, я рассказывалъ, какъ ужасную новость, все, что зналъ о смерти Вольфа. Мнѣ въ голову не приходило, чтобъ онъ былъ Мартинистъ или знакомъ съ Мартинистами; но старикъ Рубановскій, выслушавъ мой рассказъ, съ горестнымъ увлеченіемъ сказалъ: «Боже мой! Можно ли было этого ожидать! Иванъ Федоровичъ Вольфъ былъ хотя Лютеранинъ, но шелъ по истинному пути: онъ былъ чловѣкъ добродѣтельный, кроткій и тихій; гдѣ могъ онъ почерпнуть силы для совершенія такого страшнаго, мученическаго подвига? Безъ сомнѣнія, эти силы были дарованы ему свыше». Я съ удивленіемъ слушалъ дикія сужденія моего хозяина. Старикъ съ живостью обратился ко мнѣ и убѣдительно сталъ меня просить, чтобъ я досталъ у Розенкампфа посмертныя сочиненія Вольфа, говоря, что это дѣло очень важное. Я отвѣчалъ, что это очень трудно сдѣлать, что я не такъ близокъ къ директору, чтобъ могъ заговорить съ нимъ о такомъ щекотливомъ предметѣ, и тѣмъ менѣе могъ просить себѣ бумагъ покойнаго Вольфа, взятыхъ Розенкампфомъ тайно и незаконнымъ образомъ. Я прибавилъ, что даже сомнѣваюсь, правда ли это? Но старикъ Рубанов-

скій такъ убѣдительно сталъ просить меня, что я не могъ отказаться и общалъ употребить все старанія достать бумаги. Правду сказать, я далъ это обѣщаніе, только для того, чтобъ отвязаться отъ докучливыхъ просьбъ Рубановскаго, въ полной увѣренности въ невозможности ихъ исполнить.

На другой дець однако, я спросилъ одного изъ нашихъ чиновниковъ, бывшаго моимъ товарищемъ въ Казанской гимназіи, А. С. Скуридина, котораго Розенкампфъ очень любилъ: «Правда ли, что у нашего директора есть какія-то сочиненія умершаго Вольфа?» Скуридинъ сначала запирался, говорилъ что ничего не знаетъ, а потомъ, подъ великимъ секретомъ, открылся мнѣ, что это правда, что онъ видѣлъ эти бумаги, писанныя по-русски и самымъ неразборчивымъ почеркомъ, что самъ Розенкампфъ ни прочесть, ни понять ихъ не можетъ, что Скуридинъ кое-что переводилъ ему на Нѣмецкій языкъ, что это совершенная галиматья, но что Розенкампфъ очень дорожить бреднями сумашедшаго Вольфа, и ни за что на свѣтѣ никому не даетъ ихъ. Въ слѣдующее воскресенье, я передалъ Рубановскому все, что узналъ о бумагахъ Вольфа, и всю безуспѣшность моихъ стараній, не называя однако по фамиліи Скуридина. Противъ моего ожиданія, мой рассказъ не охолодилъ, а еще болѣе воспламенилъ стараго Мартиниста. Онъ до того присталъ ко мнѣ, что не было другаго средства отвязаться отъ него, какъ вновь общать похлопотать о сочиненіяхъ Вольфа. Нѣсколько воскресеній сряду Рубановскій, часъ отъ часу съ большею неотвязчивостью, приставалъ ко мнѣ съ одними и тѣми же просьбами. Это ужасно надоѣло мнѣ. Ломая голову, какъ бы мнѣ отбиться отъ докукъ старика, я попалъ на мысль: сочинить какойнибудь вздоръ, разумѣется въ темныхъ, мистическихъ выраженіяхъ, и выдать этотъ вздоръ за сочиненіе Вольфа. Къ этому присоединилось желаніе испытать, какъ Рубановскій будетъ находить смыслъ и объяснять то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла. Мнѣ захотѣлось самому вполнѣ, такъ сказать наглядно, убѣдиться въ совершенномъ произволѣ и ложности его толкованій, къ которымъ прибѣгалъ онъ во время нашихъ споровъ, при нашемъ общемъ чтеніи мистическихъ книгъ,—

и я рѣшился на поступокъ, совершенно мнѣ не свойственный. Смутно понимая, что это все таки поступокъ не хорошій, я никому не открылся въ своемъ намѣреніи. Я написалъ девять отрывковъ. Всѣ онѣ состояли изъ пустаго набора словъ и великолѣпныхъ фразъ, безъ всякаго смысла; но въ то же время я постарался придать написанному мною нѣкоторую внѣшнюю связь и мистическое значеніе. Приемы же я заимствовалъ изъ сочиненій Экартсгаузена, Штиллинга и самого Лабзина. Сначала я сказалъ Рубановскому, что есть надежда списать кое-что, и наконецъ принесъ такъ давно желанные имъ отрывки изъ мнимыхъ сочиненій Вольфа. Я пріѣхалъ часа за два до обѣда; мы заперлись съ старикомъ въ его кабинетъ, и я, не безъ внутренняго волненія и упрековъ совѣсти, прочелъ ему листовъ шесть написаннаго мною вздора. Во время чтенія, я нѣсколько разъ останавливался, говоря: «Какая дичь, какая бессмыслица, какая галиматья!»—Но старикъ съ сожалѣніемъ улыбался, повторяя любимыя свои выраженія, что «это не при васъ и не для васъ писано.»—Я попросилъ его растолковать мнѣ—и онъ толковалъ цѣлый часъ. Мнѣ стало такъ совѣстно, что я едва не признался ему въ обманѣ.—Наконецъ кончилась эта тяжелая для меня попытка: насъ позвали обѣдать. Я предложилъ Рубановскому, чтобъ онъ оставилъ мой списокъ съ мнимыхъ бумагъ Вольфа у себя, говоря, что онъ мнѣ не нуженъ. Но старикъ на это не согласился и попросилъ только позволенія снять собственноручно копію. За обѣдомъ хозяинъ былъ очень веселъ, а я напротивъ смущенъ, какъ будто сдѣлалъ дурное дѣло. Анна Ивановна очень это замѣтила и послѣ обѣда я выдержалъ строгій допросъ; она хотѣла знать, что происходило въ кабинетѣ, между мной и ея супругомъ. Я отвѣчалъ, что мы читали одно мистическое сочиненіе, которое Василій Васильевичъ старался мнѣ растолковать, а я, къ досадѣ моей, ничего не понялъ. Мнѣ показалось, что хозяйка какъ-то недовѣрчиво и лукаво на меня посмотрѣла, и я подумалъ, что ужъ не знаетъ ли она какъ нибудь настоящей сущности дѣла, хотя мужъ ничего ей не хотѣлъ говорить и мнѣ запретилъ.

Черезъ недѣлю Рубановскій возвратилъ мнѣ мою рукопись,

которую я, при первой возможности, бросилъ въ пылающій каминъ. Онъ сказалъ, что она была читана людьми, понимающими это дѣло, которые ее достойно оцѣнили. Я покраснѣлъ до ушей; я хорошо зналъ, кто это—эти достойные люди; мнѣ стало совѣстно дурачить цѣлое общество, члены котораго, при всемъ своемъ одностороннемъ ослѣпленіи или увлеченіи, были люди умные, образованные и почтенные. Я не могъ по прежнему спокойно смотрѣть въ глаза Черевину и Мартынову, которые въ тотъ день обѣдали вмѣстѣ со мною; мнѣ казалось, что они все знаютъ, и что нѣкоторыя ихъ слова были намекомъ на мой безсовѣстный поступокъ; я былъ такъ смущенъ, такъ страненъ, что они необходимо должны были спросить меня, что со мною случилось, здоровъ ли я? А такіе естественные вопросы казались мнѣ неопровержимымъ доказательствомъ, что старикъ Рубановскій сказалъ, отъ кого получилъ списокъ съ мнимаго сочиненія Вольфа, и что они отгадали, кто настоящій сочинитель: однимъ словомъ я былъ мученикъ,—я былъ достойно наказанъ за мою дерзость. Въ самомъ же дѣлѣ всѣ мои опасенія и всѣ мои подозрѣнія были совершенно несправедливы: старикъ Рубановскій хранилъ строжайшую тайну и никто ни въ чемъ не подозрѣвалъ меня. Насилу дождался я времени, когда можно было, не нарушая принятаго порядка, уйдти отъ Рубановскихъ. На улицѣ я вздохнулъ свободнѣе, но долго не могъ совершенно успокоиться. Я далъ себѣ честное слово: никогда ничего подобнаго не дѣлать, и конечно сдержалъ его.

Въ слѣдующее воскресенье, я, по какой-то законной причинѣ, не поѣхалъ обѣдать къ Рубановскимъ. Я заѣхалъ къ нимъ въ субботу по утру, чтобы сказать заранѣе, что завтра не буду. Я зналъ, что старика нѣтъ дома и что онъ до самаго обѣда сидитъ въ своей конторѣ. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, не слыхала ли чегонибудь Анна Ивановна? Не знаетъ ли она, что происходило въ тотъ вечеръ у Лабзина, когда читали мою несчастную пародію? Я и прежде съ удивленіемъ замѣчалъ, что Анна Ивановна знала все, что дѣлалось въ домѣ у Лабзина и у Черевина. Какія она имѣла для этого средства, я не знаю, только и въ этотъ

разъ она знала все, кромѣ именъ сочинителя и того чело-
вѣка, который доставилъ Василю Васильевичу это драго-
цѣнное сочиненіе. Анна Ивановна знала, что Василій Ва-
сильевичъ самъ читалъ его вслухъ, въ присутствіи многихъ
членовъ, и что всѣ очень его хвалили и даже положено
было напечатать его въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», если онъ
опять будетъ позволенъ. Анна Ивановна знала даже и то,
что между Лабзинымъ и Н. Н. Новосильцевымъ шла сек-
ретная переписка объ этомъ журналѣ, и что эту переписку
читаетъ Государь. Довольный полученными мною свидѣнія-
ми, я поспѣшилъ уйдти, покуда не воротился Василій Василье-
вичъ. Мнѣ надобно было еще нѣсколько времени не встрѣ-
чаться съ нимъ, чтобъ взглянуть на него съ меньшимъ сму-
щеніемъ.

Пришло опять воскресенье. Я нашелъ у Рубановскихъ
Черевина и обоихъ Мартыновыхъ. Мартыновъ военный,
т. е. Павелъ Петровичъ, никогда еще при мнѣ не обѣдалъ
у Рубановскихъ, и я очень удивился и обрадовался ему, по-
тому что въ его присутствіи легче было не допускать раз-
говора до предметовъ отвлеченныхъ. Все обстояло благопо-
лучно. Я убѣдился, что никто не смотрѣлъ на меня особен-
нымъ образомъ, что никто не думалъ о посмертномъ сочи-
неніи Вольфа, и что никто не подозрѣвалъ моего участія въ
этомъ дѣлѣ. Я совершенно успокоился и былъ необыкновенно
веселъ. Анна Ивановна замѣтила это и сказала мнѣ,
что она всегда бы желала видѣть меня въ такомъ располо-
женіи духа. Вовсе неожиданно для всѣхъ, по крайней мѣрѣ
такъ говорила «братья», пріѣхалъ послѣ обѣда Лабзинъ.
Онъ былъ такъ же уменъ, любезенъ и разговорчивъ, какъ и
въ первый разъ, когда я познакомился съ нимъ у Рубанов-
скихъ; но со мной онъ обошелся, какъ съ челоѣкомъ вовсе
ему незнакомымъ. Всѣ обратили на это вниманіе, и съ лю-
бопытствомъ смотрѣли на меня. Вѣроятно всѣ думали, что
такая переменна непріятно озадачить и смутить меня; но я
внутренно такъ былъ ею доволенъ, что сдѣлался еще весе-
лѣе и болтливѣе. Кагда гости разѣхались, Анна Ивановна
дала мнѣ секретную аудіенцію и, глядя на меня съ улыбкою,
сказала: «Каковъ актеръ нашъ игуменъ?» такъ называла она

иногда Лабзина, «ухаживалъ, ухаживалъ за вами, да вдругъ и перевернулся, какъ будто знать не знаетъ васъ, какъ будто никогда не видывалъ! Ну да и вы хороши! Умѣли скрыть свою досаду и даже виду не показали.» Я постарался увѣрить Анну Ивановну, что я не досадывалъ, а радовался такой перемѣнѣ. Анна Ивановна была очень довольна, что не допустила меня попасть въ западню и сдѣлаться лакеемъ Лабзина, какими, по ея мнѣнію, были ея мужъ, Черевинъ, Мартыновъ и множество другихъ. Я благодарилъ ее, оставая въ пріятномъ заблужденіи, что ей одной обязанъ своимъ спасеніемъ,

Успокоенный въ моихъ опасеніяхъ, увѣренный, что моя насмѣшка надъ Мартинистами не можетъ открыться, я рѣшился довѣрить мою тайну одному изъ моихъ друзей, человѣку уже пожилому и необыкновенно скромному. Тайна тяготила меня, и, по природной моей откровенности, мнѣ необходимо было кому нибудь ее довѣрить. И. И. Р-га называли могилкою секретовъ и ему то я открылся во всемя. Я думалъ, онъ посмѣется: но къ удивленію моему онъ пришелъ въ ужасъ. « Не сказывалъ ли ты кому нибудь объ этомъ? » спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что никому не сказывалъ. « Ну такъ и не сказывай. Сохрани тебя Богъ, если ты проболтаешься! Я самъ въ молодости моей былъ масономъ. Мартинисты — тѣ же масоны. Если они узнаютъ твой обманъ — ты пропадешь. Даже мы съ тобой никогда уже говорить объ этомъ не будемъ.» Признаюсь, я былъ порядочно испуганъ, и точно долго объ этомъ никому не рассказывалъ, кромѣ задушевнаго друга моего, А. И. Казначеева; мы оба молчали до тѣхъ поръ, пока время сдѣлало открытіе моей тайны уже безопаснымъ.

Скоро я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, и воротясь черезъ годъ, нашелъ почти всѣхъ уже въ другомъ положеніи.

С. Аксаковъ.

1858 годъ.

Декабрь.

Москва.

ЗАШИСБИ ДЕРЖАВНА.

Въ 1808 году, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, Державинъ обѣщалъ публикѣ написать примѣчанія къ нимъ и показать «случаи, для которыхъ что писано и что къ кому относится.» Въ слѣдующемъ году онъ исполнилъ это обѣщаніе и продиктовалъ племянницѣ своей Е. Н. Львовой, когда какое сочиненіе писано, по какому поводу, откуда заимствовано и пр. *Объясненія* эти напечатаны въ 1834 году Э. П. Львовымъ. Но еще прежде, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Державина, служившій при немъ въ Министерствѣ Юстиціи, самъ любитель словесности и авторъ, Н. Э. Остолоповъ, собралъ записанные имъ рассказы Державина, относившіеся до его сочиненій, и въ 1822 году напечаталъ *Ключъ къ сочиненіямъ Державина*. Въ обѣихъ этихъ книгахъ разсѣяно много подробностей о жизни поэта.

По свойству таланта своего Державинъ принадлежитъ къ числу писателей, сочиненія которыхъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ихъ жизнью. Пылкій и впечатлительный, онъ писалъ большею частью по какому нибудь особенному случаю; стихи его наполнены указаніями и намеками на современныя лица, на современныя событія и всего чаще на обстоятельства его собственной жизни. Поэтому, когда онъ диктовалъ примѣчанія къ стихамъ своимъ, ему естественно припоминалось все его прошедшее; и такъ какъ жизнь его почти вся посвящена была, съ одной стороны стихамъ, съ другой службѣ, то объяснивъ первые, онъ захотѣлъ описать и вторую. Это побужденіе было тѣмъ

естественнѣе, что службу свою онъ ставилъ гораздо выше дѣятельности литературной :

За слова—меня пусть гложеть,

За дѣла—сатирикъ чтить.

Такимъ образомъ возникли нынѣ издаваемые *Записки Державина*, обнимающія жизнь его съ рожденія по 1812 годъ. Въ нихъ почти исключительно изложено гражданское и служебное его поприще, и потому они гораздо важнѣе въ историческомъ, нежели въ литературномъ отношеніи. Державинъ изобразилъ себя, по преимуществу, какъ чиновника, статсъ-секретаря и министра. Его собственное выраженіе о себѣ, что *горючъ и въ правдѣ чортъ*, вполне характеризуетъ эту сторону его дѣятельности.

Къ сожалѣнію Державинъ принялся за свои *Записки* уже въ преклонныхъ лѣтахъ: онѣ окончены въ 1812 году, когда ему шелъ семидесятый годъ, чѣмъ и объясняется неточность въ нѣкоторыхъ показаніяхъ. Кажется, онъ не успѣлъ выправить, ни даже перечестъ *Записокъ*: такъ можно судить по рукописи, оставшейся въ чернѣ, писанной весьма неразборчиво и со множествомъ помарокъ. Не говоримъ уже о тяжеломъ и безобразномъ слоgѣ: въ этомъ отношеніи даже Кантемиръ и Тредьяковскій, въ прозаическихъ сочиненіяхъ своихъ, могутъ быть поставлены выше Державина, который, сочиняя дѣловые бумаги, Сенатскія мѣморіи и голоса, не успѣлъ выработать себѣ прозаическаго языка.

Подлинная рукопись *Записокъ*, доставшаяся, по смерти супруги Державина, К. М. Бороздину, приобрѣтена Русскою Бесѣдою отъ наслѣдниковъ сего послѣдняго. Въ печати не сдѣлано никакихъ измѣненій относительно слога, и только исправлены нѣкоторыя явныя ошибки правописанія.

П. И. Бартеневъ, которому Русская Бесѣда поручила заняться изданіемъ въ свѣтъ *Записокъ* Державина, обставилъ ихъ примѣчаніями.

ЗАПИСКА

ИЗЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ВСѢМЪ ПРОИЗШЕСТВІЕВЪ И ПОДЛИННЫХЪ ДѢЛЪ,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ЖИЗНЬ

ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Съ рожденія его и воспитанія по вступленіе въ службу.

Бывшій статсъ-секретарь при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, сенаторъ и коммерцъ-коллегіи президентъ, потомъ при Императорѣ Павлѣ членъ Верховнаго Совѣта и государственнѣй казначей, а при Императорѣ Александрѣ министръ юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гавриль Романовичъ Державинъ родился въ Казанѣ, отъ благородныхъ родителей, въ 1743 году, Іюля 3 числа (1). Отець его служилъ въ арміи и, получивъ

(1) На шестомъ десятиѣ лѣтъ Державинъ въ слѣдующихъ стихахъ вспоминалъ свою Казань:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моея и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наследственны стада я буду зрѣть,
Вась, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?
(Изъ стихотворенія А. Фа)

отъ конскаго удару чахотку, переведенъ въ Оренбургскіе полки (¹) премьеръ-майоромъ; потомъ отставленъ въ 1754 году полковникомъ. Мать его была изъ роду Козловыхъ (²). Отецъ его имѣлъ за собою, по раздѣлу съ пятерыми братьями, крестьянъ только 10 душъ, а мать 50. При всемъ семъ недостаткѣ были благовравные и добродѣтельные люди. Помянутый сынъ ихъ былъ первымъ отъ ихъ брака; въ младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ и сухъ, такъ что, по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности. Въ томъ же году (³) отецъ его по комисіи командированъ былъ къ слѣдствію купцовъ Корякиныхъ въ городъ Яранскъ.—Примѣчанія достойно, что когда въ 44 году явилась большая, весьма извѣстная ученому свѣту комета (⁴), то при первомъ на нее воззрѣніи младенецъ, указывая на нее перстомъ, первое слово выговорилъ: *Богъ!* (⁵) Родители съ взаимною нѣжностію старались его воспитывать; однако же, когда въ послѣдующемъ году родился у него братъ, то мать любила болѣе меньшаго (⁶),

Въ примѣчаніи къ послѣднему стиху (у Львова) сказано, что въ Казанскомъ уѣздѣ, въ селѣ *Егоревъ*, находится фамиліное кладбище Державиныхъ.

Память Державина увѣковѣчена въ Казани, кромя извѣстной статуи на дворѣ университетскаго дома (1847), учрежденіемъ стипендіи для трехъ студентовъ (1843), которые содержатся на проценты пожертвованныхъ второю женою его денегъ (8371 р.) и называются *Державинскими пансионерами*, безъ обязательства служить казнѣ.

(1) Въ Пензенскій пѣхотный полкъ Оренбургскаго корпуса, какъ показано у митроп. Евгенія, въ его Словарѣ свѣтскихъ писателей, ч. 1, стр. 166.

(2) Отецъ ея былъ ротмистромъ, а дѣдъ стольникомъ (см. *Ключъ*, Остолопова).

(3) Въ подлинной рукописи слова: *въ томъ же году* написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: *въ 44-мъ году*.

(4) Комета 1744 года принадлежала къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Она отличалась длиннымъ хвостомъ съ шестью загнутыми лучами, и производила сильное впечатлѣніе въ народѣ. Въ Шацкомъ уѣздѣ было даже дѣло по поводу слуховъ о предаваемыхъ будто бы этою кометою бѣдствіяхъ.

(5) *Примѣчаніе Державина*. Два сіи произшествія совершенная были правда, и можетъ быть Провидѣніемъ предсказано чрезъ нихъ было, первымъ: (т. е. что *запекали его въ хлѣбъ*): трудной путь его жизни, что перешолъ, такъ сказать, чрезъ огонь и воду; вторымъ: что напишетъ оду *Богъ*, которая отъ всѣхъ похваляется.

(6) Этого меньшаго брата, умершаго въ 1770 году, звали Андреемъ (см. біографію Державина у митроп. Евгенія).

а отецъ старшаго, который на четвертомъ году уже умѣлъ читать. За немѣнѣемъ въ тогдашнее время въ томъ краю учителей, наученъ отъ церковниковъ читать и цѣсать. Мать однако, имѣя болѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась при-страстить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфетовъ. Старшій былъ острѣе и расторопнѣе, а меньшій глубокомысленнѣе и медлительнѣе. Въ младенческіе годы прожили они подлѣ непрестаннымъ присмотромъ родителей нѣсколько въ сказанномъ городѣ Яранскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, что близъ Волги, а наконецъ въ Оренбургѣ, гдѣ старшій, при вступленіи въ отроческія лѣта, то есть по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ (¹), явленъ былъ на первой смотрѣ губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отданъ для наученія Нѣмецкаго языка, за немѣнѣемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, гдѣкому Юсифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ рассказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженію наизусть вокаболъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія, разумѣлъ уже здѣсь упомянутой питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить (²), и какъ имѣлъ чрезвычайную

(1) О явлѣ недорослей на смотрѣ было нѣсколько законовъ, начиная съ 1720 года. Подробныя правила по этому предмету всего обстоятельнѣе изложены въ указахъ Анны Ивановны, 9 и 19 Февраля 1737 года; мальчиковъ отъ семилѣтняго возраста велѣно было являть и записывать въ Спб. у Герольдмейстера, а въ Москвѣ и губерніяхъ у губернаторовъ; когда имъ исполнялось 12 лѣтъ, они опять представлялись на нѣкотораго рода экзаменъ въ наукахъ; 16 лѣтъ они уже обязаны были ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, для представленія въ Герольдію или въ Сенатъ.

(2) По свидѣтельству И. И. Дмитріева (см. отрывокъ изъ его Записокъ, Москвитиницъ 1842 г. № 1. стр. 160), Державинъ кромѣ Нѣмецкаго не зналъ

къ наукамъ склонность, занимаясь между уроковъ денно и ночно рисованію, но какъ не имѣлъ не токмо учителей, но и хорошихъ рисунковъ, то довольствовался изображеніемъ богатырей, каковыя деревянной печати въ Москвѣ на Спаскомъ мосту продаются, раскрашивая ихъ чернилами, простою и жженою вохрою. такъ что всѣ стѣны его комнаты были оными убиты и уклѣнены. Въ теченіи сего времени отецъ имѣлъ комисіи быть при межеваніи нѣкоторыхъ владѣльческихъ земель, то отъ геодезиста, при немъ находящагося, сынъ получилъ охоту къ инженерству. Наконецъ, когда отецъ его въ 1754 году получилъ отставку, для которой ѣздилъ въ Москву, въ бытность въ оной Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, то и сей любимый сынъ его былъ съ нимъ, съ намѣреніемъ, чтобъ записать его въ кадетской корпусъ или въ артиллерію; но какъ для того надобно было ѣхать въ Петербургъ, а дѣла отца его, которыя онъ долженъ былъ кончить въ Москвѣ, паче же недостатокъ, что издержался деньгами, ѣхать ему въ сію новую столицу не дозволили, то возвратился онъ съ деревню съ намѣреніемъ въ будущемъ году непременно записать сына въ помѣнутыя мѣста. Хотя ему и вызывались нѣкоторыя особы въ Москвѣ принять его въ гвардію; но онъ по недостатку своему на то не могъ согласиться; однако же, по пріѣздѣ въ деревню (1), въ томъ же году въ Ноябрь мѣсяцѣ скончался, и тѣмъ самымъ пресѣклись желанія отца и сына, чтобы быть послѣдному въ такихъ командахъ, гдѣ бы чему нибудь ему научиться можно было.

И такимъ образомъ мать осталась съ двумя сыновьями и съ дочерью одного году въ крайнемъ сиротствѣ и бѣдно-

никакого другаго иностраннаго языка. Въ послѣдствіи, благодаря большой начитанности, онъ познакомился довольно близко съ иностранною словесностью, и въ сочиненіяхъ его есть переводы изъ Греческихъ, Латинскихъ, Итальянскихъ и Французскихъ писателей и подражанія имъ; но все это лишь по Русскимъ и Нѣмецкимъ переводамъ. Вообще въ первую половину прошедшаго вѣка почти исключительнымъ проводникомъ образованности служилъ у насъ Нѣмецкій языкъ; съ царствованія Елисаветы, и особенно при Екатеринѣ, быстро распространяется званіе и Французскаго языка.

(1) Казанскою (Ж. Юрьевъ Остолопова).

сти; ибо, по бытности въ службѣ, самамѣйшія деревни, и тѣ въ разныхъ губерніяхъ по клочкамъ разбросанныя, будучи неустроенными, никакого доходу не приносили, что даже 15 р. долгу, послѣ отца оставшаго, заплатить не чѣмъ было; притомъ сосѣди иные прикосновенныя къ нимъ земли отняли, а другіе, построивъ мельницы, остальные луга потопили. Должно было съ ними входить въ тяжбу; но какъ не было у сиротъ ни достатку, ни защитника, то обыкновенно въ приказахъ всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтобъ какое гдѣ нибудь отыскать правосудіе, должна была съ малыми своими сыновьями ходить по судьямъ, стоять у нихъ въ переднихъ у дверей по нѣскольку часовъ, дожидаясь ихъ выходу; но когда выходили, то не хотѣлъ никто выслушать ее порядочно; но всѣ съ жестокосердіемъ ее проходили мимо, и она должна была ни съ чѣмъ возвращаться домой со слезами, въ крайней горести и печали, и какъ не могла нигдѣ найти защиты, то и принуждена была лучшія угоды отдать записью купцу Дрябову за 100 рублей въ вѣчную кѣртому ⁽¹⁾, на которыхъ и построилъ онъ для суконной своей фабрики, въ Казанѣ находящейся, сукно-валельную мельницу, которая и теперь въ деревнѣ Комаровкѣ существуетъ, и которую послѣ, при межеваніи, старшій сынъ, будучи уже одинъ наследникъ, не хотя нарушить слова матери, за нимъ утвердилъ. Такое страданіе матери отъ неправосудія вѣчно осталось запечатлѣннымъ на его сердцѣ, и онъ, будучи потомъ въ высокихъ достоинствахъ, не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ. При такихъ однако напастяхъ мать никогда не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить; а для того ⁽²⁾ отдала ихъ въ наученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей Ариметики и Геометріи, сперва гарнизонному

(1) Слово *кѣртома* доселѣ употребляется по губерніямъ, и преимущественно восточнымъ; оно значить *наемъ*: домъ *окортомили*—домъ наняли; *кортомщикъ*—наемщикъ, жилецъ въ домѣ.

(2) Тутъ слѣдуютъ въ рукописи зачеркнутыя слова: *на другой годъ послѣ смерти мужа пѣдила съ ними въ Москву.*

школьнику Лебедеву, а потомъ Артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдуши, ибо какъ Роза Нѣмецкому языку училъ безъ грамматики, такъ и они Ариѳметикѣ и Геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ Ариѳметикѣ одними первыми пятью частями, а въ Геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что и для чего надлежитъ.

Когда же большому сыну настала 12-й годъ, то мать, дабы исполнить законъ и явить герольдіи въ положенный срокъ дѣтей своихъ, въ 757 году ѣздила въ Москву, желая также, по явкѣ въ оной и по полученіи доказательствъ на дворянство, записать ихъ въ помянутыя мѣста, куда отецъ хотѣлъ; но какъ противъ всякаго чаянія въ герольдіи не могла она объяснить хорошенько роду Державиныхъ, по которымъ городамъ и въ которыхъ годахъ предки ихъ служили, то и произошло загрождение; а для того, чтобъ отворотить оное, должно было обратиться къ нѣкому подполковнику Дятлову, живущему въ Можайскомъ уѣздѣ, произшедшему отъ сестры мужа ея, который, пріѣхавъ въ Москву, доказалъ истинное дворянское происхожденіе явленныхъ недорослей отъ рода Багримы мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Темномъ, что явствуетъ въ Бархатной книгѣ вообще съ родами: Нарбековыми, Акинѣевыми, Кеглевыми и прочими⁽¹⁾; но какъ на таковое изысканіе древности употреблено много времени, то зимнею порою и не можно уже было доѣхать до Петербурга, а какъ лѣтній путь по недостатку не былъ подъ силу, то и возвратились въ Казань съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ году совершить свое предположеніе.

Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія⁽²⁾, состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго

(1) Въ Бархатной книгѣ (изд. Миллера, 1787, ч. 11, стр. 421) вмѣсто *Золотой орды* названа *Большая орда* и вмѣсто *Кеглемы* — *Теглемы*. Державинъ обозначилъ эти имена невѣрно, точно такъ какъ выше назвалъ царемъ Идапомъ Васильевичемъ В. Князя Василя Ивановича Темнаго. — Восточное происхожденіе Державина приводятъ намъ на память, что Пушкинъ былъ правнукъ Араба, что Жуковский родился отъ Турчанки, и что въ самомъ имени Карамзина слышны восточные звуки (*кара* — черный).

(2) Указъ о Казанской гимназіи выданъ 21 Іюля 1758, а открыта она Веревкинскимъ въ началѣ слѣдующаго года.

Университета, то и отложена поѣздка, а записаны дѣти въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ: Латынскому, Французскому, Нѣмецкому, Ариѳметикѣ, Геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекцію бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Веревкина (1); однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь, по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учитеlemъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ; что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людскость и нѣкоторую розвязъ въ обращеніи. Старшій изъ Державиныхъ оказалъ болѣе способности къ наукамъ до воображенія касающимся, а меньшей къ математическимъ; однако же, во всѣхъ классахъ старшій своею расторопностію блисталъ поверхностью и бралъ предъ меньшимъ преимущество, который казался тупъ и застѣнчивъ. Въ слѣдствіе чего, старшій отличался въ рисованіи, а потому, когда директоръ въ 1759 году собирався главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчетъ въ успѣхахъ ввѣреннаго ему училища, то и приказалъ отличившимся ученикамъ начертить Геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, дабы тѣмъ дать блескъ

(1) *Верекинъ* († 1795), воспитанникъ Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, славившійся живостью характера и остроуміемъ, принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ нашихъ писателей. Онъ напечаталъ болѣе *полумоторста томовъ* разныхъ своихъ сочиненій и переводовъ (см. списокъ ихъ въ *Москит*. 1842, № 12, стр. 398—402). Въ Октябрѣ 1764 года, по доносу учителей гимназій Оттенгала и Дювиллара на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства, и прислалъ на его мѣсто профессора Савича (см. его біографію въ *Словарѣ* профессоровъ Московскаго Университета). Но Верекинъ еще два года оставался въ Казани въ должности губернагорскаго товарища. Ниже Державинъ по старой памяти называетъ его еще директоромъ. Впослѣдствіи они встрѣтились на службѣ во время Пугачевщины у Библикова и графа Панина; Верекинъ былъ директоромъ походной канцеларіи графа Панина.

своему старанію о наученіи ввѣршеннаго ему благороднаго юношества. Въ числѣ сихъ отличныхъ былъ и старшій Державинъ (1). Когда же директоръ въ 1760 году изъ Петербурга возвратился, то въ вознагражденіе учениковъ, трудившихся надъ Геометрією, объявилъ каждому по желанію записанными въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами, а Державина въ инженерный корпусъ кондукторомъ, въ слѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежащія званію каждого мундиры. Почему Державинъ, при бывшихъ торжествахъ въ гимназіи, и отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и при представленіи Фейерверковъ.

А когда нужно было, по указу Сената въ томъ же 1760 году снять съ города Чебоксарь планъ съ различеніемъ домовъ, противъ повелѣнія того правительства не по плану построенныхъ, и отправленъ для того сказанной директоръ Вережкинъ (ибо онъ въ то же время былъ и членъ Губернской Капцеляріи), то за неимѣніемъ тогда въ гимназіи Геометріи учителя, ибо бывший въ той должности капитанъ Морозовъ умеръ, то и взялъ онъ старшаго Державина вмѣсто инженера съ собою, подчиня ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи. Поелику же они всѣ, какъ выше сказано, учились Геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и при томъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астрелябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по Сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связями желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую рама,

(1) Въ запискахъ И. И. Дмитріева сказано, что Державинъ обратилъ на себя вниманіе Вережкина, снявши простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа портретъ императрицы Елисаветы Петровны, и что Вережкинъ представилъ зтого портретъ И. И. Шувалову.

не проходя, задѣвала за какой либо домъ, изъ коихъ нѣкоторыя были каменные, то записывать въ журналъ, которой домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ Сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать: *ломать*. Сіе можетъ быть не непонскуству его, но изъ хитрости приказано было для того, чтобъ народу и хозяевамъ болѣе сдѣлать тревоги; ибо когда съ идущихъ мимо города по Волгѣ судовъ сгниваемы были бурлаки для ношенія помянутыхъ ражъ, то суда останавливались, а знатные граждане уstraшены надписью, что ихъ дома ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго такое странное повелѣніе. Слѣдовательно и искали чрезъ всякія средства у него милости граждане, чтобъ не ломали ихъ домовъ, а судовые хозяева, чтобъ не воспрещали далѣе ихъ плаванія. Притомъ къ сугубому жителей уstraшенію, а особливо богатаго купечества, у которыхъ внутри города построены были кожевенные заводы, вымыслилъ онъ господинъ Веревкинъ средство доказать имъ, что они не токмо дѣлаютъ нечистоту и зловоніе въ городѣ, но и вредъ здравію; то приказалъ онъ, при собраніи чиновниковъ Воеводской Канцеляріи, Магистрата и народа, вынуть у самыхъ заводовъ нѣсколько со дна рѣки грунту, которой ни что иное оказался, какъ коженныя стружки, ольховая и дубовая кора, и положить оныя въ горчакъ, а воду налить въ бутылки и тоже самое сдѣлать выше по рѣкѣ, гдѣ никакихъ заводовъ не было, и тотъ вынутой дрязгъ запечатать печатями его Веревкина, Магистрата и Воеводской Канцеляріи, написавъ на привязанныхъ къ нимъ ерлыкамъ, гдѣ и при кожъ именно горшки наполнены и бутылки налиты. Сдѣлавъ сіе, приказалъ горшки и бутылки выставить въ открытыхъ мѣстахъ на солнце, а какъ они простояли такимъ образомъ три дни въ лѣтніе жаркіе дни, то, при собраніи тѣхъ же чиновниковъ и народа, приказалъ распечатать. Натурально, что оказались въ нихъ черви и весьма скверной запахъ. По поводу чего и далъ онъ Воеводской Канцеляріи и Магистрату предложеніе, чтобъ дѣйствіе заводовъ было до указа отъ Сената остановлено, и кожъ бы на нихъ ни подъ какимъ образомъ не дѣлали и въ рѣкѣ не полоскали. Въ слѣдствіе (чего) и поставлены были при заводахъ крѣпкіе караулы.

Но какъ отъ того хозяевамъ заведовъ произомель крайній убытокъ, что въ чанахъ кожи гнили, мастера и работные люди получать должны были работныя деньги по напрасну, то и старались хозяева производить свое издѣлье тайнымъ образомъ, заставля угрозамъ или подкупомъ молчать караульщиковъ, въ чемъ и трудности не было, ибо они были не военные люди, а ихъ же сограждане, находившіеся при Воеводской Канцеляріи и Магистратѣ разсыльщиками. Поелику же со стороны г. Веревкина были приставлены тайныя лазутчики, то въ одинъ день рапо на зарѣ и захвачено было великое множество кожъ, вывезенныхъ изъ чановъ для полосканія на рѣку. Тутъ воевода и бургомистръ должны были прибѣгнуть къ снисхожденію г. ассесора, котораго какъ-то умилоствовали, а тѣмъ и кончилась сначала толь страшная комиссія. Державину приказано было планъ города нарочно огромной величины сдѣланной (которой ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣщаться не могъ, а черчень на подволокѣ однихъ купеческихъ палатъ), не докончивъ, свернувъ и уклавъ его подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань, что имъ и исполнено.

Въ 1761 году получилъ г. Верекинъ отъ Главнаго Куратора Ивана Ивановича Шувалова повелѣніе, чтобъ описать развалины древняго Татарскаго, или Золотой орды города, называемаго *Болгары*, лежащаго между рѣкъ Камы и Волги, отъ послѣдней въ 5-ти, а отъ первой въ 50-ти или 60-ти верстахъ (1), и сыскать тамъ какихъ только можно древностей, то есть, монетъ, посуды и прочихъ вещей. Не имѣя способнѣйшихъ къ тому людей, выбралъ онъ изъ учениковъ Гимназіи паки Державина и присовокупя къ нему нѣсколько изъ его товарищей, отправился съ ними въ Іюнь или Іюль мѣсяцѣ въ путь. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, наскучилъ, оставилъ Державина, и подчинивъ ему прочихъ, приказалъ доставить къ себѣ въ Казань планъ, съ описаніемъ города и буде что найдется изъ древностей. Державинъ, пробылъ тамъ до глубокой осени, и что могъ, не имѣя самоужнѣйшихъ способовъ, исполнялъ. Описаніе, планъ и виды

(1) Это теперь село Богородицко-Успенское.

развалины нѣкоторыхъ строеній, то есть Ханскаго дворца, бани и каланчи, съ подземельными ходами, укрѣпленной желѣзными обручами по повелѣнію Петра Великаго, когда онъ шествовалъ въ Персію, и списки съ надписей гробницъ, также монету мѣдную и нѣсколько серебряной и золотой, кольца ушныя и наручныя, вырытыя изъ земли дождемъ, урны глиняныя или кувшины, вырытыя изъ земли съ углями, собралъ и по возвращеніи въ Казань отдалъ г. Вережкину. Онъ монеты и вещи принялъ, а описаніе, планъ, виды и надписи приказалъ переписать и перерисовать на чисто и принесть къ нему тогда, какъ онъ въ началѣ наступавшаго года по обыкновенію будетъ собираться въ Петербургъ для отдаванія отчетовъ Главному Куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ Гимназіи; но какъ въ началѣ 1762 года получено горестное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то онъ наскоро отправился въ столицу, приказавъ Державину сдѣланное имъ доставить къ нему послѣ.

Скоро потомъ Державинъ получилъ изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка паспортъ 1760 года за подписаниемъ лейбъ-гвардіи маіора князя Меншикова, въ которомъ значилось, что онъ отпущенъ для окончанія наукъ до 1762 года. А какъ сей срокъ прошелъ, ибо тогда былъ того года уже Февраль мѣсяць, то и долженъ онъ былъ немедленно отправиться къ полку, тѣмъ паче, что не имѣлъ уже никакой себѣ опоры въ Вережинѣ, на котораго мѣсто въ директоры Казанской Гимназіи присланъ былъ нѣкто профессоръ Савичъ (1).

(1) Я. К. Гротъ, въ превосходныхъ статьяхъ своихъ (Современникъ 1845. № № 2, 4, 11 и 12), къ сожалѣнію обвиняющихъ лишь первую половину жизни Державина, справедливо замѣтилъ, что недостатокъ первоначальнаго серьезнаго образованія значительно восполнился для Державина разнообразными впечатлѣніями его юности. Въ самомъ дѣлѣ, первые годы Державина прошли въ частыхъ переездахъ по огромнымъ пространствамъ Волжскаго края, начиная отъ Яраска (нынѣ юго-западный городъ Вятской губерніи) до Оренбурга и Киргизскихъ владѣній. Великолѣпная степная природа лучше всякаго систематическаго ученія воспитывала въ немъ поэта, и отзывалась потомъ въ широтѣ и смѣлости его художественныхъ приемовъ.

ГЛАВА II.

Воинская Державина служба до открывшагося въ Имперіи возмущенія.

Въ помянутомъ 1762 году въ Мартѣ мѣсяцѣ прибылъ онъ въ Петербургъ. Представилъ свой паспортъ маіору Текутьеву, бывшему тогда при полку дежурнымъ. Сей чиновникъ былъ человекъ доброй, но великой крикунъ, строгой и взыскательной по службѣ. Онъ лишь взглянулъ на паспортъ и увидѣлъ, что просроченъ, захохоталъ и закричалъ: «о братъ! просрочилъ», и приказалъ отвести вѣстовому на полковой дворъ. Привели въ полковую канцелярію и сдѣлали формальной допросъ. Державинъ, хотя былъ тогда не болѣе какъ 18 лѣтъ, однако нашелся и отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, почему присвоилъ его къ себѣ Преображенскій полкъ; ибо никогда желанія его не было служить, по недостатку его, въ гвардіи, а было объявлено отъ него желаніе, чрезъ господина Веревкина, вступить въ артиллерійскій или инженерный корпусъ, изъ которыхъ о принятія въ послѣдній кондукторомъ и былъ отъ него Веревкина удостовѣренъ, и носилъ инженерной мундиръ. По справкѣ въ канцеляріи извѣстно стало, что по списку съ прочими, присланному при сообщеніи отъ Ивана Ивановича Шувалова, записанъ онъ въ Преображенскій полкъ за прилежность и способность къ наукамъ, и отпущенъ для окончанія оныхъ на два года. Но паспортъ лежалъ въ канцеляріи до вступленія на престолъ Императора Петра Третьяго, по повелѣнію котораго велѣно всѣмъ отпускнымъ явиться къ ихъ полкамъ. И какъ посему онъ Державинъ въ просрочкѣ оказался невиннымъ, то и приказано его принять въ третью роту въ рядовые, куды и причисленъ; и какъ не было у него во всемъ городѣ ни одного человека знакомыхъ, то поставленъ въ казарму съ даточными солдатами вмѣстѣ съ тремя женатыми и двумя холостыми, и приказано было флигельману учить ружейнымъ приемамъ и фрунтовой службѣ; и какъ онъ платилъ флигельману за ученье нѣкоторую сумму денегъ, то стара-

нѣмъ его и собственною своею расторопностію и сплюю до того въ экзерціи (*sic*) успѣлъ, что, на случай требованія предъ Императора, изготовленъ былъ съ прочими на показъ; ибо сей Государь великой былъ охотникъ до экзерціи, и самъ почасту роты осматривалъ, какъ (*n*) третью, въ которой князь Трубецкой, фельдмаршалъ, генералъ прокуроръ и подполковникъ гвардіи, числился капитаномъ.

Въ такомъ положеніи бывъ нѣсколько времени, Державинъ вздумалъ, что у него есть вышеписанныя Болгарскія бумаги, которыя приказано было ему представить по командѣ; то онъ, отыскавъ г. Веревкина, принесъ къ нему оныя, а сей представилъ его и съ ними къ главному Куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Сей, принявъ его весьма благосклонно, отослалъ въ Академію художествъ къ какому-то чиновнику оной, Евграфу Петровичу Чemezову (1), которой, какъ извѣстно всѣмъ, былъ первой того времени славнѣйшій гравирной въ Имперіи художникъ. Сіе было въ великій постъ. Чemezовъ принялъ Державина весьма ласково, хвалилъ его рисунки, которые въ самомъ дѣлѣ были сущая дрянь; но, можетъ быть, для ободренія только молодаго человѣка къ искусствамъ были похваляемы, и приказалъ ему ходить къ себѣ чаще, обѣщавъ ему чрезъ Ивана Ивановича найти средство и путь упражняться въ наукахъ. Но какъ были при Петрѣ Третьемъ безпрестанно ротные и баталіонные строи, и никому никуда изъ роты отлучиться не позволяли, то и не имѣлъ времени Державинъ являться ни въ Шувалову, ни къ Чemezову; а покровителя, чтобъ его кто у ротнаго командира выпрашивалъ, никого не имѣлъ. Въ разсужденіи чего и долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науки. Однако, какъ сильную имѣлъ къ нимъ склонность, то не могши упражняться по тѣспотѣ комнаты ни въ рисованіи, ни въ музыкѣ, чтобъ другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить, по ночамъ, когда всѣ улягутся, читалъ книги, какія гдѣ достать слу-

(1) Академикъ Чemezовъ (1763), оставившій нѣсколько превосходныхъ эстамповъ, славился еще необыкновеннымъ, самоучкою приобретеннымъ искусствомъ рисовать перомъ.

чалось, нѣмецкія и русскія, и мараль стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ, что однако, сколько ни скрывалъ, но не могъ утаить отъ компаніоновъ, а паче отъ ихъ женъ; почему и начали онѣ его просить о написаніи писемъ къ ихъ родственникамъ въ деревни. Державинъ, писавъ просто на крестьянской вкусъ, чрезвычайно имъ тѣмъ угодилъ, и какъ имѣлъ при томъ небольшія деньги, получивъ отъ матери вскорѣ по пріѣздѣ своемъ сто рублей, то и ссужалъ при ихъ нуждахъ по рублю и по два; а чрезъ то пришелъ во всей ротѣ въ такую любовь, что, когда Петръ Третій объявилъ гвардіи походъ въ Данію, то и выбрали они его себѣ артельщикомъ, препоручивъ ему всѣ свои артельные деньги и закупку нужныхъ вещей и припасовъ для похода. Такимъ образомъ проводилъ онъ свою жизнь между грубыхъ своихъ сотоварищей, ходя безпрестанно не токмо въ строй для обученія экзерціи, но и во всѣ случающіяся въ ротѣ работы, какъ то: для чищенія каналовъ, для привозки изъ магазина провіанта, на вѣсти къ офицерамъ и на краулы въ полковой дворъ и во дворцы (1). 9-го Маія стоялъ на краулѣ въ погребяхъ, въ старомъ Зимнемъ дворцѣ (что былъ деревянный, на Мойкѣ, гдѣ нынѣ музыкальной клубъ) и смѣненъ для смотра роты Императоромъ, а скоро послѣ того и всего полка, на Царицыномъ лугу.

Около сего времени, то есть въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля мѣсяца, увидѣвъ его въ такомъ уничижительномъ состояніи пасторъ Гельтергофъ, которой за какой-то неважный проступокъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ

(1) «Онъ принужденъ былъ пойти на хлѣбъ къ семейному солдату: это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою. Солдатскія жены, видя его часто съ перомъ или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе, и стали поручать ему писать грамотки къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобы онѣ за его имъ услуги уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу: стоять за него на ротномъ дворѣ въ караулѣ, ходить за провіантомъ, разгребать сѣнъ около сѣнажей, или усыпать пескомъ учебную площадку. И жены и мужья на то согласились». (Изъ записокъ П. И. Дмитриева).

сосланъ въ Казань и находился въ гимназіи учителемъ, а тогда возвращень и Императору былъ знакомъ; то онъ, сожалѣя о его Державина участи, что онъ находится безъ всякаго призрѣнія и обиженъ, что многіе младшіе его солдаты, по рекомендаціямъ своихъ сродниковъ и милостивцевъ, произведены въ капралы, а онъ оставался всегда обиденнымъ, не смотря на то, что его умъ, хорошее поведеніе и расторопность, всѣ начальники одобряли, то онъ Гельтергофъ и общалъ его Державина выпросить чрезъ своихъ патроновъ у Императора, какъ знающаго нѣмецкой языкъ въ Голстинскіе офицеры, которыхъ полки или баталіоны квартировали въ Оранбаумъ. Но благодаря Провидѣніе, сего Гельтергофъ не успѣлъ сдѣлать по наступившей скоро, послѣ 28-го Іюня, извѣстной революціи.

На канунъ сего дня одинъ пьяной изъ его сотоварищей солдатъ, вышедъ на галерею, зачалъ говорить, что когда выдетъ полкъ въ Ямскую (разумѣется, въ вышесказанный походъ въ Данію), то мы спросимъ, за чѣмъ и куда насъ ведутъ, оставя нашу матушку Государыню, которой мы ради служить. Таковыхъ рѣчей, въ пьянствѣ и збивчиво выговоренныхъ, Державинъ, не знавъ ни о какомъ заговорѣ, не могъ выразумѣть; тѣмъ паче, что въ то самое время бывшія у него денжонки въ подголовкѣ, когда онъ былъ въ строю, слугою солдата Лыкова, который къ нему недавно въ казарму поставленъ былъ, украдены, то сей неприятной случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ къ вещамъ постороннимъ. (Солдаты всеі роты, любя Державина, бросились по всѣмъ дорогамъ и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успѣлъ нѣсколько истратить денегъ). Между тѣмъ въ полночь разнесся слухъ, что гренадерской роты капитана Пассека арестовали ⁽¹⁾ и посадили на полковомъ дворѣ подъ крауль; то и собралась было рота во всемъ вооруженіи сама собою, безъ всякаго начальничья приказанія, на ротный плацъ; но, постоявъ нѣсколько во фронтѣ, разошлась. А

(1) Арестъ П. Б. Пассека, какъ извѣстно, послужилъ главнымъ поводомъ къ ускоренію катастрофы, заставивъ торопиться приверженцевъ Екатерины.

поутру, часу по полуночи въ 8-мъ, увидѣли скачущаго изъ Конной Гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ Матушкѣ въ зимній каменной дворецъ ⁽¹⁾, которой тогда вновь былъ построенъ (въ первой день Святой недѣли Императоръ въ него переѣхалъ). Рота тотчасъ выбѣжала на плацъ. Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанной бой, тревога, и въ городѣ все суматошилось. Едва успѣли офицеры запыхаючись прибѣжать къ ротѣ, изъ которыхъ однако были нѣкоторые равнодушные, будто знали о причинѣ тревоги. Однако всѣ молчали; то рота вся, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, съ великимъ устремленіемъ, заряжая ружья, помчалась къ полковому двору. На дорогѣ, въ переулкѣ, идущемъ близъ полковаго двора, встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева, въ великой задумчивости ходящаго въ задъ и въ передъ, не говорящаго ни слова. Его спрашивали, куда прикажетъ итти, но онъ ничего не отвѣчалъ, и рота на нѣсколько минутъ приостановилась. Но усмотря, что по Литейной идущая гарнодерская (*sic*), не взирая на возпрещеніе маіора Воейкова, которой, будучи верхомъ и вынувъ шшагу, бранилъ и рубилъ гранадеръ по ружьямъ и по шапкамъ, вдругъ рыкнувъ бросилась на него съ устремленными штыками, то и напелся онъ принужденнымъ скакать отъ нихъ во всю мочь; а боясь, чтобъ не захватили его на Семеновскомъ мосту, повернулъ на право и въѣхалъ въ Фонтанку по груди лошади. Тутъ гранодеры отъ него отстали. Такимъ образомъ третья рота, какъ и прочія Преображенскаго полка, по другимъ мостамъ бѣжали, одна за одной, къ Зимнему дворцу. Тамъ нашли Семеновской и Измайловской уже пришедшими, которые окружили дворецъ и выходы всѣ заставили своими краулами. Преображенской полкъ, по подозрѣнію ли, что его любилъ болѣе другихъ Государь, часто обучалъ самъ военной екзерціи, а особливо

(4) Это теперешній Зимній дворецъ; старый, о которомъ упоминаютъ выше, занималъ все пространство на Невскомъ проспектѣ между вышшими Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою, по лѣвой рукѣ, ядучи отъ Невскаго монастыря.

гранодерскія роты, которыхъ было двѣ, жалуя ихъ нерѣдко по чаркѣ вина, или по старшинству его учрежденія, предъ прочею Гвардіей, поставленъ былъ внутри дворца. Все сіе Державина, какъ молодаго человѣка, весьма удивляло, и онъ потихоньку шелъ по слѣдамъ полка, а пришедъ во дворець, сыскалъ свою роту и сталъ по ранжиру въ назначенное ему мѣсто. Тутъ тотчасъ увидѣлъ митрополита Новгородскаго и первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода, съ Святимъ крестомъ въ рукахъ, который онъ всякому рядовому подносилъ для цѣлованія, и сіе была присяга въ вѣрности службы Императрицѣ, которая уже во дворець пріѣхала, будучи препровождена Измайловскимъ полкомъ; ибо изъ Петергофа привезена въ оный была на одноколкѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, какъ опослѣ ему о томъ сказывали. День былъ самой ясной, и побывъ въ семь дворцѣ часу до третьяго или четвертаго по полудни, приведены предъ вышесказанный деревянный дворець и поставлены отъ моста вдоль по Мойкѣ. Въ сіе время приходили предъ сей дворець многіе и армейскіе полки, примыкали по приведеніи полковниковъ къ присягѣ, по порядку, къ полкамъ Гвардіи, занимая мѣста по улицамъ Морскимъ и прочимъ, даже до Коломны. А простоявъ тутъ часу до восьмага, девятаго или десятаго, тронулись въ походъ, обыкновеннымъ церемоніальнымъ маршемъ, по взводно, при барабанномъ боѣ, по Петергофской дорогѣ, въ Петергофъ. Императрица сама предводительствовала, въ гвардейскомъ Преображенскомъ мундирѣ, на бѣломъ конѣ, держа въ правой рукѣ обнаженную шпагу (1). Княгиня Дашкова также была въ гвардейскомъ

(1) Черезъ двадцать лѣтъ Державинъ вспоминалъ этотъ день, и въ обращеніи къ Рафаелю просилъ его такъ изобразить ему Фелицу:

Одѣвъ въ доспѣхи, въ броня златы
И въ мужество ея красы;
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиръ вѣли власы;
Чтобъ конь подъ ней головой кругился,
И бурно бразды опѣялъ;
Чтобъ Нордъ съдѣй ей удивился,
И обладать собой избралъ.

(Шестая строфа въ піесѣ: *Изображеніе Фелицы*).

мундирѣ. Такимъ образомъ маршировали всю ночь. На нѣкоторомъ урочищѣ, не доходя до Стрѣльной, въ полночь имѣли отдыхъ. Потомъ двинулись паки въ походъ. Поутру очень рано стали подходить къ Петергофу, гдѣ чрезъ весь звѣринецъ, по косогору, увидѣли по разнымъ мѣстамъ разставленныя заряженныя пушки съ зажженными фитилями, которыя, какъ сказывали послѣ, прикрыты были нѣкоторыми армейскими полками и Голстинскими баталіонами; но всѣ отдались Государынѣ въ плѣнъ, не сдѣлавъ нигдѣ ни единого выстрѣла. Въ Петергофѣ расположены были полки по саду, даны быки и хлѣбъ, гдѣ, сваривъ кашу, и обѣдали. Послѣ обѣда часу въ 5-мъ увидѣли большую четырехмѣстную карету, запряженную больше нежели въ шесть лошадей, съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и по подножкамъ были гарнодеры же во всемъ вооруженіи; а за ними нѣсколько копнаго конвоя, которые, какъ послѣ всемъ извѣстно стало, отвезли отрекшагося Императора отъ правленія въ Ропшу, мѣстечко, лежащее отъ Петербурга въ 30 верстахъ, къ Выборской сторонѣ. Часу по полудни въ 7-мъ часовъ полки изъ Петергофа тронулись въ обратный путь въ Петербургъ; шли всю ночь и часу по полуночи въ 12-мъ прибыли благополучно въ слѣдъ Императрицы въ лѣтній деревянный дворецъ, которой былъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ цынѣ Михайловской. Простоявъ тутъ часа съ два, приведены въ полкъ и распущены по квартирамъ.

День былъ самой красной, жаркой, то съ непривычки молодой мушкатеръ еле живъ дотащилъ ноги. Кабаки, погребя и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь миръ; солдаты и солдатки, въ непстовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякіе другіе дорогіе вины и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и бочки, что у кого случилось. — Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что Императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ вѣдѣнія командующихъ, приступилъ къ лѣтнему дворцу,

требовалъ, чтобъ Императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями Прусскимъ Королемъ, котораго имя (по бывшей при Императрицѣ Елисаветѣ съ нимъ войнѣ, не смотря на учиненный съ нимъ Петромъ Третьимъ миръ, и что онъ ему былъ другъ) всему Россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и подполковникъ ихъ графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что Государыня почиваетъ и слава Богу въ вождѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показала. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейской мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвалено было ихъ усердіе, но съ другой напоминалась воинская дисциплина, и чтобъ не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; къ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня приумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мостамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ такомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ Государыня пребываніе свое имѣла, дней съ 8-мь, то есть по самую кончину Императора.

По водвореніи такимъ образомъ совершенной тишины, объявленъ походъ гвардіи въ Москву для коронаціи Ея Величества, и въ Августѣ мѣсяцѣ Державинъ по паспорту отпущенъ былъ съ тѣмъ, чтобъ явиться къ полку въ первыхъ числахъ Сентября, когда Императрица къ Москвѣ приближаться будетъ. Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь, потащился по тихоньку.

Въ то время спознакомился онъ, или лучше сказать, сдружился, своего же полка изъ дворянъ съ солдатомъ Петромъ Алексѣвичемъ Шишкинымъ, который у него послѣднія день-

ги заимообразно почти всё перебралъ (которыя едва ли заплатилъ). Однако съ остальными пріѣхалъ въ Москву, и будучи въ мундирѣ Преображенскомъ, на Голстинской манеръ, кургузомъ, съ золотыми петлицами, съ желтымъ камзоломъ и таковыми же штанами сдѣланномъ, съ Прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями какъ грибы подлѣ ушей торчащими, изъ густой сальной помады слѣпленными, щеголялъ предъ Московскими жителями, которымъ такой необыкновенной, или лучше странной, нарядъ казался весьма чудеснымъ, такъ что обращалъ на себя глаза глупыхъ; но къ прибытію Императрицы построены стараго покрою Преображенскіе мундиры.—Подъѣзжая къ Москвѣ, въ селѣ Петровскомъ Графа Разумовскаго, нѣсколько дней отдыхала, гдѣ мушкатеръ Державинъ, въ числѣ прочихъ солдатъ, наряженныхъ на краулъ, стоялъ въ саду на ночномъ пикетѣ и спознакомился съ подпоручикомъ Протасовымъ, который послѣ былъ ему пріятелемъ и дядкою у Великаго Князя Александра Павловича. Изъ села Петровскаго (ибо тогда еще подъѣзжачаго подмосковнаго Петровскаго дворца построено не было) ѣздила Государыня нѣсколько разъ инкогнито въ Кремль. Потомъ всенародно имѣла свой торжественный въѣздъ, сквозь построенные парадомъ полки гвардейскіе и армейскіе, подъ пушечными съ Кремля выстрѣлами и восклицаніями народа. 22 число Сентября въ Успенскомъ соборѣ, по обрядамъ благочестивыхъ предковъ своихъ, царей и императоровъ Россійскихъ, короновалась. Тогда отправленъ былъ обыкновенный народный пиръ. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные съ начинкою и съ живностью быки и пущены изъ ренскаго вина фонтаны. Въ вечеру городъ былъ иллюминированъ. Государыня тогда часто присутствовала въ Сенатѣ, который былъ помѣщенъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; проходя въ оной, всегда жаловала чиновныхъ къ рукѣ, котораго счастія, будучи рядовымъ, и Державинъ иногда удостоивался, ни мало не помышляя, что будетъ со временемъ ея статсъ-секретарь и сенаторъ. На зиму Государыня изволила переѣхать въ Головинской дворецъ, что было въ Нѣмецкой слободѣ. Тутъ однажды, стоя въ будкѣ позадь

дворца къ полю на часахъ, ночью, въ случившуюся жестокою стужу и мятель, чуть было не замерзъ; но пришедшею смѣною отъ того избавленъ. На масляницѣ той зимы былъ тотъ славный народный маскарадъ, въ которомъ на устроеномъ подвижномъ театрѣ, ѣздящемъ по всѣмъ улицамъ, представляемы были разные того времени страсти, или осмѣянные въ стихахъ и пѣсняхъ пьяницы, карточные игроки, подъячіе и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди, —сочиненіе знаменитаго по уму своему актера Федора Григорьевича Волкова и прочихъ забавныхъ стихотворцевъ, какъ-то гг. Сумарокова и Майкова.

Стоялъ онъ Державинъ тогда также сперва съ даточными солдатами на квартирѣ во Флигелѣ, въ домѣ гг. Киселевыхъ, который былъ, помнится, на Никитской или Тверской улицѣ. Таковая непріятная жизнь ему наскучила, тѣмъ болѣе, что не могъ онъ удовлетворить склонности своей къ наукамъ; а какъ слышно было тогда, что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, бывший главной Московскаго Университета и Казанской Гимназіи Кураторъ, которому онъ извѣстенъ былъ по поднесеннымъ, какъ выше явствуетъ, Болгарскимъ бумагамъ, (*sic*) то и рѣшился идти къ нему, и просить, чтобъ онъ его взялъ съ собою въ чужіе края, дабы чему нибудь тамъ научиться. Въ слѣдствіе чего, написавъ къ нему письмо, дѣйствительно пошелъ и подалъ ему оное лично въ прихожей комнатѣ, гдѣ многіе его бѣдные люди и челобитчики ожидали, когда онъ проходилъ ихъ, дабы ѣхать во дворецъ. Онъ остановился, письмо прочелъ и сказалъ, чтобъ онъ побывалъ къ нему въ другое время. Но какъ дошло сіе до тетки его по матери двоюродной, Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, бывшемъ на Арбатской улицѣ, женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку непроставленной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ Масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за ихъ главнаго начальника; то

она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запрета на крѣпко ходить къ Шувалову, подь угрозой написать къ матери, буде ея не послушаетъ. А какъ воспитанъ онъ былъ въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, то и было сіе для него жестокимъ пораженіемъ, и онъ уже болѣе не являлся къ своему покровителю; но отправлялъ, какъ выше явствуетъ, на ряду съ прочими солдатами, всѣ возложенныя низкія должности, а между прочимъ разносилъ не рѣдко по офицерамъ отданные въ полкъ съ вечера приказы. А какъ они стояли почти по всей Москвѣ, съ одного края на другомъ, то есть на Никитской, гдѣ рота стояла, на Тверской, на Арбатѣ, на Прѣснѣ, на Ордынкѣ за Москвой-рѣкой, то и должно было идти почти съ полуночи, дабы поспѣть раздать приказы каждому по рукамъ до обѣдни. И какъ въ Москвѣ по пустырямъ, зимнею порою, во время большихъ вьюгъ, бываютъ великіе снѣжные наносы или сугробы, то въ одну ночь, проходя на Прѣснию, потонулъ было въ снѣгу, гдѣ напали собаки и едва не растерзали, отъ которыхъ, вынувъ тесакъ, на силу оборонился. Въ одномъ изъ таковыхъ путешествій случился примѣчательный и въ нынѣшнемъ времени довольно смѣшной анекдотъ. Князь Козловскій ⁽¹⁾, жившій тогда на Тверской улицѣ, прапорщикъ третьей роты, извѣстный того времени пріятный стихотворецъ, у посѣщавшаго его, или нарочно пріѣхавшаго славнаго стихотворца Василья Ивановича Майкова ⁽²⁾, читалъ сочиненную имъ какую-то тра-

(1) *Кн. Федоръ Алексѣевичъ Козловскій*, воспитанникъ Московскаго Университета и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, поадѣе принимавшій участіе въ Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія. Онъ много переводилъ для театра, оставилъ оригинальную комедію *Одолжавшій любовникъ*, и нѣсколько неоконченныхъ пьесъ и мелкихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по журналамъ. Екатерина посылала его къ Вольтеру съ письмомъ и портретомъ своимъ. Отъ него ждали многого; но ранняя кончина, 1770 г. (онъ залетѣлъ на воздухъ вѣстѣ съ кораблемъ Евстафіемъ въ Чесменской битвѣ) не дала ему исполнить этихъ ожиданій. Ниже Державинъ говоритъ, что сочиненія кн. Козловскаго служили для него образцомъ въ первоначальныхъ его опытахъ.

(2) *Майковъ* (1723—1778), Бригадиръ и Прокуроръ Военной Коллегіи, извѣстный сочинитель *Елисея или Раздраженнаго Вакха*.

гедію (†), и какъ приходомъ вѣстоваго Державина чтеніе перервалось, который, отдавъ приказъ, нѣсколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловскій, примѣтя, что онъ не идетъ вонъ, сказалъ ему: « Поди, братецъ служивой съ Богомъ, что тебѣ по пусту зѣвать, вѣдь ты ничего не смыслишь»,—и онъ принужденъ былъ выдти.

Наступила весна и лѣто, и хотя многіе, какъ выше явствуешь, младшіе произведены были, не токмо въ капралы, но и въ унтеръ-офицеры по протекціямъ, а Державинъ безъ протектора всегда оставался рядовымъ; но какъ сталъ приближаться день восшествія Императрицы на престолъ, 1763 году Іюня 28-го дня, а въ такіе торжественные праздники обыкновенно производство по полку нижнихъ чиновъ бывало, то рѣшился онъ прибѣгнуть подъ покровительство маіора своего, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Въ слѣдствіе чего, сочинивъ къ нему письмо, съ прописаніемъ наукъ и службы своей, наименовавъ при томъ и обошедшихъ его сверстниковъ, пошелъ къ нему и подалъ ему письмо, которое прочетши онъ сказалъ: « хорошо, я разсмотрю.» Въ самомъ дѣлѣ и пожалованъ онъ въ наступившій праздникъ въ капралы.

Тогда отпросился въ годовой отпускъ къ матери въ Казань, дабы показаться ей въ новомъ чинѣ. На дорогѣ случилось приключеніе, ничего впрочемъ не значущее, но однако могущее въ крайнее свергнуть его злополучіе. Прекрасная, молодая благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ его гимназіи директоромъ, господиномъ Верекинымъ, который тогда возвращенъ былъ паки на прежнее свое мѣсто, бывъ за чѣмъ-то въ Москвѣ, отправлялась въ Казань, къ своему семейству, сговорилась съ нимъ и еще съ однимъ гвардіи же Преображенскаго полка капраломъ Аристовымъ вмѣстѣ для компаніи ѣхать. Въ дорогѣ, будучи непрестанно вмѣстѣ и обходясь по просту, имѣлъ удачу живостью своею и разговорами ей понравиться такъ, что товарищъ, сколь ни завидовалъ и изъ ревности сколь

(1) Можетъ быть, свою неоконченную *Сумбенку*, которая, по словамъ Ноикюва (въ Словарѣ), должна была доставить сочинителю бессмертную славу.

ни дѣлалъ на всякомъ шагу и во всякомъ удобномъ случаѣ возможныхъ препятствій, но не могъ воспретить соединенію ихъ пламени. Натурально, въ таковыхъ случаяхъ болѣе оказывается въ любовникахъ храбрости и рвенія угодить своей любезной. Въ селѣ Буньковѣ, что на Клязьмѣ, владѣніи господина Всеволожскаго, перевозчики подали паромъ; извозчики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотѣли перевозить безъ ряды; а какъ они запросили неумѣренную цѣну, которая почти и не подѣ силу капральскому кошельку была, то и не хотѣлъ онъ имъ требуемаго количества денегъ дать, а они разбѣжались и скрылись въ кусты. Прошло добрыхъ полчаса, и никто изъ перевозчиковъ не являлся. Натурально красавицѣ скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимаго предмета не тронуть? Страстный капраль, обнажа тесакъ, бросился въ кусты искать перевозчиковъ, и нашедъ ихъ, то угрозами, то обѣщаніемъ заплатитъ все, что они потребуютъ, вызвалъ ихъ кое-какъ на паромъ. Но какъ пришли на оный, то и требовали напередъ денегъ въ превосходномъ числѣ, чѣмъ прежде просили. Тутъ молодой герой, будучи пылкаго нрава, не вытерпѣлъ обману, вышелъ изъ себя и, схватя палку, ударилъ нѣсколько разъ кормщика. Онъ схватилъ свой багоръ и закричалъ прочимъ своимъ товарищамъ: «Робята, не выдавай»; съ словомъ съ симъ всѣ перевозчики, сколько ихъ ни было, кто съ веслами, кто съ шестами, напали на рыцарствующаго капрала, который, какъ ни отмахивался тесакомъ, но принужденъ былъ, бросившись въ повозку, схватить свое заряженное ружье, приложился и хотѣлъ выстрѣлить: но къ счастью, что ружье было новое, предъ выѣздомъ изъ Москвы купленное и неодоержанное, курокъ крѣпокъ, то и не могъ скоро спуститься. Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, въ мигъ разбѣжались. Тогда онъ, отвязавъ маленькій при берегѣ стоявшій челнокъ, сѣлъ въ него и переправился чрезъ Клязму въ помянутое село Буньково. Тамъ, ходя по улицѣ и по дворамъ, никого не находилъ; наконецъ вышелъ изъ приказной избы мужикъ довольно взрачный, осанистый, съ большою бородою и, подпираясь посохомъ, съ видомъ удивленія, спросилъ: «Что

ты, баринъ, такъ воюешь, развѣ къ басурманамъ ты заѣхалъ? чего тебѣ надобно?» Проѣзжіи пересказалъ ему случившееся, жалуясь на притѣсненіе переводчиковъ. « Ну что же за бѣда? развѣ не можно было другимъ манеромъ сискать на нихъ управы? Стыдно—ста, молодой господинъ, озарничать, бѣгать съ голымъ палашомъ по улицѣ и пужать міръ крещеный. Меня не испужаешь, велю схватить, да связать и отвезу въ городъ, такъ и будешь утирать кулакомъ слезы, но не поворотишь. Баринъ нашъ насъ не выдастъ » (которой былъ тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ и въ случаѣ при дворѣ). Таковымъ справедливымъ укоромъ устыдилъ храбреца мужикъ. Это былъ бурмистръ того селенія. Насилу кое-какъ, будучи убѣжденъ, приказалъ перевозить за сходную цѣну всѣ повозки.

Пріѣхавъ въ Казань, желалъ съ красавицей своею чаще видѣться, но будучи не большаго чина и не богатъ, не могъ имѣть свободнаго хода къ ней въ покой; ибо она жила въ одномъ домѣ съ господиномъ директоромъ, съ супругою его вмѣстѣ. А при томъ какъ долженъ былъ по приказанію матери ѣхать въ Шацкъ, для вывода оттуда нѣкотораго меньшаго числа крестьянъ, доставшихся ей на седьмую часть послѣ перваго ея мужа, господина Горина, то сіи кратковременныя любовныя шашни тѣмъ и кончились: ибо болѣе никогда уже не видалъ сего своего предмета.

Пріѣхавъ изъ Шацка въ Оренбургскую деревню, куда пріѣхала и мать его, прожилъ съ нею тамъ оставшее лѣтнее время; а въ исходѣ Сентября отправила она его въ Оренбургъ, по нѣкоторымъ случившимся деревенскимъ дѣламъ. На дорогѣ, не доѣзжая Сорочинской крѣпости верстъ за 30, случилось съ нимъ приключеніе, которое едва не лишило его жизни. Спускаясь съ меньшаго пригорка, переломилась подъ коляскою передняя ось. Въ разсужденіи обширнаго проѣзда степныхъ мѣстъ берутъ дорожныя всегда оси съ собою запасныя. Онъ приказалъ поддѣлывать оную; надѣвъ патронташъ и взявъ ружье, пошелъ по рѣчкѣ, тутъ протекающей, смотрѣть дичины. Увидѣлъ пару утокъ; но онѣ не допустили, перелетѣвъ по той же самой рѣчкѣ, сѣли

въ лукѣ. Онъ пошелъ за ними и, перепедъ маленькой кустарникъ, увидѣлъ вдругъ стадо дикихъ свиней или кабановъ съ молодыми поросятами. Боровъ матерой, черношерстый, усмотря его, тотчасъ отъ табуна отдѣлился. Глаза его какъ горящія угли заблистали, щетина на гривѣ дыбомъ поднялась, и изъ пасти бѣлая пѣна потекла струею. Охотникъ, примѣтя опасность, хотѣлъ перескочить на другую сторону рѣчки, ибо она была самая крошечная; но не успѣлъ онъ къ ней подойти, какъ увидѣлъ кабана, къ себѣ бѣгущаго, и въ тотъ же мигъ почувствовалъ себя брошеннымъ на нѣсколько шаговъ; а вскоча въ безпамятствѣ на ноги, усмотрѣлъ мелькнувшую кровь на пѣнѣ во рту у звѣря, выпалилъ изъ ружья, имѣющагося у него въ рукахъ, со взведеннымъ куркомъ, на поясовомъ прикладѣ. Вепрь палъ, стремившійся къ нему въ другой разъ, и какъ былъ уже очень близко, то зарядъ, хотя изъ мелкой утиной дроби, но угодя ему прямо въ сердце, повергъ его бездыханна на землю. Побѣдитель хотѣлъ подойти къ врагу своему и осмотрѣть его рану; тогда же самъ, почувствовавъ слабость, упалъ и взглянувъ на лѣвую ногу, увидѣлъ икру почти совсѣмъ отъ берца оторванную и кровь ручьемъ текущую. Не могши далѣе идти къ своей коляскѣ, остался на мѣстѣ, пока козаки, называемые въ томъ краю гулѣбщиками или охотники, ѣздящіе по степямъ за кабанамъ, сайгамъ и прочими звѣрями, на него наѣхали и, узнавъ отъ него приключеніе, нашли людей съ коляской, которые, поддѣлавъ ось, давно дожидались и не знали гдѣ пайти. Нельзя въ семъ случаѣ не признать чудеснаго покровительства Божія. Первое въ томъ, что свирѣпый звѣрь не пересѣкъ страшными своими клыками берца у ноги и жилъ сухихъ близъ лодышки, а отдѣлилъ только почти съ самаго подкольна одну отъ кости икру или мягкое мясо. Второе, что ружье, чрезъ которое былъ переброшенъ, упершись дуломъ въ землю, не сдѣлалось неспособнымъ къ выстрѣлу, ибо ложе хотя отъ ствола отломилось, но удержался прикладъ съ замкомъ по самымъ замочнымъ винтамъ на казенномъ шурупѣ; съ затравки порохъ не ссыпался и произвелъ свое надлежащее дѣйствіе. Третье, что безъ всякаго прицѣленія зарядъ попалъ въ сердце

звѣря, иначе бы легкою раною онъ могъ болѣе разсвирѣпѣть и довершить пагубу. Четвертое, что онъ не разтерзалъ живота, а поразилъ только ногу. Но какъ бы то ни было, благодареніе Промыслу, спасся отъ смерти; и хотя былъ въ Оренбургѣ недѣль съ шесть боленъ, но пособіями губернатора князя Путятина вылѣчился; однако рана совершенно не затворялась цѣлой годъ.

По наступленіи срока отправился въ Петербургъ къ полку. Такимъ же образомъ велъ свою жизнь какъ прежде, упражняясь тихоюко отъ товарищей въ чтеніяхъ книгъ и кропаніи стиховъ, стараясь научиться стихотворству изъ книги О поэзіи (1), сочиненной господиномъ Третьяковскимъ и изъ прочихъ авторовъ, какъ-то: гг. Ломоносова и Сумарокова. Но болѣе ему другихъ нравился, по легкости слога, помянутой господинъ Козловскій, изъ котораго и научился цензурѣ (sic) или раздѣленію александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины. Въ сіе время написалъ стансы, или пѣсенку похвальную *Наташъ*, одной прекрасной солдатской дочери, въ сосѣдствѣ въ казармахъ жившей, и отважился показать служившему унтеръ-офицеромъ Сергѣю Васильевичу Неклюдову, котораго черезъ то и брата его Петра Васильевича Неклюдова, бывшаго бомбандирскимъ сержантомъ, приобрѣлъ пріязнь, а прочихъ своихъ собратій похвалу (2). Тогда же шутошныя, непристойныя, сочиненныя имъ стихи на счетъ одного капрала, котораго жену любилъ полковой секретарь, бывшій тогда въ великой силѣ у подполковника графа Бутурлина, надѣлали ему хлопотъ и были причиною ненависти того секретаря, хотя онъ

(1) Вѣроятно, Державинъ разумѣетъ здѣсь сочиненіе Третьяковскаго: *Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ*.

(2) Первые литературныя опыты Державина были сожжены имъ при провѣдѣ черезъ карантинную заставу, о чемъ самъ онъ ниже рассказываетъ. «Кто бы могъ отгадать, какой былъ первой опытъ творца *Водопада*?—переложеніе въ стихи или лучше сказать на рѣмы площадныхъ прибаютокъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка! Потомъ онъ обратился уже къ высшему ремеслу, и переложилъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ *Телемака*, съ Русскаго перевода. Когда же узналъ правила поэзіи, то взялъ въ образецъ Ломоносова. Между тѣмъ читалъ въ оригиналѣ Геллетра и Гагедорна.» (Изъ Записокъ Н. И. Дмитріева).

прежде его любилъ за нарисованіе весьма искусно перомъ печати съ его гербомъ. Ибо одинъ изъ офицеровъ, имѣя въ карманѣ тѣ стихи, подалъ ихъ вмѣсто приказа гранодерскому капитану порутчику Афремову, а тотъ разсказалъ другимъ офицерамъ, то и вышелъ изъ того по всему полку смѣхъ; за что господинъ полковой секретарь молодого стихотворца гналъ и вычеркивалъ всегда изъ ротнаго списка, поданнаго къ производству въ чины, а по сей причинѣ и служилъ онъ въ капралахъ четыре года, ведя вышешписанную скромную жизнь ⁽¹⁾. Онъ стоялъ уже съ своими братьями дворянами, упражняющимися въ карточной игрѣ и прочихъ шалостяхъ, молодымъ людямъ свойственныхъ; то и началъ уже помалу въ нравахъ своихъ развращаться.

Въ семъ промежуткѣ времени едва не случилась съ нимъ незапная страшная смерть. Ходилъ онъ по обыкновенію въ своемъ званіи во всѣ краулы, то въ одномъ изъ оныхъ въ

(1) Здѣсь мѣсто привести слѣдующій отрывокъ изъ Записокъ Дмитріева. «Я иду съ нимъ (Державнымъ, который уже былъ статсъ-секретаремъ) по Невской набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ онъ меня, проходя мимо дома принцессы Борятинской Голштейнъ-Бекъ. Я сказываю. — Да она въ Италиі, кто же теперь занимаетъ его? — Наилъ Извъль Петровичъ Осокинъ. — Осокинъ! подхватилъ онъ, зайдемъ, зайдемъ къ нему!... и съ этимъ словомъ, не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу. Мнѣ легко было за нимъ послѣдовать, ибо я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, оторопѣлъ, увиав у себя новаго вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державиав бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же только съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими отвѣтами кланяется и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Черезъ полчаса мы сѣ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.»

«Отецъ Осокина имѣлъ суконную фабрику въ Казани; сынъ его въ молодыхъ лѣтахъ, по какимъ-то домашнимъ дѣламъ, жилъ въ Петербургѣ. По склонности своей къ чтенію Русскихъ книгъ, онъ познакомился съ именитыми того времени словесниками: съ пѣнтою и филологомъ Тредъковскимъ, съ прозантомъ Кирь комъ Кондратовичемъ и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякой разъ и земляка своего Державна, который былъ тогда еще капраломъ. Кондратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душою бесѣды. Молодой Осокинъ и самъ стихотворствовалъ. Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державнымъ въ своихъ бумагахъ. — Поэтъ, разсказывавъ мнѣ на обратномъ пути объ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ тогда помогалъ ему въ нуждахъ и часто ссужалъ его деньгами.»

Зимпемъ каменномъ дворцѣ, когда онъ еще внутри не весь былъ выстроенъ и въ той половинѣ, гдѣ послѣ былъ придворный театръ, а нынѣ апартаменты вдовствующей Императрицы Маріи Федоровны, на верху въ одномъ изъ самыхъ вышнихъ ярусовъ, были двое двери: одни въ покой, въ которомъ былъ полъ, а другія въ другой, въ которомъ былъ проломъ до самыхъ нижнихъ погребовъ, наполненныхъ кирпичными обломками; и какъ по лѣности, не токмо офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ, приказано было ему ночью обойти всѣ притоны ⁽¹⁾ дозоромъ, то онъ пошелъ, взявъ фонарика или солдата, который несъ фонарь, Казанскаго дворянина знакомаго себѣ, по фамиліи Потапова. Бѣгая по многимъ лѣстницамъ, не дожидаясь освѣщенія проходовъ, пришелъ наконецъ къ вышеписанному мѣсту, и хотѣлъ стремленіе свое продолжать далѣе, но вдругъ услышалъ голосъ Потапова, далеко на низу лѣстницы отъ него отставшаго, которой кричалъ: « Пойдите, куды вы такъ бѣжите? » Онъ остановился и лишь только освѣтилъ фонарь, то и увидѣлъ себя на порогѣ, или на краю самой той пропасти, о которой выше сказано. Одинъ мигъ, и едва-одни кости его остались бы на семь свѣтъ. Онъ перекрестился, воздалъ благодареніе Богу за спасеніе жизни и пошелъ куда было должно.

Въ сихъ годахъ, то есть въ 1765-мъ и въ 1766-мъ году, были два славныя въ Петербургѣ позорища, учрежденные Императрицею, сколько для увеселенія, столько и для славы народа. Первое, великолѣпный карусель, раздѣленный на четыре кадрили: на Ассирійскую, Турецкую, Славянскую и Римскую, гдѣ дамы на колесницахъ, а кавалеры на прекрасныхъ коняхъ, въ блистательныхъ уборахъ, показывали свое проворство мѣтаніемъ дротиковъ и стрѣльбою въ цѣль изъ pistols. Подвигоположникомъ былъ украшенный сѣдинами фельдмаршалъ Минихъ, возвращенный тогда изъ ссылки ⁽²⁾. Другое, преузорочный подъ Краснымъ Селомъ ла-

1) Т. е. тѣ мѣста, гдѣ стояли караулы.

2) Карусель этотъ или турниръ былъ данъ 14 Іюля 1766 года. Графъ Минихъ былъ *главнымъ судьейю*, т. е. раздавалъ призы, произносилъ приветственные рѣчи и пр. Кадрили, изъ которыхъ одну Державинъ вѣрно называетъ Ассирійской вмѣсто Индійской, представляли собою четыре народа.

герь, въ которомъ, какъ сказывали, около 50 тысячъ конныхъ и пѣшихъ собрано было войскъ для маневровъ предъ Государынею. Тогда въ придворный театръ впускаемы были безъ всякой платы одни класные обоого пола чины и гвардіи унтеръ-офицеры; а низкіе люди имѣли свой народный театръ на Коммиссаріатской площади, а потомъ изъ карусельнаго зданія, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ большой театръ, на которомъ играли всякіе фарсы и переведенныя изъ Мольера комедіи.

Въ одинъ изъ сихъ годовъ, но помнится, только что осенью, случилась поносная смертная казнь на Петербургской сторонѣ извѣстному Мировичу. Ему отрублена на ашафотѣ голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни и ждавшій по чему-то милосердія Государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились (1). Въ то время, не знаю по какой надобности, Государыня путешествовала по Остзейскимъ городамъ въ Лифляндіи, какъ то: въ Ригу, въ Ревель и въ прочихъ (2). Зимомъ объявленъ походъ Ея Величества въ Москву (3). Державинъ,

Праздникъ этотъ, по всему вѣроятію, придуманъ гр. Орловыми, либо въ угоду имъ: Орловы пользовались тогда особенною силою при дворѣ и были отличные наѣздяки. — Въ *Запискахъ о жизни Бибикова* (стр. 68) сказано, что Екатерина «назначила сіи великолѣпныя игры въ намѣреніи вѣсколко отвлечь всеобщее вниманіе отъ неудовольствія и впечатлѣній, произведенныхъ несчастною участію и бѣдственной кончиною бывшаго императора Ивана Антоновича и казнію Мировича и его сообщниковъ».

(1) Мировичъ казненъ 13 Сентября 1764 года. Въ *Запискахъ Порошина*, стр. 15: «Когда о совершившейся 15 числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ казни изволилъ Его Высочество (В. Кн. Павелъ Петровичъ) услышать, то опочивалъ ночью весьма худо»; стр. 53: «Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ рассказывалъ, съ какою твердостью и съ какимъ благоговѣніемъ злодѣй сей приступалъ къ смерти. Его Превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ) изволилъ сказывать о смѣшныхъ и недѣльныхъ общаніяхъ, которыя онъ Мировичъ дѣлалъ Святѣйшымъ Угодникамъ, если намѣреніе его кончится удачно.»

(2) Екатерина путешествовала по Остзейскому краю лѣтомъ 1764 года.

(3) Отъѣздъ изъ Петербурга въ Москву по дѣламъ Новаго Уложенія былъ 7 Февраля 1767 года. Вообще числовыя показанія у Державина перепутаны, потому что онъ писалъ на память.

по рекомендаціи вышепомянутаго Петра Васильевича Неклюдова, который пожалованъ около того времени въ полковые секретари, пожалованъ въ фурьеры и командированъ, подъ начальствомъ подпоручика Алексѣя Ивановича Лутовинова, на ямскую подставу для надзиранія исправности наряженныхъ лошадей, изготовленныхъ для шествія Императрицы и всего Ея двора. Сей Лутовиновъ и старшій его братъ капитанъ-поручикъ, Петръ Ивановичъ, хотя были умные и весьма расторопные въ своей должности люди, но старшій весьма развращенныхъ нравовъ, которому послѣдуя и младшій нерѣдко упражнялся въ зазорныхъ поступкахъ и въ неблагопристойной жизни, то есть въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непотребными ямскими дѣвками, въ извѣстномъ по распутству селѣ, что нынѣ городъ, Валдаяхъ; ибо младшаго брата станція была въ Яжелобницахъ, а старшаго въ Зимогорьѣ, въ сосѣдствѣ съ Валдаями. Тамъ проводили иногда цѣлыя ночи въ кабакѣ, никого однако постороннихъ кромѣ дѣвокъ не впуская. При всемъ томъ, хотя цѣлую зиму, съ Ноября по послѣднія числа Марта, въ такомъ распутствѣ провели, однако Державина со всѣми принужденіями довести до того не могли, чтобъ онъ когда либо напился пьянымъ; да и вовсе не токмо вина, но пива и меду не пилъ; въ карты же однако по малу играть началъ, не оставляя упражняться, если только время дозволяло, и въ стихотворствѣ. Тутъ первые написалъ правильные ямбическіе экзаметры на проѣздъ Государыни чрезъ рѣку того селенія Мохость, въ которой иногда находятъ прекрасной жемчугъ (1). По проѣздѣ всего двора проѣхалъ кабинетъ-министръ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, велѣлъ, снявъ станцію, слѣдовать всѣмъ гвардейскимъ командамъ къ ихъ полкамъ въ Москву. Ему были принесены жалобы, а особливо на старшаго Лутовинова въ разныхъ безчинствахъ, а особливо въ неотдачѣ ямщикамъ прогонныхъ денегъ, которыя получаемы были изъ кабинета и отъ проѣзжающихъ. Они были промотаны; но у меньшаго Лутовинова, какъ возложено было получать и платить ямщикамъ тѣ прогоны

(1) Стиховъ этихъ не сохранилось.

на унтеръ-офицера Державина, то огъ ихъ, ни мало не удерживая, всегда отдавалъ по рукамъ, кому слѣдовало, и тѣмъ ихъ сберегъ отъ постыдной растраты, а офицера своего отъ суда, которому старшій братъ подвергнуть: разжалованъ былъ, наипаче за то, что когда спущены были со станціевъ команды, то поскакали опретью въ Москву, а особливо двое Лутовиновы. Приѣхавъ въ село Подсолнечное, гдѣ стоялъ капитанъ Николай Алексѣевичъ Булгаковъ, котораго почитали не за весьма разумнаго чело-вѣка, требовали отъ него, будучи въ шумствѣ, на скоро лошадей, но какъ лошади были въ разгонѣ, то они ему не вѣря, приказали ихъ сыскивать по дворамъ; а какъ и тамъ оныхъ не находили, то многіе буяны изъ солдатъ, желая угодить командирамъ, перебили въ избахъ окошки, и разломали ворота, то и вышла отъ сего озарничества жалоба и шумъ. Булгаковъ вступился за свою команду. Онъ и Лутовиновы, наговоря другъ другу обидныхъ и бранныхъ словъ, называя Булгакова дуракомъ, разгорячились, или лучше сказать, вышли хмѣльные изъ разсудка, закричали своимъ командамъ: къ ружью! Булгаковъ также своей. У каждаго было по 25 челоуѣкъ, которые построились во фронтъ; имъ приказано было заряжать ружья; но Державинъ, бѣгая между ими, будто для исполненія офицерскихъ приказаній, запрещалъ тихонько, чтобъ они только видъ показывали, а въ самомъ дѣлѣ ружей не заряжали; и какъ было тогда ночное время, то офицеры того не примѣтили, а между тѣмъ подоспѣли лошади и наѣхали другія коман-ды, а именно изъ Крестецъ капитанъ Голохвостовъ, то и успокоилось сіе вздорное междуусобіе.

Въ сіе время досталось Державину при производствѣ въ полку чрезъ чинъ подпрапорщика въ каптенармусы, а Генваря перваго числа 1767 года въ сержанты, ибо, при покровительствѣ полковаго секретаря Неклюдова, сего уже не обходили. Съ открытіемъ весны Государыня на судахъ по Волгѣ шествовала въ Казань. На семъ пути, въ сообществѣ своихъ приближенныхъ господъ, трудилась надъ переводомъ Мармонтелева Велизарія. Гвардія возвратилась въ Петербургъ, а Державинъ на нѣкоторое время отпросился, для свиданія

съ матерью и меньшимъ его братомъ, учившимся въ гимназiи при директорствѣ г. Каница, въ Казань, гдѣ потомъ и въ Оренбургской деревнѣ оставшую часть лѣта и осень въ семействѣ своемъ прожилъ. Возвращаясь изъ отпуска, взялъ съ собою и меньшаго его брата изъ гимназiи, которая была тогда подъ вѣдомствомъ директора г. Каница.

Но, пріѣхавъ въ Москву и имѣвъ отъ матери порученіе купить у господъ Таптыковыхъ на Вягкѣ небольшую деревнишку душъ 30, остановился, и какъ за чѣмъ-то совершеніе крѣпости остановилось, то отправилъ въ Петербургъ меньшаго брата, просилъ записать его въ службу помянутаго своего благодѣтеля, полковаго секретаря Неклюдова, и себѣ на два мѣсяца отсрочки, которую и получилъ, а братъ записанъ въ тотъ же Преображенскій полкъ, но только, по склонности его къ математикѣ, въ бомбардирскую роту. И какъ стоялъ онъ тогда у двоюроднаго своего брата, господина Блудова, который и его двоюродной братъ господинъ подпоручикъ Максимовъ, живши въ одномъ съ нимъ домѣ, завели его сперва въ маленькую, а потомъ и въ большую карточную игру, такъ что онъ проигралъ данныя ему отъ матери на покупку деревни деньги. Тогда забылъ о срокѣ, хотѣлъ проигранныя деньги возвратитъ; но какъ не могъ, то, занявъ у него Блудова, купилъ деревню на свое имя и ему оную, съ присовокупленіемъ материнскаго имѣнія, хотя не имѣлъ на то и права, заложилъ. Попавъ въ такую бѣду, ѣздилъ, такъ сказать, съ отчаянія, день и ночь по трактирамъ искать игры. Спознакомился съ игроками или лучше съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводитъ въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ. Но благодареніе Богу, что совѣсть, или лучше сказать молитвы матери никогда его до того не допускали, чтобъ предался онъ въ наглое воровство или въ коварное предательство кого либо изъ своихъ пріятелей, какъ другіе дѣлывали. Но когда и случалось быть въ сообществѣ съ обманщиками, и самому обыгривать на хитрости, какъ и его подобнымъ образомъ обыгривали, но никогда таковой, да и никакой вы-

Второе. Познакомился съ нимъ въ трактирахъ по игрѣ нѣкто, хотя по роду благородный, знатной фамилии, но по поступкамъ самый подлый челоѡкъ, который содержался въ полиціи за поддѣлку векселей и закладныхъ на весьма большую сумму и подставленіе по себѣ въ поручительство подложной матери, который имѣлъ за собою въ замужествѣ прекрасную иностранку, которая торговала своими престестіями. Въ нее влюбился нѣкто пріѣзжіи Пензенской молодой дворянинъ, слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она, съ вѣдома, какъ послѣ открылось, мужа, съ нимъ коротко обращалась и его безъ милости обирала, такъ что онъ заложилъ свое и материнское имѣніе и лишился самыхъ необходимо нужныхъ ему вещей. А какъ сей дворянинъ былъ съ Державинымъ хорошей пріятель, то и сжалился онъ на его несчастіе. Въ слѣдствіе чего, будучи въ одинъ день въ компаніи съ мужемъ, слегка далъ ему почувствовать поведеніе жены. Мужъ старался прикрыть ее и оправдать себя своимъ невѣдѣніемъ; и хотя тогда прекратилъ разговоръ шутками, но запечатлѣлъ на сердцѣ своемъ на него злобу за такое чистосердечное остереженіе. Онъ, спустя нѣкоторое время, позвалъ его въ гости къ себѣ на квартиру жены и подъ вечеръ намѣренъ былъ поколотить, а можетъ быть и убить; ибо, когда Державицъ вошелъ въ покой, то увидѣлъ за ширмами двухъ сидящихъ незнакомыхъ, а третьяго лежащаго на постелѣ офицера, котораго разъ видѣлъ въ трактирѣ игравшаго несчастно на бильярдѣ; ибо его на поддѣльные шары обыгривали, что онъ шуткой и замѣтилъ офицеру. Хозяинъ, принявъ гостя спачала ласково, зачалъ его помалу въ разговорахъ горячить противорѣчіями, потомъ привязываться къ словамъ, напоминая прежде слышанныя имъ, относя ихъ къ обидѣ его и жены; но какъ гость опровергалъ сильными возраженіями свое невинное чистосердечіе; то умышленникъ и началъ кивать головой сидящимъ за ширмами и лежащему на постелѣ, давая имъ знать, чтобъ они начинали свое дѣло. Противъ всякаго чаянія лежащій сказалъ: «Нѣтъ, братъ, онъ правъ, а ты виноватъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его волосомъ, то я вступаю за него и переломлю вамъ руки

и ноги»; ибо былъ онъ молодецъ, приземистый борецъ, всѣхъ проворнѣе и сильнѣе и имѣлъ подлѣ себя арасину, то хозяинъ и всѣ прочіе соумышленники удивились и опѣшали. Это былъ господинъ землемѣръ, недавно пріѣхавшій изъ Саратова, порутчикъ Петръ Алексѣевичъ Гасвицкой, который съ того времени сдѣлался Державину другомъ.

Третье. Помянутый сродственникъ господина Блудова, Максимовъ, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, имѣлъ въ Москвѣ великое знакомство, а особливо съ сенатскими чиновниками; ибо имѣлъ по сему правительству дѣла. Онъ имѣлъ свои деревни въ тогдашней Пензенской губерніи, близъ села Малыковки, что нынѣ городъ Вольскъ. Къ нему хаживалъ той волости экономической крестьянинъ Иванъ Серебряковъ, содержавшійся въ Сыскномъ Приказѣ, по поводу подаваннаго имъ проекта Императору Петру Третьему о населеніи выходящими изъ Польши раскольниками на мѣстахъ пусто-порожнихъ, лежащихъ по рѣкѣ Иргизу, впадающей въ рѣку Волгу. Поелику же онъ Серебряковъ и къ нему приставленные начальники тотъ прозектъ и сдѣланную по оному имъ отъ правительства довѣренность употребили во зло, принимая всякаго рода и господскихъ людскихъ людей вмѣсто Польскихъ выходцовъ, давали имъ для поселенія по Иргизу билеты; то и было о томъ слѣдствіе, а онъ до окончанія онаго и рѣшительнаго о немъ приговора содержался въ томъ Приказѣ. Извѣстно же было изъ манифеста о Турецкой войнѣ, что Запорожскіе козаки, подъ предводительствомъ атамановъ ихъ, Желѣзняка и Черня, разграбили Польскую Украину и разорили за Днѣпромъ Турецкую слободу Балту, отъ чего война началась; то и велѣно было выступившимъ въ походъ войскамъ тѣхъ Запорожцовъ переловить и послать въ Сибирь, что и исполнилъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ. По приводѣ въ Москву нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разбойниковъ и главныхъ ихъ предводителей Желѣзняка и Черня, послѣдній занемогъ, или притворился больнымъ, то до выздоровленія и посаженъ въ тотъ же Сыскной Приказъ, гдѣ содержался Серебряковъ; и какъ они сидѣли въ одномъ покоѣ, то между разговоромъ рассказалъ Черняй Серебрякову о награблен-

номъ съ его артелью богатствъ, а можетъ быть и съ прикрасою, что ямы наполнены ими, покрытыя землею, серебряной посудой, и пушки жемчугомъ и червонцами. У Серебрякова на сіе сокровище разгорѣлись зубы. Сообщилъ онъ сіе свѣдѣніе вышесказанному Блудова родственнику, живущему въ одномъ съ Державинымъ домъ, и прельстилъ его своими разказами. Сей или оба они вознамѣрились воспользоваться симъ богатствомъ. Для чего Серебряковъ, выпрашиваясь изъ-подъ караула, нерѣдко хаживалъ къ нему, и Державинъ его у него нѣсколько разъ видалъ; но какъ не участвовалъ въ ихъ умыслѣ, тѣмъ паче, что они, желая одни обогатиться, никогда и не приглашали его къ тому. А какъ имъ не лъзя было безъ сообщниковъ сильнѣйшихъ произвести въ дѣйствіе сего своего предпріятія, то и пригласилъ сказанной родственникъ къ сему промыслу довольно значущихъ чиновныхъ людей изъ господъ сенатскихъ и прочихъ благородныхъ людей своихъ пріятелей, чрезъ коихъ бы высвободилъ Черняя и Серебрякова изъ тюрьмы. Они это сдѣлали такимъ образомъ: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взысканіе, и какъ находился такой законъ, по коему должно было изъ всѣхъ правительствъ по требованіямъ посылать въ Магистратъ комодниковъ для уплаты ихъ долговъ ихъ заимодавцамъ, а изъ Магистрата дозволялось отпускать ихъ въ баню, въ церковь и къ родственникамъ подъ присмотромъ; — сего довольно крючкотворцамъ. Черняй отпущенъ въ банку подъ надзираніемъ одного гарнизоннаго солдата; на Царициной площади отбитъ незнаемыми людьми; а Серебрякова выпросилъ подъ свое поручительство помянутый господина Блудова родственникъ. Сія побочная исторія введена здѣсь для того, что послѣ откроется оной связь съ коммисією, по возмущенію Пугачева бывшей, въ которой употребленъ былъ Державинъ.

Наконецъ, кратко сказать, онъ, проживая въ Москвѣ съ знакомыми такового разбора людьми, чрезвычайно наскучилъ или лучше сказать возгнушавшись самъ собою, взялъ у пріятеля матери своей 50 руб., который прошенъ былъ отъ нея ссудить въ крайней его нуждѣ, бросился опро-

метью въ сани и поскакалъ безъ оглядокъ въ Петербургъ. Сіе было въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года, когда уже началось открываться въ Москвѣ моровое повѣтріе. Въ Твери удержалъ было его нѣкто изъ прежнихъ его пріятелей, человѣкъ распутной жизни, но кое-какъ отъ него отдѣлался, издержавъ всѣ свои денжонки. На дорогѣ занялъ у вѣдущаго изъ Астрахани садоваго ученика съ виноградными къ двору лозами 50 руб. и тѣ въ Новгородскомъ трактирѣ проигралъ. Остался у него только рубль одинъ крестовикъ, полученный имъ отъ матери, который онъ во все теченіе своей жизни сберегъ. Подъѣзжая къ Петербургу въ 1770 году, какъ уже тогда моровое повѣтріе распространялось, нашель на Ижорѣ или Тоснѣ заставу карантинную, на которой должно было прожить двѣ недѣли. Это показалось долго; да и жить за неимѣніемъ денегъ было нечѣмъ, то старался упросить карантиннаго начальника о скорѣйшемъ пропускѣ, доказывая, что онъ человѣкъ небогатый, платя у него никакого пѣтъ, которое бы окуривать и провѣтривать должно было; но какъ былъ у него одинъ сундукъ съ бумагами, то и находили его препятствіемъ; онъ, чтобы избавиться отъ онаго, сжегъ при караульныхъ совѣтъ тѣмъ, что въ немъ ни было и преобратя бумаги въ пепель, принесъ на жертву Плутону все, что во всю молодость свою чрезъ 25-ть лѣтъ намаралъ, какъ то: переводы съ Нѣмецкаго языка и свои собственные сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Хороши ли они, или дурны были, того теперъ сказать не можно; но изъ близкихъ его пріятелей кто читалъ, а собливо *Христианина въ уединеніи*, *Захарія*, весьма хвалили. (1).

(1) Тутъ же конечно сожжены были и стихи его на Сумарокова, написанные въ началѣ 1770 года, когда происходила извѣстная ссора Сумарокова съ театральнымъ Директоромъ и Московскимъ главно-командующимъ гр. Салтыковымъ. Раздраженный трагикъ написалъ эпиграмму на Москвитчей. Державинъ пародировалъ ее, распустилъ свои стихи по городу, и между тѣмъ какъ Сумароковъ отыскивалъ сочинителя, тотъ ѣздилъ къ нему, даже обѣдалъ у него и забавлялся его наступленіемъ (Записки Дмитріева). Собственно къ этому времени, т. е. по переѣздѣ въ Петербургъ, относятся первые сохранившіеся стихи Державина. Именно отъ 1770 года осталось пять небольшихъ пѣсень:

1. *Объявленіе въ любви II*, 112 (ссылки на Смирдинское изданіе 1831 г. въ 2 частяхъ).

Пріѣхавъ, какъ выше сказано, въ Петербургъ съ однимъ рублемъ, благословеніемъ матери, занялъ на прожитокъ 80 рублей у Григорья Никифоровича Киселева, давнишняго своего пріятеля, Казанскаго помѣщика, съ которымъ учились вмѣстѣ въ гимназіи, служили въ полку и гуляли на подставахъ. Тутъ брата своего засталъ уже бомбардиромъ или мушкетерскимъ капраломъ, но больнымъ въ чахоткѣ, что, бывъ на ученѣ, отъ усильнаго поворачиванія пушки надорвался, вспотѣлъ и пошедъ домой простудился, отъ чего пришла сперва лихорадка, отъ которой лѣчился извѣстнымъ славнымъ шарлатаномъ (Ерофеичемъ, вылѣчившимъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова отъ весьма опасной болѣзни, отъ котораго всѣ лучшіе доктора отказались. Выпивъ нѣсколько приѣмовъ настояннаго съ какими-то кореньями питья, сталъ кашлять кровью и получилъ выше объявленную неизлѣчимуую болѣзнь. Видя его весьма въ короткое время изсохнувшимъ, отпросилъ въ отпускъ къ матери въ Казань, гдѣ онъ подъ ея призоромъ, болѣе 20 лѣтъ отъ рожденія своего, кончилъ жизнь и погребенъ на Проломной улицѣ, у церкви Вознесенія Господня.

Оставшись послѣ брата, на занятія у Киселева деньги выигралъ сотни двѣ рублей у помянутаго выше господина Протасова, заплатилъ долгъ и пробавлялся кое-какъ, имѣя наи-

2. *Плаждь*, II, 113.

3. *Нить* (изъ Клоштока) II, 114.

4. *Всемиль* II, 115.

5. *Изъ Сафо* (по переложенію Буало). II, 143.

Всѣ онѣ любовнаго содержанія; во второй и третьей уже видны приемы истиннаго таланта. — Тогдашнюю жизнь свою Державинъ вспоминалъ потомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Бывало подъ чужимъ нарядомъ,
 Съ красоткой чернوبرовой редомъ,
 Иль съ бѣленькой, сиди со мной,
 Ты въ шашки, то въ картежъ играешь,
 Прекрасною твоей рукой
 Туза червоннаго вскрываешь,
 Сердечной твоей тѣмъ кажешь взглядъ,
 Я къ краля короля бросаю,
 И ферзь къ ладьямъ я придвигаю,
 Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

(Изъ пьесы *Счастье*, 10 строка).

болѣе обхождение съ нимъ, съ Петромъ Васильевичемъ Неклюдовымъ и съ капитаномъ Александромъ Васильевичемъ Толстымъ, у котораго тогда и въ 10 ротѣ находился. Сии трое честные и почтенные люди его крайне полюбили за нѣкоторыя его способности, что онъ изрядно рисовалъ или, лучше сказать, копировалъ перомъ съ гравированныхъ славнѣйшихъ мастеровъ эстамповъ, такъ искусно, что съ печатными не можно было узнать рисованныхъ имъ картинъ. Болѣе же всего нравился онъ имъ за нѣкоторое искусство въ составленіи всякаго рода писемъ. Писанныя имъ къ Императрицѣ, для всякаго рода людей притѣсненныхъ, обиженныхъ и бѣдныхъ всегда имѣли желаемый успѣхъ и извлекали у нея щедроты. Случалось, обрабатывалъ онъ приказныя и полковыя дѣла, и доклады иногда къ престолу, и любовныя письма для Неклюдова, когда влюбленъ былъ въ дѣвицу Ивашеву, на которой послѣ и женился, хотя отецъ сперва тому и противился.

Въ 1771 году переведенъ въ 16 роту, въ которой отправлялъ фельдфебельскую должность въ самой ея точности и исправности; такъ что, когда назначенъ былъ въ томъ лѣтѣ лагерь подъ Краснымъ Кабачкомъ, то капитанъ Василей Васильевичъ Корсаковъ, никогда не служившій въ арміи и нимало несвѣдущій военныхъ движеній, возложилъ все свое упованіе на фельдфебеля, ибо и офицеры были столько же свѣдущи въ томъ какъ и онъ, или по крайней мѣрѣ люди изнѣженные или лѣнныя, что не хотѣли заниматься своею должностію: такова была тогда служба; но какъ и онъ ничего не зналъ и не знали, какъ въ лагерь вступить, то и принужденъ былъ у солдатъ, недавно написанныхъ въ гвардію изъ армейскихъ полковъ, учиться, а чтобъ не стыдно было, то вставая на зарѣ, собиралъ роту и разставя колья, назначалъ имъ лагерныя улицы и входы и вводилъ въ нихъ по взводно или пошеренжно людей. А какъ лагерь благополучно отстояли и на полковомъ смотрѣ никакого безпорядку не случилось, то и болѣе заслужилъ уваженія отъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые избрали его въ хозяины и препоручили сложенную ими компаніонскую сумму. По выходѣ изъ лагеря, въ Сентябрѣ, какъ надобно было къ приближающемуся новому

году атестовать изъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры, что тогда происходило чрезъ собраніе ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ, то не лзя было не отдать справедливости по службѣ, по поведенію и по честности фельдфебелю. Однакоже полковой адъютантъ Желтухинъ, имѣя меньшаго брата сержантомъ, младшимъ Державина, за которымъ ему не могло достаться въ офицеры и желая какъ можно натянуть, придирался всячески къ фельдфебелю. и въ одинъ разъ, что минуто послѣ его пріѣзду на полковой дворъ пришелъ за приказомъ, поставилъ его подъ ружье, желая тѣмъ представить его неисправнымъ въ должности и обнести у маіора Маслова, котораго онъ былъ любимецъ и дѣлалъ изъ него, что хотѣлъ, который уже былъ направленъ, что Державина за бѣдностію въ гвардіи офицеры не производить, а выпустить въ армейскіе офицеры. Однако же, какъ офицеры знали его способности, а особливо помянутые Неклюдовъ, Протасовъ и Толстой, которые были уже капитанами изъ лучшихъ и маіоромъ уважаемы, наотрѣзъ въ собраніи сказали, что ежели Державинъ не атестуется, то они никого другихъ атестовать не могутъ. И такъ онъ въ началѣ 1772 года, Генваря 1-го дня, произведенъ гвардіи прапорщикомъ въ ту же 16 роту, въ которой служилъ фельдфебелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность его великимъ была препятствіемъ носить званіе гвардіи офицера съ пристойностію; особливо тогда болѣе даже, нежели нынѣ, предпочитались блескъ богатства и знатность, нежели скромныя достоинства и ревность къ службѣ. Но какъ бы то ни было, ссудою изъ полку сукна, позументу и прочихъ вещей на счетъ жалованья (ибо тогда изъ полковой экономической суммы всегда комиссаромъ запасалось оныхъ довольно количество) обмундировался онъ; продавъ сержантскій мундиръ, купилъ Аглинскіе сапоги и небольшую занявъ сумму и ветхую каретишку въ долгъ у господъ Окуневыхъ, исправилъ всѣмъ нужнымъ. Жилъ онъ тогда въ маленькихъ деревянныхъ покойникахъ, на Литейной, въ домѣ господина Удолова, хотя бѣдно, однако же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней при-

вязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по малу свое поведеніе; обращался между тѣмъ, гдѣ случай позволялъ, съ честными людьми и въ игрѣ, по необходимости для прожитку, но благопристойно (1). Изъ офицеровъ пріязнь его тогда была наиболѣе съ поручикомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Масловымъ, которой также имѣлъ интригу съ одною довольно чиновною дамою. Сей Масловъ былъ человѣкъ довольно умный, честный и съ нарочитыми въ словесности, а особливо во Французскомъ языкѣ, свѣдѣніями; но при всемъ томъ вѣтреный и мотъ, который ввелъ Державина въ большіе хлопоты, какъ о томъ ниже увидимъ.

Въ семь году около осени случилось замѣчательное происшествіе. Въ одинъ годъ, помнится, въ Іюль мѣсяцѣ, отданъ приказъ, чтобъ выводить роты на большое парадное мѣсто въ три часа по утру. Прапорщикъ Державинъ пріѣхалъ на ротный плацъ въ назначенное время. Къ удивленію не нашель тамъ не токмо капитана, но никого изъ офицеровъ, кромѣ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ; фельдфебель отрепортовалъ ему, что всѣ больны. И такъ, когда пришла пора, онъ долженъ вести одинъ людей на полковое парадное мѣсто. Тамъ нашель маіора Маслова, и прочія роты начали собираться. Когда построились, сказано было: «къ ногѣ положи», и ученья никакого не было. Такимъ образомъ преждали съ 3-хъ часовъ до 9-хъ часа въ великомъ безмолвіи, недоумѣвая, что бы это значило. Наконецъ отъ стороны слободъ, что на Пескахъ, услышали звукъ цѣпей. Потомъ показались взводы солдатъ въ синихъ мундирахъ. Это была Семеновская рота. Приказано было полку сдѣлать карре, въ которой,

(1) Къ этому 1772 году относятся три піесы Державина:

6. Первая его торжественная ода: *На победы Екатерины II надъ Турками*, I, 700 сухая и напыщенная

7. Стихотвореніе *Пени*, II, 144 написанное по просьбѣ одной дамы къ измѣнившему ей другу (тоже слабое).

8. Переведенное съ нѣмецкаго сочиненіе Овидія: *Вроида или письмо Вылиды къ Кавиу*. Послѣдняя піеса напечатана въ второй части Петерб. журнала *Старина и Носизна*, изд. В. Рубана. (См. статью Я. К. Грота во 2 № Современника 1845 года, стр. 152).

къ ужасу всѣхъ, введенъ въ изнуренномъ видѣ и блѣдный унтеръ-офицеръ Оловянишниковъ, и съ нимъ 12 человекъ лучшихъ гранодеръ. Прочтенъ указъ Императрицы и приговоръ преступниковъ. Они умышляли на Ея жизнь. Имъ учинена торговая казнь; одѣли въ рогожное рубище и тутъ же, посажавъ въ подвезенныя кибитки, отвезли въ ссылку въ Сибирь. Жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ, но ужаснѣе того мысль, какъ могъ благородный человекъ навлечь на себя такое бѣдствіе. Однако же таковыхъ умышленій на Императрицу было не одно сіе (окромѣ возмущенія злодѣя Пугачева, которое будетъ ниже нѣсколько обстоятельнѣе описано, потому что въ усмиреніи онаго участвовалъ и Державинъ,) и именно гласныя, не говоря о невышедшихъ наружу: скоро по коронаціи въ Москвѣ Хрущевы и Жилинскій; по возвращеніи въ Петербургъ Озеровскій и Жилинскій: первые ошельмованы на эшафотѣ переломленіемъ шпагъ и разосланы на житье по ихъ деревнямъ, вторые въ каторжную работу въ Сибирь, а Пугачевской успокоенъ съ большимъ кровопролитіемъ въ междоусобной брани.

О СОВРЕМЕННЫХЪ ЯВЛЕНИЯХЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ.

(Письмо къ Ю. Э. Самарину.)

Давно уже, любезный Юрій Федоровичъ, обѣщаль я вамъ написать письмо о современныхъ явленіяхъ въ области философіи, и, по своему обыкновенію, откладывая со дня на день исполненіе своего обѣщанія, надѣяся на скорое свиданіе и предпочитая слово устное письменному. Теперь вы на долго отъ насъ удалились, и по неволѣ приходится братья за перо; но кстати ли зазывать васъ въ область отвлеченностей, когда вы работаете въ области практической, и позволительно ли даже приглашать васъ на тяжелый трудъ философскаго мышленія, когда вы и безъ того несете нелегкій трудъ безконечныхъ соображеній, толкованій и преній, какъ дѣятель въ разрѣшеніи современнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ вопросовъ?

Я было и призадумался къ вамъ писать, какъ вдругъ случайно попалъ въ Шеллингъ на слѣдующія слова: «Счастливы государства, гдѣ люди зрѣлые и богатые положительными знаніями постоянно возвращаются къ философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человеческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, — способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни ка-
отд. II.

залось, и вовсе неспособные положить оружіе передъ мечлочностью и невѣжествомъ, даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься, и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества». Эти слова разсѣяли мои сомнѣнія. Дѣйствительно, чѣмъ многообразнѣе и утомительнѣе ваши занятія въ мірѣ практическомъ, тѣмъ полезнѣе, можетъ быть, освѣжать душу напряженіемъ мысли въ другомъ направленіи, тѣмъ необходимымъ обновлять силы духа погруженіемъ его въ оживительную и укрѣпляющую среду безстрастныхъ и отвлеченныхъ созерцаній. Какъ бы ни былъ человѣкъ крѣпокъ, ему часто нужно сосредоточиваться, дабы не растрчивать своей крѣпости: нужно, чтобы душевныя способности, разсѣвающіяся въ жизненной борьбѣ, какъ воины въ продолжительномъ бою, были часто возвращаемы, какъ будто трубнымъ звукомъ, въ твердый и правильный строй вокругъ центральныхъ силъ нашего Богообразнаго разума.

Васъ я смѣло могу приглашать на крутыя высоты философскаго мышленія. Альпійскій охотникъ съ раннихъ лѣтъ, вы вспомните съ удовольствіемъ прежніе года: не со всѣми было бы тоже. Строгіе уступы этой горы и рѣзкій воздухъ ея вершинъ большей части нашихъ соотечественниковъ не виушаютъ ни какихъ другихъ чувствъ, кромѣ головокруженія и тоски, какъ восходъ на Моунъ-Бланъ. Грустно сказать, а должно признаться: мы слишкомъ не привычны къ требованіямъ философской мысли. Молодежь, не покорившая ума своего законамъ методическаго развитія, переходитъ у насъ въ совершенный возрастъ, вовсе не способный къ правильному сужденію о вопросахъ сколько нибудь отвлеченныхъ, и этой неспособности должно приписать многія не радостныя явленія въ нашей жизни и въ нашей словесности. Самая полемика у насъ не приноситъ по большой части той пользы, которой слѣдовало бы отъ нея ожидать. Вы доказали своему прогивнику нелогичность его положеній или выводовъ: что жъ? убѣдили вы его? нисколько. Онъ отъ себя логичности и не требовалъ никогда. Убѣдили вы по крайнѣй мѣрѣ читателя? нисколько. И тому нѣтъ дѣла

до логики: онъ ея не требуетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ; а разумѣется, чего не требуешь отъ себя въ мысли, того не потребуешь отъ себя и въ жизни. Вялая распущенность будетъ характеристикою и той и другой. Конечно, многіе полагаютъ, что философія и привычки мысли, отъ нея приобрѣтаемая, пригодны только (если къ чему нибудь пригодны, въ чемъ опять многіе сомнѣваются) къ спеціальнымъ занятіямъ вопросами отвлеченными и въ области отвлеченной. Ни кому въ голову не приходитъ, что самая практическая жизнь есть только осуществленіе отвлеченныхъ понятій (болѣе или менѣе сознанныхъ) и что самый практическій вопросъ содержитъ въ себѣ весьма часто отвлеченное зерно, доступное философскому опредѣленію, приводящему къ правильному разрѣшенію самаго вопроса. Это мы видѣли недавно по случаю спора *объ общинѣ*. Между ея противниками явились такіе, которые, нападая на нее, требовали ея уничтоженія, во имя человеческой свободы, и значительная часть публики имъ сочувствовала. Добро бы это случилось въ то время, когда насъ увѣряли, что Русскій міръ созданъ неизвѣстно когда-то и кѣмъ-то, и какими то административными мѣрами, по-мимо Русской жизни: но нѣтъ. Это уже дѣло покончанное изслѣдованіями и особенно свидѣтельствами, доставленными г. Иванишевымъ изъ Южной Руси. Міръ признанъ тѣмъ, что онъ и есть, созданіемъ нравственной свободы Русскаго народа, и онъ-то долженъ быть уничтоженъ въ пользу личнаго произвола. Подлюбуйтесь на эту великолѣпную логику!. Свобода есть еще только возможность силы (воли): ея первое безусловное проявленіе есть произволъ; ея освященіе заключается въ ея самоопредѣленіи, какъ начала разумнаго и нравственнаго. И такъ по новому правилу выходить, что должно жертвовать полнымъ проявленіемъ въ пользу возможности будущаго, безусловнаго проявленія: однимъ словомъ, должно уничтожать созданія свободы, задавая ей постоянный запросъ: «Ну-ка! начни снова! такъ ли ты опять создашь, какъ создала?» Безспорно, дѣло созданное нравственною свободою народа, не должно ограждать Китайскою стѣною административныхъ учреждений, точно такъ же, какъ не должно

охватывать желѣзными обручами растущее дерево или вколачивать ему въ сердцевину желѣзный коль, чтобы вѣтромъ не качало: это было бы безразсудно. Свобода, которую уважаемъ въ прошедшемъ, должна быть уважаема и въ будущемъ. Ей должно быть дано право измѣнять, стѣснять или расширять формы своего проявленія; но, въ пользу ея возможности, разрушать ея созданія было бы чистою и пошлою нелѣпостію. Пусть противъ общины ратуютъ по хозяйственнымъ и другимъ такого рода соображеніямъ! тутъ есть смыслъ, хотя бы (какъ я въ томъ убѣжденъ) и не было правды: пусть во имя личнаго произвола нападаютъ на нее тѣ, которые вообще протестуютъ за лице (*der einzelne*) противъ общества (народа)! въ этомъ есть послѣдовательность: но у насъ ни писавшіе, ни читавшіе и одобрявшіе не принадлежать къ Штирнеристамъ. Какъ же это случилось? Очень просто. Писавшій не понималъ того, что пишетъ; а читавшій и хвалившій не понималъ того, что читалъ. Ни тотъ, ни другой не привыкли требовать отчета отъ своего мышленія. Точно тоже повторяется у насъ безпрестанно и съ вопросомъ *о собственности*; но я этого не стану уяснять. Вотъ примѣры того прискорбнаго воздѣйствія не воспитаннаго мышленія на практическую жизнь, о которомъ я говорилъ.

Простите мнѣ это отступленіе, которое впрочемъ касается области вашихъ теперешнихъ занятій: я не могъ отъ него воздержаться, но теперь возвращаюсь къ главному предмету, о которомъ хотѣлъ писать.

Справедливо сказалъ покойный Кирѣевскій, что въ наше время философія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, остановилась въ своемъ развитіи по всей Европѣ и живетъ болѣе въ своихъ разнообразныхъ, часто бессознательныхъ приложенияхъ, чѣмъ въ видѣ отдѣльной и самостоятельной науки. Эпоха наша питается трудомъ недавно миновавшей великой эпохи германскихъ мыслителей. Это положеніе онъ изложилъ въ той превосходной статьѣ, которая дала Московскому Сборнику значеніе дѣйствительной поворотной точки въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Въ другой статьѣ, которую смерть не позволила ему кончить, Кирѣевскій продолжалъ уясненіе

своего перваго положенія и доказывалъ, что строй Западной образованности, въ слѣдствіе односторонности своей и ея историческихъ причинъ, долженъ былъ прійти къ остановкѣ и къ безвыходному раціонализму. Я старался, какъ вы знаете, опредѣлить самую точку, на которой остановилось это философское движеніе и показать ту послѣднюю форму, въ которой высказалась задача Германіи. Кратчайшее ея выраженіе будетъ слѣдующее: возсозданіе цѣльнаго разума (т. е. духа) изъ понятій разсудка. Какъ скоро задача опредѣлила себя такимъ образомъ (а собственно таковъ смыслъ Гегелевой дѣятельности), путь долженъ былъ прекратиться: всякій шагъ впередъ былъ невозможенъ. Но не осталась же Германія безъ философіи: къ ея чести должно сказать, что она безъ философіи не мыслима. Какое же направленіе приняла и должна была принять эта новая эпоха мышленія? Новыхъ основъ мышленіе принять не могло въ слѣдствіе причинъ, такъ превосходно изложенныхъ Кирѣевскимъ; оно должно было оставаться при старыхъ и довольствоваться ихъ видоизмѣненіемъ. Въ чемъ же состоитъ это современное видоизмѣненіе и которую изъ ложныхъ сторонъ прежней философіи старалось оно исправить или пополнить?

Вся школа Канта есть школа разсудочная. Правда, что точка отправленія ея—отрицаніе безусловнаго сомнѣнія (скепсиса) поставлена въ самомъ средоточіи мысли, въ мыслящемъ *я*: но расширяя и слѣдовательно отвергая положеніе Декарта: «мыслю, слѣдовательно есмь,» и ставя болѣе правильное и широкое: «есмь, слѣдовательно есмь» т. е. «для себя есмь безусловно,» она впадаетъ постоянно въ стремленіе опредѣлить это средоточіе однимъ изъ его началъ, понятіемъ, слѣдовательно разсудкомъ. Безсмертный Кантъ, основатель и безспорно сильнѣйшій мыслитель всей этой великой школы, уже обличаетъ въ себѣ такое стремленіе самымъ раздѣленіемъ философіи на двѣ философіи или критики—чистаго разума и практическаго разума, т. е. собственно чистаго отвлеченнаго разсудка, и практическаго, т. е. дѣйствительнаго разума. Вторая часть, не смотря на всю гениальность ея творца, несравненно слабѣе первой и входитъ въ исторію самой школы, какъ великолѣп-

ный эпизодъ, но только какъ эпизодъ, а не какъ необходимая степень перехода или дальнѣйшаго развитія. Философія практическаго разума, такъ сказать, эксцентрична истинной Кантовой системѣ, и по этому, не вошла и не могла войти въ наслѣдство, которое приняли и разработали его преемники. Ближайшій изъ нихъ—Фихте, былъ вполне рационалистомъ, какъ бы на зло своей страстной и энергически дѣятельной натурѣ. Рѣзко и опредѣленно, безъ примиренія, отрывается у него понятіе какъ положительное начало отъ предмета, какъ отрицательнаго: строго и полно развивается положительное понятіе, обращая отрицательный міръ въ какой-то смутный образъ. Подумаешь, что передъ мыслию Фихте носилась безсознательно возможность объяснить отношеніе мысли къ явленію, на манеръ Индѣйскій, въ видѣ какой-то Майи (самосознаннаго сновидѣнія Брахмы): но Индія сохраняла въ своемъ объясненіи болѣе спиритуализма, чѣмъ германскій рационалистъ, у котораго собственно одни только понятія разсудка носятъ характеръ самостоятельности и право на существованіе. Примиритель внутренняго разногласія, возстановитель разумныхъ отношеній между явленіемъ и сознаніемъ, слѣдовательно возсоздатель цѣльности духа,—Шеллингъ даетъ разумное оправданіе природѣ, признавая ее отраженіемъ духа. Изъ рационализма онъ переходитъ въ идеализмъ, а въ послѣдствіи, по закону ли собственнаго развитія, ускореннаго Гегельянствомъ или прямо въ противудѣйствіи Гегельянству, онъ переходитъ въ мистическій спиритуализмъ. Послѣдняя эпоха его имѣетъ впрочемъ значеніе эпизодическое еще болѣе, чѣмъ философія практическаго разума у Канта, и далеко уступаетъ ей въ смыслѣ гениальности. Первая же и дѣйствительно плодотворная половина Шеллинговой дѣятельности остается въ важнѣйшихъ своихъ выводахъ высшимъ и прекраснѣйшимъ явленіемъ въ исторіи философіи до нашихъ дней. Не будетъ и не можетъ быть такого вѣка въ просвѣщеніи человѣка, который бы вспомнилъ о Кантѣ, какъ основателѣ разумной увѣренности, или о Шеллингѣ, какъ опредѣлителѣ внутренняго движенія самосознающагося разума, безъ благоговѣйной благодарности. Но приобрѣтеніе, добытое путемъ разсудочнаго анализа, осталось опять только въ области

разсудка. Отраженіе всего разума въ разсудкѣ (т. е. разумъ на послѣдней и вѣнчающей степени его развитія, на степени уясненнаго самосознанія) опять заняло мѣсто полнаго разума и слѣдовательно разсудокъ сохранилъ одинъ за собою значеніе безусловно положительное, а всѣ другія начала откинута подразумѣвательно (*implicite*) въ область отвлеченности. Поэтическое слово, поэтическая мысль Шеллинга утаиваютъ этотъ выводъ: онъ самъ его не сознавалъ: его ученики покачаютъ головою на мое опредѣленіе; но законность приговора легко бы было доказать, а Шеллингъ самъ потрудился ее выставить въ одномъ словѣ. Вѣрный своему прежнему пути, и понимая этотъ путь гораздо глубже и яснѣе своихъ учениковъ, въ послѣднюю эпоху своей философской дѣятельности, онъ самую точку отправления всего духовнаго развитія, *то протонъ* духа, опредѣляетъ словомъ: «чистая возможность бытія (*das reine Seyn-können*). Для человѣка, знакомаго съ ходомъ философской мысли, другаго объясненія не нужно. Существенность и самостоятельность обратились очевидно въ отвлеченность: бытіе выказалось своимъ отраженіемъ въ понятіи. Законность Гегеля, какъ окончательнаго вывода изъ всѣхъ его предшественниковъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Гегель—полнѣйшій, и смѣло скажу, единственный рacionales въ мірѣ. То, что у Фихте являлось невольнымъ выводомъ изъ направленія, признаннаго его умомъ за единственно разумное; то, что Фихте проповѣдывалъ и защищалъ на перекоръ всѣмъ внутреннимъ стремленіямъ своей благородно страстной природы, все это совершенно согласовалось съ характерическими особенностями Гегелева генія и приходилось по мѣркѣ его тонкаго, и строго діалектическаго ума, его смѣлой и глубокомысленной, но нѣсколько сухой и односторонней природы, не способной къ увлеченію, не требующей образа и вполнѣ довольной безплотнымъ міромъ понятія. Гегель могъ довести и довелъ рacionales до крайняго предѣла. Чтобы увидѣть разомъ весь путь, пройденный школою отъ Канта до Гегеля, достаточно одного примѣра. Начальникъ школы говорилъ: «Вещи (предмета) мы не можемъ знать въ ней самой». Довершитель школы говорить:

«Вещь (предметъ) въ себѣ самой не существуетъ: она существуетъ только въ знаніи (понятіи).» Путь, пройденный между этими двумя изрѣченіями, неизмѣримъ, но онъ пройденъ строго логически, какъ вы сами знаете и какъ я отчасти показалъ прошлаго года въ статьѣ объ Иванѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ. Смѣшно бы было предполагать, что Гегель, говоря о понятіи, думалъ о понятіи личномъ: въ такое неразумѣніе впали только не понявшіе его ученики и преемники: самъ онъ выше такой ошибки и, если иногда какъ будто впадаетъ въ нее при разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ, то это случается только по общему недостатку людей самыхъ гениальныхъ. *Quandoque bonus dormitat Homerus.* Между тѣмъ это изрѣченіе его есть краеугольный камень всей системы или замокъ всего свода. Значеніе этого изрѣченія слѣдующее: Предметъ въ себѣ есть ни что иное какъ понятіе объ немъ. Но при этомъ выраженіи не должно предполагать не только понятіе въ личномъ пониманіи чловѣка, но даже и понятіе въ общемъ какомъ бы то ни было пониманіи реально понимающаго духа. Понятіе тутъ вполне абсолютно: это не понятіе, а понимаемость, возможность въ предметѣ сдѣлаться понятіемъ. Иначе: это понятіе самосущее, независимо отъ понимающаго и отъ понимаемаго и въ своемъ развитіи ставящее и того и другаго. Вся реальность въ немъ, и отъ него истекають всѣ реальности, завершаемая духомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я и сказалъ, что задача Гегеля есть самосозданіе духа. Кажется далеконько до матеріализма, а школа его перешла въ матеріализмъ. Это явленіе любопытно и стоитъ изученія.

Понимаемость есть сущность, или иначе, возможность понятія (его законъ) есть начало всего сущаго: вотъ самая система Гегеля. Реальность возникаетъ въ движеніи этого закона, этой возможности. Провести такую систему было невозможно. Дѣйствительно, съ самаго начала Гегель привноситъ къ понятію объ безусловномъ бытіи понятіе объ отрицаніи, т. е. понятіе о цѣломъ, уже существующемъ мірѣ (ибо отрицаніе есть уже отношеніе, т. е. прямо противоположно безусловному). Вы знаете, что таково было мое возраженіе при первомъ появленіи у насъ Гегелевой логики, возраженіе

тогда новое, теперь уже принятое всѣми серьезными мыслителями Германіи, чающими и не имѣющими уже философіи въ строгомъ смыслѣ слова. Въ дальнѣйшемъ развитіи, такъ какъ переходъ отъ возможности къ дѣйствительности опять таки невозможенъ безъ предшествующей дѣйствительности, Гегель вводитъ мимоходомъ, не останавливаясь на немъ, мышленіе (das Denken), которое поскорѣе утаиваетъ. Такъ творитъ онъ всю свою логику, огромный фокусъ-покусъ, если смотрѣть на нее какъ на разрѣшеніе предположенной имъ задачи, и великое твореніе, не смотря на всѣ ея недостатки, если смотрѣть на нее какъ на изученіе законовъ понятія въ дѣйствительномъ мышленіи.

Гегель ввелъ слово «мышленіе» и снова утаилъ его по необходимости. Ввелъ потому, что безъ него ничто не подвигалось къ дѣйствительности, а утаилъ потому, что ясно понималъ свою задачу: создать субстратъ, а не предполагать его, ни духовно матеріальнымъ какъ Спиноза, ни духовнымъ, какъ всегда предполагалъ (хотя прежде и не высказывалъ этого) Шеллингъ. Шеллингъ же и самъ мимоходомъ, и еще болѣе черезъ своихъ послѣдователей, уличилъ его въ скрытомъ признаніи и безсознательной утайкѣ субстрата, или основы (почвы), и показалъ, что безъ этой почвы все ученіе Гегеля обращается «въ мысль, при которой ничто не мыслится» (Ein Gedanke, wo nichts gedacht wird).

Такъ кончила путь свой великая школа Канта, показавъ свою несостоятельность въ смыслѣ общей всеобъемлющей философіи, но совершивъ дѣло незабвенное въ смыслѣ критики понятія. Ея высшее развитіе, такъ же какъ и крайняя односторонность выразилась въ Гегелѣ, а эта односторонность состояла въ принятіи законовъ пониманія за законъ всецѣлаго духа. Дѣйствительно, *понятіе есть понимаемое въ понимающемъ*, но реальность остается за понимающимъ; въ немъ утверждается полюсъ положительный, обращающій предметъ въ отрицаніе, какъ это и выразилъ Фихте въ своемъ *не-я*. Съ другой стороны, напротивъ, въ развитіи мысли предметъ логически предшествуетъ понятію. Этому учить насъ самый языкъ, преемственное выраженіе народной мудрости (слѣдовательно, болѣе или менѣе всечеловѣческаго ума) въ самыхъ

формахъ своего выраженія *be-greifen*, *но-н-имать*: и этимология слова вполне оправдывается изученіемъ мысленнаго нашего движенія. Пониманіе, какъ сила, мыслима безъ предмета; понятіе безъ предмета не мыслимо. Пониманіе пріемлетъ отъ предмета содержаніе, обращающее его въ понятіе, хотя бы этимъ предметомъ было самое пониманіе: но разумѣется также, что предметъ не можетъ быть первою ступенію мысленнаго развитія; ибо тогда не возможно бы было даже предположить его тождества съ пониманіемъ, и поглощеніе въ пониманіи какъ предмета. Точно также какъ понятіе предполагаетъ предшествующій ему предметъ, такъ предметъ предполагаетъ предшествующее (логически) пониманіе, которое въ своемъ допредметномъ значеніи является какъ *хотѣніе пониманія*. (Разумѣется, что я говорю не о цѣлости духа, а только объ области пониманія). Замѣтите, что это хотѣніе пониманія есть дѣйствительная точка отправленія всего мысленнаго развитія, (которое я въ прежней статьѣ назвалъ *расклубленіемъ*), и въ тоже время оно есть послѣдняя добыча понятія, передъ которымъ оно, сила живая, зачинательница всякой дѣйствительности, является какъ отвлеченность и слѣдовательно какъ отрицаніе. Иначе и быть не можетъ, потому что понятіе въ своемъ самосозерцаніи, отправляясь отъ себя, по необходимости въ себя самомъ и только въ себя признаетъ дѣйствительность и значеніе начала положительнаго: оттого-то Шеллингъ, безсознательный рационалистъ, и въ своихъ послѣднихъ твореніяхъ поставилъ точкой отправленія чистую возможность бытія (*das geine Seyn-können*) а Гегель, болѣе сознательный, понимая, что такой субстратъ не можетъ имѣть смысла въ наукѣ, напередъ совершенно отказался отъ него и искалъ невозможнаго субстрата въ самосущемъ понятіи о бытіи, тождественномъ съ ничтожествомъ (*Nichts*).

Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея осомвателѣ—Кантѣ, и рѣзко характеризующая ея довершителя—Гегеля, состоитъ въ томъ, что она постоянно прінимаетъ движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дѣйствительности (всей реальности). Быть можетъ, вы вспомните, что я говорилъ объ

этой ошибкѣ въ давнишней статьѣ моей «по поводу нѣсколькихъ словъ Гумбольдта». Пути понятія и реальности дѣйствительно тождественны, но тождественны, какъ лѣстница одна и таже для всходящаго и нисходящаго. Путь тотъ же, да движеніе діаметрально противоположно. Для понятія вещь сознается и потому она есть или можетъ быть: въ реальности же она есть и потому она сознается или можетъ быть признана. Такое простое правило даже и не приходило на умъ Гегелю. Въ математикѣ онъ добродушно утверждаетъ, что формула движенія планетъ есть причина ихъ движенія, иначе, реальность формулы опредѣляетъ не только возможность, но реальность планетарной орбиты, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности данное сочетаніе силъ даетъ реальность или осуществленіе формулы возможной; ибо формула есть только законъ возможности, безъ которой движеніе не существовало бы, а не законъ дѣйствительности, по которому оно существуетъ. Въ исторіи точно также міръ является ему извращеннымъ. Настоящее кажется ему причиной прошедшаго потому только, что прошедшее доходитъ до своего уразумѣнія только въ настоящемъ. Тутъ мы не можемъ не видѣть въ великомъ мыслителѣ человѣка, обманутаго мнимымъ тождествомъ въ движеніи понятій и явленій. Дѣйствительный ходъ исторіи есть слѣдующій: (я беру любое преемство фактовъ) такой-то папа захотѣлъ выстроить храмъ Св. Петра: поэтому онъ назначилъ архитектора, положимъ Буонаротти; поэтому Буонаротти выстроилъ храмъ: поэтому я теперь вижу этотъ храмъ. Все это рядъ слѣдствій по реальности явленія. Ходъ понятія есть слѣдующій. Я вижу храмъ Св. Петра; поэтому онъ выстроенъ: поэтому былъ архитекторъ, выстроившій его, положимъ Буонаротти: поэтому храмъ былъ заказанъ папою такимъ-то. Опять рядъ слѣдствій въ порядкѣ понятій движущихся умозаключеніями, и этотъ-то послѣдній рядъ, который дѣйствительно представляетъ порядокъ исторической критики, принялъ Гегель за порядокъ историческихъ причинъ. Для него Пруссія есть дѣйствительная причина Египетской или Германской исторіи и вовсе не въ смыслѣ телеологическомъ.

Какой же путь его мысли? Умъ человѣческій въ своей

внутренней дѣятельности представляетъ развитіе законовъ болѣе многосложныхъ, чѣмъ область внѣшнихъ и видимыхъ явленій. Причина такой разницы очень проста: онъ самъ есть цѣлый міръ отраженный; и не даромъ былъ названъ малымъ міромъ (микрокосмъ), тогда какъ область явленій внѣшнихъ и видимыхъ есть только частное указаніе на міръ великій или макрокосмъ. Такъ напр. время, представляющее въ области явленій внѣшнихъ послѣдовательность причинности до такой степени, что она можетъ служить ему опредѣленіемъ (какъ я уже сказалъ въ одной изъ моихъ статей), время уже не имѣетъ такого значенія въ отношеніи къ внутренней дѣятельности челоука. Вотъ передъ вами картина дожника, писанная въ такомъ-то году, а вотъ скиццы пригготовительныя, писанныя десятью годами раньше. Въдъ эта картина причина скиццовъ, а не скиццы причина картины, не смотря на противорѣчіе съ порядкомъ времени, и это не въ смыслѣ телеологическомъ, а въ смыслѣ прямомъ. Разумѣется, та картина, которая породила цѣлый рядъ скиццовъ, есть не та самая, которую вы видите, ибо она была еще только въ творческомъ началѣ, на степенн хотѣнія, но въ то же время она была безспорно та же самая. Перенесемъ это въ исторію и окажется, что Пруссія есть дѣйствительная причина Египта и Греціи (предполагаю на сей разъ, что Пруссія, о которой вы писали такъ поучительно для насъ, сдѣлалась предметомъ любви для васъ, какъ для Гегеля или кое-кого другаго). Таково историческое понятіе, поставленное Гегелемъ: но въ этомъ понятіи заключается непременно который нибудь изъ двухъ мистицизмовъ: или мистицизмъ телеологическій, созидающій олицетвореніе судьбы (fatum или anagke), или мистицизмъ, созидающій какой-то субъективный, личный и въ тоже время собирательный геній челоучества. Первая форма мистицизма ни кѣмъ не была упомянута, какъ слишкомъ неразумная; вторая наполнила собою и каеэды историческія и книги и убѣжденіе многихъ, особенно въ Германіи. Не скоро догадались, но все таки догадались, что она такъ же неразумна, какъ и первая; и Фейербахъ, сознавая это неразуміе, но въ то же время не имѣя возможности отдѣлится отъ ученій своего умственного от

ца—Гегеля, ввелъ въ объясненіе исторіи крайне остроумное измѣненіе (собственно amendement), которое плѣнило многихъ. « Человѣчество », таковъ смыслъ Фейербаха, « т. е. всякій человѣкъ вслѣдствіе своей родовой природы носить какъ бы смутный образъ будущаго развитія, и всѣ поколѣнія представляются какъ бы собирательнымъ художникомъ, преемственно трудящимся (не смѣтруя на безпрестанныя ошибки) надъ уясненіемъ и осуществленіемъ идеала, лежащаго въ каждомъ и во всѣхъ. » Нельзя не признавать остроумія въ этомъ объясненіи. Безъ сомнѣнія, въ немъ есть и великая доля правды, но она вовсе не истекаетъ изъ общей задачи философіи, поставленной прежнею школою, и напротивъ того показываетъ, какъ сильно сдузился объемъ ея, нѣкогда безконечныхъ, притязаній У Фейербаха судьба человѣческаго развитія является безъ всякой связи съ общею міровою жизнію: это какое-то полу-духовное пятнышко въ безконечной толкотнѣ грубо-вещнаго міра;—чистая случайность. Упадокъ философскаго духа явентъ, и, не смотря на странный мистицизмъ рационалиста Гегеля, вы вѣроятно скажете со мною: *Malò ergage com Hegelio*. У него судьба земная тѣсно и неразрывно связана съ всемірнымъ развитіемъ; это разныя ступени, по которымъ отвлеченное понятіе, или собственно возможность понятія вырабатывается до реального духа. Невозможное осталось невозможнымъ; но нельзя не признать гигантской силы и величія требованій въ самой задачѣ. Нельзя было начать развитія съ того субстрата, или лучше сказать, съ того отсутствія субстрата, отъ котораго отправлялся Гегель; отъ этого цѣлый рядъ ошибокъ, смѣшеніе личныхъ законовъ съ законами міровыми (я говорю смѣшеніе, ибо Гегель не признавалъ личнаго, всемірнаго и въ то же время развивающагося духа, какъ его признавали другія, менѣе строго-логическія головы); отъ этого также постоянное смѣшеніе движеній критическаго понятія съ движеніемъ міра явленій, не смотря на ихъ противоположность; отъ этого и разрушеніе всего титанскаго труда. Корень же общей ошибки Гегеля лежалъ въ ошибкахъ всей школы, принявшей рассудокъ за цѣлость духа. Вся школа не замѣтила, что, принимая понятіе за единственную основу всего мышленія, раз-

рушаешь міръ: ибо посягѣе обращаетъ всякую, ему подлежащую, дѣйствительность въ чистую, отвлеченную возможность. Такъ напр. математическая формула планетарной орбиты есть только выраженіе возможности, и нисколько не зависитъ отъ реальности и не измѣняется ею, а математическая формула есть совершеннѣйшее выраженіе чисто-разсудочнаго понятія. Этотъ законъ неотразимъ.

Гегель, какъ полнѣйшее и самое вѣрное олицетвореніе Нѣмецкой школы, былъ безспорно полновластнымъ владыкою Германскаго ума. Его философія не была обслѣдуема критически; его творенія рѣдко бывали читаемы въ ихъ систематической послѣдовательности; но ученіе его было принято съ какою-то религіозною вѣрою. Почти безмолвный протестъ Шеллинга и нѣсколькихъ отдѣльныхъ мыслителей долго не имѣлъ никакого значенія. Цѣлое поколѣніе выросло въ гегелизмъ, а между тѣмъ учитель имѣлъ полное право говорить, и говорилъ, что никто его не понималъ. Дѣйствительно, не было философа болѣе почитаемаго и менѣе понимаемаго. Такое странное отношеніе мыслителя къ ученикамъ, можетъ быть единственное въ исторіи, уже замѣчено теперь въ самой Германіи и высказано у насъ (статья въ Библіотекѣ для Чтенія); но оно не объяснено и не можетъ быть объяснено изъ одной исторіи философіи. Оно получило свое начало изъ другой еще высшей области, изъ исторіи религіи. Лютеръ, или лучше сказать, реформа разрушила внутреннее спокойствіе человѣческаго духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной произволу частной критики. Правда, цѣлый рядъ ученій болѣе или менѣе удачныхъ, старался возстановить это нарушенное спокойствіе духа посредствомъ произвольныхъ сдѣлокъ между безусловною, узаконенною критикою и условною религіею: но ума человѣческаго не обманешь на всегда. Германія смутно сознавала въ себѣ полное отсутствіе религіи, и переносила мало по малу въ нѣдро философіи всѣ требованія, на которыя до тѣхъ поръ отвѣчала вѣра. Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера. Можно бы было показать въ его двойственной критикѣ чистаго и

практическаго разума характеръ вполне лютеранскій, а въ его отношеніяхъ къ скепсису Юма отношеніе Лютера къ безграничному скептицизму современной ему Итали; но я боюсь этихъ сближеній, въ которыхъ слишкомъ часто остроумная догадка замѣняетъ трезвую строгость науки. Для науки довольно и того, чтобы она ясно сознала значеніе философіи въ Германіи прошедшаго вѣка и поняла, почему отвлеченное мышленіе должно было поглотить всѣ интересы жизни человѣческой. Радостно шель міръ, созданный Протестантствомъ (Англія и Америка не его созданія) по тому пути, который обѣщаль начало новой жизни: вслѣдствіе успѣхъ философіи былъ торжествомъ каждаго и всѣхъ; и когда мыслитель гениальный довершилъ дѣло, когда съ добродушною, добросовѣстною, заразительною увѣренностію онъ сказалъ: «*Еврика*: я разрѣшилъ задачу и въ ней всѣ задачи міра», когда онъ это рѣшеніе представилъ на общій судъ въ твореніяхъ дѣйствительно глубокихъ и по видимому не сокрушимыхъ, по строгости и послѣдовательности выводовъ; понятно, какъ обрадовалась Германія и какъ всякій Нѣмецъ бѣжалъ къ своему сосѣду съ тѣмъ же крикомъ: «*Еврика*: я нашелъ Гегеля, а Гегель нашелъ то, въ чемъ возстановляется міръ духа человѣческаго.» Читали мало, а вѣрили много, и это понятно. Гегель былъ не только довершителемъ философіи; онъ былъ для Германіи возстановителемъ, если не вѣры, то по крайней мѣрѣ чувства вѣры.

Чуждыми гегельянству остались въ Германіи только непобѣдимое тупоуміе строгихъ Лютеранъ, такъ сказать Нѣмецкая Аввакумовщина, да не большое число сильныхъ мыслителей (каковъ особенно былъ Шеллингъ), смутно видѣвшихъ впереди самораспаденіе Гегелева зданія, но въ то же время грустно сознававшихъ, что это паденіе было паденіемъ всей прежней школы и ея безконечныхъ надеждъ.

Гегель былъ нѣсколько лѣтъ вѣрою, теперь остался привычкою Нѣмецкаго ума. Ему перестали поклоняться; но выйти изъ него не могутъ. Когда наступило для него время критики, многіе изъ прежнихъ его послѣдователей, разочарованные, пристали къ прежнимъ его критикамъ: но тутъ они не нашли уже философской системы (ибо шеллингизмъ

былъ пережить) и живутъ теперь въ какомъ-то грустномъ чаяніи будущей философіи, для которой впрочемъ Германія не представляетъ ни данныхъ, ни точки отправления. Большая же часть Гегельянцевъ вообразили, что они могутъ продолжать существованіе и развитіе Гегелевой мысли введеніемъ въ нее недостающей стихіи. Собственно это, и только это отдѣленіе Гегелевой школы и имѣетъ какую-то дѣятельность и, за недостаткомъ философіи дѣйствительной, держится по крайней мѣрѣ за призракъ философіи.

Критика сознала одно: полную несостоятельность гегельянства, силившагося создать міръ безъ субстрата. Ученики его не поняли того, что въ этомъ-то и состояла вся задача учителя и очень простодушно вообразили себѣ, что только стоитъ ввести въ систему этотъ недостающій субстратъ, и дѣло будетъ слажено. Но откуда взять субстратъ? Духъ очевидно не годился. во-первыхъ потому, что самая задача Гегеля прямо выражала себя, какъ исканіе процесса созидающаго духъ; а во-вторыхъ и потому, что самый характеръ Гегелева рационализма, въ высшей степени идеалистическій, вовсе не былъ спиритуалистическимъ. И вотъ самое отвлеченное изъ человѣческихъ отвлеченностей,—гегельянство—прямо хватилось за вещество и перешло въ чистѣйшій и грубѣйшій матеріализмъ. Вещество будетъ субстратомъ, а за тѣмъ система Гегеля сохранится, т. е. сохранится терминологія, большая часть опредѣленій, мысленныхъ переходовъ, логическихъ приемовъ и т. д., сохранится однимъ словомъ то, что можно назвать фабричнымъ процессомъ Гегелева ума. Не дожидъ великій мыслитель до такого посрамленія, но можетъ быть и не осмѣлились бы его ученики рѣшиться на такое посрамленіе учителя, если бы гробъ не скрылъ его грознаго лица.

Станнымъ кажется на первый взглядъ, что неожиданное и неразумное извращеніе гегельянства, ново-пѣмецкій матеріализмъ основанъ людьми дѣйствительно даровитыми, одаренными блестящимъ остроуміемъ и не лишенными ни проникательности, ни діалектической способности (стоитъ только назвать Фейербаха): но то же самое явленіе повторяется безпрестанно въ исторіи наукъ и отчасти худо-

жествъ. Ни въ чьихъ рукахъ не искажается послѣдство людей гениальныхъ такъ легко, какъ въ рукахъ людей талантливыхъ, и никто не оказываетъ такъ мало способности понимать мысль глубокую, какъ люди остроумные. Еще страннѣе можетъ казаться то, что ученіе, правда рационалистское, но въ высшей степени отвлеченное, перешло прямо въ противоположную крайность матеріализма. Это опять явленіе, постоянно возвращающееся въ исторіи философіи и въ исторіи религій. Крайность самоубійственнаго Йогизма истекаетъ изъ тѣхъ же началъ Шиванзма, изъ которыхъ истекаетъ и крайнее развитіе физическаго разврата. Отвлеченнѣйшее изъ всѣхъ вѣроученій, Будгаизмъ съ одной стороны разрѣшается въ созерцательный Нигилизмъ, а съ другой переходитъ въ самый грубый Фетишизмъ. Словомъ, односторонняя мысль, или лучше сказать, односторонняя ложь мысли, заключаетъ въ себѣ или составляетъ по необходимости ложь противоположной односторонности, по закону полярности, точно такъ, какъ Римскій католицизмъ не могъ не разрѣшиться въ протестантство. По этому понятно, что самая грубая форма общаго субстрата должна была явиться въ томъ философскомъ мірѣ, который хотѣлъ вовсе обойтись безъ субстрата.

Дѣйствительно, вся школа, которой Фейербахъ служить блистательнѣйшимъ средоточіемъ, считаетъ себя гегельянскою, а между тѣмъ посмотрите на ея отношенія къ основнымъ положеніямъ Гегеля. Кантъ говорилъ, что *мы вещи въ ней самой знать не можемъ*. Гегель говорилъ, что *вещь въ себѣ самой вовсе не существуетъ, а существуетъ только въ понятіи*. У него это положеніе не случайное, не вводимое, а коренное и прямо связанное съ самымъ основаніемъ его философіи, ибо вся его система есть не что иное, какъ возможность понятія, развивающаяся до всего разнообразія дѣйствительности, и завершающаяся дѣйствительностью духа. И вотъ у его учениковъ *вещь* вообще является какъ общій субстратъ, и именно *вещь въ себѣ самой*, не какъ самоограничивающееся понятіе, что было уже отвергнуто критическимъ судомъ, произнесеннымъ надъ чистымъ гегельянствомъ, и даже не какъ предметъ понятія, что предполагало

бы предсуществующее пониманіе, а именно въ себѣ самой. Вы видите, что я былъ правъ, говоря, что ново-нѣмецкая школа, мнимо гегелианская, взяла отъ учителя только, такъ сказать, фабричный процессъ мышленія и терминологическія графы, будучи въ то же время совершенно чуждою его духу и смыслу.

Понятіе, движущееся безъ субстрата, или возможность быть понятіемъ, переходящая въ дѣйствительность помимо чего нибудь понимаемаго и чего нибудь понимающаго, такова была задача Гегеля, и объ ней-то вообще Шеллингъ сказалъ, что это мысль, въ которой ни что не мыслится. Для осуществленія всей системы, хотя разумѣется съ полнымъ ея извращеніемъ, введено было новое начало—вещь, какъ вещество вообще. Устранено ли было по крайней мѣрѣ то обвиненіе, которое падало на первоначальный, настоящій гегелизмъ? т. е. получена ли мысль, въ которой что нибудь мыслится? Смутный и чувственный образъ вещества получилъ значеніе понятія: область ощущеній сдѣлалась точкою отправления для мысли; первое мѣсто въ философской системѣ учениковъ дано тому свидѣтельству, которое подъ именемъ *Sinnliche gewissheit*, было такъ низко поставлено учителемъ: все это само по себѣ уже очень сомнительно, но приговоръ критики требуетъ болѣе прямыхъ уликъ, и система, облеченная во внутреннемъ противорѣчій, имѣетъ право существовать, какъ бы ни казались шаткими ея основы.

Ново-нѣмецкая школа не представила на критическій судъ ни одного произведенія, въ которомъ изложены бы были въ послѣдовательности ея основныя положенія, лексиконъ ея терминологіи и развитіе допускаемыхъ ею понятій: она довольствуется разрозненными набѣгами на отдѣльныя отрасли человѣческаго знанія, не требуя ни отъ себя, ни отъ читателя той логической строгости, къ которой привыкла и насъ приучила великая школа Канта. Во всѣхъ ухваткахъ ея слышится какое-то Французское настроеніе ума, которое указываетъ на утрату самобытности и на преобладаніе внѣшнихъ началъ. Мысль, утомленная долгимъ и страшнымъ напряженіемъ, впадаетъ въ отдыхъ безсилія, прикрытаго какимъ-то призракомъ формальной дѣятельности. То же

самое явленіе видимъ мы въ Германіи и въ области художества и даже въ области общественныхъ учрежденій. Мы ѣ имѣемъ дѣла до этихъ двухъ областей, но не могу не замѣтить мимоходомъ, что отношенія Гейне къ Гете совершенно одинаковы съ отношеніями Фейербаха къ Гегелю. Та же зависимость, тотъ же переходъ отъ сосредоточенности мысли къ разрозненности практическаго приложенія, то же обмельчаніе. Къ несчастію, бойкая и талантливая посредственность доступнѣе для большинства гениальной глубины; и умственный міръ, во сколько онъ находится подъ вліяніемъ своего высшаго представителя Германіи, представляетъ то же самое, крайне не радостное явленіе. Кругъ ея дѣйствія по видимому расширяется; но самое дѣйствіе утратило свой благотворный и возвышенный характеръ. Мы ѣ кажется, что это замѣтно и у насъ.

Возвращаюсь къ самому вопросу: вещество, какъ безпредѣльная основа сущаго, представляетъ ли разуму человѣческому такую мысль, которая была бы дѣйствительно мыслима и могла служить точкою отправленія для философскаго мышленія?

Отстранимъ смутные образы, не имѣющіе никакого права выдавать себя за понятія или за явленія сознающаго разума, и посмотримъ на самое значеніе слова *вещество* въ области мысли.

Вещество передъ взоромъ мысли является какъ нѣчто имѣющее предѣлы и внѣшнее очертаніе,—какъ измѣримое.

Какъ составленное изъ частей, къ которымъ цѣлое находится въ числительномъ отношеніи, будь это отношеніе опредѣлимое или колеблющееся между предѣлами (*maximum* и *minimum*).

Какъ мысленно дробимое, подъ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, что всякая дробь меньше своего цѣлага. Я не говорю: таково вещество; но я говорю: таково оно передъ понятіемъ, такъ оно мыслится и иначе мыслимо быть не можетъ. Оно не есть созданіе мысли, а привносится къ ней путемъ внѣшняго познаванія и приносить съ собой свои фактическія опредѣленія, которыхъ отстранять мы не можемъ.

Теперь посмотрите на бесконечный субстратъ, выдаваемый за вещество.

Онъ не имѣетъ ни предѣловъ, ни вѣшняго очертанія.

Не измѣримъ.

Не состоитъ изъ частей, къ которымъ находился бы въ числительномъ отношеніи, и никогда не можетъ быть разсматриваемъ, какъ сумма или итогъ

Онъ не дробимъ мысленно, или дробимъ такъ, что всякая его дробь бесконечна, какъ и онъ самъ.

Я говорю: такова идея бесконечнаго, которая не извнѣ приносится, но съ неотразимою властію возникаетъ въ пониманіи, какъ одна изъ категорій самаго пониманія.

Теперь, говоря, что вещество есть бесконечный субстратъ всего сущаго, или *vice versa*, что бесконечный субстратъ всего сущаго есть вещество, т. е. соединяя двѣ мысли совершенно противоположныя, говоримъ ли мы что нибудь? Очевидно также мало, какъ произнося слова: круглый квадратъ, зеленый звукъ, громкій пудъ или что нибудь въ томъ же родѣ. Это звуки, а не слова, это потрясенія глотки, а не мысль или, какъ говорить Шеллингъ, это мысль, при которой ничто не мыслится.

Или упростимъ опредѣленіе вещества, оподозривъ односторонность понятія и остановившись на самомъ процессѣ, посредствомъ котораго возникло наше понятіе о веществѣ.

Вещество есть осязаемое, т. е. нѣчто, производящее въ нашемъ организмѣ измѣненія, доступныя нашему сознанию.

Во-первыхъ ясно, что мы переносимъ уже всю предположенную основу всемірно сущаго и обращаемъ его просто въ явленіе мысли; во-вторыхъ, что же мы выиграли? именно бесконечное—то и не осязаемо; оно—то и не производитъ измѣненій въ организмѣ и вовсе органамъ не доступно; осязаемо только конечное. Мы впали опять въ «круглый квадратъ.»

Всеобщество является уже опять отвлеченностью невещественною и вовсе неимѣющею характера вещества.

Но въ то же время эта отвлеченность оказывается не просто отвлеченнымъ закономъ, добытымъ работою мысли, а за-

кономъ дѣйствительности, присущей веществу и выраженнымъ въ *силѣ*. Сила не принадлежитъ дробности или частямъ вещества. Нѣтъ силы въ частяхъ: въ механическихъ ли своихъ явленіяхъ (такъ назовемъ мы тѣ, которыя стремятся къ перемѣщенію въ пространство), въ химическихъ ли, въ чисто динамическихъ ли, сила есть только отношеніе одной части къ другимъ (какъ уже замѣтилъ Тень). Она есть воздѣйствіе всей совокупности вещества на каждую его частицу, а между тѣмъ самая эта совокупность не есть ни итогъ, ни сумма и не имѣетъ ни одного изъ признаковъ, опредѣляющихъ вещество.

Очевидно *всесила*, принадлежащая всевеществу, также невещественна, какъ и оно.

Такъ получаемъ мы антиномію: ограниченное безгранично, измѣримое неизмѣримо, осязаемое неосязаемо и т. д. или иначе вещество—не вещество. Конечно, антиномія не отрицаетъ дѣйствительности предмета, выражающаго въ немъ свою двойственность, но она безспорно отрицаетъ въ каждой изъ двухъ сторонъ, въ которыхъ она является, право на самостоятельность и особенно право выдавать себя за всемірный субстратъ. Матеріализмъ, подвергнутый испытанію логики, обращается въ бессмысленный звукъ.

И сколько однако же вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ бессмысленный звукъ въ первый разъ выдалъ себя за философствующую мысль! Древняя Греція въ нѣкоторыхъ изъ своихъ остроумнѣйшихъ мыслителей уже подпала его обману; древняя Индія еще ранѣе ея создавала цѣлыя школы матеріалистовъ; средніе вѣка были не чужды тому же направлению, хотя сдержанному и утаенному, и новѣйшія времена видѣли его развитіе въ огромныхъ размѣрахъ, и наконецъ нашъ гордый XIX вѣкъ, объ которомъ Моск. Вѣд. и нѣкоторые наши журналы не могутъ, кажется, говорить иначе, какъ почтительно снимая шляпу, и онъ видитъ возстановленіе призрака, столько разъ уже обличеннаго во лжи. Неужели даромъ являлись мыслители истинные? Неужели даромъ трудилась величайшая изъ всѣхъ философскихъ школъ, цѣлымъ, послѣдовательнымъ рядомъ гениальныхъ дѣятелей приобрѣт-

шая для Германіи право считать себя передовою страню на пути мыслительнаго образованія? именно ученики этой-то самой школы и впади въ старую колею, которую многіе считали заросшею и заглохшею навсегда. Я постарался показать причину такого неожиданнаго явленія и думаю, что вы признаете ея основательность. Когда школа въ своемъ послѣднемъ, Гегелевскомъ развитіи дошла до окончательнаго отрицанія какаго бы то ни было субстрата, понятно, что ея послѣдніе ученики, чтобы спасти погибающее ученіе, съ которыми они срослись всѣми привычками ума, рѣшились ввести въ него субстратъ самый осязательный, самый противоположный той отвлеченности, отъ которой гибла система учителя, и не позаботились спросить у себя, примиримы ли между собою понятія, которыя они насильно сводили.

Въ развитіи ново-нѣмецкаго материализма до сихъ поръ, какъ я сказалъ, не было строго научной послѣдовательности, и по этому всѣ его внутренніа противорѣчіа утаились отъ его послѣдователей и, вѣроятно, отъ самыхъ основателей; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что крайняя небрежность и неопредѣленность терминологіи, составленной изъ остатковъ строгой терминологіи Гегеля, смѣшанныхъ съ словами, взятыми изъ рѣчи бытовой и произвольно облеченными въ философское значеніе, много содѣйствовали къ затемненію самыхъ простыхъ вопросовъ, которые должны были по необходимости встрѣтить мыслителей при ихъ первыхъ шагахъ на новомъ пути. Я не говорю уже о всей области нравственныхъ вопросовъ, одинако не разрѣшавшихся ни при Гегельскомъ рационализмѣ, ни при Шеллинговскомъ гностицизмѣ (такъ можно характеризовать его послѣднюю эпоху); нѣтъ, я говорю о самомъ переходѣ отъ вещества, какъ единственной первоначальной почвы, къ мысли, являющейся развитіемъ вещества. Гдѣ возможный переходъ отъ одного къ другому? Какое изъ свойствъ вещества сближаетъ его сколько нибудь съ мыслию? Вы видите измѣненіе, перемѣщеніе, сотрясеніе, охлажденіе, согрѣваніе и т. д., гдѣ же тутъ какое нибудь сходство съ сознаниемъ? Допустите цѣлый рядъ всевозможныхъ вещественныхъ перемѣнъ, химическихъ или динамическихъ, про-

тяните этотъ рядъ въ безконечность и все-таки вы въ цѣломъ рядѣ и во всѣхъ членахъ его получаете только измѣненное вещество, т. е. вещество въ новой формѣ, и небольше. Сосредоточьте эти измѣненія посредствомъ какихъ угодно нитей къ одному центру, отражающему въ себѣ ихъ результаты, назовите, если угодно, эти результаты впечатлѣніями; предположите, что центръ въ свою очередь передастъ свои потрясенія какой бы то ни было периферіи и слѣдовательно производитъ рядъ новыхъ периферическихъ явленій: что же? хоть на одинъ шагъ двинулись ли вы къ разрѣшенію неразрѣшенной задачи? нисколько. Безконечной бездны не перехватишь ни какимъ мостомъ. Ни логика, ни простой здравый смыслъ вамъ не позволяютъ себя обмануть ни на минуту, если вы только всмотритесь серьезно въ вопросъ. Вещественное измѣненіе остается вещественнымъ измѣненіемъ. Хорошо было Французамъ XVIII вѣка порѣшать его такъ: «мысль есть результатъ сравнительныхъ впечатлѣній». Сравнительныхъ къмъ? эти впечатлѣнія, которыя суть ничто иное какъ вещественныя измѣненія, откуда взялся у нихъ даръ сравненія? это все равно, что вообразить себѣ, что аршинъ, механически подвижный по куску сукна, мѣритъ это сукно. Вы тутъ,—я аршинъ дѣйствительно мѣритъ сукно, а безъ васъ онъ можетъ всю вѣчность проѣздить по сукну и мѣра все-таки не возникнетъ. Такія разрѣшенія годны были только для Французовъ, и то въ XVIII вѣкѣ. Дѣло, какъ вы знаете, старались поправить, назвавъ мысль «претвореннымъ впечатлѣніемъ,» т. е. вторично измѣненнымъ измѣненіемъ. Не правда ли, умно? Чудная способность у людей довольствоваться звуками вмѣсто мысли!

« Но посмотрите » говорятъ намъ « на животныхъ! » Это чудное предложеніе упрощается въ слѣдующій, болѣе общій видъ: не угодно ли вамъ объяснить то, что вы знаете, тѣмъ, чего вы не знаете: ибо мы себя знаемъ, а животныхъ все нѣтъ (я говорю о внутренней тайнѣ ихъ жизни). Такого рода предложенія нелѣпы, къ какой бы наукѣ они не относились. Материализмъ, если бы онъ былъ дѣйствительно серьезнымъ (etwas ernstes) призналъ бы свою несостоятельность на первомъ шагу: но серьезнымъ въ области мышленія его вовсе признавать нельзя.

Не могу однако не остановиться на минуту и не сказать нѣсколько словъ о животныхъ. Расскажу вамъ, что было со мной. Боюсь, что этотъ приступъ напомнитъ вамъ извѣстный анекдотъ, какъ кто-то въ Конвентѣ началъ рѣчь словами: «Господа, человѣкъ есть животное,» а другой его перервалъ: «предлагаю напечатаніе рѣчи съ портретомъ автора,»; но все равно, продолжаю. Въ концѣ зимы, въ Москвѣ, опоздавши однажды къ общему обѣду, я сѣлъ обѣдать одинъ съ книгою: холодный супъ закусывалъ я сухарями Гюльмановой исторіи Нѣмецкихъ сословій. Кажется, не отъ чего было разыграться фантазіи. Читаю, и вдругъ начинаю чувствовать, что въ моей головѣ проходятъ, какъ сны, картины сельской жизни, лѣта, вечера, рощи и пр. и пр. Отряхиваюсь отъ нихъ: не могу. Сильнѣе и живѣе выступаютъ онѣ, и такъ ярко, такъ выпукло и живо, что читать становится неловко. Я кладу книгу въ сторону, и думаю: что бы это такое было? Сперва ничего не замѣчаю, но минуты черезъ двѣ слышу, что далеко, въ другомъ этажѣ и на другомъ концѣ дома, кормилица напѣваетъ надъ колыбелью меньшей моей дочери деревенскую пѣснь. Звуки ея еле-еле доходили до моего уха. Я улыбнулся и взялся опять за холодный супъ и сухаго Гюльмана. Было ли во мнѣ ощущеніе этой пѣсни? очевидно нѣтъ. Я ее не слыхалъ, т. е. не слыхалъ сознательно, и ощущенія не было; ибо мы не ощущаемъ того, чего не знаемъ. Мнѣ не больно, когда я не сознаю, что мнѣ больно. Но впечатлѣніе отъ пѣсни очевидно было, и выразалось, такъ сказать, сномъ на яву. Этотъ сонъ былъ уже ощущеніемъ, ибо я зналъ про него. Виѣсто такого сна, происшедшаго отъ сопротивленія волющей мысли виѣшнему, впрочемъ не замѣчаемому впечатлѣнію, могъ бы явиться цѣлый рядъ периферическихъ явленій, какъ послѣдствіе потрясенія той непонятной дагерротипной доски, въ которой сосредоточивается все безконечно многосложное строеніе вещественнаго организма: напѣваніе, или присвистываніе, или стремленіе къ движенію и прогулкѣ и т. д., но ощущенія бы не было. Вотъ процессъ жизни животныхъ, который человѣкъ можетъ въ себѣ подсмотреть и ясно отдѣлать отъ человѣческой своей

жизни. Я надѣюсь, что это объясненіе получше Шеллингова: « das Thierleben ist das Wissenselbst. » И такъ центральныя потрясенія, т. е. то, что можно назвать впечатлѣніями, и ихъ периферическія воздѣйствія составляютъ всю жизнь животныхъ. Я называваю ихъ впечатлѣніями, отдѣляя отъ другихъ измѣненій, потому, что они могутъ быть предметомъ сознанія и тогда переходятъ въ ощущение, (какъ я уже сказалъ вскользь въ прежней статьѣ). Ощущеніе уже принадлежитъ человѣку, какъ одна изъ формъ познанія, и безъ познанія оно не мыслимо. Думаю, что это различіе нигдѣ не было положено съ достаточною ясностію. Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что различіе между жизнью природы и жизнью человѣка можетъ быть выражено слѣдующимъ краткимъ афоризмомъ: *Природа живется; и только человекъ живетъ.*

Возвращаюсь къ главному вопросу: Мышленіе не можетъ быть слѣдствіемъ вещественнаго процесса измѣненія, и можетъ слѣдовательно быть признаваемо не иначе, какъ присущимъ веществу вообще, т. е. не иначе, какъ отраженіемъ въ немъ его совокупности, т. е. какъ я уже сказалъ, невещественности. При этомъ понятно, что такое тождество вещества съ мыслию оставляетъ за мыслию значеніе положительнаго, а за веществомъ только значеніе отрицательнаго, по той весьма простой причинѣ, что какъ все пониманіе вопроса происходитъ въ области мысли, она не можетъ никогда въ отношеніи къ самой себѣ лишиться характера положительности. Но сверхъ того мы видимъ, что вещество (*вещь о себѣ*), дѣлаясь предметомъ, т. е. основою знанія или понятія, тѣмъ самымъ полагаетъ пониманіе, безъ котораго предметъ (какъ предметъ) существовать не можетъ, и *слѣдовательно ставитъ себя положительно какъ мышленіе*, передъ которымъ является отрицательно какъ предметъ. *Вещь же о себѣ* оказывается вовсе не мыслимою, ибо не существуетъ ни въ самосознаніи мысли, ни во внѣшнемъ отношеніи къ мысли, къ которой она относится только какъ предметъ. И такъ мы снова видимъ полную немыслимость матеріализма и должно сказать словами Шеллинга: « это мысль, въ которой ни что не мыслится. » Гегелизмъ остается при своей коренной несостоятельности, только умноженной безконечнымъ рядомъ противорѣчій.

Тождество мысли и вещества насъ приводитъ опять къ старому зданію гениальнаго жиде Спинозы (слово это *жиде* не имѣетъ для меня значенія упрека, а смыслъ чисто-научный). Но дальнѣйшее развитіе будетъ повтореніемъ прежней работы, уже перешедшей черезъ руки Канта и Фихте къ Гегелю. Дѣйствительно, матеріализмъ есть только одна изъ переходныхъ эпохъ этого труда, несостоятельная въ себѣ и требующая дальнѣйшаго созиданія, оканчивающагося, какъ уже доказано исторіею Нѣмецкой школы, самораспаденіемъ всей постройки. Матеріализмъ не выдерживаетъ ни малѣйшей научной критики; но передъ чистымъ рационализмомъ онъ имѣетъ то кажущееся превосходство, что представляетъ какой-то (хотя и мнимый) субстратъ и тѣмъ удовлетворяетъ внутреннему требованію дѣйствительности, которое лежитъ въ душѣ человѣка; оба же и рационализмъ чистый и матеріализмъ суть не что иное, какъ двѣ стороны одной и той же системы, которую я иначе не могу назвать, какъ системою *нецессаріанизма*, иначе безвольности. Вы знаете, какую важность я ей приписываю въ исторіи религій.

Утомленный умъ, долго лишенный всякой основы, ищетъ отдыха, ищетъ представленій, и вотъ какъ безпрестанно снова возникаютъ школы матеріальной философіи, вовсе ничего не значущія для разума, по увлекающія слабомыслящія головы соблазномъ образа, — призрака, — за который онѣ ухватываются съ какою-то отчаянною радостію. Вотъ отчасти разгадка современной Германіи.

Вопросы нравственные, невольно напрашивающіеся на разрѣшеніе, и уже давно затронутые прежними дѣятелями мысли Нѣмецкой (особенно Кантомъ и его современниками), въ наше время снова обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ мыслителей. Въ числѣ этихъ писателей, вообще весьма слабыхъ, нѣсколько замѣчательнымъ показался мнѣ авторъ книги: «Поиски въ области нравственности» (кажется, Антонъ Ре). Книга умна, исполнена тонкихъ и иногда глубокихъ наблюденій, но сходитъ къ порядочной нелѣпости, а именно къ признанію воли, но воли не свободной. Такое бессмысленное сочетаніе словъ не требуетъ опроверженія; но оно само слу-

жить важнымъ признакомъ для опредѣленія внутренняго направленія того ученія, изъ котораго могло возникнуть и высказаться подъ перомъ человѣка, замѣчательнаго по своей даровитости. Авторъ книги, о которой я упомянулъ, не принадлежитъ ни къ ново-нѣмецкому матеріализму, ни даже къ строгому гегельянству; онъ созданъ цѣлымъ направлениемъ Кантовской школы, и ея невысказанное направление высказывается невольнымъ неразуміемъ весьма логическаго мыслителя. Вся великая школа Нѣмецкаго рационализма также, какъ и ея слабый переродокъ, матеріализмъ, заключала въ себѣ безсознательно идею *безвольности* (нецессаріанизма). Эта ея внутренняя болѣзнь, непременно приводящая къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и слѣдовательно къ распаденію. Правда, что опредѣленіе воли, какъ начала самостоятельнаго, приводитъ также къ противорѣчіямъ, и мы опять попадаемъ въ антиномію: но эта мнимая антиномія есть только діалектическій обманъ. Противорѣчія въ ученіи о безвольности осуждаютъ самое ученіе потому, что точка его отправленія уже принадлежитъ области логической и логическихъ понятій, не погружаясь даже въ сущность предмета или объекта (какъ я сказалъ въ статьѣ объ Иванѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ). Противорѣчіе же въ логическомъ опредѣленіи воли вовсе ничего не доказываетъ потому, что она сама не подлежитъ опредѣленію, принадлежа міру до предметному.

Я постарался изложить нѣкоторыя изъ тѣхъ логическихъ причинъ, почему признаю матеріализмъ за немислимую мысль, и думаю, что ихъ развитіе приводитъ къ слѣдующему заключенію. Невещественность является съ одной стороны явною принадлежностію всеобщаго міроваго субстрата, а съ другой принадлежностію частнаго пониманія. Вещество есть не что иное, какъ явленіе ихъ взаимнаго прикосновенія.

Слышалъ я, что когда-то, въ какой-то столицѣ, было въ полиціи слѣдующее донесеніе: « У такого-то юноши собираются по вечерамъ его сверстники и составляютъ общество матеріалистовъ: а матеріалистское направленіе общества очень ясно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что соб-

равшіея молодые люди только что пьютъ чай и разговариваютъ, а не занимаются ни картами, ни виномъ и никакими другими забавами, приличными ихъ возрасту.» Это милое и крайне логическое доказательство заключаетъ въ себѣ весьма дѣльное наблюдение, хотя, разумѣется, я не оподозриваю ни полицію въ дѣльныхъ наблюденіяхъ, ни молодое общество въ материализмъ. Дѣльное же наблюдение состоитъ въ томъ, что дѣйствительно жизнь послѣдователей материалистскихъ школъ весьма часто не представляетъ признаковъ воздѣйствія ученія на ея направленіе: это явленіе происходитъ изъ той непослѣдовательности, которую вы въ одномъ случаѣ называли благородною, а я позволяю себѣ назвать неблагонадежною, и которой начало обыкновенно таится въ привычкѣ и преданіи, а иногда въ непримиримости ложнаго начала съ коренными стремленіями души человѣческой. Безъ сомнѣнія, материализмъ, также какъ и чистый рационализмъ, есть ученіе противное нравственности, у которой онъ отнимаетъ всякую разумную основу (ибо тамъ нѣтъ долга и нравственнаго понятія, гдѣ нѣтъ воли: человѣкъ падающій съ крыши и паденіемъ своимъ убивающій другаго не поступаетъ безнравственно): но какіе бы ни были выводы изъ материализма, или послѣдствія его, поводъ къ нему рѣдко заключается въ стремленіи къ уничтоженію понятія о нравственности (я говорю о мыслителяхъ, а не о стадѣ ихъ послѣдователей, въ которомъ побужденія бываютъ часто нечисты); поводъ же къ нему дѣйствительно подаетъ утомленіе ума отвлеченостями, односторонность предшествующихъ школъ, какъ я показалъ въ гегельянствѣ, и естественное требованіе образности, той *representation*, на которую такъ часто нападалъ Гегель. Давно немислимость современнаго намъ материализма обличилась бы сама, если бы онъ рѣшился выступить полною и замкнутою системою, а не ограничивался набѣгами на разныя отрасли наукъ, если бы, слѣдовательно, онъ явился съ полною терминологіею (ибо онъ теперь довольствуется искаженною терминологіею Гегеля), если бы наконецъ онъ имѣлъ свой лексиконъ.

Лексиконъ, т. е. строгое опредѣленіе языка философска-

го, составляет одну изъ первыхъ и основныхъ потребностей всякой философской системы; и всѣ системы должны по необходимости различаться другъ отъ друга своими лексиконами, ибо общій, жизненный или бытовой языкъ слишкомъ текучъ и неопредѣленъ для систематическаго употребленія, и слова, изъ него взятая, требуютъ всегда новаго и строжайшаго опредѣленія, измѣняющагося согласно съ тѣмъ порядкомъ, въ которомъ развиваются понятія въ послѣдовательномъ ихъ построеніи у различныхъ мыслителей. Необходимость и различія этихъ частныхъ лексиконовъ показываютъ въ одно время на всю пользу и на всю трудность общаго лексикона для языка философскаго, такого лексикона, въ которомъ введены бы были опредѣленія отдѣльныхъ философскихъ выраженій, указаны бы были ихъ мѣста въ разныхъ системахъ, и оцѣнена бы была вѣрность и строгость самыхъ опредѣленій. Безспорно, такое предпріятіе, трудъ цѣлой жизни, посвященной мысленію, можетъ составить эпоху въ словесности и славу ея. Даже несовершенный успѣхъ (совершенный едва ли возможенъ) уже долженъ обратить на себя сочувственное и теплое вниманіе критики, и нельзя не счесть за весьма неутѣшительное явленіе, то равнодушіе, которымъ былъ встрѣченъ первый томъ философскаго лексикона, составляемаго г. Гогоцкимъ. Я не говорю даже о достоинствахъ его, о его благородномъ тонѣ, о высоко просвѣщенной терпимости, которая слышна въ отзывкахъ о мыслителяхъ, которымъ онъ вовсе не сочувствуетъ, и объ ученіяхъ, которыхъ ложное направленіе приписываетъ онъ всегда ошибкамъ мысли, а не злему настроенію души; но скажу, что въ такое время, когда журнальная критика въ безконечныхъ статьяхъ взвѣшиваетъ на дифференціаль-ныхъ вѣсахъ сравнительное достоинство произведеній и писателей, которыхъ имя и память не можетъ даже оставить слѣда въ просвѣщеніи и словесномъ богатствѣ Россіи, странно видѣть, что такой великій трудъ остается безъ всякой оцѣнки. Важный во всякой литературѣ, какъ бы богата она ни была, онъ по преимуществу важенъ въ нашей литературѣ, крайне бѣдной философскими произведеніями, и для

нашего читателя, вовсе незнакомаго съ исторіею и вопроса-ми философіи. Молчаніе или невнимательное слово объ немъ въ журналахъ (которыхъ такъ много) очень не утѣшительно: это одно изъ самыхъ ясныхъ доказательствъ несерьезности нашего просвѣщенія и нашей литературы, или иначе—это одно изъ доказательствъ крайней ея безнравственности. Тутъ вижу я подтвержденія давнишняго и вамъ извѣстнаго убѣжденія моего, что наша литература прошлыхъ десятилѣтій была самою безнравственною изъ всѣхъ когда либо бывшихъ литературъ; ибо не то слово общественное безнравственно по преимуществу, которое враждебно какимъ бы то ни было даннымъ нравственнымъ началамъ, а то, которое чуждо всякому нравственному вопросу: и въ этомъ смыслѣ я смѣю сказать, что вполнѣ безнравственна только та литература, которая не можетъ заннаться ни за какую цензуру и которую всякій цензоръ можетъ и долженъ пропустить. Думаю, что это замѣчаніе не безъ важности для исторіи общественнаго просвѣщенія.

Какъ бы то ни было, когда вамъ опять дастся досугъ, обратите вниманіе на этотъ прекрасный трудъ нашего ученаго. Много найдете вы статей, которыя удовлетворятъ васъ вполнѣ, и еще болѣе такихъ, которыя пробудятъ въ васъ живой интересъ философской мысли. Я не критикъ, и потому не вхожу въ подробности; но долженъ прибавить, что при всѣхъ достоинствахъ творенія, которое должно бы находиться у всякаго просвѣщеннаго Русскаго, я тоже не могу не замѣтить нѣсколько важныхъ недостатковъ, которые впрочемъ легко могутъ быть или исправлены или пополнены въ видѣ прибавленій. Нѣтъ напр. вовсе весьма важныхъ словъ. *Вещество* (какъ вещь о себѣ): конечно опредѣленіе этого слова можетъ находиться подъ словомъ матерія, но лучше было бы подъ Русскимъ словомъ. *Впечатлѣніе*: слово весьма великой важности и рѣдко опредѣляемое съ достаточною строгостью. *Время*: объ важности этого слова въ смыслѣ философскомъ даже и говорить нечего. Можетъ быть еще кое-какія другія менѣе важныя слова. Желательно бы было, чтобы статья—*воля*, была еще перерабо-

тана и чтобы выводы были яснѣе; а въ статьѣ—*Беконъ*, статьѣ весьма хорошей, желательно бы было видѣть пополненія, для которыхъ превосходный трудъ Куно-Фишера представляетъ уже готовый матеріалъ. О патерѣ Босковичѣ, нашемъ Славянинѣ, сказано слишкомъ мало. Въ немъ весьма много замѣчательныхъ мыслей объ отношеніяхъ *силы и вещества*, и это сближаетъ его съ Беркелеемъ. Наконецъ я нахожу нѣкоторыя имена вовсе не нужными, имена людей ничего не значущихъ въ исторіи философской мысли, и не нахожу ни ересіарховъ, ни многихъ Отцовъ Церкви, которыхъ мышленіе такъ важно и скрываетъ такъ много чисто философскихъ положеній въ формѣ или въ объясненіи догматовъ. Изъ ересіарховъ между прочимъ назову Валентина, о которомъ съ такимъ высокимъ сочувствіемъ и съ такимъ благороднымъ безпристрастіемъ отозвались нѣкоторые изъ раннихъ Святыхъ Отцовъ. Это струя не початая и общающая большое богатство. Вотъ моя критика книги, которую считаю крайне утѣшительнымъ явленіемъ. Дай Богъ автору терпѣнія въ трудѣ, а еще болѣе терпѣнія къ нашему равнодушію.

Достало ли у васъ терпѣнія и досуга, любезный Юрій Феодоровичъ, дочитать мое письмо до конца? На возраженія отъ васъ не надѣюсь. Вамъ не до того. Вы бодро стоите за общее наше дѣло въ одной изъ его частныхъ, но конечно самыхъ важныхъ формъ. Это дѣло есть дѣло *прогресса истиннаго*, который по тому самому есть и *истинный консерватизмъ*. Въ теперешней борьбѣ меня многое утѣшаетъ (не говорю о самой борьбѣ, до которой я охотникъ); меня утѣшаетъ то, что во многихъ изъ ошибающихся консулаторовъ я вижу задатки истиннаго прогресса, которыхъ часто не встрѣчаю въ мнимыхъ прогрессистахъ, и слѣдовательно могу приписать заблужденіямъ ума, весьма извинительнымъ, то сопротивленіе, которое часто приписываютъ дурной волѣ. Отъ васъ, какъ я сказалъ, возраженій не ожидаю; не будетъ ли возраженія отъ другихъ, хотя бы отъ одного изъ нашихъ дальнихъ знакомыхъ, котораго я нѣкогда любилъ, къ которому я и теперь не равнодушенъ, и который пом-

нить мой полемическій характеръ? Во всякомъ случаѣ возраженіе на мой разборъ матеріализма очевидно не есть заступничество за матеріализмъ, а только нападеніе на мои логическія способности. Тотъ конечно еще не безбожникъ, кто говоритъ, что я плохо доказываю существованіе Божества.

Прощайте: можетъ быть до другаго письма, если это письмо вамъ не покажется черезъ-чуръ тяжелымъ.

А. Хомяковъ.

КРЕСТЬЯНЕ НА РУСИ.

(ПЕРВОЕ ВРЕМЯ)

крестьяне свободные.

Крестьяне подъ настоящимъ своимъ именемъ въ нашихъ историческихъ и юридическихъ памятникахъ встрѣчаются не раньше конца XIV столѣтія, но не здѣсь начало крестьянства: признаки, отличающіе крестьянъ отъ другихъ членовъ Русскаго общества, замѣтны гораздо раньше даже въ Русской Правдѣ, только при другихъ названіяхъ. А посему, чтобы отыскать начало крестьянства, или по крайней мѣрѣ приблизиться къ этому началу, мы должны по памятникамъ сравнить признаки крестьянства, встрѣчающіеся съ именемъ крестьянина, съ таковыми же признаками, находящимися въ другихъ памятникахъ, въ которыхъ вмѣсто крестьянъ стоятъ другія имена.

Крестьяне въ первый разъ подъ собственнымъ своимъ именемъ встрѣчаются въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю. Въ грамотѣ сказано: «и Кипріанъ митрополитъ такъ рекъ игумену и христіаномъ монастырскимъ: ходите вси по моей грамотѣ, игумень сироты держи и сироты игумена слушайте » (А. А. Э. т. 1. № 11.). А въ грамотѣ такъ выражены обязанности крестьянъ къ землевладѣльцу, къ Константиновскому монастырю: лучшіе, т. е. зажиточные изъ крестьянъ, живущихъ въ селахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и зимніе ѣзы и заколы для рыбной ловли, оплетать сады,

прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобровъ, на Пасху и на Петровъ день приносить игумену подарки, сколько кто хочетъ, на монастырскій праздникъ приводить изъ села по яловицѣ, молотить рожь, молотъ солодъ и проч., а въ которое село прѣдетъ игумень на братчину, то складчинники на братчинѣ даютъ игуменовымъ конемъ по зобнѣ овса.

Потомъ жалованная грамота Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича Толгскому монастырю, данная въ 1400 году, представляетъ крестьянъ вольными людьми, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, живущими на земляхъ монастырскихъ и княжескихъ волостныхъ, платящими дань и разныя пошлыны, частію князю, частію землевладѣльцамъ, и подлежащими суду или княжему по общему порядку всѣхъ свободныхъ людей, или по привилегіи землевладѣльческому монастырскому (А. А. Э. т. I. № 15). Тѣ же признаки крестьянъ и съ настоящимъ ихъ именемъ мы находимъ въ жалованной грамотѣ князя Юрья Дмитріевича Звенигородскаго Савино-Сторожевскому монастырю, данной въ 1404 году (А. И. Т. I. № 15).

Далѣе, въ жалованной грамотѣ Іоны митрополита Андрею Аванасьеву, данной въ 1450 году, видно, что крестьяне жили не только на монастырскихъ и княжихъ земляхъ, но и на земляхъ другихъ владѣльцевъ, и свободно могли переходить съ одной земли на другую. Въ грамотѣ сказано: «сель Андрей Аванасьевъ на своей кушгѣ на Голямовской пустоши, въ волости пречистые Богородицы и моеи, въ Романовскомъ; и кого Андрей на ту пустошь къ себѣ перезоветъ изъ иныхъ княженій, а не изъ моеи волости изъ сель пречистыя Богородицы, и тѣмъ людямъ пришлымъ, ненадобѣ съ моими крестьяны съ волостными тянути ни въ какое дѣло.» (А. А. Э. Т. I. № 45).

Наконецъ въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ, данной въ 1466—1478 году, указывается на сроки, когда въ году крестьяне имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, именно срокомъ здѣсь названъ Юрьевъ день осенній, а кто

переходилъ не въ этотъ срокъ, того возвращали назадъ, доживать до срока (*ibid.* № 83.)

Такимъ образомъ въ грамотахъ, въ которыхъ упоминается имя крестьянъ, признаками крестьянства мы находимъ — свободу крестьянъ жить на земляхъ казенныхъ волостныхъ, княжихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, свободу переходить съ одной земли на другую въ извѣстный срокъ въ году, въ Юрьевъ день, подчиненіе крестьянъ общему суду, ежели землевладѣлецъ не имѣлъ привилегіи на право своего суда надъ крестьянами, обязанность платить казенныя подати и отправлять другія повинности государственныя, и въ то же время платить оброки и отправлять разныя земледѣльческія работы на землевладѣльца, на землѣ котораго живеть крестьянинъ.

Тоже значеніе крестьянъ и тѣже признаки крестьянства только съ большими подробностями мы находимъ въ иныхъ грамотахъ, старшихъ и современныхъ грамотамъ, приведеннымъ выше, въ которыхъ крестьяне являются подъ другими названіями древнѣйшими. Такъ напримѣръ, грамота В. К. Ивана Даниловича Калиты (1338—1340 г.), грамота Нижегородскаго князя Александра Ивановича (1410—1417 г.), грамота великаго князя Василья Дмитріевича, данная митрополиту Фотію въ 1425 году (А. Ар. Э. т. 1. №№ 4, 17 и 23.) называютъ крестьянъ общимъ именемъ *люди*, въ которыхъ люди сѣи, также какъ и крестьяне въ приведенныхъ выше грамотахъ, признаются свободными, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и таявшими судомъ и данью и другими повинностями и проторами къ городу, ежели не были освобождены отъ этого особою грамотою, данною землевладѣльцу. Въ другихъ грамотахъ крестьяне называются *сиротами*. Таковое названіе мы встрѣчаемъ въ грамотѣ Тверскихъ князей, данной Отрочю монастырю (въ 1361-1365 г.), въ приведенной выше грамотѣ Митрополита Кипріяна, данной Константиновскому монастырю въ 1391 году; въ этой грамотѣ, какъ мы уже видѣли, встрѣчается въ первый разъ и названіе крестьянъ и изчисленіе ихъ обязанностей въ отношеніи къ монастырю. Эта грамота такимъ образомъ ясно показываетъ, что названія сиротъ и крестьянъ принадлежали однимъ и тѣмъ же чле-

намъ Русскаго общества. Тоже названіе сиротъ и крестьянъ, принадлежащее одному и тому же классу свободныхъ людей, мы находимъ въ Новгородской грамотѣ 1411 года: «даша грамоту жалованную на Ярославль дворѣ сиротамъ Терпилова погоста, давати имъ поземь посадниче и тысяцкаго по старымъ грамотамъ по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва муки, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мірянину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчикъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, и той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ.» (А. И. т. 1 № 17.).

Въ другихъ грамотахъ крестьяне назывались *серебренниками, половниками и рядовыми людьми*. Такъ въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича 1450 года, князь пишетъ своему намѣстнику: «и тыбъ монастырскихъ людей серебренниковъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня не принималъ, а принималъ бы еси серебренники о Юрьевѣ дни осеннемъ, и который пойдетъ о Юрьевѣ дни монастырскихъ людей въ твой путь, и онъ тогда и деньги заплатитъ.... А которыя будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь; и они бѣ дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку». Или въ другой грамотѣ, того же года, того же князя ко всѣмъ боярамъ и посельскимъ: «билъ ми челомъ игумень Кассьянъ, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырскихъ серебренниковъ и половниковъ и рядовыхъ людей и юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни» (А. А. Э. т. 1. № 48.). Наконецъ грамота В. К. Ивана Васильевича на Бѣлоозеро, писанная въ 1462 году, серебренниковъ прямо называетъ крестьянами; въ грамотѣ сказано: «сотнику городскому на Бѣлоозеро и всѣмъ христіаномъ, и на городокъ на Оедосинъ и въ Кистьнему старостамъ. Били ми челомъ Кирилова монастыря старци, а сказываютъ, что деи у нихъ отказываете ихъ людей монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень.... И который крестьянинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ; и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ христіанина вывезете вонъ» (ibid. № 73.).

Въ Псковской судной грамотѣ мы встрѣчаемъ *изорниковъ, огородниковъ и кочетниковъ*, или рыболововъ, которые также

были люди свободные, и могли переходить от одного землевладельца къ другому, и переходъ этотъ дозволялся только въ одинъ срокъ въ году, о Филиповѣ заговеньѣ; мимо этого срока ни владѣлецъ не можетъ отказать имъ, ни они отойти отъ землевладельца. Въ грамотѣ сказано: «а который государь (господинъ земли) захочетъ отрокъ (отпускъ) дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику; ино отрокъ быти о Филиповѣ заговейнѣ; такожь захочетъ изорникъ отречися села, или огородникъ, или кочетникъ; ино потому мужъ отроку быти; а иному отроку не быти ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника.» По Псковскимъ же законамъ, къ изорникамъ, огородникамъ и кочетникамъ можно отнести названіе серебрянниковъ и половниковъ; ибо въ одной статьѣ Псковской грамоты сказано, что землевладѣлецъ на изорникѣ или огородникѣ или кочетникѣ могъ и въ закличъ искати своей ссуды и серебра и пшеницы и всякихъ доходовъ: а другая статья прямо указываетъ, что хозяинъ земли, отпуская изорника или огородника или кочетника, бралъ у него половину дохода, полученнаго съ земли.

Наконецъ, переходя къ болѣе глубокой древности, мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ *ролейныхъ закуповъ* съ тѣми же признаками, съ какими уже видѣли крестьянъ, сиротъ, людей, серебрянниковъ и проч. По Русской Правдѣ ролейные закупы были также люди свободные, могущіе переходить съ одной земли на другую, и ежели жили на землѣ частнаго землевладельца и получали отъ него въ пособіе деньги, рабочій скоть и земледѣльческія орудія, то, оставляя землевладельца, должны были учинить съ нимъ надлежащій расчетъ и возвратитъ полученное пособіе.

Такимъ образомъ крестьяне, сироты, люди, серебрянники, рядовые люди, и изполовники по Московскимъ, Тверскимъ и Нижегородскимъ грамотамъ, изорники, огородники и кочетники по Псковской судной грамотѣ, и ролейные закупы по Русской Правдѣ, являются съ одинаковыми признаками и видимо принадлежать къ одному и тому же классу свободныхъ людей, и именно къ тому, который въ послѣдствіи получилъ общее названіе крестьянъ. И по сему изысканіе о

Русскихъ крестьянахъ по юридическимъ памятникамъ можно прямо начать съ ролейныхъ зауповъ Русской Правды, а по лѣтописямъ слѣды крестьянства найдемъ и раньше.

Крестьяне въ древнѣйшія времена.

По свидѣтельству всѣхъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, Русскіе издревлѣ были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ; по словамъ Нестора, они и дань давали отъ дыма и отъ рала, т. е. съ двора, съ осѣдлости, и съ сохи, съ земледѣльческаго орудія; этотъ порядокъ платежа даже сохранялся на Руси до позднѣйшихъ временъ нашей исторіи. Слѣдовательно, признавая въ крестьянахъ одну характерическую черту—земледѣліе, мы можемъ отыскивать ихъ въ глубочайшей древности. Еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, земледѣліе было распространено по Русской землѣ отъ самыхъ югозападныхъ ея предѣловъ до самыхъ сѣверовосточныхъ; такимъ образомъ, издревлѣ, на всемъ пространствѣ Русской земли жили земледѣльцы, пахари, крестьяне. Но крестьяне-пахари не составляли въ древности отдѣльнаго сословія и не носили какого либо особаго имени; весь народъ занимался земледѣліемъ, торговлею и другими промыслами; каждый членъ Русскаго общества, смотря по своимъ средствамъ и способностямъ, и соображаясь съ временемъ года и мѣстомъ жительства, то воздѣлывалъ землю, то ходилъ въ лѣсъ для звѣриныхъ промысловъ, то по рѣкамъ и озерамъ ловилъ рыбу, то торговалъ своими или скупленными произведеніями. Вся обширная Русская земля, съ своими лѣсами, лугами, полями, рѣками, озерами, и болотами была открыта передъ Русскимъ человѣкомъ; и онъ или въ одиночку, или обществомъ, составившимся по добровольному согласію, свободно ходилъ по ней, и выбиралъ любое мѣсто и воздѣлывалъ его, какъ умѣлъ и какъ могъ, и селился на избранномъ мѣстѣ или въ одиночку однимъ дворомъ, съ своимъ семействомъ, или обществомъ, городомъ, селомъ. По нашимъ лѣтописямъ, и горожане и сельчане одинаково занимались земледѣліемъ и другими промыслами; такъ Ольга говоритъ осажденнымъ Коростенцамъ: «а вси гради ваши пре-

дашася мѣ, и ялися по-дань, и дѣлають нивы своя и земли своя». (Лав. глѣт. 25). Жители стараго города или села, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и, слѣдовательно, по мѣрѣ оскуденія средствъ продовольствія, присматривали на дикомъ лѣсу новыя удобныя мѣста для поселенія, и садились на нихъ починками, выселками и пригородами, и такимъ образомъ раздвигали общія владѣнія своего племени, и садясь на новыхъ мѣстахъ, занимались тѣми же промыслами, какими кто занимался на прежней селитьбѣ; слѣдовательно, и на новыхъ мѣстахъ являлись тѣ же земледѣльцы, крестьяне. Ежели новыя мѣста на дикомъ лѣсѣ, куда выдвигались колонисты изъ старыхъ городовъ и селъ, были уже заняты какимъ либо чужеплеменнымъ населеніемъ, Финскимъ или Латышскимъ, которое нужно было отгѣснить, и отъ котораго приходилось обороняться; то Русскій земледѣлецъ, крестьянинъ, принималъ на себя характеръ частію земледѣльца, частію воина, казака, повольника. Но и здѣсь еще не было зародыша сословія, казакъ, повольникъ, до тѣхъ поръ только былъ казакъ и повольникомъ, пока было съ кѣмъ бороться; но прекращалась борьба, туземцы иноплеменники или удалялись или сливались съ Русскими колонистами; и казакъ, и повольникъ обращался въ мирнаго земледѣльца и промышленника. Особенно, ежели впереди на дикомъ лѣсу, ближе къ отгѣсненнымъ иноплеменникамъ, поселялись новыя колоніи, принимавшія на себя борьбу съ иноплеменниками,—то прежніе колонисты, такимъ образомъ оставшіеся назади, рѣшительно теряли характеръ воина, казака, повольника, и обращались въ мирныхъ земледѣльцевъ, промышленниковъ, до новой нужды выдвигаться впередъ, на дикій лѣсъ, лицомъ къ лицу съ иноплеменниками.

Но естественно, при неравенствѣ силъ и способностей и другихъ условій между людьми, въ Русскомъ обществѣ, точно также, какъ и въ другихъ человѣческихъ обществахъ, рано или поздно должны были выдвинуться изъ общей массы лучшіе люди, т. е. разумнѣйшіе и богатѣйшіе, и такимъ образомъ составить какое-то особое цѣлое, отдѣльный классъ, отличный отъ остальной массы общества. И этотъ отдѣльный классъ лучицхъ людей дѣйствительно образовался въ

Русскомъ обществѣ, еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей. Такъ Несторъ, рассказывая о посольствахъ Древлянъ къ Ольгѣ, два раза упоминаетъ о лучшихъ мужахъ, — въ первомъ посольствѣ: «и послаша Древляне лучшіе мужи, числомъ двадцать, въ лодыи къ Ольгѣ»; или въ другомъ посольствѣ: «Древляне избраша лучшіе мужи, иже держажу Деревскую землю, и послаша по ню.» (Лав. лѣт. ст. 24). Такимъ образомъ въ Русскомъ обществѣ устроились два класса: *лучшіе мужи, держащіе землю, и людіе, гражданае, народъ, земляне*; такъ лучшіе мужи говорятъ Ольгѣ: «посла ны Деревская земля,» или при осадѣ Кіева Печенѣгами въ 968 году лѣтописецъ говоритъ: «собрашася людіе оныя страны Днѣпра въ лодіяхъ» (ibid. стр. 28). Или, при осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами въ 997 году, лѣтописецъ всѣхъ Бѣлгородцевъ безъ различія называетъ гражданами: «горожане же рѣша, шедше къ Печенѣгомъ, поимѣте къ себѣ таль нашъ.» (ibid. стр. 55).

Съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей, а можетъ быть и раньше, изъ лучшихъ мужей образовались бояре: такъ въ 1018 году, во время сборовъ Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, Новгородцы, собиравшіе деньги для найма Варяговъ, уже ясно не составляли сплошной безразличной массы, но дѣлились на простолюдиновъ и бояръ; въ лѣтописи сказано: «начаша скоть сбирати отъ мужа по 4 куны, отъ старость по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ.» (ibid. стр. 62) Это страшное различіе въ сборѣ денегъ по общественной раскладкѣ съ одного класса по 18 гривенъ, а съ другаго по 4 куны, т. е. во 135 разъ меньше, показываетъ сильное различіе и въ общественномъ значеніи и въ зажиточности того и другаго класса. Здѣсь простолюдинъ весьма низко упалъ передъ бояриномъ, а бояринъ напротивъ странно возвысился надъ простолюдиномъ; ихъ уже нельзя сравнивать другъ съ другомъ, хотя они и принадлежатъ къ одному обществу, считаются его членами. И конечно мужи, внесшіе на пособіе Ярославу по четыре куны, составляли особое сословіе, получившее въ послѣдствіи общее названіе *крестьянъ, людей*. Это собственно былъ низшій слой общества въ городахъ и се-

лахъ, состоящій изъ людей незначительныхъ, которые или жили съ жеребья земли, принадлежащаго общинѣ, или питались трудами рукъ своихъ, работали по найму у болѣе зажиточныхъ своихъ согражданъ. Этотъ классъ людей во времена Русской Правды, кажется, носилъ общее названіе смердовъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и Русская Правда и современныя ей лѣтописи. Такимъ образомъ земледѣлецъ ко временамъ Русской Правды, кромѣ прежняго признака земледѣлія, получилъ еще новый признакъ, основанный уже не на родѣ занятія, но на общественныхъ отношеніяхъ, признакъ меньшаго, низшаго члена Русскаго общества.

Но дѣленіе, выработанное прежнею жизнію общества, не остановилось при послѣдующемъ развитіи жизни. Въ Русской Правдѣ мы уже находимъ новое дѣленіе низшаго класса людей, именно въ Правдѣ Ярославовыхъ сыновей въ низшемъ классѣ являются уже старосты и рядовичи. Законъ говорить: «а въ сельскомъ старостѣ княжѣ и въ ратаинемъ 12 гривны, а въ рядовичи княжѣ 5 гривенъ». А въ Правдѣ XII столѣтія встрѣчается извѣстіе и о рядовичахъ боярскихъ: «а въ сельскомъ тиунѣ княжѣ или въ ратаинемъ, то 12 гривенъ, а за рядовича 5 гривенъ, также и за боярскъ». Такимъ образомъ, по свидѣтельству закона, низшій слой общества вновь распался на отдѣлы,—на лучшихъ людей, старостъ, и на худшихъ—рядовичей; потомъ и сіи отдѣлы распались еще на живущихъ за княземъ, и на живущихъ за боярами; впрочемъ это новое распаденіе не измѣнило общественнаго значенія низшаго класса; и за княжескаго и за боярскаго рядовича, безъ различія, закономъ назначена одна пеня пять гривенъ; слѣдовательно, княжій и боярскій рядовичъ были одинаковыми членами Русскаго общества и имѣли одно значеніе. Настоящее указаніе закона для насъ особенно важно своимъ свидѣтельствомъ о томъ, что сельскіе жители, смерды, крестьяне, рѣзко уже отдѣлились отъ прочихъ классовъ общества и имѣли свое управленіе, своихъ старостъ, и притомъ безъ различія, жили ли они за княземъ или за боярами, т. е. владѣли ли общинною землею, или сидѣли на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Тоже особое управленіе низшаго класса, какъ отдѣльнаго сословія, по свидѣтель-

ству Всеволодовой грамоты, данной Новгородской церкви Иоанна Предтеча на Опокахъ (1134—1135 г.), было и между городскими жителями, гдѣ низшій классъ названъ черными людьми. Въ грамотѣ сказано: «И азъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякія дѣла Иванскія.» (Допол. къ ак. ист. Т. I. № 3). Вообще въ XII столѣтіи низшій классъ Русскаго общества, смерды, безъ различія городскіе и сельскіе, образовали сословіе тяглыхъ, черныхъ людей, на которыхъ преимущественно лежали общественныя повинности и подати. Общественное устройство, не успѣвая слѣдовать за развитіемъ и частыми измѣненіями народной жизни, естественно должно было остановиться на раздѣленіи членовъ общества на тяглыхъ и нетяглыхъ людей; причемъ на первыхъ пали преимущественно матеріальныя потребности общества, подати и повинности, а на вторыхъ потребности духовныя, высшія службы, управление и защита края. Но и высшіе классы общества въ свою очередь не избавились отъ податей и повинностей матеріальныхъ, только сін обязанности на нихъ легли не прямо, а чрезъ посредство людей низшаго класса, которые сѣдѣли на ихъ земляхъ и жили при ихъ пособіи или ссудѣ; такъ что видимо платили, тянули тягло тяглые люди, въ сущности же платежъ шелъ съ капиталовъ, принадлежащихъ или высшему классу, нетяглымъ людямъ, или непосредственно цѣлому обществу. Притомъ общество не препятствовало и людямъ низшаго класса, тяглымъ, перечисляться въ высшій не тяглый классъ, ежели кто имѣлъ къ тому способности и средства.

Русская Правда, признавая всѣхъ черныхъ людей за одинъ классъ общества, безъ различія—сѣдѣли ли они на своихъ или на общинныхъ земляхъ, или на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, естественно должна была обратить особенное вниманіе на послѣднихъ, чтобы землевладѣльцы не присвоили ихъ себѣ и не исключили изъ членовъ общества, не лишили ихъ личности, что было бы съ одной стороны вопіющею несправедливостію, а съ другой лишило-бы общество полезныхъ для него членовъ, отправлявшихъ общественныя ма-

теріальныя повинности, тянувшихъ тягло. А посему Русская Правда посвятила имъ подъ именемъ закуповъ шесть статей, въ которыхъ довольно ясно опредѣлила ихъ общественное значеніе и отношенія къ землевладѣльцамъ.

Изъ статей Русской Правды о закупахъ мы видимъ: во 1-хъ, что закупы не были рабы; ибо по закону Русской Правды рабы ни въ какомъ случаѣ не признавались свидѣтелями на судѣ, а закупы могли быть приняты свидѣтелями въ малыхъ тяжбахъ, — « а въ малѣ тяжѣ понужи сложити на закупа » (свидѣтельство). Слѣдовательно по Русскому закону въ XII столѣтіи признавалась личность закупа, онъ считался членомъ Русскаго общества, хотя и незначительнымъ. За обиду закупа законъ назначалъ пеню, какъ за свободного человѣка: « якоже въ свободномъ платежѣ и въ закупѣ » тогда какъ за обиду раба не было пени, онъ считался вещью, собственностію господина, а не членомъ общества. Закупъ, за побѣгъ отъ господина безъ расчета съ нимъ и за воровство, наказывался обращеніемъ въ полные обѣльные рабы; слѣдовательно самъ по себѣ не былъ рабомъ, не составлялъ собственности господина.

Во 2-хъ, закупы, какъ свободные члены Русскаго общества, имѣли по закону право защищать себя отъ обидъ судомъ, даже противъ своего господина; въ Правдѣ сказано: « ежели закупъ бѣжитъ къ князю или судіямъ обиды дѣла своего господина; то про то не работятъ его, но дати ему правду ». Господинъ, осмѣлившійся продать закупа или заложить въ рабы, не только лишался своихъ правъ на закупа, но даже терялъ право и на тѣ деньги, по которымъ закупъ вступилъ къ нему въ закупы, и сверхъ того долженъ былъ заплатить закупа за обиду 12 гривенъ, самую большую уголовную пеню по Русской Правдѣ. « Продастъ ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продаждѣ ».

Въ 3-хъ, по Русской Правдѣ закупы ролейные, пахатные, т. е. тѣ, которые въ послѣдствіи получили названіе крестьянъ, не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ, называвшихся послѣ кабалными холопами. И кажется, въ самой жизни Русскаго общества, въ XII вѣкѣ, еще не было стро-

гаго различія между сими двумя разрядами закуповъ; ибо ролейные и неролейные закупы получали отъ господъ деньги, за которыя обязывались работать на господина, и даже назывались просто наймитами, и кажется отличались отъ простыхъ наемныхъ работниковъ только тѣмъ, что брали деньги напередъ, какъ бы займы, тогда какъ наемные работники получали плату по окончаніи работы. Тѣмъ не мѣнѣ, хотя еще не строгое, но уже существовало различіе между закупомъ ролейнымъ, и неролейнымъ, иначе же не было бы различія и въ названіяхъ. Русская Правда представляетъ только въ зародышѣ, въ послѣдствіи далеко разшедшіяся, два разряда закуповъ, — крестьянъ и кабальныхъ холоповъ, т. е. свободныхъ членовъ Русскаго общества, по собственной волѣ шедшихъ въ работу къ другимъ членамъ общества, и тѣмъ самымъ вступавшихъ въ разрядъ полусвободныхъ людей. Главное различіе между ролейнымъ и неролейнымъ закупомъ, какъ можно судить по неяснымъ указаніямъ Русской Правды, кажется, состояло въ томъ, что ролейные закупы сидѣли на чужой землѣ и обрабатывали ее частію на господина, частію на себя; закупы же неролейные работали при домѣ господина, находились при личныхъ услугахъ, какъ должники, получившіе напередъ деньги подъ залогъ личной свободы. Въ этомъ по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи состояло главное различіе сихъ двухъ разрядовъ закупства.

Въ 4-хъ, Русская Правда указываетъ, что закупы могли отходить отъ своего господина, выплативши занятыя деньги, или сдѣлавши съ нимъ расчетъ въ обязательствахъ, какія были между ими и хозяиномъ. Въ Правдѣ сказано: «идеть ли закупъ искать кунъ (денегъ для уплаты долга господину), а явлено ходить; то про то не работать его, но дати ему правду». Вѣроятно ролейный закупъ, крестьянинъ, сидѣвшій на чужой землѣ, могъ свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Впрочемъ ролейные закупы времени Русской Правды рѣдко были въ такомъ положеніи, чтобы свободно могли пользоваться правами перехода, предоставленными закономъ; они, кажется, сидѣли на господской землѣ всегда при господской ссудѣ; слѣдовательно не иначе могли отойти отъ господина, какъ выплативши

напередъ ссуду. Русская Правда, говоря о ролейномъ закупѣ, упоминаетъ о плугѣ, боронѣ и рабочемъ скотѣ, которыя землевладѣлецъ давалъ закупу для обработыванія земли, и даже указываетъ, что закупъ долженъ былъ загонять рабочий скотъ на господскій дворъ въ клевъ и заширать, гдѣ прикажетъ господинъ. Слѣдовательно въ ролейные закупы поступали только такіе бѣдняки, которые не имѣли ни своихъ орудій земледѣлія, ни рабочего скота, ни хлѣба на прокормъ и сѣмена, и все это получали отъ господина, на землѣ котораго сажались, и который держалъ ихъ, какъ полусвободныхъ наймитовъ, закабаленныхъ ссудою.

Въ 5-хъ, изъ Русской Правды мы видимъ, что ролейные закупы, каждая семья, жили своимъ мелкимъ хозяйствомъ, и, кромѣ работъ на господина, работали на себя господскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями и на господской землѣ. Правда упоминаетъ, что ежели ролейный закупъ погубитъ господскій скотъ на своей работѣ (орудья своя дѣя); то за это долженъ заплатить господину. Въ другомъ мѣстѣ Русской Правды еще яснѣе указывается на отдѣльное хозяйство ролейнаго закупа. Она прямо говоритъ, что ежели господинъ преобидитъ закупа, не отдастъ столько уродившагося хлѣба, сколько слѣдовало по условію, или убавитъ долю земли, слѣдующую на хозяйство закупа, то все это долженъ возвратить, и сверхъ того за обиду заплатить 60 кунъ (1). Слѣдовательно, по Русской Правдѣ ролейные закупы жили на двухъ главныхъ условіяхъ: они или полу-

(1) Въ Русской Правдѣ сказано: «Аже господинъ преобидитъ закупа, а уведеть кону его или отарицю; то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ.» Здѣсь *кона* значить плата закупу, состоящая изъ шестидесятой доли урожая; это названіе до сего времени извѣстно въ Польскомъ языкѣ подъ именемъ Корсузна; а въ Малороссійскомъ языкѣ сохранилось и самое слово *кона* въ значеніи нашей полтины, и даже въ смыслѣ мѣры хлѣба, равняющейся шестидесяти снопамъ. Списки Русской Правды XV и XVI столѣтій прѣмъ переводятъ древнее выраженіе: *уведеть кону*, другимъ выраженіемъ *увередитъ цѣну* (убавитъ цѣну). А отарица, по толкованію Болтина, значить участокъ земли, который давался землевладѣльцу закупу во временное владѣніе, т. е. такой участокъ, который въ послѣдствіи назывался крестьянскою пашнею. На сколько вѣрны сіи толкованія филологически, я не утверждаю; но они вполне согласны съ духомъ Русской Правды.

чали плату хлѣбомъ, т. е. условленную часть урожая, какъ въ послѣдствіи изполовинки, или господинъ давалъ закупу долю земли для собственнаго хозяйства закупа съ тѣмъ, чтобы онъ другую долю земли обрабатывалъ на господина.

Значительнымъ пополненіемъ къ статьямъ Русской Правды о закупахъ служить вкладная грамота XII столѣтія, данная Варлаамомъ Хутынскимъ Спасскому монастырю, (Доп. къ акт. Т. I. № 5) и извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ о распоряженіяхъ Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича относительно платежа даней смердами (Новг. лѣт. стр. 44). Въ первомъ памятникѣ вкладчикъ Варлаамъ Хутынскій изчисляетъ все пожертвованіе, и землю, и огородъ, и ловища рыбныя и гоголнныя, и разныя деревни съ нивами, пожнями, челядью и скотиною, т. е. все, что онъ могъ жертвовать, что составляло его собственность; и ни слова не говоритъ о крестьянахъ или ролейныхъ закупахъ, жившихъ въ его деревняхъ. Изъ этого ясно, что крестьяне въ то время имѣли характеръ наймитовъ, нынѣ жили на одной землѣ, а на другой годъ свободно переходили на другую землю; а посему объ нихъ, какъ несвязанныхъ съ поземельною собственностію, землевладѣлецъ и не упоминаетъ. Во второмъ памятникѣ сказано: «и вда (князь Михаилъ Всеволодичъ) свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живеть, како оставили предніи князи, тако платитъ дань». Здѣсь лѣтопись прямо говоритъ, что, по уставамъ древнихъ князей, смерды, крестьяне, платили дань съ той земли, на которой жили во время сбора дани, а не съ той, на которой жили прежде, слѣдовательно признаетъ свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую (1).

(1) Что же касается до освобожденія смердовъ, перешедшихъ на чужую землю, отъ платежа даней на пять лѣтъ, то это была частная временная мѣра. Передъ прибытіемъ Михаила въ Новгородъ, въ послѣднія пять лѣтъ, начиная съ 1223 года, Новгородцы, раздираемые партіями, смѣнявшими одна другую, до того переживались въ своихъ частныхъ владѣніяхъ, что тяжба не было никакого исхода, особенно въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ, основываясь на правѣ свободнаго перехода, переизывали, а можетъ быть, и силою переводили богатые представители то той, то другой торжествующей партіи;

Такимъ образомъ мы имѣемъ прямыя и официальные свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были на Руси ролейные закушы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ, съ обязанностию платить за землю работою, или съ правомъ за обработку чужой земли получать условленную плату хлѣбомъ и другими произведеніями. Это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, фактъ историческій. Но факты историческіе не являются безъ причинъ, они вырабатываются жизнью общества. Теперь рождается вопросъ,—откуда явились въ Русскомъ обществѣ крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ? Какія были обстоятельства, способствовавшія Русской жизни выработать это историческое явленіе? Отвѣтъ: обстоятельства, вызвавшія на Руси явленіе крестьянъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, съ одной стороны заключались въ бѣдности крестьянъ, а съ другой въ расположеніи къ землѣдѣлію. Конечно, въ древней Россіи земли было очень много, несравненно больше тогдашнихъ потребностей, и каждый желающій могъ свободно занимать огромныя пространства дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ, что конечно и дѣлали тѣ, у кого были средства; такъ вѣроятно первоначально и образовались поземельныя владѣнія частныхъ собственниковъ, и земли, принадлежащія городскимъ и сельскимъ общинамъ. Общество и правительство рады были, кѣмъ бы ни занимались земли, только бы обрабатывались и не лежали въ пустѣ; ибо, по мѣрѣ занятія земель частными лицами и общинами, распространялись и самыя владѣнія цѣлаго общества и въ послѣдствіи государства, а съ тѣмъ вмѣстѣ распространялась и Русская цивилизація; земля, изъ дикой, бесполезной и никому не принадлежащей, дѣлалась обработанною, приносящею доходъ и составляющею собственность Русскаго человѣка, положившаго на нее свой трудъ и капиталъ. Самое владѣніе землею долго опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою труда и средствъ вла-

а между тѣмъ казенныя подати, при запутанности общественныхъ дѣлъ, взыскивались съ крестьянъ и по прежнему мѣсту ихъ жительства. Посему князь, желая прекратить тяжбы, рѣшилъ не взыскивать съ перешедшихъ смердовъ дани за послѣднія пять лѣтъ.

дѣльца, какъ говорилось и писалось: «куда топоръ, коса, и соха ходила», т. е. сколь далеко хватали средства и трудъ владѣльца, столь далеко простиралось и владѣніе; за-чертою труда прекращалось владѣніе, и лежащая далѣе земля или принадлежала другому землевладѣльцу, положившему на нее свой трудъ, или никому не принадлежала и считалась дикою. Таковое обиліе земли и такая свобода занимать ее, сколько силъ хватаетъ, повидимому отстраняли необходимость селиться на чужихъ земляхъ; каждому, конечно, выгодноѣ было имѣть свою землю, на которой онъ былъ полнымъ хозяиномъ, владѣльцемъ, ни отъ кого не зависящимъ. Но на дѣлѣ это—то обиліе земли и было одною изъ причинъ селиться на чужихъ земляхъ.

Земля, особенно въ Русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи Русскаго общества, представляла сырой безплодный матеріалъ, не могущій прокормить своего владѣльца, ежели онъ не употребитъ на нее труда и капитала. Дикую землю прежде всего нужно было расчистить, а потомъ воздѣлать и обсеять, чтобы она дала плодъ; а для воздѣланія нужны рабочій скотъ и орудія, а для засѣянія готовыя сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, а всего этого нельзя приобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала; кромѣ того при большемъ развитіи Русскаго общества, для удовлетворенія общественныхъ потребностей, обработанная земля облагалась податью, на уплату которой нуженъ былъ также капиталъ, а капитала—то у бѣдняковъ не было. Посему, и при обиліи земли и при свободѣ занимать ее сколько угодно, бѣдняки волей неволей должны были садиться на чужой землѣ, у богатыхъ собственниковъ, которые вмѣстѣ съ участкомъ земли давали бѣдняку рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, дворъ со всѣми принадлежностями, хлѣбъ на сѣмена и для прокормленія до новой жатвы, и даже средства для уплаты податей. Разумѣется, все это давалось на условіяхъ выгодныхъ для землевладѣльца: бѣднякъ долженъ былъ обрабатывать и хозяйскую пашню и исполнять другія требованія хозяина, можетъ быть и довольно тяжелыя; но все это для бѣдняка было легче голодной смерти въ ди-

комъ лѣсу, который хотя бы онъ и называлъ своимъ, но котораго не могъ воздѣлать по немѣннѣю средствъ.

Свободное занятіе и разработка земли, у кого сколько силъ достанетъ, не замедлили повести къ понятію о поземельной собственности. Земля, разъ обработанная, разчищенная, переставала быть дикою, никому не принадлежащею землею; ее уже считалъ своею тотъ, кто первый ее обработалъ, кто первый положилъ на нее свой трудъ и капиталъ, и всѣ безспорно признавали за нимъ это право; онъ владѣлъ своею землею до тѣхъ поръ, пока самъ не бросалъ ее или не передавалъ другому, и ежели умиралъ, не отказавшись при жизни отъ права на обработанную имъ землю, то она, какъ собственность, переходила къ его наследникамъ, и никто посторонній уже не могъ занять этой земли безъ согласія хозяина или его наследниковъ. Земля эта уже ограничивалася межами, и межи сіи, безъ хозяйскаго согласія, уже никто не могъ нарушить, или, въ противномъ случаѣ, подвергался наказанію по закону. Лучшимъ доказательствомъ сему служить Русская Правда; она еще въ той части своей, которая издана сыновьями Ярослава, слѣдовательно въ XI вѣкѣ, говоритъ уже о межахъ «а между переореть, либо перетнетъ, то за обиду 12 гривенъ». Тоже повторяется съ большими подробностями и въ Правдѣ XII столѣтія, гдѣ сказано: «аже между перетнетъ бортную, или ролейную разореть, или дворную тыномъ перегородить между, то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ подотнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи». Ясно, что въ XI и XII столѣтіяхъ на Руси уже были поземельныя владѣнія, которыя разграничивались межами, за нарушеніе которыхъ законъ назначалъ самую значительную пеню, большую изъ всѣхъ, кромѣ уголовныхъ. Впрочемъ это только по свидѣтельству закона, а по лѣтописямъ мы встрѣчаемъ слѣды поземельнаго владѣнія и гораздо раньше; у Ольги напримѣръ были свои перевѣсища по Днѣпру и Деснѣ и село Ольжичи еще въ 947 году (1). Но какъ занятіе и разработка земли

(1) Въ XII вѣкѣ мы находимъ прямое свидѣтельство, что владѣніе землею могло быть чистою собственностью съ правомъ отчужденія; это свидѣтельство
отд. II.

могли быть произведены, и дѣйствительно производились, или цѣлою общиною, или однимъ лицомъ съ своимъ семействомъ и своими средствами; то отсюда вытекало и двоякое владѣніе землею—общинное и частное или вотчинное.

Въ вотчинномъ владѣніи хозяинъ былъ полнымъ собственникомъ земли, онъ не только пользовался и распоряжался ею, но имѣлъ право отчуждать ее, и могъ селить на ней желающихъ, никого не спрашиваясь; напротивъ того въ общинномъ владѣніи хозяинъ участка общинной земли не былъ его собственникомъ, онъ владѣлъ землею пока состоялъ самъ въ общинѣ; оставляя же общину, лишался права и на землю. Такимъ образомъ на Руси мало по малу образовалось три рода земель: земли *дикія, никому не принадлежащія*, земли *общинныя* и земли *вотчинныя*. При чемъ земли дикія, никому не принадлежащія, по прежнему остались поприщемъ для занятія общинамъ и зажиточнѣйшимъ людямъ, имѣющимъ средства ихъ обработать; земли общинныя, какъ старыя, такъ и новыя, оставались за общинами и на нихъ селились люди менѣ зажиточные, которые не имѣли достаточно средствъ обработать и освоить землю дикую; земли вотчинныя или оставались за вотчинниками, или передавались ими другимъ вотчинникамъ по частнымъ сдѣлкамъ продажи, мѣны, даренія и проч. На вотчинныя земли съ согласія вотчинниковъ садилась самые бѣдные люди, которые въ качествѣ закуповъ или наймитовъ обрабатывали чужую землю вотчинниковыми же средствами. Земли общинныя, при болшемъ развитіи государственнаго права на Руси, мало по малу обратились въ черныя или государственныя и считались за княземъ, но не какъ за частнымъ собственникомъ, а какъ за государемъ, почему земли сія въ послѣдствіи и назывались государевыми землями.

Я сказалъ выше, что самое обиліе земли и полная свобода занимать ее кому угодно были одною изъ причинъ появленія ролейныхъ закуповъ, или крестьянъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, и это иначе быть не могло; ибо при

смыслается въ владѣной Варлаама Хутынского, писанной въ 1191—1192 г. (Допол. къ кн. Ист. № 3.)

отсутствіи почти всякой цѣнности земли необработанной, и при цѣнности труда по малолюдству, землевладѣльцы охотно уступали въ пользованіе значительные участки земли своимъ закупамъ и снабжали ихъ рабочимъ скотомъ, орудіями и другими средствами земледѣлія, только бы закупы обрабатывали землю и на нилъ. А закупы охотно сажались на чужой землѣ; ибо этотъ способъ платы за работу давалъ имъ возможность при господской помощи обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ и приобретать средства, чтобы въ послѣдствіи поступить въ члены общества и принять на себя участокъ общинной земли, или даже отдѣльно разработать дикую землю въ собственность, что все, при свободномъ переходѣ крестьянъ съ земли на землю, было очень удобно. Состояніе ролейнаго закупа или крестьянина, живущаго на чужой землѣ, именно было ступенью для перехода изъ бездомнаго батрака или захребетника, въ члены свободной сельской общины, съ правомъ на полученіе участка общинной земли; а при бѣльшемъ счастьи—даже ступенью къ переходу въ мелкіе поземельные собственники. А посему, въ продолженіе всей древней исторіи Россіи, мы постоянно встрѣчаемъ множество охотниковъ на поступленіе въ ролейные закупы или въ крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ.

Вотъ причины, вотъ обстоятельства, выработавшія историческое явленіе ролейныхъ закуповъ, или крестьянъ живущихъ на чужихъ земляхъ; другихъ причинъ, болѣе близкихъ къ истинѣ, мы не можемъ отыскать, по крайней мѣрѣ за время, къ которому относится Русская Правда, какъ дѣйствующій законъ. Русское государство, какъ извѣстно, первоначально образовалось не завоеваніемъ; слѣдовательно не было надобности, не было общихъ поводовъ отнимать землю у одного класса жителей и отдавать ее другому классу, такъ чтобы одинъ классъ сдѣлать землевладѣльцами, а другихъ оставить безземельными батраками, или дозволить имъ жить на чужихъ земляхъ съ условіемъ разныхъ податей и работъ. Лучшимъ сему свидѣтельствомъ служитъ то, что, по древнимъ Русскимъ законамъ и въ самой жизни на Руси, никто не былъ исключенъ изъ права поземельной собственности,

только бы имѣлъ средства приобрести ее. У насъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, одинаково имѣли за собою вотчинныя земли или поземельную собственность—и князья, и бояре, и духовенство, и купцы, и крестьяне; у насъ въ древности поземельная собственность никогда не была исключительнымъ правомъ какихъ либо привилегированныхъ классовъ. Это явленіе между прочимъ даже считается отличительною чертою древней Русской исторіи отъ исторіи другихъ государствъ Европы, основанныхъ завоеваніемъ. Варяго-Русскіе князья, приглашенные Новгородцами, и въ послѣдствіи принятые въ Смоленскѣ, Любечѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, не дѣлили земли пришедшимъ съ ними дружинникамъ; земля оставалась за тѣми же владѣльцами, за кѣмъ была и прежде, до прибытія князей. По свидѣтельству лѣтописи, даже Ольга, завоевавшая и сожегшая Коростень, и избившая множество жителей, не отняла у Коростенцовъ ихъ земли, а наложила только тяжкую дань. (Лавр. Лѣт. стр. 25.). Князьямъ на Русѣ были уступлены только нѣкоторыя земли, и то на государственномъ правѣ, а не на правѣ частной собственности, чему яснымъ свидѣтельствомъ служить то, что князья постоянно покупали земли у частныхъ собственниковъ, какъ указываютъ намъ лѣтописи и другіе памятники XII, XIII, и даже XIV и XV столѣтій. Дружинники также первоначально не получали земель и жили у князей на жалованьѣ, или получали законенные доходы съ областей, ввѣренныхъ ихъ управленію; и ежели въ послѣдствіи имѣли поземельную собственность, то она ими приобреталась одинаково съ приобретателями въ другихъ классахъ общества, по частному гражданскому праву, общими гражданскими способами приобретенія—покупкою, дареніемъ, мѣною, наследствомъ, разчисткою и воздѣланіемъ на собственныя средства дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ. Помѣстныя владѣнія, вѣроятно уже существовавшія въ XI и XII столѣтіяхъ, не измѣнили этого общаго порядка, хотя они и приобретались не по гражданскому, а по государственному праву; ибо вѣрныхъ они не составляли полной собственности своихъ владѣльцевъ, а большею частію состояли только въ крат-

ковременномъ владѣніи, потому что помѣщикъ, хотя бы и не оставлялъ службы у своего князя, тѣмъ неменѣе перѣдко долженъ былъ покидать данное помѣстье, такъ какъ и князья большѣю частію недолго заспживались на своихъ княженіяхъ, и съ ними должны были уходить и ихъ дружинники-помѣщики; и во-вторыхъ, помѣстные земли въ то время были еще весьма незначительны, и раздавались только изъ земель, данныхъ князю. А посему нѣтъ никакого основанія заключать, что ролейные закупы произошли отъ того, что не было свободныхъ земель, что земля вся или принадлежала государству, какъ угодье, какъ оброчная статья, или составляла частную собственность привилегированныхъ классовъ.

Такимъ образомъ появленіе ролейныхъ закуповъ выработалось естественнымъ порядкомъ изъ древняго устройства Русскаго общества и изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его жизнь въ прежнее время. Ролейные закупы, или крестьяне живущіе на чужихъ земляхъ, явились первоначально тѣмъ-то въ родѣ наймитовъ, какъ они частію и называются въ Русской Правдѣ; но какъ плата, получавшаяся ими за наемъ, состояла въ пользованіи участками господской земли, на которыхъ они, при помощи землевладѣльца, могли имѣть свое хозяйство,—то мало по малу, при характерѣ наймитовъ, ролейные закупы получили свои особыя черты, которыя рѣзко отличали ихъ отъ простыхъ наемныхъ работниковъ или батраковъ. Впрочемъ все это выяснилось и развилось уже въ послѣдствіи; во время же Русской Правды это отличіе было неясно, и ролейные закупы близко подходили къ наймитамъ; въ Русской Правдѣ даже не было опредѣлено сроковъ, когда ролейные закупы могли оставлять своего владѣльца и переходить къ другимъ, хотя и замѣтно, что они имѣли право свободного перехода. Вообще ролейные закупы по Русской Правдѣ были еще на самой низкой степени развитія своихъ правъ; они были рѣшительно полусвободными людьми, хотя и признавались членами Русскаго общества, и пользовались правами личности и свободного перехода съ одной земли на другую. Положеніе ихъ было очень стѣснено, и потому они много зависѣли отъ своихъ

землевладельцевъ : попытка оставить своего господина, не учинивши надлежащаго расчета, обращала ихъ въ полное рабство; то же наказаніе грозило имъ за воровство у своего ли господина или на сторонѣ; господинъ имѣлъ полное право уличеннаго въ воровствѣ закупа или продать, или обратить въ свои полные рабы, и ни законъ, ни общество не вступались въ эти дѣла.

Послѣ Русской Правды, старѣйшее извѣстіе о крестьянахъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, мы встрѣчаемъ въ Псковской судной грамотѣ, начало которой относится къ концѣ XIII и началу XIV столѣтія. Въ этомъ памятникѣ крестьяне являются подъ именами изорниковъ (пахарей), огородниковъ и кочетниковъ (рыболововъ). Здѣсь уже права ихъ опредѣляются съ большею точностію, нежели въ Русской Правдѣ, и представляются въ высшемъ развитіи.

Псковская грамота прежде всего старается избѣжать смѣшенія наймитовъ съ крестьянами; она строго отличаетъ крестьянина отъ наймита, — значить, и въ Псковскомъ обществѣ въ то время было уже это строгое различіе, тогда какъ, напротивъ, во время Русской Правды ролейный закупъ частію смѣшивался съ наймитомъ. По опредѣленію Псковскаго закона, наймитомъ назывался тотъ, который или нанимается на опредѣленный срокъ, на годъ, на мѣсяць и проч., или подряжается отдѣлать хозяину какую либо работу, — выстроить домъ, выкопать прудъ и т. подоб. Отношенія наймита къ хозяину по Псковскимъ законамъ были не многосложны и строго опредѣлялись письменнымъ или словеснымъ условіемъ; ежели наймитъ поступалъ къ хозяину на опредѣленный срокъ, то, отживши этотъ срокъ и получивши отъ хозяина условленную плату, свободно оставлялъ хозяина, а уходя отъ хозяина не доживши сроку, получалъ условленную плату по расчету; ежели же наймитъ подряжался къ хозяину отдѣлать условленную работу, то отдѣлавши работу, получалъ за нее и условленную плату, а уходя отъ хозяина, не отдѣлавши дѣла, лишался и платы, ежели хозяинъ докажетъ передъ судомъ, что наймитъ дѣйствительно не додѣлалъ условленнаго дѣла. Другихъ от-

ношеній между хозяиномъ и наймитомъ по Псковскимъ законамъ не было.

Но совсѣмъ иной характеръ отношеній былъ между хозяиномъ и крестьяниномъ, живущимъ на его землѣ. Крестьянинъ, т. е. изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ, по Псковскимъ законамъ садился на хозяйской землѣ не въ годы, какъ наймитъ, а безсрочно, сколько проживетъ, хоть бы до конца жизни. Это главное отличіе отношеній крестьянина отъ отношеній наймита повело и ко многимъ другимъ особымъ отношеніямъ крестьянина къ господину, къ владѣльцу земли, которыхъ незамѣтно въ отношеніяхъ срочнаго наймита къ хозяину, и которыя съ свою очередь строго опредѣляютъ значеніе крестьянина въ Псковскомъ обществѣ.

Во 1-хъ, въ отношеніяхъ крестьянина къ господину по Псковскому закону признавалась совершенная свобода: крестьянинъ могъ отойти отъ господина, оставить его землю, ежели находилъ это выгоднымъ; равнымъ образомъ и господинъ могъ сослать крестьянина съ своей земли, ежели не хотѣлъ держать его. Требовалось только одно, чтобы отказы съ той или другой стороны производились въ одинъ срокъ въ году «о Филипповѣ заговейнѣ», какъ въ такое время, которое свободно отъ земледѣльческихъ работъ; кромѣ этого срока, ни господинъ не могъ отказать крестьянину, ни крестьянинъ отказаться отъ господина (1). А ежели крестьянинъ пропуститъ узаконенный срокъ и проживетъ до весны, или и на весну останется на землѣ господина въ его селѣ, а потомъ пойдетъ прочь,—то обязанъ за весну заплатить господину такое же количество дохода съ оставленной имъ земли, какое получится съ другой такой же части зем-

(1) Въ Псковской грамотѣ сказано: А который государь захочетъ отрокъ дать (отказать) своему изорнику или огороднику, или кочетнику; ино отрокъ быти о Филипповѣ заговейнѣ. Такожъ захочетъ изорникъ отречися (пойти) съ села или огородникъ или кочетавкъ: ино тому же отроку быти. А иному отроку не быти ни отъ государя, ни отъ изорника ни отъ кочетника ни отъ огородника... А которой кочетникъ заложитъ весну или исполовникъ государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой четѣ досталось на томъ же садѣ.»

ли, съ которой крестьянинъ не уходилъ. Здѣсь впрочемъ итъ прямого, безусловнаго запрещенія переходить крестьянину съ одной земли на другую не въ срокъ, а только назначена плата за убытки, которые понесетъ землевладелецъ отъ несвоевременнаго перехода крестьянъ; следовательно, съ условіемъ платежа за убытки, крестьянинъ имѣлъ право отойти отъ господина въ любое время. Но кажется, господинъ не имѣлъ права отказать крестьянину не въ срочное время; или по крайней мѣрѣ лишился въ такомъ случаѣ права искать убытковъ, происшедшихъ отъ несвоевременнаго выхода крестьянина. Въ законѣ сказано: «А запрется изорникъ, или кочетникъ, или огородникъ отрока государева; ино ему правда дать (т. е. доказать это судомъ), а государь недоискался четверти или огородной части, или съ сада рыбной части.» То есть, ежели по суду показанія крестьянина окажутся вѣрными, то господинъ теряетъ право на искъ дохода съ оставленной крестьяниномъ земли.

Во 2-хъ, крестьянинъ могъ жить на землѣ господина и безъ господской покруты (пособія, ссуды), т. е. получая отъ господина одну только землю, а рабочій скоть, орудія и другія средства земледѣлія имѣя свои; а также могъ получить отъ господина, вмѣстѣ съ землею, и другія средства земледѣлія, какъ-то: рабочій скоть, земледѣльческія орудія, сѣмена и хлѣбъ на прокормъ и даже деньги. Изъ сихъ двухъ условій, по Псковскому закону, вытекали два вида расчетовъ крестьянина съ господиномъ, въ случаѣ, ежели крестьянинъ оставитъ господскую землю. При первомъ условіи, крестьянинъ, оставляя обрабатываемую имъ землю по своей волѣ или по волѣ господина, платилъ господину только половину полученнаго съ земли дохода: «А который изорникъ отречется у государя седа, или государь его отречеть; и государю взять у него всю половину своего изорника, а изорникъ половину.» При второмъ же условіи, господинъ имѣлъ право требовать съ крестьянина все то, что онъ далъ ему въ покруту и ссуду, по словамъ закона: «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники вольно и въ закличъ своей покруты и сочить (искать) серебра и всякой верши по имени, или пшеница, или яровой или озимъ.

ной, и по отрѣку государеву, или самъ отречется» (т. е. въ обоихъ случаяхъ—откажетъ ли крестьянину господинъ, или самъ крестьянинъ откажется жить на землѣ господина.) При чемъ, ежели крестьянинъ будетъ отпираться отъ господскаго пособія (покруты), и скажетъ: «я у-тебя жилъ на селѣ, а тебѣ ничѣмъ невиновать, т. е. не бралъ огъ тебя пособій», то законъ повелѣваетъ господину представить четверыхъ или пятерыхъ свидѣтелей, изъ стороннихъ людей, и рѣшить дѣло присягой. А ежели свидѣтелей не будетъ; то искъ не имѣетъ силы и господинъ теряетъ право на требование покруты.

Въ 3-хъ, Псковскій законъ признаетъ собственность за крестьяниномъ, живущимъ на господской землѣ. Ибо въ случаѣ, ежели крестьянинъ убѣжитъ отъ господина, не желая платить полученной покруты, то господинъ, по закону, имѣетъ право продать оставшееся имѣніе крестьянина, и вырученныя за это деньги взять за свою покруту, а чего неостанетъ, то искать на крестьянинъ, когда онъ явится. При сей продажѣ былъ ностановленъ слѣдующій порядокъ: когда убѣжитъ крестьянинъ, не выплативъ покруты, то господинъ долженъ взять у князя и у посадника пристава, а также позвать губскихъ старость и стороннихъ людей, и передъ ними продать имѣніе оставленное крестьяниномъ, и вырученныя отъ продажи деньги взять за свою покруту. Здѣсь законъ не только признаетъ за крестьяниномъ собственность, но и охраняетъ ее, такъ что даже послѣ бѣжавшаго крестьянина, невыплатившаго покруты, взятой у господина, господинъ можетъ продать крестьянское имѣніе не иначе, какъ передъ приставомъ отъ князя и посадника и передъ губскими старостами и сторонними людьми; въ случаѣ же, ежели бы господинъ при продажѣ крестьянскаго имѣнія не соблюлъ узаконеннаго порядка, то за самовольную продажу подвергался иску. Но искать могъ не самъ бѣглый крестьянинъ, а Псковскіе судьи; въ законѣ сказано: «а взорнику на государи живота несочить, а сочить Псковскимъ судьямъ.» Конечно, это постановленіе отнюдь не показываетъ того, чтобы крестьянинъ вообще не могъ судиться съ господиномъ, какъ человѣкъ совершенно ему подчиненный; это

противорѣчило бы духу всего Псковскаго законодательства, которое не допускаетъ такого стѣсненія въ судѣ, а напротивъ относится только къ бѣглому крестьянину.

Въ 4-хъ, Псковскій законъ, признавая за крестьяниномъ право собственности, допускалъ судебные иски крестьянина не только на постороннихъ лицахъ, но и на господинѣ, у котораго онъ живетъ. Иски сіи по Псковской грамотѣ были слѣдующіе: когда господинъ присвоитъ крестьянскую собственность, и когда господинъ не платитъ крестьянину взятаго у него въ долгъ. По первому иску господинъ долженъ представить свидѣтельство постороннихъ людей, сосѣдей, которые бы сказали, что имущество, которое ищетъ крестьянинъ, принадлежит не крестьянину, а господину, и въ такомъ случаѣ крестьянинъ теряетъ свой искъ, а въ противномъ случаѣ господинъ признавался виноватымъ и платилъ крестьянину по-иску. Въ законѣ сказано: «А-изорникъ поймается за животь у государя; и государь изведетъ тѣмъ, за что изорникъ поймаеся за свой животь у государя, а стороннимъ людямъ вѣдомо будетъ и околнимъ сусѣдомъ, што государево; ино изорникъ не доискался, а государь правъ.» А по второму иску крестьянинъ обязывался представить запись о долгѣ, и судъ производился по записи. Законъ говорить: «А который изорникъ на государя положить въ чемъ доску (т. е. счетъ долга), ино та доска посудить.»

Въ 5-хъ, Псковскій законъ охраняетъ крестьянскую собственность и по-смерти крестьянина; по закону крестьянская собственность по смерти крестьянина переходила къ его наслѣдникамъ. При принятіи наслѣдства, наслѣдники крестьянина должны непременно удовлетворить господина за пократу, и не скрывать крестьянскаго имущества; а господинъ не имѣетъ права самовольно взять у крестьянина, ни коровы, ни лошади, или наслѣдники въ противномъ случаѣ имѣютъ право требовать отъ господина взятое. А ежели бы крестьянинъ умеръ у господина на селѣ, неоставивши послѣ себя, ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени,—то по закону, послѣ таковаго крестьянина, господинъ не иначе могъ удовлетворить себя за пократу давнюю крестьянину, какъ про-

давши его имѣніе узаконеннымъ порядкомъ въ присутствіи приставовъ и постороннихъ людей; въ противномъ случаѣ родственники покойнаго имѣли право требовать съ господина оставшееся послѣ покойнаго имѣніе.

Въ 6 хъ, обезпечивая и охраняя собственность крестьянъ, Псковскій законъ въ то же время давалъ обезпеченіе и господамъ относительно взысканія съ крестьянъ ссуды, не только по записи, но и безъ записи. Такъ, если бы на крестьянинѣ была запись въ господской покрутѣ или ссудѣ, то, по смерти таковаго крестьянина, его жена и дѣти, хотя бы сами не были въ записи, должны непременно платить господину покруту, и не имѣютъ права отречься отъ сей обязанности; по словамъ закона: «женѣ и дѣтемъ отключи нѣтъ о государеву покруту». Но ежели на крестьянинѣ не было записи въ полученной отъ господина покрутѣ: то наследники его, жена и дѣти, только тогда обязываются платить покруту, когда господинъ докажетъ судомъ, по Псковскому обычаю, что покойный крестьянинъ дѣйствительно взялъ у него покруту и не заплатилъ. А въ доказательство правоты своего иска передъ судомъ, господинъ по Псковской пошлинѣ долженъ былъ представить четверыхъ или пятерыхъ свидѣтелей изъ стороннихъ людей, которые бы сказали, что изорникъ дѣйствительно взялъ покруту и не выплатилъ, и сверхъ того господинъ обязанъ былъ дать присягу въ томъ, что онъ ищетъ справедливаго. Таковой порядокъ по крайней мѣрѣ требовался Псковской пошлиною въ искахъ господина о покрутѣ на крестьянинѣ, который бы сталъ отпираться отъ господской покруты.

Такимъ образомъ по Псковскимъ законамъ крестьянинъ, живущій на господской землѣ, уже имѣлъ иной характеръ противъ крестьянина или ролейнаго закупа по Русской Правдѣ. Онъ уже далеко не былъ наймитъ, бѣднякъ безъ средствъ; уже самый законъ строго отличаетъ его отъ наймита, тогда какъ Русская Правда смѣшиваетъ ролейнаго закупа съ наймитомъ. Псковскій крестьянинъ имѣлъ уже средства селиться на господской землѣ и безъ господской ссуды или покруты. Хотя впрочемъ и по Псковской грамотѣ бывали нуждающіеся въ господской ссудѣ, но въ то же время бывали и такіе,

которые имѣли свой рабочій скотъ, свои земледѣльческія орудія и другую собственность, и даже давали займы своимъ господамъ, на что вовсе не имѣемъ указаній въ Русской Правдѣ. Отсюда ясно, что во Псковѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, крестьяне далеко не походили на крестьянъ прежняго времени; это уже были не одни бѣдняки, не имѣющіе своихъ средствъ воздѣлывать землю и получавшіе все отъ господина, даже хлѣбъ на прокормъ до новой жатвы, а напротивъ, между ними бывали и такіе, которые не только сами не нуждались въ средствахъ, но и другихъ снабжали. По сему причиной поселенія на чужихъ земляхъ была уже не одна недостаточность въ средствахъ обрабатывать землю безъ пособій другаго, но вѣроятно и непрежнее обиліе земли въ Псковскихъ владѣніяхъ. Значить, въ XIV и XV столѣтіяхъ земли уже подобрались, и во Псковѣ земель никому принадлежащихъ уже не было; а если и были, то не очень выгодныя. По сему земледѣлецъ, кромѣ средствъ обрабатывать землю, долженъ былъ имѣть средства купить ее въ собственность; и недостатокъ сихъ-то послѣднихъ средствъ часто заставлялъ крестьянъ селиться на чужихъ земляхъ по взаимнымъ условіямъ съ землевладѣльцами. Впрочемъ, были и другія причины такового поселенія, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Условія, по которымъ крестьяне селились на чужихъ земляхъ, въ общихъ чертахъ опредѣлялись качествомъ поземельной собственности, т. е. была ли то земля пахатная, или огородная или рыболовное угодье; отъ чего и крестьяне назывались: живущіе на пахатной землѣ *изорниками* (пахарями), на огородной землѣ *огородниками*, на рыбномъ исадѣ *кочетниками*, рыболовами. Общимъ условіемъ для всѣхъ крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, по Псковскимъ законамъ, было изполовничество, т. е. крестьянинъ половину плодовъ, получаемыхъ съ обрабатываемой имъ земли, долженъ былъ доставлять землевладѣльцу-господину, а половину брать себѣ; по сему крестьяне во Псковѣ еще назывались изполовниками. Новое, особенное условіе было между крестьяниномъ и господиномъ, ежели крестьянинъ, кромѣ земли, получалъ отъ господина покругу или ссуду; таковой крестьянинъ, при

переходъ на другую землю долженъ былъ возвратитъ прежнему господину всю ссуду сполна, въ противномъ случаѣ господинъ могъ искать своей ссуды судомъ. Впрочемъ это условіе вовсе не было общимъ и главнымъ, оно даже въ законѣ названо *вершию* т. е. дополненіемъ главнаго условія, — земли; законъ говоритъ: « А государю на изорники или огородники или на кочетники вольно и взакличъ своей покругы и сочить серебра и всякой верши по имени ».

Теперь еще рождается вопросъ: что заставляло крестьянъ, имѣющихъ достаточныя средства, садиться на землѣ частныхъ владѣльцевъ съ условіями платежа за пользованіе чужою землею, тогда какъ на общинныхъ земляхъ они могли садиться безъ условій подобнаго платежа? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ должно сказать, что крестьяне сажались и на общинныхъ или черныхъ земляхъ, и на владѣльческихъ, и при свободѣ переселенія каждый выбиралъ для себя мѣсто, гдѣ больше представлялось выгодъ. Ежели хорошія выгодныя общинныя земли были уже заняты другими, то неуспѣвшій ихъ занять считалъ выгоднѣе сѣсть на хорошей владѣльческой землѣ съ платежомъ за пользованіе, чѣмъ на плохой общинной землѣ безъ платежа. Особенно огородныя и рыбныя угодья много манили къ себѣ охотниковъ, даже и при значительныхъ платежахъ за пользованіе. Сверхъ того важнымъ побужденіемъ къ поселенію на частныхъ земляхъ служили льготы и покровительство богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ; крестьянинъ за господиномъ жилъ, по народному выраженію, какъ за каменной стѣной, и не боялся ни-чьихъ притѣсненій. Свидѣтельствомъ этому служатъ для насъ многія грамоты и другіе официальные акты, современные Псковской судной грамотѣ и позднѣйшіе, въ которыхъ мы часто встрѣчаемъ указанія, что не только жители селъ и деревень, но и горожане охотно закладывались за богатые и сильные монастыри и за бояръ, именно съ цѣлію пользоваться защитою и покровительствомъ. При томъ частныя землевладѣльцы не рѣдко получали и отъ правительства разныя льготы для поселенцевъ на ихъ земляхъ, что конечно также

сильно привлекало крестьянъ на частныя владѣльческія земли (1).

Но поселяясь на общинныхъ ли, или на владѣльческихъ частныхъ земляхъ, крестьяне по Псковской грамотѣ составляли совершенно одинъ классъ жителей Псковской области; поселеніе на той или другой землѣ не измѣняло ихъ основнаго

(1) Въ договорныхъ грамотахъ Князей мы почти постоянно встрѣчаемъ условіе, чтобы не выводить людей изъ одной области въ другую и не принимать закладчиковъ. Такъ на примѣръ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскими В. Кнземъ Александромъ Михайловичемъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: «А изъ Бѣжицы ти людей не выводити въ свою волость изъ инъ волости Новгородской, ни грамотъ давати, ни закладчиковъ примати, ни твоей кн тини, ни твоимъ боаромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда ни купчины.» (Соб. гос. гр. и дог. т. 1 № 13.). Въ Никоновской лѣтописи, подъ 1284 годомъ, очень живо и наглядно описано, какъ заманчива и выгодна была жизнь поселянъ у богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ. Лѣтопись, говоря о томъ, что Татарскій баскакъ Ахмать учредилъ себѣ двѣ великія слободы въ Курскомъ княженіи, пишетъ: и сотвори себѣ двѣ слободы великія въ княженіи Ольга Князя Рыльскаго и Воргольскаго и Святослава Князя Липецкаго; и озова оставсуду людей много, и бысть ему отъ него вся, еже что хоташе, и заборонъ отъсюду велика. И тако умножишася люди въ слободахъ тѣхъ, и быша тамо торги и мастера всякіе; и быша тѣ двѣ слободы, яко грады великіе». (Ник. лѣт. т. III. стр. 78.). Конечно лѣтописецъ говорить здѣсь о слободахъ Татарскаго баскака, но баскакъ здѣсь держалъ слободы не по Татарскому обычаю, а по Русскому, и слободы были населены не Татарами, а Русскими людьми; слѣдовательно примѣръ сихъ слободъ можетъ служить вѣрнымъ изображеніемъ того, какъ на Руси въ XIII, XIV и XV столѣтіямъ выгодно было селиться на земляхъ богатыхъ владѣльцевъ, и какъ быстро населились такія земли. Сами Русскіе князья во время удѣловъ охотно давали значительныя льготы землевладѣльцамъ для привлеченія новыхъ поселенцевъ не только изъ чужихъ, но и изъ своихъ княженій; по свидѣтельству многое въ дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ монастырнымъ и другимъ землевладѣльцамъ, льготы отъ княжескихъ податей и сборовъ иногда давались на 10, а иногда на 15 и на 20 лѣтъ. Князь въ то время постоянно была одна забота, чтобы какими бы то ни было образомъ населить пустующія земли; и для этого они находили удобнѣйшимъ средствомъ давать льготы землевладѣльцамъ съ условіемъ заселенія порожнихъ земель. Такъ въ жалованной грамотѣ В. К. Василья Васильевича, писанной въ 1449 году, пр. мо сказано: «пожаловалъ есми Марью Васильеву жену Борисовича Копнина да ея сына Федора, что ихъ пустоши въ Переславскомъ уѣздѣ. А лежать деи пусты за десять лѣтъ и лѣсомъ поросли... Кого къ себѣ перевозутъ людей на тѣ пустоши тугошнихъ старожильцовъ, которые прежде сего тугожь живали, или кого къ себѣ перевозутъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моей вотчины.... ино тѣмъ людямъ ино княземъ не надобѣ моя великаго Князя некоторая дань на десять лѣтъ, а старожильцамъ на 5 лѣтъ». (А. А. Эк. т. 1 № 44.).

характера, какъ общинниковъ; они и на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ составляли общины. Мы видѣли уже въ Русской Правдѣ ролейныхъ или крестьянскихъ старость, княжихъ и боярскихъ, т. е. въ селеніяхъ общинныхъ и владѣльческихъ; то же самое теперь находимъ и въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ сверхъ того прямо указывается, что старосты сѣ были начальники общинъ, погостовъ, губъ; волостей. Такъ выше была уже приведена статья, что господинъ не могъ продать имѣніе, оставленное крестьяниномъ, безъ приглашенія къ сему губскихъ старостъ: «ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старость губскихъ позвати» (стр. 12.). Слѣдовательно крестьяне живущіе на владѣльческихъ земляхъ, кромѣ отношеній къ землевладѣльцу, чисто частныхъ, гражданскихъ, основанныхъ на взаимномъ гражданскомъ условіи, имѣли еще отношенія общественныя, публичныя, какъ члены той или другой общины; землевладѣлецъ не былъ собственникомъ крестьянина и его имущества; крестьянинъ былъ членомъ общины и въ отношеніяхъ публичныхъ подчинялся общиннымъ начальникамъ, старостамъ, которые и защищали его противъ господина, землевладѣльца. Даже господинъ не могъ требовать съ крестьянина своей покруты или ссуды иначе, какъ въ закличъ: «а государю на изорники, или огородники, или кочетники вольно и въ закличъ своей покруты и сочить серебра и всякой верши» (стр. 8.), т. е. господинъ долженъ былъ предъявить свой искъ на крестьянина публично, кликать или громогласно объявлять объ этомъ общинѣ, къ которой принадлежитъ крестьянинъ, какъ членъ; здѣсь община является какъ бы посредникомъ между господиномъ и крестьяниномъ. Даже судъ княжой или городской не иначе вызывалъ отвѣтника, какъ передъ общиною, въ которой онъ живетъ: по Псковскому закону, позовникъ, т. е. посланецъ отъ суда, объявлялъ позывъ не землевладѣльцу, у котораго живетъ крестьянинъ, а на погостъ, т. е. около церкви, передъ священникомъ; въ грамотѣ сказано: «а который позовникъ пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ позовницы чести; или стѹлится (спрячется) отъ позвницы; ино позовница прочести на погостъ передъ попомъ» (стр. 5.). Объявленіе о

татья также дѣлалась не передъ землевладѣльцемъ, а передъ старостами и окольными людьми, и вообще передъ общиной. «А у котораго Псковитина у какова, учинится татья во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ на волости; ино явити старостамъ, или окольнымъ сусѣдомъ или инымъ стороннымъ людямъ» (стр. 6.) Вообще Псковская грамота не полагаетъ различія между крестьяниномъ живущимъ на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ, и о послѣднихъ говоритъ отдѣльно только по частнымъ ихъ отношеніямъ къ землевладѣльцамъ; отношенія же общественныя для тѣхъ и другихъ крестьянъ очевидно были одни и тѣ же. Впрочемъ объ этомъ предметѣ подробнѣе говорятъ разныя грамоты Московскихъ и другихъ князей сѣверо-восточной Руси, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

По княжескимъ грамотамъ XIV и XV столѣтій общественное значеніе крестьянъ выражается во 1-хъ тѣмъ, что законъ и жизнь признавали всѣхъ крестьянъ людьми вольными, свободными, членами Русскаго общества, имѣющими свои права и обязанности въ отношеніи къ обществу и нисколько не связанными съ землею, на которой они сидятъ. Лучшимъ сему доказательствомъ служатъ купчія, данныя, закладныя и всѣ акты передачи недвижимыхъ имѣній изъ однихъ рукъ въ другія: въ нихъ о передачѣ, или залогѣ крестьянъ нѣтъ нигдѣ и помину, и постоянно продаются, или жертвуются, или иначе какъ передаются недвижимыя имѣнія съ челядью (рабами), домашнею скотиною, съ разными угодами и доходами, даже съ серебромъ на крестьянахъ; но нигдѣ съ крестьянами; крестьяне, какъ люди свободные, не принадлежашіе къ имѣнію, въ купчихъ и закладныхъ не пишутся. (1).

(1) Такъ напримѣръ въ докладной митрополиту Геронтію 1486 года на отдѣчу Новинскимъ монастыремъ села Кудрина Ивану Васильевичу Ошерѣ, написано: «ѣмлю-азь у Новинскаго игумена събратнею землею церковную... Село Кудрино, что было за Ивановымъ за Товарковымъ... а вѣдати ми, господине то село и пахати и косити на себя... А что, господине, азь.. примышлю въ томъ селѣ Кудринѣ серебра и хлѣба и животныи страдныи; и послѣ моего живота то село Кудрино и съ серебромъ и съ хлѣбомъ въ земли, и что будетъ на-поли стоячаго жита и съ животною страдиою и совѣшь съ тѣмъ въ

Во 2-хъ, названіе крестьянъ по княжескимъ грамотамъ одинаково давалось, какъ городскимъ такъ и сельскимъ жителямъ, принадлежащимъ къ разряду *черныхъ людей*. Следовательно, крестьяне тогда составляли весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всѣ не бояре, не духовенство и не купцы имѣли одно названіе крестьянъ, и одни права, видоизмѣняемые только промыслами и мѣстомъ жительства, которые впрочемъ мѣнялись самими крестьянами по ихъ собственнымъ соображеніямъ, т. е. сельскій житель могъ перейти въ городъ и дѣлался горожаниномъ, и на оборотъ ⁽¹⁾.

Въ 3-хъ. Сельскіе и городскіе крестьяне или черные люди раздѣлялись на *тяглыхъ* и *нетяглыхъ*, или *вольныхъ*. Тяглые люди иначе назывались по княжескимъ грамотамъ *данскими* и *письменными людьми* и *числяки*, или *численными*

домъ пречистые Богородицы въ монастырь на Новое» (Ак. отв. до юрид. быта стр. 493). Или въ духовной грамотѣ 1460 года Адриана Ярлыка, завѣщатель пишетъ: «далъ есмь пречистые Богородицы въ домъ на Симоново село съ деревнями въ Переславскомъ уѣздѣ въ Кистыи и въ Юлкахъ мѣновыя и купленные, и што въ тѣхъ селцѣхъ и въ деревняхъ на людяхъ мое серебро дѣльное и ростовое; и язъ то далъ все на Симоново» (ibid. стр. 553.). Или въ одной Новгородской купчей XIV вѣка: «Се купи Федоръ Макарьевъ сынъ у Ондифора Андропикова сына землю на низу у Якоуля курьи, три села, дворы и дворища, орамы земли тѣхъ сель по старымъ мѣнамъ и съ притеребы, и ловища тѣхъ сель и хмѣльники тѣхъ сель. (Ак. Юр. т. 1. стр. III). Конечно, ежели бы крестьяне принадлежали къ недвижимымъ имѣніямъ, то въ купчихъ ихъ писалъ бы пониманно, какъ это и стали дѣлать, когда въ послѣдствіи крестьяне были прирѣплены къ землѣ. Такъ на примѣръ въ одной купчей 1630 года продавецъ пишетъ: «продалъ есмь вотчину свою выслуженную въ Галицкомъ уѣздѣ въ Унженской осадѣ, Устиѣйскую волостку съ деревнями, и съ починки и со всѣми угоды, и со крестьяны, и съ бобыли, и съ ихъ дѣтьми и съ зятѣми, и съ примышами и съ захребетниками. А въ той жоей вотчинѣ... четвертые пашни 118 чети съ полуосминою; а деревень и починковъ жилыхъ въ той жоей вотчинѣ: деревня Ивашкина, а въ ней крестьянъ: (в) Иванъ Бичевинъ, да на томъ дворѣ въ отдѣлѣ сынъ его Ивашко; (в) Шарка Михайловъ, да съ нимъ же пять братовъ его... И такъ далѣе описаны 13 деревень, и въ нихъ 90 человекъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и примышами (Въ моемъ собраніи грамотъ)».

(1) Такъ въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича, данной въ 1462 году, сказано: на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіаномъ, и на городокъ на Федосыни, и на Выжему, и на Волочеку на Славенскій. . старостамъ. Были ми челомъ здѣсь пречистые Кириллова монастыря старци, Гаврило да Галасѣи, а сказываютъ, что де у нихъ отказываете ихъ людей монастырскихъ серебряниковъ съ дворца и съ деревень» (А. Ар. Эк. т. 1. № 73.).

людьми. Такъ въ грамотѣ В. К. Василья Васильевича Кириллову монастырю, данной въ 1456 году, Князь пишетъ: «а тяглыхъ людей имъ (монахамъ) моихъ великаго князя, данскихъ письменныхъ, въ то иль село и деревни не приимати» (А. Ар. Э. т. 1. № 60). Или въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ: «а численныхъ людей блюсти ны съ одного, а земль ихъ не купиши... А черные люди-къ становщику; тыхъ въ службу не приимати, а блюсти ны ихъ съ одного, а земль ихъ не купиши...» (Соб. Гос. Гр. и дог. т. 1. № 33). Здѣсь тяглыми людьми называются прямые члены той или другой общины, записанные въ общину домохозяева, отъ своего лица владѣвшіе землею, хотя бы и не въ собственность, и платившіе съ земли подати и тянувшіе во всѣ общинные разметы и разрубы; а нетяглыми назывались тѣ, которые не были прямыми членами ни какой общины и жили на землѣ и владѣли землею не отъ своего лица, а по-сему и въ общинные разрубы не тянули: таковы были всѣ захребетники, дѣти при отцахъ, приемыши, и приходящіе работники и подъ-усѣдники; они знали не общину, а того, за кѣмъ жили, и онъ уже отвѣчалъ за нихъ передъ общиною.

Такимъ образомъ крестьянами на Руси въ XIV и XV столѣтіяхъ назывались всѣ свободные члены Русскаго общества, состоящіе въ городскихъ или сельскихъ общинахъ, и тянувшіе въ дань и отправлявшіе разныя общественныя повинности по разрубамъ и разметамъ общинъ, какъ члены той или другой общины. Теперь слѣдуетъ рассмотреть различныя отношенія крестьянъ къ землѣ, къ землевладѣльцу, между собою и къ правителю.

Отношенія крестьянъ къ землѣ.

По изконному убѣжденію Русскаго народа земля составляла основаніе всѣхъ отношеній человѣка изъ обществу: безъ земли можно было быть княжимъ бояриномъ, слугою княжимъ и боярскимъ, монахомъ, священникомъ или другимъ духовнымъ лицомъ, безъ земли же можно было быть батракомъ, наемнымъ работникомъ и вообще вольнымъ го-

сударевымъ человекѣмъ; но чтобы быть членомъ городской или сельской общины, для этого непременно должно было имѣть какую либо долю городской или сельской земли. Гость, купецъ, крестьянинъ не могли быть безъ земли, они считались принадлежащими къ той или другой общинѣ по землѣ, или, по тогдашнему выраженію, по землѣ и водѣ тянули къ городу или волости. Бояринъ, монастырь приобретаемая землю, чрезъ сіе самое дѣлались членами общины, по землѣ и водѣ тянули къ городу; и наоборотъ—крестьянинъ, купецъ, вообще тяглый человекъ, лишаясь земли, переставалъ быть тяглымъ человекѣмъ и членомъ общины.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ земли по прежнему были и общинныя и частныя, и крестьяне могли жить или на общинныхъ земляхъ, или на своихъ собственныхъ, или на владѣльческихъ; отсюда и отношенія крестьянъ къ землѣ были различны.

1-е. Ежели крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ; то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выги земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавалъ его своимъ наследникамъ, но, разумѣется, съ неизмѣннымъ условіемъ, быть членомъ общины и тянуть во всѣ общинныя разрубны и разметы. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ бы собственность крестьянина; онъ могъ даже отдавать его въ закладъ и продавать только съ условіемъ, чтобы тотъ, кто приметъ отъ него этотъ участокъ, тянулъ въ общинныя разрубны и разметы, или окупилъ всѣ общинныя пошлыны, лежащія на этомъ участкѣ, или, какъ тогда говорилось, обѣлилъ его, а въ противномъ случаѣ лишался своей покупки, какъ объ этомъ прямо говорятъ договорныя грамоты князей. Такъ на примѣръ, въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Кн. Владимиромъ Андреевичемъ сказано: «а кто будетъ окупилъ земли да данныя, служни или черныхъ людей, а тѣ, кто возможесть выкупити, инѣ выкупятъ; а не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людямъ; а кто не вехочеть тянути, инѣ ся землѣ съступятъ, а земли чер-

нымъ людямъ даромъ» (Соб. Гос. Гр. и Дог. т. 1. № 33). Это условное право отчужденія общинныхъ земель особенно было развито въ городахъ, о продажѣ городскихъ черныхъ земель мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ договорныхъ грамотахъ, или вотъ купчая 1609 года, въ которой продавецъ ясно указываетъ, что онъ продаетъ общинную городскую землю, вотъ слова купчей: «се язъ Леонтей Ѳомины сынъ, Глинскаго посаду, продалъ есми Ивану Михайлову сыну Хольмогорцу лавку свою на Глинскомъ посадѣ въ новомъ ряду..... по своей купчей, что язъ Леонтей купилъ у Богдана Ѳедорова сына Кальяникова.... А продалъ есми въ дернь безъ выкупа и съ полавочною землею, какъ инымъ лавкамъ земли сколько доведется тогожь новаго ряду безъ вывѣта» (Въ моемъ собран. грамотъ). Здѣсь владѣлецъ продаетъ общинную землю, даже не измѣряя ее, а сколько доведется по общинному измѣренію на его долю, какъ инымъ лавкамъ доведется. Но конечно, крестьянинъ продавая или инымъ образомъ передавая другому общинную землю, продавалъ собственно не землю, а право на нее, которое составляло его собственность, земля же и по передачѣ другому оставалась общинною землею; ибо черныхъ или общинныхъ земель сами князья не могли покупать, какъ прямо свидѣлствуютъ договорныя грамоты князей. Такъ въ вышеприведенной договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Кн. Владиміромъ Андреевичемъ сказано: «а которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тѣхъ въ службу не приимати, а блюсти ны ихъ съ одного, а земля ихъ некупити.»

Крестьянинъ, владѣющій участкомъ общинной земли, имѣлъ на нее всѣ права пользованія и распоряженія, могъ отдавать ее въ наемъ, могъ самъ воздѣлывать ее въ какихъ угодно видахъ, т. е. обращать въ пашню, въ огородъ, оставлять перелогомъ, ставить на ней строенія и проч. Община во все это не вступалась, крестьянинъ въ этомъ отношеніи былъ полнымъ хозяиномъ даннаго ему участка, только бы исполнялъ лежащія на немъ общинныя обязанности. Одно судное дѣло 1462—1464 год. довольно отчетливо изображаетъ отношеніе крестьянъ къ своей общинной землѣ. Крестьяне гово-

рять на судѣ: «та господине земля наша Воиславская; а мы господине ту землю орали и косили; а за Савкою, господине, та земля наша была за нашимъ крестьянникомъ въ выти; а Харя, господине, у насъ жилъ въ селѣ Воиславскомъ девять лѣтъ, а ту, господине, землю дѣлалъ; а какъ, господине, у насъ Харя вышелъ изъ села, уже тому 20 лѣтъ; а мы господине отъ тѣхъ мѣсть ту землю оремъ и сѣемъ и въ наемъ отдаемъ, и изъ старины та земля Звенигородская» (Ак. отн. до юрид. быта Рос. стр. 636.). Крестьяне имѣли право и частныя земли владѣльцевъ присоединять къ своимъ общиннымъ землямъ посредствомъ мѣны, покупки и выкупа. Такъ въ грамотѣ Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича (1446—1468 г.) сказано: «что заложилъ въ Кириловъ монастырь пожню Бренко, да другую пожню Семень Поповъ за Марьевою рѣчкою, а Бренко заложилъ островъ пожню ниже Городка; и язъ пожаловалъ старосту Городецкаго и всѣхъ крестьянъ, велѣлъ еси имъ тѣ пожни выкупити, что будетъ въ кабалахъ написано въ Бренковой и Семенової; и они имъ (Кириловскимъ монахамъ) тѣ деньги дадутъ, а пожню возмутъ къ волости, да владѣютъ тѣми пожнями крестьяне.» (ibid. стр. 125.).

2-е. Ежели крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ разчищенной изъ дикаго поля, или купленной у другаго землевладѣльца собственника; то онъ былъ полнымъ собственникомъ, какъ и прочіе частные землевладѣльцы, могъ—свободно какъ отчуждать ее, такъ и распоряжаться ею, могъ продавать, закладывать, дарить, завѣщывать, отдавать въ наймы, селить на ней крестьянъ на свое имя. Полное свидѣтельство сему представляетъ духовная крестьянина Прокопія Бородкина, въ ней завѣщатель пишетъ: «се азъ Прокофей Марковъ сынъ Бородкинъ, Луской Пермецы Лоемской волости крестьянинъ, пишу по себѣ сію изустную память.... А что есть у меня Прокопя деревни, и дворы, и дворовыя хоромы, и внѣ двора, и сѣнные покосы, пожни и рыбныя ловли, и всякіе деревенскіе угодыя, чѣмъ прежь отецъ мой Марко и послѣ его азъ Прокопей владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ писаннымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба всякаго сухого

въ амбарахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и тѣми вышеписанными деревнями и дворовыми хоромами, сѣнными покосы, и рыбными ловлями, и всякими деревенскими угодыя, по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ писменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и животомъ, и всякимъ житѣйскимъ заводомъ.... И по кобаламъ на комъ взяты, и тѣмъ вышеписаннымъ всѣмъ язъ Прокопей при смертномъ своемъ часу благословилъ и надѣлилъ сына своего Θεодора Прокопьева съ женою своею Мариной» (ibid. стр. 66.). Или вотъ еще свидѣтельство жалованной грамоты В. К. Василья Ивановича 1524 года о занягій дикихъ мѣсть въ собственность, гдѣ крестьянамъ дозволяется на занятыя земли сажать крестьянъ, строить дворы и вообще хозяйничать, какъ собственникамъ. Князь пишетъ: «пожаловалъ есмя Двинянь Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Степанова сына.... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ.... А дворы де и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, угодыя де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей.... И оужъ будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали; и язъ Князь Великій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, не тяглыхъ и не писменныхъ, добрыхъ, а не татей и не разбойниковъ» (А. Ар. Эк. т. 1. № 385).

3-е. Крестьяне, сидящіе на чужой землѣ, т. е. на землѣ частнаго собственника,—князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина, занимали землю только по взаимному согласію съ землевладѣльцемъ, и при недостаткѣ такового согласія не могли оставаться на таковой землѣ: земля сія вполнѣ принадлежала своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца, могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь, и даже передать ее своимъ дѣтямъ, но могло быть и такъ, что черезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылаъ его.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ, это скорее были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV и XV столѣтiachъ; ибо мы почти во всѣхъ грамотахъ встрѣчаемъ упоминанія о старожильцахъ какъ на общинныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, а старожильцы не рѣдко говорятъ, что нной живеть на занимаемой имъ землѣ 20, иной 30, 40, 50, 80 лѣтъ, что и-дѣды и отцы его жили на этой же землѣ. Крестьянинъ, живущій на чужой землѣ, имѣлъ право обрабатывать ее и пользоваться ее плодами, дѣлясь ими съ господиномъ на половину, (изполовникъ) или по другимъ условіямъ; онъ даже въ нѣкогорыхъ случаяхъ отвѣчалъ по занятой имъ землѣ передъ правительствомъ, онъ платилъ съ земли подати въ казну, какъ членъ общества, по землѣ онъ тянулъ судомъ и данью и иными пошлинами; земля, хотя и чужая, сообщала ему характеръ владѣльца, по землѣ онъ былъ не наймитомъ, батракомъ, а наемщикомъ домохозяиномъ. Но и съ своей стороны крестьянинъ сообщалъ чужой, находящейся въ его пользованіи, землѣ особенное значеніе,— онъ не только заставлялъ ее приносить плоды для себя и господина, но и само государство получало съ земли доходъ только потому, что на ней живеть крестьянинъ, съ земли пустыющей нежилой не бралось податей, равнымъ образомъ и земля, воздѣлываемая рабами господина, также не считалась тяглою землею. Свидѣтельствомъ этому служатъ всѣ дошедшія до насъ писцовыя, переписныя и окладныя книги. Крестьянинъ обыкновенно получалъ отъ господина дворъ и долю или выть пахатной земли и сѣнокоса и право вѣзжать въ лѣсъ, ежели таковой былъ, за что платилъ господину своею работою или произведеніями воздѣлываемой земли, и оставался хозяиномъ даннаго участка, пока не оставлялъ его самъ, или пока землевладѣлецъ не сгонялъ его. Но иногда землевладѣлецъ отдавалъ крестьянину нѣсколько деревень со всѣми угодьями, и предоставлялъ ему какъ хозяину населять отданныя деревни призывать на нихъ крестьянъ и пользоваться всѣми доходами на извѣстныхъ условіяхъ. Тамъ въ грамотѣ митрополита Данила крестьянину, Дементію (1527 года), митрополитъ пишетъ: «пожаловалъ есмн

изетариннаго своего крестьянина Дементья, Мелетія Нестерова сына Повикова, Филимонова внука, домовыми Пречестые Богородицы., и своими митрополичими деревнями въ Вологодскомъ уѣздѣ.... деревнею Вондажскою, да деревнею Фотиньевскою, да деревнею Ларивоновскою, да деревнею Онцыфоровскою и съ селищи и съ пустоши, и съ лѣсы, и съ луги, и съ пожнями, и съ озеры, и съ рѣками, и съ болоты и со всѣми угоды, что къ тѣмъ деревнямъ и селищамъ и къ пустошамъ изъ старины потягло. А даль есмь ему на тѣ старыя деревни льготы на десять лѣтъ; того дя, что тѣ деревни отъ меженины запусѣли; а отъидеть десять лѣтъ и миѣ его пооброчить, какъ будетъ пригоже. А на селища и на пустоши и на лѣсъ людей ему призывать и деревни ставити, и слободу сбирати, и льготные ему грамоты на урокъ давати, посмотри по мѣстомъ, какъ будетъ пригоже. А тѣхъ ему деревень, ни селищъ, ни пустошей, ни лѣсовъ, ни луговъ, ни поженъ, ни озеръ, ни рѣкъ, ни болотъ, неосвоивати, ни окняжить, ни обоярити, ни продати ни заложити, ни по душѣ недать, ни иною которою хитростью отъ церквы Божіей не отстаивати» (Ак. Ар. эк т. I. 71).

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу.

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по дошедшимъ до насъ грамотамъ были очень разнообразны, хотя снованіемъ ихъ служило одно начало, что крестьянинъ былъ наемщикъ земли у господина, но условія найма были далеко неодинаковы.

1-е. Крестьянинъ могъ селиться на господской землѣ совершенно пустой на лѣсу, и разчищать и обрабатывать ее, строить на ней дворъ и проч. своими средствами, даже какъ мы уже видѣли въ грамотѣ митрополита Данила, селить на ней другихъ крестьянъ, давать имъ льготы и дѣлать разныя условія. Здѣсь крестьянинъ въ отношеніи къ землевладѣльцу находится въ качествѣ чистаго наемщика, полнаго хозяина, землевладѣлецъ уступаетъ ему на извѣстныхъ условіяхъ почти всѣ свои права на землю, выключая право собственности и права отчужденія.

2-е Крестьянинъ могъ селиться на господской землѣ уже прежде обработанной и занять дворъ построенный господиномъ; но обрабатывать землю своими орудіями своимъ рабочимъ скотомъ безъ всякаго пособія отъ землевладѣльца. Здѣсь отношенія крестьянина къ землевладѣльцу конечно ниже предшествовавшихъ, но все еще крестьянинъ не теряетъ характера наемщика, онъ платитъ господину за пользование землею своимъ трудомъ, или тою или другою долею плодовъ, смотря по условію съ господиномъ. Отходя отъ господина въ Юрьевъ день, таковой крестьянинъ не оставался должнымъ, и могъ сказать господину: жилъ я у тебя на сель, но тебѣ ничѣмъ не виновать, могу свободно отойти въ установленный закономъ срокъ. Мало того, посѣянный крестьяниномъ хлѣбъ оставался въ его пользу, и онъ на другой годъ могъ снять его, и продать и свезти къ себѣ въ новое мѣсто жительства, оставивши часть его въ пользу господина, какъ было положено между ними въ прежнемъ условіи.

3-е. Крестьянъ садился на господской землѣ и получать отъ господина рабочей скотъ и орудія, даже хлѣбъ на прокормъ и сѣмена, или какъ тогда говорилось, *на семена тѣлены*, и сверхъ того денежное пособіе или ссуду. Таковой крестьянинъ въ отношеніи къ землевладѣльцу почти терялъ значеніе наемщика, а дѣлался должникомъ, обязаннымъ платить и капиталъ и проценты и цѣну за пользование землею. Таковые крестьяне по грамотамъ назывались серебряниками, и жили, кажется, на томъ же положеніи, какъ и кабальные люди, и не вышлативъ ссуды не могли оставить господина ни въ какой срокъ, и при переводѣ другимъ землевладѣльцемъ, сей послѣдній не иначе могъ взять ихъ, какъ давши за нихъ господину окупъ. Такъ въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича сказано: «и вы бы серебряниковъ отказывали о Юрьевнѣ дни, да и серебро заплатитъ... коли серебро заплатитъ, тогда ему и отказъ» (Ак. Ар. Эк. т. I. № 48.). Или объ окупѣ упоминаетъ, данная тѣмъ же княземъ, жалованная грамота Ферапонтову монастырю, въ ней сказано: «кого къ себѣ перезовутъ людей изъ пныхъ княжескихъ, или кого окунивъ посадятъ» (ibid № 36.). Серебряники или вообще крестьяне, получавшіе отъ господина ссуду, не

только должны были обрабатывать землю, или платить господину условленную часть плодовъ, но и отправлять другія работы на господина, какія онъ найдетъ нужными по хозяйству. Мы уже видѣли обращеніе сихъ работъ въ уставной грамотѣ митрополита Капріана, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю, гдѣ сказано, что крестьяне и церковь наряжали, и дворъ тынили, и хоромы ставили, и пашню пахали на монастырь изгономъ (барщиною), убирали хлѣбъ и сѣно, и прудили пруды, и сады оплетали, и на неводъ ходили, и хлѣбы пекли, и пива варили, и ленъ пряли и отправляли другія работы по хозяйству землевладѣльца. Ясно, что крестьяне этого разряда имѣли уже характеръ скорѣе наймитовъ, чѣмъ наемщиковъ; въ ихъ ссудныхъ записяхъ такъ и писалось: жить за господиномъ, пашню пахать и всякую черную работу работать. Вся разница ихъ отъ наймитовъ состояла въ томъ, что имъ отводилась доля земли для собственнаго хозяйства, съ которой они должны были платить казенныя подати и тянуть въ общинныя разruby и разметы.

Отношенія крестьянъ между собою.

Крестьяне по отношенію другъ къ другу составляли общины, которыя имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, головъ, сотскихъ, старость и другихъ. Каждая община составляла отдѣльное юридическое, или скорѣе административное, цѣлое, впрочемъ цѣлое свободное, а незамкнутое, въ члены общины каждый поступалъ по своей волѣ, садясь на землю, которая или принадлежала къ общинѣ или тянула къ ней въ административномъ отношеніи. Крестьянскія общины были различны: у крестьянъ живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ самою большою общиною была волость, имѣвшая своего старосту, въ эту высшую общину тянули низшія общины, — села и большія деревни приписанныя къ волости, имѣвшія также своихъ старость; а къ селамъ тянули малыя деревни починки и другіе мелкіе поселки. У крестьянъ, живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ общину составляла вотчина, т. е. всѣ села, деревни и

починки, принадлежащія къ одному имѣнію и находящіяся въ одномъ уѣздѣ. У мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ по два и по три и по пяти дворовъ, крестьяне тянули или къ общинамъ волостнымъ, ежели имѣнія не имѣли привилегій, или составляли общины изъ нѣсколькихъ мелкихъ имѣній, находящихся въ сосѣдствѣ и состоявшихъ по общественнымъ своимъ повинностямъ въ одной кости ⁽¹⁾. Здѣсь не было нарушенія правъ землевладѣльца; ибо крестьянинъ, какъ свободный человекъ, какъ членъ Русскаго общества, въ отношеніи къ землевладѣльцу былъ только жильцомъ наемщикомъ, и всѣ отношенія ихъ были чисто гражданскія, частныя, основанныя на взаимныхъ условіяхъ; общественныя же отношенія, публичныя, сюда не принадлежали, для нихъ была другая форма—община. Конечно, иногда богатые сильные землевладѣльцы принимали на себя и общественныя отношенія крестьянъ, такъ что ихъ крестьяне ничѣмъ не тянули ни къ намѣстникамъ, ни къ волостелямъ ни къ другимъ общественнымъ властямъ: но это былъ не общій порядокъ, а привилегія, даваемая самимъ правительствомъ тому или другому землевладѣльцу изъ особенной милости или по другимъ соображеніямъ; по общему же порядку общественныя отношенія крестьянъ шли мимо ихъ землевладѣльцевъ при

(1) Объ отношеніяхъ владѣльческихъ крестьянъ къ волостнымъ чернымъ общинамъ представляетъ указаніе одна судная грамота 1528 года; въ этой грамотѣ судья, княжскій бояринъ, приказываетъ послать грамоту въ черную волость, чтобы сотскіе и десятскіе съѣзды волости поймали и представили въ судъ нѣкоторыхъ крестьянъ, жившихъ на сосѣднихъ владѣльческихъ земляхъ. Въ грамотѣ сказано: «А въ волость въ Сенегъ, которая обошла около Васильевы да Алексѣевы и ихъ людей деревни, къ сотскимъ и къ десятскимъ и къ всѣмъ крестьянамъ Михайло Юрьевичъ велѣлъ послать грамоту, чтобы они съ недѣльщикомъ Васильевыхъ да Алексѣевыхъ людей Истожку Быкова съ товарищы имали да выдали недѣльщику (въ моемъ собр. грам. стр. 274). Или одна жалованная грамота 1486 года свидѣтельствуетъ, что крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, тянули въ волостные разruby и разметы; въ грамотѣ сказано: пожаловалъ есмь Злобу да Федка Андроновыхъ дѣтей Ворыпаева, что ихъ село въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Коневской волости Нукиматово; и кто у нихъ въ томъ селѣ учнетъ жити людей; ино тѣ ихъ люди къ сотскому и десятскому съ тѣлыми людьми нетянуть ни въ какіе проторы и разметы» (Изъ моего собр. грамотъ). Слѣдовательно безъ жалованной грамоты владѣльческіе крестьяне тянули бы въ волостные разruby.

посредствѣ крестьянскихъ общинъ и ихъ старость и другихъ начальниковъ, выбираемыхъ самими крестьянами.

Крестьянскія общины на черныхъ земляхъ имѣли важное отличіе отъ крестьянскихъ общинъ на владѣльческихъ земляхъ. У первыхъ были отношенія и къ землѣ и къ крестьянамъ, а у вторыхъ только къ однимъ крестьянамъ, ибо владѣльческая земля состояла въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ. Крестьянскія общины на черныхъ земляхъ защищаютъ свою землю отъ присвоенія посторонними лицами, всчинаютъ по землѣ иски въ судахъ, мѣняются землею съ сосѣдами, покупаютъ или выкупаютъ землю, какъ мы уже видѣли это въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (1448—1468 г.), гдѣ князь пожаловалъ старосту Городецкаго и всѣхъ крестьянъ и велѣлъ имъ выкупить у Кирилова монастыря пожни заложенныя Бренкомъ и Семеновъ Поповымъ (Ак. оти. до Юрид. быт. рос. стр. 125). Они также стараются о населеніи своихъ земель, сзываютъ къ себѣ поселенцевъ, даютъ имъ участки земли, льготы и пособія, взносятъ за нихъ деньги землевладѣльцамъ, у которыхъ они прежде жили за ссудою. Такъ на-примѣръ въ грамотѣ в. к. Ивана Васильевича старосгамъ разныхъ Бѣлозерскихъ волостей и всѣмъ волостнымъ крестьянамъ. князь пишетъ: «сказываютъ старцы Кирилова монастыря, что деи у нихъ отказываете ихъ людей, монастырскихъ серебряниковъ съ двorca и съ деревень. И который крестьянинъ скажется въ ихъ серебрѣ виновать, и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ крестьянина вывезете вонъ; а кто ся скажетъ монастырю серебромъ не виновать, и вы бѣ потомъ монастырю въ ихъ серебрѣ давали поруку, по ихъ воли, кого они знаютъ, а тѣхъ бы есте ставили передо мною великимъ княземъ на срокъ, на великое заговѣино мясное» (А. Ар. Эк. т. I. № 73). Или о земельныхъ искахъ крестьянскихъ общинъ свидѣтельствуегъ одна правая грамота 1490 года, въ которой сказано: «тягался Андрейко староста Залѣскаго и всѣ крестьяне... такъ рекъ Андрейко: тѣ, господине, наволоки тянуть къ нашей землѣ къ Овсяниковской, къ тяглою къ черной изстаринны» (Ак. Юрид. № 4). Или о дачѣ земли поселенцу общиною

упоминается въ другой правой грамотѣ тогоже 1490 года, гдѣ крестьянинъ черной волости говоритъ: «миѣ, господине, лѣсътотъ дала волость, староста съ крестьяны, и я избу поставилъ» (ibid. № 6). Или въ одномъ спискѣ около тогоже времени, волостные крестьяне говорятъ: «А даль намъ, господине селище Драчково Аргуновскія волости староста Митька Бердай и всѣ крестьяне» (въ моемъ сбор. грамотъ листъ 158). Крестьянкія общины на черныхъ земляхъ отвѣчаютъ предъ правительствомъ за тишину и порядокъ въ волостяхъ и за исправный сборъ податей и отправленіе повинностей, ихъ выборные начальники, старосты, сотскіе и добрые люди участвуютъ въ судахъ намѣстниковъ и волостей; такъ напримѣръ въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года сказано: «А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тиуномъ безъ сотцковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ» (А. Ар. Эк. т. I. № 123). Даже самый судъ въ тяжбахъ между крестьянами одной общины, кажется, рѣшался самою же общиною чрезъ старостъ и другихъ выборныхъ начальниковъ; по крайней мѣрѣ въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ самосудомъ, или недозволеннымъ самоуправствомъ, называлось только то, когда поймаютъ татя съ поличнымъ, да отпустить его прочь, а намѣстникомъ и ихъ тиуномъ неявя (въ тойже Бѣлозерской уставной грамотѣ и во многихъ другихъ). Разумѣется, не довольный судомъ своей общины могъ идти къ княжескому намѣстнику и волостелю, и судиться у ихъ тиуновъ.

О существованіи крестьянскихъ общинъ на владѣльческихъ земляхъ мы имѣемъ свидѣтельства во многихъ грамотахъ, такъ напримѣръ въ розъѣзжей грамотѣ (1555 года) Кирилова монастыря съ крестьянами Масленской волости, сказано: что на розъѣздѣ были Кирилова монастыря Сиземскія волости староста Третьякъ Павловъ сынъ Киселевъ, да Сидоръ Тимофѣевъ сынъ и пр. « (ibid. № 151.) Или въ другой розъѣзжей тогоже Кирилова монастыря: «А на розъѣздѣ были князь Захаринъ Сугорскаго староста Тарасъ Павловъ сынъ Глазуновъ, да Павлова монастыря Инжеварскаго села староста Тонкой Карповъ сынъ и проч. (ibid. № 152.).

Отношенія крестьянъ къ правительству.

Всѣ крестьяне вообще, какъ городскіе, такъ и сельскіе, и какъ живущіе на собственныхъ земляхъ или на общинныхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцовъ, въ отношеніи къ правительству, судомъ и данью тянули по землѣ и водѣ, т. е. по мѣсту жительства. Они были подчинены намѣстникамъ, волостелямъ и другимъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, доставляли имъ кормы и другіе узаконенные доходы, и тянули во всѣ пошлыны, почему и назывались тяглыми людьми. Подати службы, лежавшія на крестьянахъ, были многоразличны; такъ на примѣръ въ Тверскихъ владѣніяхъ, по свидѣтельству тамошнихъ княжескихъ грамотъ, крестьяне платили дань, ямъ, тамгу, осминничее, кажется съ получаемого отъ земли хлѣба, медовое отъ занятія пчеловодствомъ, кормы намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ, сторожевое, писчее (кажется на веденіе писцовыхъ книгъ); кромѣ того тамъ же лежали на крестьянахъ службы, подвода, ратное дѣло, княжное дѣло (А. Ар. Эк. т. 1. № 5). Или въ Ярославскихъ владѣніяхъ на крестьянахъ лежали дань, тамга, новоженная куница (отъ браковъ), кормы данной, таможенной, волостелинъ и доводчиковъ (ibid. № 15). Или въ Московскихъ владѣніяхъ дань, писчая бѣлка, подвода, ячъ, тамга, мытъ, костки, осминничее, вѣсчее, ѣзовое, помѣрное, городъ дѣлати, княжей или намѣстничъ дворъ ставить, коня княжаго кормить, княжіе луга косить, и многое другое смотря по мѣстностямъ» (А. Ар. Эк. т. I. № № 21, 23, 28 и друг.).

Службы сія и подати и пошлыны хотя лежали на всѣхъ крестьянахъ безъ различія, какъ живущихъ на собственныхъ и общинныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; но самый платежъ податей и пошлынъ и отправленіе службъ были неодинаковы. Я уже не говорю объ освобожденіи иныхъ имѣній частныхъ землевладѣльцевъ отъ платежа даней и отправленія повинностей по особымъ жалованнымъ грамотамъ, выдававшимся на лицо; это какъ привиллегія, исключеніе, не составляло общаго прави-

ла, грамоты могли быть и не быть, могли вновь даваться и отминыться, многіе землевладѣльцы вовсе не получали жалованшыхъ грамотъ предоставляющихъ привилегіи ихъ имѣніямъ, а иные получали грамоты съ большими привилегіями, другіе съ меньшими: по однимъ грамотамъ землевладѣльцамъ предоставлялся судъ надъ своими крестьянами, по другимъ не предоставлялся. Но и кромѣ привилегій, по общему порядку, утвержденному закономъ, было значительное различіе въ платежѣ даней и отправленіи повинностей крестьянами, живущими на разныхъ земляхъ. Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, платили въ казну больше, нежели крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцовъ, и даже между владѣльческими крестьянами не было уравненія; крестьяне, живущіе на земляхъ боярскихъ и княжескихъ платили менѣе, нежели крестьяне монастырскіе и церковные, это различіе въ старое время опредѣлялось сохами. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для разкладки податей и повинностей были разбиты на большія доли, или единицы, называвшіяся сохами и заключавшія съ себѣ отъ 1200 до 400 четвертей въ полѣ, а въ дву нотомужъ, т. е. по нынѣшней мѣрѣ отъ 1800 до 600 десятинъ, смотря по тому, къ какому классу или кости принадлежали земли составляющія соху, т. е. были ли дворцовыя, вотчинныя, или помѣстныя, или монастырскія, или общинныя черныя. А по сему и сохи назывались княжескими, боярскими, монастырскими черными, какъ прямо сказано въ Уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года: « намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, сокняжихъ, съ боярскихъ и съ монастырскихъ и съ черныхъ и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ омѣны, съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ, за бочку овса десять денегъ, за возъ сѣна два алтына » (А. Ар. Эк. Т. I. № 123.). Правительство, какъ видно изъ приведенной грамоты, полагало одинаковую подать со всѣхъ сохъ безъ различія; на примѣръ въ намѣстничіи кормъ полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, бочку овса и возъ сѣна съ сохи; но тяжесть платежа была не одинакова, ибо въ княжихъ и боярскихъ земляхъ соха была втрое больше, нежели въ черныхъ земляхъ, а на большемъ пространствѣ было больше

и крестьянъ; слѣдовательно и платить было легче, ибо та же податная единица разлагалась на большее число плательщиковъ, такъ на примѣръ, въ боярскихъ сохахъ приведенный выше намѣстничій кормъ разлагался на 300 плательщиковъ, въ монастырскихъ на 150 плательщиковъ, а въ черныхъ на сто плательщиковъ. А по сему крестьяне въ платежѣ податей иотправленіи повинностей и службъ вели особые общинные счета въ черныхъ земляхъ, особые въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, и особые въ княжихъ и боярскихъ земляхъ. Такъ на примѣръ, въ жалованныхъ грамотахъ говорится о монастырскихъ и боярскихъ крестьянахъ: « ни къ сотскимъ не надобѣ имъ тянуть ни въ какіе проторы и разметы.» Или « ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ старостѣ волостному не тянуть ни во что ».

Кромѣ различія въ платежѣ податей крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, имѣли еще то отличіе въ отношеніяхъ къ правительству противъ крестьянъ, живущихъ на черныхъ или на общинныхъ земляхъ, что казенныя подати у нихъ иногда включались въ условіе съ землевладѣльцемъ; а посему таковыя землевладѣльческіе крестьяне не знали никакихъ казенныхъ сборщиковъ и другихъ слугъ администраціи; все это по условію было въ вѣдѣніи землевладѣльца господина, онъ представлялъ въ казну и подати съ крестьянъ. Такъ на примѣръ, въ жалованной грамотѣ Нижегородскаго князя Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю (1410 — 1417 г.) между прочимъ сказано: « а что люди монастырскіе пошлые въ городѣ и въ селѣхъ, коли придетъ моя дань, и игумень за нихъ заплатитъ по силѣ» (А. Ак. Эк. Т. I. № 17.) Это условіе, кажется, было одною изъ важныхъ причинъ, почему даже богатые крестьяне, могшіе имѣть собственныя земли, охотно садились на земляхъ сильныхъ частныхъ собственниковъ; они всегда предпочитали имѣть дѣло съ однимъ землевладѣльцомъ, который за нихъ отвѣчалъ передъ правительствомъ, лишь бы не сноситься съ разными сборщиками и правительственными слугами разныхъ вѣдомствъ, которыхъ было очень много.

О крестьянскомъ переходѣ.

Черные люди или крестьяне, какъ городскіе, такъ и сельскіе, свободно могли переходить изъ городовъ въ деревни, и изъ деревень въ города, и какъ отъ частныхъ земледѣльцовъ на общинныя земли, такъ и съ общинныхъ земель къ частнымъ землевладѣльцамъ; но только садиться на земли могли не иначе, какъ съ согласія или общинныи общинныхъ начальниковъ, — въ городѣ сотниковъ, въ волостяхъ старостъ, или съ согласія земледѣльцовъ, ежели садились на частныхъ земляхъ, какъ прямо сказано въ Бѣлозерской грамотѣ 1462 года, писанной къ сотнику и старостамъ: «что де у нихъ (у Кирилловскихъ монаховъ) отказываете ихъ людей монастырскихъ серебрянниковъ въ дворца и съ деревень» (А. Ар. Эк. Т. I. № 73). Или въ другой Бѣлозерской грамотѣ 1450 года, князь пишетъ къ Бѣлозерскому намѣстнику и тамошнимъ частнымъ вотчиннамъ и правителямъ черныхъ волостей: « что отказываете людей монастырскихъ серебрянниковъ и половниковъ и рядовыхъ людей, и отказываете не о Юрьевѣ дни » (ibid. № 48). Такимъ образомъ выходъ крестьянина былъ свободенъ, и зависѣлъ или отъ самого крестьянина, или отъ землевладѣльца; поселеніе же крестьянина на новой землѣ условливалось непременно согласіемъ или хозяина земли, или начальника той общины, которой принадлежала земля; каждый могъ поселиться только тамъ, гдѣ его примутъ. Это было первое естественное ограниченіе свободного перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Ограниченіе сіе, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и постепеннаго уменьшенія въ слѣдствіи сего дикихъ полей и лѣсовъ, ни кому не принадлежащихъ, естественно должно было дѣлаться ощутительнѣе.

Второе важное ограниченіе свободного перехода крестьянъ состояло въ раздѣленіи крестьянъ на тяглыхъ и нетяглыхъ. По всѣмъ княжескимъ грамотамъ тяглыхъ людей нельзя было переводить ни изъ города въ деревню, ни съ общиной земли на землю частнаго владѣльца. Переходъ тяглаго человѣка допускался только въ двухъ случаяхъ: или когда община согласится отпустить желающаго ее оставить, или когда

выходящій изъ общины дастъ за себя окупъ. Собственно свободный переходъ съ одной земли на другую безусловно дозволялся только людямъ вольнымъ, которые живутъ за чужимъ тягломъ, не имѣютъ своей выти или доли общинной земли: таковы были сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ, и вообще захребетники, подсуздники, не вступившіе еще ни въ какое обязательство съ общиною, или уволенные отъ обязательства. О порядкѣ выхода изъ одной общины и поступления въ другую съ достаточною опредѣленностію говоритъ грамота Углицкаго князя Андрея Васильевича, данная Покровскому монастырю въ 1476 году. Въ ней князь пишетъ: « А кого къ себѣ перезовутъ (монахи) жити изъ моей вотчины безвытныхъ людей, или себѣ окупивъ посадятъ; и тѣмъ моимъ людямъ ненадобѣ моя дань на десять лѣтъ: а тяглыхъ моихъ людей писменныхъ и вытныхъ въ ту слободу не примати » (Ак. Ар. Эк. т. I № 102). Причина такового ограниченія состояла въ томъ, что всѣ тяглые люди вносились въ писцовую книгу, почему они и назывались еще письменными людьми, и за каждымъ внесеннымъ въ писцовую книгу была записана извѣстная выть земли, съ которой онъ долженъ былъ платить подати и тянуть во всѣ общинные разрубь и разметы; а община отвѣчала за исправный платежъ тяглеца передъ правительствомъ и, въ случаѣ выхода его изъ общины, раскладывала его долю платежа на остальныхъ своихъ членовъ, до новыхъ писцовыхъ книгъ: естественно, что законъ долженъ былъ останавливать переходъ тяглыхъ людей съ одной земли на другую, чтобы такимъ образомъ не отягощать общинъ излишнимъ платежемъ за вышедшихъ тяглецовъ, и предоставлять выпускъ самимъ общинамъ, которыя и дозволяли этотъ выходъ или неисправнымъ, негоднымъ своимъ членамъ, имѣя въ виду замѣнить ихъ лучшими, или такимъ, за которыхъ вносился къмъ либо окупъ слѣдующихъ съ выходящаго тяглеца податей и другихъ общинныхъ расходовъ (1). Но конечно ограниченіе перехода для тяглыхъ людей, на дѣль не уни-

(1) Или въ противномъ случаѣ землевладѣльцы и общины жаловались на запустѣніе и просили запустѣлыя деревни выключать изъ оклада. Такъ въ од-

чтожало этого перехода, а только стѣсняло его, ибо своевольныхъ переходовъ или побѣговъ тяглыхъ людей было не мало, чему доказательствомъ служатъ многія жалобы общинъ: что платить подати тяжело, что люди разбѣжались. Побѣги эти особенно были значительны во время удѣловъ; и по лѣтописямъ мы видимъ, что иныя княжества вдругъ пустѣли, а другія быстро и густо заселялись, конечно не инымъ какимъ способомъ, какъ только переходомъ крестьянъ изъ другихъ княжествъ.

Третье общее ограниченіе свободного перехода крестьянъ состояло въ назначеніи законнаго срока въ году, мимо котораго крестьянинъ не могъ переходить съ одной земли на другую. Срокомъ для перехода крестьянъ во владѣніяхъ князей Московскаго дома былъ *Юрьевъ день осенній*. По закону, крестьяне, вышедшіе не въ срочное время, возвращались на старое мѣсто жительства доживать до срока; равнымъ образомъ и землевладѣльцы не могли выгонять крестьянъ мимо этого срока. Такъ Бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ, въ своей грамотѣ 1450 года, писанной къ намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и посельскимъ, пишетъ: «И вы бѣ серебряниковъ и половниковъ и свободныхъ людей не о Юрьевѣ дни неотказывали, а отказывати серебряника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатить.... А игумену и всей братьи (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря) отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебряниковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ отпускать серебряниковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни, и недѣлю по Юрьевѣ дни» (А. Ар. Эк. т. I. № 48). То же свидѣтельствуетъ грамота В. К. Ивана Васильевича къ Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ (данная 1466—1478 г.). Въ ней в. к. пишетъ: «къ намѣстникомъ и въ мой села и слободы, и въ боярскія села и слободы къ посельскимъ: Билъ мнѣ челомъ игумень Троицкой..., и ска-

ной грамотѣ XV вѣка Константино-Еленскій архимандритъ говорить судѣ: «а выиѣчи, господине, тѣ деревни стоятъ пусты, а никто ихъ не пашетъ а въ великого Князя, господине, книгѣхъ Алексѣева письма Полуухтова, тѣ деревни монастырскіе, а тягломъ, господине, описаны тяжело полторы четверти сохи; и по тѣмъ, господине, книгѣмъ писаннымъ великаго Князя дан, и гмищики и городное дѣло и всѣ пошлины емлютъ» (Мое соб. гр. 2. 499.)

зывается, что де изъ ихъ сель изъ монастырскихъ Шухобальскихъ вышли крестьяне сей зимы о сборѣ (1-е воскресенье великаго поста); и азъ Князь Великій далъ есмь имъ пристава, велѣлъ есмь ихъ вывести; и гдѣ приставъ мой ихъ не найдетъ, въ монахъ сельхъ или свободахъ, или въ боярскихъ сельхъ и слободахъ; и приставъ мой тѣхъ крестьянъ монастырскихъ опять выведетъ въ ихъ села Шухобальскіе, да посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ до Юрьева дни до осеннего» (А. Ар. Эк. т. I. № 83). Впрочемъ это ограниченіе крестьянскаго выхода Юрьевымъ днемъ предотвращало только безпорядки переходовъ, и ограничивало произволъ землевладѣльцевъ и крестьянъ; но нисколько не отрицало права свободнаго перехода; крестьянинъ, перешедшій съ одной земли на другую не въ срокъ, возвращался назадъ только для того, чтобы дожить до срока, и доживши могъ перейти безпрепятственно. Здѣсь собственно охранялся только частный интересъ или крестьянина или землевладѣльца, — другихъ цѣлей общественныхъ законъ здѣсь не имѣлъ въ виду.

Кромѣ общихъ мѣръ ограниченія свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, изчисленныхъ нами, мы, по княжескимъ грамотамъ, встрѣчаемъ еще частныя, временныя мѣры противъ того же перехода. Такъ свободный переходъ крестьянъ иногда ограничивался тѣмъ, что частные землевладѣльцы не имѣли права перезывать крестьянъ изъ тѣхъ же волостей, гдѣ находились ихъ недвижимыя имѣнія. Такимъ образомъ переманиваніе крестьянъ съ общинныхъ земель затруднялось; ибо переводить крестьянъ изъ дальнихъ волостей было не такъ удобно, какъ изъ сосѣднихъ общинъ, — съ одной стороны потому, что на отдаленныхъ крестьянъ землевладѣльцу труднѣе дѣйствовать, а съ другой стороны и потому, что самая перевозка крестьянъ изъ дальнихъ волостей представляетъ болѣе затрудненій. На такое ограниченіе перехода крестьянъ прямо указываютъ княжескія грамоты: такъ, на примѣръ, В. К. Василій Дмитриевичъ, въ 1421 году, дозволяя митрополиту Фотію купить Яковлевскую волостную деревню, въ волости Тальшѣ, пишетъ: «а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему митрополиту не принимать» (ibid. № 20). Тоже повторяетъ

Нижегородскій князь Александръ Ивановичъ въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю (данной 1410 — 1417 года): «а тутошнихъ людей становыхъ игумень въ монастырь (въ монастырскія села) не принимаетъ» (Ак. Ар. Эк. т. I. № 17). Или иногда князья прямо запрещали переходъ крестьянъ изъ какого либо имѣнія, и своевольно перешедшихъ возвращали назадъ, хотя бы крестьяне переходили въ законный срокъ и исполнили всѣ условія, необходимыя для перехода. Такъ, наиримѣръ, въ жалованной грамотѣ В. К. Василья Васильевича, данной Троицкому монастырю въ 1460 году, князь пишетъ: «что ихъ (монастырскія) села въ Углицкомъ уѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ сель въ мои села великаго князя, и въ боярскія села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу великаго государя къ Зерегу; и язъ князь великій пожаловалъ игумена Касьяна съ братьею, велѣлъ есми тѣ люди вывести назадъ. А которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче; и язъ князь великій не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь» (ibid. № 64). Или въ другой жалованной грамотѣ тому же Троицкому монастырю (писанной 1455 — 1463 г.) сказано: «Также есми игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца; и язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому» (А. Ис. т. I. № 59.).

Такимъ образомъ, въ XIV и XV вѣкахъ, по грамотамъ Русскихъ князей, переходъ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу былъ несовсѣмъ свободенъ и подвергался разнымъ ограниченіямъ, и даже встрѣчались частныя мѣры какъ бы прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Впрочемъ, въ сущности все это не уничтожало общаго права крестьянъ переходить съ одной земли на другую, и права землевладѣльцевъ ссылатъ однихъ поселенцовъ и принимать другихъ, а только законно полагало мѣру и границы для обузданія своеволия и прекращенія безпорядковъ, и, какъ мы уже видѣли, переходъ крестьянъ былъ общимъ порядкомъ и въ жизни и въ законѣ, и ни жизнь, ни законъ его не отвергали, и всѣ ограниченія относились только къ извѣстнымъ условіямъ, или были мѣрами временными,

частными. Всѣ крестьяне въ XIV и XV столѣтіяхъ и по закону и на дѣлѣ были людьми свободными, и, безъ всякихъ отношеній къ мѣсту жительства, составляли одинъ классъ народа съ одними общественными правами и обязанностями; крестьянами назывались только домовладѣльцы, имѣвшие землю или свою, или общинную, или чужую, на которой они жили, какъ жильцы, нанимая ее на разныхъ частныхъ условіяхъ и съ непремѣннымъ общимъ условіемъ тянуть тягло, т. е. платить казенныя подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Необходимое условіе, чтобъ быть крестьяниномъ, было хозяйство на извѣстномъ участкѣ земли городской или сельской, безъ хозяйства на землѣ отъ своего лица нельзя было быть крестьяниномъ; но владѣльческое отношеніе къ землѣ здѣсь не принималось съ расчетъ: было ли хозяйство крестьянина на собственной землѣ, или на общинной, или на землѣ частнаго владѣльца—это все равно; и въ томъ и въ другомъ и въ третьемъ случаѣ, крестьянинъ былъ крестьяниномъ съ одинаковыми общественными правами и обязанностями, съ одинаковымъ значеніемъ въ обществѣ; онъ даже налагалъ свой характеръ на землю: земля, чья бы она ни была, какъ скоро поступала подъ крестьянское хозяйство, съ тѣмъ вмѣстѣ получала значеніе крестьянской земли, на нее налагалось крестьянское тягло. Крестьянинъ съ землею и земля съ крестьяниномъ такъ тѣсно были связаны, что крестьянинъ не могъ быть крестьяниномъ безъ земли, и земля безъ крестьянина переставала быть крестьянскою землею; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись землею, и всѣ отношенія земли, какъ крестьянской земли, условливались хозяйствомъ крестьянина. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ Русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на другую, изъ города въ село и изъ села въ городъ; но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство и въ служилые люди у князя, разумѣется съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, ежели община его отпуститъ или за окупъ, или какъ иначе.

II. Бѣлградъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СЛОВЕНЦЫ

Очеркъ исторіи ихъ словесности.

Доселѣ мы видѣли Словенцевъ въ ихъ домашнемъ быту ; (Р. Б. 1857 г. III) рассмотримъ теперь ихъ *внѣшнюю* дѣятельность, и именно прежде всего на *духовной* аренѣ, въ области *развитія языка и словесности*.

Языкъ и словесность народа суть отраженіе его внутренней, духовной жизни. Они раскрываютъ намъ настоящую его святыню. Не зная ихъ, нельзя знать его самого ; а между тѣмъ многіе принимаютъ судить о народѣ по однимъ сухимъ описаніямъ туристовъ и желчнымъ клеветамъ отступниковъ народности ; за то и критика ихъ состоитъ только въ слѣпомъ отрицаніи всего, что не подходитъ подѣ ихъ узкій, односторонній взглядъ. Нужно пожить въ самомъ народѣ, среди него, нужно вникнуть въ его мысли и чувства, въ его языкъ и словесность, въ его политическую исторію и религіозныя воззрѣнія ; тогда только можно настоящимъ образомъ его узнать и правильно судить о немъ.

Едва прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ареопагъ Европейскихъ ученыхъ началъ уравнивать въ правахъ литературу Славянскихъ племенъ съ литературами Германскихъ и Романскихъ народовъ, признавая и за ней такое же вліяніе на духовное развитіе всего человечества, какое тѣ дотолѣ присвоивали исключительно себѣ. Въ настоящее время въ Европѣ *три* господствующихъ народа, которые въ духовномъ мірѣ образуютъ между собою *единство*, оказывающее вліяніе и на матеріальный бытъ,

Это трехчленное единство Индо-европейской рѣчи приобрѣтеть себѣ тѣмъ болѣе признанія, силы и вѣса у отдѣльных народовъ, чѣмъ крѣпче будутъ основы каждой изъ составляющихъ его частей, чѣмъ глубже проникнуть корни, изъ которыхъ вырастаютъ самосознаніе и развитіе народности, чѣмъ подробнѣе будутъ осмотрѣны, критически излѣдованы и приведены въ порядокъ духовныя произведенія отдѣльныхъ племенъ. Ибо чѣмъ глубже и дальше мы прослѣдимъ каждую изъ отраслей Индо-европейской рѣчи и ея произведенія, тѣмъ яснѣе обнаружится духовная связь, объемлющая всѣхъ братій этого единого народнаго семейства, и тѣмъ естественнѣе найдемъ мы духовное единство среди раздробленнаго на столько частей человѣчества.

Изъ Славянскихъ племенъ Словенцы доселѣ не были удостоены особаго вниманія, хотя они, можетъ быть, болѣе его заслуживали, чѣмъ многіе изъ предпочтенныхъ имъ братій. Не думайте, чтобы причина тому лежала въ меньшей ихъ даровитости или въ недостаткѣ духовной производительности — вовсе нѣтъ: и по способностямъ, и по успѣхамъ духовной дѣятельности Словенцы выдержатъ сравненіе съ любимыми изъ соплеменниковъ, и не будутъ послѣдними въ ряду ихъ. Причина, почему Словенская литература доселѣ оставалась почти нетронутой, всего болѣе заключается въ томъ, что до сихъ поръ еще никто изъ Словенцевъ не коснулся этой стороны роднаго быта, что у насъ нѣтъ еще *исторіи* словесности, которая бы и друзьямъ и врагамъ нашимъ показала всю дѣятельность Словенскаго ума въ ея полномъ объемѣ, съ раздѣленіемъ на главные виды и съ критической оцѣнкой. Еще прежде, управляя работами « Краинскаго историческаго общества », началъ я разрабатывать этотъ предметъ по частямъ; теперь же хочу заняться имъ подробнѣе. Предлагаемая мною здѣсь исторія Словенской литературы во всякомъ случаѣ имѣетъ то преимущество, что она *первая* является въ свѣтъ, съ цѣлью распространить свѣдѣнія о нашемъ племени въ бѣльшихъ кругахъ. По этому я и пожелалъ, чтобы *первая* исторія Словенской литературы явилась на *главномъ* изъ Славянскихъ языковъ, — на Рус-

скомъ , и доставила моимъ землякамъ лестную и могучую дружбу Русскаго народа.

Уже и *внѣшнюю исторію* страны писать трудно: надобно привести событія въ хронологическій порядокъ , выставить ихъ внутреннюю связь , совокупить ихъ въ единое полное цѣлое , показать ихъ достовѣрныя или приблизительно вѣроятныя причины и слѣдствія , такъ , чтобы глазамъ читателя представился замкнутый , вполне округленный , цѣльный образъ ;—выполненіе такой задачи встрѣчаетъ нерѣдко значительныя препятствія и требуетъ отъ писателя неутомимой пытливости духа и продолжительной, упорной дѣятельности. Сколько же трудностей предстоитъ историку литературы , который долженъ собрать, критически обработать и оцѣнить произведенія духа , — изложить связь ихъ , поступательное развитіе челоуѣческаго духа внутри опредѣленныхъ географическихъ границъ , и рѣзко размежевать важнѣйшіе періоды , которые или помогали , или препятствовали этому развитію.

Историческій *ислѣдователь* относится къ историческому писателю, какъ рудокопъ къ ювелиру: одинъ съ тяжелымъ трудомъ добываетъ изъ нѣдръ земли необдѣланные драгоценные камни ; другой искусно шлифуетъ ихъ и снижаетъ въ роскошныя ожерелья. Сколько же труда предстоитъ тому, кто, какъ я въ настоящемъ очеркѣ, долженъ быть и ислѣдователемъ, и писателемъ вмѣстѣ! По этому заранѣе прошу у читателя справедливаго снисхожденія. Чувствую, что мѣстами осталось еще много пробѣловъ; но знатоки дѣла поймутъ, что значило впервые прочищать дорогу въ тысячелѣтнемъ и дотолѣ еще дѣвственномъ лѣсу, выдѣлять изъ него отдѣльныя группы и представлять въ живыхъ образахъ читателю. Рядомъ съ этими препятствіями общаго свойства упомянемъ также , что планъ подобной работы долженъ быть какъ можно строже ограниченъ и опредѣленъ , иначе легко заблудиться въ другія области, а чрезъ это внутренняя связь и гармонія разорвутся, и вмѣсто замкнутой цѣлзой картины получатся лишь разрозненныя, другъ съ другомъ не вяжущіеся отрывки, которые не дадутъ вѣрнаго понятія о всемъ объемѣ духовной дѣятельности народа. Не

менѣе осторожнымъ слѣдуетъ быть въ сужденіяхъ, какъ объ отдѣльныхъ личностяхъ и ихъ произведеніяхъ, такъ и о цѣлыхъ періодахъ. Историкъ литературы долженъ руководствоваться ясно сознаннымъ началомъ,—тогда онъ легко избѣжитъ всякой односторонности, и прямодушный, хотя и рѣзкій, приговоръ его будетъ не оскорбителенъ, а дѣйствительно цѣлебенъ. Вообще критика не должна быть только отрицательною: главная ея задача не столько *ломать* негодное старое, сколько учить—какъ *строить* вновь; тогда влияние ея будетъ честно и благотворно.

Изложивъ вкратцѣ трудности предпринятой мною работы, обозначу теперь свою основную точку зрѣнія, съ которой я приступаю къ предмету и намѣренъ съ нимъ обращаться. Я *реалистъ* и ненавистникъ мутнаго, вялаго, разочарованнаго космополитизма. Я не терплю романтической сентиментальности, не чувствую «міровой боли», которая хотѣла бы перестроить естественный порядокъ міра по бреднямъ праздныхъ мечтателей, не предаюсь болѣзненнымъ воздыханіямъ о «политическомъ рабствѣ» и «религіозномъ игѣ». Я хочу, чтобы чувство было свѣжо, здорово и *истинно*,—чтобы мысль коренилась и вращалась въ сферѣ чисто человѣческой, по нисколько не стѣсняя этичъ полета фантазіи; чтобы картина была дѣйствительно отраженіемъ природы въ самомъ обширномъ ея смыслѣ, чтобы идея была чиста и ясна, была просвѣтленнымъ явленіемъ реального міросозерцанія, истинной духовной жизни, и чтобы все по возможности облеклось въ настоящую художественную, оконченную, пластическую форму. Основной же мыслью пусть будутъ незабвенныя слова, которыя *Коларъ* вложилъ въ сердце каждаго мыслящаго Славянина: «Да будетъ Славянская литература общюю связью, которой не могутъ разрывать ни моря, ни далекія страны, и которая невидимо обхватываетъ всѣ племена и нарѣчія, дабы хоть въ области духовной дѣятельности образовался у Славянъ одинъ языкъ, одно отечество, одинъ народъ». Да управляетъ эта мысль всею духовною дѣятельностью *всѣхъ* Славянскихъ племенъ!

А. ЯЗЫКЪ И ГРАММАТИКА.

Добровский дѣлитъ всѣ Славянскія нарѣчія на пять классовъ, ученый же *Словенецъ*, *Копитаръ* ⁽¹⁾, сводитъ ихъ къ двумъ категоріямъ: одну составляютъ языки: *Русскій*, *Словенскій* и *Иллирійскій*, другую *Чешскій* и *Польскій*, — переходъ между обѣими составляетъ языкъ *Словацкій* (въ Венгріи). Уже изъ этого дѣленія видно близкое сродство Словенскаго языка съ Русскимъ, и оно становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ глубже мы станемъ вникать въ духъ обоихъ языковъ. А чѣмъ болѣе убѣждаемся мы въ этомъ сродствѣ, тѣмъ живѣе пробуждается желаніе, чтобы братья-близнецы были одинаковымъ образомъ и одѣты, т. е., имѣли одну азбуку и одно правописаніе ⁽²⁾. Какая бы безконечная польза вышла отсюда для языка, для развитія, для духовнаго единенія обоихъ племенъ! Уже и то принесло большую выгоду, что Словены и Иллирійцы приняли одно правописаніе; какія же огромныя слѣдствія вышлибы, если бы «несчастный расколъ» между Греческими и Латинскими Славянами въ письмѣ прекратился и явилась возможность соединенія?

Древнѣйшею Славянскою азбукою считается, какъ извѣстно, *Кириллица* (*Kirilica* или *Kyrillica*). Была ли она также у Словенцевъ, какъ у другихъ (восточныхъ и южныхъ т. е., *Греческихъ*) Славянъ, — это вопросъ спорный и доселѣ еще не рѣшенный. *Лингартъ* ⁽³⁾ утверждаетъ, что Словенцы

(1) Родился 23 Августа 1780 года въ Козежѣ, въ Верхней Краинѣ. Впоследствии былъ гофратомъ и хранителемъ придворной библіотеки въ Вѣнѣ. Въ 1814 году привезъ обратно изъ Парижа похищенное Французами изъ Вѣны (въ 1809 г.) драгоценное собраніе библіографическихъ рѣдкостей. Умеръ 11 Августа 1844 года.

(2) Дай Богъ, говорятъ *Копитаръ* (*Gram. XXI*), чтобы сбылось предсказаніе Шлецера, что современемъ кто-нибудь изъ Русскихъ патриотовъ самъ дастъ своимъ соотечественникамъ предложеніе—вмѣсто Греческихъ крючкочковъ ввести Латинскую азбуку, и дай Богъ, чтобы предложеніе его было принято! (смотри *Nestor II*). (*Читателямъ Русской Бесѣды известны ея взгляды на этотъ предметъ. Вообще, какъ съ этимъ, такъ и со многими другими мнѣніями г. Клуна, мы положительно несогласны, но тѣмъ не менѣе признаемъ за его трудомъ неоспоримое достоинство первого, полного и стройнаго, историческаго обзора литературы Словенцевъ. Прим. Ред.*)

(3) *Linhart* «Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlichen Slaven Oesterreichs» *Laibach, W. H. Korn. 1739* и 1731 г. Смотри томъ II, стр. 357.

никогда не писали кириллицей, а «еще въ 16 вѣкѣ» употребляли глаголицу; Копитаръ же (1) хотя тоже думаетъ, «что они впрямь никогда не писали кириллицей», однако, на основаніи предисловія къ грамматикѣ Богорича (Виттенбергъ, 1584 г.), доказываетъ, что они писали также и не глаголицей. Равно не рѣшенъ еще и другой спорный вопросъ: когда и какими образомъ возникла глаголица, которую употребляли Латинскіе Славяне. Первоначальное мнѣніе, что изобрѣтателемъ ея былъ св. Іеронимъ, теперь уже вполне опровергнуто; за то явились другіе два, другъ другу противорѣчащіе, взгляда. Одни (въ томъ числѣ Лингартъ) утверждаютъ, что глаголица или «буквица» (*Bukvica*) возникла во второй половинѣ пятого или въ началѣ шестаго вѣка по Р. Хр., «когда отъ Дуная до Адриатическаго моря, отъ Константинополя до самаго сердца Германіи, все почти было наводнено Славянами» (2); и будто потомъ, въ девятomъ вѣкѣ, она была преобразована Греческими миссіонерами, преимущественно Кирилломъ. «Народъ же настоятельно требовалъ, чтобы новое богослуженіе совершалось на его родномъ языкѣ; по этому обратители принуждены были перевести на него богослужебныя книги и библію. Но прежнія грубыя буквы оказались неудобными; потому они (Греческіе миссіонеры) употребили буквы Греческія, и, чтобы народъ принялъ ихъ, дали имъ глагольскія названія, а для тѣхъ звуковъ, которые не могли быть выражены Греческимъ алфавитомъ, взяли и очертаніе глагольское» (3). Слѣдовательно, по этому мнѣнію кириллица возникла изъ буквицы и есть только *измѣненная глаголица*.

Другіе же утверждаютъ совершенно *противно*. На сколько я знаю, Берлинскій ректоръ Фричъ первый выразилъ мнѣніе, что кириллица есть древнѣйшая азбука, а буквица есть только ея искаженіе (4). Мнѣніе это принялъ также и Доб-

(1) Kopitar. «Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark». Laibach, W. H. Korn. 1808 г. Смори «Введеніе», стр. XXX) III.

(2) Linhart, т. II, стр. 333

(3) Linhart, т. II, стр. 383.

(4) Fritsch «fünf Abhandlungen über die Geschichte der slavischen Sprache.» Berlin. 1727 — 1734.

ровскій; онъ разобралъ его и такъ успѣшно доказалъ, что и Копитаръ тоже называетъ его «весьма вѣроятнымъ» (1). По Добровскому буква или глаголица есть не что иное, какъ кириллица, *послѣ 1060 года*, «когда Мееодіева азбука было объявлена еретическою», нарочно искаженная разными вычурами кѣмъ нибудь изъ Славянскихъ священниковъ, который выдалъ ее за изобрѣтеніе Св. Іеронима, жившаго въ IV вѣкѣ и бывшаго уроженцемъ Далмаціи. И то и другое мнѣніе имѣютъ за себя много важныхъ доказательствъ; но по моему *последнее вѣрнѣе*; впрочемъ разбирать ихъ подробно я не буду, бояся слишкомъ расширить объемъ своей статьи и отклониться отъ настоящей своей задачи.

По Лингарту — въ XVI вѣкѣ была въ Люблянѣ (Лайбахѣ) даже глаголь к и типографія, именно та самая, которой нынѣ владѣетъ Collegium de propaganda fide въ Римѣ, и она, можетъ быть, единственная въ своемъ родѣ. По этому, говорятъ Копитаръ, на Далматскихъ островахъ книги до сихъ поръ еще *переписываются*, словно до изобрѣтенія книгопечатанія. Впрочемъ такъ же начинаетъ входить въ употребленіе и кириллица, потому что богослужебныя книги выписываются изъ Россіи; и можетъ быть глаголица скоро совершенно исчезнетъ.

И такъ оказывается, что о древнѣйшихъ письменахъ Словенскихъ до сихъ поръ ничего нельзя сказать утвердительно. Но несомнѣнно то, что въ IX вѣкѣ нынѣшнія нарѣчія въ главныхъ частяхъ уже сложились и существовали; а это для развитія языка несравненно важнѣе, чѣмъ споръ о томъ, какія буквы древнѣе.

Словенское нарѣчіе можетъ предъ всѣми похвалиться *самыми древними памятниками Славянской письменности*. Ибо не только древнѣйшій Славянскій переводъ библіи (Кирилловскій), но неопровержимымъ доказательствамъ Копитара, должно признать *древне-Словенскимъ*; но мы имѣемъ сверхъ того и другіе еще письменные памятники изъ осьмага, девятого и десятого вѣка; о нихъ Добровскій писалъ Копитару: «Я

(1) Kopitar, Grammatik, введение, стр. XXIV.

поздравляю васъ, Краинцы, съ тѣмъ, что у васъ сохранилась древнѣйшая рукопись». (*Gratulor vobis Krajnciis, quia antiquissimum manuscriptum habetis*). Только при этомъ слѣдуетъ сдѣлать два пояснительныхъ замѣчанія. Общепринятое положеніе, что Славянскій переводъ библіи принадлежитъ Кириллу, надобно поправить такъ, что при Кириллѣ была переведена не вся библія, а только тѣ ея части, которыя приняты въ церковныя книги, какъ то: четыре Евангелія, Дѣянія и Посланія апостольскія, Псалтирь и еще нѣсколько отдѣльныхъ чтеній изъ другихъ книгъ Ветхаго Завета, такъ что собственно переведена не сама библія, а только церковныя требники. (1) Далѣе слѣдуетъ исправить ошибочное мнѣніе *Добровскаго*, которое раздѣляетъ и *Карамзинъ*, — будто « Церковно-Славянскій языкъ есть нарѣчіе *Сербское*, какимъ оно было въ IX вѣкѣ. » Языкъ церковный былъ *древне-Словенскій*, какъ вполнѣ доказали *Метелко* и недавно еще ученый и даровитый *Миклошичъ* (2).

Исслѣдователь языка съ особою любовью останавливается на этихъ древнихъ памятникахъ; *Шафарикъ* справедливо говоритъ, что « они суть неисчерпаемый источникъ для Славянскаго филолога, если онъ хочетъ глубоко и основательно изучить матеріалъ родного языка. » Правда, древнѣйшіе памятники дошли до насъ только въ спискахъ XI, XII, частью даже XIII вѣка: но это измѣнило ихъ не въ сущности, а развѣ въ мелочахъ; и безпристрастный исслѣдователь, при помощи критики, можетъ достаточно узнать изъ нихъ составъ и строеніе Славянскаго языка во времена Кирилла. Отсюда можно уже заключить, какая богатая жатва ожидается будущихъ Славянскихъ филологовъ, когда больше будетъ обнародовано въ печати подобныхъ драгоценныхъ памятниковъ, и притомъ добросовѣстно и вѣрно, какъ это уже съ нѣкоторыми сдѣлано. (3)

(1) Metelko. « Lehrgebäude der slovenishcen Sprache » — Laibach, L. Egger. 1825 — предисловіе, стр. V.

(2) Разумѣется въ смыслѣ томъ, въ какомъ названіе Словенскій является у нашего Нестора и въ другихъ древнихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ, а не въ смыслѣ, какой придаютъ ему эти господа. *Ред.*

(3) Jordan. « Slawische Jahrbücher » — 1848, стр. 64.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ южно-Славянскихъ нарѣчій принадлежатъ драгоценныя *девятъ* страницъ въ четвертку сѣверно-Хорутанской карманной книги одного Фрейзингенскаго миссіонера Подлинникъ, по всей вѣроятности, написанъ былъ *до Кирилла*; (¹) мы же имѣемъ списокъ X вѣка, помѣщенный въ Мюнхенскомъ « кодексъ ». *Вильгельмъ Гумбольдтъ* велѣлъ себѣ сдѣлать съ него списокъ; равно и Добровскій самъ скопировалъ его въ Мюнхенѣ. Эти девять страницъ « южно-Славянскіе ученые могутъ поставить на ряду съ Остромировымъ Евангеліемъ » *Востокова*. Памятникъ состоитъ изъ трехъ статей, писанныхъ двумя различными миссіонерами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое правописаніе. Первая статья заключаетъ въ себѣ « всенародную исповѣдь », которую, какъ видно изъ надписи, прихожане должны были повторять за священникомъ, (*glagolite po naz redka zlouezaz—dicite post nos gaга verba*); она содержитъ 35 строкъ въ четвертку; вторая есть поучительная бесѣда и содержитъ 113 строкъ на 7 столбцахъ, переписана иною рукою; и на довольно вѣроятныхъ основаніяхъ приписывается Хорутанцу *Аврааму*, бывшему епископомъ въ Фрейзингенѣ, отъ 957 до 994 года (хотя *разъ* въ *Glagolita Clozianus* онъ и называется *Carniolus*, но за то въ другихъ мѣстахъ всегда *Carantanus*); Копитаръ даже думаетъ, что это его собственный почеркъ; (²) третья статья, еще древнѣйшая, написана тоже рукою второго писца, заключаетъ въ себѣ « символъ вѣры » и занимаетъ 74 строки на 5 столбцахъ (³).

И такъ *наши* памятники суть древнѣйшіе; за ними по старшинству слѣдуютъ *Русскіе*, а именно: 1) Евангеліе, списанное діакономъ Григоріемъ съ одной *Словенской* рукописи (какъ онъ самъ говоритъ въ примѣчаніи) для посадника Остромира въ Новгородѣ, въ 1056 и 1057 годахъ, слѣдовательно ровно за восемьсотъ лѣтъ до нашего времени.

(1) Въ 769 году герцогъ Тассило Баварскій подарилъ аббату Шарницкому въ Тиролѣ земли близъ Иннихена съ тѣмъ, чтобы обращать въ христіанство Славянъ;—равно и епископу Фрейзингенскому подарены были помѣстья въ Славянской землѣ до 1000 года.

(2) Kopitar « Glagolita Clozianus ».

(3) Metelko « Lehrgebäude der slovenischen Sprache. » — Предисловіе стр: XIII. и XXXVII.

2) Русская Правда Ярослава (тоже XI вѣка) и на *Словенскомъ* языкѣ. 3) Несторова лѣтопись, чрезвычайно важная для исторіи, — (тоже XI вѣка и тоже на *Словенскомъ* языкѣ). (1).

У *Чезовъ* эти памятники восходятъ до XII вѣка (2).

У *Сербовъ* до конца XII (3).

У *Поляковъ* до XIV (4).

Остальныя же Славянскія племена не имѣютъ на своемъ нарѣчьи ни одного письменнаго памятника, который восходилъ бы до XII или по крайней мѣрѣ до XII вѣка, и былъ бы обнародованъ.

Тѣмъ замѣчательнѣе, говорить *Метелко* (5), наши Словенскіе памятники VIII и X вѣка, что всѣ остальныя нарѣчья великаго Словенскаго народа не могутъ выставить противъ нихъ ни одного памятника того же времени, и *изъ древнѣйшихъ памятники болъшею частію цѣлыми вѣками моложе нашихъ*.

Но, на сколько Словенское нарѣчіе опередило остальныя

(1) Несторъ писалъ языкомъ *древне-Словенскимъ*, какъ онъ учился по церковнымъ книгамъ: *Добровскій* говоритъ объ отношеніи Словенскаго языка къ Русскому народу такъ: «Въ Россіи въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ было правиломъ: говорить по-Русски, но писать венначе, какъ по-Словенски. Чѣмъ ученѣе хотѣлъ казаться Русскій, тѣмъ болѣе вставлялъ онъ въ свою рѣчь Словенскихъ словъ и оборотовъ.» Словенскій языкъ, который въ Россіи вполнѣ понимали только ученые, можетъ быть и былъ одною изъ причинъ, что Несторова лѣтопись нѣсколько вѣковъ была совершенно забыта, пока наконецъ въ 1826 году одинъ ученый Словенецъ (Сигмундъ баронъ Герберштейнъ, уроженецъ Вишпаха во внутренней Краинѣ, бывшій въ Москвѣ Австрійскимъ посланникомъ) не нашелъ ея въ числѣ прочихъ рукописей въ одной библиотекѣ и *первый* ознакомилъ съ ней *Русскимъ*, а за ними и остальной міръ. Какъ Словенецъ, онъ понималъ языкъ лѣтописи легче и лучше, чѣмъ сами Русскіе. (Смотри Mittheilungen des histor. Vereines für Krain. 1836, стр. 98). (Ни на чемъ неоснованно утвержд. Ред.)

(2) «Судъ Любушии и Евангеліе отъ Іоанна,» которыя Чешскіе ученые относили къ X или даже къ концу IX вѣка, *Добровскій* и *Комитаръ* признаютъ подложными. (Но теперь судъ объ этомъ того и другаго не авторитетъ уже для насъ. Ред.)

(3) *Rodoslov*, родословная роспись Сербскихъ царей: *Уроша, Драгутина Милутина, Дечанскаго*. Составлена архіепископомъ Данииломъ.

(4) Боевую пѣснь «*Voga rodzica*» Раковѣцкій относитъ къ XIV вѣку; къ тому же вѣку принадлежитъ и *Цвѣтная Псалтырь* (Florian's Psalter). (Видно, что авторъ не вполнѣ знакомъ съ Польскою Археологіею. Ред.)

(5) Mittheilungen des histor. Vereines für Krain. За Декабрь 1836 года.

въ началѣ, на столько же, къ сожалѣнію, литература его отстала отъ нихъ въ послѣдствіи.

Наши Словенскіе памятники, продолжаетъ тотъ же ученый, достаточно показываютъ, что языкъ нашъ прежде былъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ теперь; онъ былъ гораздо богаче словами и формами, и потому кратче и точнѣе въ обозначеніи понятій. Чтобы убѣдиться въ томъ, довольно двухъ примѣровъ. Слово *posetiti* или *poseđati* у всѣхъ южныхъ Славянъ совершенно исчезло, хотя у насъ остались еще родственныя ему *šel* и *šetati* (гулять). Въмѣсто утраченнаго *posetiti*, которое находимъ у епископа Авраама, теперь у *каждаго* изъ южныхъ нарѣчій видимъ *свое особое* слово, и слово одного для всѣхъ другихъ кажется смѣшнымъ. На примѣръ, мы, *Словенцы*, говоримъ: *bolnike obiskati* (¹); для *Хорвата* *obiskati* смѣшно, потому что здѣсь нѣтъ понятія «искать», и онъ говоритъ: «*bolnike pohoditi*» (²); а это въ свою очередь по нашему смѣшно; у *Сербовъ* тоже встрѣчаемъ не менѣе смѣшное выраженіе: «*bolnike oblaziti*» (³); одни только *Русскіе* еще удержали настоящее слово «посѣтить». Точно также исчезло у всѣхъ Славянъ и встрѣчающееся въ рѣчи того же епископа Авраама слово «*patroviti*» (ѣсть); у однихъ только *Словаковъ* (въ Венгріи) удержалось слово «*troviti*» въ томъ же значеніи. Русскія слова: *потравить*, *потрава*.

Но все таки—же Словенскій языкъ еще имѣетъ такія преимущества, которыя безпристрастно позволяютъ сказать, что онъ нисколько не уступаетъ образованнымъ языкамъ Европы, стоитъ даже выше многихъ изъ нихъ, и его внутреннее строеніе представляетъ много такихъ свойствъ, которыхъ неславянскіе языки вовсе не знаютъ. Ибо внутреннее совершенство языка зависитъ отъ его способности выражать раз-

(1) *Obiskati*—очевидно, германизмъ, переводъ Нѣмецкаго слова «besuchen»;—Словенская частица «ob» соответствуетъ Нѣмецкой «be».

(2) «*Pohoditi*» по Словенски значить «топтать, ходить по чемунибудь»;—слѣд., «*bolnike pohoditi*» по нашему выходитъ «пролаживаться по больнымъ».

(3) «*Oblaziti*» по нашему значить: «ползать»;—слѣд., «*bolnike oblaziti*» ползать или лезть по больнымъ».

судочныя понятія и ихъ различныя отношенія, какъ можно точнѣе и проще. А эта способность въ свою очередь зависитъ отъ достаточнаго количества производственныхъ, образовательныхъ и соединительныхъ слоговъ и звуковъ, съ помощью которыхъ одно и тоже слово, различнымъ образомъ измѣняясь, можетъ принимать различныя значенія, обозначать различныя понятія. Словенскій поэтъ *Потоchnikъ* въ своемъ грамматическомъ учебникѣ (¹) исчисляетъ слѣдующія преимущества нашего языка: 1) онъ имѣетъ для составленія несравненно большее число образовательныхъ слоговъ, чѣмъ даже языкъ Нѣмецкій; 2) безъ помощи члена весьма точно обозначаетъ родъ во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, даже въ глаголѣ; 3) имѣетъ двойственное число, котораго даже многія изъ Славянскихъ нарѣчій уже не имѣютъ; 4) въ глаголѣ, кромѣ *дѣйствительной* и *страдательной* формы, различаютъ еще *среднюю* (непереходящую), далѣе *совершенную* и *несовершенную*, *однократную*, *повторительную* и *многократную* формы, которыя въ другихъ языкахъ могутъ быть выражены только приблизительно посредствомъ описанія; (²); 5) наконецъ, изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій нашъ языкъ, вмѣстѣ съ Сербскимъ (Иллирійскимъ) имѣетъ всего менѣе жесткости въ произношеніи и есть самый благозвучный.

(1) «Grammatik der slovenischen Sprache» von B. Potočnik. Laibach. 1849.

(2) Отношеніе времени, которое другіе языки (Греческій, Латинскій, также, хотя и менѣе, Французскій, Итальянскій и всѣхъ менѣе Нѣмецкій) выражаютъ посредствомъ *временныхъ флексій* или такъ называемыхъ *Wandelzeiten*, въ Словенскомъ языкѣ обозначается уже прямо при самомъ образованіи каждаго глагола. Рассмотримъ, на примѣръ: *vzdignam* и *vzdignem*; обѣ формы имѣютъ одно значеніе: воздвигать, поднимать; но послѣдняя выражаетъ дѣйствіе *однократное* и *совершенное*, а первая дѣйствіе *несовершенное*, только самое *занятіе* дѣйствіемъ. Мы видимъ, что одна форма замѣняетъ *tempus imperfectum*, а другая такъ называемое Французское и Итальянское *parfait simple* или *narratif absolu* (*je levai—io levai*) и Греческій *ористъ* во всѣхъ наклоненіяхъ. На примѣръ: *ἀνυράς ἀραι* (по Словенски маѣке *vzdigniti*) и *ἀνυράς ἀρειν* (маѣке *vzdigati*). Нѣмецъ долженъ и *ористъ* *ἀραι* и настоящее *ἀρειν* перевести *одинаково*: «die Anker lichten.» Но ии Грекъ не смѣшывалъ *ἀνυράς ἀραι* съ *ἀνυράς ἀρειν*; ии Словенецъ не смѣшавъ: маѣке *vzdigniti* съ маѣке *vzdigati* (смотри Murko. Grammatik, стр. 73,—Kopitar Grammatik, стр. 308 и слѣдующія).

И не смотря на неоспоримыя преимущества нашего языка, Нѣмцы называютъ его самымъ несовершеннымъ и грубымъ, чисто варварскимъ! При этомъ ему ставятъ въ вину германизмы, которые часто слышатся въ городахъ, не принимая въ расчетъ, что эти иностранныя слова и обороты *внесены въ языкъ* столько вѣковъ продолжающимися сношеніями съ Нѣмцами и всевозможными стараніями овѣмечить Словенцевъ. Да и какой же языкъ въ устахъ народа совершенно *свободенъ* отъ всякихъ постороннихъ примѣсей? Самые грубые германизмы, замѣчаетъ весьма справедливо Поточникъ, навязаны намъ живущими среди насъ Нѣмцами и тѣми изъ нашей братьи, которые хвастаютъ своимъ «*германскимъ образованіемъ*». Развѣ испорченную рѣчь простонародья можно брать мѣриломъ, для опредѣленія образовательной способности и достоинствъ языка? Его слѣдуетъ искать въ классическихъ твореніяхъ благороднѣйшихъ представителей народа. Поэтому всѣ упреки, дѣлаемые Словенскому языку, падаютъ *не на него самого*, а только на нашихъ «*Нѣмецкихъ умниковъ*», которые до послѣднихъ годовъ пренебрегали, даже гнушались прекраснымъ языкомъ своей родины. Теперь же, когда по милости императора уничтожены прежнія вѣковыя оковы, нашъ долгъ—ревностно и «*общими силами*» трудиться надъ разработкою своего языка и дальнѣйшимъ его усовершенствованіемъ.

В. XVI вѣкъ.

Отъ очерка Словенскаго языка перехожу къ его литературѣ; начну съ изложенія опытовъ по части грамматики и орфографіи.

Со времени указанныхъ нами древнѣйшихъ памятниковъ до самой половины XVI вѣка, мы не видимъ у Словенцевъ вовсе письменныхъ памятниковъ, чѣмъ вполне оправдывается общепринятое положеніе, что писать на нашемъ языкѣ начали только съ реформаціи въ Крайнѣ (1). Потому я и начинаю прямо съ этого періода.

(1) Правда, Липгартъ утверждалъ, что Словенцы до самаго 16 вѣка продолжали писать глаголицей; но Копитаръ доказалъ, что мнѣніе это опирается

XVI-ый вѣкъ, столь замѣчательный во многихъ отношеніяхъ для Краины, былъ вмѣстѣ и началомъ пробужденія въ ней литературы и науки. Ближайшій поводъ къ ученымъ изслѣдованіямъ подала проникнувшая въ Люблянѣ (Лайбахъ) реформація. Епископъ-князь Люблянскій (Лайбахскій) баронъ Христофоръ фонъ Рауберъ, въ 1531 году, запретилъ канонику *Примусу Труберу* (1) говорить проповѣди; въ слѣдствіе того возникла жаркая борьба, которая привела въ броженіе и напрягла всѣ почти духовныя силы страны. Изъ этой-то борьбы и вышли первые начатки Словенской литературы; ибо до выступленія на поприще Трубера не было ни напечатано, ни написано на Словенскомъ языкѣ ни одного сочиненія; и Труберъ, въ предисловіи ко второму изданію своего перевода Новаго Завѣта (Тюбингенъ, 1582), имѣлъ полное право сказать: « За 34 года не было не только книги, даже письма на нашемъ Виндскомъ языкѣ, ибо всѣ считали Виндскій и Венгерскій языки самыми грубыми и варварскими, и думали, что на нихъ нельзя ни читать, ни писать » (!) (2). Въ 1550 году Труберъ сталъ пробовать писать по Словенски сперва *Нѣмецкими*, а потомъ *Латинскими* буквами, и « начавши, по милости Божіей, убѣдился, что и на нашемъ языкѣ можно писать не хуже, если не лучше, чѣмъ на *Нѣмецкомъ* и другихъ. » По Еврейски Труберъ не зналъ ни буквы, по Гречески читать не умѣлъ; но Словенскій

только « на двухъ, отодранныхъ отъ старыхъ переплетовъ и писанныхъ глаголицею, пергаментныхъ листахъ», находившихся въ библиотекѣ Барона Цойса. « Языкъ ихъ, — говоритъ Копитаръ, — не Краинскій, а общій *всѣмъ* Славянскимъ миссаламъ. » Равно и слова *Далматина*, на которыхъ Ливгартъ ссылается, говорятъ скорѣе *противъ*, чѣмъ *въ пользу* его мнѣнія. (Kopitar. Gram. XXXI).

(1) Онъ родился въ Рацицѣ (Rastica, близъ Ауерсперга, въ Нижней Краинѣ); въ 1508 году, учился въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ, былъ кооператоромъ въ Цилли и потомъ каноникомъ въ Люблянѣ. Въ 1540 году прибылъ пасторомъ въ Лакъ, въ 1547 бѣжалъ въ Германію, въ 1548 женился въ Роттенбургѣ, въ 1552 перешелъ въ Дерендингенъ, а въ 1561 поступилъ пасторомъ въ Урахъ. Въ томъ же году призванъ былъ обратно въ Краину на должность, которая называлась: ständischer Prediger, но въ 1563 году правительствомъ снова былъ изгнанъ, воротился въ Германію и вторично былъ пасторомъ въ Дерендингенѣ, гдѣ и умеръ въ 1556 году.

(2) Schnurrer: « Slawischer Bücherdruck in Württemberg; — Kopitar. Gram. XXXIII ».

языкъ, какъ имъ говорятъ въ Крайнѣ, онъ зналъ въ совершенствѣ, и въ продолженіи 17 лѣтъ говорилъ на немъ проповѣди (въ Нижней Крайнѣ, Штирии, Люблянѣ, Триестѣ); зналъ также порядочно по Латыни, по Нѣмецки и по Итальянски. Въ переводѣ своемъ онъ старался быть понятнымъ для всякаго, и потому избѣгалъ заимствованія словъ изъ другихъ нарѣчій. Онъ надѣялся, что Хорватскіе священники, промышлявшіе въ то время по всѣмъ Словенскимъ землямъ, отиравленіемъ разныхъ церковныхъ требъ, тоже примутъ его алфавитъ и новое правописаніе, и введутъ его у себя дома. Ясно, что онъ имѣлъ въ виду Словенскихъ поселянъ и духовенство, которое большею частію читало только по Латыни и по Нѣмецки. Для достиженія этой двойной цѣли онъ и избралъ вышеупомянутый нами путь: сталъ писать *по Словенски Латинскими буквами*, а для правописанія вездѣ почти принялъ въ основу *Нѣмецкій выговоръ*. Хотя при этомъ Труберъ произношенія иныхъ буквъ вовсе не обозначалъ письменными знаками, а предоставлялъ читающему его угадывать; хотя онъ, вопреки духу Словенскаго языка, предпосылалъ существительному членъ, многія гласныя произносилъ и употреблялъ неправильно, предложенія свои строилъ по образцу Нѣмецкой конструкціи и т. п., но уже одно то, что онъ ввелъ Латинскій алфавитъ и *первый началъ писать на нашемъ языкѣ*, дѣлаетъ его заслугу безсмертною, и ученый Метелко вполне справедливо называетъ его «нашимъ литературнымъ Колумбомъ.» Копитаръ ставитъ ему въ упрекъ «германизмы,» но, по моему, ихъ можно отчасти извинить исключительно «Нѣмецкимъ образованіемъ» Трубера, его сочувствіемъ къ Германіи и его стараніями распространить Германскую реформацію, для которой онъ жилъ и трудился.

Литературная дѣятельность Трубера особенно усилилась, когда онъ изъ Крайны бѣжалъ въ Германію (въ 1547 году). Прибывъ въ Нюренбергъ, онъ нашелъ себѣ единомышленника и друга въ Дитрихѣ и черезъ него въ 1548 году получилъ мѣсто проповѣдника за ранними церковными службами въ Роттенбургѣ. Здѣсь онъ женился, въ 1552 году, перешелъ пасторомъ въ Дерендингенъ (близъ Тюбингена)

а въ 1561 году въ Урахъ. Тутъ онъ на иждивеніе нѣкоторыхъ протестантскихъ князей и дворянъ, перевелъ на Словенскій языкъ разныя духовныя книги и *тѣмъ положи основу Словенской литературы.*

Въ Роттенбургской училищной библіотекѣ есть великолѣпныя изданія слѣдующихъ сочиненій Трубера:

1) Kurze Auslegung der Sonntag- und Festevangeli in Crobatischer Sprache, mit Crobatischen Buchstaben gedruckt. Urach. 1562. in 4-о. (Краткое истолкованіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, на Кробатскомъ языкѣ, Кробатскими буквами).

2) Kurze Auslegung der Evangelien и проч... Urach, 1562 in 4-о.

3) Bekennniss des Glaubens, mit Cirulischen Buchstaben gedruckt, aus dem Lateinischen und Deutschen in die Crobatische Sprache verdolmetscht. Urach. 1562 in 4-о. (Исповѣданіе вѣры, напечатанное Кириллицею, переведенное съ Латинскаго и Нѣмецкаго на Кробатскій языкъ).

4) Die fürnehmsten Hauptartikel Christlicher Lehr mit Cirulischen Buchstaben gedruckt. Urach, 1562 in 4-о. (Главные правила Христіанскаго ученія, напечатанныя Кириллицею).

5) Der erste halbe Theil des Neuen Testaments in die Crobatische Sprache verdollmetscht, und mit glagolitischen Buchstaben gedruckt, so wie auch der zweite Theil, beide zu Urach, 1562. (Первая половина новаго Завѣта, переведенная на Кробатскій языкъ и напечатанная глаголицею, и вторая половина; обѣ въ Урахѣ).

Сверхъ того тамъ же хранятся двѣ рукописи Трубера.

Valvasor (кн. VI. стр. 346) исчисляеть Труберовы сочиненія такъ:

- 1) Евангеліе по Лютеровскому переводу,
- 2) Лютеровъ Катихизисъ,
- 3) Весь Новый Завѣтъ,
- 4) Псалтирь,
- 5) Аугсбургское исповѣданіе,
- 6) Евангелическій церковный уставъ,
- 7) Formula Concordiae, (вмѣстѣ съ докторомъ I. Andreae).

8) Лютеровы проповѣди (postille).

Когда въ 1561 году чины Крайнскіе призвали Трубера обратно въ Люблянѣ и дали ему мѣсто земскаго проповѣдника съ жаловацѣемъ, онъ привезъ съ собой *перваго типографика* Ганса Манделя (Ioannes Manlius, по словенски—Janes Mandelz) и изданные еще въ 1553 году въ Тюбингенѣ Латинскими буквами « на Виндскомъ и Кробатскомъ языкѣ » Новый Завѣтъ, Псалтырь, Евангеліе и Лютеровъ Катихизисъ.

Взглянемъ на эту *первую типографію въ Крайнь*. Сначала Мандель печаталъ только мелкія брошюры, пѣсни, проповѣди, большею частию относившіяся къ главнымъ религіознымъ спорамъ, какъ видно изъ жалобы Епископа Люблинскаго, Петра Фонъ-Зебаха. Изъ этихъ мелкихъ брошюръ, которыя, какъ и вообще всѣ изданія этой типографіи, считаются библиографическими рѣдкостями, до насъ почти ничего не дошло. Библіотека Земскихъ Чиновъ Крайнскихъ при введеніи въ Люблянѣ Іезуитовъ (1595) была передана имъ. Большую ея часть, разумѣется, тотчасъ же сожгли, а остальное погигло вмѣстѣ съ коллегіей ордена отъ огромнаго пожара въ 1774 году. Такимъ образомъ изъ этого періода осталось до насъ только весьма мало литературныхъ памятниковъ. Изъ болѣе объемистыхъ сочиненій, напечатанныхъ Манделемъ, тоже извѣстны намъ весьма не многія; удѣлѣвшія отличаются четкими, красивыми литерами. Видимъ также общеупотребительныя тогда украшенія и политипажки; но привезъ ли онъ для этого своихъ формовщиковъ изъ Германіи, или они уже были въ Люблянѣ, не извѣстно. Мандель впрочемъ оставался въ Люблянѣ, по всей вѣроятности, *не болѣе 18 лѣтъ*, ибо онъ прибылъ сюда въ 1561 году, а послѣдній годъ, выставленный на извѣстныхъ намъ его книгахъ, есть 1579. Всѣ дошедшія до насъ его изданія относятся только къ 1575 — 1579 годамъ, что и побудило Вальвасора сказать, что Мандель прибылъ въ Люблянѣ въ 1575 году. Вѣроятно, за религіозныя мнѣнія его принудили удалиться, а вмѣстѣ съ нимъ прекратилось на цѣлое столѣтіе въ Крайнь и книгопечатаніе (¹). Еще болѣе услугъ, чѣмъ

(¹) Послѣ тщательныхъ розысковъ намъ извѣстны теперь слѣдующія 17.

Манделево заведение, оказали типографин въ Германіи, именно въ *Тюбингенъ* и въ *Виттенсбургъ*; онѣ для этого времени весьма важны. Въ *Тюбингенъ* вышли первыя Словенскія книги подъ фирмою «*Sybenburgen bey Iernei Skuryaniz*» (т. е. у Бартоломея Лерхе) мѣсто и имя, разумѣется, вымышлены. Книги эти Труберъ писалъ *Нѣмецкими* буквами, и притомъ, какъ онъ самъ говоритъ: «книги, выходившія въ Тюбингенъ въ 1550 году, принужденъ былъ прятать и печатать съ большою опасностью, безъ себя, такъ что не могъ

надать Манделевой типографин; впрочемъ, не должно считать ихъ *единственными*, ибо всѣ они относятся къ 1573—1579 годамъ; отъ 1561 же года до 1573, до сихъ поръ еще ничего не отыскано.

1) Joannis Saliceti рѣчь противъ Турокъ (1573).

2) Jesus Sirach, ali njegove bukvice za uje shlahtne ludi etc. (1573).

P. Marcus Pochlin считалъ эту книгу *первою* изъ напечатанныхъ въ Крайшѣ, но очевидно несправедливо.

3) Надгробная рѣчь, говоренная М. Христофоромъ Спиндлеромъ (проповѣдникомъ въ Люблянѣ) при погребеніи Герварта, барона Ауерспергскаго 25 сентября 1573 года. (Этой книги есть экземпляръ у мен.).

4) Herbari Auerspergii etc. rerum domi militiaeque praecclare gestarum descriptio etc. etc. a Georgio Khysel de Kaltenbrun. (1573).

5) Тоже сочиненіе въ Нѣмецкомъ переводѣ Ганса Кратценбахера. . (1573).

(Книга эта находится въ библиотекѣ графовъ Аттемсовъ въ Лусталь (близъ Люблянъ).

6) Passion, to je britku terplenje... etc... переводъ Далматина. (безъ означенія года, вѣроятно 1576-го у Манделя въ Люблянѣ)

7) Passion is uših štirih Evangelistov... etc... Далматина... (1576)

(находится въ императ. придворной библиотекѣ въ Вѣнѣ).

8) Горный уставъ для Крайны... etc., 1577. (въ Лустальской библиотекѣ)

9) Carmo Encomiasticum in nuptias Adami Varonis ab Eck... etc. Тобиаса *Стангелъ* (1577) (въ библиотекѣ Люблянского лицея)

10) Другое стихотвореніе на ту же тему—D—ра *Leonardo Claro*.

11) Kronika sveta znovich zpravljena... трудами Роро Угамезе (каноникомъ въ Загребѣ),—1578. (въ библиотекѣ Люблянского лицея)

12) Postille, to je Keršhanske pridige. (вторичный переводъ Спаненбергскихъ проповѣдей) 1578.

13) Genelogia d. i. eigentliche und wahrhaftige Geburtsbeschreibung und Erzählung des adelichen uralten Geschlechtes deren von Rhein und im Laude Kraiu sesshaften Personen, so diesem wohlerwähnten Geschlechte verwandt, auf's aller kürzeste in Rithmus verfasst; durch Hanns Mannel. 1577 (извѣстно мнѣ только по заглавію).

14) Biblia, to je: Ušega švetiga pišma prvi dejl etc. (переводъ первой части библіи—М. Георга Далматина, 1578.

Предисловіе (на 2 страницѣхъ) обращено къ чинамъ Штирии, Хорутаніи и Крайны, и «ко всѣмъ благочестивымъ Христіанамъ.» Авторъ говоритъ,

ихъ исправить. Подъ псевдонимомъ *Skiryanič* можетъ-быть надо разумѣть типографщика *Морхарта*;—при остальныхъ Тюбингенскихъ изданіяхъ мѣста печатанія не показано вовсе. Въ Виттенбергѣ, достовѣрно извѣстно, напечатаны были 4 Словенскихъ книги:

- a) *Notulae articae etc .. A. Bohorizh.*
- b) Краткій молитвенникъ Г. Далматина.
- c) Виндскій духовный пѣсенникъ (*ta celi catechismus*)
- d) Далматинова библія.

Можно предполагать, что всѣ онѣ вышли изъ типографіи «наследникавъ Ганса Краффта»; но положительно знаемъ это только о послѣдней.

Въ 1562 году Труберъ вторично и навсегда оставилъ Крайну, переѣхавъ жить въ Германію и умеръ пасторомъ въ Дерендингенѣ (въ Вюртенбергѣ) 28 Іюня 1556 года. На чужбинѣ сношенія его съ единовѣрными соотечественниками все еще продолжались; но литературная его дѣятельность уже совсѣмъ почти прекратилась.

Главная его заслуга въ Словенской литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый сталъ писать на нашемъ языкѣ, — ввелъ Латинскія буквы, и устроилъ въ Люблянѣ первую типографію. Такая заслуга, конечно, навсегда упрочить за нимъ благодарную память и почетное мѣсто на страницахъ Исторіи Словенской Литературы.

что считалъ свой переводъ и съ Еврейскимъ текстомъ, чего Труберъ не сдѣлалъ. Словенское предисловіе занимаетъ 7 страницъ. Особенный списокъ объясняетъ Словенскія и взятыя съ Нѣмецкаго слова «далматинскими» — это нарѣчіе въ Труберовское время и называли «Кробатскимъ»; а то, которое мы теперь называемъ Хорватскимъ или Иллирійскимъ, въ то время называлось низовымъ (*niederländisch*), Босняцкимъ или Славонскимъ.

Это Пятиязычье Моисея, по словамъ Добровскаго, весьма рѣдко; доселѣ извѣстны только 2 экземпляра: одинъ въ Вѣнской придворной библиотекѣ, а другой въ Готѣ.

15—17 a) *Joannis Habermanni preces Croaticae. Lublana, 1579.*

b) *Catechismus et hymni per Primum Truberum. — Croaticae — Lublana, 1579.*

c) *Salomonis proverbialia. Ibidem ab eodem.*

Эти три сочиненія Добровскій нашелъ въ каталогѣ Шоттландской коллекціи, вынѣвъ принадлежащей Королю Датскому; болѣе о нихъ ничего не извѣстно.

Что сталося потомъ съ Манделевой типографіей, куда она дѣлась, — ничего положительнаго не знаемъ.

Еще при жизни этого первого основателя Словенской литературы образовалась против него литературная оппозиція, во главѣ которой стояли: помощникъ его по должности, *Себастьянъ Крель* (Krellius) ⁽¹⁾ и *Адамъ Богоричъ*; — *Георгъ-же Далматинъ* ⁽²⁾, судя по его пятикнижию 1578 года, вначалѣ былъ еще «вполнѣ Труберовцемъ» и принялъ другое направленіе уже послѣ.

Крель перевелъ «проповѣди Шпангенберга» (*Spangenberg's postille*); первая часть этого труда явилась въ 1567 году (извѣстна доселѣ только въ одномъ экземплярѣ). Полный же переводъ вышелъ новымъ изданіемъ въ Люблянѣ въ 1578 году. Въ тоже время (1578) Далматинъ перевелъ на Словенскій языкъ Лютерову библию ⁽³⁾. Краинскіе Земскіе Чины положили ее напечатать и поручили Люблянскому типографщику Іоанну Манделю сдѣлать смѣту издержкамъ и заготовить все нужное. Эрцгерцогъ Карлъ узналъ объ этомъ и велѣлъ вице-дому закрыть типографію Манделя. Однако Земскіе Чины не отказались отъ своего намѣренія, и послали переводчика,

(1) Вальвзоръ говоритъ, что Sebastian Crellius (Krell) въ 1563 году сдѣланъ былъ адъюнктомъ Трубера по должности и проповѣдника Краинскихъ чиновъ; — но въ годѣ явилась ошибка, ибо Труберъ выѣхалъ изъ Краины еще въ 1562; слѣдовательно Крель долженъ былъ получить мѣсто раньше, вѣроятно, въ началѣ 1562 года. Онъ умеръ Суперъ-интендентомъ въ Люблянѣ въ 1569.

(2) Многие ошибочно думаютъ, будто Далматинъ носилъ въ насмѣшку прозвище «Jurj Kobila». Прозвище это получалъ не онъ, а другой протестантскій проповѣдникъ *Георгъ Ершичъ*, котораго, говорятъ, одинъ «господиный» на пирушкѣ привлекъ въ протестантскую вѣру обѣщаніемъ подарить кобылу. (Вальвзоръ, VII книга, стр. 434) — Jurj по словенски *Георгъ*. Вѣроятно, это имя и дало поводъ къ смѣшенію.

(3) «Краинскіе Земскіе Чины» (*die Krainische Landschaft*) составляли: наследственные чины дворянства, земскій капитанъ (*Landeshauptmann*), *Landesverweser*, *Landesverwalter*, *Landesvicedom*, «коллегія депутатовъ отъ духовенства, дворянъ и рыцарей, и главный сборщикъ податей (объ этомъ умевя сказано въ «Архивъ» I, 81). — Въ 1747 году *Landschaft* было преобразовано въ *Landes Representation* съ весьма ограниченными кругомъ дѣятельности. Это «представительство» въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда Крайна снова подпала подъ власть Австріи, — возобновилось въ «краинскихъ земскихъ чинахъ» *Krainische Landstände*, или просто *Stände*, дѣятельность и вліяніе которыхъ въ высшей степени незначительны, почти ничтожны.

магистра *Далматина* въ Градецъ (Грацъ) дабы тамъ занялся напечатаніемъ, корректурою и пересмотромъ библии.

Земскіе Чины Штирін и Хорутанія съ этимъ планомъ были не совсѣмъ согласны, и предложили *поручить напередъ разсмотрѣніе Далматинова перевода коммисіи изъ знающихъ языкъ богослововъ*. Предложеніе было принято, и депутаты собрались въ Люблянѣ 24 августа, 1581 года. Они были:

отъ Штирін: д-ръ *Іереміа Гамбургеръ*, суперъ-интендентъ въ Градцѣ,

отъ Хорутаніи: *Бернардъ Штейнеръ*, пасторъ въ Целовцѣ (Клагенфуртѣ),

отъ Краины: *Магистръ Георгъ Далматинъ*, (1) *Христофоръ Спидлеръ*, суперъ-интендентъ въ Люблянѣ,

Адамъ Богоричъ, ректоръ училища въ Люблянѣ.

Іоаннъ Швейгеръ.

Фелиціанъ Труберъ (сынъ Примуса), евангелическій проповѣдникъ въ Люблянѣ (2).

(1) Въ архивѣ Люблянскаго соборнаго капитула въ 1824 году найденъ собственноручно веденный *Далматиномъ* и его сотрудниками списокъ окрещенныхъ (1578—1596), бракосочетавшихся (1578—1597), причастникамъ (1578—1593) и погребеннымъ (1578—1589). Этотъ рукописный листовникъ (фоліантъ) содержитъ въ себѣ много важныхъ для исторіи замѣтокъ. На страницѣ 327-ой читаемъ: Въ послѣдній день августа (1589 года) около полудня преславился достопочтенный и высокоученый господинъ магистръ *Георгій Далматинъ*, христіанскій проповѣдникъ земскихъ чиновъ и пасторъ церкви Св. Кантіана въ Ауерспергѣ, и 1-го Сентября погребенъ съ честію при храмѣ Св. Петра (въ Люблянѣ), при чемъ надгробное слово ему въ госпитальной церкви говорилъ я, Введеніиъ Пиротеръ.» На страницѣ 224 въ вѣдѣльномъ спискѣ читаемъ: Дом: quinquagesima я, *Кумпретъ*, въ домѣ госпожи вдовы *Варвары Далматинъ*, повѣчалъ *Матвѣя Вальнита* съ служанкой означенной госпожи, *Марушей*, — «1591 года.» — Въ числѣ умершихъ встрѣчаемъ двухъ сыновей Далматина: *Іоанна*, 9 лѣтъ, умершаго 28 Мая, 1584 года, и *Марка*, 2½ лѣтъ, умершаго 16 Іюля, 1587. Кромѣ того въ числѣ окрещенныхъ и умершихъ находимъ и нѣсколько дочерей его. — Откуда былъ родомъ Далматинъ, изъ этого списка не видно; но въ библиолектѣ Люблянскаго лицея есть Греко-Латинскій словарь съ слѣдующей собственноручной его замѣткой: *Ex libris Georgij Dalmatini Gurfeldtanti*. 1566. — Стало быть онъ родился въ Гуркфельдѣ (въ *Нижней-Краинѣ*). Годъ его рожденія мы не извѣстны.

(2) Фелиціанъ Труберъ въ 1598 году привезъ въ Краину Formula Concordiae и получилъ мѣсто евангелическаго проповѣдника въ Люблянѣ.

Этотъ съѣздъ Славянскихъ филологовъ имѣлъ огромное значеніе для развитія Словенскаго языка, и между прочимъ послужилъ ближайшимъ поводомъ къ появленію *первой Словенской грамматики*, составленной другомъ и сотрудникомъ Далматина, Адамомъ Богоричемъ: къ сожалѣнію, мы о немъ почти ничего не знаемъ; извѣстно только, что онъ родился въ Нижней Крайнѣ.

Далматинъ и по глубинѣ, и по объему своей филологической учености былъ гораздо выше Трубера; притомъ Труберъ главнымъ образомъ искалъ себѣ опоры и помощи въ языкѣ *Нѣмецкомъ*, и отъ того ввелъ многіе барбаризмы, совершенно противные духу не только нашего, но и всѣхъ вообще Славянскихъ языковъ; Далматинъ же обращался за помощію къ сосѣднимъ *Славянскимъ* нарѣчіямъ, отъ чего хотя являлись барбаризмы, но по крайней мѣрѣ они уже не оскорбляли общаго духа Славянской рѣчи. Впрочемъ и Далматинъ еще не могъ вполне избавиться отъ германизмовъ. Въ правописаніи онъ сдѣлалъ весьма важное усовершенствованіе, въ началѣ словъ различивъ мягкое и твердое *s*; первое сталъ писать онъ черезъ *s*, второе черезъ *š*. Но для *sh* онъ такого же различія не сдѣлалъ (теперь мы мягкое пишемъ черезъ *ž*, а твердое черезъ *š*, подобно тому, какъ у французовъ *j* и *ch*).— Вообще видимъ у Далматина правописаніе болѣе правильное и языкъ болѣе близкій къ другимъ Южно-Славянскимъ нарѣчіямъ, который онъ называетъ «правильнымъ Словенскимъ языкомъ (*pravi slovenski jezik*)», — показывая тѣмъ, что онъ не одобряетъ слишкомъ мѣстнаго и испорченнаго германизмами произношенія Труберова. Труберъ въ своихъ сочиненіяхъ имѣлъ въ виду интересъ не языка, а только реформации; Далматинъ же писалъ и «для возвышенія самаго зыка.» Отъ того у него уже въ проповѣдяхъ (*Postille*) видимъ слова и обороты, которыхъ у Трубера нѣтъ, но которые встрѣчаются въ Древне-Славянскомъ языкѣ; ибо Труберъ «оставался при одномъ простомъ Словенскомъ языкѣ, какъ имъ говорятъ въ его родинѣ въ Рацшицѣ (въ Нижней Крайнѣ) и не хотѣлъ ни принимать менѣе употребительныхъ Кробатскихъ словъ, ни образовывать новыхъ.»

Когда названные нами богословы и филологи одобрили

наконецъ Далматиновъ переводъ Лютеровой библіи, то чины Краинскіе послали Далматина и Богорича съ рекомендательнымъ письмомъ къ курфирсту Саксонскому въ Виттенбергъ (10 Апрѣля, 1583 года). Прибывъ туда, депутаты заключили съ книгопродавцемъ *Самуиломъ Зельфишемъ* такого рода условіе, что онъ напечатаетъ 1500 экземпляровъ, каждый на 280 средней величины листахъ, красивымъ шрифтомъ и съ подлежащими фигурами, а Земскіе Краинскіе Чины за каждую кипу въ 5000 листовъ заплатятъ ему по 20 гульденовъ. Печатаніе началось 28 Мая того же года и кончилось въ шесть мѣсяцевъ. 1 Января, 1584 года вышла эта замѣчательная книга подъ заглавіемъ:

Biblia, tu je, uſe svetu pismu, ſtariga inu'noviga testamenta, slovenski tolmazhena ſkusi Juria Dalmatina.

(Библия, т. е. все Священное писаніе Ветхаго и Новаго Заветовъ, переведенная на Словенскій языкъ Георгомъ Далматиномъ). — «Печатана въ городѣ курфирста Саксонскаго, Виттенбергъ, наследниками Ганса Краффта. А. MDLXXXIII.» Переводчикъ посвятилъ свой трудъ «тремъ землямъ: Штирии, Хорутани и Крайнъ.» Изданіе отправлено было связками въ бочкахъ до Лейпцига на счетъ книгопродавца, а оттуда въ Люблянѣ на счетъ Краинскихъ Земскихъ Чиновъ. Потомъ, по приказанію Краинскихъ чиновъ, Далматинъ и Богоричъ поѣхали изъ Виттенберга въ Дрезденъ передать признательность Земскихъ Чиновъ за оказанную помощь, и поднесли курфирсту 6 великолѣпно отдѣланныхъ экземпляровъ, на что тотъ отвѣчалъ «весьма вѣжливымъ письмомъ,» въ которомъ благодарилъ Краинскихъ чиновъ Аугсбургскаго исповѣданія за вниманіе.

Всѣ издержки изданія равнялись 8000 гульденовъ; изъ нихъ Штирское земство дало 1000, Хорутанское 900, — за что имъ уступлено извѣстное число экземпляровъ; а остальные 6100 заплатили Краинцы.

И упомянулъ уже, что съѣздъ филологовъ въ Люблянѣ 1581 года послужилъ ближайшимъ поводомъ къ появленію *первой Словенской грамматики*. Бывшія въ началѣ, двѣ различныхъ системы письма (Труберова и Далматинова) не-

обходимо вели къ грамматическимъ изслѣдованіямъ, и въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто занялъ ученый ректоръ Люблин-ской школы, *Адамъ Богоричъ*. Великій славянинъ Копитаръ отозвался о немъ такъ: «Адамъ Богоричъ, ученикъ величайшаго изъ гуманистовъ и самаго кроткаго изъ реформаторовъ, Филиппа Меланхтона, былъ третьимъ современникомъ и двигателемъ зараждавшейся Краинской литературы. Онъ вполне исправилъ всѣ бывшіе до него недостатки элементарной орфографіи; но въ орфографіи грамматической шелъ болѣе по стопамъ германиста Трубера, чѣмъ далматиста Далматина,—или потому, что самъ былъ родомъ изъ Нижней Краины, или же потому, что хотѣлъ угодить Труберу;—ибо *духъ языка*, конечно, уже былъ несравненно *болѣе на сторону Далматина*. Грамматика Богорича вышла подъ заглавіемъ: «*Arcticae Horulae successive de Latino-Carniolana litteratura, ad Latinae Linguae analogiam accommodata, unde Moschoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae, Lusaticae Linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Wittenbergae, Anno MDLXXXIII.*»

Должно быть, она не получила большой извѣстности; это видно по безграмотности Словенскихъ писателей слѣдующаго столѣтія, у которыхъ не находимъ и слѣдовъ знакомства съ нею; всѣ они говорятъ только «*de antiquis libris Carniolicis et Slavicis,*» разумѣя подъ ними библію Далматина. Разсматривая алфавитъ Богорича, видимъ, что *всѣ* существенно нужныя буквы Кириллицы *вполнѣ* замѣнены у него частію простыми Латинскими буквами, частію же различными ихъ сочетаніями. — Изучая глубже его грамматику, я пришелъ къ слѣдующему выводу, которымъ, въ моихъ глазахъ, и опредѣляется главное его значеніе,—а именно: Богоричъ оказалъ великую услугу тѣмъ, что *восполнилъ* всѣ недостатки элементарной орфографіи Трубера и Далматина: различилъ *ſ* и *s*, *sch* и *sch* и *i* и *j*, и *v*, *e* и *é*, и установилъ *опредѣленные законы* ихъ употребленія. Но къ сожалѣнію видимъ также, что онъ не захотѣлъ итти по новому, истинному пути, проложенному въ 1578 году переводчикомъ Далматинномъ и состоявшему, какъ уже извѣстно, въ томъ, чтобы сблизить Словенскій языкъ съ другими,

родственными ему, *Славянскими* нарѣчіями, и источникъ для его обогащенія искать *въ нихъ*, а не въ языкѣ Нѣмецкомъ. Мало того—онъ даже старался отвлечь отъ этого пути и самого Далматина ⁽¹⁾, при переводѣ библіи въ 1584 года.

Копитаръ извиняетъ въ Богоричѣ это *пристрастіе къ германизмамъ*. Замѣчательныя слова его, какъ нельзя лучше, высказываютъ общую задушевную мысль всѣхъ южныхъ Славянъ, и потому выписываю ихъ цѣликомъ. Онъ говоритъ въ своей грамматикѣ, на страницѣ 53: « Упрекъ въ употребленіи *безъ нужды* германизмовъ, какъ въ *отдѣльныхъ* словахъ, такъ и въ *синтаксисъ*, падаетъ болѣе или менѣе на всѣхъ нашихъ писателей. Чтобы, если не извинить, то, по крайней мѣрѣ, объяснить это грустное явленіе, поставьте себя на мѣсто Краинскаго писателя. На осьмомъ, или на десятомъ, году возраста онъ уже покидаетъ Славянскій отчій кровъ и воспитывается въ Нѣмецкомъ городѣ, Нѣмецкими учителями, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы быть потомъ слугою Нѣмецкаго правительства. Ребенокъ и безъ того еще не успѣлъ выучиться родному языку; а тутъ онъ долженъ нарочно стараться забыть его, чтобы приобрести благосклонность « царицы Тевтоны. » Въ этихъ школахъ онъ совсѣмъ онѣмечивается, и потому можно почти извинить, если онъ радъ, что у него въ Нѣмецкомъ сочиненіи нѣтъ ни одного Краинскаго слова, и вовсе не чуетъ, что есть также и Краинскій синтаксисъ. » Слова эти рѣзки, но, къ сожалѣнію, весьма справедливы, и только въ послѣдніе годы началось болѣе строгое и систематическое изученіе нашего языка. Не смотря на указанные нами недостатки, « все таки же блестящимъ доказательствомъ въ пользу счастливой природы аналогическаго строя и далеко уже подвинувшейся обработанности нашего языка остается то, что въ *тридцать лѣтъ* три человѣка успѣли сдѣлать его вполне грамматически правильнымъ, такъ что языкъ Далматиновой библіи и черезъ 200 лѣтъ еще нисколько не устарѣлъ. » Впрочемъ тотъ же писатель (*Копитаръ*) въ другомъ мѣстѣ выражается

(1) *Kopitar, Grammatik. 52 — 54.*

не вполне согласно съ этимъ отзывомъ. «Труберъ, Далматинъ и Богоричъ,» говоритъ онъ, «принадлежали къ религіозной партіи, подавленной въ здѣшной странѣ мощною волею Фердинанда II-го. Писателями Краинскими сдѣлалъ ихъ духъ религіознаго фанатизма (зелотизма); а отъ этого злаго духа бѣгутъ свободныя Музы. Первымъ отсюда слѣдствіемъ было то, что пренебреженныя Музы отмстили за себя барбаризмами; а вторымъ, что ненависть, гнавшая протестантскую партію, постигла и ея сочиненія».

Труды этихъ трехъ, названныхъ нами, писателей, которые, при первомъ своемъ появленіи, тотчасъ стали отличатся грамматической правильностью и послѣдовательностью, составляютъ основу Словенской литературы.

Разсматривая этотъ періодъ, видимъ, что духовный обмѣнъ и литературное товарищество съ Германіей, хотя пробудили у Словенцевъ всѣ стороны умственной жизни, по вмѣстѣ имѣли и ту невыгоду, что развитіе съ самаго начала стало не народнымъ, а чужеземнымъ. Съ этого-то времени и слѣдуетъ главнымъ образомъ считать начало въ Крайнѣ преобладающаго вліянія Германскаго элемента надъ Славянскимъ, которое, мѣняясь, но не слабѣя, продолжается во всю послѣдующую исторію. Появленіе у насъ Нѣмецкой стихіи и постепенное вытѣсненіе ею родной, Славянской, — главною своею причиною имѣють, можетъ быть, именно этотъ первый научный дебютъ Краины въ XVI вѣкѣ и необходимый тогда литературный размѣнъ съ Германіей.

Далѣе, изъ разсмотрѣнія того же періода видимъ еще слѣдующее. Часто говорятъ, что вся почти Словенская литература вплоть до настоящаго столѣтія состояла только изъ однихъ молитвенниковъ и другихъ книгъ церковнаго содержанія. Это истина неоспоримая, и за объясненіемъ ея, по моему, тоже итти не далеко. Первые произведенія отечественнаго языка были, какъ уже извѣстно, церковнаго содержанія, причина появленія ихъ была тоже церковная; большинство народа еще не ощущало потребности въ собственно литературныхъ произведеніяхъ, чему довольно доказательствъ видимъ и теперь. Къ тому же особый интересъ къ вопросамъ религіи есть главная черта въ

характеръ не только Словенцевъ, но и всѣхъ остальныхъ ихъ соплеменниковъ, у которыхъ пустое доктринерство и философскія утопіи еще не успѣли притупить и задушить природнаго, мощнаго религіознаго чувства. Эти духовныя книги на родномъ языкѣ, распространенныя въ нашемъ народѣ столько столѣтій, глубоко вкоренили въ немъ нравственность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ же положили прочную основу и для отечественной литературы; ибо низшій классъ началъ читать, теперь читаетъ уже больше и охотнѣе, чѣмъ прежде, и можетъ идти все далѣе по этому пути.

Рядомъ съ Труберомъ, Крелемъ, Далматиномъ и Богоричемъ, *основателями* и отцами нашей литературы, какъ самый ревностный ея *двигатель*, заслуживаетъ почетнаго мѣста и признательной памяти *Гансъ баронъ фонъ Уннадъ*. Религіозныя распри заставили его изъ Штирии переселиться въ Вюртембергъ, и онъ основалъ въ Урахѣ Славянскую типографію. И не стану здѣсь описывать всей жизни этого энергичскаго человѣка, а покажу только отношеніе его къ возникающей Словенской литературѣ.

Чѣмъ столѣтіемъ раньше Лоренцо Медичи былъ для оставшагося еще у иныхъ въ пренебреженіи языка простонароднаго (итальянскаго), тѣмъ же самымъ Уннадъ былъ для Словенскаго; но только за нимъ не послѣдовало мецената, Льва X, а напротивъ причина, которая породила нашу литературу, сама же породила и гоненія на нее: преслѣдуя идеи, которыхъ она была представительницею, распространили преслѣдованіе и на самый языкъ. Уннадъ помогалъ Словенскому книгопечатанію въ Урахѣ значительными суммами. Теперь уже дѣло шло не о томъ только, чтобы посѣять и укоренить протестантизмъ между «собственно Виндами», но чтобы обратить въ него также и Хорватовъ, Далматовъ и всѣхъ Славянъ до самаго Константинополя. Для этой цѣли составилось въ Вюртембергѣ нѣчто въ родѣ Славянскаго библейскаго общества, во главѣ котораго стояли Труберъ и нѣкто Стефанъ Консулъ, родомъ изъ Пингвента въ Истріи. Послѣдній, подобно Труберу, за отступленіе отъ католицизма, долженъ былъ оставить Австрійскія владѣнія и жилъ въ Германіи тѣмъ, что говорилъ проповѣди и держалъ

школу. По совѣту Трубера, предпринялъ онъ переписать его «Виндскую» (Словенскую) библию по «Кробатски» (глаголицею). Окончивши эту работу, отправился онъ обратно въ Крайну, и въ 1559 году въ Метликѣ (въ Нижней Крайнѣ) представилъ свою рукопись на судъ знатокамъ, которые всѣ единогласно объявили, что такая библия принесла бы «великую пользу» не только «Кробатамъ», но и всѣмъ Славянамъ по Адриатическому побережью, въ Босніи, въ Сербіи «до самаго Константинополя»; что *изъ глаголицы* ее легко переписать *кириллицей*;—и что такимъ образомъ всѣ южные Славяне могли бы достигнуть «спасительнаго званія Св. Писанія.» Потому, по убѣжденію *Уинада, Консул.*, у котораго въ Регенсбургѣ въ Баваріи были жена и дѣти, въ 1560 году поспѣшилъ въ Нюренбергъ, чтобы заказать здѣсь глагольскія литеры. Цѣльы провинціи жертвовали на это предпріятіе (1).

Когда шрифтъ былъ готовъ, разослали изъ Нюренберга 200 экземпляровъ пробныхъ оттисковъ въ Люблянѣ Вѣну и другія мѣста на разсмотрѣніе. Отзвывы отовсюду получены одобрительные, и потому Консулъ отправилъ новый шрифтъ въ Урахъ къ Уингаду, а тотъ переслалъ его тотчасъ въ типографію Морханта въ Тюбингенъ; *Консулу* же съ этого времени положено 170 гульденовъ ежегоднаго жалованья.

Другой славянистъ, призванный въ Вюртембергъ, былъ *Anton, ab Alexandro Dalmatin*, духовнаго званія изъ Верхней Крайны. Этотъ зналъ не только Словенскій языкъ гораздо лучше Трубера, но, кажется, также былъ силенъ и въ Хорватскомъ. Онъ выѣхалъ изъ Любляны съ однимъ изъ гражданъ 3 Февраля, 1561 года, завернулъ на время въ Кемптенъ (въ Баваріи) къ Труберу и прибылъ въ Урахъ къ Уингаду. Его опредѣлили въ помощники къ Консулу, дали ему, такъ какъ онъ былъ не женатъ, полное содержаніе на счетъ герцогской стипендіи и 30 гульденовъ въ годъ жалованья. Онъ былъ человекъ тихій, спокойный и уживчивый. Общими силами приступлено было теперь къ изго-

(1) Австрія, выше и ниже Энса, пожертвовала 208 гульденовъ, разныя частыя лица въ Нюренбергѣ 71 гульденъ.

товленію кирилловскаго штрифта. Выписанъ былъ изъ Нюренберга въ Урахъ рѣзчикъ, и подъ надзоромъ и руководствомъ Консула и Далматина работа пошла такъ успѣшно, что къ лѣту того же года штрифтъ и пробный оттискъ были уже готовы и можно было завести въ Урахъ также и *Кирилловскую типографію*.

Подозрѣніе, распространившееся на счетъ Трубера, будто онъ не вполне держится *Аугсбургскаго исповѣданія*, а сочувствуетъ заблужденіямъ Цвингли, Кальвина и даже Швенкфельда, вѣроятно, побудило его написать въ защиту себя апологію. А именно, въ 1561 году онъ издалъ въ Тюбингенѣ каталогъ всѣхъ написанныхъ имъ славянскихъ книгъ съ предисловіемъ къ Унгнаду (*de dato Ugach 1-go Юня, 1561 г.*), всего около трехъ печатныхъ листовъ, и послалъ его, вмѣстѣ съ переплетенными экземплярами всѣхъ своихъ славянскихъ сочиненій, къ герцогу Вюртембергскому Христофору. При этомъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду также заискать благосклонность и помощь князей и знатнаго дворянства въ пользу Славянскаго книгопечатанія.

Вмѣстѣ съ покровительствомъ герцога Христофора, отъ щедротъ котораго Славянскіе «переводчики», ихъ жены и дѣти во все время получали готовую квартиру и содержаніе, Труберъ особенно восхваляетъ ревностныя и энергическія старанія Унгнада. «Мы, переводчики, всенародно признаемъ, что если бы ваша милость (г. Унгнадъ) не поддерживали насъ столь вѣрно, христіански и рачительно, съ такимъ постоянствомъ и твердостью, своими высокими увѣщаніями, понужденіями, утѣшеніями, одобреніями, щедрюю готовностью, предупредительностью и споспѣшествованіемъ, а также письмами, счетами и разсылками гонцевъ; то у насъ доселѣ не было бы ни пристанища, ни хлѣба, а вмѣстѣ не было бы и Кробатскаго книгопечатанія». Возникшія съ прибытія Унгнада въ Урахъ заведенія частію были устроены на счетъ самого Унгнада, частію же издержки ихъ старались покрыть добровольными вкладами разныхъ лицъ, особливо Нѣмецкихъ князей.

Труберъ принималъ Славянское книгопечатаніе въ Урахъ горячо къ сердцу и чувствовалъ, что оно безъ его присут-

ствія обойтись не можетъ. Притомъ же онъ полагалъ, что и для самого его надежнѣе пристроиться въ Вюртембергъ, чѣмъ оставаться «проповѣдникомъ Краинскихъ Земскихъ Чиновъ» Потому онъ, какъ я уже сказалъ, вторично оставилъ Крайну. На этотъ разъ онъ взялъ съ собою для кирилловскихъ книгъ двухъ ускоковъ (священниковъ Греческой вѣры); одинъ изъ нихъ «огромнаго роста», былъ *Матвій Поповичъ* (Mathes Popowich) изъ Сербіи, другой *Иванъ Малешевацъ* (Iwan Maleshevac) изъ Босніи. Труберъ и они, съ двумя вѣстовыми и еще однимъ молодымъ человѣкомъ, поѣхавшимъ учиться типографскому искусству, отправились на четырехъ лошадахъ и ослѣ, который несъ книги ускоковъ и маленькаго Турченка. Въ 20 дней странный караванъ этотъ прѣхалъ изъ Люблины черезъ Тироль въ Урахъ. Ускоки во все пребываніе свое получали содержаніе единственно на счетъ Унгнада и, вѣроятно, стоили ему не дешево (1). Черезъ 21 недѣлю ихъ опять отослали назадъ въ Крайну. Ихъ провожалъ нѣкто *Георгъ Цельвичъ*, который перевелъ на Хорватскій языкъ посланіе А. Павла и вѣхалъ на родину отдать свою рукопись на просмотръ; но самъ онъ еще въ томъ же (1562) году опять возвратился въ Урахъ. Въ этомъ году прибылъ также въ Урахъ изъ Крайны пасторъ *Георгъ Ерешичъ* (смотри о немъ выше). Его привезли туда и обратно на свой счетъ, и сверхъ того, дали ему, за время отъ Іюля 1562 года до 1563, 100 гульденовъ жалованья.

Изъ всѣхъ этихъ частныхъ видно, что дѣло *Славянскаго перевода библіи и глагольскаго и кирилловскаго книгопечатанія* было задумано широко и велось усердно. Издержки на него, должно быть, тоже были немаловажныя, ибо, хотя императоръ Максимиліанъ II далъ 400 гульденовъ, а герцогъ Христофоръ, кромѣ другихъ льготъ, обѣщался давать по

(1) Ихъ приходилось содержать особенно, по обычаямъ ихъ родины. Маса они не ѣли, одну только рыбу и т. под.; но за то, долговязкій ускокскій поппъ одинъ въ Кемптенѣ въ теченіе 2-хъ дней (16 и 17 Сентября) выпилъ *двадцать кружекъ (Massz) вина*, а въ Меммингенѣ *вина сонъ грядущій» одиннадцать* такихъ же *кружекъ пива!* Извѣстно, что умѣренность и до сихъ поръ не составляетъ добродѣтели ускоковъ.

300 ежегодно; однако же Унгнадъ принужденъ былъ еще просить пожертвованій, и для этого во всѣ стороны разсылать съ своимъ конюшимъ экземпляры напечатанныхъ Славянскихъ книгъ (въ Кассель, Веймаръ, Бернбургъ, Дессау, Дрезденъ, Берлинъ, Кюстринъ, Штеттинъ, даже до самаго Кенигсберга). Присланы были богатые вклады (1) и все же таки Унгнаду, при расчетѣ за первый годъ, пришлось еще приплатить своихъ 1078 гульденовъ.

На второй годъ, кромѣ обычныхъ 300 гульденовъ герцога Христофора, поступило только 50 гульденовъ отъ Фридриха Пфальцкаго, и Унгнаду приходилось доплачивать 3000 гульденовъ. Но тогда послали Стефана Консула съ длиннымъ прошеніемъ и съ цѣлымъ возомъ Славянскихъ книгъ во всѣ евангелическіе города. Посольство это имѣло желанный успѣхъ, и присланы были значительные вклады (2).

(1) Ланграфъ Гессенъ Кассельскій Филиппъ прислалъ 200 талеровъ	
Вольгангъ Князь Ангальтскій	« 30. »
другой Князь Ангальтскій Іоакимъ	« 12. »
Курфюрстъ Саксонскій Августъ	« 200. »
Іоаннъ Маркграфъ Бранденбургскій (Кюстринскій)	« 100. »
Адбрехтъ Старшій или Благодушный, Герцогъ Прусскій	« 100. «

Послѣдній сверхъ того прислалъ барону Унгнаду «своему старинному знакомому» въ подарокъ своего коня.

И такъ счетъ типографскимъ издержкамъ за этотъ первый годъ будетъ приблизительно слѣдующій:

отъ императора Максимилиана II	400 гульденовъ.
отъ герцога Христофора	300. «
отъ князей — 642 талера или	1284. »
	<hr/>
	1984. »
своихъ добавлено Унгнадомъ	1078. »

всего 3062 гульдена.

(2) Изъ Страсбурга	43 гульденовъ.
— Нюрнберга	400 »
— Ульма	300 »
— Франкфурга	200 »
— Рейтлингена	30 »
— Регенсбурга	54 »
— Ротенбурга	100 »
— Меммингена	100 »

Въ типографіи Унгнада напечатано было слѣдующее:

а) *Глаголицю*:

200 экземпляровъ пробныхъ листовъ.

2000. азбуки.

2000. катихизиса.

2000. первой части Новаго Завѣта.

1000. , второй части Новаго Завѣта.

1000. Loci communes.

1000. Аугсбургскаго символа.

1000. postille (проповѣди).

1000. проповѣдей Гагеля.

500. Beneficium Christi.

400. церковнаго устава.

б) *Кириллицю*.

300 экземпляровъ Пробныхъ листовъ:

2000. азбуки,

2000. катихизиса,

1000. Новаго Завѣта.

1000. Loci communes

1000. Аугсбургскаго символа.

1000. postille.

с) *Латинскими буквами на словенскомъ языкѣ:*

1000 экземпляровъ Аугсбургскаго символа.

500. апологій Аугсбургскаго символа.

1000. Лютерова катихизиса.

500. 51-го и 130-го псалмовъ.

500. methodus doctrinae ecclesiae Magdeburgensis.

— Кемптона	62	гульд.
— Линцау	68	»
— Кауфбейерна	43	»
— Аугсбурга	247	»
отъ императора Максимилиана вновь	200	»
— Ландграфа Филиппа	200	»

Итого 2439. »

Прибавивъ къ этимъ 2439 прежніе. 350. »

видимъ, что всего поступило за 1363 годъ по

жертвованій. 2809 гульденовъ.

д.) *Латинскими-же буквами на Хорватскомъ языкѣ.*

400. экземпляровъ Аугсбургскаго символа.

400. апологіи.

400. церковнаго устава.

400. Лютерова катихизиса.

Не смотря на всѣ усилія переводчиковъ библіи, на щедрость Нѣмецкихъ князей и городовъ, не смотря на то, что въ началѣ ввозъ этихъ книгъ въ Австрійскія области, особливо въ Вѣну, и черезъ Виллахъ въ Люблину былъ совершенно безпрепятствененъ, (1) сбытъ ихъ далеко не оправдалъ ожиданія распространителей реформаціи. По окончательному разсчету оказалось, что, при всѣхъ пожертвованіяхъ, Унгваль все еще не получилъ изъ затраченныхъ имъ денегъ 2445 талеровъ. Одною изъ причинъ такой неудачи могло быть и то, что, на примѣръ, для «Хробатовъ» стали печатать книги прежде, чѣмъ тѣ выучились читать. — Но отъ этихъ убытковъ горячность ревнителей Словенской библіи нисколько не охладѣла; напротивъ Унгнадъ хотѣлъ идти еще дальше и напечатать библію также и для *Итальянцевъ*, чтобы снабдить ею все Адриатическое приморье и даже самую Италію. Дѣйствительно Стефанъ Консулъ лѣтомъ 1564 года отправился съ грузомъ Итальянскихъ книгъ въ Базель, чтобы переслать ихъ оттуда въ Италію. Но герцогъ Христофоръ воспротивился этому предпріятію, ибо оно вовлекло бы въ большія издержки, и притомъ не было такихъ знатоковъ Итальянскаго языка, чтобы можно было поручиться за правильность перевода. Даже самъ Труберъ не раздѣлялъ такой необдуманной горячности; онъ весьма основательно боялся, что огромныя издержки могутъ наскучить герцогу, а притомъ отъ свѣдущихъ людей въ Люблинѣ узналъ, что въ Глагольскомъ переводѣ есть ошибки. Но Унгнадъ непремѣнно хотѣлъ дать «Хробатамъ» *всю библію*, а именно и Ветхій Заветъ. Далматъ *Леонардъ Мергаричъ* (Merharič) уже положилъ начало тому переводомъ пророка Исаи. Между тѣмъ, въ Сентябрѣ 1564 года Унгнадъ поѣхалъ въ Чехію (Боге-

(1) Труберъ самъ писалъ изъ Люблина: «до сихъ поръ нечего бояться что у насъ отвинутъ книги».

мию) навѣстить свою сестру, вдовствующую графиню Шликъ, и здѣсь, послѣ непродолжительной болѣзни, 27-го Декабря 1564 г., умеръ. Уже на смертномъ одрѣ онъ поручилъ своей плачущей супругѣ Словенское книгопечатаніе и прерывающимся голосомъ прибавилъ: « это мое истинное сокровище ». Тѣло его было перевезено въ Тюбингенъ и предано землѣ въ тамошнемъ соборѣ. Для Славянскихъ литераторовъ смерть его была самымъ жестокимъ ударомъ. Историкъ же литературы долженъ помянуть его имя съ величайшей признательностію: *Узнавъ былъ меценатомъ Словенцевъ въ XVI вѣкѣ, былъ крѣпкимъ дубомъ, въ кругъ котораго обвилась юная лоза Словенской литературы; вскорѣ она была подкошена, и только черезъ два столѣтія корень ея могъ дать отпрыски и цвѣты. О томъ въ слѣдующей статьѣ.*

Д—ръ Клузь.

Лихтенштейгъ,
въ Швейцаріи.

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМЪ И ОТРИЦАТЕЛЬНОМЪ ОТНОШЕНІИ

БЪ ЖИЗНИ

ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

Статья первая.

Всякому, кто знаетъ исторію нашей преимущественно повѣствовательной литературы, извѣстно, до какой степени скудна она положительнымъ или идеальнымъ воспроизведеніемъ народнаго быта, т. е. изображеніями лучшей, свѣтлой стороны Русской жизни. Нельзя конечно было ожидать и требовать отъ Русскихъ писателей такихъ изображеній, когда наша литература носила чисто подражательный характеръ. Но и съ того времени, какъ писатели наши обратились къ народной жизни и открыли въ ней богатое содержаніе для художественныхъ созданій, имъ до сихъ поръ удавалось схватывать и изображать только дурныя, темныя стороны Русскаго человѣка, такъ называемыя отрицательныя явленія Русской жизни. Безспорно, сатирическій родъ искусства составляетъ не только главное, но, къ сожалѣнію, едва ли не единственное богатство Русской литературы. Въ этомъ родѣ мы имѣемъ много превосходно очерченныхъ типовъ нашего общества, имѣемъ цѣлыя высоко-художественныя произведенія. Но почти нѣтъ у насъ такихъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ бы мы могли взглянуть на Русскую жизнь: и съ полнымъ безпристрастіемъ, — не преувеличивая, ради эстетическаго наслажденія и патріотическаго чувства, ея хорошихъ сторонъ, и не скрывая дурныхъ; и съ полнымъ сочувствіемъ, — не смущаясь отрицательными явленіями нашей народной дѣйствительности. Наши романы и повѣсти, имѣвшіе предметомъ воспроизведеніе идеальной стороны Русской жизни, или фальшиво изображали ее, или вовсе не возбуждали къ ней сочувствія.

Во всѣхъ произведеніяхъ такого рода не много найдемъ мы даже отдѣльныхъ прекрасныхъ идеальныхъ личностей. Характеры комическіе — личности пошлыя, грязныя, мелочныя, выходятъ не рѣдко удивительно хороши у нашихъ сатирическихъ писателей. Характеры добрые, высокіе, благородные—герои и героини нашихъ драмъ, повѣстей и романовъ—или фальшивы, или блѣдны, или скучны, или вовсе не похожи на Русскихъ, если только похожи вообще на людей. Замѣчательно еще и то, что, по отношенію къ самымъ вѣшнимъ, формальнымъ требованіямъ искусства, къ такъ называемой художественной отдѣлкѣ или таланту представленія и выполненія, положительныя литературныя произведенія стоятъ у насъ гораздо ниже отрицательныхъ. Тѣ же самые писатели, которые весьма хорошо владѣютъ талантомъ представленія, у которыхъ отрицательныя изображенія жизни возвышаются часто до сильной одушевленной сатиры, иногда до высоко-художественнаго объективнаго комизма, — эти же самые писатели, какъ скоро берутся за представленіе идеальной стороны жизни, какъ бы чувствуютъ, что берутся не за свое дѣло, впадаютъ въ резонерство, дидактизмъ, реторику, сантиментальность, пускаются въ слишкомъ дробный и излишній анализъ одной какой-либо стороны извѣстнаго характера, оставляя безъ вниманія другія стороны и другіе характеры, дѣлаютъ ненужныя отступленія, общественыя и нравственныя принаровленія и т. под. Это можно видѣть изъ сравненія первой и второй части «Мертвыхъ душъ» Гоголя. Также у одного изъ первыхъ современныхъ сатирическихъ писателей, Щедрина, тѣ рассказы, въ которыхъ онъ пытается воспроизвести нѣкоторыя свѣтлыя стороны Русской жизни, заключая въ себѣ много прекрасныхъ картинъ и глубокихъ мыслей, по художественной отдѣлкѣ ниже чисто сатирическихъ очерковъ, и гораздо болѣе приближаются къ дидактическому или лирическому, нежели къ повѣствовательному роду литературы. А сколько теряютъ отъ недостатковъ въ художественной отдѣлкѣ произведенія другаго замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ современныхъ писателей—Тургенева?

Между тѣмъ нельзя не сознаться, что недостатокъ поэтического воспроизведенія свѣтлыхъ сторонъ Русской жизни есть весьма важный недостатокъ. Сколько бы ни была богата литература произведеніями въ сатирическомъ родѣ, она будетъ далеко не полнымъ выраженіемъ народной жизни, если ограничится только изображеніемъ ея. темныхъ сторонъ Высшій предметъ и задача народнаго слова

состоитъ не въ томъ, чтобы сказать, что есть дурнаго у известнаго народа, чѣмъ боленъ онъ и чего нѣтъ у него, а въ поэтическомъ воссозданіи того, что дано ему лучшаго для выполненія своего историческаго предназначенія. Оттого и наши лучшіе писатели главною задачею Русской литературы поставляли идеальное воспроизведеніе Русской жизни. Пушкинъ въ одной изъ послѣднихъ главъ Онегина выражалъ желаніе завершить свою поэтическую дѣятельность свѣтлымъ и мирнымъ изображеніемъ народной, преимущественно сельской, жизни. Для Гоголя задачею цѣлой жизни было—понять и воспроизвести идеаль Русскаго человѣка. Къ сожалѣнію, желаніе Пушкина осталось только желаніемъ, а стремленіе Гоголя ограничилось неудачною попыткою. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, при первомъ распространеніи у насъ повѣсти и романа, большая часть писателей нашихъ писала льстивые панегирики великимъ свойствамъ народа Русскаго. Публика Русская довольствовалась самыми посредственными произведеніями въ этомъ родѣ. Журналы того времени привѣтствовали почетными эпитетами и поощряли cadaго новаго дѣятеля на поприсѣ панегиристовъ Русской жизни. Но не долго продолжалось это увлеченіе. Скоро великій художникъ живымъ, сильнымъ и истиннымъ, хотя и одностороннимъ воспроизведеніемъ Русской дѣйствительности показалъ фальшивость господствующаго направленія прежнихъ повѣстей и романовъ. Большая часть писателей новаго литературнаго періода пошла по направленію, указанному сатирою Гоголя; а тѣ, которые хотѣли проложить новый путь къ положительному изображенію жизни, до сихъ поръ сами колеблются между положительнымъ и отрицательнымъ направленіемъ. Публика Русская, обольщенная успѣхами новаго сатирическаго направленія, перестала почти вѣрить въ возможность идеала Русской жизни, и стала съ недоувѣрчивостію смотрѣть на всѣ попытки къ его художественному осуществленію. Журнальная критика еще болѣе способствуетъ къ такому расположенію общественнаго мнѣнія, превознося преувеличенными похвалами достоинство и значеніе современной сатиры, раскрывая ненатуральность и лживость прежняго, до-Гоголевскаго направленія повѣствовательной литературы, и встрѣчая насмѣшками и непріязнью каждый новый опытъ идеальнаго изображенія жизни. Наконецъ, въ свою очередь, стало охлаждаться увлеченіе и сатирическимъ направленіемъ. Въ послѣднее время, не отъ однихъ только людей, подобныхъ князю Чебылкину, приходится слышать жалобы на то, что ли-

тература Русская описывает одни болѣзненные нарывы Русскаго челоѣка. Такія жалобы не рѣдко повторяются людьми умными, благородно сочувствующими дѣлу развитія Русской жизни и Русскаго слова. Самые жаркіе поклонники современной сатиры, въ журналахъ наиболѣе приверженныхъ къ отрицательному направленію литературы, стали уже менѣе говорить о нравственномъ и эстетическомъ достоинствѣ и великомъ общественномъ значеніи такого направленія. Намѣсто прежнихъ жаркихъ, полныхъ самоуѣренности разсужденій о важности, необходимости и пользѣ натуральной школы, отрицательнаго направленія и практическихъ цѣлей искусства, вновь стали подниматься заброшенные и осмѣянные вопросы о цѣли искусства въ немъ самомъ, объ идеальномъ воспроизведеніи свѣтлыхъ сторонъ жизни и пр. Слышатся уже ожиданія и предчувствія новаго литературнаго періода, по своему направленію, противоположнаго настоящему оканчивающемуся, — періода, въ который литература Русская обогатится созданіями независимаго отъ практическихъ цѣлей творчества и идеальными изображеніями Русской народной жизни.

Чтобы правильно судить, имѣютъ ли основаніе подобныя ожиданія и предчувствія, нужно узнать, сохранили ли до настоящаго времени свою силу и свое вліяніе тѣ обстоятельства, которыя способствовали преобладанію отрицательнаго изображенія жизни надъ положительнымъ въ Русской литературѣ, а для сего нужно въ свою очередь опредѣлить съ точностію эти самыя обстоятельства.

Существуютъ различныя мнѣнія о причинахъ преобладанія отрицательнаго направленія надъ положительнымъ, въ нашей литературѣ. Одни думаютъ, что сама народная жизнь Русская представляетъ весьма мало идеальнаго содержанія, а болѣе отрицательныхъ явленій, темныхъ сторонъ, неразвитыхъ или извращенныхъ формъ и отношеній жизни, грязныхъ, пошлыхъ, мелочныхъ характеровъ и т. под., — и такимъ образомъ нашимъ писателямъ негдѣ взять матеріаловъ для положительныхъ художественныхъ созданій. По мнѣнію другихъ, писатели наши не умѣютъ пользоваться богатымъ матеріаломъ народной жизни, не умѣютъ понимать ее, сочувствовать ей, потому и не находятъ въ ней ничего свѣтлаго. Въ этихъ крайнихъ мнѣніяхъ выражается характеръ двухъ извѣстныхъ въ нашей наукѣ и литературѣ противоположныхъ партій. Каждая партія приводитъ для своего мнѣнія извѣстныя основанія. Примирить ихъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, можно только тогда, когда найдется одинъ общій

пунктъ, въ которомъ сходятся та и другая партія, — одна высшая точка, съ которой изъясняется то и другое мнѣніе. По этому, для рѣшенія даннаго вопроса, мы считаемъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе самой идеи искусства, и изъ нея изъяснить начало и значеніе положительнаго и отрицательнаго направленія повѣствовательной литературы.

I.

Есть требованіе, чтобы повѣсти, рассказы, романы—вообще литературныя произведенія въ повѣствовательномъ родѣ были объективнымъ представленіемъ жизни, чтобы за изображаемыми предметами совершенно исчезала въ нихъ личность писателя; въ этомъ полагается совершенство такихъ произведеній и отличіе ихъ отъ произведеній лирическихъ и дидактическихъ. Требованіе глубокое и разумное. Но если объективное представленіе жизни понимать, какъ совершенно безучастное воспроизведеніе, дагерротипическое копированіе внѣшней дѣйствительности (какъ понимаютъ его нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ и критиковъ); то означенное требованіе не можетъ быть выполнено, и не должно имѣть мѣста въ искусствѣ. Есть и долженъ быть субъективный элементъ и въ самыхъ, по видимому, объективныхъ представленіяхъ жизни; потому что поэтъ есть вѣстѣ и человекъ, и по тому самому не можетъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ жизни имъ изображаемой. Только этотъ субъективный элементъ выражается здѣсь не какъ единичное впечатлѣніе или чувство поэта, возбуждаемое извѣстнымъ предметомъ (какъ бываетъ въ лирическихъ произведеніяхъ), а какъ цѣльное воззрѣніе на жизнь, проходящее по всему изображенію ея, и дающее одинъ основной тонъ этому изображенію, — воззрѣніе, определяемое личною природою поэта, характеромъ его таланта и различными обстоятельствами, среди которыхъ образовалась его жизнь и сложились коренныя жизненныя убѣжденія. Такъ говорятъ объективнѣйшій изъ нашихъ писателей (Гоголь) объ одномъ изъ объективнѣйшихъ своихъ созданий: «Странно, мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное лицо, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное лицо, благородное лицо—былъ смѣхъ.» Смѣхъ здѣсь есть выраженіе воззрѣнія комика на изображаемую имъ жизнь, и тотъ субъек-

тивный элементъ, который проходить по всѣмъ произведеніямъ нашего великаго писателя. Подобно сему и въ каждомъ повѣствовательномъ литературномъ произведеніи имѣетъ свое мѣсто субъективный элементъ—воззрѣніе поэта на жизнь нмъ изображаемую.

Поэтъ носить въ душѣ своей болѣе или менѣе ясно сознаваемые идеалы жизни; эти идеалы всегда присущи его художественному созерцаію внѣшней дѣйствительности, и вносятся имъ въ художественныя ея изображенія. Изъ различія отношеній дѣйствительной жизни къ идеалу поэта происходитъ различіе въ художественномъ воззрѣніи на жизнь. Если явленія жизни дѣйствительной отвѣчаютъ идеаламъ поэта,—поэтъ примиряется съ жизнью во имя своихъ идеаловъ, и въ явленіяхъ ея находитъ формы для воплощенія ихъ; здѣсь открывается мѣсто положительному воззрѣнію и положительному изображенію жизни. Если жизнь не отвѣчаетъ идеаламъ поэта, онъ отрицаетъ ее во имя своихъ идеаловъ, и изображеніемъ явленій ея показываетъ только противорѣчіе между жизнью и идеалами; является отрицательное (комическое, сатирическое) воззрѣніе и изображеніе жизни.

Положительное изображеніе жизни въ области искусства занимаетъ высшее мѣсто, нежели отрицательное, потому что оно полнѣе выражаетъ истину жизни. Искусство вообще должно выражать истину жизни; а жизнь, что бы ни говорили пессимисты, прекрасна и разумна. Каждое явленіе въ мірѣ физическомъ и нравственномъ имѣетъ свою причину, свой смыслъ, своей истину или идею, и каждое болѣе или менѣе осуществляетъ ее, слѣдовательно имѣетъ свою хорошую разумную сторону (1). Есть въ явленіяхъ уклоненія отъ идей, или лучше, нужно признать даже, что ни одно явленіе не выражаетъ вполне своей идеи; есть явленія по преимуществу отрицательныя, въ которыхъ ложная, неразумная сторона преобладаетъ надъ истинною и разумною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что ни одно явленіе не искажаетъ вполне своей идеи, что явленія по преимуществу отрицательныя составляютъ меньшую сторону — исключеніе въ жизни, и что всѣ эти уклоненія и отрицанія сглаживаются, изчезаютъ въ общей гармоніи жизни; отрицательное, ложное, неразум-

(1) Слово — явленіе здѣсь употребляется въ обширѣйшемъ смыслѣ; подъ нимъ можно разумѣть и фантасическое явленіе, и человѣка, и известное событіе, и цѣлую эпоху, вообще всякій моментъ жизни, какъ физической, такъ и нравственной.

ное остается на долю частныхъ явленій, а положительное, разумное, истинное входитъ въ общій строй жизни. На этомъ только условіи возможны не только всякій прогрессъ въ жизни, но и самая жизнь; ибо только разумное и истинное носить въ себѣ сѣмя жизни и развитія, а неразумное и ложное мертво само по себѣ, какъ отрицаніе жизни. Такова истина жизни въ самой жизни; таковою же должна представляться она и въ произведеніяхъ искусства, если только искусство хочетъ быть полнымъ и вѣрнымъ изображеніемъ жизни. И въ искусствѣ явленія отрицательныя должны представляться, какъ исключеніе, или какъ моментъ въ развитіи истинной идеи жизни, не нарушая собою общаго, основнаго, положительнаго воззрѣнія на жизнь, какъ интервалы и диссонансы не нарушаютъ основнаго тона и гармоніи въ музыкальномъ художественномъ произведеніи. По этому-то положительное (художественное) изображеніе жизни, какъ полнѣйшее выраженіе идеи искусства стоитъ выше отрицательнаго, и эпическій родъ поэзіи всегда предпочитался и долженъ предпочитаться сатирическому. Понятно, что мы говоримъ здѣсь объ идеѣ искусства независимо отъ ея выполненія, и о родахъ его независимо отъ отдѣльныхъ художественныхъ произведеній. И произведеніе съ отрицательнымъ воззрѣніемъ на жизнь можетъ стать выше положительнаго изображенія жизни, если въ немъ гораздо лучше соблюдены требованія художественнаго выполненія, (чему множество доказательствъ представляетъ наша литература). Мы говоримъ только, что положительное воззрѣніе, *само по себѣ*, независимо отъ своего выраженія, выше и полнѣе отрицательнаго.

Но ни одинъ художникъ не можетъ вполне выразить всей идеи искусства; а право свободнаго творчества не позволяетъ намъ требовать отъ художника, чтобы онъ бралъ для своихъ произведеній такое, а не другое содержаніе, и имѣлъ на него такое именно, а не другое воззрѣніе. По роду таланта, по отношеніямъ къ жизни, по цѣли своей, художникъ можетъ брать предметомъ искусства одну отрицательную сторону жизни, независимо отъ ея общаго значенія и отношенія ко всему строю жизни, и здѣсь-то открывается мѣсто отрицательному изображенію. Такое изображеніе очевидно не обнимаетъ собою всей истины жизни, слѣдовательно не выражаетъ и всей идеи искусства; тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свое мѣсто въ области искусства, какъ истинное, хотя и одностороннее воспроизведеніе жизни.

Но еслибы только одними отрицательными явленіями ограничивался

кругъ сатирическаго искусства, то область его была бы слишкомъ не велика. Оно возможно было бы только въ эпохи крайняго упадка нравовъ, въ обществахъ, близкихъ къ конечному паденію, и имѣло бы своимъ предметомъ отъявленныхъ злодѣевъ, безумцевъ и развратниковъ. Между тѣмъ мы видимъ, что сатирическое искусство является и въ лучшія эпохи народной жизни, и беретъ свое содержаніе на той же самой почвѣ, которая даетъ идеалы и для положительнаго искусства; и тѣ же самыя личности, которыя представляются однимъ художникомъ прекрасными, у другаго могутъ являться ошѣшными. Здѣсь причина отрицательнаго изображенія жизни лежитъ уже не въ самой жизни, а въ поэтическомъ воззрѣніи на нее.

Каждое явленіе, сказали мы, имѣетъ въ основаніи своемъ свою истину, свою идею, и такъ или иначе выражаетъ ее. Обратимъ особенное вниманіе на слово *свою* истину, *свою* идею, потому что не одна и та же идея существуетъ для каждаго явленія. Есть идеи относительныя, лежащія въ основаніи разнообразныхъ предметовъ и явленій конечнаго міра, и есть единая идея безусловная, безконечно возвышающаяся надъ всею міровою жизнью. Между самыми относительными идеями есть безконечное разнообразіе, которымъ и условливается безконечное разнообразіе предметовъ и явленій міра. Каждое явленіе можетъ вполне осуществлять свою относительную идею, и въ то же время всегда стоять неизмѣримо ниже безусловной истины Божественной. Каждое явленіе можетъ быть положительнымъ проявленіемъ своей собственной относительной идеи, и въ то же время находиться въ отрицательномъ отношеніи къ другой идеѣ, хотя также относительной, но лежащей въ основѣ другаго явленія, высшаго. Есть напр. своя нравственность у каждаго человѣка, на какой бы степеніи развитія оцъ ни находился, въ какое время и среди какихъ обстоятельствъ ни жилъ бы. Но ни одинъ человѣкъ, на какой бы высотѣ нравственнаго совершенства ни стоялъ онъ, не можетъ осуществить въ своей жизни безконечный идеалъ святости и правды Божественной. Во всякомъ обществѣ, какъ бы низка ни была степень его развитія, среди какихъ неблагопріятныхъ условій ни совершалась бы жизнь его, есть своя нравственность; и человѣкъ, по мѣрѣ разумѣнія и возможности, выполняющій всѣ ея требованія, можетъ быть нравственнымъ идеаломъ *своего* времени и общества. Но нравственность человѣка, стоящаго на одной степеніи развитія, вращающагося среди однихъ условій жизни, недостаточна для другаго человѣка,

болѣ развитаго и живущаго среди лучшихъ условій и обстоятельствъ времени и общества. Такъ нравственность язычника недостаточна для христіанина, нравственность дикаря для человѣка образованнаго, человѣка стараго времени — для человѣка новаго. Поэтъ можетъ смотрѣть на жизнь извѣстнаго человѣка или эпохи и производить судъ надъ нею во имя идеала именно *этого* человѣка, *этой* эпохи; тогда, если жизнь окажется вѣрна своему идеалу, будетъ воззрѣніе и изображеніе жизни—положительное. Но смотря по роду таланта, по отношеніямъ своимъ къ жизни и цѣли своей, поэтъ можетъ мѣрить жизнь одного времени, одного общества по идеалу *другаго, высшаго*, или даже по идеалу безконечной, безусловной истины,—и тогда, при всей вѣрности *своему* идеалу, жизнь представится въ отрицательномъ отношеніи къ идеалу поэта,—явится, значитъ, отрицательное воззрѣніе и изображеніе. Такъ Греческая и средневѣковая жизнь, въ такихъ прекрасныхъ образахъ представленная классическими и романтическими поэтами, показала бы намъ фальшивую и пошлую, если бы какой нибудь новый поэтъ вздумалъ смотрѣть на нее и изображать ее съ точки зрѣнія современнаго образованнаго человѣка. Черезъ такое, хотя быть можетъ и не совсѣмъ законное право, отрицательному изображенію жизни открывается поприще гораздо обширнѣйшее, нежели положительному, чего, какъ мы сказали, съ перваго взгляда, кажется, не должно бы быть. Обнимая собою непосредственно всѣ отрицательныя явленія, темныя стороны жизни, сатирическое искусство можетъ брать для себя предметы и изъ области собственно положительнаго искусства, и представлять свѣтлыя стороны жизни недостаточно свѣтлыми, по сравненію съ болѣе свѣтлыми. И здѣсь—то заключается причина, почему одинъ и тотъ же человѣкъ, одно и то же общество, можетъ быть предметомъ и положительнаго и отрицательнаго художественнаго изображенія. Отсюда выводится главнѣйшее, для рѣшенія выше поставленнаго нами вопроса, положеніе, что сатирическое направленіе литературы не всегда зависитъ отъ самой жизни народа или общества, среди которой развивается литература, и которая служить предметомъ ея изображеній, а иногда, и при томъ по большей части, отъ воззрѣнія на эту жизнь писателей, ее изображающихъ.

Отсюда также открывается, что положительное изображеніе жизни стоитъ выше отрицательнаго еще и потому, что на первомъ лежатъ требованія гораздо важнѣйшія и труднѣйшія, нежели на последнемъ,

Отрицательное изображеніе не требуетъ отъ поэта ясно сознанаго идеала; можно указывать на то, чего не должно быть, не составивъ опредѣленнаго понятія о томъ, что быть должно. Можно отрицать жизнь во имя идеала безусловной истины, во имя хотя живаго, но не уясненнаго вполне поэтическаго идеала жизни, во имя какой нибудь отвлеченной идеи, во имя закона совѣсти и общаго всѣмъ людямъ чувства правды и добра. Но для положительнаго изображенія жизни, нужно не только сознать идеальную жизнь, но и примирить его съ виѣшней дѣйствительностію, т. е. поставить среди дѣйствительной жизни извѣстнаго общества и времени, изъ нея взять черты или формы для воплощенія его. А если поэтъ поставяетъ себѣ задачей не реализованіе идеала чрезъ формы дѣйствительной жизни, а идеализованіе дѣйствительной жизни чрезъ возведеніе явленій ея до идеальнаго значенія, то здѣсь открываются для него еще большія требованія. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ проникнуть въ сущность виѣшнихъ явленій, понять идею, лежащую въ основаніи каждаго изъ нихъ, и признать ихъ идеальное значеніе, не нарушая ни ихъ дѣйствительныхъ свойствъ, ни своего понятія объ идеалѣ.—Можетъ быть положенія наши будутъ нѣсколько яснѣе въ примѣрахъ. Если, напримеръ, поэтъ хочетъ представить идеальную нравственную или правдиваго человѣка по тѣмъ понятіямъ о нравственности и правдѣ, какія имѣетъ онъ самъ: онъ долженъ поставить его среди житейскихъ условій извѣстнаго общества и времени и показать, какъ при этихъ именно условіяхъ, нерѣдко неблагопріятныхъ для осуществленія нравственныхъ началъ, его идеальный человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, не нарушая требованій своей идеальной нравственности и правды; иначе этотъ идеальный человѣкъ будетъ держаться на воздухѣ, будетъ не живымъ человѣкомъ, а олицетвореніемъ отвлеченнаго понятія правды и нравственности. А если поэтъ поставяетъ себѣ задачей представить въ идеальномъ свѣтѣ нравственную жизнь дѣйствительныхъ людей извѣстнаго общества, то въ этомъ случаѣ онъ долженъ уразумѣть смыслъ жизни каждаго изъ нихъ, уразумѣть, какъ каждый осуществляетъ свой собственный, — опредѣляемый его природою, воспитаніемъ, общественнымъ положеніемъ, нравственнымъ идеаломъ, признать этотъ идеальную дѣйствительнымъ нравственнымъ идеаломъ, не смотря на то, что онъ значительно расходится съ нравственными понятіями самаго поэта, и судить жизнь каждаго лица *во имя его собственнаго (объективнаго), а не своего (субъ-*

ективно) нравственного идеала. Для выполнения всѣхъ этихъ требованій нужно и глубокое идеальное пониманіе жизни, и полное примиреніе съ нею, искреннее сочувствіе и любовь къ ней. Посему-то великія эпическія созданія, какъ полнѣйшія выраженія народнаго духа и воспроизведеніе народной жизни, могутъ являться у извѣстнаго народа по большей части въ состояніи природной неразвитости, непосредственности, когда творческій духъ народа (если только такой есть у него) еще не зараженный разладомъ сознанія съ жизнью, непосредственнымъ, такъ сказать, инстинктивнымъ художественнымъ чувствомъ обнимаетъ въ первобытной чистотѣ и цѣльности коренныя, самородныя начала и свойства народной жизни, и,—въ самозаключенной сферѣ своей исключительной народности, не зная никакихъ высшихъ требованій, никакихъ высшихъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые осуществляются въ его національной жизни,—находится потому въ полномъ мирѣ съ этою послѣднею. Періодъ совершающагося развитія народной жизни, когда самородныя начала ея пришли уже, такъ сказать, въ состояніе броженія и еще не развились и не слились органически съ чужеродными, заимствованными у другихъ народовъ, началами, — когда сознаніе народа, выражающееся въ обществѣ и въ личностяхъ, служащихъ его представителями, постоянно идетъ впереди жизни, и настоящее устройство и положеніе общественныхъ формъ отрицается и преобразуется во имя новыхъ будущихъ идеаловъ,—этотъ періодъ есть, очевидно, время, всего менѣе благопріятствующее произведенію національныхъ эпическихъ созданій. Они могутъ явиться опять въ народѣ уже тогда, когда, свершивъ всѣ переходные моменты развитія, онъ достигаетъ окончательной зрѣлости, когда всѣ элементы, вошедшіе въ народную жизнь, сливаются въ стройный и цѣльный организмъ, когда духъ народа сознательно усваиваетъ себѣ все то, чѣмъ обладалъ онъ чрезъ непосредственное чувство и художественный инстинктъ въ первомъ періодѣ, когда народъ, сознавъ свои врожденныя силы, сознательно идетъ къ своему историческому назначенію, не увлекаясь какими либо безплодными, отвлеченными идеалами, но спокойно и самодовольно выполняя только требованія своего національнаго духа и своего историческаго назначенія. Изъ исторіи искусства мы дѣйствительно знаемъ, что эпическія созданія преимущественно у древнихъ народовъ являлись именно въ первый, еще доисторическій или героическій періодъ непосредственной, самой въ себѣ заключенной жизни. У многихъ новыхъ народовъ національ-

ныхъ эпопей доселѣ не открыто. Если ихъ дѣйствительно совсѣмъ не было, то это зависѣло частію, можетъ быть, отъ недостатка въ этихъ народахъ творческой силы, частію отъ значительнаго различія въ первобытной исторіи древнихъ и новыхъ народовъ, различія, по которому для новыхъ народовъ періодъ непосредственной, самозаключенной жизни почти не существуетъ. По тѣсной связи всѣхъ членовъ человечества въ новомъ мірѣ, каждый народъ, только что выходитъ изъ состоянія совершенной дикости и чисто матеріальныхъ жизненныхъ интересовъ, прежде нежели самъ собою придетъ не только къ ясному сознанию, но и къ непосредственному чувству духовной стороны жизни, принимается уже, такъ сказать, подъ руководство другими народами, упредившими его на поприщѣ образованія и исторической дѣятельности; въ умѣншихъ и благороднѣйшихъ представителяхъ народа пробуждаются новыя требованія, новые идеалы; они естественно входятъ въ разладъ съ своею народною жизнью, и устремляютъ свое сочувствіе къ другимъ, болѣе развитымъ жизненнымъ началамъ и формамъ, а въ неразвитомъ, хотя и многочислѣннѣйшемъ классѣ, съ исключеніемъ этихъ высшихъ личностей, теряется почти совсѣмъ и народное самосознаніе, и необходимая во всякой духовной дѣятельности, преимущественно въ дѣятельности художественной, самоувѣренность, такъ что если въ этомъ классѣ и встрѣчаются люди, имѣющіе вѣрный положительный взглядъ на свою народную жизнь и полное сочувствіе къ ней, то они таятъ про себя свои понятія и сочувствія, боятся высказываться, приписывая своей неразвитости, а не болѣе вѣрному жизненному инстинкту то, что они расходятся во взглядѣ на жизнь съ людьми умѣншими и образованнѣйшими. Такими условіями очевидно стѣсняется свободное художественное творчество. По этому національныхъ эпическихъ созданій при настоящихъ историческихъ условіяхъ можно ожидать не отъ народовъ неразвитыхъ, а напротивъ отъ народовъ, достигшихъ полной зрѣлости и окончательнаго развитія. И если нѣтъ такихъ произведеній у образованнѣйшихъ современныхъ народовъ Европы, то это значить, что или ни одинъ изъ нихъ не достигъ еще полной зрѣлости и развитія, или развитіе ихъ шло не нормальнымъ путемъ. Какое изъ этихъ предположеній вѣрнѣе, — вопросъ столько же важный, сколько трудный. Можетъ быть мы нѣсколько и коснемся его въ своихъ дальнѣйшихъ сужденіяхъ. Теперь разовьемъ далѣе свою теорію художественнаго возрѣнія.

Положительное и отрицательное воззрѣнія на жизнь изчерпываютъ всю сферу искусства (какъ и вообще положеніе и отрицаніе изчерпываютъ всякую сферу). Но въ каждой изъ этихъ двухъ сторонъ есть нѣсколько степеней и видовъ, и между обѣими есть стороны смѣшанныя, промежуточныя, служащія переходомъ отъ одной главной стороны къ другой. Изъ этихъ частныхъ видовъ художественнаго воззрѣнія изчислимъ замѣчательнѣйшія, съ которыми притомъ намъ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ раскрытіи нашего предмета.

Есть нѣсколько степеней и видовъ въ отрицательномъ воззрѣніи художниковъ на жизнь. Есть смѣхъ (надъ жизнью) легкій, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка (поэта), потому что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющійся родникъ его. Такимъ смѣхомъ осмѣиваетъ Гоголь мелочную, но добрую—нездобную жизнь своихъ земляковъ Малоруссовъ. Это отрицаніе жизни легкое, добродушное, само мирящееся съ предметомъ отрицанія, съ любовію изображающее своихъ героевъ, не смотря на то, что они далеко не отвѣчаютъ идеалу поэта. Такое отрицаніе весьма близко къ положительному воззрѣнію на жизнь; ибо хотя поэтъ смѣется здѣсь надъ вышнюю дѣйствительностію во имя своего высшаго идеала жизни, но въ то же время мирится съ нею, любитъ ее такую, какова она есть. Такое отрицаніе предполагаетъ въ поэтѣ вѣру въ силы своего духа, къ которому не пристаётъ мелочь окружающей его жизни, вѣру въ людей, имъ изображаемыхъ, въ которыхъ подъ мелочною и грубою формою кроются богатые задатки лучшей жизни и прекрасныя нравственныя свойства.—Есть смѣхъ, подъ которымъ таятся незримыя миру слезы, смѣхъ, подобно стону, вырывающійся изъ души, страждущей недугами человѣчества, недугами важными, искажающими человѣческое достоинство и заражающими жизнь общественную. Таковъ смѣхъ въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ Гоголя, отчасти и въ Губернскихъ Очеркахъ Щедрина.—Есть смѣхъ, поражаемый временною раздражительностію, желчнымъ и болѣзненнымъ расположеніемъ характера. Есть смѣхъ презрительный и злобный; то съ желчью, то съ равнодушіемъ осмѣивающій все, что достойно смѣха, и что достойно состраданія и даже благоговѣнія. Такой смѣхъ не имѣетъ художественнаго достоинства, потому что онъ отрицаетъ жизнь не во имя идеала, а во имя злобы и эгоизма; не говоримъ уже о томъ, что онъ мало дѣлаетъ чести нравственному достоинству смѣющагося, потому что этотъ послѣдній бываетъ большею частію ниже того, надъ

чѣмъ смѣется. Къ чести литературы нашей—въ ней рѣже встрѣчается такой смѣхъ, нежели въ другихъ.—Есть еще смѣхъ въ родѣ того, о какомъ говорилъ лейтенантъ Жевакинъ Кочкареву (въ Жепитѣбѣ, Гоголя): «Былъ у насъ въ эскадрѣ капитана Волдырева мичманъ Пѣтуховъ Антонъ Ивановичъ. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, и до самаго вечера смѣется. Ну глядя на него и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ и самъ точно этакъ смѣешься.» Были и есть въ нашей литературѣ образцы и такого смѣха; въ последнее время стали выходить въ этомъ родѣ цѣлыя періодическія изданія. Это смѣхъ безвредный; но онъ болѣе имѣетъ значеніе въ гигиеническомъ, нежели литературномъ отношеніи (1).

Положительное воззрѣніе также имѣетъ нѣсколько видовъ, потому что для поэта возможны нѣсколько степеней примиренія съ жизнію. Поэтъ можетъ примириться съ жизнію потому, что она осуществляетъ его личныя идеи о жизни. Примиреніе самое естественное; но оно не имѣетъ особеннаго достоинства, потому что происходитъ иногда изъ эгонистическихъ побужденій и незнанія высшихъ идеаловъ жизни. Гораздо болѣе пониманія жизни и сочувствія къ ней, гораздо болѣе многосторонности въ воззрѣніи и художественномъ талантѣ поэта высказывается тогда, когда поэтъ, нося въ душѣ своей идеалъ жизни высшей, нежели какова изображаемая имъ, умѣетъ однако же примириться и съ сею послѣднею во имя тѣхъ идеаловъ, которые она сама даетъ ему. Но и здѣсь есть нѣсколько различныхъ степеней. Можно примириться съ жизнію путемъ философскаго изученія, дошедши до необходимости признать умомъ законность явленій ея, но еще не проникшись къ ней сочувствіемъ всей души. Въ при-

(1) Смѣхъ принимается здѣсь какъ наиболѣе общее и наиболѣе художественное выраженіе отрицательнаго воззрѣнія на жизнь. У нѣкоторыхъ писателей отрицательное воззрѣніе выражается слезливою грустью, или жаднымъ негодованіемъ. Но такое выраженіе менѣе соответствуетъ идеѣ повѣствовательнаго искусства, потому что здѣсь писатель слишкомъ ясно обнаруживаетъ свою личность, какъ-бы самъ вышпивается въ дѣйствіе, имъ изображаемое. Между тѣмъ въ художественномъ разсказѣ писатель долженъ смотрѣть какъ-бы издали на изображаемую жизнь, и если жизнь изображается съ отрицательной стороны, долженъ поставять себя выше ея. Выраженіемъ художественнаго воззрѣнія на объективно представляемую пошлость жизни въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ смѣхъ. Определеніи различныхъ родовъ смѣха зачислованы нами болѣею частію у Гоголя.

иѣръ подобнаго примиренія представляютъ поэзію Гете. Можно примириться съ жизнію путемъ опыта и практическаго разума, убѣдившись, что отъ жизни нельзя требовать осуществленія задушевныхъ идеаловъ, а нужно пользоваться тѣмъ, что даетъ она. Примеры подобнаго примиренія представляютъ произведенія Англійскихъ писателей, преимущественно замѣчательнѣйшихъ романистовъ нашего вѣка—Диккенса и Теккерея. Въ томъ и другомъ случаѣ примиреніе приближается къ отрицательному воззрѣнію на жизнь; потому что оно совершается не изъ признанія идеальнаго значенія жизни, а по необходимости. Можно еще примириться съ жизнію, придавъ напередъ ей несвойственныя идеальныя качества, *украшивъ* ея дѣйствительность сообразно требованіямъ своего воображенія и чувства. Примеровъ такого примиренія великое множество во всѣхъ литературахъ, между прочимъ и въ Русской. При всемъ томъ такое примиреніе не должно имѣть мѣста въ искусствѣ, потому что искусство есть выраженіе истины, а не лжи. Въ сущности оно есть тоже отрицательное воззрѣніе на жизнь, потому что показываетъ недовольство дѣйствительностію ея и неуваженіе къ ней. Оно происходитъ отъ неполнаго пониманія истины жизни и идеи искусства, и недостатка художественнаго таланта. Но высшая степень художественнаго пониманія жизни и примиренія съ нею состоитъ въ томъ, когда поэтъ, не нарушая ни своего личнаго воззрѣнія, ни дѣйствительности явленій жизни, открываетъ въ ней самой идеальное значеніе и въ слѣдствіе этого обращается къ ней не только съ миромъ, но и съ глубокимъ сочувствіемъ и любовію, какъ бы она была дѣйствительно такова, какою бы онъ желалъ ее видѣть. Только тому, кто обращается къ жизни съ такою любовію, открываетъ она вполне свой истинный смыслъ и красоту. И только въ произведеніяхъ, оживотворенныхъ такою любовію, совмѣщается непосредственная свѣжесть чистаго дѣтскаго чувства съ глубокимъ старческимъ пониманіемъ жизни. Высшимъ образцомъ такого изображенія жизни останутся всегда эпопеи Гомера. Здѣсь-то достигаются истинныя требованія высшей художественной объективности. Этотъ родъ положительнаго художественнаго воззрѣнія въ свою очередь имѣетъ различныя степени; иногда ниспадаетъ оно почти до равнодушнаго отношенія къ дѣйствительности, иногда возвышается до пламеннаго, восторженнаго благоговѣнія и поклоненія предъ нею.

Есть еще, какъ мы сказали, между положительнымъ и отрица-

тельными изображеніемъ жизни, виды переходные; есть воззрѣнія смѣшанныя, неопредѣленные; потому что и между литераторами есть люди, не выработавшіе себѣ опредѣленнаго міросозерцанія, и не заботящіеся о немъ. Такъ нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ литераторовъ-натуралистовъ изображаютъ жизнь безъ любви и негодованія, а съ какою-то скукою, апатією, холодностью, близкою къ рѣшительному безучастію. Но совершеннаго безучастія къ жизни, а слѣдовательно дагерротипическаго копированія явленій ея, натуралистаго искусства въ полномъ смыслѣ сего слова, быть не можетъ, по той простой причинѣ, что человѣкъ вообще, и художникъ въ особенности, не можетъ быть ни фотографическимъ стекломъ, ни безжизненнымъ эхомъ. По этому всѣ притязанія нашихъ художниковъ-натуралистовъ на натуральность ненатуральны; можетъ быть невольно и безсознательно они изображаютъ жизнь такъ, какъ отражается она въ ихъ воззрѣніи. Всѣ усилія ихъ ограничиваются только тѣмъ, что, съ мелочною точностію скопировавъ внѣшнюю сторону явленій, но не выразумѣвъ ихъ идеальнаго значенія и не оживотворивъ ихъ своимъ собственнымъ идеаломъ, они представляютъ одинъ бездушный слѣпокъ жизни. Но и здѣсь опять уже не будетъ натуральности, потому что жизнь вовсе не такъ мертва и бессмысленна, какъ натуральнѣйшіе и объективнѣйшіе съ нею списки.

Каково воззрѣніе на жизнь, каково сообразное съ нимъ изображеніе жизни, таково и впечатлѣніе, получаемое нами отъ художественнаго произведенія. Мы смотримъ здѣсь на жизнь сквозь призму поэтическаго воззрѣнія, и потому естественно она представляется намъ такою, какою отразилась въ этомъ воззрѣніи, и возбуждаетъ въ насъ тѣ же душевныя расположенія, какія возбуждала въ поэтѣ. Мы весело и беззаботно смѣемся съ Пастычникомъ, Рудымъ Панькомъ надъ его Малороссійскими разсказами. Горькое чувство скорби и негодованія возбуждаютъ въ насъ «Мертвыя души» или «Губернскіе очерки.» Скуку и апатическое равнодушіе выносимъ мы изъ произведеній многихъ новѣйшихъ нашихъ литераторовъ натуралистовъ. Какое - то живое, здоровое впечатлѣніе, практическій смыслъ даютъ романы Диккенса и Теккерея. Свѣжестью, ясностью и миромъ вѣетъ въ эпопеяхъ Гомера.

Отсюда уже слѣдуетъ, что для единства и полноты художественнаго впечатлѣнія въ повѣствовательномъ произведеніи должно также строго соблюдаться единство и опредѣленность основнаго воззрѣнія,

какъ въ лирическомъ единство и опредѣленность чувства. Иначе, при разнообразіи или неопредѣленности впечатлѣній, читатель, увлекаясь отдѣльными сценами и описаніями, изъ всего произведенія не вынесетъ никакого цѣльнаго впечатлѣнія. Единство основнаго воззрѣнія не должно быть однакоже доводимо до однообразія и монотонности въ художественномъ представленіи. Законъ единства въ разнообразіи, коренной законъ жизни, должно соблюдать и искусство, какъ выраженіе жизни. Поэтому и въ идеальномъ изображеніи поэтъ можетъ представлять комическія сцены, непривлекательные характеры, темныя стороны жизни; только онъ долженъ располагать ихъ такъ, чтобы они не закрывали собою основнаго воззрѣнія, и не нарушали общаго впечатлѣнія, какъ симметрическое расположеніе цвѣтовъ не нарушаетъ общаго колорита въ живописи, и переливъ звуковъ—основнаго тона въ музыкѣ. Образцомъ такого единства основнаго воззрѣнія, при разнообразіи отдѣльных картинъ, могутъ служить произведенія величайшихъ поэтовъ въ мірѣ—Гомера и Шекспира. И какъ бы ни были разнообразны отдѣльныя сцены въ повѣсти или романѣ, какъ бы ни были разнообразны частныя впечатлѣнія, производимыя ими,—при единствѣ и художественной выдержанности основнаго воззрѣнія, отъ цѣлага произведенія останется одно общее, сообразное этому воззрѣнію впечатлѣніе. Такъ въ Мертвыхъ Душахъ Гоголя мы смѣемся почти надъ каждою отдѣльною сценою, но общее впечатлѣніе, выносимое послѣ чтенія книги—грустное, грустнее.

Въ заключеніе сужденій своихъ о положительномъ и отрицательномъ воззрѣніи на жизнь въ поэтическихъ произведеніяхъ, намъ нужно еще сказать, въ какомъ отношеніи то и другое воззрѣніе стоитъ къ внѣшней сторонѣ такнхъ произведеній—къ ихъ исполненію или художественной формѣ. Поэтическое воззрѣніе составляетъ главную, но не исключительную сторону въ художественныхъ созданіяхъ. Оно касается внутренней сущности ихъ, даетъ душу содержанію, избранному поэтомъ для своего произведенія, — основной тонъ, основную идею этому произведенію. Но этого недостаточно: для художественнаго созданія нужно еще, чтобы это внутреннее выразилось во внѣшнемъ, душа облеклась въ тѣло, идея воплотилась въ форму. Отсюда въ художественномъ талантѣ, кромѣ поэтическаго воззрѣнія, кромѣ способности уразумѣвать внутреннюю идеальную сторону дѣйствительности, служащей предметомъ поэтическихъ созданій, должна быть еще способность художественнаго представленія

или выполнения, — способность выражать свое воззрѣніе въ художественномъ изображеніи, воплощать поэтическую идею въ изящныхъ формахъ. Этою способностью и отличаются художники въ собственномъ и полнѣйшемъ значеніи слова, — художники по таланту отъ такъ называемыхъ художниковъ въ душѣ, которые также могутъ разумѣвать идеальную сторону жизни, но не могутъ представлять ее въ художественной формѣ, могутъ понимать, чувствовать и, на основаніи этого, цѣнить прекрасное иногда лучше самихъ художниковъ, но не могутъ создавать его. Главное требованіе относительно художественнаго представленія, какъ внѣшней, формальной стороны поэтическихъ произведеній, состоитъ въ томъ, чтобы все представленіе вполне выражало свою идею, а отдѣльныя стороны или части его были расположены такъ, чтобы ни одна изъ нихъ не нарушала гармоніи цѣлаго, не закрывала собою другихъ частей, но чтобы всѣ гармонировали и съ цѣлымъ и между собою, и между тѣмъ каждая сторона, находясь въ органической связи съ цѣлымъ и въ гармоніи съ другими сторонами, была развита полно и самостоятельно, и сама по себѣ составляла какъ-бы отдѣльное, вполне законченное цѣлое. Тѣмъ болѣе не должны имѣть мѣста здѣсь какія нибудь прибавленія или вставки, не служація къ выраженію главной идеи, и между тѣмъ нарушающія гармонію и цѣльность представленія. Вообще гармонія есть существенный характеръ прекраснаго. Потому въ каждомъ поэтическомъ произведеніи требуется, чтобы обѣ стороны — внутренняя и внѣшняя, идея и форма — воззрѣніе и представленіе гармонировали одна съ другою, и каждая (и воззрѣніе и представленіе отдѣльно взятыя) гармонировала сама съ собою и съ своими частями. Требованіе это простирается на всѣ роды искусства. Но въ произведеніяхъ, имѣющихъ предметомъ положительное изображеніе жизни, оно должно соблюдаться съ особенною тщательностію и строгостію, и между тѣмъ выполненіе его соединено здѣсь съ гораздо большими затрудненіями, нежели при отрицательномъ изображеніи жизни, особенно если первая большаго размѣра, какова напр. эпопея. Отрицательное изображеніе жизни само по себѣ имѣетъ уже много дисгармоническаго. Предметъ его состоитъ въ томъ, чтобы выразить разладъ между дѣйствительностію жизни и идеаломъ поэта, а цѣль — возбудить въ душѣ впечатлѣніе дисгармоническое, нарушить въ ней мирное и покойное отношеніе къ изображаемой дѣйствительности. Собственнаго гармоническаго, т. е. художественнаго, остает-

ся здѣсь, съ внутренней стороны, гармоническое сочувственное отноше-
 ние поэта къ своему идеалу, выражающееся въ томъ одушевленіи, съ
 какимъ онъ отрицаетъ во имя его ненормальныя явленія жизни; а съ
 внѣшней—гармонія представленія, т. е. симметрическое расположе-
 ніе, цѣльность отдѣлки частей и т. под. По этимъ только двумъ сторонамъ
 сатира и получаетъ свое мѣсто въ искусствѣ поэтическомъ; между
 тѣмъ какъ, по существу своему, выражая разладъ между двумя основными
 стихіями прекраснаго—идею и форму, она должна бы ниспадать
 въ область прозы. Но такъ какъ получаемое отъ сатирическаго
 изображенія впечатлѣніе уже *само по себѣ* есть непріятное, дис-
 гармоническое, то здѣсь менѣе бываетъ замѣтно, если такой харак-
 теръ впечатлѣнія усиленъ будетъ какими нибудь недостатками въ
 гармоніи самаго внѣшняго, формальнаго представленія. Поэтому мы
 охотно прощаемъ сатирическимъ писателямъ недостатки въ отдѣлкѣ и
 выполненіи нѣхъ произведеній, даже не слишкомъ обращаемъ на нихъ
 вниманіе, особенно если эти недостатки вознаграждаются силой одушев-
 ленія, съ которымъ сатирикъ караетъ темныя, злыя и ненормальныя
 явленія жизни. Не то въ положительныхъ изображеніяхъ жизни. Здѣсь
 мы являемся болѣе требовательными, и имѣемъ на то полное право. По
 самой идее такихъ произведеній, въ нихъ должна быть строго соблюдена
 чистая, полная, совершенная гармонія. Положительное изображеніе жиз-
 ни должно выразить собою не только гармоническое отношеніе самаго
 поэта къ своему идеалу, но и такое же отношеніе къ нему изо-
 бражаемой дѣйствительности. Цѣль его уничтожить разединеніе,
 противорѣчіе и борьбу между силами души человѣческой, восстано-
 вить въ ней идеальную гармонію, наполнить ее чистымъ эстетиче-
 скимъ наслажденіемъ и настроить на мирное, спокойное отношеніе
 къ дѣйствительности. Ничему не гармоническому нѣтъ здѣсь мѣста.
 Поэтому здѣсь должна строго соблюдаться гармонія и во внѣш-
 немъ представленіи или формѣ художественнаго произведенія; форма
 здѣсь должна совершеннѣйшимъ образомъ гармонизировать съ своею
 идею, а составныя части или стороны ея между собою и съ сво-
 имъ цѣлымъ. И незначительный недостатокъ въ этомъ отношеніи
 можетъ произвести непріятное впечатлѣніе и нарушить только что
 возстановленное, гармоническое, покойное настроеніе души, особенно
 при ея всегдашнемъ природномъ къ тому расположеніи. Пятно за-
 мѣтнѣе бываетъ на чистомъ и бѣломъ фонѣ, нежели на пестромъ, или
 совсѣмъ темномъ, нестройный звукъ сильнѣе и непріятнѣе поражаетъ

наше ухо въ чисто музыкальной стройной пѣсѣ, нежели въ той, которая основана на такъ называемой гармоніи диссонансовъ; и не-пріятное впечатлѣніе бываетъ сильнѣе и замѣтнѣе въ минуты чистаго и покойнаго душевнаго наслажденія, нежели когда оно приходитъ, вмѣстѣ со многими другими не-пріятными впечатлѣніями, въ разстроеномъ состояніи души. По этому-то мы говоримъ, въ положительныхъ изображеніяхъ жизни съ большею тщательностію и строгостію должна быть соблюдаема гармонія виѣшней формальной стороны представленія или выполненія, нежели въ отрицательныхъ. И между тѣмъ соблюсти это требованіе—въ первомъ случаѣ гораздо труднѣе, нежели въ послѣднемъ,—труднѣе потому, что при положительномъ изображеніи жизни посту встрѣчается болѣе разнородныхъ и разнохарактерныхъ элементовъ, которые онъ долженъ привести въ единую и цѣльную гармонію, нежели при отрицательномъ. Сатирическое изображеніе имѣетъ предметомъ, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ, одну отрицательную сторону жизни. Напротивъ, положительное искусство, какъ полнѣйшее выраженіе истины жизни, чтобы быть вѣрнымъ истинѣ жизни и идеѣ искусства, чтобы быть въ собственномъ смыслѣ художественнымъ, а не фальшивымъ идеализированіемъ жизни, должно, какъ мы уже сказали выше, брать и изображать не однѣ свѣтлыя стороны и нормальныя явленія жизни, но и явленія темныя, ненормальныя, отрицательныя. Только эти явленія въ художественномъ произведеніи должны быть расположены такъ и изображены на столько, чтобы они не закрывали собою основнаго положительнаго воззрѣнія, проведеннаго по всему произведенію, не нарушали общаго свѣтлаго характера всего изображенія, и цѣльнаго эстетическаго, имъ производимаго впечатлѣнія. Чтобы соблюсти это требованіе, нужно полное знаніе мѣры, совершеннѣйшій художественный тактъ, умѣнье каждую частность поставить на своемъ мѣстѣ и представить въ своей мѣрѣ, опредѣляемой ея значеніемъ въ цѣломъ и отношеніемъ къ другимъ частямъ. Какой же сильный художественный талантъ нуженъ для того, чтобы соблюсти это требованіе въ произведеніяхъ обширнаго размѣра, какова на примѣръ эпопея, высшій и полнѣйшій родъ положительнаго искусства, имѣющей предметомъ изображеніе цѣлой народной жизни, въ которой встрѣчается столько разнообразныхъ, разнохарактерныхъ, и свѣтлыхъ и темныхъ, и дурныхъ и хорошихъ явленій! По этому высокая художественная эпопея можетъ явиться только у народа, одареннаго бо-

гатою творческою силою и художественнымъ талантомъ. Сатира можетъ являться и у непозитическаго народа, и является по большей части въ непозитическое время жизни народнои. Доказательствомъ служить прежде всего сатира Римская, за тѣмъ сатирическіе литературные періоды у другихъ народовъ. Здѣсь силу художественнаго таланта замѣняетъ въ известной степени самая сила негодованія, которое одушевляетъ поэта, живущаго среди разлада дѣйствительности съ его идеаломъ. Эпопея, напротивъ того, можетъ явиться только у самаго позитическаго народа и въ самое благоприятное для искусства время. Мы только и имѣемъ двѣ эпопеи, почти безукоризненные, близко подходящіе къ идеалу высшаго и полнѣйшаго положительнаго изображенія жизни, отъ великаго отца Греческой поэзи—Гомера.

Много бы и еще можно было сказать о значеніи художественнаго воззрѣнія въ произведеніяхъ повѣствовательной литературы. Предметъ этотъ мало обращаетъ на себя вниманіе критиковъ, и самое слово воззрѣніе (иначе—міросозерпаніе) иногда употребляется въ довольно неопредѣленномъ смыслѣ. Между тѣмъ, при тщательномъ разъясненіи этого предмета, критика могла бы получить много новыхъ понятій для основательнаго сужденія о литературныхъ произведеніяхъ. Сами собою уяснились бы многіе спорные вопросы; между прочимъ можно бы было найти новыя твердыя данныя для рѣшенія вопроса объ отношеніи литературныхъ произведеній къ личности писателя, также о нравственномъ элементѣ въ художественныхъ созданіяхъ и др. Впрочемъ это не относится къ предмету нашей статьи. То, что сказано нами, достаточно будетъ для рѣшенія предположенной нами задачи. Повторимъ здѣсь, для большаго удобства въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ, главные выводы изъ сдѣланныхъ нами соображеній:

1) Цѣльное воззрѣніе поэта на жизнь изображаемую есть столько же необходимый субъективный элементъ въ произведеніяхъ повѣствовательной литературы, какъ индивидуальное чувство поэта въ произведеніяхъ лирическихъ. Единство и опредѣленность воззрѣнія въ первыхъ должно быть также строго соблюдаемо, какъ единство и опредѣленность чувства въ послѣднихъ. Это необходимо для полноты и опредѣленности впечатлѣнія, получаемаго отъ позитическаго произведенія. Впечатлѣніе отъ произведенія всегда соответствуетъ воззрѣнію, положенному въ его онованіи и проведенному во всемъ его представленіи. Поэтому, на основаніи перваго, мы можемъ узнавать и послѣднее.

2) Воззрѣніе художественное опредѣляется отношеніемъ изображаемой жизни къ идеаламъ изображающаго поэта. По различію этого отношенія, воззрѣніе главнымъ образомъ бываетъ двоякое—положительное и отрицательное. Каждое изъ нихъ имѣетъ нѣсколько видовъ, и между обоими есть промежуточные степени воззрѣній смѣшанныхъ.

3) Положительное воззрѣніе полнѣе обнимаетъ истину жизни, нежели отрицательное, и потому эпическій родъ поэзіи выше сатирическаго. Истинному идеальному воспроизведенію жизни не препятствуютъ ея отрицательныя, темныя стороны. Истинный художникъ съумѣетъ дать имъ въ своемъ произведеніи такое же мѣсто, какое имѣютъ они въ самой жизни, т. е. представить ихъ какъ частности, исключенія, не нарушающія общаго разумнаго строя жизни,—и тогда произведеніе его, при многихъ отрицательныхъ частностяхъ и темныхъ картинахъ, будетъ имѣть свѣтлый, идеальный колоритъ, положительный характеръ.

4) Сатирическое искусство есть поэтому неполное и одностороннее воспроизведеніе жизни. Въ его собственную область входятъ непосредственно только частныя, исключительныя, темныя стороны жизни. Но оно же можетъ представлять съ отрицательной стороны и положительныя, свѣтлыя явленія, смотря на нихъ съ высшей точки зрѣнія, и оцѣнивая ихъ по высшему идеалу. Поэтому, развитіе сатирической литературы у извѣстнаго народа иногда дѣйствительно имѣетъ свои причины въ самой жизни народа, но большею частію происходитъ отъ господствующаго въ литературѣ отрицательнаго воззрѣнія на жизнь.

5) Положительное изображеніе жизни сопряжено съ гораздо труднѣйшими требованіями, нежели отрицательное. Главнѣйшія условія для выполненія этихъ требованій—идеальное пониманіе жизни и поэтическое сочувствіе къ ней. То и другое бываетъ у народовъ, или находящихся въ первоначальномъ состояніи неразвитаго сознанія и непосредственной, самой въ себѣ заключенной жизни, или достигшихъ окончательной зрѣлости и полнаго развитія. Въ этихъ двухъ періодахъ и возможны потому идеальныя эпическія созданія. Переходный же періодъ развивающагося сознанія и совершенствующейся жизни все не благоприятствуетъ положительному художественному изображенію.

6) Положительное изображеніе жизни труднѣе отрицательнаго и

по отношенію къ внѣшней, формальной сторонѣ художественнаго представленія. Въ сатирическомъ произведеніи недостатки художественной формы бываютъ менѣе замѣтны въ общемъ, дисгармоническомъ впечатлѣніи отъ всего произведенія, и могутъ, въ извѣстной мѣрѣ, вознаграждаться самою силой негодованія, одушевляющаго отрицательное изображеніе жизни. Въ произведеніи положительнаго рода труднѣе соблюсти строгую гармонию формы, потому что здѣсь поэту болѣе встрѣчается разнородныхъ элементовъ, которые онъ долженъ привести къ художественному единству; а между тѣмъ малѣйшій недостатокъ гармоніи здѣсь болѣе замѣчается и чувствуется въ общемъ эстетическомъ впечатлѣніи произведенія. Посему-то положительныя высоко художественныя созданія (каковы эпопеи) могутъ явиться только у народа, одареннаго богатою творческою силою, между тѣмъ какъ сатира является и у непоэтического народа. и въ неблагопріятствующіе искусству періоды жизни народнои.

Эти главнѣйшіе выводы будутъ положены нами въ основаніе дальнѣйшихъ сужденій,—и, въ свою очередь, сами найдутъ себѣ оправданіе и поясненіе въ дальнѣйшемъ раскрытіи нашего предмета.

II.

Обратимся теперь къ рѣшенію главнаго нашего вопроса о причинахъ успѣховъ сатирическаго и слабости положительнаго изображенія народнои жизни въ нашей литературѣ.

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ выше соображеній, само собою падаетъ то мнѣніе, будто недостатокъ положительныхъ художественныхъ изображеній въ нашей литературѣ зависитъ всего болѣе отъ того, что самая жизнь Русская не даетъ предметовъ для идеальныхъ поэтическихъ произведеній, и представляетъ только богатый матеріалъ сатирическому искусству въ множествѣ отрицательныхъ явленій, темныхъ сторонъ, неразвитыхъ формъ и извращенныхъ отношеній жизни, грубыхъ или мелочныхъ характеровъ и т. под. Конечно, въ жизни Русской, какъ и въ жизни всякаго народа, есть много темнаго; иначе невозможно было бы у насъ, или по крайней мѣрѣ не имѣло бы такой художественнои правды, не пользовалось бы такимъ успѣхомъ, и не имѣло бы такого общественнаго значенія наше сатирическое искусство. Но въ то же время было бы слишкомъ странно

предполагать отсутствіе всякаго идеальнаго содержанія въ нашей жизни. Намъ нѣтъ нужды здѣсь восхвалять и превозносить Русскій народъ предъ другими народами, и говорить о тѣхъ высокихъ свойствахъ, которыя составляютъ положительное достоинствѣ нашей народности. Пусть будетъ нашъ народъ не лучше, даже если угодно, хуже другихъ народовъ. Всякій народъ, на какой бы низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія ни стоялъ онъ, долженъ имѣть въ своей жизни какую либо истину или идею; иначе невозможно было бы, какъ мы выше сказали, самое его существованіе. Слѣдовательно, есть своя истина и въ жизни Русскаго народа; это едва ли станетъ и отрицать кто нибудь. А всякая жизнь, имѣющая въ основѣ своей какую-либо истину или идею, можетъ быть, какъ опять уже сказано нами, предметомъ прекраснаго идеальнаго изображенія: — слѣдовательно и жизнь народа Русскаго. Есть въ нашей народной жизни явленія отрицательнаго характера; есть они и во всякой жизни. Но такія явленія не препятствуютъ положительному ея изображенію; они въ самой жизни существуютъ большею частію какъ частности и исключенія; истинный художникъ, полно обнимающій смыслъ жизни, умѣетъ и въ своемъ произведеніи поставить ихъ на такомъ мѣстѣ, изобразить въ такой мѣрѣ, что они представляются частностями и исключеніями, — тѣмъ, не нарушающею ни общаго свѣтлаго колорита всей картины, ни эстетическаго отъ нея впечатлѣнія. Не нарушаютъ же при чтеніи Илиады и Одиссеи свѣтлаго и спокойнаго впечатлѣнія — изображенія дурныхъ сторонъ въ характерахъ Греческихъ героевъ, затруднительныхъ и несчастныхъ обстоятельствъ, непривлекательныхъ обычаевъ и пр.; а всего этого много можно найти у Гомера. Не нарушаютъ же въ драмахъ Шекспира комическія, иногда даже циническія сцены — торжественнаго величія всего дѣйствія. . . Бываютъ въ жизни народной цѣлыя эпохи съ преобладаніемъ отрицательной стороны надъ положительною, зла надъ добромъ, лжи надъ истиною. Такова, на примѣръ, была послѣдняя эпоха въ исторіи Римскаго народа. Въ такія эпохи дѣйствительно трудно, хотя впрочемъ не невозможно, поэту, не нарушая требованій художественной истины, отвѣчаться отъ всего содержанія народной жизни, и избрать предметъ для идеальнаго художественнаго созданія. Но такія эпохи наступаютъ обыкновенно по истощеніи нравственныхъ силъ народа и слѣдуютъ предвѣстіемъ политическаго его упадка. Нашъ Русскій на-

родъ, слава Богу, еще не дожилъ до такой поры, и не скоро доживетъ, потому что духовныя силы его не только не дошли до истощенія, но еще не достигли полноты и зрѣлости въ своемъ развитіи. Нравственное истощеніе и конечная гибель грозитъ народу только тогда, когда, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни, при отличномъ устройствѣ формъ общественныхъ, разслабленный духъ народный, собственно по недостатку внутреннихъ силъ, не можетъ произвести ничего высокаго и доблестнаго. За Русскій народъ въ этомъ отношеніи опасаться нечего; скорѣе можно сказать, что настоящіе недостатки его зависятъ именно отъ неблагопріятныхъ условій жизни, отъ неразвитости формъ общественныхъ. Но и при этихъ благопріятныхъ условіяхъ, при этихъ грубыхъ формахъ, нашъ народъ въ себѣ самомъ умѣлъ найти внутреннія основы для своей жизни. Онъ умѣлъ среди тяжкихъ искушеній и болѣзней внутреннихъ и вѣшнихъ, прожить цѣлое тысячелѣтіе, составить огромнѣйшее въ мірѣ государство, приобрести высокое политическое могущество. Мы нарочно указываемъ на эти вѣшніе знаки нашей народной силы. Конечно, вѣшнимъ величіемъ Россіи нечего хвалиться, потому что само по себѣ вѣшнее величіе не имѣетъ еще великаго значенія. Но въ настоящемъ случаѣ оно важно для насъ потому, что служитъ не послѣднимъ доказательствомъ присутствія въ народѣ внутренней жизненной силы. Безъ внутренней силы, никакой вѣшній произволъ, никакая державная рука не могли бы сплотить массу Русскаго народа въ одно огромное, крѣпкое, долговѣчное политическое тѣло. Безъ внутренней силы—никакая исторія не можетъ представить, и никакая философія объяснить вѣшней крѣпости и могущества извѣстнаго народа. Значить, непременно должны быть въ жизни Русскаго народа положительныя стороны, истинныя начала, высокія свойства. Значить, возможно было нашимъ поэтамъ найти въ Русской жизни содержаніе для идеальныхъ, положительныхъ, свѣтлыхъ изображеній. Что за дѣло, если прекрасныя свойства Русскаго духа проявлялись доселѣ въ грубыхъ формахъ, если разумныя начала, лежація въ основѣ его, еще не успѣли вполне выразиться въ жизни, и даже не ясно сознаются самимъ народомъ. На то и дается поэту способность яснѣйшаго прозрѣнія въ глубину духовной жизни, чтобы онъ могъ открывать и уяснять своему народу его свойства, еще не совсѣмъ сознанныя и опредѣлившіяся. На то и дается поэту способность художественнаго представленія, что-

бы онъ могъ снять грубую кору внѣшнихъ формъ съ явленій жизни, и представить кроющіяся подъ нею разумныя начала духа. Далекое не достигъ полнаго развитія, далеко не выразилъ всѣхъ своихъ прекрасныхъ свойствъ Греческій духъ во времена Гомера; далеко не были совершенны тогда и общественныя формы жизни, и степень умственного и нравственного развитія человѣческаго духа (особенно если на примѣръ, сравнивать то время съ настоящимъ); однако же это не помѣшало великому поэту создать идеальное воспроизведеніе Греческой жизни въ двухъ вѣковѣчныхъ эпопеяхъ. И вообще, исторія искусства показываетъ, что почти у всѣхъ народовъ идеальныя изображенія народной жизни являлись болѣе въ эпохи младенчества, нежели полнаго развитія умственной и общественной жизни. Если бы идеальныя поэтическія созданія возможны были только при полномъ развитіи человѣческаго духа, при совершеннѣйшемъ устройствѣ формъ и отношеній общественныхъ, то человечество никогда бы не дождалось такихъ созданій. Ибо, гдѣ положить конецъ развитію человѣческаго духа? гдѣ найти идеальное совершеннѣйшаго общественнаго устройства? Всѣ эти соображенія ведутъ насъ къ тому заключенію, что не въ самой жизни Русскаго народа лежатъ причины недостатка въ нашей литературѣ идеальныхъ поэтическихъ созданій, и преобладанія отрицательнаго изображенія жизни.

Значитъ, нужно искать этихъ причинъ въ художественномъ воззрѣніи на жизнь, господствующемъ въ Русской литературѣ. Выше мы показали, какъ явленія жизни, въ существѣ своемъ положительныя, могутъ быть изображены отрицательно, если художникъ смотритъ на нихъ съ своей высшей точки зрѣнія, судить ихъ во имя такихъ идеаловъ, которымъ они не могутъ удовлетворить. Здѣсь-то главнѣйшая причина отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ. Наши писатели требуютъ отъ нашей народной жизни того, чего она, при настоящихъ условіяхъ своихъ, не можетъ имъ дать, и въ слѣдствіе этого не могутъ ни понять, ни признать того, что есть въ ней добраго и разумнаго, ни примириться съ дѣйствительностію.

Откуда же возникло въ нашей литературѣ такое отношеніе къ жизни?

Основанія ему ищутъ въ самой природѣ Русскаго духа. Русскій духъ, говорятъ, носитъ въ себѣ такой высокій идеаль жизни, которому не можетъ удовлетворить никакая дѣйствительность. Нѣкоторые прибавляютъ къ тому, что идеаль этотъ воспитала въ насъ

народномъ духѣ Христіанская религія, слишкомъ глубоко проникшая въ его природу. Отъ этого будто образовалось въ Русскомъ народѣ всегдашнее недовольство своею настоящею дѣйствительностію, непрестанное стремленіе впередъ къ чему-то высшему, коренная добродѣтель Русскаго народа—смиреніе. Отъ этого Русскій человѣкъ всегда болѣе обращаетъ вниманіе на свои недостатки, нежели на хорошія свойства. «Русскаго человѣка не удивишь никакимъ подвигомъ не потому, чтобы въ Русскомъ не было сочувствія къ высокому и благородному, но потому что все высокое и благородное онъ считаетъ также естественнымъ для человѣка, какъ естественно для него имѣть двѣ руки и проч. Напротивъ, все низкое и порочное его поражаетъ, какъ дѣло несвойственное человѣку, какъ уродливость его нравственнаго характера. Отъ этого зависитъ преимущественно проицескій характеръ нашихъ пословицъ: Отъ этого въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ самое разгульное веселье растворяется ироніею, или унылою грустью о жизни. Литература, какъ высшій, сознательный органъ народнаго духа, должна быть полнѣйшимъ выраженіемъ его характеристическихъ свойствъ. И здѣсь-то заключается главнѣйшая причина постоянного преобладанія сатирическаго направленія въ нашей литературѣ. Этимъ объясняется и то, почему сатира, преимущественно предъ другими родами поэзіи, получила у насъ высшую художественную обработку. Этимъ объясняется и сочувствіе нашей публики преимущественно къ сатирическимъ произведеніямъ. Отсюда уже можно заключить, что и въ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы сатира всегда будетъ занимать въ ней первое мѣсто.»

Во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ (намъ приходилось нерѣдко слышать ихъ, и читать въ одной статьѣ по этому предмету) можетъ быть и есть значительная доля правды; принять ихъ въ основаніе своихъ собственныхъ сужденій, при рѣшеніи нашего вопроса, мы были бы очень рады. Въ такомъ случаѣ рѣшеніе вопроса не представило бы намъ большихъ трудностей, потому что имѣть ничего легче, какъ извѣстное явленіе въ жизни народа объяснить тѣмъ, что предрасположеніе и основаніе для него существуетъ въ самомъ духѣ народа. Но едва ли такое рѣшеніе могло бы удовлетворить кого, и привести къ какимъ нибудь опредѣленнымъ результатамъ. Притомъ мысль, будто въ самомъ духѣ Русскаго народа лежитъ природное отрицательное воззрѣніе на жизнь, и за тѣмъ предрасположеніе къ

отрицательному изображенію жизни, эта мысль требует болѣе сильныхъ доказательствъ, нежели приведенныя нами. Между тѣмъ нельзя не сознаться, что каждое изъ означенныхъ доказательствъ имѣетъ много слабыхъ и сомнительныхъ сторонъ. Это кажется правда, что собственно народный заветный идеалъ, т. е. тотъ идеалъ, который живетъ въ сознаниіи народа во все продолженіе его исторической жизни, въ которомъ народъ видитъ образъ своего духа и нерѣдко прообразъ своей исторической судьбы, тотъ идеалъ, который бываетъ любимымъ идеаломъ народной поэзіи (такіе идеалы бываютъ у каждаго народа, замѣчательнаго по своему историческому назначенію и творческой силѣ), у Русскаго человѣка великъ и высокъ. Это отчасти можно видѣть изъ тѣхъ, впрочемъ неясныхъ и отрывочныхъ чертъ, какія Русская фантазія усвоила своему заветному, хотя еще не сознанному идеалу. Именно, въ нашей народной фантазіи искони существуетъ образъ необлѣтной, но въ тоже время мирной, кроткой, гуманной, сдержанной, и только иногда, на удивленіе міру и на пользу добрымъ людямъ, выходящей изъ своего покоя, силы. Не трудно примѣтить еще изъ нашихъ народныхъ сказокъ, также изъ произведеній новой словесности, именно изъ произведеній Ломоносова, Державина, Пушкина, Кольцова, даже Лермонтова, Гоголя, Языкова, Хомякова и др., что этотъ образъ есть дѣйствительно заветный, любимый идеалъ Русской фантазіи, который съ давняго времени пытается представить она въ поэтической формѣ. Но этотъ высокій народный идеалъ не исключаетъ собою возможности положительнаго воззрѣнія на жизнь въ Русскомъ духѣ. Можно, какъ мы уже выше замѣтили, имѣть самый высокій идеалъ о жизни, и въ то же время любить и уважать дѣйствительность жизни, хотя и не соответствующую этому идеалу. И это тѣмъ болѣе должно имѣть мѣсто въ Русскомъ духѣ, если справедливо, что образованію въ немъ высокаго идеала способствовала Христіанская религія (въ нѣкоторыхъ чертахъ, усвояемыхъ ему, нельзя не видѣть ея вліянія). Возвышаться надъ дѣйствительностію жизни, стремиться къ высшему идеалу, и въ то же время съ снисходительностію и любовію смотрѣть на жизнь и людей—именно въ духѣ Христіанской религіи. Значитъ, изъ указаннаго основанія никакъ нельзя производить отрицательнаго воззрѣнія на жизнь, господствующаго въ Русской литературѣ. Несправедливо также, въ ироническомъ будто бы тонѣ нашихъ пословицъ и народныхъ пѣсней искать оправданія той мысли, что врожденное

Русскому духу воззрѣніе на жизнь есть отрицательное: между нашими пословицами гораздо болѣе положительно-дидактическихъ, нежели пролическихъ, а унылый тонъ нашихъ народныхъ пѣсень выражаетъ не отрицаніе жизни, а носить на себѣ печать частію какой-то безотчетной грусти, частію временныхъ несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, на что нѣкоторыя указанія можно найти въ самомъ содержаніи пѣсень. Что же касается до той мысли, будто сатирическое направленіе нашей литературы происходитъ отъ смиренія—нашей коренной народной добродѣтели, то о ней и говорить нечего. Есть люди, которые напротивъ утверждаютъ (и не безъ права), что сатира-то всего болѣе и несогласна съ духомъ Христіанскаго смиренія. Если бы дѣйствительно Русскаго человека сильно поражало все низкое и ненормальное его жизни, не встрѣчали бы такихъ затрудненій и замедленій всѣ наши попытки общественныхъ преобразованій, и давно не было бы въ нашемъ обществѣ тѣхъ недостатковъ, противъ которыхъ такъ сильно ратуетъ наша сатира. Расположенность нашей публики къ сатирическому изображенію жизни также нельзя объяснять смиренною потребностью самоосужденія и назиданія. Мы знаемъ, что во времена Сумарокова, Княжнина, Фонъ-Визина и Капниста, Русская публика любила смотрѣть на сатирическія представленія, но не любила узнавать въ нихъ себя, хотя сатирики того времени изъ ней самой дѣлякомъ брали факты и личности для своего изображенія (1), что во времена Крылова Климычъ обыкновенно кивалъ на Петра, когда ему читали про взятки,—что во времена Гоголя, когда Русское сознаніе сдѣлалось нѣсколько тоньше и щекотливѣе, значительная часть публики почла Ревизора личнымъ для себя оскорбленіемъ, а другая утѣшала себя тѣмъ, что все описанное въ немъ и Мертвыхъ Душахъ происходитъ тамъ, гдѣ-то далеко, въ провинціи,—что, наконецъ, и въ наше время есть люди негодующіе на сатирическое направленіе литературы, а большая часть любителей его и поклонниковъ сочувствуютъ ему все не потому, что въ произведеніяхъ Щедрина и Печерскаго можно найти много назиданія и обличенія, а просто потому, что Щедринъ и Печерскій пишутъ весьма забавно, а по мѣстамъ черзчуръ открыто и скандалезно. Что же касается до предпочтенія, оказывае-

(1) Князь Вяземскій, въ біографіи Фонъ-Визина, приводитъ объ этомъ свидѣтельства Новикова и другихъ писателей того времени. •

маго публикою сатирическими представленіями предъ положительными, то оно весьма просто объясняется превосходствомъ первыхъ предъ послѣдними. Впрочемъ и здѣсь нужно сдѣлать ограниченіе: это предпочтеніе образовалось въ публикѣ только въ послѣднее время. До Гоголя и въ первые годы дѣятельности Гоголя, публика гораздо болѣе сочувствовала положительному направленію литературы; и для этого вовсе не требовалось отъ положительной литературы чего нибудь великаго, необыкновеннаго. Публика восхищалась и историческими романами Загоскина, и драматическими фантазіями Кукольника, и бурными, размахистыми разсказами Марлинскаго. Мы упоминаемъ еще о самыхъ достойныхъ любимцахъ тогдашней публики; а что сказать о гг. Зотовыхъ, Зряковыхъ, Воскресенскихъ, творенія которыхъ, и имъ подобныя (напр. Веняярскаго), въ извѣстномъ кругу чувствительной публики и теперь предпочитаютъ произведеніямъ великаго Гоголя. Наконецъ, несправедливо преобладаніе сатирическаго элемента въ Русскомъ духѣ—доказывать всегдашнимъ будто бы преобладаніемъ въ нашей литературѣ сатирическаго направленія надъ положительнымъ. Въ самую эпоху Державина и Фонъ-Визина, сатирическое направленіе шло только на ряду съ положительнымъ; а въ періодъ Карамзинскій и Пушкинскій первое было гораздо слабѣе послѣдняго. Только съ Гоголя открылось обширное поприще сатирическому направленію. Изъ нашихъ великихъ писателей прежняго времени большая часть держалась положительнаго направленія. Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ и Кольцовъ были поэты съ преобладающимъ положительнымъ воззрѣніемъ на жизнь. Можно сказать, самому Лермонтову это воззрѣніе было среднѣе, нежели отрицательное. Самъ Гоголь положительное воззрѣніе предпочиталъ отрицательному. И изъ современныхъ писателей положительнаго направленія держится едва ли не большее число, нежели отрицательнаго. Когда же говорится о преобладаніи отрицательнаго воззрѣнія надъ положительнымъ въ нашей литературѣ, то это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что положительное изображеніе жизни, не смотря на всѣ попытки и усилія нашихъ писателей, мало имѣло у насъ успѣха, что сатирическія произведенія всегда выходили у насъ въ художественномъ отношеніи гораздо лучше положительныхъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ самомъ Русскомъ духѣ коренное воззрѣніе на жизнь есть сатирическое, и что по этому въ нашей литературѣ сатирическое направленіе всегда должно

быть и будетъ главнымъ направлеиіемъ. Вообще намъ кажется, что утвердительно судить о такомъ или другомъ преобладающемъ въ Русской природѣ свойствѣ нельзя, до того времени, пока Русскій духъ еще не успѣлъ организоваться вполне и выразить всѣхъ своихъ свойствъ. На основаніи современнаго развитія Русской литературы, мы можемъ только сказать, что Русскій духъ не чуждъ великаго сатирическаго таланта, и что поэтому въ нашей литературѣ есть богатые задатки для успѣшнаго процвѣтанія сатиры на будущее время. Но можетъ быть въ Русскомъ духѣ есть и другіе, столько же сильные, но развившіеся пока таланты, можетъ быть когда нибудь Русская литература будетъ такъ же богата произведеніями въ положительномъ родѣ, какъ нынѣ въ сатирическомъ? Уже изъ того самаго, что стремленіе къ положительному изображенію жизни всегда было сильно въ Русской литературѣ, и что большая часть Русскихъ писателей, по природному таланту, были болѣе способны къ положительному, нежели къ отрицательному изображенію жизни,—изъ этого уже можно заключить, что ближайшая причина успѣховъ сатирическаго направленія въ нашей литературѣ и слабости положительнаго должна находиться не въ природномъ преобладаніи отрицательнаго воззрѣнія надъ положительнымъ у Русскаго человѣка, а во временныхъ, историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, поставившихъ до времени Русскаго человѣка въ отрицательное отношеніе къ своей народной жизни.

Какія же именно обстоятельства способствовали образованію такого отношенія?

Выше мы сказали, что самымъ неблагоприятнымъ временемъ для положительнаго искусства бываетъ тотъ періодъ народной жизни, когда народъ вышелъ уже изъ состоянія непосредственности, самозаклученности, и не достигъ еще полной зрѣлости и окончательнаго развитія, когда самородныя жизненныя начала находятся какъ бы въ состояніи броженія и разложенія, чужія, заимствованныя у другихъ народовъ, не успѣли переработаться въ народномъ сознаніи и слиться въ одинъ цѣльный организмъ съ первыми,—когда сознаніе народа, въ лицѣ передовыхъ его представителей, идетъ впереди жизни, и настоящее устройство и положеніе общественныхъ бытовыхъ формъ отрицается во имя новыхъ, высшихъ, отвлеченныхъ идеаловъ. Такой періодъ, по самому существу своему, отрицательнаго характера, и потому явленія его умственной и эстетической дѣятельности болѣе или менѣе носятъ печать отрицанія; ни полнаго пониманія жизни, ни полнаго

сочувствія къ пей — двухъ необходимыхъ условій положительнаго искусства, здѣсь быть не можетъ. Именно въ такомъ періодѣ развитія находится жизнь народа Русскаго, — и находятся не съ давняго времени. По примѣру другихъ историческихъ народовъ новаго міра, Русскій народъ весьма рано — съ самаго вступленія на историческое поприще, по крайней мѣрѣ съ принятія Христіанской вѣры, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, вышелъ изъ состоянія непосредственности и самозаклученности, и сдѣлался доступенъ въ нѣкоторой мѣрѣ внѣшнимъ вліаніямъ. Въ людяхъ образованныхъ, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ памятниковъ исторической и богословской литературы, уже тогда замѣтно было подражаніе ввоземнымъ образцамъ и отрицательное воззрѣніе на свою народную жизнь. Мы не поставляемъ этого имъ въ вину, и отнюдь не думаемъ — тѣхъ людей, которые въ темное и смутное время нашей исторической жизни были единственными блюстителями нашей вѣры и науки, обвинять въ стѣсненіи и подавленіи самобытнаго развитія народа Русскаго (какъ дѣлаютъ это люди, которые сами гораздо болѣе заслуживаютъ такое обвиненіе). Отрицательное воззрѣніе на жизнь народа необходимо условливалось въ нихъ самымъ общественнымъ положеніемъ, требованіями самаго званія ихъ и долга, по которому они обязаны были пачтять и цѣнить народную жизнь, по такому высокому идеалу, по отношенію къ которому она необходимо должна была явиться съ отрицательнымъ характеромъ. Но древняя Русская словесность не входитъ въ предметъ нашего сужденія. Нашему вниманію подлежитъ собственно новая Русская литература. При возникновеніи ея въ Русскомъ обществѣ, еще болѣе получили силы и значенія обстоятельства, способствовавшія образованію отрицательнаго воззрѣнія на жизнь; такъ какъ здѣсь развитіе Русскаго народа стало совершаться усиленно, съ болѣею быстротою. — слѣдовательно и отрицаніе существующихъ формъ жизни получило болѣшую силу; въ Русскую жизнь внесено болѣе чуждыхъ элементовъ, слѣдовательно народное сознаніе болѣе разъединено съ самородными стихіями дѣльной Русской природы, — и при томъ эти заимствованные, чуждые элементы, по характеру своему, должны были стать въ отрицательное отношеніе съ коренными народными началами. Эти обстоятельства стѣдуютъ того, чтобы мы поговорили о нихъ подробнѣе.

Реформою Петра Россія введена въ связь съ Европою. Жизнь Русскаго высшаго общества воспріяла въ себя элементы жизни

Европейской. Литература Русская, возникшая именно въ этомъ высшемъ, цивилизованномъ классѣ общества, стала въ такое же отношеніе къ жизни народной, какое существуетъ въ Европѣ между литературою и жизнію. Случилось такъ, что въ Европѣ на ту пору сознание вошло въ разладъ съ жизнію,— и здѣсь открывается первый источникъ отрицательнаго воззрѣнія на жизнь въ литературѣ Европейской, а затѣмъ и въ литературѣ Русской. Съ 18-го вѣка съ особенною силою обнаружилось, и понынѣ продолжается въ Европѣ отрицаніе старыхъ началъ и формъ жизни во имя новыхъ, пока еще не вполне сознанныхъ и выработанныхъ. Идея прогресса, непрестанно движущая человѣка впередъ, есть главная идея Европейской жизни двухъ послѣднихъ столѣтій. Философія 18-го вѣка широко развила сознание Европейскаго человѣка, и выработала для него такія нравственныя понятія и требованія, каковыми весьма трудно удовлетворить не только при настоящихъ условіяхъ жизни, но и когда нибудь. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ возникло въ современномъ человѣкѣ недовольство дѣйствительностію жизни; но этими же самыми обстоятельствами еще болѣе скрѣплена связь между нимъ и ею. Духъ отрицанія, вооружая человѣка противъ старыхъ началъ и формъ жизни за то именно, что они были слишкомъ отвлечены, стояли во внѣшнемъ отношеніи къ жизни, и потому были стѣснительны для свободной дѣятельности, возбуждаетъ въ немъ потребность началъ выработанныхъ изъ жизни, а для этого требуетъ тѣснѣйшей связи съ жизнію. Идея прогресса, требуя отъ человѣка непрестаннаго развитія, необходимымъ условіемъ этого требованія поставляетъ то, чтобы онъ въ себѣ самомъ искалъ силъ для своего развитія и не полагался на содѣйствіе какой-либо высшей внѣ-міровой силы. Развитіе самосознанія, расширивъ въ современномъ человѣкѣ нравственныя требованія до невозможности полнаго выполненія ихъ, развило съ немъ и тонкое чутье истины и дѣйствительности, такъ что современный человѣкъ ни самъ себя не можетъ обольстить какими нибудь наружно-идеальными совершенствами, ни въ другихъ не вѣрить такимъ совершенствамъ, а потому и отрицаетъ дѣйствительность всякихъ идеальныхъ міровъ, въ которыхъ для прежняго человѣка заключался источникъ обольщеній и наслажденій. Новѣйшая философія, возвысивъ идеалъ существа человеческого до недоступной для человеческой дѣятельности высоты идеи абсолютной, учитъ въ тоже время, что осуществленія этого иде-

ала нужно искать въ дѣйствительной человѣческой жизни, а не гдѣ нибудь выше ея. Такимъ образомъ въ духѣ современнаго человѣка разрушенъ миръ съ дѣйствительностію жизни, и въ то же время загражденъ исходъ изъ нея въ какой либо міръ идеальный. Отсюда-то происходитъ то странное явленіе, что никогда еще человѣкъ, кажется, не былъ такъ недоволенъ дѣйствительностію жизни, и въ тоже время такъ привязанъ къ ней, какъ въ послѣднее время. И здѣсь-то заключается источникъ и вѣдшихъ усиховъ, в внутреннихъ болѣзней нашего времени. Съ лихорадочною поспѣшностію трудясь надъ изобрѣтеніемъ новыхъ началъ, формъ и средствъ жизни, современный человѣкъ ни на чемъ не успокоивается, непрестанно переходитъ отъ пріобрѣтенія къ новому пріобрѣтенію. Таковъ смыслъ и направленіе современной жизни: благоприятно ли это направленіе для самой жизни, и къ чему наконецъ приведетъ оно,—рѣшеніе этого вопроса можетъ быть было бы выше силъ нашихъ, да оно и не у мѣста здѣсь. Но что при немъ не возможны положительныя идеальныя созданія искусства,—это очевидно само собою. У современнаго поэта могутъ быть высокіе идеалы, но ему не гдѣ взять формъ для воплощенія ихъ; дѣйствительная жизнь далеко не отвѣчаетъ его идеаламъ; а внѣ дѣйствительной жизни онъ не признаетъ никакого идеальнаго міра. Онъ поставленъ среди двухъ противоположностей, равно неблагоприятствующихъ положительному возрѣнію на жизнь, то есть, онъ отрицаетъ жизнь дѣйствительную во имя идеала, и жизнь идеальную во имя дѣйствительности. Такое направленіе современной жизни очевидно способствуетъ только отрицательному искусству. Посему-то въ новой литературѣ имѣютъ такой усихъ произведенія характера отрицательнаго. Здѣсь современный поэтъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, и оттого его произведенія бываютъ живѣе, сильнѣе и искреннѣе. Отрицательное возрѣніе на жизнь составляетъ теперь основу не только собственно такъ называемой сатирической литературы, но и во всѣхъ вообще произведеніяхъ повѣствовательнаго искусства, и въ замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ лирической поэзіи, оно болѣе или менѣе ясно выражается въ видѣ, то легкаго юмора, то желчнаго негодованія, то грустной пропіи, то апатическаго равнодушія къ жизни и т. под. Отсюда и въ современномъ обществѣ образовалось расположеніе преимущественно къ отрицательному направленію искусства, а къ мирнымъ и прекраснымъ, идеальнымъ изображеніямъ жизни вкусъ потерявъ. Но одно отрицаніе не мо-

жить удовлетворяетъ духа человѣческаго, — и въ людяхъ, которые живѣе и полнѣе чувствуютъ потребности духа, всегда обнаруживалось стремленіе выйти изъ этой тяжелой отрицательной сферы. Много сдѣлано было попытокъ Европейскими поэтами, много перепробовано путей къ тому, чтобы возвратитъ искусству его мирный, идеальный, положительный характеръ. Но ни одна изъ этихъ попытокъ не можетъ назваться вполнѣ удачною. Одни, какъ напр. Шиллеръ, Гете и другіе Нѣмецкіе поэты, не находя удовлетворенія своимъ идеаламъ въ современной Европейской жизни, искали примиренія въ прекрасномъ мірѣ классическаго и романтическаго искусства, но при всемъ изумительномъ умѣни и усиліяхъ своихъ, они не могли отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія и воскреситъ идеалъ древняго искусства въ первоначальной свѣжести, искренности и чистотѣ. Другіе, какъ Вальтеръ-Скоттъ, обращались къ преданіямъ своей прежней народной жизни, и художественнымъ воспроизведеніемъ быта ея старались освѣжитъ, успокоитъ и себя, и общество, страдающее разладомъ съ своею современною жизнью; но и здѣсь теплая изображенія древняго быта не рѣдко проникаются желчью современной прозы. Третьи, какъ Американскіе поэты (Куперъ и новая писательница Бичеръ-Стоу) противопоставляютъ одряхлѣвшему и зараженному эгоизмомъ цивилизованному обществу дѣвственную природу неразвитыхъ Африканскихъ и Американскихъ племенъ, въ которыхъ таятся зародыши прекрасныхъ идеальныхъ свойствъ, но и у этихъ писателей отрицательныя изображенія эгоистическаго цивилизованнаго общества выходятъ гораздо натуральнѣе и искреннѣе идеальныхъ образовъ чернаго и мѣднокраснаго племени. Нѣкоторые, каковы новѣйшіе Англійскіе романисты, не заботятся о высшихъ идеалахъ, мирятся съ прозою современной жизни безъ особеннаго негодованія, но и безъ большаго участія, стараясь только съ возможною вѣрностію воспроизводить ея дѣйствительныя явленія; но и здѣсь, какъ мы уже сказали, нѣтъ полнаго примиренія съ жизнію въ воззрѣніи автора, нѣтъ потому художественнаго очарованія въ его изображеніяхъ. Иные наконецъ, — какова большая часть Французскихъ романистовъ, — берутъ особенно интересующія ихъ отвлеченныя идеи философіи, политики, нравственности, даютъ имъ человѣческія имена и титаническія страсти, облачаютъ ихъ въ свои національные костюмы и поселяютъ среди современнаго цивилизованнаго общества; здѣсь уже нарушается и истина жизни и идея искус-

сва. — Таковы главные роды положительнаго изображенія жизни въ современной литературѣ; ни одинъ изъ нихъ не осуществляетъ воплотить идеи положительнаго искусства, — въ каждомъ, за наружнымъ примиреніемъ съ жизнью, скрывается отрицаніе ея. Поэтому, можно сказать, ни въ одномъ изъ произведеній новѣйшей литературы нѣтъ того непосредственнаго сочувствія съ жизнью, той свѣжести, искренности и теплоты въ изображеніяхъ ея, какими отличаются произведенія древней поэзіи; поэтому ни въ одномъ изъ произведеній новѣйшей литературы мы не находимъ того чистаго, спокойнаго наслажденія, того примиренія съ жизнью, которое даютъ идеальныя созданія древняго искусства.

Такое отсутствіе непосредственнаго, гармоническаго отношенія къ жизни въ душѣ поэта имѣетъ вліяніе и на самую форму, на внѣшнюю сторону новѣйшихъ художественныхъ созданій. Не имѣя въ душѣ непосредственнаго сочувствія съ жизнью, новый поэтъ долженъ выработать его путемъ размышленія, изученія, рефлексіи. По этому въ произведеніяхъ новѣйшей литературы всегда почти виденъ болѣе мыслитель, нежели художникъ, философская рефлексія преобладаетъ надъ поэтическимъ творчествомъ, психическій анализъ замѣняетъ художественное чувство жизни. О древнихъ поэмахъ можно было сказать, что онѣ прямо вылились изъ души поэта подъ непосредственнымъ напѣтомъ вдохновенія; но произведенія новой поэзіи всегда носятъ печать долговременнаго обдумыванія, тщательной обработки, сочиненія, а не творчества. Есть еще и другая, впрочемъ находящаяся въ тѣсной связи съ первою, причина несовершенства внѣшней, формальной стороны въ новѣйшихъ художественныхъ произведеніяхъ. Она заключается въ недостаткѣ гармоническаго развитія духовныхъ силъ у современнаго человѣка, въ преобладаніи мыслительной способности надъ чувствомъ и воображеніемъ. (1) Отъ этого зависитъ недостатокъ соразмѣрности и гармоніи между отдѣльными элементами въ поэтическихъ произведеніяхъ, преобладаніе

(1) А самый недостатокъ гармоническаго развитія духовныхъ силъ въ современномъ обществѣ всего болѣе зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ преобладанія школьнаго воспитанія надъ семейнымъ, кабинетной жизни надъ общественною, отъ недостатка правльнаго эстетическаго развитія, и наконецъ отъ чрезмѣрнаго разобщенія жизни человѣка съ жизнью природы. Почему же возникло такое преобладаніе и разобщеніе? Этотъ предметъ стоитъ цѣлаго особаго разсужденія.

мысли надъ образомъ, преимущественное углубленіе въ одинъ предметъ съ ущербомъ для другихъ, всё эти антихудожественныя отступленія, поясненія, приравненія, распротраненія, отъ которыхъ не свободны произведенія самыхъ лучшихъ Европейскихъ писателей. Отъ преобладанія ума надъ фантазією, силы мыслительной надъ творческою, философскаго анализа надъ непосредственнымъ чувствомъ истины и красоты, теряется тактъ художественной гармоніи, особенно въ отношеніи къ постройкѣ цѣлаго большаго произведенія. Можно еще найти въ лучшихъ произведеніяхъ современной литературы много отдѣльныхъ частности, начертанныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ вдохновенія и фантазіи, увлекательныхъ по своей художественной прелести. Но въ планѣ цѣлаго произведенія, въ симметрическомъ расположеніи отдѣльныхъ частей и отношеніи ихъ къ цѣлому, современные писатели какъ будто водятся болѣе логическими соображеніями, или какими нибудь практическими цѣлями, для которыхъ предназначается извѣстное произведеніе, нежели художественнымъ тактомъ и непосредственнымъ чувствомъ красоты. Этотъ-то упадокъ въ талантѣ художественнаго представленія и обозначился въ Европейской литературѣ новыми, неизвѣстными древнимъ формами искусства, каковы—романъ и повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ они и теперь существуютъ. Романъ собственно замѣнилъ собою древнюю эпопею. Но если внимательнѣе рассмотреть эту литературную форму, окажется, что она почти столько же принадлежитъ къ эпическому, сколько и ко всякому другому роду искусства не только поэтическаго, но и прозаическаго. Это какая-то составная, смѣшанная, эклектическая форма, совмѣстившая въ себѣ свойства и требованія почти всѣхъ чистыхъ формъ искусства, и потому самому неудержавшая эстетическія достоинства ни одной изъ нихъ. Въ немъ могутъ совмѣщаться самыя противоположныя, разнохарактерныя воззрѣнія на жизнь, и въ тоже время можетъ не быть ни одного опредѣленнаго. Въ немъ безъ всякаго строго опредѣленнаго плана и перехода, спокойный эпическій рассказъ можетъ стоять рядомъ съ страстными драматическими сценами и лирическими изліяніями чувствъ поэта, идиллическія сцены могутъ мѣшаться съ комическими и т. под. Въ немъ открывается мѣсто и развитію философской теоріи, и правиламъ неглубокаго житейскаго благоразумія и правоученія, и тонкими политическимъ намекамъ и соображеніямъ экономической науки. Онъ для современнаго человѣка можетъ служить источникомъ и умственнаго,

и эстетического, и нравственного, и общественного образования. И между тѣмъ ничто столько, какъ современный романъ, не служитъ свидѣтельствомъ того, какъ упалъ въ современной литературѣ талантъ художественнаго представленія, а въ современномъ обществѣ вкусъ къ гармоніи и красотѣ художественной формы. Упадокъ гармонической художественной формы всего сильнѣе чувствуется въ такихъ произведеніяхъ современной литературы, которыя имѣютъ предметомъ именно положительное изображеніе жизни. Въ сатирической литературѣ, какъ мы выше показали, менѣе требуется искусства въ гармоническомъ представленіи или художественной отдѣлкѣ произведенія. Здѣсь въ общемъ дисгармоническомъ впечатлѣніи и недостатки гармонической формы бываютъ менѣе замѣтны, и могутъ нѣсколько вознаграждаться силой одушевленія, съ которымъ поэтъ отрицаетъ изображаемую дѣйствительность во имя идеала; а въ такомъ одушевленіи у современнаго поэта нѣтъ недостатка, потому что онъ силенъ духомъ отрицанія, и въ сферѣ отрицанія чувствуетъ себя, какъ въ своей родной сферѣ. Напротивъ, въ сферѣ положительнаго искусства, современный поэтъ чувствуетъ себя не на своемъ мѣстѣ: положительное искусство налагаетъ на него большія требованія относительно гармоніи художественнаго представленія; здѣсь и погрѣшности противъ этого требованія бываютъ замѣтнѣе и чувствуются непріятнѣе. И оттого-то, при слабости художественнаго таланта представленія, происходитъ упадокъ положительнаго искусства. Вотъ главныя причины недостатка положительныхъ художественныхъ произведеній въ Европейской литературѣ. Внутренняя причина заключается въ духѣ отрицанія, господствующемъ въ Европейскомъ обществѣ, внѣшняя—въ упадкѣ таланта художественнаго представленія, происшедшемъ отъ искусственнаго, односторонняго, далекаго отъ природы воспитанія и развитія современнаго человѣка. (1)

(1) Нужно помнить, что мы говоримъ собственно о *цѣльномъ* положительномъ изображеніи жизни въ *повѣствовательномъ* (эпическомъ, отчасти и драматическомъ) родѣ литературы. Новѣйшая лирическая поэзія имѣетъ много прекрасныхъ произведеній и съ положительнымъ характеромъ. Отдѣльныя свойства современнаго человѣка, отдѣльныя направленія жизни и идеи вѣка могутъ возбуждать къ себѣ полное сочувствіе и служить предметомъ идеальныхъ лирическихъ изображеній. По значительности предметовъ и глубинѣ идей, служащихъ содержаніемъ современныхъ лирическихъ произведеній, по горячности сочувствія къ нимъ въ самихъ поэтахъ, произведенія новой лирики стоятъ выше древнихъ лирическихъ произведеній. Самые недо-

Внесши съ свою жизнь элементы жизни Европейской, Русское общество восприняло вѣстѣ съ тѣмъ и болѣзни Европейскаго общества. Мы разумѣемъ здѣсь Русское цивилизованное общество, то, въ которомъ возникла новая Русская литература: низшій классъ парода, разъединенный съ тѣмъ классомъ, который, по положенію своему, по матеріальной обезпеченности быта, долженъ бы служить для народа хранилищемъ просвѣщенія и органомъ народнаго самосознанія, — лишился духовной жизненной поддержки и отчужденный, поставленный вѣтъ общественнаго развитія, не принимая участія, какъ прежде, въ общемъ, совокуномъ, поступательномъ движеніи впередъ всѣхъ классовъ народа, — нисшій классъ, говоримъ мы, подъ гнетомъ нуждъ матеріальныхъ, сдѣлался недоступенъ умственной и эстетической дѣятельности. Если когда являлся среди него сильный талантъ, онъ естественно получалъ образованіе отъ высшаго цивилизованнаго общества, и потому характеръ его духовной дѣятельности опредѣлялся общимъ характеромъ этаго общества. Тоже искусственное, одностороннее воспитаніе и у насъ разрушило стройную гармонію душевныхъ силъ, развило мысль на счетъ воображенія и чувства, а чрезъ это ослабила сила художественнаго представленія. Общее наглядное доказательство этому можно получить изъ сравненія настоящаго періода нашей литературы съ предъидущими періодами. Лучшіе писатели Ломоносовскаго, Карамзинскаго и Пушкинскаго періода не слишкомъ были развиты въ философскомъ отношеніи, за то талантъ художественнаго представленія былъ у нихъ сильнѣе. Современные писатели почти всѣ болѣе и менѣе *трогнуты рефлексією*; и потому-то гармонія художественной формы почти совсѣмъ утрачена въ настоящее время. Духъ отрицанія началъ господствовать въ нашемъ обществѣ съ того времени, когда оно, еще и не зная, что отрицать, въ чемъ разочаровываться, — уже изъ одного подражанія, по модѣ, представляло себя разочарованнымъ, и

статки формальнаго художественнаго представленія, которыми такъ отличается новат поэзія отъ древней, въ лирическихъ произведеніяхъ не слишкомъ замѣтны, — какъ по малому объему такихъ произведеній (у новыхъ поэтовъ еще достаетъ фантазіи создать малый художественный образъ, оттого и въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ имъ удается изобразить частности довольно хорошо; у нихъ только не достаетъ художественнаго такта расположить въ гармоніи и соразмѣрности планъ цѣльной большой картины жизни), такъ и потому, что лирическая поэзія не требуетъ такой полноты въ талантѣ художественнаго представленія, какъ эпическая; здѣсь самая сила мысли и горячность сочувствія можетъ въ извѣстной мѣрѣ замѣнить художественную образность.

конечно долженъ былъ еще болѣе усилиться, когда поболѣе поживъ мыслию, и поближе узнавъ жизнь свою, оно нашло много предметовъ дѣйствительно достойныхъ отрицанія. Такимъ образомъ условія, способствовавшія упадку положительнаго искусства въ Европейской литературѣ, имѣли вліяніе и на литературу Русскую. Но здѣсь это вліяніе получило бѣльшую силу, иной характеръ, соотвѣтственно и различію жизни Европейской и Русской, и различію отношеній къ жизни въ литературахъ Европейской и Русской. Не касаясь параллели между частными явленіями той и другой литературы, мы должны обратить вниманіе на тѣ особенныя обстоятельства, которыя собственно въ Русской литературѣ, преимущественно предъ Европейской, условливали недостатокъ положительныхъ художественныхъ произведеній.

Мы показали, что для положительнаго изображенія жизни нужно пониманіе жизни и примиреніе съ нею. Недостатокъ положительныхъ художественныхъ произведеній въ Европейской литературѣ зависитъ преимущественно отъ недостатка примиренія съ жизнью въ сознаніи Европейскаго человѣка и поэта. Если бы художественныя положительныя произведенія возможны были только при условіи пониманія жизни; то Европейская литература могла бы быть богата такими произведеніями. Европейскіе народы, далеко опередившіе Русскаго человѣка по отношенію къ собственному развитію—Французы, Нѣмцы, Англичане имѣютъ свои характерическія народныя особенности, знаютъ ихъ, дорожатъ и гордятся ими, и выражаютъ ихъ въ своей жизни и литературѣ. Русскій человѣкъ также, конечно, имѣетъ свой національный характеръ; но онъ еще не узналъ его, и не могъ узнать, частію по незрѣлому развитію своего сознанія, частію потому, что духъ Русскаго народа не успѣлъ вполне выразиться въ своей жизни и опредѣлиться въ своихъ свойствахъ. Со времянъ Петровской реформы Русскій народъ раздѣлился на двѣ главныя общественныя массы. Многочислѣннѣйшая изъ нихъ—простой народъ, упорно не принимая въ свою жизнь элементовъ цивилизаціи Европейской, сохраняетъ болѣе или менѣе въ первородной цѣльности коренныя Русскія начала и свойства; но лишняя почти всякаго образованія, разобщенная съ высшимъ, цивилизованнымъ обществомъ, она покуда чужда живаго развитія, и многое изъ коренныхъ началъ и свойствъ народнаго духа отчасти окаменѣло уже въ старыхъ формахъ жизни, отчасти портится, такъ сказать, на корню. Другая—высшее, цивилизованное общество, воспринявъ въ свою жизнь элементы общечело-

вѣческой образованности въ формахъ различныхъ Европейскихъ національностей, не успѣла еще этихъ общечеловѣческихъ элементовъ ни освободить отъ чуждыхъ своей народности Европейскихъ формъ, ни слить въ органическое цѣлое съ своими народными началами, ни переработать по этимъ началамъ. Очевидно, что ни та, ни другая часть Русскаго общества не можетъ служить нашему поэту источникомъ для уразумѣнія коренныхъ началъ и свойствъ нашего народнаго духа. Въ первой эти начала и свойства слишкомъ закрыты и подавлены перѣдко грубыми формами; во второй—слишкомъ перемѣшаны съ чуждыми формами и началами. Конечно, творческій духъ поэта могъ бы снять грубую кору съ идеальныхъ свойствъ народнаго духа въ первомъ случаѣ,—освободить ихъ отъ примѣси чуждыхъ началъ и формъ—въ послѣднемъ, и такимъ образомъ создать образъ Русскаго человѣка въ идеальной цѣльности и чистотѣ. Но для этого нужно, чтобы поэтъ по крайней мѣрѣ въ своей собственной природѣ возстаивалъ этотъ образъ, и по немъ сознавалъ и опредѣлялъ свойства народнаго духа. Но отъ нашихъ поэтовъ этого требовать нельзя. Они сами выходятъ по большей части изъ того же неопредѣлившагося въ своемъ характерѣ цивилизованнаго общества, получаютъ полу-Европейское, полу-Русское образованіе, и остаются такими же полу-Русскими, полу-Европейцами, какъ и всѣ прочіе «образованные» люди настоящаго переходнаго періода Русской жизни. Такимъ образомъ въ литературѣ Русской не достаетъ самаго перваго условія къ положительному изображенію жизни—пониманія жизни народнои. Предметъ этотъ весьма важенъ и обширенъ; и потому здѣсь не мѣсто говорить о немъ подробно. Мы постараемся въ послѣдствіи показать, какъ въ различные періоды разрабатывалось въ Русской литературѣ народное самосознаніе. Здѣсь скажемъ только, что полнаго развитія оно еще не достигло. До сихъ поръ схвачены только нѣкоторыя отдѣльныя черты Русскаго духа; изображеніе ихъ и составляетъ то, что есть національнаго въ нашей лирической поэзіи и у нѣкоторыхъ повѣствователей и романистовъ. Но полный, цѣльный образъ народнаго духа еще не выяснился предъ сознаніемъ Русскаго человѣка, оттого и нѣтъ въ нашей повѣствовательной литературѣ цѣльнаго художественно воспроизведеннаго Русскаго характера.

Что касается до другаго изъ означенныхъ условій для положительнаго изображенія жизни, т. е. примиренія съ жизнью, то и въ этомъ отношеніи Русская литература поставлена до времени въ го-

раздо невыгодпѣйшее положеніе, нежели Европейская. Европейецъ отрицаетъ свою жизнь во имя идеаловъ отрѣшенныхъ, не опредѣлившихся ясно въ его собственномъ сознаниіи. Отрицаніе Русскаго человѣка имѣетъ болѣе живую основу. Русскій человѣкъ сравниваетъ свою жизнь не съ какими либо недоступными и неопредѣленными идеалами, а съ идеалами уже осуществленными въ общественной жизни Европейской. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ указалъ Русскимъ на Европейскую жизнь, какъ на предметъ изученія и подражанія, всѣ, сочувствующіе дѣлу Петровскаго преобразования, стали смотрѣть на Русскую жизнь съ точки зрѣнія Европейской. При этомъ конечно ускользають изъ вниманія тѣ высокія нравственныя свойства, которыя составляютъ главное достоинство Русскаго человѣка, а прежде всего бросаются въ глаза: низкая степень просвѣщенія, нѣкоторые предразсудки и заблужденія, неразлучно соединенныя съ нею, неблагоустроенныя формы жизни общественной, неразвитыя нравственныя понятія и отношенія, вообще все то, въ чемъ Русская жизнь, по самой незрѣлости своего развитія, естественно стоитъ ниже Европейской; а иногда случается и такъ, что даже тѣ начала и свойства, въ которыхъ Русская жизнь преимуществуетъ предъ Европейскою, отрицаются во имя началъ и свойствъ Европейскихъ по неполному и ошибочному пониманію тѣхъ и другихъ. Къ этому нужно еще присоединить то, что ревнители Русской реформы и Русскаго прогресса считаютъ даже за долгъ обращать вниманіе на отрицательныя стороны своей пародной жизни, и обнаруживать ихъ предъ сознаниемъ Русскаго общества. Отсюда убѣжденіе въ необходимости и благотворныхъ слѣдствіяхъ отрицательнаго воззрѣнія на Русскую жизнь проникло и въ нашу литературу, и многіе наши писатели (особенно послѣдняго литературнаго періода), помимо неумѣнья положительно изобразить пародную жизнь, берутся за отрицательныя изображенія съ тою цѣлію, чтобы постоянно возбуждать потребность усовершенствованія въ Русскомъ человѣкѣ, и не давая ему успокоиться на созерцаніи своихъ высокыхъ свойствъ и увѣренности въ благопріятномъ состояніи своей общественной жизни (1);

(1) Почтенный авторъ, какъ намъ кажется, недовольно ясно опредѣлилъ тотъ особый видъ отрицанія, который возникъ въ слѣдствіе разлада, внесеннаго въ Русскую жизнь преобразованиемъ Петра. Это—отрицаніе Русской жизни (общественной и административной) *искаженной насильственнымъ реформою*, болѣзненно и уродливо развившейся, проѣденной насквозь ржавчиной лжи и рабскаго обезъ-

оттого—то сатира получила у насъ такое видное значеніе и быстрое развитіе; оттого съ самаго появленія своего въ литературѣ она приняла высокій національный и общественный характеръ. Когда наша положительная литература еще и не помышляла о томъ, что Русскій человѣкъ можетъ быть предметомъ поэтическихъ изображеній, сатира уже обратилась къ жизни народной, и въ ней открыла для себя богатое содержаніе. Здѣсь не могла служить препятствіемъ неразвитость нашего народнаго самосознанія. Для сатирическаго изображенія жизни нужно знать одну отрицательную сторону ея; а отрицательныя явленія скоро бросаются въ глаза уже по тому самому, что они не нормальны,—тѣмъ болѣе они должны были броситься въ глаза тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые смотрѣли на Русскую жизнь съ точки зрѣнія людей образованныхъ и сравнивали ее съ жизнью Европейскою. При дальнѣйшемъ развитіи сатиры долговременное вниманіе къ отрицательнымъ явленіямъ жизни развило особенную чуткость къ нимъ. Достоинству нашей сатиры не повредило и упадокъ художественнаго представленія въ современной литературѣ. Ибо хотя сатира наша достигла высокой художественности со стороны формы у одного Гоголя и частію у Фонъ-Визина,—за то духъ благороднаго негодованія (который въ сатирическихъ произведеніяхъ замѣняетъ самый недостатокъ художественной гармоніи, потому что выражаетъ гармонію поэтическаго духа съ идеаломъ, за который онъ ратуетъ противъ жизни) у нашихъ сатирическихъ писателей выражался тѣмъ сильнѣе и одушевленнѣе, что въ отрицаніи народной жизни они видѣли свой долгъ, свое родное общественное дѣло, и руководствовались не одними побужденіями общечеловѣческихъ нравственныхъ требованій, но и живымъ патріотическимъ чувствомъ. Отсюда же

исходитъ. Такова на примѣръ сатира Грибоѣдова. Такимъ образомъ, въ Русской литературѣ, отрицаніе имѣетъ тройкій характеръ: 1) отрицаніе современной жизни (во сколько она искажена подражаніемъ) *во имя народности*, самобытности, народнаго Русскаго, даже не вполне сознанаго идеала; 2) отрицаніе Русской жизни *во имя Европейской цивилизаціи*, во имя лучшихъ, свободнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формъ общественной жизни; 3) отрицаніе, уже отрѣшенное отъ всякаго мѣстнаго значенія, лишенное у насъ жизненной исторической почвы, принадлежащее къ той средѣ общества, которая вполне усвоила себѣ Европейское просвѣщеніе со всѣми его стремленіями, исканіями и идеалами. Это отрицаніе, общее всѣмъ современнымъ Европейскимъ поэтамъ, отрицаніе жизни во имя неопредѣленныхъ, смутныхъ идеаловъ и т. д., выразившееся наприм. у Европейцевъ въ Байронѣ, а у насъ, между прочимъ, въ Лермонтовѣ.

Литер. Ред.

происходить и общественное значеніе нашей сатиры. Поставленная въ надлежащихъ предѣлахъ извѣстными правительственными учрежденіями, не вдаваясь въ духъ возмутительныхъ памфлетовъ западной литературы, наша сатира тѣмъ не менѣе по возможности способствуетъ развитію Русскаго общества, неутомимо открывая новыя отрицательныя стороны въ жизни общественной, или глубже входя въ значеніе открытыхъ прежде, уясняя для большинства необходимость реформъ, приготовляя исподоволь къ новымъ реформамъ, искореняя понятія и предразсудки, благопріятствующіе старому порядку вещей, и наконецъ обличая людей, злоупотребляющихъ этими понятіями и предразсудками, что служитъ конечно если не къ исправленію ихъ самихъ, то по крайней мѣрѣ къ предохраненію другихъ отъ влеченія ихъ сужденій и дѣйствій.

Изъ сказаннаго доселѣ можно видѣть, что условія, благопріятствующія преобладанію отрицательнаго изображенія жизни надъ положительнымъ, имѣютъ въ Русской литературѣ еще болѣе значенія, нежели въ Европейской. Между тѣмъ найти исходъ изъ сферы отрицанія, подобный тѣмъ, какіе открывали для себя писатели западные, для Русскаго поэта гораздо труднѣе, нежели для Европейскаго. Русскій поэтъ не можетъ, подобно писателямъ новѣйшей Англійской литературы, условно примириться съ своею народною жизнію, не ради признанія ея идеальнаго значенія, а потому что и при настоящемъ, неидеальномъ состояніи, она все-таки хороша сама въ себѣ, по крайней мѣрѣ гораздо лучше общественной жизни другихъ народовъ. У Русскаго челоуѣка не можетъ пока образоваться подобнаго самодовольства, какъ потому, что онъ хорошо знаетъ относительное превосходство чужеземной общественной жизни надъ своею народною, такъ и потому, что, кажется, по самой натурѣ своей, Русскій челоуѣкъ если можетъ помириться съ жизнію, то съ полнымъ сочувствіемъ и любовію, а не въ слѣдствіе необходимости и практическаго соображенія. Оттого-то и оказываются не натуральными попытки (подобнаго Англійскому) положительнаго изображенія жизни у нашихъ новыхъ писателей. Не можетъ также Русскій поэтъ отъ разлада съ современною дѣйствительностію искать успокоенія въ своей прошедшей народной жизни—и потому, что, не разгадавъ вполне своей народности, онъ не можетъ вѣрно воспроизвести свой прежній бытъ, и потому, что свою прошедшую жизнь онъ имѣетъ не менѣе причинъ отрицать, какъ и настоящую, и обращая всѣ свои надежды и

стремленія впередъ, какъ бы опасается засмотрѣться на свое прошлое, чтобы не замедлить въ стремленіи къ будущему. Оттого и оказывались всегда неудовлетворительными попытки историческихъ эпопей, романовъ и драмъ у прежнихъ нашихъ писателей. Оттого и прекращались эти попытки по мѣрѣ того, какъ Русская литература сознавала свое положеніе и значеніе. Въ Русской литературѣ было и есть много опытовъ фальшиваго идеализированія жизни. Такія опыты всегда, и особенно при упадкѣ положительнаго искусства, предпринимаются второстепенными дѣятелями литературы для удовлетворенія требованій невыскаженной публички; но ими нельзя измѣрять успѣховъ положительнаго изображенія жизни.

Между тѣмъ сравнивая между собою различныя условія жизни Европейской и Русской, мы можемъ прійти по крайней мѣрѣ къ тому заключенію, что какъ повидимому ни отстала въ настоящее время на поприщѣ положительнаго искусства Русская литература отъ Европейской литературы, также очень недалеко ушедшей, въ этомъ отношеніи, въ будущемъ гораздо болѣе на этомъ поприщѣ успѣховъ можно ожидать отъ первой, нежели отъ послѣдней. Уже изъ показаннаго выше различія условій, способствовавшихъ развитію отрицательнаго воззрѣнія на жизнь у Русскаго и у Европейскаго человѣка, можно видѣть, что у перваго это воззрѣніе образовалось вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ, и есть необходимое и законное явленіе переходнаго состоянія народной жизни; у послѣдняго же возникло оно какъ безотрадный результатъ всей прожитой жизни, — возникло изъ глубоко вытѣрившагося въ природу Европейскаго человѣка духа отрицанія. Европейецъ потому вошелъ въ разладъ съ современною жизнію, что много жилъ и хорошо узналъ свою жизнь, — Русскій человѣкъ потому, что мало жилъ, и не успѣлъ еще узнать своей жизни. Европейецъ, разочаровавшись въ современной жизни и мало ожидая отъ будущаго, ищетъ болѣе успокоенія и освѣженія въ своемъ прошедшемъ, или условно мирится съ настоящимъ; Русскій человѣкъ, отрицая прошедшее и настоящее, довѣрчиво стремится къ будущему. Отъ зрѣлой Европейской литературы, безъ особенныхъ сильныхъ переворотовъ въ исторической жизни, мы не въ правѣ ожидать много; молодая Русская литература по тѣмъ богатымъ задаткамъ, которые успѣла дать она и при условіяхъ не совѣтъ благопріятныхъ, подастъ великія надежды въ будущемъ. Когда Русскій народъ проживетъ эпоху преобразованія, — когда общечеловѣческіе

элементы, принятые въ жизнь Русскую, получать въ ней характеристическую національную форму, и органически сольются съ коренными Русскими началами и свойствами; когда эти послѣдніе получаютъ полнѣйшее развитіе и обнаруженіе, когда народное самосознаніе охватитъ собою все стороны Русской жизни и дойдетъ до полного и цѣльнаго уразумѣнія Русской природы, — когда вмѣстѣ съ тѣмъ улучшатся наши общественныя формы, и такимъ образомъ въ самой жизни народной откроется болѣе предметовъ для положительнаго идеальнаго изображенія; тогда, можно надѣяться, явится у насъ и положительная національная Русская литература, какъ выраженіе народной жизни.

При всей силѣ отрицанія, получившаго такое господство въ нашей литературѣ въ послѣднее время, именно въ современномъ состояніи ея можно видѣть значительные признаки близости положительнаго искусства; и мы имѣемъ уже нѣкоторыя прекрасныя задатки мирнаго идеальнаго изображенія нашей народной жизни. Объ этомъ надѣмся поговорить въ другой разъ.

А. П — Ц.

СОВРЕМЕННЫЯ ИДЕИ ПРАВОСЛАВНЫ ЛЯ?

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1858 г. ст. 1-я и 2-я.

Подъ этимъ названіемъ въ Петербургѣ выходитъ что-то въ родѣ періодическаго изданія. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ двѣ особо изданныя книжки съ этимъ заглавіемъ. Каждая изъ нихъ, сверхъ того, имѣетъ свой особый заголовокъ; каждая принадлежитъ особому автору; и въ тоже время имъ ведется общій счетъ. На одной изъ нихъ напечатано: «Статья первая. О преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ духѣ святаго Православія.» Авторъ — Н. Кульжинскій. На другой: «Статья вторая. Горе отъ безумія.» Авторъ — Н. Барковъ. Стало быть, можно ожидать, что будетъ и статья третья, и — четвертая, и такъ далѣе? Стало быть, тутъ есть преднамѣренная идея? Стало быть, какая-то одна общая мысль хочетъ выразиться послѣдовательнымъ рядомъ книжекъ? Стало быть, словомъ, предъ нами цѣлое направленіе? Важныя слова, выставленныя въ началѣ, возбуждаютъ вниманіе, и заставляютъ пристальнѣе всмотрѣться въ книжки, которыя хотятъ служить этому направленію.

Современныя идеи православны ли? — Нѣтъ, — отвѣчаютъ авторы названныхъ нами книжекъ: — современныя идеи не православны. — Но почему же? и какія именно современныя идеи не православны? — А вотъ посмотримъ.

Прежде однако, нежели займемся сказанными книжками, считаемъ нужнымъ замѣтить, въ отвращеніе всякаго недоразумѣнія, что мы вовсе не принадлежимъ къ числу тѣхъ, для кого время, само по себѣ взятое, служитъ мѣриломъ совершенства. Время, по нашему мнѣнію,

само по себѣ—признакъ совершенно безразличный. Есть много вещей, которыя никогда не старѣются; и есть, напротивъ того, въ повоиъ времени много хорошаго, чего не было въ старомъ. Чтобъ судить о какомъ бы то ни было положеніи, правилѣ или обычаѣ, нужно, по нашему мнѣнію, сравнивать его не съ временемъ, когда то или другое возникло, а съ началами разумными, нравственными и—религіозными, — ибо только разумное и справедливое освящается религіею. Но представимъ, лучше всего, это въ примѣрѣ. Если бы кто нибудь, на примѣрѣ, сказалъ намъ, что должно угнетать ближняго своего, мы бь отвѣтили, что это правило несправедливо, не справляясь о томъ, какъ оно старо или ново: — потому что оно безнравственно, не разумно и противно религіи. Равнымъ образомъ, если бы кто сталъ распространять мысль или обычай,—подъ видомъ упражненія ближнихъ въ смиреніи, питать и поощрять собственную свою гордость и властолюбіе, или вздумалъ проповѣдывать, на примѣрѣ, такія правила: «лѣзая самъ, сколько душъ угодно, заставляя другихъ трудиться за себя и на себя безъ устали»,—или: «держи намѣренно ближнихъ въ невѣжествѣ, чтобъ легче было самому водить ихъ за носъ и дѣлать ихъ рабами своихъ страстей»:—мы сказали бы опять, что все это также скверно, хотя бы это было и очень старо. Потому что все-таки, опять, это и безнравственно, и не разумно, и противно религіи,—какими бы даже ни было это прикрыто благовидными оборотами, изворотами и сентенціями.

Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, считаемъ нужнымъ прибавить и другую,—что, для сужденія о какомъ бы то ни было времени, нужно брать не частности и мелочи, тѣмъ менѣе—какія существовали и въ прежніе вѣка, или даже составляютъ принадлежность всѣхъ временъ; но слѣдуетъ обращать вниманіе на явленія всеобщія, или, по крайней мѣрѣ, господствующія въ томъ или въ другомъ періодѣ, и, притомъ, составляющія дѣйствительно отличительную его черту отъ прежняго времени... .. Но впрочемъ, вѣдь все это вещи до того извѣстныя, что и распространяться объ этомъ излишне.

Теперь займемся самыми книжками. Когда прочитываешь въ нихъ каждое отдѣльное мѣсто, само по себѣ: то, по видимому, не найдешь въ нихъ ничего, съ чѣмъ бы нельзя было согласиться. Возьмемъ, на примѣрѣ, хоть статью *первую* — «О преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ духѣ святаго Православія». Здѣсь говорится сперва, что должно обучать простолюдиновъ сначала церковной грамотѣ, а

не гражданской. Съ этимъ трудно не согласиться тому, кто знаетъ нашъ народъ, его привычки и склонности,—и кто знаетъ, притомъ, что, приучась читать шрифтъ церковно-славянскій, весьма легко разбирать буквы теперешняго шрифта, и что, на оборотъ, выучась гражданской азбукѣ, разбирать церковную потребуетъ все-таки особеннаго труда.

Далѣе говорится тутъ, что простолюдины должны по праздничнымъ днямъ посѣщать церковь; что церковь должна бы быть вмѣстѣ и училищемъ для народа, т. е. воспитывать его нравственно, и даже давать ему нѣкоторыя познанія. Какъ опять и съ этимъ не согласиться?

Говорится еще здѣсь, что «примѣры воспитателей сильнѣе всѣхъ уроковъ и наставленій воспитываютъ юношество.» Полагаемъ, что и съ этимъ спорить также никто не станетъ.

Тутъ иногда встрѣчаются наблюденія, даже замѣчательныя своею вѣрностію,—явленія, весьма искусно и ловко схваченныя. Представимъ примѣръ.

«Какъ же намъ *сотворить и научить*,»—говоритъ г. Кульжинскій: «если мы иногда сами къ тому не приготовлены? По тому одному, что NN былъ хорошимъ эскадроннымъ командиромъ въ полку, или исправнымъ офицеромъ въ своемъ взводѣ, или дѣятельнымъ начальникомъ въ какомъ нибудь департаментѣ, нельзя еще ручаться, что онъ будетъ для дѣтей полезнымъ директоромъ, инспекторомъ или надзирателемъ училищъ: а вѣдь въ начальники училищъ, не обвинуясь, просятся чиновники *вслѣхъ вѣдомствъ*,—какъ будто управленіе воспитаніемъ дѣтей не требуетъ ни какой спеціальности, кромѣ известнаго чина и известныхъ заслугъ въ общей гражданской или военной службѣ?—Каковы воспитатели. таково и воспитываемое ими юношество» (стр. 21 и 22).

Еще :

«Практическому благочестію нельзя научиться единственно изъ уроковъ задаваемыхъ и заучиваемыхъ: оно внушается искреинимъ примѣромъ наставниковъ. А потому, весьма неестественно употреблять иновѣрцевъ, при воспитаніи нашего юношества: ибо такіе воспитатели не могутъ руководить воспитанниковъ въ практикѣ православнаго благочестія. Если мы и въ дѣлѣ воспитанія *не можемъ обойтись* безъ подражанія: то, пускай подражали бы нашимъ Остзейскимъ Нѣмцамъ,

или нашимъ Финляндцамъ, которые строжайшимъ образомъ берегутся, чтобы въ училищахъ ихъ не было учителей иновѣрцевъ, съ рѣдкими, очень рѣдкими исключениями » (стр. 25).

Что сказали мы о первой книжкѣ, тоже должно относиться и ко второй. Здѣсь авторъ, г. Барковъ, въ особенности вооружается противъ такихъ изданій, каковы въ Петербургѣ: «Весельчакъ», «Смѣхъ», «Пустозвонъ», «Потѣха» и проч. Ему очень прискорбно, что такія изданія выпускаются и продаются въ Великій Постъ, который, собственно, долженъ бы быть временемъ покаянія и сердечнаго сокрушенія. Авторъ съ негодованіемъ говоритъ также о томъ, что въ Великій Постъ представляются живыя картины, и что какой-то изъ журналистовъ называлъ время Великаго Поста даже *эпохою живыхъ картинъ*.

Что касается лично до насъ, то изданіямъ, въ родѣ Весельчака, Пустозвона и тому подобныхъ, мы не только не посоветывали бы выходить въ Великій Постъ,—но хоть бы ихъ и совѣмъ никогда не появлялось,—ни даже въ масляницу: это, по нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше. Появленіе, и, къ сожалѣнію, большой расходъ подобныхъ балаганныхъ произведеній, представляющихъ образецъ всякаго рода пошлостей, унижаетъ литературу, среди которой они рождаются, и плохо рекомендуютъ вкусъ публики, для которой назначены. Отъ всей души мы радуемся, что Московская литература, да и вообще Москва, покамѣстъ, свободна еще отъ этого мусора.

Не знаемъ, но думаемъ, что всякій серьезный и благомыслящій человекъ, искренно желающій распространенія у насъ просвѣщенія, будетъ одного съ нами мнѣнія. Да по правдѣ сказать, то же, пожалуй, мнѣніе наше будетъ и о живыхъ картинахъ. Вѣдь это тоже униженіе искусства, свидѣтельство объ упадкѣ вкуса! Но можетъ быть, кто съ нами и не согласится?...

Кромѣ того, г. Барковъ въ своей книжкѣ рассыпаетъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній противъ другихъ пошлостей въ нашей литературѣ и—въ нашей жизни. Онъ желалъ бы вообще, чтобы въ той и въ другой было болѣе благоправія, болѣе явнаго уваженія къ вѣрѣ. Нельзя, опять не отдать, справедливость благонамѣренности такихъ частныхъ замѣчаній....

Словомъ, если брать каждое частное мѣсто порознь, то противъ разсматриваемыхъ книжекъ, по видимому, сказать нечего. Но странно, — по прочтеніи всего, чувствуется однако, что тутъ все-таки что-то

не такъ. Странною представляется, именно, связь между всѣми этими частными положеніями и тою общею мыслию, какую хотятъ провести гг. сочинители. Какое, въ самомъ дѣлѣ, отношеніе между всѣми тѣми, что указано было нами въ этихъ книжкахъ, и—вопросомъ о православіи или неправославіи современныхъ идей?—Нужно народъ обучать церковной грамотѣ; нужно, чтобы народъ ходилъ по праздникамъ въ церковь, а не пьянствовалъ; нужно, чтобы воспитатели подтверждали свои уроки собственными примѣрами; хорошо, если бы литература занималась все серьезными вещами, и нисколько не скомошествовала; желательно, чтобы общество наше не было легкомысленно и, такъ сказать, легконравно. Все это такъ. Но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Хотятъ ли сказать всѣми этимъ гг. авторы, что мыслить и дѣйствовать противнымъ образомъ было бы не согласно съ духомъ православія? Положимъ (1). Но чтожъ опять изъ этого? Какой же тутъ отвѣтъ на вопросъ: православны ли современные идеи? Какое тутъ отношеніе къ современности, и притомъ къ идеямъ современнымъ? Думаютъ ли гг. Кульжинскій и Барковъ и будущіе ихъ продолжатели, что всѣ перечисленные ими печальныя явленія составляютъ особенность нашего времени? Что ни пьянства, ни пустыхъ книгъ, ни легконравности въ обществѣ, ни другаго чего подобнаго въ прежнія времена не было? Или, еще болѣе, что все, противъ чего они вооружаются, составляетъ идею современности, что все это теперь желается и проповѣдуется нашимъ органомъ мысли, нашу литературу?—Въ такомъ случаѣ мы осмѣливаемся стать за наше время и за мысль нашего времени.

Гг. Кульжинскій и Барковъ выдергиваютъ нѣсколько вздорныхъ фразъ изъ какой то темной статьи какого то темнаго фельетониста. Обращаюсь къ нимъ: пусть они пересмотрятъ всѣ наши 300 журналовъ, пусть перечитаютъ всѣ статьи, переберутъ всѣ книги. Признаютъ ли они потомъ, по совѣсти, что выбранныя ими фразы

(1) Впрочемъ, относительно народнаго обученія, мы, съ своей стороны, хотя и полагаемъ, что лучше учить народъ церковной грамотѣ, но,—не вагивъ будь сказано гг-мъ Кульжинскому и Баркову,—вовсе не думаемъ однако, чтобы обученіе по гражданской азбукѣ было непременно вредно православію. Напротивъ, грамотность, по нашему мнѣнію, въ высочайшей степени полезна во всякомъ случаѣ, съ какой бы азбуки мы ни начали, — хотя, повторяемъ по нашему мнѣнію, и лучше было бы для народа начинать учить его съ церковной.

представляютъ образецъ и квинтъ-эссенцію теперешней литературы?

Гг. Кульжинскій и Барковъ указываютъ на разныя жалкія явленія теперешняго общественнаго быта. Но спрашиваю ихъ: гдѣ-жъ они нашли то время, когда бы не было въ обществѣ явленій нравственнаго уродства? Гг. обвинители современныхъ идей въ православіи изъясняютъ притязаніе на знаніе духовной литературы. Такъ пусть они развернутъ Златоуста и прислушаются къ его жалобамъ и обличеніямъ. Не найдутъ ли они, что даже въ IV вѣкѣ, въ одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ Христіанства, общество носило въ себѣ развратъ, да развратъ еще болѣе голый и безстыдный, чѣмъ теперь; что разная суета, противохристіанскія лжеученія и соблазны кипѣли и въ тогдашнее блаженное время, да и опять, еще больше, чѣмъ теперь? Пусть гг. Кульжинскій и Барковъ почитаютъ потомъ митрополита Даніила, Максима Грека, Стоглавъ, и пусть посмотрятъ, какъ отзывались о своемъ обществѣ передовые люди нашей родной старины! Не увидятъ ли они тамъ тѣже пороки, что и теперь, да и другіе, еще худшіе, чисто противоестественные, о которыхъ теперь почти не слышно, да сверхъ того еще и разныя полуязыческія суевѣрія, которыя теперь истребились? Пусть возьмутъ еще какой нибудь старыиъ требникъ, — ну, хоть Юсуповскій, и посмотрятъ тамъ въ чинъ исповѣди! Гг. авторы жалуются, — и конечно весьма справедливо, — на легкомысленныя отношенія, въ наше время, между двумя полами и на вредныя отъ того послѣдствія. Но каковы эти отношенія, по Требнику, являются въ обществѣ XVII столѣтія? Сколько же тамъ утонченности въ развратѣ и соблазнѣ! О ней невольно скажетъ современный человѣкъ, что онъ видитъ въ первый разъ,

Какъ яйца пекуть на свѣчкѣ!

Такъ чѣмъ же, спрашивается, виновато во всемъ, на что указываютъ гг. авторы, собственно наше время и собственно современные идеи?

А между тѣмъ, гг.-мъ Кульжинскому и Баркову хотѣлось бы обвинить именно *наше* время, и именно *настоящій* моментъ нашего времени. Имъ сильно хотѣлось бы произнести слово осужденія именно на то, чѣмъ собственно отличается теперешній моментъ отъ прошедшаго. Они заглядываютъ слова о совершающихся и ожидаемыхъ

преобразованіяхъ, слѣдственно, именно о томъ; что хочетъ откинуть старое и завести новое, не бывшее, и объ этомъ—то они говорятъ, хотя не столь рѣшительно, какъ о живыхъ картинахъ и «Весельчакѣ», но все-таки съ недоумѣемъ и какимъ—то неудовольствиемъ.

Что жъ это значить?

На основаніи всего предшествующаго, читатели, конечно, скажутъ, что тутъ что нибудь одно: или недобросовѣтность, или—малограмотность. Я не скажу ни того, ни другаго. Я употребляю выраженіе поучтивѣе: тутъ—недоразумѣніе.

Но недоразумѣнія лужно разъяснять.

По нашему мнѣнію, современные идеи,—что составляетъ сущность нашего времени, чѣмъ собственно отличается настоящій моментъ отъ прошедшаго,—состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Самый первый, самый главный современный у насъ вопросъ, самая *современная* теперь идея,—это вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, или уничтоженіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Имъ теперь, по преимуществу, занято все наше общество; ему, въ особенности, посвящена теперь наша литература; почти все, что въ ней является замѣчательнаго, имѣетъ болѣе или менѣе связь съ этимъ вопросомъ. И такъ, спрашиваю я гг. обвинителей современныхъ идей въ неправославіи: *православно ли улучшеніе быта крестьянъ и освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости, или не православно?* По моему мнѣнію, это весьма православно. А г. Кульжинскій, упомянувъ, что «въ основаніе благоденствія Россіи должны быть положены православная вѣра и добродѣтель, т. е. жизнь по вѣрѣ», замѣчаетъ слѣдующее: «а отсюда выходитъ,»—говоритъ онъ:—«что улучшить всякое дѣло общественное, *быть крестьянъ*, какъ и упрочить благо каждаго лица въ частности, есть дѣло Божіе, а не человѣческое. Благословить Господь,—и всѣ, богатые и бѣдные будутъ счастливы». Съ этимъ, разумеется, мы не споримъ. Но что же хочетъ сказать г. Кульжинскій этимъ краткимъ замѣчаніемъ о самомъ существенномъ, самомъ важнѣйшемъ современномъ вопросѣ? То ли, что, по его мнѣнію, въ надеждѣ на помощь Божію, людямъ ничего не слѣдуетъ предпринимать къ облегченію участи нашихъ меньшихъ братій, а оставить ихъ быть такъ, какъ онъ есть, и что это будетъ вполне православно?

Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, тѣмъ съ большею настойчивостію просимъ мы г. Кульжинскаго и всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ разбираемому изданію, и кто предпринимаетъ его, разъяснить этотъ вопросъ,—что изъ той сферы, откуда выходятъ это и подобныя ему изданія, мы не слышали еще ни одного слова объ этомъ, крайне важномъ вопросѣ. Мы не слышали еще, чтобъ кто нибудь съ точки зрѣнія религіозной рассмотрѣлъ ближайшимъ образомъ и подробно этотъ, всѣхъ крайне занимающій, предметъ. Обо всемъ, о чемъ уже тысячу разъ переговорено, идуть изъ этой области книги, журналы, брошюры, а объ этомъ—то и ни слова, ни одного слова! (1)

2) Вторая современная идея,—это вопросъ объ усовершенствованіи промышленности. Облегчить физическій трудъ человѣка; освободить его, сколько возможно, отъ подчиненія внѣшней природѣ; открыть чрезъ то одинаковый, по возможности, для всѣхъ доступъ къ удовлетворенію вещественныхъ нуждъ, къ участию въ земныхъ благахъ; дать чрезъ то большій досугъ и просторъ къ занятіямъ духовною жизнію, къ развитію умственному и нравственному: — вотъ также задача, волюнъ принадлежащая новѣйшему времени. Г. Кульжинскій, кажется, также знаетъ объ этомъ, онъ также говоритъ вскользь, что, если Богъ не поможетъ, то, и при желѣзныхъ дорогахъ и пародахъ и прочихъ усовершенствованіяхъ, мы все таки будемъ страдать.—Съ этимъ опять, разумѣется, мы не будемъ спорить. Но спрашиваемъ опять: *православно ли заботиться объ улучшеніи вещественнаго быта человѣка, или не православно?* По нашему мнѣнію, весьма православно. Но не думаютъ ли г. Кульжинскій и вообще издатели разсматриваемыхъ книжекъ, что согласіе было бы съ православіемъ дѣйствовать иначе, и не только не дозволять себѣ новыхъ какихъ нибудь изобрѣтеній, но и уничтожать старыя, каковы напримѣръ, обыкновенныя теперешнія дороги, каковы всѣ орудія, употребляемыя нами при рукодѣльяхъ, при строеніи, и т. д., какова, наконецъ, самая наша одежда?— Пусть они выскажутъ это ясно и положительно.

(1) Считаемо долгомъ оговориться. Уже по напечатаніи этой статьи, мы имѣли случай прочесть въ « Православномъ Собесѣдникѣ » (1 № 1839 г.) изложеніе взгляда древней Русской Церкви на рабство. Спѣшимъ, по этому поводу, заявить наше искреннѣйшее удовольствіе. Впрочемъ, какъ объ упомянутой статьѣ, такъ и обо всемъ журналѣ, въ которомъ она помѣщена,—во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ,—мы предоставляемъ еще себѣ право поговорить подрѣбнѣе въ послѣдствіи.

3) Наконецъ, въ современной нашей литературѣ замѣчается склонность отыскивать причины общественныхъ язвъ, и раскрывать самые факты, ихъ касающіеся. Г. Кульжинскій и это знаетъ, и самъ дѣлаетъ весьма справедливые укоры взяточникамъ, и даже прямо говорить литературѣ за ея обличенія « спасибо ». Но все-таки и здѣсь онъ не можетъ удержаться, чтобъ не замѣтить, что вотъ-де, не смотря на обличенія, казюкрадство не престаотъ, — и выводитъ отсюда общее правило о безуспѣшности изображеній порока къ его исправленію. Что-жь, спросимъ опять: *должно ли обличать пороки, или не должно? православно, или не православно?* Хочетъ ли сказать нашъ авторъ, что, по его мнѣнію, согласіе съ православіемъ было бы молчать, при видѣ явныхъ нарушеній долга, говоря: « это до меня не касается »; или, такъ какъ онъ говоритъ, что « грязнаго бѣлья нельзя вымыть въ грязной водѣ » (съ чѣмъ, впрочемъ, отдѣльно взятымъ, мы не споримъ): то, если и обличать порокъ, — обличать въ такихъ щепетильныхъ, общихъ и уклончивыхъ выраженіяхъ, чтобъ порокъ даже не узналъ себя, и самъ сказалъ: « это до меня не касается »? Да полно ужъ искренно ли это будетъ? Не будетъ ли это значить просто—сдѣлка съ своею совѣстью? Не будетъ ли это, —подъ видомъ боязни не исправить, а только раздражить порокъ, —просто-напросто, боязнь личныхъ себѣ непріятностей, нежеланіе беспокоить себя, хладнокровіе къ бѣдамъ ближнихъ, старанье ужитья со всѣми и покоить собственную личность, словомъ—черствѣйшее самолюбіе и поблажка чужимъ порокамъ?—А вотъ посмотримъ, что скажутъ на это гг. обвинители современныхъ идей въ неправославіи! Можетъ быть, они скажутъ, что и Златоустъ былъ крайне остороженъ въ своихъ обличеніяхъ. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, что они скажутъ въ этомъ случаѣ о Златоустѣ?

Читатели, можетъ быть, замѣтятъ намъ: но стоить ли такъ много толковать объ этихъ книжкахъ? Да еще вызывать ихъ на объясненіе? — Нѣтъ, стоить и очень стоить! Говорить нашему народу во имя православія — не маловажное дѣло. Васъ, другаго, третьяго не послушаютъ, когда, не призывая всуе имени Божія, станете говорить о дѣлѣ просто, какъ оно есть, само по себѣ. Но заговорите, при этомъ, о Церкви, о Христіанствѣ, о Православіи. — велико будетъ это слово, —и книжки, которыя мы теперь разсматриваемъ, навѣрное ходять не въ одной тысячѣ экземпляровъ.

А гг. издатели не шутятъ. Г. Барковъ, говоря о театрѣ, о живыхъ картинахъ, о плохихъ фельетонистахъ и о пустыхъ романистахъ, переходитъ, между прочимъ, къ опредѣленію прогресса. Онъ различаетъ ихъ два вида, — прогрессъ нравственно религіозный и прогрессъ житейскій: — первый, какъ и слѣдуетъ, хвалятся, а второй унижается, и — *безусловно*. Прогрессъ нравственный — религіозный, говоритъ онъ, — располагаетъ и побуждаетъ насъ искать первѣе всего царствія Божія; прогрессъ суетно-житейскій, напротивъ, ищетъ во-первыхъ собственного удовольствія. Но г. Барковъ и сотрудникъ его г. Кульжинскій ни слова не говорятъ, чтобъ могъ быть прогрессъ, хотя и направленный на житейскіе предметы, однако и не суетный, и не въ собственное только услажденіе предпринимаемый, а именно въ облегченіе ближнихъ, и даже не безъ самоотверженія, — да и не оставляющій притомъ религіозно-нравственного совершенствованія. А между тѣмъ, тутъ и тамъ брошены кое-гдѣ ироническія слова, съ полу-сомнѣніемъ и съ полу-сожалѣніемъ, объ улучшеніи быта крестьянъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о томъ да о другомъ, что всё мы съ вами, читатель, признаемъ дѣломъ полезнымъ, отчасти и святымъ.... Да потомъ, общія восклицанія противъ нашего времени, противъ прогресса... Какъ сообразите все это вы, читатель, то будетъ очевидно..... Но, впрочемъ, я думаю, нѣтъ нужды и объяснять для васъ, что тутъ будетъ очевидно.

Н. Г. — съ.

Москва

28 Декабря 1839.

ЗАПИСКИ

ПРОТОІЕРЕЯ МАТВѢЯ НЕНАДОВИЧА (1).

«Егда престолы на судъ поставятся, Господи, и судилищу Твоему предстануть человецы, не предпочтется царь воину, не преимуществить владыко раба, кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится.»

«Отверзите мнѣ врата правды; вшедь въ ня, испозѣмся Господеви.»

ДѢТЯМЪ МОИМЪ.

Какъ столѣтній дубъ, котораго ни бури, ни громы не могли сломить, начинаетъ подъ конецъ увядать самъ собою, лѣсть за листомъ, вѣтвь за вѣтвью роняетъ и все ближе къ своему паденію клонится: такъ, дорогія мои дѣти, и я, который оставался невредимъ въ бою, нетронуть непріятельскими пулями и саблями, невредимъ среди заразы, нетронуть смертоносными болѣзнями, — чувствую нынѣ, что тѣло мое, по непреложному закону природы, все болѣе и болѣе слабѣетъ, и все ближе ко гробу клонится.

(1) Протоіерей Матвѣй Пенадовичъ былъ одинъ изъ предводителей Сербскаго возстанія, вмѣстѣ съ Георгіемъ Чернымъ и нѣкоторыми другими. Пенадовича можно назвать душою этого движенія. Онъ былъ не только образованія, которое приобрѣлъ, находясь въ изгнаніи, и которое, вмѣстѣ съ житейскою опытностію ревностно употребилъ на пользу отечественнаго дѣла. Мирный сельскій священникъ, силою обстоятельствъ вызванный на политическое и военное поприще, Пенадовичъ уже не покидалъ его и имѣлъ рѣдкое счастье, переживъ кровопролитную, долговременную войну за независимость отечества, наслаждаться зрѣлищемъ его мирнаго, постепеннаго возрожденія. Онъ умеръ года 4 или 5 тому назадъ, предсѣдателемъ совѣта Сербскаго, уважаемый народомъ и властію, и оставилъ по себѣ чистую и любезную Сербамъ память. Сынъ его *Любомиръ Пенадовичъ*, одинъ изъ молодыхъ писателей Сербскихъ, обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, но мало печаталъ до сихъ

Не съ радостію говорю я о моей смерти, однако безъ всякаго страха ожидаю конца вечера моей жизни; мысли уже не летятъ впередъ къ тѣмъ годамъ, которые остается мнѣ еще прожить, но возвращаются къ тѣмъ, которые я уже прожилъ. Вся моя прошлая жизнь была бурная и перемѣчливая, но безъ боязни озираюсь на нее, и съ тихимъ удовольствіемъ и внутреннимъ утѣшеніемъ прохожу мысленно, въ памяти моей, всѣ прошедшіе годы жизни; и радуюся, что ни одного дѣла не нахожу, за которое бы совѣсть могла меня въ чемъ либо упрекнуть.

Съ бурными временами повѣйшей Сербской исторіи тѣсно слилась моя жизнь, и столько же превратна, какъ ея судьба, была и судьба моя. Я то служилъ, то начальствовалъ; былъ священникомъ и воеводою; и въ далекій путь ходилъ по дѣламъ народа моего, и мирно живалъ въ своемъ родительскомъ домѣ, въ саду своемъ прививая фруктовыя деревья; воевалъ я въ кровопролитную войну и дожилъ до благодати общаго мира; съ царями говорилъ я свободно, а случалось, что рѣчи простаго старосты деревенскаго приводили меня въ смущеніе; случалось мнѣ гнаться за непріятельскою бѣ-

порь своихъ сочиненій. Озъ нѣсколько лѣтъ издавалъ, въ Бѣлградѣ, еженедѣльную газету подъ названіемъ *Шумадинки* (отъ *Шумадиѣ*, собственно «лѣсной» провинціи Сербскаго Княжества, ибо *шума* значитъ лѣсъ). Въ этой газетѣ были помѣщены записки его отца. Предлагая ихъ въ Русскомъ переводѣ, мы думаемъ, что онѣ не могутъ не представлять занимательности для Русскихъ читателей, какъ вѣрный и правдивый рассказъ очевидца о происшествіяхъ, въ которыхъ Россія принимала такое немаловажное участіе. Къ сожалѣнію, записки эти не доведены до конца; по крайней мѣрѣ, то, что издавно, необъемлетъ вполнѣ всей знаменитой эпохи. Но кромѣ этого, записки Ненадовича имѣютъ и другую, болѣе современный интересъ. Мы видимъ изъ нихъ, что возстаніе Сербское, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, не было политическое, не было подготовлено заранѣе сознательною мыслью о политическомъ освобожденіи; оно было необходимымъ, непобѣдимымъ, логическимъ послѣдствіемъ нестерпимаго угнетенія мѣстныхъ властей, и только уже позже, мало по малу, стала возникать, выработываться мысль объ окончательномъ освобожденіи края. Оно началось, какъ начинаются нынѣ мѣстныя возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ,—и событія, рассказанныя въ запискахъ Ненадовича, повторяются почти на той же сценѣ и въ настоящую минуту: исторія недавно прошедшаго научаетъ насъ, чего можно ожидать въ недалекомъ будущемъ.

Мы старались соблюсти въ нашемъ переводѣ ту же безыскусственность и даже непоследовательность рассказа, мѣстами часто прерываемаго вводными эпизодами.

Примѣчанія, болѣею частію, Сербскаго издателя, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ объясняется значеніе иныхъ, Турецкихъ или Сербскихъ, выраженій или обычаевъ, и которыя, само собою разумѣется, принадлежать переводчику.

Прим. Перев.

жавшею силою, случалось и самому бѣжать отъ нег; живаль я въ богатствѣ и изобиліи, доходилъ и до крайней бѣдности; былъ я хозяиномъ красивыхъ домовъ, а случалось изъ-за лѣсу смотрѣть, издали, какъ отъ нихъ оставались лишь обгорѣлыя развалины; бывало, передъ палаткою моею, въ серебряной срубѣ, ржутъ Арабскіе жеребцы; другой разъ, бывало, тащусь одинъ на своей дрянной тележкѣ; было время, когда воеводы ожидали приказаній изъ устъ моихъ, а случалось и то, что мнѣ приходилось вставать передъ моими пандурами.

Такова, дѣти мои, превратность судьбы; я съ молодости ознакомился съ нею и никогда не жаловался; научитесь и вы: въ счастіи не гордиться, въ бѣдахъ не отчаяваться.

Всѣ перемѣны, которыя испыталъ я въ жизни. — Москва и Петербургъ. Варшава и Вѣна, гдѣ нѣкогда бываль я; всѣ событія и мѣста являются мнѣ нынѣ, какъ сонъ моей молодости. Большая часть моихъ современниковъ и друзей лежатъ въ сырой землѣ, люди моложе и умнѣ насъ взяли въ руки дѣла народныя, которыми мы въ свое время управляли; отечество мое идетъ впередъ и развивается; довольный и веселый, возвращаюсь я въ скромное, малое сельцо, къ дѣдовскому очагу, отдохнуть отъ трудовъ моихъ, и васъ, слабыхъ младенцевъ, наставлять на путь жизни, и съ молодю учить васъ любить Бога и отечество. Божественный Промыслъ не могъ бы даровать мнѣ, на старости, занятія млѣе и прекраснѣе, какъ быть вашимъ учителемъ (1).

Съ 1793 года до нынѣ, много всякаго рода перемѣнъ было въ Сербіи, но ни одно событіе не совершилось, о которомъ бы я не зналъ, или въ которомъ бы самъ не участвовалъ. Весь рядъ событій этихъ, частныхъ и народныхъ, живо сохранился въ моей памяти; и тѣ, которые отдаленнѣе отъ насъ, помню я еще точнѣе и подробнѣе. Обо

(1) Это было въ то время, когда князь Милошъ отставилъ Ненадовича съ пенсіею о. Онъ отправился въ Бранковину и открылъ тамъ школу, гдѣ съ другимъ учителемъ (теперешнимъ священникомъ Палиулскимъ, о. Ильею Яковлевичемъ) поочередно обучалъ дѣтей, въ чемъ находилъ великое удовольствіе. Онъ тогда не ожидалъ, чтобы когда нибудь пришлось ему вѣнчиваться опять въ дѣла изродныя.

Въ одномъ письмѣ къ г-ну Лазарю Теодоровичу говорить онъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я въ отставку, началъ я что-то скорѣе стариться и теперь пришло мнѣ на память то, что я слышалъ ребенкомъ въ Сирміи, будто бы тотъ, кого отставятъ отъ службы съ пенсіею, не можетъ долго жить. Я ужъ написалъ духовнику, и завѣщалъ кн. Милошу: тебѣ и еще нѣсколькимъ изъ васъ отпустить съ пенсіею, если ему самому не хочется въ отставку.»

всемъ этомъ я бѣ вамъ разсказала изустно, дорогія мои дѣти, но вы такъ еще малы, что не запомните ихъ, а я старѣ, скоро можетъ быть умру. Вотъ почему намѣреваюсь написать для васъ «яже видѣхъ, дѣяхъ, и отцы наша повѣдаша ми.» Въ разсказахъ моихъ не ищите совершенства историка, ни строгой послѣдовательности событій. На то нужно перо искуснѣе моего; я надѣюсь, что тотъ народъ, у котораго явились герои и полезныя для отечества граждане, произведетъ и людей, способныхъ описать ихъ дѣла. Я же буду описывать вамъ здѣсь только мою жизнь и тѣ военныя и не военныя приключенія, которыя съ моею жизнію связаны; не ищите же исторической цѣлости, я не могу выставить въ порядкѣ всѣ событія, но буду записывать ихъ, по мѣрѣ того, какъ буду ихъ вспоминать. Я знаю, что ихъ со временемъ опишетъ перо искуснѣе, но правдивѣе моего писать не можетъ.

Я родился въ 1777 году (¹) въ селѣ Бранковнѣ (часа полтора разстоянія отъ Валѣва), отъ отца Алексѣя и матери Юанны изъ дому Дьелмашевичевыхъ изъ Гвоздеповича. Моего дѣда звали Степаномъ, его отца Петромъ, а отца его Станѣемъ, который когда-то былъ головою Валѣвской нахія (волости). Когда я еще былъ ребенкомъ, бабушка моя разсказывала мнѣ, что наши старпки (предки) выселились съ границы Черногорской изъ Бирча. Почему этотъ край Сербіи былъ почти совершенно пустъ—отъ переселенія ли какого, Турки ли разогнали весь народъ, или отъ чумы перемерли,—не знаю. Герцеговина, какъ и нынѣ, безпрестанно населяла эти мѣста. Раз-

(1) Прежде было написано 1762 года, въ послѣдствіи вымаралъ онъ это число и написалъ 1770, потомъ по привычкѣ, припавъ имъ въ послѣднее время, вымаралъ перомъ и этого года и написалъ 1777. До какой степени онъ терпѣть не могъ не считать свои годы, всего лучше увидится читателю изъ послѣдующаго разсказа. На Майскомъ собраніи народномъ въ Карловацхъ 1848 года, на обѣдѣ, случилось въ разговорѣ патриарху спросить у него: « Сколько *имнѣте* лѣтъ. » Онъ отвѣчалъ « Будетъ мнѣ лѣтъ семь, восемь. » Всѣ мы удивились такому отвѣту, но патриархъ догадался, какіе года онъ подразумѣвалъ, и сказалъ улыбаясь: « и мнѣ вѣроятно столько же годовъ будетъ. » Покойный владыка Евгенийъ Ювановичъ растолковалъ остальнымъ гостямъ, что они не считали тѣхъ годовъ, которые онъ уже *прожилъ*, а тѣ, которые надѣялись прожить *еще*, потому что обыкновенно ошибочно употребляютъ у насъ выраженіе: « я *имнѣю* 50 *лѣтъ* », а нужно бѣ было человѣку, который жилъ 50 лѣтъ говорить « я не имѣю 50 лѣтъ », или « я 50 лѣтъ израсходовалъ на моей жизни. » Говорить же « я имѣю 50 лѣтъ, или мнѣ будетъ лѣтъ 50 », должно бы значить: « у меня 50 лѣтъ въ запасъ, которые *имнѣю* еще прожить. »

сказывала мнѣ моя бабушка также , что она слышала , будто наши предки , когда они съ своей родины пришли сюда , положили обѣтъ : до 15 разъ сряду замычатъ ; и такъ , когда пришли на высоту Брагтамъ остановиться и поселиться , гдѣ услышатъ , что волю ихъ ковинскую , то услышавъ , какъ волю 17 разъ сряду замычали . на томъ мѣстѣ остановились и поселились . увѣрившись по этому мычанію , что почва земли должна быть хорошая и плодovitая . Другія племена , положившія обѣтъ поселиться тамъ , гдѣ найдутъ пчель въ кустарникахъ ,—ушли въ Мачву .

Мой отецъ и мать имѣли кромѣ меня еще 5 сыновей : Николая , Петра , Григорія , Дмитрія и младшаго Симеона , который въ Австріи учился въ военной академіи и былъ кадетомъ , а потомъ съ цесарскими войсками ушелъ въ Италію ; когда же опять было возстаніе въ Сербіи , онъ возвратился , и князь Милошъ сдѣлалъ его воеводою , но отправившись съ Дриничемъ въ Дублю на штурмъ Турецкаго укрѣпленія , онъ погибъ съ нимъ 13-го Іюля 1815 года ; это то дѣло , въ которомъ отчасти погибли , отчасти съ нашою живьемъ захвачены около 600 Турковъ . Мой отецъ и мать имѣли еще другихъ дѣтей , но ихъ я не помню , а метрическія книги сгорѣли во время Кара-Георгіевой войны , когда наше мѣсто выгорѣло ; только трехъ сестеръ помню еще : Станію (Анастасію) , которая была замужемъ за Живкою Дабичемъ въ Яутьинѣ , Марицу за Іоакимомъ Вилотіевичемъ въ Валѣвѣ , и Марію въ Такоуѣ за Матвѣемъ , братомъ попа Павла . У отца моего было нѣсколько сестеръ и братьевъ , изъ которыхъ только младшій Яковъ еще живъ ; онъ во время Кара-Георгіи былъ комендантъ Валѣвской паши , а потомъ поступилъ на мое мѣсто въ совѣтъ Сербскій , когда я пошелъ съ войскомъ на Дрину . Его имя часто будетъ встрѣчаться въ моихъ запискахъ . Онъ теперь живетъ съ своими сыновьями и прочимъ семействомъ въ Россіи , въ Хотинѣ . Если они при жизни моей не воротятся , не забывайте , что тамъ , въ Россіи , имѣете дядю и тетку ; братьевъ и сестеръ , которыхъ еще никогда не видали .

Отецъ мнѣ рассказывалъ : когда Нѣмцы хотѣли вести войну съ Турками , прислали они къ нему (около 1787 года) прокламацію , которую онъ и бросилъ въ окошко въ мечеть Валѣвскую ; но Турки не испугались , а видя , что война начнется скоро , пошли по вѣтмъ деревнямъ отнимать оружіе у Сербовъ и отнесли въ Валѣво ; его же призвали и сказали ему : «возьми , Алекса , 100 пандуровъ и иди

сторожить отъ Палежа до устьевъ, чтобы кауры не перешли рѣку тайно» (не застали въ расплохъ). Я имъ сказалъ—продолжалъ отецъ мой—что у нашихъ людей нѣтъ оружія, потому что они все отобрали, такъ пусть дадутъ мнѣ ружей. Они дѣйствительно и дали мнѣ оружіе на 100 человекъ, съ которыми я пошелъ, поставилъ караулъ на берегу Савы отъ Палежа до устьевъ; а самъ съ нѣсколькими пандурами и Турками по временамъ ходилъ дозоромъ и осматривалъ караулы. Разъ, какъ-то ночью не нашлось ни одной барки съ нашей стороны на Савѣ; послѣ слышалъ я, что въ ту самую ночь Нѣмцы съ границъ Валахін пришли, вверхъ по Дунаю и Савѣ, до Дубицы, взяли всѣ Турецкія барки и перевели ихъ на другой берегъ. Это было въ нашъ рождественскій постъ (1787 года). Въ то самое время Нѣмцы приготовили два судна съ солдатами, чтобы напасть на дольній городъ и взойти въ Су-Капію. Передъ этимъ уговорились съ пани—Иованъ Чардаклій, Дьякичъ и Влайко—Бѣлградцы, что отворять имъ ворота. Они много пушекъ успѣли заклепать въ крѣпости, придѣлали ключи къ воротамъ, и цѣлую ночь, на Введеніе, держали Су-Капію отворенною, ожидая цесарскаго войска, но войско никакое не пришло; хотя точно привезено было оно въ Землинъ, однако не перевезено къ Су-капіи, а мимо крѣпости спустилось по Дунаю и вышло на берегъ въ Борчѣ;—Нѣмцы объясняли послѣ, что отъ темноты не могли найти Су-Капію, но просто, по обыкновенію своему, побоялись какой нибудь измѣны и не посмѣли подняться на рискъ. Чардаклій и Дьякичъ спаслись бѣгствомъ, но нѣкоторыхъ изъ ихъ сообщниковъ Турки схватили и вколачивали имъ щепки отъ лучинъ подъ ногти, пока не умерли въ мученіяхъ. Черезъ годъ послѣ того времени лазутчики, которые ходили по Сербіи и вербовали народъ для Нѣмецкой Украйны, увели съ собой много рядовыхъ изъ Сербіи, которыхъ около Варадина въ Каменецъ учили военной службѣ.

Я содержалъ стражу (продолжалъ мой отецъ), чтобы не дать Нѣмцамъ переходить, а между тѣмъ безпрестанно смотрѣлъ черезъ Саву и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы переправились они, когда наконецъ, въ нашъ мясоѣдъ 1788, переправились къ намъ Китьянъ, Исаяло, Иванъ, и съ ними какой-то г-нъ Міюшко; принесли они нѣсколько пороху и одинъ барабанъ и сказали мнѣ, что Императоръ послалъ ихъ, чтобы мы двинулись противъ Турковъ, воевали съ ними и гнали, пока не придетъ сильное войско; они не имѣли никакихъ бумагъ, никакихъ знаковъ (или мундира) императорской службы и

и началъ сомнѣваться въ ихъ порученіи, но повѣрилъ Ивану и Китьяну, потому что они наши земляки и старые мои знакомые, да и любо было мнѣ хоть часомъ раньше избавиться отъ Турецкаго на- силія, ибо оно насъ до крайности угнетало. Я и пошелъ къ тѣмъ Туркамъ, которые со мною содержали цѣпь и говорю имъ: «на- прасно! не могли мы охранить берегъ. Вотъ Нѣмцы перешли рѣку, но вы идите въ Валѣво и поклонитесь Агѣ, да скажите ему, что я ужъ не смѣю болѣе ходить въ Валѣво, потому что не смѣю отойти отъ этихъ кауровъ, которые сожгутъ домъ мой, если я убѣгу и т. д.» Турки, испуганные, ушли поснѣшно, а я воротился къ бѣдовому г-ну Міюшко и онъ встрѣтилъ меня словами: «Императоръ послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты вызвалъ самыхъ достойныхъ людей, которыхъ знаешь, идти драться съ Турками и жечь ихъ города». Я такъ и сдѣлалъ— посылаю тотчасъ по гонцу къ Лазарю Иличу въ Ябуче, къ Петру Еремичу въ Рагоре, къ Малому Янку въ Огладьеновце и къ Мило- славу Милошевичу въ Орашацъ, и поручаю имъ сказать: «что часъ избавленія насталъ, и пусть собираетъ охотниковъ и составляетъ отряды всякій въ своемъ краю, и пусть все будутъ готовы, по- требованію моему, ударить съ нами на Валѣво.»

Турки изъ Палежа и Уба убѣжали ужъ съ того времени, какъ мы- начали караулъ держать. Мнѣ было по дорогѣ (разсказывалъ мой отецъ) поднять всю мою волость и, возвращаясь домой, всю ее при- вести съ собою на Бранковинскую высоту. Какъ дошли мы до моего мѣста, мы послали прежде всего отборныхъ охотниковъ, чтобы все Сербскія семейства и ихъ скотъ и пожитки увели въ горы Пасов- скія, въ тылъ нашего войска, и поселили бы ихъ съ другаго краю. волости, въ сборномъ мѣстѣ въ горахъ Словаца. Потомъ тѣ же охот- ники пригнали Турецкаго скота на продовольствіе нашего войска и мы, уговорились съ Малымъ Янкомъ, Ракарцемъ и Лазаремъ изъ Абу- чья, въ какой день намъ ударить на Валѣво.

Однако Турки еще прежде, какъ скоро увидѣли, что война гото- вится, призвали всѣхъ головъ и старость, отобрали у нихъ лошадей и проводниковъ и все движимое имущество, а женъ и дѣтей своихъ от- правили въ Ужицу и Соко, иныхъ даже черезъ Дрину и только одни военные остались въ Валѣвѣ.

Выступило наше войско съ Выса на Валѣво, но и на половину не было оружія (ибо Турки передъ тѣмъ отобрали все, чего нельзя было по лѣсамъ спрятать въ дуплахъ). Однако многіе заострили березовыя,

дубины, и какъ говорится, кто съ коломъ, кто съ палкой, ударили съ трехъ сторонъ на Вальво. Турки-Вальвцы вышли въ Любостиню ожидать нашихъ и тамъ началось сраженіе. Но когда тутъ былъ убитъ Турецкій начальникъ Омерица, а съ другой стороны Петръ Рагорацъ и Малый Янко ворвались въ самый городъ Вальво и зажгли пустые дома,—Турки побѣжали въ Чачку и Ужицу.—

Это мнѣ рассказывалъ отецъ мой, но я и самъ помню, какъ я въ тотъ самый день ушелъ изъ горъ Пасова и съ другимъ мальчикомъ лазилъ на виноградныя долы, чтобы лучше видѣть, какъ горѣло Вальво. Это было въ нашъ Чистый Понедѣльникъ 1788 года.

Мы преслѣдовали Турокъ до Чачка (продолжалъ отецъ мой), наше войско было только изъ Вальвской нахив. У Чачка Турки насъ приняли жарко и 27 добрыхъ воиновъ нашихъ убили, но однако мы разбили Чачановъ и Вальвцевъ (Турокъ) и весь Чачакъ выжгли; потомъ воротились въ Вальво. Тѣ дома, которые не сгорѣли, совершенно разобраны были Сербами; они уносили окна и двери и все, что можно было оторвать, и когда не осталось добычи, почти всѣ воротились, каждый къ себѣ домой; очень малое число съ нами осталось. Въ то время было въ Вальвѣ 2½ мечети, и говорятъ, что было болѣе 3000 домовъ Турецкихъ и 200 Христіанскихъ. Мы вернули изъ деревень нѣсколько партизановъ, но какъ скоро они собрали всѣ гвозди и желѣзо изъ разваливъ послѣ пожара, опять всѣ разошлись по своимъ домамъ. Я безпрестанно говорилъ Мюшкѣ: «иди къ Цесарю, чтобы онъ хотъ нѣсколько своихъ войскъ прислалъ, тогда мы легче удержимъ нашихъ въ порядкѣ.» А онъ мнѣ со дня на день отвѣчалъ, то — «писалъ», то — «пишу», то — «войско скоро придетъ», и т. д. — Правда, что вдоль границы много стояло войска готоваго къ бою, отъ Землина до Митровца, но безъ всякой пользы для насъ, потому что по сю сторону его не было. Въ это самое время разнесся слухъ, что Императоръ Юсифъ придетъ въ Сирмію въ монастырь Фенекъ, чтобы видѣть, какъ пекутъ хлѣбъ на войско. Вскорѣ послѣ, одинъ Арса Андреевичъ изъ Болѣваца, старый мой знакомый (онъ уроженецъ Вальвскій, но тамъ убилъ одного Турка и бѣжалъ въ Сирмію) прислалъ меня звать: идти видѣть—повидаться съ Императоромъ. Когда я сказалъ Мюшкѣ, что хочу идти повидаться съ Императоромъ; онъ сказалъ: «останься ты въ Вальвѣ, а я пойду въ Фенекъ». —

« Нѣтъ, господинъ Мюшко, говорю я ему, я пойду; потому что мое первое желаніе видѣть Императора, а ты его сто разъ, я чай, видалъ ». — Я ему не сказала, что Арса меня звалъ. Мюшко не посмѣлъ самъ остаться, и когда увидѣлъ, что я настаиваю, чтобъ идти, и онъ отправился, увѣряя, что имѣетъ тамъ важныя дѣла.

Пошли мы въ монастырь Фенекъ и я нашелъ тутъ Арсу Андреевича, съ которымъ жилъ, какъ съ братомъ. На другой день пошли мы съ Арсомъ на одинъ балконъ, съ котораго увидѣли мы много всякихъ офицеровъ на монастырскомъ дворѣ. Я удивился (говорилъ мнѣ отецъ), когда Арса спросилъ. « Алекса, видишь ли Императора? » — « Какъ же могу его видѣть, когда его тамъ нѣтъ », отвѣчалъ я, и сталъ глядѣть на все балконы и по всему двору искать глазами, не найдется ли гдѣ Императоръ. — « Вотъ онъ, сказалъ Арса, Императоръ Іосифъ, что стоитъ подлѣ кучера, который мажетъ колеса кареты, и тростью показывается, гдѣ кучеръ долженъ мазать ». « Что ты, Арса, Бога не боишься », воскликнулъ я съ удивленіемъ. « Ужь будто бы у васъ такіе Императоры? А гдѣ же длинный кафтанъ, гдѣ огромная шапка на головѣ, если же не больше, такъ не меньше той, что у нашего Визиря въ Бѣлградъ? » Тутъ мой начальникъ, Николай Арсеніевичъ изъ Вукитъевницы, который пришелъ со мною, сказалъ:

« Голова (кнѣзь), Боже мой! Какія у него ноги тонкія, какъ у него и чулковъ нѣтъ въ сапогахъ, а голыя ноги; мы надѣялись, что онъ и насъ одѣнетъ, а онъ самъ босой ходить. » Засмѣялся Арса и отвѣчалъ: « такъ одѣваются все крещеныя цари, не такъ какъ ваши Турки », и прочее. Тогда мы и стали смотрѣть на Императора, пока онъ не ушелъ въ компаты.

По позже, въ тотъ же день, пришелъ къ намъ одинъ офицеръ, и спросилъ: « кто здѣсь голова Алексѣй? » Арса ему: « вотъ онъ » и указалъ на меня рукою. « Поди, сказалъ офицеръ, тебя зоветъ Императоръ ».

Когда онъ сказалъ: « тебя зоветъ Императоръ », у меня дрожь прошла во всему тѣлу. Пришло мнѣ на умъ, что Турки мнѣ говорили: что съ царемъ видѣться нельзя, а кто увидитъ царя, такъ у него отъ страха такой ознобъ сдѣлается, что нижняя губа треснетъ. Но потомъ подумалъ, вѣдь я видѣлъ же Императора на дворѣ, а губы у меня не растрескались, да и онъ ничѣмъ не страшнѣе

Българскаго визиря—пойду же; а тамъ, что Богъ дастъ! — Арса предупредилъ меня, что не надобно подолъ платья цѣловать, какъ у визиря, а только, снявъ шапку, поклониться. — Какъ взошли мы къ Императору, я такъ и сдѣлалъ. Возлѣ него стоялъ переводчикъ. Спросилъ онъ: « Вы ли, Алексѣй, голова Валѣвскій? » Я ему отвѣчалъ: « такъ точно ». — « Что же вы тамъ дѣлали и какъ идутъ ваши дѣла съ Турками? » — Я сказалъ, что все хорошо, что Турковъ всѣхъ выгнали изъ Палежа и Уба, и что мы Валѣво и Чачакъ сожгли. — « А кто васъ уговорилъ на это и подвинулъ? » спросилъ Императоръ черезъ переводчика. « Господинъ Міюшко! » отвѣчалъ я. —

« Кто зтотъ г. Міюшко? » — Я сказалъ, что онъ переправился черезъ Саву къ намъ и поднялъ насъ именемъ Императора, и что теперь и онъ здѣсь (въ монастырѣ). Императоръ нахмурилъ брови и, помолчавъ немножко, сказалъ что-то по Нѣмецки одному изъ офицеровъ, который сейчасъ вышелъ. Царь сталъ разговаривать съ переводчикомъ, не знаю о чемъ. Я молчалъ и думалъ про себя: « мой господинъ Міюшко! Грѣшно тебѣ, ты насъ, видно, обманулъ; мы какъ птицы, не оперившись, рано вылетѣли изъ гнѣздушка на талый снѣгъ ». И тутъ я увѣрился въ томъ, что часто подозревалъ: то есть, что тутъ какой нибудь обманъ. А я бы могъ думать, что онъ, вотъ прямо съ пріятельскаго обѣда у Императора, переправился къ намъ съ порученіемъ: такъ красно умѣлъ онъ солгать.

Между тѣмъ воротился офицеръ и съ нимъ Міюшко. Спросилъ у него Императоръ: « кто онъ? и что онъ тамъ у насъ дѣлалъ? и кто ему далъ такія порученія? » — Замялся мой г. Міюшко: « ваше величество... ваше величество... я я .. портной! Увидѣлъ я, что войско готовится для войны съ Турціей, досталъ я не много пороху, досталъ барабанъ, — да пошелъ къ головѣ Алексу; онъ поднималъ народъ и разбилъ Турокъ ». Императоръ сказалъ что-то по Нѣмецки, — Міюшко поклонился и вышелъ.

Тогда Императоръ Юсифъ повернулся ко мнѣ и спросилъ: « когда вы выгнали Турковъ изъ Палежа, Уба, Чачка и Валѣва, докуда гнали за ними? » — Я ему отвѣчалъ съ удовольствіемъ, что гнали мы ихъ часть до Сокола и Ужицы, а другую часть черезъ Дрину. « *Gut!* отвѣчалъ Императоръ, смѣючись, — а сколько до Ужицы, до Сокола и до Дрины отъ вашихъ мѣстъ? » Я сказалъ ему, что отъ нашей нахин до Сокола около 4-хъ часовъ, до Ужицы 7, а до Дрины 8 часовъ ѣзды. — « А гдѣ ихъ жецы и дѣти? » продолжалъ.

онъ. Я ему сказалъ, что они ихъ съ собой увели. « А гдѣ ваши жены и дѣти, » спросилъ онъ. — Я отвѣчалъ, что наши жены и дѣти сидятъ себѣ дома. — « А когда Турки, началъ Императоръ говорить, повышая не много голосъ, размѣстятъ своихъ женъ и дѣтей въ безопасныхъ мѣстахъ, да потомъ сядутъ на своихъ коней. да ударятъ на васъ, куда дѣнутся ваши жены и дѣти? » На это не умѣя я ничего ему отвѣчать, только пожалъ плечами. Императоръ замѣтилъ мое замѣшательство и озабоченный видъ, и послѣ короткаго молчанія сказалъ мнѣ самымъ ласковымъ голосомъ: « мой любезный голова, я имѣю довѣріе къ вамъ и къ народу вашему, и надѣюсь, что поможете моимъ войскамъ—моего и вашего непріятеля побѣдить. Но жаль, что тѣ, что вы нынѣ сдѣлали, и возстаніе ваше вы не отложили еще на годъ, когда армія моя перешла бы на вашъ берегъ и ваше имущество и семейства ваши остались бы у нея въ тылу, подъ прикрытіемъ. Я готовлю 300,000 войскъ и намѣренъ очистить ваше отечество отъ Турковъ, но не знаю, дастъ-ли Богъ. Вы теперь идите, и берегите людей вашихъ и уведите ихъ въ горы, чтобъ не попались семейства въ плѣнъ, а я объ васъ не перестану заботиться, » — и далъ мнѣ сто червошцевъ.

Въ тотъ же день, — продолжалъ рассказывать мнѣ мой отецъ, — позвалъ меня обѣдать Михаиловичъ, съ которымъ я былъ знакомъ и пріятель. Когда я прощался съ нимъ, онъ мнѣ сказалъ: « воротитесь скорѣй въ Валѣво и соберите дружину, да смотрите, чтобъ она не разбрелась; я вамъ пошлю одного прапорщика да нѣсколько рядовыхъ изъ Fреисогрs и постарайтесь беречь народъ, чтобъ не увели въ плѣнъ. Скоро и меня Императоръ пошлетъ, чтобъ у *забрѣжъm* выстроить укрѣпленіе и поставить батарею, но когда придетъ время, нужно будетъ и вамъ выслать людей помогать намъ въ земляной работѣ ».

Я воротился въ Валѣво — рассказывалъ мнѣ отецъ — и опять началъ собирать дружину; между тѣмъ явился прапорщикъ Юванъ Вудиновичъ (онъ былъ коренной Сербъ изъ Сирміи, изъ деревни Товарника кажется,—молодецъ молодцомъ, и погибъ послѣ въ Соколѣ, когда мы штурмовали Калканъ). Онъ съ собой привелъ около 30 *Фрейкорцевъ*. Мы перешли тайно черезъ горы; ночью присоединились къ Бачевцамъ, и оттуда на зарѣ ударили на оба мѣста (?)

и взяли 70 душъ въ плѣнъ. Турки начали отчаянно защищаться; ихъ старшина Гуша Муста — Паша вскочилъ на лошадь съ саблей въ рукѣ и поскакалъ прямо вдоль улицы, а Джока Мичъановичъ (изъ села Клиница, на Югъ отъ Валѣва, который послѣ былъ стражейстеромъ), сталъ на самой на его дорогѣ, выстрѣлилъ изъ винтовки, и Гуша упалъ съ коня мертвый, а Джока приближалъ, взялъ его же саблю, отрубилъ ему голову, схватилъ его лошадь и сѣлъ на нее. Другіе Турки заперлись въ мечеть и въ башню, противъ которыхъ безъ пушекъ ничего нельзя было предпринять, а Бачевцы спустились къ Дринѣ противъ Осата. Начали кричать Турки съ той стороны Дрины изъ Босніи: «эй! братцы, держи съ, не поддавайтесь, мы къ вамъ идемъ на помощь,» и побѣжали по скаламъ и каменьямъ къ Дринѣ. Мы зажгли всѣ дома и увели съ собою плѣнныхъ и весь скотъ. Златаричскихъ плѣнныхъ и овецъ возвратили всякаго своему; а плѣнныхъ Турковъ послали въ Германію (Австрію).

Я и самъ видѣлъ, какъ этихъ плѣнныхъ Турокъ вели къ Врану, гдѣ былъ лагерь. Теперь тамъ виноградники. — Въ то время, южнѣе около Моравы, Коча сталъ собирать дружины и бить Турокъ; оттого понынѣ Моравцы зовутъ то время: «Кочинной войнѣй,» и объ войнѣ Императора Юсифа ничего и не знаютъ, а воображаютъ, что велъ войну съ Турками самъ по себѣ Коча. — Коча былъ изъ Ягоднической нахи, изъ села Ланишта. Прежде былъ онъ зажиточный честный кушечъ и торговалъ свиньями, а потомъ сдѣлался отличнѣйшимъ воиномъ. »

Нынѣ хочу рассказать вамъ и про себя, а послѣ буду еще записывать, что отъ отца слышалъ, и что о немъ и его времени вспомню.

Начну съ того, что расскажу вамъ, какъ я учился грамотѣ. Я еще былъ малымъ ребенкомъ, когда отецъ отдалъ меня учиться къ попу Станю, нашему приходскому священнику, который жилъ близъ нашего дома. Началъ я учиться по одному Московскому букварю, въ которомъ всѣ заглавныя буквы были печатаны кинноварью и училъ меня такъ: «азъ, бука, веда, глаголь» и т. д., а склады такъ: «буки рцы-брь, веде рцы-врѣ, — глаголь рцы-грѣ» и т. д. Съ того времени до нынѣ я ни гдѣ не видалъ такого буквара. Мой бѣдный

попъ, царство ему небезное, какъ самъ учился, такъ и меня училъ. Ибо въ то время ни слуху ни духу не было ни о какой школѣ въ Сербіи. Но всякій мальчикъ, который желалъ чему нибудь выучиться, долженъ былъ отправиться къ священнику или въ монастырь. Хотя бѣдныхъ учениковъ заставляли и у тѣхъ и другихъ отправлять должность служителя, поповскія или игуменскія лошади сѣдлать и разсѣдлывать и т. п., однако всякій съ радостію сносилъ это, кто только желалъ чему нибудь выучиться и быть со временемъ священникомъ, къ чему всякій стремился; ибо въ Сербіи не было другаго дворянства (господства), какъ быть головою волости, попомъ или монахомъ; однако пандуры имѣли нѣкоторое, хоть и малое значеніе.

У поца Станоя изучилъ я этотъ чудной букварь и началъ читать часословъ, да въ мѣсяцословѣ выучился различать праздники свягыхъ, что впрочемъ было очень легко съ помощію старыхъ тогдашнихъ календарей; ибо когда крестъ былъ на половину окруженъ крѣпкой краской, это означало небольшой праздникъ, въ который послѣ полудня можно было работать, а когда крестъ былъ весь окруженъ красной краской, это означало большой праздникъ, и ни какая не позволена работа, но весь день лежи себѣ — ѣшь да пей, толко не работай—а по чему? чтобъ Богъ не наказалъ. Слыхалъ я, какъ нѣкоторыя женщины, а иной разъ и мужчины говаривали матушкѣ: «счастлива ты, сестрица, что у тебя въ домѣ такой сынъ ученый, что можетъ о всякомъ тебѣ праздникѣ рассказать, такъ что и не согрѣшишь, работая въ праздникъ». А я, когда бывало слышу это, такъ и горжусь, и кажется мнѣ, что выросъ на вершокъ, и воображаю, что я ученый, преучелый. Когда наши сосѣдки меня хвалятъ, я, бывало, думаю, что ужъ мнѣ не чему болѣе и учиться.

Въ это время была война Императора съ Турками, и не помню, по приказанію ли Императора, или по тому, что Турки приближались къ Вальву, но весь народъ двинулся у насъ къ Савѣ. Такимъ же образомъ и всѣ тѣ нашіе съ Моравы, которые были во враждѣ съ Турками, отправили свои семейства въ Австрію, а мужчины остались съ войскомъ. Я хорошо помню, когда нагрозили телеги всякими пожитками и пригнали весь скотъ въ кучу, потомъ всѣ мы двинулись и пошли къ перевозу, противъ Купниова, гдѣ, въ бочарни Іоанна Зазича, развели огонь и на короткое время остановились; потомъ и черезъ Саву перешли въ Ашанье, гдѣ опять жили нѣсколько времени; тамъ началъ я ходить въ училище, но это училище

не много лучше было учялица моего попа Станоя. До сихъ поръ у меня морозъ подираетъ по кожѣ, когда вспомню это переселеніе народное, такъ плакали и страдали переселенцы. На слѣдующую зиму (а котораго именно года, не помню) видѣлъ я своими глазами, какъ по восьми, по десяти *Фрейкорцевъ* выносили изъ квартиры и клали въ караульнѣ возлѣ школы (въ Ашань), также изъ-за Дударе по 12 труповъ въ одну яму опускали и засыпали землей. Да сверхъ того на бѣду какая-то болѣзнь развилась во всемъ народѣ на той сторонѣ, и сдѣлалась смертность великая.—Врядъ ли половина тѣхъ воротилась на родину, которые перешли на сю сторону.

Я не долго оставался въ Ашань, ибо отецъ мой приказалъ мнѣ идти въ Купиново къ нѣкоторому Игнатію Сабову, семидесятилѣтнему старцу, доброму, честному, весьма набожному; онъ училъ шестерыхъ дѣтей у себя дома (въ родѣ частнаго маленькаго учялица). Когда пришелъ я къ нему, посадилъ меня съ другими дѣтьми за столъ и спросилъ меня *братъ Иштъ* (онъ не позволялъ себя звать иначе и сердился, когда кто нибудь говорилъ ему, что онъ старикъ; онъ былъ отецъ попа Николая изъ Купинова): «чему ты учился, и что ты знаешь»?—Я ему отвѣчалъ, что всему выучился и все знаю.—«Хорошо, сказалъ онъ, ужь если ты всему выучился и все знаешь, такъ посиди же, да послушай, какъ эти дѣти читаютъ»,—и въ самомъ дѣлѣ, я около недѣли сидѣлъ себѣ за столомъ учебнымъ, а онъ мнѣ ничего не давалъ читать. Я и сталъ думать: «выходитъ, что наши кумы сосѣдки правду говорили, что я ученый малый; видно и новый мой учитель, Сабовъ, не больше моего знаетъ, что онъ ничего мнѣ не говоритъ; а если такъ, что же я здѣсь сижу по пустому?»—и захотѣлось мнѣ воротиться домой. Этотъ Игнатій Сабовъ, говорятъ, преподавалъ въ Румѣ и въ его время въ Румѣ было лучшее училище. Тогда въ Сирміи были очень рѣдки училища, гдѣ бѣ преподавали по Сербски, и я самъ въ послѣдствіи видалъ многихъ старыхъ священниковъ, которые мало отличались отъ нашихъ Сербскихъ. Теперь совсѣмъ иначе; тамъ разцвѣтаютъ науки. Во всякомъ разсадникѣ можешь набрать цѣлый нукъ ученыхъ, какихъ хочешь; трудно только различать, который изъ нихъ приноситъ плодъ сладкій и полезный, а который горькій и вредный плодъ. Кажется, митрополитъ Стратимировичъ первый завелъ истинно хорошія училища для Сербовъ въ Карловцахъ.

Сядя безъ всякаго дѣла цѣлую недѣлю, въ увѣренности, что мнѣ

нѣчему учиться, я начиналъ радоваться, что мой учитель не больше моего знаетъ и что онъ скоро отошлетъ меня домой, какъ въ одно утро подалъ онъ мнѣ книгу, и когда я сѣлъ съ нею за столъ, онъ сказалъ мнѣ: «Если ты всему выучился, посмотримъ, знаешь-ли эту книжку и читалъ ли ее.»—Я открылъ книгу, вижу знакомыя слова и говорю, что этому я учился и знаю. Но когда я началъ читать, онъ мнѣ вдругъ объявлялъ, что я ничего не знаю, даже не понимаю, гдѣ нужно останавливаться для смысла, и что никто не можетъ понять, что я читаю. Бѣдный старикъ долго мучился со мною, пока ни добился, чтобъ я медленно и внятно читалъ. За то и вамъ советую, если вамъ случится учить дѣтей, не позволять имъ кое какъ учиться азбукѣ, чтобъ не положить съ самаго начала букваря дурное и вредное основаніе, ибо большое зло для ребенка, если съ самой азбуки не дадутъ ему должнаго хорошаго направленія, и въ послѣдствіи трудно это даже и исправить.

Изъ Купинова воротился я потомъ въ Ашанье, къ протоіерею Лазарю Георгіевичу и у него учился церковному пѣнію и богословскимъ наукамъ; кромѣ его былъ тамъ у меня еще другой хорошій учитель. Протоіерей Лазарь, родомъ изъ деревни Совляка, Валѣвской волости, былъ протоіереемъ въ Совлякѣ, потомъ переселился въ Сирмію, а его родственники и по сю пору въ Совлякѣ; Дьякчи были изъ первыхъ домовъ въ волости, да и теперь изъ хорошихъ.

Я воротился изъ Сирміи на родину въ Бранковину 1793 года и отецъ мой сейчасъ же далъ меня рукоположить во священники и отдалъ мнѣ приходъ. Владыко (епископъ), который посвящалъ меня, былъ простой, но добрый человекъ и посвятивъ меня, говорилъ слово, но все это слово состояло изъ двухъ или трехъ фразъ. Онъ схватился за свой клубокъ и сказалъ: «Христіане, почитайте духовенство! и помните кто на эту шапку зается, тотъ всегда раскается». Рассказываю вамъ это его слово въ шутку, но въ то же время не въ шутку завѣщаю вамъ, все, что народъ почитаетъ святынею, и вы почитайте; все, что можете, исправляйте къ лучшему, только до священнхъ вещей не дотрогивайтесь никогда. И я послѣ столькихъ лѣтъ собственной опытности ничего лучше не могу сказать, какъ только то, что это сущая правда: кто злословитъ церковь, тому всегда придется раскаяваться. За тѣмъ я былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Владыка не позаботился о томъ, что у меня ни борода, ни усы еще не выросли, онъ желалъ сдѣлать Валѣвскому головѣ угод-

ное, да можетъ быть онъ и нуждался въ деньгахъ. Какъ мнѣ послѣ отецъ и мать сказывали, я былъ посвященъ на шестнадцатомъ году моей жизни (1).—Въ самомъ дѣлѣ, должно быть я былъ очень молодъ, потому что когда меня посвящали, я ужасно испугался, особенно когда меня схватили за шею и повели въ алтарь, тѣмъ болѣе, что дьяконъ, который велъ меня, сказалъ мнѣ на ухо въ шутку: «ну, теперь простися съ свѣтомъ, теперь ты пропалъ». И мнѣ показалось, что я въ правду съ жизнію прощаюсь. Но послѣ понялъ я все высокое и прекрасное въ значеніи священника.

Ужь если рассказываю я вамъ коротенькое слово Владыки, передамъ вамъ и отцовскіе совѣты: «Сынъ мой! сказалъ онъ, когда я въ первый разъ отправлялся въ свой приходъ, ты еще молодъ и не знаешь, каковъ свѣтъ; ты очень, *очень* молодъ и почти нигдѣ не придется тебѣ быть въ обществѣ съ твоими сверстниками, но все будешь съ людьми старшими. По этому и на храмовыхъ праздникахъ и на именинахъ и на свадьбахъ не говори самъ много, а слушай, что говорятъ старые люди. Если въ такихъ молодыхъ лѣтахъ захочешь учить другихъ уму—разуму, никогда самъ не сдѣлаешься ни умнымъ, ни разумнымъ. Когда ты станешь говорить, все будутъ тебя слушать, но не бери себѣ въ голову, что они слушаютъ потому, что ты умнѣе ихъ, они потому будутъ слушать что ты ихъ священникъ, и что ты мой сынъ; и если ты заврешься, никто тебѣ не скажетъ, что ты вздоръ говоришь, но всякій такъ подумаетъ. Веди же себя благоразумно и о томъ, что тебѣ покажется теперь не совѣмъ такъ, какъ говорятъ старики, не входи въ споръ съ ними, а подожди, пока доживешь до ихъ лѣтъ — и если тогда увидишь, что оно не такъ, тогда пора будетъ сказать свое мнѣніе.» Потомъ отецъ мой взялъ большую чашу, полную вина, выпилъ изъ нея пальца на два отъ края и сказалъ мнѣ: «въ первый годъ, когда будешь обходить приходъ твой, не болѣе этого выпивай изъ всякой чаши, которой будутъ угощать тебя, и наставлять, чтобъ ты пилъ; второй годъ вотъ еще столько,» и онъ еще выпилъ немножко вина; «на третій годъ, можешь и до полчаши выпить. А потомъ ужъ на четвертый и пятый годъ можешь осушить чашу до дна, все-таки твои прихожане, помня первые годъ, будутъ говорить: «нашъ попъ и капли вина въ ротъ не беретъ.»—Я слушался отца моего, и

(1) По этому онъ родился: не въ 1777, а около половины 1775.

во всю жизнь свою помнилъ его совѣты, и я былъ снокоепъ, доволенъ и счастливъ. Слѣдуйте и вы моему примѣру; помните чашу моего отпана только въ отношеніи къ вину, но и ко всѣмъ страстямъ и склонностямъ, и будете счастливы. Речи ваши, ваши дѣйствія, и образъ жизни приспособляйте всегда ко времени и къ собственному возрасту. Съ мѣрою, и въ свое время, многое можно дѣлать безъ вреда, такое, чего, передъ строгимъ судомъ благоразумія, не совѣтъ можнобы оправдать. Горе тому, кто нетерпѣливо до дна осушить чашу, наслажденія—ли горя—ли, любви—ли, или какія—бы ни были желанія утолить разомъ, неумѣренно пользуясь жизнію!

Въ это время (1793) былъ приходскимъ священникомъ старый мой учитель попъ Станое и попъ Никола изъ Кршиглаве, оба старики и не глубокой учености: но что касается до крещенія, вѣчанія и другихъ обрядовъ церковныхъ, они ихъ хорошо знали и меня научили. Послѣ смерти попа Станоя, отецъ мой назначилъ на его мѣсто его брата, Пантелеймона, который учился непродолжительное время въ монастырѣ Студеницѣ, и попа Матвѣя, который, путешествуя, учился у одного святогорца. Мнѣ казалось тогда очень дико, что народъ въ церквахъ стоялъ такъ безпорядочно, что не узнаешь, бывало, кто старшій, кто младшій, и женщины и мужчины перемѣшаны. А въ Богоявленіе, въ Родительскую Субботу, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Петровъ день, всего разъ 10 или немного больше въ годъ, какъ ударять въ доску (¹), бросятся весь народъ въ церковь;—въ дверяхъ ужасная давка, и кто первые взойдутъ, женщины—ли, мужчины—ли, тѣ впереди и стоять. И женщины и мужчины и дѣти и дѣвушки, всѣ стоятъ перемѣшаны, и такая болтовня пойдетъ между ними, что ничего не слышать, что священникъ въ алтарѣ читаетъ. Это мнѣ было грустно видѣть, ибо въ Сиріи я былъ свидѣтелемъ, какъ чинно въ церквахъ стояли, и женщины отдѣльно отъ мужчинъ. Это видѣлъ и отецъ мой и нѣкоторые наши сосѣди, которые помогли намъ много своимъ свидѣтельствомъ, когда начали мы вводить порядокъ. Мы начали съ того, что старались заранѣе убѣдить старостъ и домохозяевъ въ пользу душевной такого порядка, чтобъ каждый въ своемъ домѣ приказалъ: «женщина ли или мужчина приходитъ въ церковь, пускай слушается поповъ и тамъ пускай стоятъ, гдѣ попы прикажутъ.»

(1) Колоколовъ не было, при Турецкомъ владычествѣ.

Мы, молодые священники, взяли на себя вводить порядокъ, и какъ скоро заблаговѣстили и народъ повазился къ церкви, мы стали у дверей и пропускали мужчинъ по одному, старшихъ впередъ, а женщинъ отсылали къ другимъ, западнымъ дверямъ, чтобъ стояли въ своемъ придѣлѣ. Когда почти все взошло и мужчины стали въ порядкѣ, а женщины въ придѣлѣ, опять пошелъ шумъ и разговоры: «что это? какой это новый обычай? намъ и въ церковь по прежнему входить не позволяютъ новыя пощы?» Мы имъ стали говорить, чтобъ молчали; что въ церкви должно стоять какъ бы на небѣ, а передъ алтаремъ какъ передъ самимъ Богомъ, что должно съ благоговѣніемъ молчать и слушать, что священники въ алтарѣ читаютъ и пр. Они въ самомъ дѣлѣ замолчали немного, но потомъ, особенно женщины, опять начали болтать и мутить народъ; тутъ обыкновенно вмѣшивался мой отецъ, когда онъ былъ въ церкви, напоминалъ о послушаніи, и приказывалъ молчать. Увѣряю васъ, дѣти мои, что священникъ цѣлый бы день говорилъ и не добился бы такого молчанія, какъ отъ нѣсколькихъ словъ моего отца; все замолчать и смирины, какъ бы водой облили ихъ. И въ правду не можетъ быть порядка и церковнаго, безъ мірской власти, и мірская не можетъ быть безъ духовной, нужно, чтобъ одна другую поддерживала, если обѣ хотятъ быть сильны. Если одна хочетъ взять верхъ надъ другою, въ ущербъ ея, обѣ утратятъ свою силу у простаго народа, и рано-ли, поздно-ли, обѣ пропадутъ.

Мы добились тоже, чтобъ въ порядкѣ и въ молчаніи подходили къ образамъ, сперва старики, а потомъ женщины, потомъ дѣвушки, и все по два рядомъ передъ иконою перекрестятся на правой сторонѣ алтаря, а потомъ на лѣвой, и цѣлуютъ икону. Мы еще и то привели въ порядокъ, чтобъ всякій священникъ записывалъ по своему приходу младенцевъ женскаго и мужскаго пола до семи лѣтняго возраста въ метрическія книги. И положили мы, что домохозяйева должны всехъ своихъ приводить къ исповѣди, а послѣдній исповѣдываться самъ хозяинъ дома, или *старѣйшина*. Два старшіе священника исповѣдывали взрослыхъ, а мы трое молодыхъ, учили дѣтей, какъ надобно креститься, Богу молиться, отца и мать почитать, и у нихъ руку цѣловать и проч., и по мѣрѣ, какъ дѣти начинали исповѣдываться, мы противъ ихъ именъ ставили крестикъ въ метрическихъ книгахъ.

Могу сказать по правдѣ, что въ нашемъ приходѣ, изъ всехъ

деревень, которыя ходили въ церковь въ Бранковину, никто не искалъ другаго суда, какъ нашего, и никакой не было между ними вражды; всѣ споры или ссоры мы умиряли, общая добрымъ награду въ царствѣ небесномъ, устрашая злыхъ вѣчными муками. Насъ было пять священниковъ въ деревняхъ, принадлежащихъ къ одной церкви Бранковинской, но мы не дѣлили прихожанъ между собою и они, кого перваго изъ насъ пятерыхъ найдуть, того и зовутъ дать молитву, или крестить и проч. и ни одинъ изъ насъ не скажетъ: «Ты не изъ моего прихода, не стану тебя вѣнчать или не хочу давать молитву,» но всякій изъ насъ свершить требу, о которой просятъ, и что получить, то отдаетъ тому священнику, изъ чьего прихода звали его. Мы всѣ, священники, жили между собою, какъ братья, и народъ почиталъ насъ, какъ апостоловъ, и насъ слушался, такъ что изъ сосѣднихъ приходовъ люди являлись къ намъ посмотрѣть на насъ, и приношенія дѣлали въ нашу церковь, какъ въ монастырь, а другіе священники съ насъ примѣръ брали.

Теперь буду вамъ опять рассказывать объ отцѣ моемъ.

Михаилевичъ поставилъ мостъ на Саву, привезъ пушки, и началъ строить укрѣпленіе въ Забрежѣ. Тогда вышелъ приказъ, чтобы всѣ нахін (волости) съ Медвѣдника и Моравы, которыя враждовали съ Турками, переселяли бъ свои семейства въ Австрію. Дружинами народными около Бѣлграда командовалъ Радичъ Петровичъ, который послѣ въ Австрійскихъ войскахъ въ чинѣ капитана ходилъ на Французовъ и получилъ за то дворянство; но когда началась война Кара-Георгія, все бросилъ и пришелъ къ намъ на помощь.—Въ то же время пришелъ маіоръ Лукичъ въ Валѣво и построилъ укрѣпленіе у Кличевца, собралъ охотниковъ (какъ сказывалъ отецъ, 1,800 человекъ), которые защищали укрѣпленіе и бились съ Турками около горъ. Между тѣмъ Михаилевичъ пошелъ съ войскомъ въ Ягодину, и приказалъ отцу моему вести всѣхъ охотниковъ туда же, одѣть ихъ тамъ въ мундиры фрейкорцевъ, оставить свое оружіе, а взять солдатскія ружья, потомъ возвратиться въ Кличевацъ, чтобъ тамъ начать имъ военное (фронтное) ученіе. Кличевацъ, каменная гора на Сѣверной сторонѣ, выше Валѣва, гдѣ и понынѣ можно узнать мѣсто этого укрѣпленія. Тамъ были офицерами все только одни Сербы изъ Сирмін: маіоръ Лукичъ, капитанъ Ключевичъ и капитанъ Бежановичъ; а изъ Валѣвской нахін были: отецъ мой Алексѣй Ненадовичъ штабсъ-капитанъ; Петръ Ракарацъ, Лазарь Иличъ, Малый

Янко и Милослав Милашевичъ—поручики; попъ Дьука прапорщикъ, а Дьока Митьяновичъ фельдфебель (стражмейстеръ). Я тамъ сколько разъ видамъ, какъ отецъ мой, чтобъ придать охоты рядовымъ къ учению солдатскому, скинетъ, бывало, офицерскій мундиръ свой и становится въ ряды и проходить все учение какъ простой фрейкорецъ.

Нѣмцы взяли нѣсколько крѣпостей, какъ-то: Шабаць, Бѣлградъ, Смедерево, и ударили на Соко, гдѣ сожгли дома, но крѣпость взять не могли. Когда Нѣмцы осаждали Бѣлградъ, отецъ мой, съ 700 ратниками между Панчевомъ и Бѣлградомъ, въ какихъ-то болотистыхъ мѣстахъ, содержалъ стражу, чтобъ охранять цесарское войско, а когда Бѣлградъ сдался, онъ воротился въ Валѣво.

Когда Нѣмцы подписали миръ съ Турками, и что завоевали въ Сербіи, все возвратили Туркамъ, и императорское войско ушло назадъ, а фрейкорцы (волонтеры) воротились по домамъ (около 1794 г.), ибо обнародована была амнистія отъ имени султана; тогда всѣ Сербскіе офицеры собрались у Михаиловича въ Сирмскихъ Карловцахъ, гдѣ онъ долженъ былъ дать Нѣмцамъ отчетъ въ военныхъ издержкахъ. Михаиловичъ уговаривалъ всѣхъ офицеровъ оставаться въ императорской службѣ и обѣщалъ, что всякій сохранитъ свое жалованье по прежнему.

Отецъ мой не захотѣлъ оставаться, онъ воротился домой въ Бранковину и съ нимъ Лазарь Иличъ изъ Ябучья, и Петръ изъ Ракара, а остальные всѣ пошли воевать противъ Французовъ, между прочими Малый Янко, Милослав Милашевичъ поручикъ (который остался живъ до конца войны съ Французами и опять перешелъ къ намъ на помощь и погибъ въ Мишарѣ 1806 г.), прапорщикъ Дьука, стражмейстеръ Дьока Митьяновичъ и многіе другіе. Отецъ мой получилъ пенсію и воротился на родину. Онъ нашелъ, что нахія оставалась безъ старшины и безъ суда, а паша пришелъ занять опять Бѣлградъ, по трактату, съ малымъ числомъ Турковъ. Когда Нѣмцы ушли, а Турки свои суды не успѣли возстановить, отецъ мой сталъ опять судъ править, какъ голова или поручикъ, и ходилъ по всей нахія, а народъ ему повиновался. Такимъ же образомъ и черезъ годъ, когда Турки по всѣмъ мѣстамъ поставили свои суды, и въ Валѣво муселима и кадія, онъ остался головою въ нахія, какъ

и прежде Нѣмецкой войны. Николай Грбовичъ, съ того берега Колубары, былъ головою Липскимъ; а Подгорцы, которыхъ голова умеръ, пришли просить отца моего, чтобъ присоединилъ Подгорье къ своей волости и управлялъ обѣими или самъ выбралъ имъ голову изъ своей волости. Хотя онъ и судилъ тамъ нѣсколько времени, однако не хотѣлъ взять на себя все управление волостью и сказалъ имъ, чтобъ они изъ своихъ избрали себѣ голову; но они сказали: «Ты дай намъ по крайней мѣрѣ Юку изъ Рабаса, пусть онъ будетъ у насъ головою.» Онъ имъ отвѣчалъ, что трудное дѣло челоуѣку постороннему быть головою въ чужой волости, а ужъ если вы непременно хотите взять Юку въ головы, такъ возьмите съ нимъ и деревню Рабасъ изъ моей волости, да присоедините къ своей, она же на самой границѣ вашей, пусть эта деревня отнынѣ принадлежитъ вашей волости.» Этимъ Подгорцы объявили себя довольными—тѣмъ и кончилось дѣло.

Около 1792 года услышалъ я въ Сирмиѣ, — когда я еще былъ въ школѣ, — что мой отецъ раненъ Турками. Нѣкто Муста-Бегъ-Яичъ, Турокъ, который, сражаясь съ отцемъ моимъ въ нѣсколькихъ стычкахъ въ послѣдней войнѣ, возненавидѣлъ его лично, — бывши въ Вагъвѣ, подозвалъ отца моего: «Алекса! подойди-ка! мнѣ надобно съ тобой поговорить.» Онъ и подошелъ, какъ къ знакомому, а Турокъ изъ-подъ кафтана выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, ранилъ его легко подъ ребрами и спалилъ ему рубашку. Турокъ, который ужъ держалъ лошадей готовыхъ къ побѣгу, сейчасъ же перешелъ въ Боснію, а отецъ мой продолжалъ въ своей волости управлять и судить по прежнему. Онъ видѣлъ во время этой войны, какъ въ Сирмиѣ и Банатѣ деревни раздѣляются на приходы, и какъ скоро воротился изъ Карловца, онъ тотчасъ же назначилъ ко всякой церкви по одному главному старшинѣ или *кмету* надъ всѣми деревнями, которыя ходили въ ту церковь (принадлежали приходу тому), а на всякую церковь выходило около 8 или 10 деревень, — старшины же эти назывались *срезкими кметами* (теперь же *срезъ* то же, что у насъ *уездъ*). Что нужно было приказать, пересылалъ онъ черезъ своего *булюбашу* (родъ полицейскаго начальника) съ *пандурами* къ старшинѣ, а старшина ужъ передавалъ приказанія головы поселянамъ, и такимъ образомъ должность его очень облегчалась. Онъ, бывало, безпрестанно обходилъ волость и на кого донесутъ или пожалуются старшины и поселяне, онъ разбереть дѣло и

если точно виновать, того тутъ же и набазываетъ, гдѣ провинился. А за очень тяжкія вины онъ долженъ былъ посылать подь арестъ муселиму и кадїа (Турецкимъ судьямъ въ Валѣво).

Былъ обычай, что муселимъ и кадїа покупали (брали въ аренду) свои мѣста въ судѣ; такимъ образомъ Асанъ-Ага, братъ Османъ-паши Сребреницкаго, купилъ мусемилукъ, а братъ его—кадилукъ въ Валѣвѣ (оба они были дяди того добраго Хаджи-Бега, который былъ другъ Сербовъ въ послѣднее Кара-Георгіево время).

Турецкіе судьи имѣли обычай, если даже за самую ничтожную вину арестуется Сербъ или Турокъ, приговаривать его къ денежному штрафу и какъ можно больше взять съ него денегъ: но отецъ мой, въ такихъ случаяхъ, заступался, какъ за Сербя, такъ и за невиннаго Турка, оправдывалъ ихъ, и не давалъ обирать; за то честные и миролюбивые между Турками его очень уважали; а особенно Сербы любили его, какъ отца роднаго и почитали, какъ главнаго своего заступника у Турковъ; потому что, какъ скоро какой нибудь муселимъ или кадїа обнаружить, что онъ намѣренъ ужь очень обирать народъ, отецъ мой и сговорится съ головою Грбовичемъ и съ Бирчаниномъ, потомъ соберетъ самихъ старѣйшихъ, одѣнетъ ихъ въ самыя бѣдныя платья, созоветъ сходку, на которую пригласитъ и нѣсколькихъ почтенныхъ жителей изъ Турковъ, и отправится на *мешчеми* (Турецкій судъ), гдѣ жалуется на угнетеніе и разореніе, и напишетъ просьбу, въ которой покажетъ, подь какимъ гнетомъ страдаетъ несчастный народъ и что онъ не можетъ болѣе терпѣть, и что паша долженъ облѣгчить состояніе бѣдныхъ людей, или они все убѣгутъ въ Каурию (въ Сирмію). Потомъ такое прошеніе отецъ мой, бывало, отнесетъ къ визиру, который очень уважалъ и берегъ его, и воротится съ новымъ, лучшимъ судьей. Такимъ образомъ, какъ я слышалъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ (все время, пока держались Турки послѣ Нѣмецкой войны до Кара-Георгія) смѣнены были восемнадцать неправедныхъ кадїевъ и злыхъ муселимовъ.

Вы спросите меня, какія это сходки бывали во время Турокъ, и какъ смѣли даже собираться? Это было не ново; оно осталось еще со времени Косовой битвы, а можетъ быть бывали сходки, или собранія народныя (скупштинны) еще во время нашихъ царей. Но тѣ сходки, которыя я помню собирались слѣдующимъ образомъ:

всѣ три головы—отецъ мой Алексѣй, Николай Грбовичъ и Бирчанинъ (Илія) вмѣстѣ съ нѣсколькими старшинами ходили въ Валѣво и приносили всякій изъ своей волости счета расходовъ на разсмотрѣніе, особенно если какой нибудь паша или другой Турокъ проѣзжалъ черезъ волость, на ожиданіе котораго было много издержано, если были имъ потребованы какіе нибудь матеріалы или издержки натурою или деньгами, которыя должны были быть раздѣлены на всю нахію. Въ мешчемѣ засѣдало по нѣскольку Турокъ агій (ага), они пересматривали расходныя книги, и когда признавали, что онѣ вѣрны, кадія прикладывалъ свою печать. Головы потомъ брали съ собой этѣ расходныя книги въ Бѣлградъ, относили къ визирию, который свою часть этихъ издержекъ уплачивалъ, и выдавалъ свидѣтельство, по скольку приходилось взять изъ остальныхъ съ каждаго женатаго челоуѣка; такимъ образомъ иной разъ выходило на мешчемскую голову по ста, а другой разъ и болѣе ста грошей въ Дмитріевъ день и въ Юрьевъ день (1). Но надобно сказать, что въ Валѣвской нахіи мешчемскихъ головъ было записано не болѣе 750. Такъ выставили визирию число ихъ Валѣвскіе головы, послѣ Нѣмецкой войны, и такое число потомъ всегда и оставалось, а когда раскладка дѣлалась на женатыхъ жителей деревень на самомъ дѣлѣ, то приходилось по 8 грошей только, или много, много, по 10, ибо настоящее число головы скрывали отъ визиря, а спаги и другіе Турки, которые знали, не хотѣли доносить визирию. Головы, когда отправлялись къ визирию, для раскладки повинностей, брали съ собой старѣйшинъ изъ главныхъ домохозяевъ, которыхъ одѣвали въ нищенскія платья, сквозь дырявыя шапки пробивались волосы, сквозь разорванныя шаровары голыя колѣни, сквозь изношенную обувь пальцы; и когда являлись предъ визиремъ, кричали: «аманъ, аманъ (2), здравіе султану! мы не можемъ большія подати платить; вотъ какъ мы голы и босы! а мы, несчастные—еще богатѣйшіе изъ домохозяевъ между шипіями поселянами нашими: кто же изъ насъ въ состояніи платить по 100 и по 160 грошей съ челоуѣка? и пр. и пр.» Тогда визирь и уменьшилъ нѣсколько повинности. Такъ

(1) Мы знаемъ, что мешчемъ есть судъ; но что разумѣли въ то время подъ названіемъ: «*мешчемская голова*», мы теперь не знаемъ. (Кажется просто: всякій женатый челоуѣкъ, вписанный въ мешчемскихъ книгахъ и платящій подать).

(2) Пожилуй! смилуйся!

дѣйствовали и всѣ волостныя головы въ Пашалыкѣ, приводили съ собой своихъ старѣйшинъ, и въ Бѣлградѣ собиралось 200 и больше головъ и старѣйшинъ на этихъ большихъ сходкахъ (1). Сходились же всѣ толпою передъ домомъ пашы. Головы входили къ нему въ комнаты, а одѣтые нищими старѣйшины оставались на дворѣ. Но обыкновенно это бывало на другой день того, въ который визирь раскладывалъ подати, и когда выслушавъ все, они находили ихъ слишкомъ тягостными, такъ сходились передъ домомъ и кричали, моля Бога услышать и помочь имъ, пока паша не спуститъ подать немного.

Вотъ какъ дѣлалось у насъ при отцѣ моемъ, а что послѣ, о томъ — буду писать. Отецъ мой Алексѣй говорилъ намъ, что ему про свое время разсказывали старики: «когда въ Сербіи были только *спагіе* съ султанскими бератами, собирали они отъ всякаго хлѣба въ зернѣ (кромя мелкаго проса) десятую оку (2), со всякаго женатаго челоуѣка поголовно по 1 грошу, и это называлось «*манница*», — а «*баштеницей*» звали 20 пара (3), которые брали со всей мелочи т. е. за все, что съѣтся въ огородѣ (*башта*); на всякій улей по окѣ меда, или деньгами, смотря по цѣнамъ, какія стояли на медѣ; съ каждаго котла (кухни) по 2 гроша; съ каждой свиньи 6 пара; — а которые спагіе жили близъ своихъ деревень, къ нимъ возили нѣ сколько возовъ съ дровами или лѣсомъ, въ этомъ состояли всѣ *спагійскія* повинности. Но кромѣ этихъ повинностей платили еще визирю поголовная подать *мешчемская*, о которой уже сказано выше, по 100 грошей, иногда и больше; да султану платили *харачъ* по 3 гроша и 2 пара. Волостныя головы скрывали настоящее число жителей и когда раскладка всѣхъ повинностей дѣлалась на мѣстѣ, то дѣйствительно выходило не болѣе 7 или 8 грошей съ челоуѣка женатаго.

Но въ послѣдствіи явились и присвоили себѣ власть *чит.луки* изъ янычаръ, которые въ Стамбулѣ (Константинополѣ) имѣли своего великаго Янычаръ-Ага и во всякомъ пашалыкѣ еще Янычаръ-Ага меньшаго. Тогда всякій Турокъ, который лѣнился и не хотѣлъ ра-

(1) По-Сербски волостнаго голову зовутъ: *кнезъ* (а не князь), старѣйшину же: *кметъ*.

(2) *Ока*-Турецкая мѣра въ $2\frac{1}{2}$ фунта вѣсу.

(3) *Пара* Турецкая мелкая монета.

ботать, сталъ отправляться къ Янычаръ—Агъ и записываться въ янычары, въ какую орту хотѣлъ; потомъ назывался роднымъ сыномъ (*истинный сынъ*) султанскимъ и агою; а спагивъ, которые съ давнихъ временъ имѣли *бераты*, ни во что не ставили и называли ихъ *папурами*.

Такой вымышленный ага возьметъ нѣсколько молодцевъ съ собой, придетъ въ деревню, которая ему понравится, соберетъ поселянъ и говоритъ имъ: «Раіа! я султанскій сынъ и ага. сдѣлаемте уговоръ, вы продайте себя *миль*; а будете моими, такъ я васъ отъ всякаго угнетенія буду защищать, и кто не въ состояніи платить податей или харача, я буду давать ему денегъ въ займы.»

Обыкновенно поселяне отъ всей силы противились, но сопротивление имъ не помогало; онъ насильно навязетъ имъ 200—300 грошей, потомъ скажетъ спагивамъ, чтобъ они приготовили ему свидѣтельство, что всѣ поселяне продали ему всѣ свои земли и такимъ образомъ онъ дѣлался «*читлукъ*—*сайбія*», и сколько спагивъ съ своей деревни брали, столько—же, а иногда и больше, бралъ и онъ.

Такъ рассказывали моему отцу, что завелись читлуки, которые до Нѣмецкой войны продолжали своевольничать. Послѣ войны волостные головы выхлопотали (въ 1793 году) хатишерифъ, по которому въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ уничтожались читлукъ—сайбіе и аги и ихъ *десятки* — десятины (по-Сербски повинности), а велѣно было платить только спагивскія и царскія повинности. Однако читлукъ—сайбіе уговорили Бѣлградскаго визиря (который былъ визиремъ передъ Муста-Пашой) позволить имъ продолжать быть агами и собирать свои повинности по прежнему. Къ Дмитріеву дню пришелъ головы со всѣхъ волостей для раскладки податей; Шашини Паша и прочитавъ такой фирманъ, что султанъ простилъ агамъ и позволилъ имъ жить попрежнему: «а вы идите домой,» сказалъ онъ головамъ, «аги ужъ пошли собирать свои повинности, скажите вы раіямъ, чтобъ не противились султанскому повелѣнію.» Головы всѣ единогласно отвѣчали, «что они этого народу сказать не могутъ, потому что народъ ихъ закидаетъ камнями,» и для большей пристрастки Турокъ, прибавили, что имъ (головамъ) придется бѣжать отъ народа въ Германію, если они воротятся въ деревню съ такимъ извѣстіемъ.

Въ то время Мустафа—Шикниджичъ былъ *бина-еминъ* (главный надзиратель за строеніями) и перестроивалъ и перекрывалъ сгорѣвшія отъ Нѣмцевъ во время войны казармы въ нижней крѣпости. Мой отецъ Алексѣй тому Хаджи—Мустафа много доставлялъ матеріалу для постройки казармъ внизъ по Савѣ, познакомился такимъ образомъ съ нимъ и жилъ дружно; отецъ отправился къ нему по этому случаю и жаловался на фирманъ объ агахъ. «Знаю я», сказалъ Хаджи—Мустафа, «кто этотъ фирманъ выхлопатель, но если хотите, я имъ испорчу ихъ дѣло.»—Какъ не хотѣть! отвѣчалъ мой отецъ, и просилъ его отъ имени всѣхъ волостныхъ головъ постараться.

«Пойдите, и напишите каждый по секрету *мизаре* (прошеніе) султану, сказалъ Мустафа— и наберите, сколько можете подписей, у кого нѣтъ печати, пусть палецъ приложить вмѣсто печати». Головы и написали всякій свой *мизаре*, и сколько возможно болѣе жалобъ собрали на янычаръ, подписали много именъ, приложили печати и пальцы (*персты*), а потомъ тайно передали бина-емину. Онъ имъ сказалъ: «Оставляйтесь здѣсь (въ Бѣлградѣ) и ждите отвѣта, который придетъ скоро.» Волостные головы и остались, ожидая отвѣта на ихъ прошенія изъ Стамбула. Визирь былъ пріятель янычаръ, ничего не зналъ, что происходило и когда увидѣлъ, что волостные головы не расходятся изъ Бѣлграда, онъ призвалъ ихъ къ себѣ и спросилъ ихъ: «что же вы не отправляетесь чтобъ совѣтовать народу не противиться султанскому фирману, а принять опять своего агу?» Отецъ мой извинился тѣмъ, что много матеріалу привезъ въ крѣпость для перестройки казармъ и потому нѣмѣтъ дѣло по счетамъ съ бина-еминѣмъ, но что впрочемъ когда бъ и кончили счеты, все бы не смѣлъ идти совѣтовать народу принять янычарскій фирманъ, потому что народъ его побьетъ камнями.» Такъ отвѣчали всѣ волостные головы, и говорили что придется имъ бѣжать отъ народа въ Германію. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ нихъ скрывались, а мой отецъ подъ предлогомъ счетовъ безпрестанно переговаривался съ Хаджи—Мустафой.

На пятнадцатый день прискакалъ Татаринъ изъ Стамбула, и привезъ новый фирманъ. Мнѣ рассказывалъ булюбаша (родъ полицейскаго начальника) моего отца, Лазаръ изъ Трлича, что Татаринъ прискакалъ въ городъ, крича безпрестанно: «Мазуль, Шашни—Паша, Мазуль! Хазуръ, Хаджи—Мустафа, Хазуръ!»

На другой день утромъ прежній визирь выѣхалъ изъ крѣпости, а новый, Хаджи-Мустафа-Паша (бывшій бѣша-еминъ,) занялъ его домъ; (бунчуки получилъ онъ отъ султана послѣ). Волостные головы представились ему съ поздравленіемъ, и онъ совѣтовалъ имъ воротиться каждому въ свою волость, беречь народъ, никому не позволять ни малѣшаго угнетенія, но во всякой нуждѣ къ нему обращаться. Это было около 1794 го года.

Между тѣмъ аги и субаши ужъ расходились по деревнямъ, собирая свои обычные подати и десятины. Въ Бѣградѣ же находился нѣкто Карасманлъ, который всюду, куда ходилъ, водилъ съ собой человекъ 30—40 изъ янычаръ; онъ готовился быть янычаръ—агою въ Бѣградѣ и не слишкомъ покорялся Хаджи-Муста-Пашѣ. Но Хаджи-Мустафа-Паша, когда утвердилъ немного свою власть въ крѣпости, подослалъ одного Турка на Карасманла; этотъ Турокъ застрѣлилъ его изъ окошка одного дома въ то время, когда тотъ выходилъ изъ амама (бани). Его дружина всл разбѣжалась, а тѣ шайки, которыя распорядились по деревнямъ, какъ скоро услышали, что ихъ начальникъ погибъ, испугались и всѣ бѣжали въ Видинъ къ Пасманджію. Этотъ Пасманджія уже передъ тѣмъ усилился такъ, что отложился отъ султана, и завладѣлъ всѣмъ Видинскимъ пашалыкомъ, никакой подати не платилъ султану, а все себѣ забиралъ. Всѣ злѣйшіе и виновнѣйшіе изъ бѣглыхъ у него собирались и служили ему. Несчастный султанъ Селимъ послалъ семь визирей на Видинъ съ войсками, и Хаджи-Мустафа-Паша выступилъ изъ Бѣграда и жестоко бился съ Пасманджіемъ, но другіе пашы брали деньги съ него и не хотѣли съ нимъ крѣпко драться. Султанъ Селимъ тогда попытался выслать нѣсколько низамскаго войска въ зеленыхъ мундирахъ, ибо Селимъ первый началъ вводить низамъ (регулярное войско). Но наконецъ Пасманъ-Оглу вышелъ въ открытое поле со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Хаджи-Мустафа-Паши и малое число низама, и разбилъ ихъ на голову, а другіе визири безъ боя побѣжали. Тутъ погибъ отецъ Сребрничскаго Паши, Хаджи-Сали-Бега (такъ скзывалъ мнѣ Асанъ-Баши-Дряча изъ Ужицы, который тогда былъ въ войскѣ, а послѣ былъ *ясанджія* (¹) при нашемъ Валѣвскомъ епископѣ Данилѣ, съ нимъ путешествовалъ и собиралъ для него *димницу* (сборъ съ cadaго дома, дыма).

(1) Собираетъ податей.

Пасманджіа, оставаясь независимымъ въ Видинѣ, собиралъ еще болѣе войска, которому платилъ хорошее мѣсячное жалованье; и такимъ образомъ всѣ преступники изъ цѣлаго царства Турецкаго собирались въ Видинѣ. Хаджи Мустафа Паша возвратился съ войскомъ въ Бѣлградъ, а Пасманъ-Оглу выслалъ свое войско на Бѣлградъ съ намѣреніемъ покорить себѣ всю Сербію и даже присвоить Боснію, чтобъ потомъ успѣшнѣе защищаться отъ Султана. Войско дошло до Пожаревца и крѣпко сражалось тамъ съ Бѣлградскою арміею; но Бѣлградскіе спаги прогнали его назадъ въ Видинѣ; спустя нѣсколько времени однако оно опять выступило и взяло Поречъ. Бѣлградскій визирь очевидно не имѣлъ достаточнаго войска, онъ и началъ съ своей стороны набирать наемное. Подать государственная была отъ 7 до 8 грошей на полгода по хатишерифу; для содержанія войска визирь умножилъ ее до 15 и 18 грошей полугодично. Съ волостными головами обходился онъ какъ бы съ сыновьями своими: когда они приходили къ нему, послѣ обычнаго поклона, заставлялъ только немножко постоять ради Турецкаго обычая, потомъ приказывалъ имъ садиться, имъ кофей подавали, и какъ сказывалъ мнѣ отецъ, разговаривалъ съ ними, какъ съ родными дѣтьми; а народъ жилъ въ довольствѣ и спокойствіи, только что подать возвышена была до 15 и 18 грошей. Торговля была свободная; кто что имѣлъ тотъ продавалъ, кому хотѣлъ и по какой цѣнѣ хотѣлъ. Церкви и монастыри старые начали исправлять, поддерживать, перестраивать, отдавая только по 500 грошей визирю на *изумъ* (дозволеніе); можно было строить церковь, гдѣ хотѣли и какую хотѣли.

Когда всѣ аги и непокорные Турки бѣжали въ Видинѣ (послѣ того какъ Хаджи-Муста-Паша убилъ ихъ начальника Карасманла), какъ-то скрылись въ Шабиѣ одинъ Бега - Новляннинъ и Дьюртъ-Оглія. Оба они были переселенцы изъ Босніи. Въ это время волостной голова изъ Свилуева, Ранка Лазаревичъ пріѣхалъ въ Сербскій Шабацъ-Банръ на ночлегъ, а на другой день Бега-Новляннинъ, и Дьюртъ-Оглія пришли и застрѣлили его изъ ружья, да и заперлись въ крѣпости (Шабцкой-же; Сербская часть городовъ бывала безъ укрѣпленій, крѣпость каждаго города была Турецкая); это случилось въ *честный постъ* 1800 года. Вскорѣ послѣ прішегъ къ отцу моему попъ Лука, двоюродный братъ

Ранка жаловаться, что Турки не только голову Ранка убили, но еще хотять съ наследниковъ 2500 грошей пени взять. Онъ просилъ у отца коего въ займы этой суммы, чтобъ ею откупиться и не отдавать домъ свой на разореніе. Когда ушелъ попъ Лука Лазаревичъ, отецъ позвалъ меня, чтобъ написать письмо визирю. Онъ диктовалъ мнѣ письмо, въ которомъ, сколько помнится, писалъ, что въ Шабцѣ скрывались двое оставшихся преступниковъ изъ янычаръ, которые убили Ранка волостнаго голову Шабцкаго:—« Мы, головы въ дѣлахъ султановыхъ и твоихъ, ваша правая рука (*ваши ноги до коленъ и руки до локтей*). Если же придется намъ на царскихъ улицахъ отъ преступниковъ насильственно погибать, мы долге терпѣть не будемъ; ницъ, кого хочешь, въ головы Валѣвской волости, а я не только управлять, но и на улицу выходить не стану, а уйду изъ султанской земли въ землю Нѣмецкую, и проч. » — Онъ послалъ это письмо Хаджи - Муста - Пашѣ въ Бѣлградъ. Черезъ нѣсколько времени прїѣхалъ *кавазъ* отъ паши въ Бранковину ночевать къ намъ въ домъ, и все тайно съ отцомъ моимъ переговаривался. Когда на другое утро рано кавазъ уѣхалъ, отецъ спросилъ меня: « знаешь ли, зачѣмъ прїѣзжалъ этотъ кавазъ? » Я отвѣчалъ, что не знаю. « Его послалъ », сказалъ онъ, « Хаджи-Муста-Паша, чтобъ онъ мнѣ на словахъ передалъ, что визирь говорилъ: « если не отмститъ онъ за Ранка, то пусть Алекса идетъ, куда хочетъ, искать себѣ счастья ». А потомъ визирь приказалъ кавазу въ Палежѣ приготовить ночлегъ для отряда, который долженъ идти на Шабачъ и съ собой двѣ пушки повезти, но все это секретно. Отецъ мой тотъ часъ же отправился въ Палежъ и въ самомъ дѣлѣ около 800 кирджалий пришли и двинулись быстро на Шабачъ. Бега-Новлянинъ и Дьюртъ-Оглия, убійцы головы Ранка съ своими сообщниками заперлись въ крѣпости. Кирджалии начали стрѣлять изъ ружій и пушекъ, и въ самый нашъ четвергъ страстной недѣли зажгли башни Шабцкія; Бега и Дьюртъ-Оглия прокопали себѣ подземный ходъ подъ каменной стѣной до Савы и бѣжали въ Боснію, а вся крѣпость и башни сгорѣли. Сообщники ихъ перехвачены были войскомъ, которое вывезло свои двѣ пушки на улицу и за одного волостнаго голову Ранка, 27 человекъ изъ нихъ удушены были веревкой посреди улицы, между тѣмъ какъ, по Турецкому обычаю, всякій разъ какъ одного изъ нихъ казнили, выпалать изъ пушки по одному выстрѣлу.

Такимъ образомъ отмстилъ Хаджи-Муста-Паша за голову Ранка, и всѣхъ янычаръ привелъ въ такой страхъ, что въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ не смѣли назвать и имени янычарскаго.

Однако Хаджи - Муста - Паша видѣлъ себя и свой пашалыкъ въ опасности отъ Пасманджія и отъ другихъ двухъ, которые бѣжали въ Боснію; бояся, чтобъ они изъ Босніи не двинули на него войска, онъ принужденъ былъ все болѣе и болѣе собирать себѣ войска, для обороны, а потому и возвышать подати, чтобъ доставлять имъ *таинъ* (продовольствіе) и плату. Когда волостные головы увидѣли, что въ каждый срокъ визирь повышаетъ государственную подать, они сговорились сдѣлать сходку, на которую всѣ сошлись. Тутъ были: изъ Валѣвской нахіи мой отецъ Алексѣй, Илья Бирчанинъ, и Николай Грбовичъ, изъ Руднической нахіи—голова Николай, изъ Дубричской голова Петръ, изъ Бѣлградской голова Паладія, и голова Станое изъ Зеока и еще другіе. Они положили взять хатишерифъ, который выпросили отъ Порты (1793 года), и въ которомъ написано было: « что весь пашалыкъ Бѣлградскій долженъ давать податей на 20,000 женатыхъ жителей, по 20 грошей поголовно », а Хаджи-Муста-Паша почти уже вдвое началъ требовать. (Этотъ хатишерифъ всѣ головы, по уговору между собою, поручили въ то время, когда полученъ былъ, Бѣлградскому митрополиту Меодію, считая его главою нашей Церкви и закона, чтобы хранилъ его какъ драгоценнѣйшій залогъ пароднаго благоденствія).

Отправились головы къ визирю съ поклономъ по обычаю, и когда они немножко постояли (*дворили*), сказалъ онъ имъ, чтобъ сѣли, и милостиво съ ними разговаривалъ, какъ съ любезными сыновьями; выпили кофею и ничего про хатишерифъ и не упомянули, но оттуда же отправились къ митрополиту Меодію, жаловались ему на возвышеніе противъ хатишерифа податей, которыхъ бѣдный народъ не въ состояніи платить, и не знаетъ откуда взять, и сказали, что ему извѣстно, когда онъ ходитъ по епархіи, что и свою *дымницу* онъ едва можетъ собрать; « но дай намъ хатишерифъ », говорили ему головы, « чтобъ показать визирю и пусть онъ подать наложить по хатишерифу, какъ султанъ приказалъ, а не болѣе ». « Кала, кала (хорошо, хорошо), отдамъ завтра вамъ фирманъ », отвѣчалъ Меодій. Головы разошлись по ночлегамъ, а митрополитъ Меодій сѣлъ на лошадь,

отправился въ крѣпость къ визирю и разсказалъ ему, какъ головы хотятъ взять у него хатишерифъ, чтобъ отнести къ визирю и требовать, чтобъ онъ по указанію хатишерифа собиралъ подати, а не болѣе; такъ пусть визирь приготоится, что имъ отвѣчать и проч.

На другой деиъ отецъ мой и голова Петръ пришли къ митрополиту за хатишерифомъ, но онъ отвѣчалъ имъ: «сходите сперва къ визирю, а потомъ придите сюда за фирманомъ» Всѣ волостные головы и пошла вмѣстѣ и, противъ обычая, долго дожидались въ визирской передней. Наконецъ отворилась дверь комнаты визиря и когда вошли головы, они поклонились, по обычаю, наклонились, чтобъ поцѣловать полу его кафтана, потомъ отошли и стали поодаль всѣ рядомъ. Визирь зажегъ паргиле (трубку), сталъ курить, а самъ отвернулся, смотрѣлъ въ другой уголъ комнаты, не хотѣлъ ни на одного изъ пришедшихъ и взглянуть. Такъ стояли головы цѣлые два часа; онъ не приказывалъ имъ садиться и не приказывалъ имъ уйти, а только все курилъ и молчалъ; головы тоже молчали и съ ноги на ногу качались и вопросительными взглядами другъ на друга смотрѣли, какъ бы спрашивая—гдѣ нашъ прежній Хаджи-Муста-Паша? И узнать его нельзя! Это не онъ, а всему виноватъ Грекъ Меѳодій, мучитель! (впрочемъ увѣряютъ, что Меѳодій и не Грекъ былъ, но изъ Армянь перекрестившійся (1)). Послѣ этого долгаго *стоиін* визирь вдругъ поворотился, пустилъ дымъ табачный изо рту и сказалъ: «эй, головы! Что же не говорите зачѣмъ вы пришли?» — Я поклонился (разсказывалъ мнѣ отецъ) и началъ: «Паша эфендужъ.....» но онъ перервалъ мою рѣчь. «Я знаю, чего вы добиваетесь — вы хотите, чтобы я налоговъ не болѣе требовалъ, какъ постановлено въ султанскомъ хатишерифѣ; и я того же хочу, и не хочу пользоваться ни одной *аспрой* (мелкая монета) больше нежели написано въ фирманѣ. Да развѣ вы не знаете, что когда высокопочтеннѣйшій султанъ пожаловалъ мнѣ Българскій *масиль*, онъ не далъ мнѣ никакой другой казны, кромѣ того, что могу собирать съ васъ, чтобъ защитить васъ отъ всякаго угнетенія; а вы сами видите, сколько мнѣ нужно войска содержать, чтобъ и себя и васъ оборонять отъ читлукъ-сайбіевъ, между тѣмъ нужно мнѣ еще болѣе войска, но если вы сами такъ хотите, то мнѣ гораздо легче будетъ къ брату моему, Видинскому визирю, Пасманджи-Оглу послать письмо съ предложеніемъ

(1) т. е. перешедшій въ Православіе.

помириться съ нимъ, оставить изъ моего войска достаточное число собственно только для защиты крѣпости, и ужь ни одной *аспры* больше положеннаго въ хатишерифѣ не стану съ васъ брать; за то вы съ вашими агами и субашами развѣдывайтесь, какъ Богъ дастъ». — Я опять поклонился и отвѣчалъ: « твоя правда, почитаемый паша! мы и сами видимъ что оно такъ; но вотъ бѣда въ чемъ, у народа нѣтъ денегъ, и не откуда взять, а не то чтобъ мы жагѣли. Мы даже съ дѣтей нашихъ всѣ деньги сняли до послѣдней *пара* которую отъ *глазу* носить (¹). Видите сами, что мы наполнили всѣ Турецкіе дома слугами и служанками изъ насъ, и еще бы отдавали въ услуженіе, да ужь нѣкому, для того чтобы нѣсколько пара выработать и платить повинности, и малые остатки скота нашего мы бы продали, но никто не покупаетъ. Отпусти насъ, чтобы мы пошли на сходку и посоветывались—не найдемъ ли какаго средства помочь себѣ въ такой крайности ». Визирь махнулъ рукой,—« ей исадиле », счастливыи путь, сказалъ онъ

И такъ не посидѣвъ ни мало у визиря, мы вышли (разсказывасть мой отецъ) и всѣ говорили другъ другу дорогой: « ей Богу, братцы, вѣдь визирь отгадалъ ». Пошли мы всякій на свою квартиру (ночлегъ), утомясь отъ долгаго стоянія; передъ вечеромъ собрались всѣ головы въ шундинъ-ханъ (постоялый дворъ) гдѣ я (Алексѣй) присталъ, и пашли мы, что всѣ рѣчи паши справедливы, и что если онъ не будетъ держать войска, то завладѣютъ нами Виндинскіе аги и субашы и въ пятеро больше будутъ брать съ насъ нежели то, чего ищетъ отъ насъ визирь. Было много разговору и предложеній всякаго рода, наконецъ я спросилъ другихъ головъ,—не хорошо ли бы намъ было предложить визирю и обѣщать ставить ему въ помощь войско изъ насъ самихъ? Когда Виндинцы на него нападуть, мы съ своимъ войскомъ пойдемъ противъ нихъ, а когда ихъ прогонимъ, то воротимся по домамъ. Это предложеніе всѣ головы одобрили и положили такъ и представить визирю, а всѣ мы вмѣстѣ вскричали: « что же до денегъ касается, нѣтъ денегъ, и неоткуда взять ихъ ».

На другой день пошли мы къ визирю—насъ тотъ часъ впустили къ нему, гдѣ онъ сидѣлъ, мы подошли, по обычаю, къ *кафтану*, и отступили назадъ и стали смиренно поодаль. Визирь сказалъ: « ей, головы, переговорили-ль вы и въ чемъ уговорились? » — Я

(1) Говорится въ смыслѣ: « до послѣдней крайности ».

поклонился и отвѣчалъ: « такъ точно, почтеннѣйшій паша; твои вчерашнія рѣчи справедливы и святы; сами мы сознаемъ, что безъ войска не можешь насъ защитить отъ угнетенія и хищничества, а безъ денегъ не можешь содержать войско. Но вотъ наша бѣда и горе — денегъ у народа несчастнаго нѣтъ, и средствъ нѣтъ добыть ихъ, а если впустимъ опять къ себѣ Видинскихъ янычаръ на нищую раю, всѣ бѣдные люди убѣгутъ въ *Каурию* (Германію) и султанова земля останется пуста и праздна.» — « Такъ точно, такъ точно », перервалъ меня визирь.

« Мы ужъ всячески размышляли, — продолжалъ я, — но никакого средства не нашли добыться денегъ, а послѣ всѣхъ нашихъ толковъ, положили мы: когда Видинцы придутъ съ Юга, мы, головы, приведемъ къ тебѣ войска изъ нашихъ, ты разобьешь съ нами Видинцевъ и выгоиши ихъ, а мы потомъ воротимся по домамъ нашимъ безъ всякаго отъ тебя жалованья и продовольствія; тебѣ же самому не придется ужъ ни войска собирать, ни издерживаться на продовольствіе и жалованье. Вотъ нашъ отвѣтъ, высокопочитаемый паша! только бы его ты одобрилъ ».

На это визирь: « пеки, пеки (да, хорошо), всѣ ли вы, головы, на это согласны ? » « Согласны, хотимъ », отвѣчали они въ одинъ голосъ, « высокопочитаемый паша! Согласны — и въ полдень и въ полночь, когда намъ прикажешь, и куда прикажешь, привести къ тебѣ войска, сколько теперь положимъ; согласны и общаемъ! »

На это паша: « да-ей, — да-ей, *бѣнда северумъ*, это еще лучше, еще лучше, это мнѣ очень пріятно. » Потомъ ударилъ въ ладони и закричалъ: « язиджидель », чтобъ пришелъ къ нему писарь, а насъ заставилъ сѣсть.

Слава Богу, вотъ опять нашъ прежній паша явился! подали кофей и разговоръ пошелъ о томъ, сколько какая нахія должна поставить войска; Бѣлградская нахія по близости должна была дать больше, Валѣвская должна была поставить 1,800 ратниковъ, а Рудническая 750; и такимъ образомъ, по числу записанныхъ женатыхъ людей, записали и число войска въ книгу и всякому волостному головѣ выдана была копія, сколько онъ долженъ ратниковъ Сербовъ привести къ пашѣ, когда и куда онъ потребуетъ.

« Теперь идите, и каждый въ своей волости сдѣлайте списокъ тѣхъ, которые должны всегда быть готовы съ оружіемъ,

обувью ⁽¹⁾ и одеждой, приличными войску. Вы, головы, если—когда я прикажу—кто изъ васъ не придетъ съ войскомъ, грѣхъ на его душѣ—я съ него и взыщу.»

Мы благодарили его, и ушли весело, радуясь, что пашли опять нашего Хаджи-Мустафа-Пашу съ прежней его добротой, котораго было совратилъ и *потурчилъ* Митрополитъ Меоодій.

Вотъ, дѣти мои, какъ все это происходило; отецъ мой мнѣ такъ рассказывалъ, а я передаю вамъ, и жалѣю, что не знаю именно, въ которомъ году это было. А что за тѣмъ слѣдуетъ, ужъ я самъ хорошо помню.

Когда головы ушли изъ Бѣлграда, Хаджи Мустафа-Паша послалъ свои объявленія въ каждый городъ и по всемъ рынкамъ, чтобы по улицамъ и рядамъ ⁽²⁾ оглашалъ *телаль* ⁽³⁾: «слушай всякій чело-вѣкъ, кто Сербъ и не имѣетъ длиннаго ружья, двухъ пистолетовъ и большаго ножа: тотъ пусть продастъ одну корову и купишь себѣ оружіе. Таково приказаніе высокопочитаемаго визиря; кто не будетъ исправенъ, тому пятьдесятъ палокъ по подошвамъ и пятьдесятъ грошей пени съ него. Ай! слушайте! и слушайтесь! таково приказаніе визиря!»

Отецъ мой тогда же созвалъ своихъ булюбашей, Живана изъ Калинича, Арсенія Ражича изъ Лозницы, Дукана изъ Орашца, Васлія изъ Баевца и Коя изъ Пулара, и называлъ имъ ратниковъ, а я ему тутъ же вписывалъ въ книгу имя и прозваніе каждаго, и кто изъ какой деревни; потомъ пошли булюбашаи всякій свою опись приводить въ порядокъ, чтобы на первый призывъ всѣ были готовы; (этой самой книги одну половину найдете, дѣти, въ моихъ бумагахъ; она хранилась у духовника Еремія, монастыря Грабовца, гдѣ отецъ мой собиралъ войско; а другая половина какъ-то изодралась). Такою же порядокъ ввели въ своихъ волостяхъ и Голова Николай Грбовичъ и Илья Бирчанинъ.

Опять Видинское войско пошло на Бѣлградъ—одинъ отрядъ ударилъ на Пожаревацъ, а другой на Тьюпрію и Паланку и взялъ Тьюпрію, гдѣ командовалъ Тосунъ-ага. У Пожареваца сошлись

(1) *Опанци*—родъ кожаныхъ лаптей, которыми Сербы щеголяютъ; преимущественно надѣваются въ праздничные дни и для выступления въ военный походъ.

(2) *Чаршия* значить улица, на которой лавки, то, что у насъ зовутъ ряды.

(3) *Crieur public*, бирючь.

войска пашы и Сербское съ Видинскимъ, но Видинцы и тутъ одержали верхъ и двинулись быстро на Бѣлградъ, гдѣ и зажгли городъ. (Начальника Сербскаго войска въ Пожаревцѣ звали Арабм-башичъ Станко, онъ храбро дрался съ Сербами противъ Видинцевъ, но Турки его обманомъ убили въ Смедаревѣ). Визирь заперся въ Бѣлградской крѣпости Между тѣмъ отецъ мой собиралъ войско въ монастырѣ Грабовцѣ, куда дошли слухи, что Видинцы заняли городъ Бѣлградскій. Онъ (отецъ мой), Бирчанинъ и Николай Грбовичъ въ Палежѣ сѣли на лодку и приплыли къ визирю въ нижнюю часть крѣпости. Онъ спросилъ: «гдѣ войско?» Они отвѣчали, что все войско въ Грабовцѣ, но не можетъ взойти въ крѣпость, потому что Видинцы заперли всѣ ворота. Визирь сказалъ: «останься здѣсь, Алекса, а Бирчанинъ и Грбовичъ пусть идутъ назадъ и приведутъ войско на лодкахъ.» Бирчанинъ и Грбовичъ отправились въ Грабо-вацъ, взяли съ собою войско, въ Палежѣ сѣли на лодки и ночью приплыли къ Су-капія (1), въ нижней крѣпости. Отдохнувъ не-много, раздѣлились такъ: спагіи противъ Видинскихъ воротъ (Видинъ-капія); визиревы люди противъ Стамбулъ-кашія; мой отецъ съ Валѣвской дружиной противъ воротъ вдоль Савы (ибо у самаго берега Савы не было домовъ); потомъ всѣ вдругъ штурмовали съ разныхъ сторонъ городъ и выгнали изъ него Видинцевъ. Одинъ только бим-башы (2) Видинскій засѣлъ въ церкви и изъ нея отстрѣливался отъ Сербовъ, которые его окружили. Илья Бирчанинъ съ отрядомъ преслѣдовалъ Видинцевъ до Смедарева, гдѣ они заперлись въ крѣ-пости; паша послалъ на нихъ пушки, ихъ вытѣснили и оттуда и гнали до Видина. Отецъ мой остался въ нижней крѣпости у визира, а для тѣхъ ратниковъ, которые не могли помѣститься въ нагорныхъ казармахъ, паша далъ тростнику, изъ котораго они себѣ выстроили лачужки около казармъ. На наше Рождество Христова, визирь выдалъ нашимъ войскамъ водки и вина, и они, забавляясь пѣснями и плясками, какъ-то зажгли этѣ тростниковыя лачужки и отъ огня этого пожара выстрѣлила одна изъ пушекъ и убила нѣкоего Алексица изъ Юшаве. На пятый день послѣ Рождества пришелъ и я туда, принести моему отцу рубашки и другія ну-жныя вещи; я нашелъ его въ комнатѣ, у Су-капія, и видѣлъ тамъ болѣе 100 отрубленныхъ головъ Турокъ Видинскихъ, которыя

(1) Капія—ворота.

(2) Бимбашы—турецкій чинаъ.

выставлены были передъ визирскимъ дворомъ,—это мнѣ въ первый разъ случилось видѣть отрубленную человѣческую голову. Тотъ бимбаши, который заперся было съ товарищами въ церкви и оттуда отстрѣливался, не хотѣлъ положить оружіе передъ визиремъ, а сдался отцу моему и *побратился* съ нимъ ⁽¹⁾. (Этотъ самый бимбаши, въ началѣ Карагеоргіевой войны 1804 года, въ Маѣ мѣсяцѣ находился съ войскомъ въ Пожаревцѣ, гдѣ дядя мой Яковъ и Кара-Георгій окружили его; когда бимбаши и тутъ долженъ былъ сдаться, онъ сказалъ дядѣ моему: послушай Яковъ, мнѣ пришлось брату твоему Алексѣ въ Бѣлградѣ сдаваться, а нынѣ здѣсь тебѣ; впередъ гдѣ услышу, что находится кто нибудь изъ вашего рода, туда на вражду (не пойду). Я пошелъ съ булбашами отца моего по всей крѣпости, а потомъ, съ нимъ самимъ, и къ визірю. Наше войско почти совсѣмъ завладѣло крѣпостію, и вся она была такъ сказать ограблена—ни на пушкахъ, ни въ окошкахъ, нигдѣ ни малѣйшаго желѣзнаго гвоздя не осталось; наша братья всѣ повывернула, да съ *постельниками* наши отослала домой: это все видѣлъ паша, да нечего было ему дѣлать. Такъ стояло наше войско съ отцомъ моимъ въ Бѣлградѣ, и защищало крѣпость, отъ нашего Рождественскаго поста до Великаго поста нашего, до тѣхъ поръ, пока Бирчанинъ съ остальнымъ войскомъ воротился изъ Видина; тогда всѣ разошлись по домамъ. Между тѣмъ голова Петръ изъ Тьюпріи и Степанъ Яковлевичъ собрали Сербовъ, ударили на Тьюпрію и, послѣ горячей схватки, выгнали Тосунъ-агу, заняли Тьюпрію и Турецкое войско преслѣдовали до Видина.

1794 года въ Валѣвѣ былъ муселимомъ Асанъ-ага изъ Сребреницы, и началъ было сильно обирать народъ, но отецъ мой сталъ ему на пути и не давалъ грабить; за то у нихъ и началась вражда. Асанъ-ага приискалъ 4 хъ Турокъ, которымъ обѣщалъ денегъ, если убьютъ моего отца, а самъ ушелъ въ Сребреницу, чтобъ не ходиться на мѣстѣ убійства. Отецъ мой въ самую середу на первой

(1) *Побратиться* съ Туркомъ случилось и Христіанамъ—разумѣется, они въ церковь не могли ходить *виѣсть* для *освященія*, такъ сказать, молитвою своего дружескаго союза, но обѣщали другъ другу вѣрность; а въ нныхъ мѣстахъ какъ, на примѣръ, въ Черногоріи, былъ особый обрядъ для *побратмства* Христіанна съ Туркомъ. Тотъ и другой разрѣзывали слегка палець, и кровь сливали въ какой нибудь сосудъ — потомъ въ свѣщанную такимъ образомъ кровь оба обмакнувъ палець и положить въ ротъ. Не знаемъ, продолжаютъ ли и теперъ такъ побративаться.

недѣль Великаго поста, 1794 года, отправился въ Валѣво; четыре же подкуленные Турка сдѣлали засаду въ лѣсу, около часа времени отъ Валѣва, возлѣ дороги, по которой онъ долженъ былъ возвращаться. Одному сказали: «стрѣлай ты въ азнадара (1) Живка, а мы трое справимся съ головою.» Когда отецъ мой поровнялся съ засадой, назначенный Турокъ выстрѣлилъ и убилъ Живка, но другіе дали промахъ по моему отцу, и убѣжали вдоль балки, около потока, въ Валѣво.

Какъ отецъ мой воротился домой, онъ созвалъ всѣхъ старѣйшихъ и сказалъ имъ: «братцы, выбирайте другаго вѣ головы, я ужь больше не хочу оставаться въ этомъ званіи, сами видите, что Турки умышляютъ меня убить. Стрѣляли въ меня одинъ разъ прежде, Богъ меня сохранилъ, нынѣ въ другой разъ выстрѣлили въ меня, и убили моего человѣка, а Богъ меня опять сохранилъ, въ третій разъ ужь они иначе распорядятся» (про первый разъ я уже рассказывалъ).

Послѣ многихъ переговоровъ выбрали Дмитрія Калабу въ головы; воротился Асанъ-ага изъ Сребреницы и когда увидѣлъ, что отецъ мой не погибъ и что его злодѣйство откроется, онъ схватилъ тѣхъ Турокъ, которыхъ подкушилъ, и удавилъ ихъ въ Валѣвѣ, чтобы они не могли на него показать. Новый голова, Калаба принялъ всѣ деревенскія дѣла, но онъ былъ непривыченъ обращаться съ Турками на пользу бѣдныхъ. Когда онъ, по обычаю, придетъ въ Валѣво къ муселиму просить, чтобы выпустили изъ тюрьмы тѣхъ, которыхъ захватили Турки, какъ виноватыхъ и когда муселимъ, по обычаю же, скажетъ: «голова! у меня одинъ изъ твоихъ приверженцевъ сидитъ подъ стражей, но я отпущу его, только непременно требую сто грошей пени.» На это Калаба всегда отвѣчалъ: «Ага, хорошее дерево надобно пополамъ расколоть» (2).—«Хорошо, голова, за твоего человѣка принеси 50 грошей, такъ я отпущу его». И такимъ образомъ сколько муселимъ ни просилъ денегъ, голова нашъ Калаба все говорилъ: «хорошее дерево надо пополамъ расколоть».—Много ли, мало ли запрашивалъ муселимъ, онъ всегда предлагалъ помпраться на половинѣ. Отецъ мой, когда управлялъ, и Бирчанинъ Илья со всѣмъ иначе поступали. Увидѣли старшины, что пѣтъ у Калаба ни малѣйшаго умѣнія править дѣлами народа, и что съ свѣмъ: «хоро-

(1) *Азнадаръ*—казначей.

(2) Поговорка просгонародма.

шее дерево надо пополамъ расколоть.» онъ не можетъ оградить народа отъ разорительныхъ взысканій. Вотъ однажды они и собрали сходку у нашей церкви въ Бранковинѣ, призвали на нее отца моего и сказали ему: «хотимъ, чтобъ ты опять былъ у насъ головою.» Онъ отговаривался тѣмъ, что не можетъ, что несправедливо требовать, чтобъ онъ погибъ отъ Турокъ за исполненіе своей должности. На это гаркнула громко тысячью голосами вся сходка вмѣстѣ: «если тебѣ суждено погибать, такъ умирай же нашимъ головою!» Тутъ схватили его и подняли на руки; я стоялъ поодаль во время этой сходки и когда услышалъ вдругъ этотъ крикъ и увидѣлъ все это смятеніе въ толпѣ, подумалъ, что его убили, но когда приближалъ къ нимъ, то услышалъ, что всѣ кричатъ: «счастливо! счастливо! (1) Алекса опять у насъ головою!» и отрядили нѣсколько человекъ ему въ ратники, чтобъ онъ ихъ бралъ съ собою, когда будетъ ходить по дѣламъ. Отецъ мой уговорился съ Бирчанниномъ и началъ управлять еще дѣятельнѣе и защищать народъ отъ насилія и грабительства Турокъ.

Когда визирь въ Бѣлградѣ узналъ, что попытка убить отца моего была тайнымъ дѣломъ Асанъ-аги, онъ послалъ бумбашера въ Валацтво, привести Асанъ-агу въ Бѣлградъ. Асанъ-ага испугался ужасно, *побратился* съ моимъ отцемъ и сказалъ ему: «теперь ты передъ Богомъ мнѣ братъ, Алекса; скажи мнѣ—куда мнѣ дѣваться? Отецъ мой, какъ приверженецъ Хаджи-Бега, сказалъ ему: «постарайся ночевать въ Любичѣ; я тамъ отведу тебѣ ночлегъ а бумбашеру—другой ночлегъ, особо; ты этимъ воспользуйся, и бѣги въ Боснію.» Такимъ образомъ Асанъ-ага, который послѣ былъ нашою, бѣжалъ въ Боснію. Видинскіе Турки наконецъ увѣрились, что Сербы такъ крѣпко соединились съ нашою, что силою нельзя ничего противъ него сдѣлать, и потому всѣ они и Пасманджія—обратились къ визирю Хаджи-Мустафа-Пашѣ съ просьбою, позволить имъ жить спокойно и мирно, не вмѣшиваясь ни во что, простыми обывателями въ своихъ домахъ, въ Бѣлградѣ. Больно ошибся тутъ Хаджи-Мустафа-Паша, согласился и пустилъ ихъ опять въ Бѣлградъ, гдѣ они нѣсколько времени точно жили смирно и покорно, а нѣкоторые и въ службу пошли къ нему, потому что они были очень ловки и искательны. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и стали они ему говорить:

(1.) Ура! ура!

«мы знаемъ, что ты вѣренъ султану, а мы вѣрны тебѣ; дай сына твоего, чтобъ онъ собралъ войско, и мы съ нимъ пойдемъ: мы столько лѣтъ жили въ Видинѣ, знаемъ, какъ легко можно его взять. Возьмемъ его и передадимъ твоему сыну, а ты окажешь султану важную услугу, за которую и тебя и насъ султанъ наградитъ.» На этотъ разъ ошибка Хаджи-Мустафа-Паши была еще гибельнѣе; онъ послалъ сына своего на Югъ собирать войско. Когда сынъ визиря Дервишъ-Бегъ былъ такимъ образомъ удаленъ, эти Бѣлградцы пошли къ пашѣ просить позволенія идти къ его сыну въ войско, и онъ имъ опять повѣрилъ. Они снарядились въ путь и пошли до *Балеча*, а оттуда воротились назадъ. Я слышалъ, какъ объ этомъ разсказывалъ отцу моему одинъ Муя Алай-Бегъ (въ Уровцахъ), слѣдующее: «Когда», — говорилъ онъ, — «мы возвращались изъ Балеча, мы у *Баталджамин* (Баталмечети) наклали нѣсколько сѣна на лошадей своихъ, покрыли вдоль коврами, чтобъ было похоже на товары, привязали къ переднему коню колокольчикъ и, спѣшившись, повели коней до Стамбуль-капин (въ Бѣлградѣ); у Стамбуль-капин кликнулъ часовой: «кто идетъ.» Мы отвѣчали: «Мы кириджи (извозчики, которые перевозятъ товаръ), отворите ворота.» Когда отворили ворота, мы сбросили съ коней сѣно, схватили оружiе, а наши единомышленники, которые оставались въ Бѣлградѣ, ожидали насъ готовые, и мы завладѣли всѣмъ городомъ, а Хаджи-Мустафа-Паша сталъ стрѣлять пушками изъ крѣпости.»

Спустя нѣсколько времени пришелъ съ южной стороны сынъ Хаджи-Мустафа-Паши съ войскомъ и въ то же время отецъ мой привелъ войско съ нашей стороны, а другiе волостные головы съ другихъ сторонъ, и окружили городъ. Янычарамъ ужъ въ немъ становилось тѣсненько, когда одинъ Вазахъ показалъ имъ отверстiе въ подземелье, по которому проведена была вода въ верхнюю крѣпость; они черезъ эту дыру, вдоль водопровода, всѣ вползли на четверенькахъ въ горнюю крѣпость, гдѣ возлѣ мечети былъ изъ подземелья выходъ — тамъ они кое-какъ выкарабкались и, *не вставая на ноги, по переваливаясь лежа*, вкрались въ мечеть; когда она ими наполнилась, они выстрѣлили изъ ружья въ домъ паши, отворили двери и взяли живьемъ Хаджи-Мустафа-Пашу, говоря ему: «мы знаемъ, что сынъ твой идетъ вверхъ съ войскомъ отъ Видина, Алекса отъ Валѣва и еще волостные головы съ разныхъ сторонъ; но ты теперь долженъ къ нимъ послать письмо и Турка, изъ твоихъ приверженцевъ, съ

приказаніемъ воротиться сейчасъ во свояси съ войскомъ, а не то мы тебя здѣсь же убьемъ.»

И такъ несчастный Хаджи-Мустафа-Паша принужденъ былъ послать приказаніе, по которому войска наши и сына его воротились назадъ безъ битвы. Четверо изъ янычаръ подъ названіемъ Даіевъ: Мемедъ-Фочичъ, Мула-Юсупъ, Кучукъ-Алія и Аганлія основали свое правленіе, и черезъ визиря начали владѣть пашалыкомъ, ибо все что они ни напишутъ и прикажутъ, то визирь Хаджи-Мустафа-Паша долженъ былъ, по неволѣ, утверждать приложеніемъ своей печати (1).

Четверо Даіевъ раздѣлили между собою весь пашалыкъ, всякому по три нахін,—а всѣ деревни въ нахін подѣлили своимъ войнамъ, которыхъ звали *малые аш*. Я уже сказалъ, что о томъ, какъ Бѣлградъ взятъ, я слышалъ, когда рассказывалъ отцу моему Алай-Бегъ-Муя Уровацкій. Годъ или два спустя тотъ самый Муя сказалъ моему отцу: «Видишь, голова, эти четыре пса въ Бѣлградѣ (т. е., четверо Даіевъ), что дѣлаютъ съ раіею и съ честными Турками! Я первый подземельемъ вошелъ въ крѣпость, а нынѣ еслибѣ смѣли, отняли бъ у меня и эту деревню (Уровцы) и себѣ присвоили, но у меня еще кремень острый. Помни мое слово, это имъ не на долго. Я иду на богомоліе (къ святымъ мѣстамъ Турецкимъ) не потому, что мнѣ хочется въ Мекку, но только чтобъ удалиться, чтобъ мнѣ съ ними не сгорѣть, съ собаками. Ты, голова, послушайся меня, жену твою и это малое дѣтя (покойный братъ Симеонъ былъ тогда ребенкомъ) уведи съ собою, я васъ и все, что твое, перевезу въ Германію, ты тамъ живи еще нѣсколько лѣтъ спокойно. А повѣрь, если я съ богомолія ворочусь живой, не найди мнѣ тебя въ живыхъ, да если и не ворочусь, они тебя зарѣжутъ.»

(1) Объ этомъ происшествіи я видѣлъ описаніе въ одной книгѣ Хетъямъ-Томы, который тогда былъ въ Бѣлградѣ; въ этой книгѣ записано, что сынъ Хаджи-Мустафа-Паши въ 1801 году отошелъ отъ Бѣлграда, а янычары, черезъ подземелье водопровода, пробрались въ крѣпость, и когда укрѣпились въ ней, то убили пашу. Волостные головы и паша воевали съ янычарами съ 1793 года. Въ другой книгѣ, въ монастырѣ *Бозовааль*, написано: «Лѣта 1801 Июлія 26 удавилъ владыку Меоодіа Бѣлградскій паша; по своему беззачиству и беззаконіямъ, уподобился онъ Фокъ мучителю, царю Греческому. Въ то время были междоусобныя брани. Турки Видинскіе не покорились своему государю. И много было кровопролитія въ ихъ междоусобіяхъ. И была дороговизна на хлѣбъ: шпеницы 100 окъ 18 грошей, а кукурузы 10 грошей. Въ то время была прекрасная зима. Сіе подписалъ собственною рукою Хаджи-Рувинъ.»

Отець мой отвѣчалъ ему: «А если, Бегъ, я рѣшусь бѣжать въ Германію, они скажутъ: пошелъ Алекса поднять противъ насъ войною Нѣмцевъ, тогда и другіе головы и весь бѣдный народъ за меня пострадаетъ. Нѣтъ, гдѣ родился, тамъ и останусь я жить; а будетъ, что Богъ дастъ!»

На это Алай-Бегъ сказалъ: «Я тебя предупредилъ и свою совесть успокоилъ (*снялъ съ своей души*), мы часто съ тобою хлѣбъ-соль ѣли!» (Я все это слышалъ самъ, когда онъ говорилъ моему отцу).

Четверо Даіевъ созвали всѣхъ волостныхъ головъ (когда усвоили себѣ правленіе въ Бѣяградъ) 1799 года, и сказали отцу моему: «Алексѣй, мы были въ враждѣ съ султаномъ, но теперь сочинили мы одно прошеніе (*мизаре*), которое пошлемъ султану, а вы тоже должны приложить свои печати, чтобъ мы оправдались.» — «Хорошо, аги, — отвѣчалъ отецъ мой — переговорю съ головами.» Но они закричали: «Не нужно тутъ никакихъ переговоровъ, но всѣ вы должны рядомъ приложить свои печати!»

Не до разговоръ было съ такими четырьмя львами, которые и визиря своего въ плѣну держали. Они написали прошеніе будто отъ волостныхъ головъ и отъ раиш; въ немъ жаловались на визиря, будто онъ хищникъ и притѣснитель такой, что половина раиш перебѣжала въ Германію отъ его грабительства, и что еслибъ не янычарскіе аги, несчастные земледѣльцы не имѣли бъ ни вола, на которомъ орать, ни откуда денегъ взять на *харачъ*, ни на что соли купить, но все давали имъ янычарскіе аги, и помогали бѣднымъ и проч. и проч. Нечего было дѣлать, по неволѣ волостные головы приложили свои печати. Богъ знаетъ, сколько человекъ еще подписали то прошеніе, только чтобъ отдѣлаться. Тогда четверо Даіевъ начали жить припѣваючи, всякій въ тѣхъ трехъ нахіяхъ, которыя ему достались, управляя по своему произволу; всѣ доходы собирали для себя, а султану ничего не посылали, но только отправляли пошляны *янычаръ-аиш* и своимъ другимъ капиджіямъ, да покровителямъ въ Царьградъ, чтобъ они ихъ у султана поддерживали, — отдали Даиш на разработку свинцовую руду въ Дронаичѣ въ Валѣвской нахіи у Медвѣдника; отецъ мой отправлялъ олово на телѣгахъ въ Бѣяградъ, и все на свой счетъ, отъ нашего дома, однако компаніямъ, которыя доставали олово изъ руды, платили Турки за каждую оку по 2) пара.

Аганлія, которому въ дѣлѣжѣ досталась Соколовская нахія, послалъ въ Азбуковицу собирать *харачь*. Азбуковица была маливана (дѣдовина) Хаджи-Бега изъ Сребреницы, который послалъ другихъ Турокъ отъ себя, отнять собранный *харачь*. Когда узналъ о томъ Аганлія, онъ разсердился, и составилъ войско изъ Турокъ Валѣвскихъ, Крагуевацкихъ и Шабцкихъ. Потомъ позвалъ отца моего: «Я знаю, — но хѣчу, чтобъ и ты самъ сказалъ мнѣ по правдѣ, сколько ты приводилъ Сербскаго войска къ Хаджи-Мустафа-Пашѣ, когда вы дрались съ янычарами?» Отецъ мой долженъ былъ сказать ему настоящее число—1,800 ратниковъ. «Добро! ты мнѣ правду сказалъ:—продолжалъ Аганлія,—и я тоже требую, чтобъ столько же войска было у тебя собрано, когда я приду; Турки выступить тоже изъ всѣхъ мѣстечекъ, чтобъ идти на твоего пріятеля Хаджи-Бега, и мы сождемъ ему Сребреницу, въ наказаніе за мои *Азбуковскіе харачи*. Хочу тоже, чтобъ ты привезъ съ собою двѣ тысячи окъ водки, когда будемъ переправляться въ бродъ черезъ Дрину, чтобъ всякому Сербу по окѣ водки дать выпить.»

Отецъ мой долженъ былъ и на это согласиться; онъ воротился въ волость свою и началъ собирать войско къ назначенному сроку. Аганлія пошелъ съ войскомъ черезъ Валѣвскую нахію, отецъ мой встрѣтилъ его съ своимъ войскомъ и пошли къ Дринѣ въ Азбуковицѣ, гдѣ ужъ сошлись и Турки изъ всѣхъ селеній. Тутъ пережѣшали Сербовъ съ янычарами и сравняли ихъ между собой, какъ бывало при Хаджи-Мустафа-Пашѣ съ его Турками, когда ходили противъ янычаръ. Тутъ стали такъ опустошать Азбуковскую деревню, что ни одной овцы, ни одного поросенка живаго не осталось. Аганлія далъ роздыхъ войску и назначилъ планъ дѣйствія, по которому Сербы должны были пройти впередъ и бродомъ черезъ Дрину, а конница слѣдовать за ними. Но бѣда была та, что Хаджи-Бегъ и Асапъ-ага у самаго брода (съ ихъ стороны) выстроили укрѣпленіе и наполнили его Босняками. Отцу моему было очевидно, что всѣ Сербы должны въ рѣкѣ погибнуть, ибо какъ скоро они пошли бы въ бродъ, Босняки пустились бы тысячи двѣ выстрѣловъ изъ своихъ ружей прямо въ густую толпу Сербовъ: тогда, кромѣ убитыхъ, тѣ, которые легко ранены, ухватились бы за тѣхъ, которые шли подлѣ, тѣ за другихъ, а рѣка Дряна, быстрая и бурная, унесла бы всѣхъ, и ни одинъ бы не спасся. Какъ говорилъ мнѣ отецъ, эти дни были самыя горькія въ его жизни. Онъ рѣшился наконецъ, въ случаѣ крайности, скорѣе

обратить оружіе на Аганлію, нежели вести около двухъ тысячъ своихъ братьевъ на явную гибель, — по не смѣлъ никому повѣрить такую мысль, и все придумывалъ, какъ бы самого Аганлію отвратить отъ предпріятія.

Когда Турки Валѣвскіе и другіе горожане изъ нихъ (касабліе) собрались на *еллену* (разговоръ), пошелъ и онъ, сѣлъ съ ними и сказалъ: «если Богъ дастъ, завтра или послѣ завтра перейдемъ черезъ Дрину и я зажгу дворы Хаджи Бега».

На это ему замѣтилъ Сердановичъ баряктаръ (знаменосецъ): «а какъ же ты хочешь поджечь домъ лучшаго твоего пріятеля изъ Турковъ?»

«Что-же? отвѣчалъ онъ. Это тоже самое, что и онъ бы сдѣлалъ со мною; пришло такое время — мои молодцы ждутъ, не дождутся перейти рѣку, чтобъ пограбить у Турковъ. А въ самомъ дѣлѣ; вы-то, Турки и Бегн (продолжалъ отецъ мой), за чѣмъ не просите вы Агу (Аганлію) кончить эту войну и не переходить Дрины? Вы видите на томъ берегу Осать — тутъ почти одни Турецкіе дома и дѣти, а когда мои Сербы выпьютъ каждый по окѣ водки, да ворвутся въ Турецкіе дома, тутъ ужъ не будутъ думать ни о чести, ни о вѣрѣ, ни о племени, Сербское-ли и Турецкое-ли добро, все будетъ имъ одинаково, а вѣдь это ни Богу, ни людямъ не можетъ быть угодно. Да и развѣ мало того, что мы съ султаномъ не слишкомъ въ ладахъ, теперь давай и съ Босняками вражду. Подумайте-ка, если забьетъ тревогу Нѣмецкій барабанъ на Савѣ и вы съ дѣтьми придете къ Дринѣ, чтобы бѣжать въ Боснію, а Хаджи-Бегъ такимъ же образомъ, какъ нынѣ, наполнить укрѣпленіе войсками, да не пустятъ васъ чрезъ Дрину? Придумали ль вы, куда вы тогда дѣнетесь? А женамъ вашимъ легко будетъ, что-ли?»

«Эхъ, голова! мы все это видимъ, да кто такому звѣрю смѣетъ говорить про миръ?» сказали Турки. «Я первый заговорю объ этомъ», отвѣчалъ отецъ мой, «но только вы всѣ помогайте мнѣ, да поддержите.»

Предъ вечеромъ пошли они къ Аганлію и ждали, стоя, по его обычаю, ибо передъ нимъ никто не смѣлъ садиться, даже и улемы; старцы съ сѣдыми бородами всегда должны были стоять передъ нимъ. Спусти нѣсколько времени такого стоянія, сказалъ имъ Аганлія. «Эй! ступайте теперь на ночлеги ваши, чтобъ рано утромъ, вы, Турки, готовы были на коней садиться; а ты, Алекса,

рано всякому твоему Сербу выдай по окѣ водки, и потомъ переправимся мы въ бродъ черезъ Дрину.»

Въ отвѣтъ на это приказаніе всё поклонились, но продолжали стоять въ молчаніи и не выходили. Опять повторилъ Аганлія: «ступайте же, ступайте же, какъ я вамъ велѣлъ.»

Тогда отецъ мой подошелъ, взялъ за полу его кафтана и сказалъ: «Ага, мы пойдемъ, но всё эти улемы, и я съ ними, всё мы просимъ тебя, смилуйся надъ домами и бѣдными ихъ жителями, по ту сторону Дрины, и не води на нихъ войска твоего; согрѣшишь передъ Богомъ, да и передъ султаномъ провинишься.»

«Пойдите, пойдите, не быть по вашему.»

— «Идемъ, ага, но опять воротимся просить тебя, чтобъ ты смиловался». Съ этимъ всё и пошли. Отецъ мой думалъ, какъ бы опять къ нему идти съ просьбою. Только что онъ успѣлъ, въ такомъ раздумьѣ, воротиться къ Сербскому войску, какъ ратникъ пришелъ къ нему сказать. «иди, голова, тебя зоветъ ага».

Отецъ мой отправился; ага приказалъ ему сѣсть, отецъ и сѣлъ, по Турецкому обычаю, скрестивъ ноги. Аганлія началъ говорить ему тихонько:

«Алекса, я самъ вижу, что то, что я задумалъ, не можетъ къ добру вести, да я вѣдь передъ Турками связался словомъ, и трудно мнѣ огречься отъ моего намѣренія; но ты ужъ началъ упрашивать меня, такъ можешь и опять просить; собери же опять улемовъ и придите ко мнѣ съ вашей просьбой; я буду сердиться и кричать на васъ; но вы настаивайте, и наконецъ я соглашусь, какъ будто не хотя, послушаться васъ и не переходить черезъ Дрину; но смотри, ты головой отвѣчаешь, если кому бы ни было изъ Турковъ проговориться, что я тебя самъ научилъ.»

Обрадовался отецъ мой и утромъ рано собралъ всѣхъ сѣдобородыхъ стариковъ Турковъ, отправился съ ними къ Аганлію, и начали всё умолять его, а онъ сталъ сердиться и отказывать имъ и кричать; но отецъ мой и всё улемы пали на колѣни, и цѣловали полу кафтана его, и наконецъ онъ далъ себя уговорить, какъ бы не хотя. «Но требую»,— сказалъ Аганлія, «чтобъ Хаджи-Бегъ возвратилъ мнѣ харачъ!»

Пришлось отцу моему отправиться черезъ Дрину къ Хаджи-Бегу, но Хаджи-Бегъ не хотѣлъ давать денегъ, говоря: «Пускай онъ придегъ, этотъ сильный Аганлія, да пускай самъ возьметъ себѣ

не тридцать мѣшковъ (1) только, но и больше, если можетъ!»

Отецъ мой съ большимъ трудомъ уговорилъ Хаджи-Бега возвратить пятнадцать мѣшковъ, а другіе пятнадцать собралъ, сдѣлавъ раскладку по нахіямъ, и отдалъ Аганліи; такимъ образомъ спасъ опъ Сербское войско отъ неминуемой гибели и всѣ возвратились по домамъ. Эта война Аганліи была въ 1802 году.

Одинъ разъ пошелъ отецъ мой къ четвертому Даю въ Бѣлградѣ, Мула-Іусуфу, который владѣлъ нашими селомъ Брацковинной; самъ онъ принялъ ласково, но его *кафеджін* далъ отцу яду въ кофе; отецъ мой и половины чашки не допилъ, какъ начались у него боли, онъ оставилъ недопитую чашку и едва могъ дотащиться до своей квартиры. Позвалъ тотчасъ же Петра Ичкогліи и *базрджань-башу* (2), съ которымъ былъ хорошо знакомъ и который удосто-вѣрился, что онъ отравленъ; Жидъ-аптекарь прописалъ ему много цѣльнаго молока и крови утки и другое кое-что ему извѣстное, отъ котораго моего отца много рвало, и этимъ вылѣчилъ, ибо отецъ, къ счастію, не всю чашку выпилъ.

Видѣли Даи, что опять не успѣли, а они озлоблены были противъ всѣхъ главныхъ старѣйшинъ, особенно же противъ моего отца, котораго боялись и ненавидѣли уже за то, что былъ офицеромъ у Нѣмцевъ и водилъ волонтеровъ противъ Турокъ, а еще больше за то, что онъ Хаджи-Мустафа-Пашѣ ставилъ войско и дрался съ янычарами, и безпрестанно переговаривался съ другими головами и заступался за бѣдный народъ; какъ порохъ въ глазу было имъ эти 1800 ратниковъ, вооруженныхъ и готовыхъ въ походъ, которыми всегда располагалъ мой отецъ, которыхъ и Аганлія видѣлъ своими глазами, когда ходилъ съ ними къ Дринѣ. Они, Даи, начали побаваться, чтобы Сербы съ своими волостными головами не научились воевать и, пожалуй, не повредили бы имъ; потому Даи и положили, тайно между собой, всѣхъ волостныхъ головъ перерѣзать и, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ своихъ непріятелей, быть совершенно въ безопасности, а съ тѣмъ вмѣстѣ запугать народъ и оставить безъ начальниковъ, чтобъ потомъ ужъ дѣлать съ нимъ все, что вздумаютъ.

(1) Тридцать мѣшковъ съ деньгами, которые составляли харачъ Азбуковичкій.

(2) Что-то между лекаремъ и аптекаремъ, большею частію изъ Жидовъ, содержателей аптекъ.

Даи послали во всё города, къ своимъ муселимамъ тайное приказаніе и назначили день, въ который каждый муселимъ долженъ былъ убить своего волостнаго голову; а Фочичъ-Мемедъ-Ага, не смѣя положиться ни на кого, чтобъ убить отца моего и Бирчанина, рѣшился для этого дѣла самъ отправиться въ Валѣво; почему и объявилъ, что ѣдетъ въ Валѣвскую и Шабцкую нахию, пожить на селѣ (1) въ загородномъ домѣ и поохотиться, и что головы должны отвести постой и приготовить разные припасы и снаряды на двѣсти человѣкъ.

Въ Январѣ выступилъ Фочичъ-Мемедъ-Ага изъ Бѣлграда, пришелъ въ Зеоку и въ домъ головы Станое обѣдать. Хотя и Станое и Хаджи-Руфимъ были въ спискѣ обреченныхъ на убіеніе, но въ это время не захотѣлъ онъ сдѣлать Станое никакого вреда. Пришелъ въ Боговадю, переночевалъ, но и Хаджи-Руфима (2) не тронулъ, чтобъ не надѣлать шуму, и чтобъ отецъ мой и Бирчанинъ не успѣли спастись бѣгствомъ.

Илія Бирчанинъ, отецъ мой и Милованъ, сыны головы Николая Грбовича (ибо самъ голова Грбовичъ лежалъ больной), пошли изъ Валѣва, на встрѣчу Фочича, въ поле Любенинское: онъ ихъ принялъ съ ласкою и притворною добротою, и продолжалъ путь въ Валѣво; но какъ только слѣзъ съ лошади въ Валѣвѣ, тотчасъ же всѣхъ тронихъ отдалъ подъ стражу (голову Алексѣя, голову Илью Бирчанина и Милована Грбовича); каждому изъ нихъ накинули цѣпь на шею и руки заковали въ желѣзныя колоды (обѣ вмѣстѣ въ одну), что зовутъ у насъ *лисицей* (3), которыя Фочичъ съ собою привезъ. Они такъ были скованы, что даже не могли рукою хлѣба ко рту поднести, и что другой человѣкъ долженъ былъ ихъ кормить.

Получили мы въ Бранковинѣ это ужасное извѣстіе; дядя мой Яковъ, зять Живко Дабичъ, и нѣсколько близкихъ намъ старѣйшинъ поспѣшили въ Валѣво и вмѣстѣ съ стариками изъ Турокъ Валѣвскихъ (ибо всѣ честные Валѣвскіе Турки отца моего и Бирчанина любили и берегли), пошли къ Фочичу умолять его отпустить имъ арестованныхъ волостныхъ головъ. « Не довольно хорошо меня

(1) По-Турецки: *ез теферичъ* — то, что по-Италіянски *villeggiatura*.

(2) Хаджи, какъ извѣстно, называютъ у Турокъ тѣхъ, которые ходили на поклоненіе въ Мекку, — но между Сербами прибавляютъ прозваніе хаджи и христіанамъ, которые ходили на богомоліе ко гробу Господню въ Иерусалимъ.

(3) Потому что ими ловятъ лисицъ.

встрѣтили они, и нехорошія отвели квартиры, но если принесете сто мѣшковъ денегъ для выкупа, я отпущу ихъ. »

Когда услышалъ это отъ Фочича дядя Яковъ, онъ досталъ отъ одного купца Сербъ, да отъ Вагѣвскихъ Турокъ, которые помогли ему, да съ тѣмъ, что мы сами имѣли, набралъ 19,500 грошей (въ то время цесарскій, имперскій червонецъ ходилъ въ $7\frac{1}{2}$ грошей). Дядя отнесъ ихъ къ Фочичу и пошелъ по разнымъ пріятелямъ занимать остальные. Вагѣвскіе Турки обѣщались было къ вечеру всѣ деньги собрать, но они узнали, что Фочичъ и возьметъ выкупъ и все таки казнитъ головъ, а потому, хоть и не хотѣли сказать этого дядѣ моему, но начали извиняться подъ предлогомъ, что нѣтъ у нихъ подъ рукою денегъ, а черезъ нѣсколько дней достануть и отдадутъ ему. Изъ нашего дома всѣ, даже дѣти отдали свои украшенія (1), женщины срѣзывали съ своихъ ожерелій даже самыя мелкія пара и послали на выкупъ волостныхъ головъ, въ надеждѣ, что авось Фочичъ увѣрится, что нѣтъ у нихъ больше денегъ, и тогда сжалятся и отпустятъ ихъ. Изъ тюрьмы своей Бирчанинъ и Грбовичъ кричали: «Братецъ Яковъ, слыши и собери и отдай, сколько ни потребуетъ, лишь бы жизнь выкупить!» Но отецъ мой напротивъ кричалъ ему: «Не давай, Яковъ, не давай ни пары, не заставляй дѣтей маяться подъ тяжестью долговъ; онъ возьметъ деньги, а насъ все-таки зарѣжетъ; изъ этихъ оковъ, да изъ этихъ лисицъ, не вѣрь, чтобъ они насъ выпустили живыми; говорю тебѣ, не давай ни одной пары, не входите въ долги, не пускайте дѣтей по міру!»

Между тѣмъ и я рѣшился идти въ Вагѣво. Я скрылся въ одной пекарнѣ и послалъ пандура, Глишу Павича, нашего сосѣда, спросить отца моего, позволить ли онъ мнѣ придти къ нему. Когда отецъ узналъ, что я пришелъ, онъ сказалъ: «Онъ-то на что здѣсь? Коль ты Бога боишься, Глиша, бѣги къ нему скорѣе и выведи изъ города (и сказалъ ему, по какимъ улицамъ), чтобъ его не остановили Турки; скажи ему, пусть бѣжитъ, куда Богъ надоумитъ; мнѣ же здѣсь, ни ты, ни онъ, никто другой помочь ни въ чемъ не можетъ; не отпустить меня Турки живаго».

Глиша пришелъ ко мнѣ, провелъ меня, по указаніямъ отца, и мы выбрались изъ Вагѣва. Только что успѣли мы уйти на одинъ пущеч-

(1) Украшенія эти всегда составлены изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

ный выстрѣлъ въ лѣсъ, какъ услышалъ я голосъ дяди, который съ горы кричалъ мнѣ во слѣдъ:

« Ай, матія! ай, матія, стой! »

Я остановился, и онъ мнѣ сказалъ, что Турки казнили волостныхъ головъ. . . . Вотъ какъ это происходило: Турки отпустили Милована Грбовича, а отца моего и Бирчанина связали. Когда начали вязать отца, понялъ онъ, что будетъ, и закричалъ: « Тутъ ли Яковъ? мнѣ надобно ему кое-что сказать. »

Отвѣчалъ Милосавъ изъ Дуляя, со слезами: « Нѣтъ его здѣсь, голова, но скажи ты мнѣ, я ему передамъ. » « Такъ скажи ему, — чтобъ ни онъ, и никто изъ моихъ отъ сего дня никогда Туркамъ не вѣрилъ. »

Повели ихъ на казнь, и какъ многіе, и Сербы и Турки, мнѣ потомъ рассказывали, отецъ мой былъ совершенно спокоенъ, шелъ, какъ будто бы вели его на пиръ и твердымъ голосомъ закричалъ Фочичу: « Фочичъ! не стану тебя умолять объ жизни, а прошу честной смерти; дай меня казнить саблей, какъ война; но помни слова мои, Фочичъ! за кровь мою и отъ Бога и отъ людей будетъ тебѣ бѣда! »

Онъ хотѣлъ говорить собранному тутъ народу, но Фочичъ закричалъ: « Ведите его далѣе! »

На этомъ зрѣлищѣ было множество людей; потому что, для большаго внушенія страха, приказано было отъ Даіевъ и Сербамъ и Туркамъ присутствовать на казни этихъ первыхъ Сербскихъ жертвъ. Прежде всего Фочичъ далъ прочитатъ громко по-Сербски одно письмо слѣдующаго содержания:

« Кланяюсь тебѣ, господинъ маіоръ Митезаръ въ Землинѣ отъ себя, волостнаго головы Алексѣя, и отъ протоіерея Знайте, что мы четырехъ Даіевъ между собою поспорили и что они скоро дойдутъ до междоусобія; потому просимъ васъ, приготовьте намъ пороку и офицеровъ (а войска у насъ довольно), помогите намъ Даіевъ выгнать отсюда. Если не вѣрите этому письму, справьтесь у баарджанбаши Петра Ичкогла или у Янка Зазюча изъ Скелы или у Гладія изъ Забрѣжья, они вамъ на словахъ все расскажутъ. » (Объ этомъ письмѣ, которое перехватили Турки, расскажу подробнѣе послѣ).

Когда прочли въ слухъ письмо, Фочичъ сказалъ собранному народу: « Это письмо—приговоръ Алексѣю, который переписывается съ Нѣмцами и султану на насъ жалобы подаетъ, клевететь, и

добивается нашей головы: грѣшно было бы оставить его голову на плечахъ ».

Потомъ приказалъ палачамъ казнить и они обонимъ (Ненадовичу и Бирчанину) отрубили головы. Народъ въ смятеніи разбѣжался, а Турки Вагѣвскіе испугались и начали, потихоньку другъ отъ друга, укладывать и скрывать свои лучшіе пожитки. Обѣ отрубленныя головы Фочичъ выставилъ надъ террасой своего дома. Это было Января 23-го перелѣ вечеромъ, 1804 г. Тѣла ихъ оставались на открытомъ полѣ, на берегу рѣки Колубары, около 10 саженой ниже моста.

Фочичъ послалъ своихъ людей назадъ въ Зеоку, чтобъ убить тамъ волостнаго голову, а оттуда въ Боговачъ убить Хаджи-Руфима и принести ему ихъ головы. Пошли его посланные въ Зеоку, нашли Станоя дома, сказали ему, что ѣдутъ въ Бѣлградъ, куда посылаетъ ихъ ага, и что ага будетъ къ нему обѣдать. Голова сталъ ожидать его. Пока сидѣли они всѣ въ его домѣ у огня, какой-то пѣтухъ сталъ у дверей снаружи и зашѣлъ. Одинъ изъ Турковъ взялъ свое ружье и сказалъ: « Не убить ли этого пѣтуха на обѣдъ ? » Станое отвѣчалъ: « У меня и безъ него довольно сытный обѣдъ, да еще сегодня пятница. А если хочешь, пожалуй стрѣлай въ него. »

Турокъ поднялъ ружье, навелъ было его сперва сквозь отворенную дверь на пѣтуха, но вдругъ обернулся и выстрѣлилъ прямо въ грудь Станоя, который повалился. Турокъ выхватилъ ножъ и началъ рѣзать голову Станоя; между тѣмъ Никола, Станоевъ племянникъ, которому тогда было около 20 лѣтъ, видя, что дѣлается, побѣжалъ въ кладовую (¹), схватилъ ружье дяди, и закричавъ убійцѣ: — « и своей головы не снесешь домой, Турчинъ, а Станоеву подавно ! » выстрѣлилъ и положилъ Турка подлѣ Станоя, попавъ нулею въ поясицу.

Другіе два Турка заперлись въ домѣ, и когда на шумъ сбѣжались Зеочскіе поселяне, они стали кричать изъ дому. « Это по приказанію аги, по приказанію аги ! — Усмиритеся, раія ! кровь за кровь пусть считается » (²). И чтобъ удостовѣриться племянникъ головы и поселяне, что Турокъ точно убитъ, другіе Турки отворили дверь и выбросили тѣло товарища на дворъ. Тотъ, который оставался при

(1) Кладовая комната обыкновенно строится особо на томъ же дворѣ, гдѣ домъ.

(2) Т. е., жизнь за жизнь взяли. Вы расплатились съ нами.

ихъ лошадяхъ, убѣжалъ по лощинѣ у потока, какъ только услышалъ первый выстрѣлъ и лошадей бросилъ, — а то можетъ быть, Турки могли бѣ убѣжать. Поселяне уговорили и усмирили племянника Николау, который хотѣлъ убить и остальныхъ Турокъ, хотя онъ уже заплатилъ Турецкой жизнью за жизнь дяди, и проводили Турокъ до ихъ хана (постоялаго двора).

Когда Хаджи-Руфимъ узналъ, что волостные головы взяты подъ стражу въ Валѣвѣ, онъ не хотѣлъ бѣжать черезъ Саву, хотя могъ бы легко, но пошелъ вмѣсто того въ Бѣлградъ и прибѣгнулъ къ владыкѣ Леонтію; Леонтій не смѣлъ его скрыть у себя, а объявилъ Аганліа, который велѣлъ схватить Хаджи-Руфима и отрубить ему голову въ городскихъ воротахъ. Послѣ граждане выпросили себѣ его тѣло, и похоронили возлѣ церкви. Это было черезъ недѣлю послѣ казни волостныхъ головъ въ Валѣвѣ.

Какъ я уже говорилъ, остановившись въ лѣсу на голосъ дяди и услышавъ, что отецъ мой погибъ, мы погнали коней своихъ изъ всей мочи и воротились домой. Моя мать, наши четыре жены, сестры и всѣ дѣти пустились голосить и плакать. Мы имъ сказали, чтобы молчали и чтобы каждая изъ нихъ, что имѣетъ получше, уложила въ мѣшокъ, — бѣжать въ лѣсъ; онѣ послушались, перестали голосить, собрались, и въ тотъ же вечеръ всѣ мы ушли въ горы Посова, гдѣ скрыли свои семейства, и начали размышлять о томъ, что намъ дѣлать.

На другой день (24 Января 1804 года), взявъ съ собой нашего зятя, Живка Дабича и еще двухъ Турокъ, пріятелей отца моего и трехъ старѣйшинъ, пришли Турки къ дядѣ моему, говоря: « Пойдемъ, Яковъ; насъ прислалъ Мемедъ-ага Фочичъ, онъ хочетъ тебя поставить волостнымъ головой. »

Дядя отвѣчалъ, что « ужъ онъ не смѣетъ между Турками показаться, и не можетъ быть головою. »

Турки отвѣчали: « Твоя воля, но вѣрно то, что Фочичъ хочетъ непременно голову поставить изъ вашего роду и не уйдетъ, пока не назначитъ одного изъ вашихъ родственниковъ. »

Когда увидѣли Турки, что дядя никакъ не хочетъ идти въ Валѣво, они приготовились въ путь, говоря: « Ну, Яковъ, готовъ ночлегъ—завтра будешь къ тебѣ въ гости самъ Фочичъ! »

Нечего было дѣлать дядѣ, онъ отправился въ Валѣво и Фочичъ сказалъ ему: «Яковъ, Алексѣй искалъ нашей головы и тѣмъ погубилъ свою, но я хочу непременно начальника волости изъ вашего роду.»

Дядя началъ отговариваться и извиняться: «Я занялъ деньги въ Германіи, издержалъ ихъ по нашимъ мѣстамъ на торговлю; протоіерею неприлично этимъ заниматься, а изъ остальныхъ домашнихъ никто довольно не знаетъ нашихъ мѣстъ: прошу тебя, ага, назначь кого нибудь другаго!»

—«Юкъ! юкъ! (1) Я изъ вашего рода хочу волостнаго голову, а не изъ какого другаго!» повторялъ Фочичъ.

Тогда дядя пошелъ къ пріятелямъ своимъ изъ Валѣвскихъ Турокъ и сговорился съ ними, чтобъ они все подтвердили, будто «Пея Янковичъ, изъ Забрдицы, родня Алексѣю.» Фочичъ повѣрилъ и назначилъ Пею, который у отца моего былъ булюбашею, и съ которымъ мы были въ кумовствѣ.

Между тѣмъ жители Валѣва выпросили тѣло отца моего у Фочича. Нѣкто Манайло изъ Кличеваца привезъ его въ повозкѣ и мы похоронили обезглавленное тѣло въ Бранковинѣ у церкви. Отрубленная голова его оставалась на террасѣ у Фочича; но нѣкто Живанъ Еротичъ, изъ деревни Блзоньи, который тамъ служилъ, укралъ ее ночью, прижалъ къ груди, прикрылъ ее своей *гуней* (зипуномъ) и такимъ образомъ принесъ намъ голову отца моего въ своихъ рукахъ. На третій день мы пошли къ церкви, которую окружили стражей, разрыли могилу отца, приложили голову къ тѣлу, какъ была у живаго и опять закопали въ землю.

Фочичъ уѣхалъ въ Шабаць; однако мы не воротили своихъ семействъ домой, а жили въ горахъ Посова; только, бывало, по ночамъ приходимъ мы въ дома, сидимъ съ сосѣдами, которые собирались у насъ, а какъ займется на небѣ зоря, тотчасъ скрываемся въ лѣсъ. Когда Фочичъ пришелъ въ Шабаць, онъ вздумалъ было и тамъ убивать старѣйшинъ, но братъ его Мусага Фочичъ не допустилъ, сказавъ: «Я за этихъ ручаюсь!» Мемедъ-ага Фочичъ гостилъ у брата и ходилъ на охоту, но когда узналъ, что посланные имъ Турки не успѣли убить *Чернаго Дьорджа* (Георгія) и что онъ спасся бѣгствомъ, Фочичъ испугался, и не смѣя

(1) Нѣтъ! нѣтъ! (по-Турецки).

йти черезъ Валѣвскую нахію, гдѣ уже большое было волненіе въ народѣ послѣ казни головъ и старѣйшинъ, сѣлъ въ лодку и внизъ по Савѣ уплылъ въ Бѣяградъ.

Я и дядя Яковъ съ самаго того часу, какъ бѣжали мы въ лѣсъ, ни о чемъ другомъ не думали, какъ только: какъ бы воевать съ Турками? но мы не могли надѣяться, что народъ согласится съ нами возстать въ отищеніе за двухъ старѣйшинъ, которые точно были любимы въ обѣихъ волостяхъ, но безъ которыхъ обѣ волости оставались безъ начальника и предводителя. Между тѣмъ дядя мой пошелъ въ Тавнаву и Посавину, гдѣ употребилъ занятые имъ деньги на покупку свиней, чтобъ прогнать ихъ въ Германію, а потомъ, выручивъ нѣсколько пара, подождать, что Богъ дастъ.

Въ это время раздался слухъ объ Черномъ Георгіѣ, что ужь онъ пришелъ съ дружиной въ Орашацъ, въ воскресенье, сожегъ тамъ Турецкій постоялый дворъ, и началъ кровную месть прогивъ Турокъ, сражаясь съ ними на смерть вездѣ, гдѣ ихъ ни встрѣтитъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, О ПОЛОЖЕНІИ СЛАВЯНЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

М. П. Погодина къ Министру Народнаго Просвѣщенія,
по возвращеніи изъ путешествія въ 1839 и 1842 гг. (1)

Письмо первое.

Во время пребыванія моего въ чужихъ краяхъ, въ прошломъ 1839 году, я обращалъ особенное вниманіе на Славянъ, живущихъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ, на ихъ гражданское состояніе, литературу, образъ мыслей, —распрашивалъ о нихъ изустно и письменно свѣдущихъ людей, съ которыми встрѣтиться и познакомиться мнѣ случилось, —и собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія, имѣю честь въ краткомъ обзорѣ представить теперь вашему в—пр—ву.

Число всѣхъ Славянъ въ Европѣ простирается слишкомъ до 80 милліоновъ, кромѣ тѣхъ, которые потеряли свою національность,

(1) Отъ всей души благодаримъ М. П. Погодина за дозволеніе напечатать эти замѣчательныя письма, хоть съ пропусками. Одно изъ нихъ писано 20, другое 17 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ, они и для нашей эпохи полны настоящаго значенія и животрепещущаго интереса. Читая ихъ, удивляешься, сколько полезныхъ софтовъ, благихъ указаній, снискательныхъ предвареній было дано еще цѣлые 20 лѣтъ назадъ и какъ еще современны, пригодны многие софты и для настоящей минуты! Съ другой стороны, письма замѣчательны и тѣмъ, что большая часть предсказаній и гаданій автора оправдалась почти буквально послѣдовавшими событіями.... Все это наводитъ на мысль, что — независимо отъ дарованій — вѣрный политическій взглядъ сообщается только живымъ постиженіемъ исторіи, и что только прошедшее, безпристрастно и съ любовью испытываемое, можетъ раскрыть для насъ тайный смыслъ будущаго.

принявъ языкъ, вѣру, обычай народовъ, поселившихся между ними. Слѣдовательно, они составляютъ третью всего народонаселенія Европейскаго. Изъ сихъ 80 милліоновъ, большая половина живетъ въ Россіи; Русское племя—самое многочисленное изъ всѣхъ Славянскихъ.

Въ Австрійскихъ владѣніяхъ живетъ ихъ около 20 милліоновъ, почти вдвое больше, чѣмъ Нѣмцевъ, Венгерцевъ, Италианцевъ, вмѣстѣ. Какова же ихъ пропорція къ каждому изъ сихъ племенъ порознь? Ихъ слишкомъ втрое, чѣмъ Австрійцевъ, и почти вчетверо, чѣмъ Венгерцевъ.

Пропорція по государствамъ, странамъ, еще разительнѣе. Богемія и Моравія совершенно Славянскія страны, кромѣ Нѣмецкихъ колоній по границамъ и городовъ, особенно Праги, гдѣ много Нѣмцевъ, подобно какъ Поляковъ въ городахъ нашей Волыни, Подолин, Бѣлоруссіи.

Кроація, Славонія, Далмація заключаютъ въ себѣ мноплеменниковъ еще менѣе.

Галиція, не только Славянская страна, но чисто Русская, кромѣ западной части, — продолженіе нашей Малороссіи съ ея языкомъ, вѣрою, обычаями. Поляки живутъ по городамъ.

Въ Венгріи, которая дѣлаетъ столько шума и причиняетъ столько тайнаго безпокойства Австріи, чистыхъ Венгерцевъ менѣе 4 мил., а Славянъ 5.

Въ Турціи, которую Европейскіе политики такъ еще важно называютъ Оттоманскою Портою, какъ будто бы жили въ XV вѣкѣ и имѣли предъ глазами Мухаммеда II,—Турокъ только милліонъ, и главную часть остальнаго народонаселенія составляютъ Славяне.

Въ Пруссіи Славяне всѣ уже отмечены—въ Помераніи, Силезіи, Бранденбургѣ и проч.; держатся только Поляки въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ и отчасти въ Силезіи.

Обращаюсь къ Австрійскимъ Славянамъ. Австрійское правительство живо чувствуетъ опасность, которая угрожаетъ ему со стороны Славянъ, и употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ отвратить ее, но кажется, что его мѣры, лаская надеждою на успѣхъ въ настоящее время, только что скопляютъ грозу, которая должна рано или поздно разразиться надъ нимъ.

Австрійцы поставили себѣ непремѣнную цѣлю — вырвать языкъ изъ устъ Славянъ, затмить имъ ихъ исторію и превратить ихъ въ Нѣмцевъ, т. е. пересоздать по своему Божіе твореніе. Можно себѣ

вообразить, сколько насильственныхъ, жестокихъ мѣръ и средствъ предполагаетъ достиженіе такой противоестественной цѣли. Всякое стремленіе къ національности останавливается и уничтожается, если можно, въ самомъ зародышѣ. Все, что напоминаетъ Славянамъ объ ихъ происхожденіи, объ ихъ числѣ, языкѣ, братствѣ между собою, родствѣ съ племенами, живущими въ другихъ государствахъ, дѣлается тотчасъ предметомъ притѣсненій и гошеній, постоянныхъ и систематическихъ, посредствомъ секретныхъ инструкцій мѣстнымъ и частнымъ начальникамъ,—между тѣмъ какъ публично въ законахъ, газетахъ и журналахъ провозглашаются правила совершенно противоположныя. Славянскій языкъ изгнанъ изъ университетовъ, находящихся въ Славянскихъ странахъ, и всѣ науки преподаются по-Нѣмецки. Для туземныхъ парѣчій оставлено только по одной каеодрѣ, которая умышленно предоставляется всегда людямъ неспособнымъ, не могущимъ произвести никакого расположенія къ своему предмету. Въ гимназіяхъ лѣтъ пи малѣйшаго напоминанія объ отечественномъ языкѣ. Даже простолюдинъ, въ низшихъ училищахъ, осужденъ слушать наставленія на чуждомъ и непонятномъ для нихъ языкѣ Нѣмецкомъ, которому, послѣ многихъ трудовъ, уже кое-какъ выучиваются, ибо нельзя сдѣлаться даже кашаломъ, не разумѣя по-Нѣмецки. Въ странахъ, гдѣ народонаселеніе смѣшано, Австрійцы слѣдуютъ правилу *divide et impera*. Въ Венгріи, напримѣръ, они долго покровительствовали языку Мадьярскому, въ ущербъ Славянскому, и ставили всегда Мадьяръ противъ Славянъ; въ Славоніи и Далмаціи отдается преимущество Италіянскому. Нечего говорить уже о судопроизводствѣ, которое отправляется вездѣ на Нѣмецкомъ языкѣ. По всѣмъ странамъ разсыпаны Австрійскіе чиновники и Славянину слишкомъ трудно получить мѣсто какое нибудь, не представивъ доказательствъ самыхъ убѣдительныхъ о своемъ національномъ отступничествѣ. Въ церкви, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ языкомъ, господствуетъ Латинскій и семинаристы въ школахъ не слышатъ ни одного слова о томъ народѣ, части который предназначены. Получивъ такое воспитаніе, совершенно чуждые своей части, они подвергаются впоследствии ея презрѣнію, кромѣ немногихъ исключеній, особенно въ Кроаціи и Славоніи. Протестанты и Сербы Греческаго исповѣданія, по законамъ, должны пользоваться одинакими правами съ Католиками, но, въ самомъ дѣлѣ, только что терпятся. Состояніе ихъ, годъ отъ году, становится хуже и церкви падаютъ. Покушенія обра-

щать отъ Православія къ Уніи, и отъ Уніи къ Католицизму, возобновляются безпрестанно, иногда даже съ кровопролитіемъ, ибо народъ, въ Галиціи, Венгріи и проч., Унію терпѣть не можетъ. Праздныя престолы православныхъ епископовъ не замѣщаются иногда по пяти и по десяти лѣтъ. Сербамъ строжайше запрещено привозить богослужебныя книги изъ Россіи, потому что въ нихъ поминается имя Русскаго императора, а не Австрійскаго. Привилегированная типографія въ Офенѣ не имѣетъ средствъ предпринять вдругъ многія и большія изданія, такъ что, до сихъ поръ, не напечатано ею 20-й части книгъ, нужныхъ Сербамъ для православнаго богослуженія. Напрестольное Евангеліе стоитъ въ Австріи около 300 р. ас., Октоихъ 60, двѣнадцать Миней 750, собраніе полное церковныхъ книгъ—около 2,000 р.,—и многія церкви остаются безъ книгъ.

Всѣ сіи мѣры и дѣйствія, хотя и облеченныя искусственнымъ, хитросплетеннымъ покровомъ, слишкомъ явны для того народа, къ коему относятся и возбуждаютъ ненависть противъ Австрійскаго правительства, — ненависть, въ коей Славяне, т. е. Чехи, Моравы, Словаки, Кроаты, Долматы, Словенцы, Поляки, Русины, не уступаютъ самимъ Италіянцамъ. И можетъ ли быть иначе? Если изъ 20 мил. нельзя насчитать десятка лицъ, которыя были бы сколько нибудь одолжены правительствомъ; если безпрестанно бывають случаи, при коихъ обнаруживается отвращеніе его отъ цѣлыхъ племенъ, безпрестанно оказываются дѣйствія, коими они бывають поражены на долго;—если нельзя указать ни на какое Славянское предпріятіе, которое удостоилось бы какого нибудь вниманія, ободренія, содѣйствія; если будущее грозитъ пережѣною еще худшимъ: то какія же другія чувствованія могутъ питать несчастные страдальцы, кромѣ ненависти и злобы къ своимъ мучителямъ? Эта злоба увеличивается тѣмъ болѣе, что Славяне сознають свое превосходство надъ Австрійцами и количествомъ (ихъ приходится пятеро на одного Австрійца) и качествомъ. Каково же чувствовать этимъ пятерымъ, когда одинъ ломаетъ ихъ по своему и заставляетъ говорить, думать, поступать, даже молиться, чувствовать на свой ладъ? Всѣ ученые и литераторы, кромѣ немногихъ подкуленныхъ, заклятые враги Австрійцамъ, которые, однакожь, тщательно скрываютъ свои чувствованія, впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Народъ раздѣляетъ ихъ чувствованія, хотя и бессознательно, по одному наследственному инстинкту, страдая въ бѣдности, между

тѣмъ какъ плоды трудовъ его расточаются иноплеменниками. Одно только дворянство, особенно въ Богеміи, держится Австрійцевъ, переродясь совершенно въ Нѣмецкое, забывая и презирая свой языкъ, принимая Нѣмецкія имена. Славянское же дворянство въ Венгріи еще хуже, и присоединилось вполне къ Мадырамъ, чтобъ воспользоваться ихъ правами.

Вотъ общія замѣчанія о мѣрахъ правительства и ихъ слѣдствіяхъ. Къ нимъ присоединить должно мѣры Римской курии, которая съ своими Іезуитами и Маріанами дѣйствуетъ постоянно противъ Славянъ, ихъ національности, имѣя особенно въ виду Россію. Въ Славянскихъ странахъ всѣ увѣрены, что Іезуитскіе агенты возбуждаютъ ненависть противъ Русскихъ между Поляками, въ Галиціи, въ Позенѣ, у эмигрантовъ, сѣютъ раздоръ среди Славянъ, распространяютъ Унію между Сербами, все подъ покровительствомъ Австрійскаго правительства.

Должно удивляться, какъ при такихъ разнообразныхъ, сатаническихъ усиліяхъ, всѣ Славяне не подверглись, до сихъ поръ, Нѣмецкому вліянію, не упали духомъ, не потеряли своей національности, подобно крайнимъ своимъ братіямъ въ Каринтіи, Штейермаркѣ, Крайнѣ, между Австрійцами; въ Помераніи и Силезіи, между Прусаками.

Славяне видятъ здѣсь особенную Божию помощь и вмѣстѣ залогъ великаго своего предназначенія. Это чувство никогда не волновало ихъ такъ сильно, какъ нынѣ. Нынѣшнему движенію въ умахъ ничего подобнаго не представляетъ Славянская исторія. Началъ оное, своими сочиненіями, Добровскій, хотя и былъ душою болѣе Нѣмецъ, и занимался Славянскою исторіею и языкомъ, какъ предметомъ мертвымъ. Преемники его, дѣйствующіе въ наше время, хотя и въ сгrogихъ предѣлахъ Австрійской цензуры — Коляръ и Шафарикъ, Коляръ какъ поэтъ, Шафарикъ какъ историкъ и филологъ. Молодое поколѣніе, во всѣхъ Славянскихъ странахъ, боготворитъ сихъ двухъ писателей, и вліяніе ихъ безконечно. Всѣ Славянскіе языки и литературы какъ будто ожили, проснулись отъ долговременнаго тяжелаго сна, прикосновеніемъ ихъ волшебнаго жезла. Не говорю уже о Богемцахъ и Иллирійцахъ, которыхъ литература процвѣтала въ древности, самые Русины, которые, до сихъ поръ, какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно (особенно у насъ), Русины, угнетенные болѣе всѣхъ (потому что ближе всѣхъ къ намъ) подъ тройнымъ игомъ Австрійцевъ, Поляковъ, Католицизма,—про-

возглашаютъ теперь свое имя, занимаются своей исторіей (т. е. Русскою исторіей), записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словось, начинаютъ свою собственную, особенную литературу. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на Пражскихъ ученыхъ, которые, подобно древнимъ христіанамъ, сохранившимъ святое преданіе въ катакомбахъ, стараются поддерживать, воспитать національное чувство въ своемъ народѣ и приносить для того всѣ возможные жертвы, подвергаются всякимъ лишениямъ, не щадятъ никакихъ трудовъ, не останавливаются никакими препятствіями. Сербы и Словаки въ Иллиріи и Венгріи пылаютъ тѣмъ же огнемъ. Вездѣ заводятся у нихъ частныя общества для чтенія, учреждаются Славянскія бібліотеки, начинаются газеты, открываются публичныя безденежныя курсы. Во всѣхъ главныхъ Славянскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ исторію, тотъ знаетъ, безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ великими явленіями въ исторіи гражданскихъ обществъ, и Славянамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія. Австрійская же имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе.

Положенія Австрій въ Европѣ не знаютъ потому, что не знаютъ Славянскихъ нарѣчій, и; слѣдовательно, не могутъ взвѣшивать, понимать настоящаго движенія (1). Европейскіе политики думаютъ только объ Италіи и Венгріи (которыя, впрочемъ, извѣстны также по однимъ сеймамъ). Самая Богемія считается даже въ Русскихъ учебныхъ книгахъ Нѣмецкимъ владѣніемъ Австрійскаго императора; 20 мил. враждебнаго племени внутри государства ускользаютъ отъ нихъ вниманія. Да, Австрія похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вонъ. Меттернихъ понимаетъ это состояніе, и главная забота Австрійской полигикки состоитъ въ томъ, чтобы сохранить status quo въ Европѣ, ибо одной войны можетъ быть достаточно, гдѣ бы то

(1) Это было писано въ 1840 году. Теперь, напротивъ, Славяне дѣлаются однимъ изъ главныхъ предметовъ Европейской публицистики, а въ подражаніе ей—и нашей Русской. Но Русскіе журналы и газеты (кромя Р. Бесѣды и Паруса) почерпаютъ, къ стыду своему, свѣдѣнія объ единоплеменныхъ намъ (Славянахъ) болѣею частію изъ иностранныхъ источниковъ, естественно невѣрныхъ, потому что трудно западному человѣку отрѣшиться отъ своей личности и понять своеобразный міръ Славянскій. *Прим. Ред.*

ни было, чтобы Австрія разорвалась на составныя свои части (1). И въ самомъ дѣлѣ, при такой пламенной ненависти 28 мил. противъ пяти, можетъ ли это искусственное мозаическое цѣлое удержаться долго? О Меттернихѣ, между Славянами, господствуетъ такое мнѣніе: что онъ знаменитый политикъ, отрицательный, который дѣйствуетъ посредствомъ тьмы, а не свѣта, слѣдовательно не прочно, не надолго; что его политики достаточно на время мирное, но что первая война обнаружитъ ея существенныя недостатки.

Въ такомъ критическомъ положеніи, говорятъ, Австрія бонетъ болѣе всего Россіи, которой безъ ея вѣдома симпатизируютъ все Славяне, вплоть до Адриатическаго моря. Славяне смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда лежатъ ихъ сердца, туда устремлены ихъ мысли и желанія, тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія, подобно Евреямъ отъ Мессіи, и жмутъ съ нетерпѣніемъ, когда ударитъ желанный часъ. Всякій успѣхъ Россіи они считаютъ своимъ собственнымъ, будто шагомъ приближенія къ цѣли; во всякомъ внутреннемъ Русскомъ происшествіи принимаютъ живѣйшее участіе. Смотря на Россію, Славяне ободряются, чувствуютъ въ себѣ новыя силы, сносятъ терпеливѣ несчастную свою участь. Святая Русь, матица Москва—любимыя ихъ выраженія. Русскому нельзя слушать безъ сладостнаго трепета все то, что и какъ говорятъ они о Россіи. Славяне еще не забыты Богомъ (утѣшаютъ они себя), пусть все государства ихъ нази, и Богемія и Моравія, и Силезія, и Померанія, и Славонія, и Кроація и Далмація, и Сербія, и Болгарія, — за то Россія возстала, за то Россія первое государство въ мірѣ. Она забавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобы и мы явились наконецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе.

Славяне увѣрены, что Русское правительство втайнѣ имъ благоприятствуетъ, и что только политическія обстоятельства мѣшали ему до сихъ поръ обнаружить ясно свои мысли. Они думаютъ, что и Австрійское правительство это знаетъ, называя Славянскій духъ Русскимъ духомъ, и потому старается заранѣе всеми силами, всеми

(1) Предсказаніе не сбылось. Читателя припомнить здѣсь Венгерскій походъ.
Прим. Ред.

Иезуитскими средствами посягать раздоръ, отвращать Россію отъ Славянъ, и Славянъ отъ Россіи, возбуждая въ Славянахъ фанатическое расположеніе въ защиту Римской церкви, которую Россія буд-то бы притѣсняетъ, выставя дѣйствія Россіи въ Польшѣ съ дурной стороны, представляя, разумѣется, подъ рукою, невыгоды Русскаго правленія и тому под.—Австрійцы не пропускаютъ случая самаго мелкаго, чтобъ подѣйствовать ко вреду Россіи. Челаковскій, молодой поэтъ Чешскій, выразился какъ-то неприлично, можетъ быть даже дерзко, въ своей газетѣ (въ Прагѣ) о рѣчи Полякамъ Государя Императора. Нашъ посланникъ обратилъ на выходку вниманіе правительства. Челаковскаго тотчасъ лишили журнала, преградили ему вступленіе въ университеты, и повергли въ нищету, распуская слухъ, что все это дѣлается по требованіямъ Русскаго правительства: вотъ де каковы Русскіе, надѣйтесь на нихъ. А Челаковскій—любимый поэтъ Чеховъ, и судьба его возбуждаетъ, разумѣется, общее состраданіе. Въ мимоходной выходкѣ онъ раскаялся, говорятъ, въ тотъ же день, когда друзья его представили ему всю его опрометчивость.

Россію же отъ Славянъ отвращаютъ Австрійцы, представляя Русскому правительству національное расположеніе, какъ революціонное.

Славяне, вообще, думаютъ, что Австрійцы, съ цѣлію отвлекать вниманіе Россіи отъ нихъ, обращаютъ оное на другіе предметы, выдумываютъ разныя опасности, побуждаютъ принимать какія-то стѣснительныя мѣры и стараются затмить настоящее положеніе дѣлъ.

Я представляю здѣсь в. в. п. то, что я слышалъ, нисколько не ручаясь за истину послѣднихъ предположеній: можетъ-быть, угнетеннымъ Славянамъ кажется многое въ воображеніи, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, у Славянъ господствуетъ общее мнѣніе, что Австрійская имперія должна скоро уничтожиться, и что они отдѣлятся отъ нея, при первомъ благоприятномъ случаѣ. Какимъ образомъ?

1) Можетъ быть, сама собою, — случай, по собственному ихъ мнѣнію, менѣе вѣроятный. Если же бы началось чтонибудь подобное, то Австрійское правительство обратится за помощію прежде всего къ Россіи, и постарается, во что бы то ни стало, обмануть ее и побудить къ какимъ-нибудь анти Славянскимъ мѣрамъ, дабы положить

навсегда непреодолимую преграду между ею и Славянами (такъ далеко простираются предположенія) (1).

2-е) Подъ покровительствомъ Пруссіи, если Крон-принцъ (2) захочетъ воспользоваться движеніемъ Славянъ, и изъ Позена, Силезіи, привлечетъ Богемію, Польшу, Галицію. Пруссію считаютъ Славяне второю непріятельницею Россіи, особенно на будущее время, послѣ нынѣшняго короля.

3-е) Возможность самая вождѣнная для народа, самая пріятная, самая легкая для исполненія, какъ думаютъ многіе Славяне: подъ покровительствомъ Россіи, которой почти принадлежитъ уже по праву Галиція, какъ населенная чистыми Русскими, исповѣдниками Греческими, которые привержены къ Православію еще болѣе настоящихъ (теперь уже прошедшихъ) Русскихъ униатовъ; за ними послѣдуютъ Русины же въ сѣверовосточной Венгріи, потомъ Словаки, Сербы Австрійскіе, Чехи и т. д. Тогда, говорятъ Славяне, образуется Славянское государство, съ Россіей во главѣ, — отъ Восточнаго океана до Адриатическаго моря, государство, которому исторія не представляетъ подобнаго (3).

Наконецъ 4-е). Сама Австрія можетъ сохраниться, если переменить свой образъ дѣйствія и рѣшится сдѣлаться Славянскимъ государствомъ (какъ объ томъ думалъ уже Іосифъ II-й), по крайней мѣрѣ, если она возвратитъ Славянамъ ихъ права, будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, окажетъ покровительство ихъ языку и образованію народному, допуститъ до участія въ управленіи. Кажется, это было бы всего удобнѣе, спокойнѣе, справедливѣе для обѣихъ сторонъ, особенно для Австріи, но на такую перемену Славяне никакъ не надѣются, ибо между Австрійскимъ слухомъ и Славянскимъ звукомъ есть какая-то безвоздушная пропасть, черезъ кото-

(1) Это было писано въ 1840 г., а 1849 годъ разительнымъ образомъ оправдалъ это опасеніе несчастныхъ Славянъ. *Прим. Ред.*

(2) Нынѣшній король.

(3) Мечта, къ счастью, несбыточная: подобное государственное единство подавило бы духовную независимость каждаго племени въ отдѣльности. Нѣтъ знаменемъ Россіи долженъ быть, по нашему мнѣнію, не панславизмъ, въ смыслѣ политическомъ, не централизація, но признаніе правъ каждой народности на самостоятельное, своеобразное существованіе, иначе: свободный союзъ независимыхъ, отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ, котораго защита и охраненіе естественно принадлежали бы Россіи. *Прим. Ред.*

рю правительство не можетъ слышать и понять самаго простаго яснаго и громкаго слова (1).

Вотъ политическія нѣнія, кои обращаются въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Передаю ихъ вѣрно в. в. п., не принимая на себя смѣлости судить объ нихъ со стороны политической или государственной, и разбирать, что есть въ нихъ мечтательнаго и что дѣйствительнаго, что можетъ быть обращено въ пользу Россіи, теперь или для нашего потомства, и что должно оставить безъ вниманія.

Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, Богъ благословилъ Русское — всѣ прочія порабощены, угнетены, несчастливы. Слѣдовательно, священная обязанность, христіанскій долгъ, повелѣваетъ Русскимъ пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ то политическія отношенія, пособить для религій, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлю. Такъ младшій разбогатѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разореннымъ братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію.

Обозримъ, въ этомъ отношеніи, всѣ главныя Славянскія племена. Первое мѣсто между тѣми, которые имѣютъ нужду въ помощи, и которымъ всего легче подать ее, которые, прибавлю, имѣютъ на то даже священное право, суть Турецкіе Болгаре, давшіе намъ, во время оно, грамоту, богослужебныя книги и первое образованіе — благодѣнія великія, достойныя вѣчной благодарности! Не говорю уже о томъ, что Болгаре, единоплеменники и единовѣрцы наши, во всѣхъ войнахъ съ Турціею, держали нашу сторону, и за то подвергались особеннымъ притѣсненіямъ Турокъ.

Болгаре стонутъ подъ игомъ Турецкимъ и Греческимъ, погруженные въ невѣжество, во многихъ мѣстахъ почти одичалые. Горькая участь народа нѣкогда сильнаго, образованнаго! Для нихъ необходимо учредить училища въ Одессѣ, Кишиневѣ и можетъ быть въ другихъ пограничныхъ городахъ, гдѣ бываетъ ихъ много по торговымъ надобностямъ. Предметы преподаванія: Законъ Божій, языки Болгарскій,

(1) И это предположеніе дождалось своего времени; но горькій опытъ доказалъ на дѣлѣ всю его несостоятельность. Австрія, точно, провозгласила равноправность племенъ, ее населяющихъ, но эта равноправность только на бумагѣ. Иначе и быть не можетъ: господствующее, централизирующее начало (а безъ централизаціи существованіе Австріи невозможно) все таки Нѣмецкое, слѣдовательно непримиримо-враждебное.

Прим. Ред.

Церковный, Сербскій, Русскій и общія понятія о нѣкоторыхъ предметахъ, напр. исторіи, географіи и проч., какъ то предполагается въ нашихъ реальныхъ уѣздныхъ училищахъ, —примѣняясь къ потребностямъ края. Нѣсколько человѣкъ въ сихъ училищахъ должно содержать на казенномъ издѣніи. Возвращаясь въ отечество, они разнесутъ въ немъ образованіе.

Для Болгаръ необходимо исходатайствовать нѣкоторыя гражданскія преимущества, напр. свободное отправленіе вѣры, о чемъ можно собрать свѣдѣнія обстоятельныя и вѣрныя отъ самихъ Болгаръ Одесскихъ.

Будьте ихъ заступникомъ и ходатаемъ предъ престоломъ Государя Императора! Отъ вашего в. п-ва зависитъ нравственное возрожденіе цѣлаго племени древнихъ просвѣтителей Руси. Типографія Болгарская въ Одессѣ, два-три училища и—бросится съмя для новой жизни.

Нѣсколько Болгаръ можетъ быть воспитано также въ нашихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ.

Инспекторовъ для Болгарскихъ училищъ можно найти между образованными Австрійскими Сербами.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ и о Сербахъ, также единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ и Болгарамъ. Сербовъ должно принимать вмѣстѣ съ Болгарами въ вышепредположенныя училища, кои послужатъ вмѣстѣ и образцами и для собственныхъ училищъ въ Сербіи, потому воспитывать нѣкоторыхъ также въ нашихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Необходимо содѣйствовать распространенію Русскаго языка въ Сербіи, чтобы всѣми силами пренятствовать тамъ чуждому вліянію. т. е. Австрійскому, подарить Сербскому правительству избранную бібліотеку Русскую, надѣлать Русскими книгами и пускать оныя по самой дешевой цѣнѣ, въ нарочно основанной, гдѣ нибудь между ними, Русской книжной лавкѣ, въ Бухарестѣ или Кишеневѣ, такъ, чтобы Сербы могли продавать, перепродавать сіи книги прочимъ своимъ собратіямъ, составляющимъ важную часть народонаселенія въ Венгріи и распространеннымъ по всѣмъ Австрійскимъ владѣніямъ до Адриатическаго моря.

Второе, или лучше другое первое право на Русскую помощь — принадлежитъ *Русинамъ*. Другое право, говорю я, ибо эти Русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древняго знаменитѣйшаго Галицкаго княжества, суть чистые Русскіе, такіе же Русскіе, какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши род-

ные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ одну исторію съ нами, — чистые Русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ, подъ тройнымъ, четвернымъ игомъ Нѣмцевъ, Евреевъ, Католицизма, Поляковъ, и горько жалуются на наше невниманіе.

Поляки. — Поляки самое живое, впечатлительное племя... Къ самымъ дѣйствительнымъ мѣрамъ примирить ихъ съ нами есть побрательство ихъ языку, литературѣ, исторіи (я говорю о Царствѣ Польскомъ), и на оборотъ, ничто столько не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Если мы будемъ учить языку Польскому недостаточно, то Поляки будутъ доучиваться ему дома гораздо съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ предметомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея, и сверхъ того, будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще — мысль уничтожить какой нибудь языкъ, есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить такъ же нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ. Языкъ есть такой же природный, неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоцѣннѣйшій для человѣка потому, что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать о языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подають, въ этомъ случаѣ, убѣдительный примѣръ: чего достигли они, уничтожая систематически, въ теченіи вѣковъ, Славянскія нарѣчія? Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитію, приготовили своими плотинами такіе водопады, которые готовятся теперь поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторыя Славянскія племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось: по краямъ, гдѣ чуждое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенчествѣ. Съ другой стороны, Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могущественъ и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всемъ Славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ, и самъ въ себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, рано или поздно, сдѣлается общимъ литературнымъ, Славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было прежде нарѣчіе Болгарское, а въ Западной Европѣ Латинское. Всѣ нарѣчія должны прежде принести ему дань своими словами, оборотами, формами, и, слѣдовательно, не надо сушить Оку или Каму, для того, чтобъ полнѣе стала Волга.... Весьма важно

было бы сочиненіе сравнительной грамматики Польской и Русской. Въ этомъ же случаѣ, сравнительный словарь Польскій и Русскій, надъ которымъ трудится знаменитый Линде, есть не только великое дѣло литературное, но и политическое. Россійская академія, сколько смѣю судить, поступила неосновательно, отказавшись, по причинамъ школьнымъ, отъ этого словаря. Если в. в. п. угодно будетъ сдѣлать ей предложеніе, чтобъ она поручила мнѣ издать для образца четыре буквы, отданныя мнѣ г. Линде, то я съ удовольствіемъ принялъ бы на себя этотъ трудъ. Г-ну же Линде необходимо дать средства оканчивать свое исполнское предпріятіе, для котораго матеріалы у него большею частію собраны. Средства эти состоятъ въ денежномъ, ежегодномъ пособіи на наемъ помощниковъ, которые приводили бы въ алфавитный порядокъ его выписки, дѣлали по его замѣчаніямъ новыя, словомъ — исправляли черновую, механическую работу, которая отягощаетъ 80-лѣтняго старца, и лишаетъ его времени драгоценнаго, нужнаго на совершеніе огромнаго зданія. Линдомъ должно спѣшить воспользоваться, ибо ему остается жить не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ. Второе пособіе состоятъ въ посылкѣ ему Русскихъ книгъ, конхъ въ Варшавѣ великій недостатокъ, ибо почти всѣ Русскія книги вывезены съ прочими изъ университетской бібліотеки.

Полезно было бы послать нѣсколько студентовъ Русскихъ учиться Славянской филологіи, подъ руководствомъ знаменитаго патріарха.

Я говорилъ объ языкѣ. Теперь обращаюсь къ исторіи. Польской исторіи не преподаютъ въ училищахъ особю, а вмѣстѣ съ всеобщюю. Напрасно! Польская исторія, безпристрастная, правдивая, подробная, есть самая вѣрная союзница Россіи, которая можетъ принести намъ пользы болѣе нѣсколькихъ крѣпостей.... Ничто не можетъ примирить такъ новое поколѣніе Поляковъ (о старыхъ говорить нечего—вспомнимъ, что и Моисей привелъ къ землѣ обѣтованной только тѣхъ Евреевъ, которые родились уже на дорогѣ), ни что, говорю, не можетъ такъ примирить новое поколѣніе съ настоящимъ порядкомъ вещей, какъ основательное изученіе Польской исторіи....

Вмѣстѣ съ Польскою и Русскою исторіей, должно преподавать исторію прочихъ Славянскихъ государствъ и показывать, какъ искони раздоръ и несогласія губили и подвергали ихъ жестокому игу иноплемениковъ, подъ которымъ нигдѣ и никогда Славяне не были счастливы.

Введеніе исторіи избавитъ насъ отъ упрековъ, которые безпрестанно слышатся по этому поводу между иностранцами.

О литературѣ. Теперь, въ Польшѣ, ея почти не существуетъ, — она вся между эмигрантами и въ Позенѣ: третій предметъ обвиненія для Русскаго правительства. Необходимо должно оказать покровительство оставшимся литераторамъ въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что предметы ихъ занятій слишкомъ невинны, и не могутъ причинить вреда ни въ какомъ отношеніи. Я говорю о Линде, о словарѣ котораго упомянуто выше, о Кухарскомъ, который путешествовалъ нѣсколько лѣтъ, на издженіи правительства, по Славянскимъ странамъ и собралъ, вѣроятно, много матеріаловъ, о Крыжановскомъ, который занимался изслѣдованіями о жизни и системѣ Коперника и приготовилъ большое сочиненіе объ этомъ астрономѣ, о Мацѣевскомъ, который занимается историко-юридическими изслѣдованіями. Всѣ ихъ труды должны быть изданы съ вознагражденіемъ авторовъ.

Наконецъ, осуждаютъ Русское правительство даже самые Славяне, приверженные къ намъ, за то, что въ Польшѣ нѣтъ университета. Какъ, говорятъ они, пять милліоновъ лишать средствъ для высшаго образованія, которое составляетъ общую цѣль человѣчества! Не смѣю сказать ни слова объ этомъ обвиненіи, ибо основаніе университета въ Польшѣ соединено съ политическими обстоятельствами, и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ основательно не ученымъ, который стоитъ внизу и видитъ его съ одной стороны, но мужемъ государственнымъ, который смотритъ на него сверху и видитъ со всѣхъ сторонъ, въ соединеніи съ прочими вопросами государственными....

Почитаю долгомъ упомянуть еще о томъ, что Поляки вообще рождаютъ за взятіе университетской бібліотеки. Мятельники не читали отсюда старыхъ книгъ, говорятъ они....

Я передаю вѣрно в. в. п. какъ это обвиненіе, такъ и прочія, сколько мнѣ случилось то слышать въ Польшѣ и другихъ Европейскихъ странахъ. Многія изъ нихъ совершенно неосновательны и происходятъ отъ невѣжества, отъ незнанія обстоятельствъ.

Покровительство языку, литературѣ, исторіи и вообще просвѣщенію въ Польшѣ, можетъ имѣть благотѣльное вліяніе и на прочія Славянскія племена, которыя смотрятъ на Польшу, какъ на образецъ Русскаго управленія. Оно весьма важно для будущихъ возможныхъ отношеній Россіи къ Славянскому міру. Нѣмцы, указы-

вѣя Славянамъ на Польшу, при нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется въ свое невѣрное стекло, говорятъ имъ: «лучше ли Полякамъ у Русскихъ, чѣмъ вамъ у насъ.» Впрочемъ Славяне считаютъ вообще Поляковъ племенемъ увлекающимся, накликавшимъ и накликающимъ себѣ бѣды; многія Русскія мѣры приписываютъ коварнымъ советамъ Австрийцевъ, а болѣе всего считаютъ оныя временнымъ послѣдствиемъ безпрестанно открываемыхъ Польскихъ заговоровъ, и увѣрены, что при другомъ образѣ дѣйствія Поляковъ, Русское управление приметъ другой характеръ.

Вотъ мой отчетъ о Польшѣ в. в. п. Мнѣ кажется, я опоздалъ съ нимъ. Вы сами были въ Варшавѣ послѣ меня, и безъ всякаго сомнѣнія увидѣли все яснѣе, дальше, вѣрнѣе. Я почелъ бы себѣ великою честію, еслибы въ какихъ нибудь мысляхъ удалось сойтись съ в. в. п.

Не могу не сказать еще двухъ словъ о Краковѣ, куда къ канцлеру университета, г. Матакевичу, вы позволили давать мнѣ рекомендательное письмо. Жители находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи и невинные терпятъ наравнѣ съ виноватыми, подавшими поводъ къ разпымъ, тяжелымъ для города, мѣрамъ. Ничего не желаютъ они столько, какъ имѣть одного государя, вмѣсто трехъ проквителей. Котораго? Разумѣется они не смѣютъ выговаривать. Ректоръ показалъ мнѣ университетъ, бібліотеку и всѣ заведенія, и общалъ, на мой вопросъ, написать мнѣ частное письмо о состояніи университета, нуждахъ и желаніяхъ, дабы я могъ, при случаѣ, представить оное в. в. п., но до сихъ поръ не исполнилъ своего обѣщанія. Библіотекарю, г. Мучковскому, котораго сочиненія вамъ доставлены, можно поручить изданіе какихъ нибудь драгоценныхъ рукописей Краковской бібліотеки. Краковскіе журналы падаютъ.

Чехи. Это самое образованное Славянское племя, вмѣстѣ съ Моравами и Словаками. Они указываютъ съ гордостію на многихъ своихъ ученыхъ и литераторовъ, достойныхъ наследниковъ древняго образованія, хранителей Славянской національности, распространителей Славянскаго духа. Прага есть главное ихъ мѣстопробываніе. Многіе изъ нихъ, или лучше сказать, всѣ почти, имѣютъ нужду въ помощи, для успѣшнѣйшаго занятія своими всеславянскими трудами. Таковъ Шафарикъ, создатель древней Славянской исторіи, общей исторіи Славянскихъ литературъ, собравшій драгоценныя матеріалы для многихъ, не менѣе важныхъ сочиненій, издающій теперь карту посе-

леній Славянскихъ въ Европѣ, въ древности и нынѣ; Аммерлингъ, неутомимый Славянофилъ, который учитъ, издаетъ, пишетъ, собираетъ, заводитъ, словомъ сказать—дѣйствуетъ изъ всѣхъ силъ и всѣми средствами для распространенія Славянскаго образованія между Славянами, преимущественно по части естественныхъ наукъ; Челаконскій, отличный стихотворецъ, жестоко наказанный за дерзкую выходку, который занимается теперь этимологическимъ словаремъ; Ганка, объяснитель древнихъ памятниковъ, Прешль, главный естественныйспытатель и Палацкій,—не имѣютъ нужды въ помощи. Юнгманъ, лексикографъ, хотя и не бѣденъ, но и не слишкомъ богатъ, и на старости своихъ лѣтъ имѣлъ бы право на лучшее успокоеніе, за исполненскіе труды свои.

Въ Прагѣ, при національномъ музеѣ, есть такъ называемая «*statice ceska*», комитетъ, учрежденный для усовершенствованія Чешскаго языка, который владѣетъ небольшимъ капиталомъ (около 50 т. р.), на проценты съ коего издаетъ журналъ (*časopis*), вспооществуетъ отличнымъ авторамъ при изданіи ихъ трудовъ, и печатаетъ нѣкоторыя полезныя сочиненія, сообразно съ своей цѣлю. Капиталъ этотъ полезно увеличить, дабы комитетъ могъ: 1) задавать ежегодно по двѣ историческія и филологическія темы для обработыванія съ преміями; 2) раздавать свои изданія по публичнымъ школамъ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и проч. Для улучшенія частныхъ журналовъ, изъ коихъ примѣчательныя: «Чешская Пчела» и «Цвѣты», полезно бы объявлять, полагаютъ Чешскіе ученые, по двѣ преміи за лучшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, чѣмъ возбуждлась бы, въ молодомъ поколѣніи, еще бѣльшая ревность къ изученію отечественныхъ предметовъ.

У Словаковъ энтузіазмъ Славянскій возшелъ до высочайшей степени. Дикая грубость и жестокость ихъ непосредственныхъ угнетателей, Мадьяровъ, вмѣстѣ съ стихотвореніями ихъ барда Коляра, возбуждали новое поколѣніе до невѣроятности. Славянскій институтъ, въ Пресбургѣ, гдѣ въ чистомъ Славянскомъ духѣ воспитывается до 70 человекъ юношества, и обучаются преимущественно Славянскимъ нарѣчіямъ и исторіи, достойны вниманія всѣхъ друзей добра, не только Славянъ, и имѣетъ полное право на пособіе, въ коемъ терпятъ крайнюю нужду, не имѣя возможности платить даже учителю. Этотъ институтъ сдѣлалъ въ прошломъ году воззваніе ко всѣмъ Славянскимъ собратіямъ, впрочемъ съ дозволенія Австрійскаго

правительства, о доставленіи ему пособія деньгами и книгами. Слѣдовательно, оно можетъ быть доставлено въ Пресбургъ публично, отъ имени Русскихъ ученыхъ или меценатовъ.

У Австрійскихъ Сербовъ, центральный пунктъ—Пестъ, въ которомъ восточные Славяне сходятся съ западными, по торговымъ и другимъ дѣламъ. Нужно денежное пособіе для тамошней Славянской школы. Тамошній протестантскій проповѣдникъ, Коляръ, первый двигатель Славянскій, приверженный къ Россіи, имѣетъ право на содѣйствіе по ученымъ трудамъ.

Сербы Греческаго исповѣданія имѣютъ также Пестъ своимъ центромъ въ литературномъ отношеніи, а въ религіозномъ Карловицъ. Такъ называемая Матица Сербская, основанная частными людьми, преимущественно купцами, завѣдываетъ такъ сказать ходомъ Сербской Кириловской литературы, издаетъ газету, печатаетъ Сербскія книги, заводитъ теперь обще-Славянскую библіотеку книгъ, на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, воспитываетъ на свое иждивеніе нѣсколько молодыхъ людей, посвящающихъ себя Сербской литературѣ. Это заведеніе должно быть поддержано. Нужно посылать туда, въ Карловицъ, избранныя Русскія сочиненія по части исторіи, филологіи и особенно богословія, чтобы предохранить Сербовъ отъ Уніи и Іезуитскаго вліянія.

Католическіе Иллирійцы имѣютъ главное мѣстопробываніе въ Аграмѣ, гдѣ теперь одушевленіе является, также какъ въ Пресбургѣ, въ высочайшей степени, и оттуда, электрически сообщается во всѣ стороны, особенно на Славяно-Кроатскую военную границу, которая можетъ, во всякую минуту, выставить отъ 80 до 100 тысячъ войска. Душою этого движенія есть Гай, который, въ короткое время, произвелъ, говорятъ, чудеса своею типографіей. Я слышалъ, что онъ обращался за помощію къ Россійской академіи.

Изъ прочихъ Славянскихъ ученыхъ, о Копитарѣ, библіотекарѣ Вѣнской библіотеки, не могу сказать ничего рѣшительнаго. Общее мнѣніе между Славянами есть то, что онъ тайный агентъ Австрійскаго правительства, гонитель Славянскаго начала и врагъ Русскихъ. Не знаю, сколько есть здѣсь правды (1). Собственная библіотека Копитара—единственная въ Европѣ, по богатству Славянскихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Приобрѣсти ее (онъ спрашиваетъ за нее 4,000

(1) Кажется—нисколько. Поздн. примѣчаніе автора.

червошцевъ, но отдасть вѣроятно менѣе) для Московскаго университета было бы великимъ для насъ обогащеніемъ.

Вотъ краткое обозрѣніе нуждъ, претерпѣваемыхъ Славянскими тружениками. 25 т. р. асс. ежегоднаго пособія удовлетворяли бы оныя съ избыткомъ, 40 т. отчасти. Отъ в. в. п. зависить исходатайствовать какую нибудь сумму отъ правительства, и подать тѣмъ новую жизнь ученому и литературному Славянскому міру, бросить сѣмена, кои можетъ быть дадутъ со временемъ великіе плоды, историческіе, вселенскіе. Вы сдѣлали и дѣлаете многое, для просвѣщенія въ Россіи,—распространите кругъ благотворительныхъ дѣйствій вашихъ на всѣхъ Славянъ, и имя ваше благодарнымъ потомствомъ будетъ поминваемо на ряду съ именами первыхъ благодѣтелей Славянскаго міра.

Перехожу теперь къ общимъ дѣйствіямъ, кои могутъ принести равную пользу Россіи, ея языку, литературѣ и исторіи, равную съ прочими племенами Славянскими.

1) Сочиненіе сравнительной грамматики всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которою облегчится безмѣрно ихъ изученіе, покажется всего яснѣе ихъ сродство и объяснятся многія свойства, принадлежащія тому или другому нарѣчію порознь и остающіяся безъ него непонятными загадками. Пусть Россійская академія объявитъ премію въ 500—1,000 черв. за сочиненіе лучшей. (Всѣмъ нарѣчіямъ можно выучиться въ годъ).

2) Для сравнительной грамматики нужна частная, должно назначить меньшія премія за сочиненіе грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ-то: нашего Малороссійскаго съ Галицкимъ отлѣченіемъ, и еще, кажется, одного или двухъ.

3) Нуженъ общій словарь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, для котораго заключается уже много драгоценныхъ матеріаловъ въ словарь Польскомъ Линде и Чешскомъ Юнгмана, также въ рукописномъ словарѣ, Русскомъ и Польскомъ, Линде.

4) Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще словарей—должно задать оныя съ преміями, таковы: Малороссійское съ Галицкимъ отлѣченіемъ, Болгарское, Церковное.

5) Планъ для грамматики можно поручить Шафарыку, для словаря Юнгману, Линде и Востокову.

Общій словарь—работа на 20 или 30 лѣтъ, для одного человѣка. По моему мнѣнію, можно раздѣлить его на части, и за всякую

букву, по данному плану, назначить соразмѣрную награду. Нужды нѣтъ, что словарь выйдетъ такимъ образомъ не полный, несообразный и несовершенный—пусть онъ послужитъ корректурую для слѣдующаго, къ которому приступить уже будетъ гораздо легче одному призванному на то ученому.

6) Нужны собранія пѣсень, пословиць у всѣхъ племенъ.

7) Славянская хрестоматія, одна Русскими буквами, другая Латинскими.

Всѣ сіи литературныя предирія, необходимы для успѣховъ Русской литературы въ наше время, принадлежать по праву, и прибавно, по обязанности, Россійской академіи, слѣшкомъ богатой средствами для ихъ совершенія.

Слѣдующія задачи могутъ предлагать, раздѣлая между собою, Общества исторія и древностей въ Москвѣ и Одессѣ, и Археографическая коммиссія:

8) Исторію Славянскихъ государствъ.

9) Географическія и статистическія описанія.

10) Собраніе слѣдовъ мѣологическихъ преданій, повѣрій, обычаевъ, обрядовъ и т. под.

11) Собраніе актовъ, грамотъ и прочихъ историческихъ памятниковъ.

12) Біографіи великихъ мужей Славянскихъ—Славянскій пантеонъ.

Означенныя общества могутъ объявить умѣренныя преміи отъ 500 до 1,000 р. за сочиненія, по предметамъ, относящимся къ снмъ темамъ.

Наконецъ нуженъ всеславянскій журналъ, гдѣ въ скорыхъ и вѣрныхъ извѣстіяхъ и описаніяхъ, изображалась бы ученая и литературная дѣятельность всѣхъ Славянскихъ племенъ, помѣщались бы статьи на всѣхъ новыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, съ краткими поясненіями для уразумѣнія общаго.

Въ такомъ журналѣ обозначалось бы осязательнымъ, такъ сказать, образомъ близкое родство всѣхъ племенъ, и племена начали бы сближаться, знакомиться между собою всего удобнѣе.

Славяне думаютъ, что такой журналъ лучше всего издавать въ Москвѣ; мнѣ кажется сообразнѣе съ цѣлію—въ Варшавѣ, дабы сей журналъ приносилъ и частную пользу, дѣйствуя въ особенности на Поляковъ.

Чтобъ облегчить для Славянскихъ племенъ приобрѣтеніе Русскихъ

книгъ, должно учредить, разумѣется въ видѣ частнаго предпріятія, Русскую книжную лавку въ Лейпцигѣ, откуда легко получить ихъ чрезъ Нѣмецкихъ книгопродавцевъ, разсѣянныхъ по всемъ Славянскимъ городамъ. Книги должно продавать какъ можно дешевле. Книги на другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ могутъ также присылаться туда, какъ въ центральное депо.

Снабдить избранными Русскими книгами, особенно по части филологіи и исторіи, главныя Нѣмецкія бібліотеки въ Австріи—въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ, Львовѣ. Можно послать сіи книги въ то же время въ Берлинъ, Боннъ, Геттингенъ, Мюнхенъ.

Пригласить нѣсколько ученыхъ и педагоговъ изъ Славянскихъ странъ, которые съ большою пользою могутъ занять у насъ мѣста надзирателей, инспекторовъ, директоровъ, учителей Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ и проч. Въ этомъ отношеніи, я могу назвать преимущественно двухъ: профессора физиологіи въ Бреславскомъ университетѣ, Пуркыню, знаменитаго естествоиспытателя, который съ великимъ успѣхомъ могъ бы взять на себя управленіе особаго учрежденія для естественной исторіи при томъ университетѣ, гдѣ, по начертаніямъ в. в. п., эта наука должна быть преимущественно воздѣлываема. Второй ученый есть докторъ Амерлингъ, который обладаетъ многообразными свѣдѣніями, дѣлалъ многіе педагогическіе опыты, составилъ особую методу, которая заслужила полное одобреніе знатоковъ, и могъ бы учредить дѣтскія школы въ Москвѣ или Петербургѣ, по образцу Пражскаго заведенія въ этомъ родѣ, извѣстнаго во всей Европѣ, и имѣть въ своемъ распоряженіи какую нибудь реальную гимназію.

Я знаю также еще нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей, которые готовы переселиться въ Россію. Оставаясь въ сношеніяхъ съ прежнимъ отечествомъ, они могли бы содѣйствовать много взаимному знакомству.

Россія рѣшительно не имѣетъ доброжелателей между Европейскими государствами. Славяне говорятъ, что больше всѣхъ не любятъ ее Австрія, потомъ Пруссія; на Западѣ, думаютъ, что Англичане. Столько случалось мнѣ слышать о козняхъ Англичанъ, съ такихъ неожиданныхъ сторонъ, что первую мою мыслію, по возвращеніи въ отечество, при слухѣ о пожарахъ въ низовыхъ губерніяхъ, мелькнуло, не Англичане ли это? Упоминаю объ этой недоброй мысли потому только, чтобъ показать, какое сильное впечатлѣніе было произведено

по мнѣ прежде. Никогда не забуду я, какъ одинъ житель Антверпена, приверженный однакожь къ Голландіи, говорилъ мнѣ съ какимъ-то торжественнымъ тономъ: «о, императоръ Николай не воображаетъ еще, откуда грозитъ ему настоящая опасность! Поляки народъ не страшный. Англичанъ, Англичанъ долженъ онъ остерегаться и бояться тамъ, гдѣ и не предполагаетъ.»

.

Письмо второе.

.

Съ 1839 года перемѣнилось многое въ Славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи. Въ Богеміи національность усилилась значительно не только въ среднемъ сословіи, но и въ высшемъ, чему доказательствомъ служитъ знаменитая брошюра графа Туна объ отечественной словесности, произведшая сильное дѣйствіе, такъ, что Австрійское правительство рѣшилось предложить автору почетное мѣсто въ другой части государства, съ цѣлію отдалить его отъ Богеміи. Въ первыхъ дворянскихъ домахъ, которые давно уже отмѣчались и говорили только по-Нѣмецки, какъ у насъ говорятъ по-Французски, дѣти нынѣ учатся по-Чешски, и имѣютъ Чешскихъ гувернеровъ. Въ духовенствѣ число патріотовъ также увеличивается, хотя имъ съ связанными, такъ сказать, руками, въ нѣдрахъ Римской церкви, очень трудно дѣйствовать и даже запасаться національными средствами, ибо языку Чешскому ихъ не учать, а только по-Нѣмецки и по-Латыни, книги же должны они покупать на свои деньги; а казенныя бібліотеки наполняются только Нѣмецкими сочиненіями. Въ среднемъ сословіи успѣхи изумительны: вездѣ основываются частныя Чешскія училища, безъ всякаго пособія, разумѣется, со стороны правительства, заводятся частныя бібліотеки для общенароднаго употребленія (теперь уже до 100) даже въ деревняхъ. Учреждаются бальныя бесѣды, гдѣ не позволяется ни одного слова произносить по-Нѣмецки. Съѣздъ на нихъ бываетъ невѣроятный (до 4,000 ч.). Издается ревностно при музеѣ энциклопедическая бібліотека на Чешскомъ языкѣ. Начался національный театръ въ Прагѣ, который по-сѣщается болѣе Нѣмецкаго. Примѣру Праги слѣдуютъ и другіе города, гдѣ, особенно лѣтомъ, во время вакацій, даются студентами

національные спектакли, коихъ правительство запретить не можетъ, ибо сборы назначаются для благотворительныхъ цѣлей. Испрашивается настоятельно право преподаванія въ низшихъ училищахъ на Чешскомъ языкѣ, и едва ли не скоро получится въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ и судопроизводство національное.

Австрійское правительство, которое боится больше всего общественнаго мнѣнія, видя такое стремленіе во всѣхъ сословіяхъ, и не надѣясь остановить его, нашлось принужденнымъ ослабить нѣсколько бразды, хотя всякій шагъ впередъ стоитъ патріотамъ великихъ трудовъ и усилій, и уступается правительствомъ тогда, какъ оно и тощитъ всѣ свои средства сопротивленія. Чешскій спектакль, напр., позволенъ былъ сначала однажды въ недѣлю, и въ какое время? Днемъ, отъ трехъ часовъ по полудни до шести; потомъ дано позволеніе играть три раза въ недѣлю и вечеромъ ⁽¹⁾.

Правительство, принужденное такимъ образомъ уступать, иногда усиливаетъ за то мѣры противоположныя. При всякомъ случаѣ ругательства противъ Чеховъ, насмѣшки надъ литературою и литераторами, позволяются во всѣхъ Нѣмецкихъ газетахъ; помѣщаются статьи въ иностранныхъ газетахъ, съ цѣлію ихъ пугать. Имя Славянъ запрещается цензурою, кромѣ самыхъ необходимыхъ случаевъ. Орфографія Добровскаго, утвержденная и принятая еще въ 1820 году, только теперь введена, и то въ низшихъ училищахъ, а Нѣмецкія готическія буквы удерживаются до сихъ поръ. Ни одного объявленія нельзя сдѣлать по-Чешски, не приложивъ Нѣмецкаго перевода, хотя сокращеннаго, что подаетъ поводъ даже къ смѣшнымъ сценамъ, напр. приглашители на балы Чешскіе печатаютъ билеты на Чешскомъ языкѣ крупными Чешскими буквами, съ украшеніями, а Нѣмецкій переводъ такими мелкими, что едва въ микроскопъ разсмотрѣть ихъ можно. За то правительство, дѣлая отъ себя объявленія по-Нѣмецки о чемъ нибудь, прилагаетъ Чешскій переводъ такимъ ломаннымъ языкомъ, что никакой Чехъ понять не можетъ и долженъ для уразумѣнія прибѣгать къ Нѣмецкому языку.

Вмѣстѣ съ національнымъ движеніемъ, тѣсно связано движеніе анти-папское, хотя теперь еще тайное. Ненависть къ папѣ и Іезуи-

(1) По словамъ автора статьи «Западные Славяне» (IV кн. Бесѣды, 1838 г.) спектакли на Чешскомъ языкѣ даются теперь снова въ самое неудобное время дня.

тамъ, которые были главною причиною паденія Богеміи, лежавшая глубоко въ сердцахъ патріотовъ, ненависть, постоянная еще предшественникомъ Лютера, Гусомъ, воспятанная Гуситскими войнами и послѣдовавшими ужасами, начинаетъ обнаруживаться, и за политической независимостію Богеміи, если она когда будетъ, должно послѣдовать отпаденіе отъ Римской церкви.

Австрійцы видятъ и это, и стараются всѣми силами отворотить все, что можетъ хоть издали напоминать Греческое исповѣданіе. Ганка недавно получилъ строгій выговоръ за свои доказательства (впрочемъ не твердыя), что Реймское Евангеліе писано въ Богеміи въ XI вѣкѣ Св. Проконіемъ Кирилловскими церковными буквами!!

Не только Австрійцы, сами Нѣмцы трепещутъ за Богемію, и всѣми силами стараются защищать и прославлять Нѣмецкое начало въ ней, выставляютъ дѣйствія и надежды Чешскихъ патріотовъ нелѣпыми, безумными, злонамѣренными,—тѣ Нѣмцы, которые въ то же время кричатъ о томъ раздѣлѣ Польши, при которомъ мы получили только свое, между тѣмъ, какъ Богемія была завоевана, разорена, опустошена Австрійцами, лишена своей религіи и всѣхъ лучшихъ гражданъ, и десять лѣтъ страдала плотски.

Моравія слѣдуетъ приѣзду Богеміи, и національное движеніе тамъ также велико, но вліяніе и сосѣдство Вѣны ощутительнѣе.

Состояніе Словаковъ въ Венгріи совершенно иное. Они стонутъ подъ игомъ Мадьяровъ еще болѣе, нежели отъ Австрійцевъ. Австрійцы хотѣли прежде ихъ оиѣмечивать тихо, систематически, а Мадьяры нападаютъ теперь прямо, безъ околичностей, по-Азіятски, и зная, что Словаки составляютъ лучшую и умнѣйшую часть народа, хотятъ ихъ омадьярить, во что бы то ни стало. Нештоствамъ ихъ нѣтъ никакой мѣры, и они не скрываютъ своихъ намѣреній, а печатаютъ прямо, что Словаки и другіе Венгерскіе Славяне должны и могутъ существовать только какъ Венгерцы. Австрійское правительство находится въ нерѣшимости, что ему дѣлать. Взять сторону Мадьяръ оно боится, чтобъ не усилить ихъ слишкомъ Словаками, ибо анти-Австрійское направленіе у Мадьяръ открывается ежегодно сильнѣе. Взять сторону Словаковъ оно боится еще болѣе, чтобъ не доставить вообще Славянамъ сильной подмоги, тѣмъ болѣе, что Словаки родные братья Чехамъ и Моравлянамъ. Оиѣмечивать же ихъ оно не можетъ, по закону Венгерской конституціи. По сими причинами Австрійское правительство безпрестанно колеблется, и броже-

ніе въ Венгріи выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Мадыры и Словаки съ одной стороны, а съ другой Мадыры и Сербы, т. е. Хорваты, Славонцы и Далматы, пышутъ злобою другъ противъ друга, — а между ними, по горячимъ углямъ, переступаютъ Австрійцы, и бѣклоняются то на ту, то на другую сторону. Словаки отправили недавно депутацію въ Вѣну, съ жалобою, что Мадыры стѣсняють ихъ языкъ: «Прежде всего мы употребляли языкъ Латинскій», говорили они, «теперь Мадыры хотятъ употреблять языкъ свой, Мадырскій, такъ и мы требуемъ своего, Славянскаго.» Меттернихъ и прочіе сановники отвѣчали имъ, что требованіе ихъ основательно, но официалнаго отвѣта не послѣдовало: «боритесь сами, а правительство вмѣшиваться не должно.» Мадыры хотѣли еще соединить Кальвинистовъ и Лютеранъ, съ цѣлю, чтобы Словацкіе Лютеране подчинились Мадырскимъ Кальвинистамъ, однако же не успѣли въ своемъ намѣреніи, въ чемъ Австрійцы должны были содѣйствовать Словакамъ.

Словаки очень бѣдны, и съ величайшимъ трудомъ могутъ содержать на свой счетъ училища и библіотеки. Усилія ихъ дѣйствительно достойны всякаго уваженія. Между Словаками, особенно, господствуетъ идея панславизма. Какъ безъ всякаго пособія со стороны правительства, при такихъ препятствіяхъ, съ такими врагами, могутъ они держаться, образовываться болѣе и болѣе, и увеличивать свою значительность!

Хорваты, Далматы, Словенцы, занимающіе южную и югозападную часть Венгріи и отчасти Австрійской монархіи, имѣютъ болѣе средствъ, и Славянство тамъ во всей силѣ. Последніе выборы были вообще въ пользу Славянской партіи, одержавшей блистательную побѣду; но извѣстіе объ уничтоженіи имени Иллировъ въ официальныхъ бумагахъ и литературѣ показываетъ, что дѣла приняли противный оборотъ, о коемъ я теперь не могу ничего сказать положительнаго. Австрійцы слишкомъ боятся за эту часть своихъ владѣній, съ коею военная граница соединена, и потому вѣроятно взяли здѣсь сторону Мадыръ. Часть Иллирійцевъ исповѣдуетъ вѣру Греческую, другая Римскую. Исповѣдниковъ Греческой церкви принуждаютъ насильственно присоединяться къ Уніи, и эти мѣры подають поводъ къ явленіямъ страннымъ: одинъ, напр. Далматинецъ былъ напоенъ, и пьяный подписался подъ просьбою принять его въ Римскую церковь. Проснавшись, на другой день, онъ побѣжалъ съ отреченіемъ. Оно не было

принято. Онъ обратился къ начальству гражданскому, и приводилъ въ доказательство, что если онъ пьяный присоединился къ Римской церкви, то трезвый кольми паче можетъ возвратиться къ своей. Но это не помогло. Захотѣлъ онъ жениться, но православный священникъ не смѣлъ его обвѣнчать, и онъ взялъ жену безъ совершенія таинства.

Правительство принуждено было дозволить, однакожь, возвращеніе нѣкоторыхъ лицъ къ Православной Церкви, съ условіемъ, чтобъ они ходили сорокъ дней къ католическимъ священникамъ, для полученія наставленія и убѣжденій. Крестьяне походили нѣсколько дней, но соскучились и объявили симъ послѣднимъ, что слушать ихъ болѣе не хотятъ, тѣмъ болѣе, что имъ надо убирать поля, и просили позволенія прекратить свои посѣщенія. Священники не согласились, и въ наказаніе несчастные должны были еще сорокъ дней ходить для слушанія, при чемъ со злости они просто затыкали свои уши.

Глаголическая Славянская письменность въ Далмаціи почти совершенно уничтожена, и введены Латинскія буквы.

Думаютъ, хоть можетъ быть и несправедливо, что Копитаръ въ Римѣ занимается обширнымъ планомъ, какъ обратить все Славянское народонаселеніе Австріи къ католичеству.

Объ Венгерцахъ я скажу здѣсь вообще, что въ дипломатіи Европейской, не исключая Австрійской, господствуетъ объ нихъ ложное понятіе: ибо дипломаты знакомы болѣе съ бумагами, чѣмъ съ людьми.

Обстоятельства въ нашей несчастной Галиціи еще тяжеле. Словаки и Иллиры находятъ еще хоть какое нибудь спасеніе подъ покровомъ Венгерской конституціи, а Русины въ Галиціи беззащитны и въ отношеніи къ Австрійцамъ и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для Австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ Славянъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку и исторіи. Каково же имъ жить несчастнымъ! Ненависть Поляковъ подаетъ Австрійцамъ самыя удобныя средства и благовидные предлоги угнетать ихъ, и душиť всякое національное, т. е. Русское движеніе, въ самомъ зародышѣ. Не смотря на то, оно есть и усиливается безпрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознаютъ живѣе и живѣе свое Русское происхожденіе и влекутся сердцемъ къ Россіи. Извѣстіе объ уничтоженіи Уніи ихъ обрадовало, и они готовы обратиться къ нашему православію, которое дер-

жалось у нихъ, какъ извѣстно, долѣе, чѣмъ даже у насъ, и только недавно, въ прошедшемъ столѣтїи уничтожено. «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ», говорятъ они всякому Русскому путешественнику. «Вотъ эту церковь обратимъ мы въ православный соборъ», сказалъ мнѣ одинъ патріотъ, «когда вы придете къ намъ во Львовъ (Лембергъ). Хоть бы вы промѣняли насъ на Польшу! Ну, что вамъ въ Польшѣ? Тамъ васъ не любятъ, а мы вамъ преданы душою и тѣломъ.»

Русины совѣтуютъ выводить Поляковъ изъ возвращенныхъ губерній—Волинской, Подольской и проч., скупая имѣнія хоть по немногу отъ Польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на Киевскихъ контрактахъ, привлекая туда Русскихъ капиталистовъ, которые могутъ легко и выгодно приобретать земли, обращая большее вниманіе на благосостояніе крестьянъ, стонущихъ тамъ подъ игомъ Польскихъ помѣщиковъ-католиковъ и Евреевъ. Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. Многіе духовные лишились мѣстъ своихъ, студенты выгнаны, граждане изъ средняго сословія отданы подъ строжайшій присмотръ: извѣстный почтенный адвокатъ просилъ позволенія брать для прочтенія Сводъ Русскихъ законовъ, подаренный нашимъ правительствомъ публичной библіотекѣ. Полиція отказала, не смотря на поруки и залогъ. Адвокатъ попросилъ ходить, по крайней мѣрѣ, въ библіотеку и читать тамъ, обращая ко всѣмъ начальствамъ, ставилъ на видъ, что Галицкіе помѣщики, имѣя часто помѣстья и дѣла въ Россїи, имѣютъ нужду въ справкахъ: ничто не помогло, и правительство дало ему официальный отказъ, находя желаніе его несообразнымъ съ цѣлюю (*nicht zweckmässig*).

Недавно получило оно темное понятіе о томъ, что Русское народонаселеніе Галиціи, вмѣстѣ со всею Малороссїей, отличается отъ жителей Москвы и прочихъ сѣверныхъ губерній, и бросилось съ жадностію на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертациі, надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность Галичанъ къ Россїи. Видъ его простирается слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россїи, и привлекать Малороссїянъ къ себѣ,—не говорю уже о Польскихъ помѣщикахъ, наводняющихъ Малороссїю. Съ этою цѣлюю, оно хочетъ устроить центръ Малороссїйской литературы у себя, и презоручить съ значительными выгодами издавать

по своимъ видамъ журналъ на Малороссійскомъ языкѣ, въ Вѣнѣ, Латинскими буквами! Вотъ какъ дѣйствуетъ Австрійское правительство!

Поляковъ Австрійцы также боятся, хотя съ другой стороны какъ революціонеровъ, и въ послѣднее время открытъ былъ значительный заговоръ, по которому схвачено столько лицъ, что въ тюрьмахъ не доставало мѣста, и наняты частные дома. Вѣроятно существуетъ какой нибудь заговоръ, тайное общество въ Позенѣ, которое, если не дѣйствуетъ прямо теперь, то приготовляетъ обстоятельства для будущаго времени, нитя отрасли во Франціи и Германіи.

Вотъ въ какомъ затруднительномъ положеніи находится Австрія, и Славянскіе политики еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, утверждаютъ теперь, что она слабѣетъ часъ отъ часу, и едва ли больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части. Въ Наполеоново время этого не случилось, потому что Славянское племя далеко было отъ настоящей зрѣлости и сознанія. Имя и авторитетъ Меттерниха удерживаетъ панически общее стремленіе, но смерть его явить многое народу.

Въ политикѣ ея, къ прежнимъ правиламъ, 1) о содержаніи in statu quo въ Европѣ, ибо всякая война можетъ вызвать произшествія, для него опасныя, 2) объ угнетеніи, гдѣ можно, Славянскаго направленія, которое называетъ она Русскимъ, и объ уступкахъ, гдѣ необходимо, и 3) о тѣсной дружбѣ съ Англіей, присоединяется 4) сближеніе съ Германіей, сближеніе, которое показываетъ, что Австрійцы видятъ теперь яснѣе надъ собою Славянскую тучу. Австрія хочетъ найти себѣ подкрѣпленіе въ Германіи въ случаѣ нужды: посему приготовляетъ общее мнѣніе, и множество статей помѣщаетъ во всѣхъ Германскихъ газетахъ, въ конхъ доказываетъ, что интересы Австріи тѣсно связаны съ интересами Германіи, и суть одни и тѣ же, что владѣніе нижнимъ Дунаемъ есть жизненный вопросъ для Германіи, которая погибнетъ, если тамъ возобладаютъ Русскіе съ ихъ Sperr-gesetze, и что Славяне, вмѣстѣ съ Россією, также опасны всей Германіи вообще, какъ и Австріи въ особенности.

Нѣмцы, наоборотъ, въ чадѣ кабинетной и школьной гордости, отвѣчаютъ, что Австрійцы должны прежде всего развивать у себя Нѣмецкое начало, сообразно съ требованіемъ времени, которое и даетъ первое оружіе для предстоящей борьбы.

О ненависти Австріи къ Россіи, къ сказанному мною въ первомъ

отчетѣ, прибавить ничего не имѣю. Обнаруживается она теперь, въ особенности, въ содѣйствіи Римской церкви неистовствовать противъ уничтоженія Уніи, въ распространеніи между католическими Славянами нелѣпныхъ сочиненій и статей о притѣсненіи католичества въ Россіи, въ возстановленіи духовенства противъ насъ. Далѣе, Австрія старается всѣми силами питать ненависть Поляковъ противъ насъ въ Галиціи, и при всякомъ случаѣ ужасными красками изображаетъ Русское управленіе въ царствѣ Польскомъ, а Русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ на Волини, Подолин и проч. Для распространенія слуховъ есть, кажется, особенные чиновники. Напримеръ, недавно Австрійское правительство распространило слухъ, что Россія увѣдомила оное о замыслахъ Н. относительно Босніи, и совѣтовала Австріи взять его подъ особенный присмотръ.

Перехожу къ Пруссіи. Славянское движеніе въ Прусскихъ владѣніяхъ развивается также очень сильно, даже въ тѣхъ странахъ (что весьма примѣчательно), которые, казалось, совершенно были опѣмечены и позабыты, какъ будто, свое происхожденіе: въ Восточной и Западной Пруссіи, Силезіи, Верхней Лузации, къ коей присоединить должно и Саксонскую. Не говорю о Познани, гдѣ это движеніе имѣетъ совершенно другой характеръ, характеръ Польскій, и имѣетъ связь съ другими обстоятельствами. Пруссію Славянскіе политики считаютъ еще болѣе, чѣмъ прежде, враждебною Россіи. Для Австріи опасна Россія, а для Россіи опасна Пруссія, имѣющая больше силы, духа, образованія.

Въ Пруссіи надо различать королевскую фамилію, правительство и народъ. Народъ вышетъ злобу противъ насъ, въ чемъ я самъ удостовѣрился, и говорю не по однимъ слухамъ. Не вопли Восточной и Западной Пруссіи тому причиною: духъ свободы распространился здѣсь по смерти короля до невѣроятности, и нынѣшній король, многими своими рѣчами, поступками и фразами далъ къ тому поводъ, такъ что теперь принужденъ прибѣгать къ противорѣчіямъ и теряетъ популярность. Пруссаки считаютъ Русское правительство главнымъ препятствіемъ къ осуществленію своихъ плановъ, и опорой короля, въ случаѣ нужды. Вотъ, почему они ненавидятъ Россію; офицеры, молодежь, студенты бредятъ о войнѣ съ Россіей и сочиняютъ уже стратегическіе планы, въ газетахъ провозглашается безпрестанно вредъ отъ союза съ Россіей, печатаютъ каррикатуры и проч.; жур-

налы, особенно Кенигсбергскіе и Рейнскіе, согласно съ прочими Нѣмецкими, твердятъ безпрестанно о возвышеніи Прусскихъ Поляковъ, о дарованіи имъ всякихъ правъ, о покровительствѣ національности: «Ни какой жертвы Пруссаки не должны жалѣть для того, чтобъ возстановить Польшу противъ Россіи»,—вотъ что пишутъ въ газетахъ.

Правительство раздѣляетъ ненависть съ народомъ, и учрежденіе Славянскихъ кафедръ въ университетахъ, Бреславскомъ и Берлинскомъ, отнюдь не имѣетъ цѣлю пользу науки, а противодѣйствіе Россіи. Пруссаки хотятъ именно приготовить у себя людей, знающихъ Славянскіе языки, людей, которые были бы въ состояніи дѣйствовать литературно на Славянъ; и, въ случаѣ войны съ Россіей, могли бы быть употреблены на службу съ пользою; это знаю я документально. Вотъ въ какомъ расположеніи находится правительство къ намъ, такъ, что на нашей сторонѣ остается болѣе или менѣе только королевская фамилія.

Прусское правительство предоставило столько свободы жителямъ Позена (требующимъ теперь даже особаго судопроизводства), что жителю Царства, вполне естественно, завидовать Познанцу, который говоритъ и печатаетъ все, что ему угодно ⁽¹⁾.

Скажу теперь вообще нѣсколько словъ о Пруссіи. Удивительное явленіе представляетъ она въ наше время. Чего недостаетъ ей? Правосудіе, средства для просвѣщенія, личная свобода, свобода книгопечатанія вполне обширная, а она, недовольная, возмущается и не видитъ мѣста успокоенія! Я думалъ прежде, что такъ называемый «духъ времени» не существуетъ, а что это есть выраженіе, придуманное учеными и поэтами. Въ нынѣшнее мое путешествіе, какъ оно ни было кратковременно, я убѣдился совершенно, что духъ времени есть, и что съ нимъ бороться трудно. Столько новыхъ, неизвѣстныхъ прежде отношеній появилось теперь въ Европѣ, что дипломатика и политика скоро должны прійти въ тупикъ на старыхъ дорогахъ и въ обветшалыхъ колеяхъ ⁽²⁾. Легко сражаться и принимать ипръ противъ враговъ явныхъ и знакомыхъ, а теперь выходить на

(1) Теперь обстоятельства перемѣнились, но свойства этой перемѣны нѣтъ возможности описать въ примѣчаніи.

Прим. Ред.

(2) Какъ оправдались эти слова черезъ 8 лѣтъ послѣдствіями 1848 года!

Прим. Ред.

поприще и незнакомые, и невидимые. Узы религиозныя, династическія, узы преданія, ослабли въ Пруссіи. Печать становится болѣе дѣракою день ото дня. Самое университетское ученіе приняло другое направленіе: молодое поколѣніе, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало ихъ по своему, пустилось зря въ политику, и измѣняетъ самую жизнь.

Германія, начиная съ соеѣдней съ Пруссаками Саксоіи, раздѣляетъ ненависть ея къ Россіи, и Лейпцигскія, Дрезденскія и Рейнскія газеты возбуждаютъ самыхъ Пруссаковъ. Сочиненіе о Пентархіи самымъ страннымъ образомъ возбудило добрыхъ Нѣмцевъ противъ насъ: они обидѣлись, что какой-то, ихъ же братъ, фантазеръ, рекомендовалъ имъ покровительство Россіи, и зашумѣли, какъ будто это покровительство было нужно для Россіи, желалось ею, и вся система не была мечтательною и бесполезною. Газетнымъ воплямъ ихъ противъ Россіи нѣтъ предѣловъ. Толкуютъ о страсти къ завоеваніямъ, объ отвращеніи отъ всякаго образованія, о безнравственности низшаго духовенства, о крестьянскомъ рабствѣ, о жестокости съ солдатами и крѣпостными людьми.... «Надо привлекать Славянъ либеральными учрежденіями», совѣтуютъ они тѣмъ правительствомъ, во владѣніи коихъ Славяне находятся.

Что касается до состоянія Германіи, самой въ себѣ, то мнѣ кажется, что она на кануѣ великихъ переменъ, и монархическое правленіе тамъ неминуемо измѣнится, впродолженіе пятидесятилѣтія. Дѣло начнется съ Голштиніи, гдѣ ненависть къ Датчанамъ въ полной силѣ, и, по пресѣченіи династіи въ Давіи, она непременно отдѣлится, и, вѣроятно, въ республиканской формѣ.

За Голштиніей слѣдуетъ Ганноверъ, послѣ близкой смерти престарѣлаго короля, у котораго почти нѣтъ наследника. Пруссія мѣтитъ на Ганноверъ, но жители не расположены къ ней много. Всего вѣроятнѣе, что Ганноверъ захочетъ также республиканской формы, принадлежащей къ духу времени. Мелкія владѣнія Германіи, герцогства, княжества и графства, кои устали, какъ говорятъ они, платить подати на содержаніе своихъ дворовъ, послѣдуютъ ихъ примѣру.

Мысль о какомъ нибудь единствѣ Германіи, республиканскомъ или Прусскомъ, является безпрестанно въ газетахъ, хотя безъ дальнѣйшаго развитія и опредѣленія: журналисты толкуютъ болѣе всего о Пруссіи, и раздуваютъ тамъ огонь, въ надеждѣ, что если тамъ онъ возгорится, то прочіе государи, по необходимости, послѣдуютъ ея

примѣру. Теперь обращается болѣе всего вниманіе на организацію войска и устройство національныхъ гвардій. «Если мы внутри будемъ довольны и согласны, то и внѣ возбудимъ къ себѣ уваженіе, и будемъ въ силахъ бороться съ Романскими и Славянскими народами.»

Цензура въ Германіи, какъ и въ другихъ государствахъ, дѣйствовать никакъ не можетъ и совершенно обветшала: что запретится нынѣ въ одномъ государствѣ, то завтра напечатается въ другомъ или въ Швейцаріи, Франціи, Англии, а напечатанное разольется повсюду, какъ вода. Даже Австрія не можетъ остановить привоза запрещенныхъ книгъ, которыхъ получаетъ больше, чѣмъ дозволенныхъ.

Столько горячаго и горючаго, новаго вещества въ Европѣ, и какія благоприятныя обстоятельства для Россіи, которой предстоитъ открытое поле дѣйствовать на Югѣ и Востокѣ между Славянами, — лишь только не принимай она, говорятъ Славянскіе политики, отверженные къ намъ, непосредственнаго участія въ прочихъ западныхъ дѣлахъ Европейскихъ, и не трать своей силы на чужія дѣла!

Въ Англии я не былъ, но, кажется, можно, и не бывъ тамъ лично, повѣрить и сказать, что ея ненависть къ Россіи не уступитъ Австрійской и Прусской, имѣя, впрочемъ, другой источникъ, другую причину: Востокъ, Азію. Англичане начали дѣйствовать между Славянами и въ прочихъ частяхъ Австрійской Имперіи. Венгерцы, напр., не скрываютъ даже своихъ сношеній съ ними, и прямо говорятъ въ газетахъ, что, въ случаѣ войны съ Россіей, они увѣрены въ Англійской помощи. Англичане начинаютъ, уже съ Польской революціи, смущать Швецію противъ Россіи, и замѣтно ихъ вниманіе къ Остзейскимъ губерніямъ.

Но безпокойства въ Индіи и неудовольствія съ Китаемъ въ Азіи, гроза отъ Ирландіи, вмѣстѣ съ внутренними долгами, нищетою и упадкомъ мануфактурнаго класса, свяжутъ ей руки и помѣшаютъ противодѣйствію Россіи (1).

Остается сказать нѣсколько словъ о Франціи. «Вотъ ваша союзница, союзница естественная, вѣрная, полезная», — восклицаютъ въ одинъ голосъ Славянскіе писатели. «Въ союзѣ съ Франціею, Россія можетъ управлять Европою, и дѣлать, что ей угодно. Столкновения у васъ нѣтъ по положенію, а выгоды общія!» Это начинаютъ чувствовать и во Франціи, которую я проѣхалъ, и является множество

(1) Видно не совсѣмъ помѣшали и жѣщаютъ.

Прим. Ред.

людей во всѣхъ классахъ, которые готовы защищать эту мысль и броситься съ распростертыми объятіями къ Россіи. «Одно препятствіе», говорятъ Славянскіе писатели, — «это—отвращеніе вашего государя отъ нынѣшней династіи, еще болѣе отъ Французскаго дуза (1). Но въ этомъ случаѣ, будьте толерантны и смотрите на выгоды болѣе существенныя. Франція съ своимъ духомъ будетъ дѣйствовать такъ на народы, ей единоплеменные, у которыхъ, впрочемъ, тотъ же духъ, на народы Романскіе—Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Бельгійцевъ. Франція есть ихъ представительница. А вы господствуйте на Востокъ Европы. Нѣмцы, какъ стѣна, будутъ отдѣлять Западъ отъ Востока, а Англичане утихнутъ!» Это любимая мысль Славянскихъ политиковъ, и они увѣрены, что она рано или поздно исполнится. «Россія и Франція—ничто противостоятъ имъ не можетъ. Лучше ладить и имѣть дѣло съ однимъ государствомъ, чѣмъ съ десятью, и ухищряться до усталости. Вы несогласны между собою въ принципахъ, но они не мѣшаютъ одни другимъ, потому что у нихъ по особому поприщу, и негдѣ имъ столкнуться. Въ семействѣ одинъ сынъ можетъ любить военную службу, а другой гражданскую, и разность во вкусахъ не уничтожаетъ ихъ любви. Главное въ политикѣ — польза, а союзъ съ Франціею полезенъ для Россіи, такъ какъ союзъ Россіи полезенъ для Франціи. Съ Англіей, не можетъ сойтиться Франція, и не сойдется никогда, не смотря ни на какія усилія, потому что всегда между ними кость, точно такъ Россія не сойдется съ Англіей, Австрія съ Франціей, имѣя яблокомъ между собою Италію. Однимъ словомъ, ни одно государство не можетъ найти союзника надежнѣе для себя, какъ Россія и Франція.»

Между Славянами ходитъ теперь также слухъ о двухъ обширныхъ планахъ, принадлежащихъ преимущественно Англичанамъ и Французамъ, которые теперь не опредѣлились еще вполне, но уже въ слѣпую ходю, и на которые Россія, по ихъ мнѣнію, не должна смотрѣть равнодушно.

Общее Славянское движеніе обратило на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ. Они начали посылать агентовъ, которые должны были заниматься Славянскими странами и изслѣдовать причину и цѣль движенія. Болгарія, Сербія, Македонія, Молдавія, Валахія, всякій годъ, имѣли у себя путешественниковъ, которые увидѣли общую привер-

(1) Читатели не забудутъ, что это писано въ 1840 году. *Прим. Ред.*

женность Славянъ къ Россіи, и испугались мнимой опасности, грозящей Европѣ, если бы Русскій колоссъ, и безъ того могущественный и страшный, присоединилъ къ себѣ еще тридцать милліоновъ Славянъ, алчущихъ и жаждущихъ соединенія! Естественно представилась задача, какъ прекратить зло, а остаться въ прежнемъ положеніи Славянамъ нельзя, т. е. Австрія переменить свою систему и удовлетворить ихъ не можетъ, ибо съ перемѣною системы перестала бы она быть Австріей. Турція—еще менѣе. Что же дѣлать? Удовлетворить Славянъ, независимо отъ Австріи, Турціи и Россіи, образовать изъ Славянъ новое государство, которое стояло бы противъ Россіи, какъ другая Польша.

Гдѣ же средоточіе этого государства? На Югостокѣ, во владѣніяхъ Турецкихъ. Политическіе агенты начали уже дѣйствовать исподоволь, устрашать Славянъ Россіей и распространять мысль о самостоятельности и независимости, которая нашла многихъ приверженцевъ между Славянами. Съ этою цѣлю, много Сербовъ и даже Болгаръ воспитывается въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Къ счастью, что ни Англичане, ни Французы, точно какъ Австрійцы, никакъ не могутъ выучиться по-Славянски, и потому, никакъ не могутъ дѣйствовать вполне.

Англичане и Французы думаютъ также о независимости Богеміи или Венгріи, какъ новой Польши для Россіи, можетъ быть и въ соединеніи съ старою. Этотъ планъ найдетъ, разуйтется, прежде всего сильное сопротивленіе Австріи. Нѣмецкія газеты толкуютъ о необходимости покровительствовать Славянамъ и привлекать къ себѣ либеральными учрежденіями въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они находятся, т. е. Австріи, Пруссіи, чтобъ не допускать до сближенія съ Россіей. Какъ бы ни были еще темны эти мысли, но наши друзья, знающіе дѣло, совѣтуютъ вообще обращать теперь преимущественное вниманіе на Сербію, не только для того, чтобы противодѣйствовать замысламъ враговъ, но и для того, чтобъ имѣть, на всякій случай, важную точку отправленія и дѣйствовать на Австрію и Турцію. На Турцію, чрезъ сосѣдство съ единоплеменною, единовѣрною и почти одноязычною Болгарією и Боснією, которая всегда могутъ возстать и доставить сколько угодно войска, продовольствія, —нечего и говорить о мѣстныхъ свѣдѣніяхъ. На Австрію—потому, что въ Австріи слишкомъ три милліона такихъ же Сербовъ, живущихъ вплоть до Адриатическаго моря, гдѣ готовы подать намъ руку Черногорцы.

Если Русское правительство не имѣетъ этого плана теперь, пусть оно дѣйствуетъ, посредственно, на образованіе Сербіи, Болгаріи и проч., своими совѣтами, чрезъ Бѣлградскаго, Яскаго и Бухарестскаго консуловъ, своими пособіями, притѣромъ и заступленіемъ при дворѣ Константинопольскомъ. Надо устроить училища, учреждать суды, обучать полки. На всякій случай, никогда не мѣшаетъ имѣть друзей, гдѣ бы то ни было. По крайней мѣрѣ, надо стараться, чтобъ Западный духъ, Французское и Нѣмецкое воспитаніе, Римская церковь, не пускали тамъ корней, а они пускаютъ, хотя менѣе, чѣмъ въ Греціи.

О послѣдней революціи въ Сербіи вотъ собранныя мною свѣдѣнія:

1) Сербы погрязли въ интригахъ, и имѣютъ нужду въ нравственномъ возрожденіи еще болѣе, чѣмъ въ политическомъ; 2) въ партіи Вучича и Петроніевича есть, впрочемъ, болѣе людей благонамѣренныхъ и дѣльныхъ, чѣмъ между приверженцами Обреновичей. Впрочемъ, Сербамъ мудрено вѣрить, потому что они часто мѣняютъ свои расположенія, смотря по личнымъ своимъ страстямъ. 3) Обреновичи, особенно Милошъ, тѣснѣе связаны съ Австріей и болѣе привержены ей, чѣмъ Россіи ⁽¹⁾; 4) между Славянами было сначала болѣе симпатіи къ партіи Вучича и Петроніевича, чѣмъ къ Обреновичамъ; 5) Русское правительство дѣйствуетъ въ Сербіи слишкомъ мало, отвлеченно, и обращаетъ мало вниманія на новыя обстоятельства, замыслы и дѣйствія Англичанъ и Французовъ.

Эта послѣдняя жалоба относится и ко всемъ Славянамъ вообще, между которыми замѣчается охлажденіе повсюду. Друзья наши говорятъ, что мы осторожность свою простираемъ слишкомъ далеко, и подаемъ поводъ врагамъ дѣйствовать противъ насъ, предлагъ обвинять насъ въ эгоизмѣ, чѣмъ и содѣйствуется исполненіе ихъ отдаленныхъ плановъ. Несчастные страдальцы готовы принять руку помощи отъ кого бы то ни было, и отъ чужихъ, когда родные отказываются, тѣмъ болѣе, что чужіе дѣйствуютъ ревностно и употребляютъ средства обольщенія самыя дѣйствительныя, а родные не дѣлаютъ ничего и тамъ, гдѣ могутъ, не нарушая даже приличія. Въ такомъ случаѣ, приверженность можетъ обратиться въ ненависть. Нельзя поручиться, чтобъ это не произошло даже скоро, при нынѣшнемъ

(1) Такъ думали всѣ лѣтъ 17 тому назадъ. Теперь многое намѣнилось.

быстромъ ходѣ дѣлъ, если Россія не начнетъ обнаруживать своего расположенія къ Славянамъ, не будетъ подавать помощи, имъ нужной, не приметъ подъ свое дѣятельное покровительство, по крайней мѣрѣ, Славянскую церковь въ Турціи.

Если Англичане и Пруссаки могутъ учредить протестантское епископство въ Иерусалимѣ, если папа посылаетъ миссіонеровъ предъ лицомъ всей Европы, если католики дѣйствуютъ явно въ Греціи, то кто же можетъ запретить Россіи дѣйствовать въ пользу своей родственной церкви въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ, гдѣ она находится на крайней степени униженія и страданія, гдѣ священникъ на престолѣ, подлѣ чаши съ кровію Господней, кладетъ пару пистолеговъ? Но послушаются ли Греки, угнетающіе Славянскій языкъ въ богослуженіи болѣе, чѣмъ Австрійцы и Турки, одного слова Россіи? А Россія не произноситъ этого слова, говорятъ Славяне, и слѣдовательно, не думаетъ объ нихъ, а еще менѣе объ насъ, которые стоимъ дальше, и различіе по языку и исповѣданію. Какъ же намъ надѣяться на нее, и не лучше ли ждать спасенія отъ Запада, чѣмъ отъ Востока? Столько же необходимо—говорятъ приверженцы нами — и покровительство Польской литературѣ. Наши враги стараются теперь внушить Славянамъ, дорожащимъ болѣе всего своею національностью, вслѣдствіе притѣсненія Австріи и Турціи, что они не могутъ надѣяться лучшей участи отъ Россіи, судя по тому, какъ она мало заботится о національности. Повторяю мысль мою, при отчетѣ 1839 года: національности никакою уничтожить нельзя, напротивъ сила ея увеличивается по мѣрѣ покушеній противъ оной, и она, кромѣ вреда, ничего принести не можетъ.

Въ отчетѣ 1839 года я представилъ в. в. п. обзоріе, что можно сдѣлать въ пользу Славянскихъ партій и ихъ представителей. Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимою, если Россія не рѣшилась оставить Славянъ совершенно на произволъ судьбы и Европейскихъ интересовъ. Большую часть этой помощи можно дѣлать публично, отъ имени Россійской академіи и историческихъ обществъ. Мы даемъ денегъ Сильвестру напечатать Реймское Евангеліе, въ Парижѣ, содѣйствуемъ печатанію Русскія древности въ Копенгагенѣ; какую же политическую неудобность имѣетъ задача написать исторію Славянскихъ государствъ, или сочинить лексиконъ того или другаго нарѣчія, грамматику? Однимъ словомъ, литературное публичное посяганіе не можетъ произвести никакого волненія въ Европейскихъ

кабинетахъ. И о какой суммѣ идетъ здѣсь рѣчь? Отъ 10 до 25 тысячъ асв. ежегодно для всего Славянскаго міра. Это такая бездѣлица, которую частные люди могли бы пожертвовать, если бы у насъ было болѣе общаго образованія.

«Россія дѣйствовала очень безкорыстно, начиная съ 1812 года», говорятъ Славяне, «но кто же вѣрить ея умѣренности, кто благодарить ее? Рѣшительно никто. Какую же пользу приноситъ она, а между нами, вы терпите.»

Обращу вниманіе в. в. п. вотъ еще на что: между молодыми нашими людьми, особенно университетскими, распространяется расположеніе къ Славянамъ, и они начинаютъ въ путешествіяхъ своихъ заѣзжать въ Славянскія страны. Растолковать имъ всѣмъ, какъ они должны вести себя тамъ, нѣтъ возможности, и они очень легко могутъ изъ любопытства пуститься въ разговоръ съ Славянами объ ихъ состояніи, между которыми также не много скромныхъ, благо-разумныхъ и умѣренныхъ Шафариковъ. Австрійскіе шпионы видятъ вездѣ интриги, — смущаются, сердятся. Слѣдовательно, лучше дѣйствовать прямо и гласно, и показывать въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ (которыя необходимы, ибо молчаніе наше слишкомъ подозрительно), что мы, по обязанности, принимаемъ только ученое участіе въ Славянахъ, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ....

ЧТО МОЖЕТЪ СПОСОБСТВОВАТЬ УСПѢХУ НАУКЪ

ВЪ РОССІИ (¹).

II.

Разсужденія все равно что совѣты: практическую ихъ пользу всякій день видимъ на опытѣ. И благоразумный совѣтъ иногда бываетъ безполезенъ, потому что противорѣчія не такъ легко примиряются въ жизни, какъ въ теоріи. Имѣя въ виду эту истину, мы сочли излишнимъ распространяться на словахъ о томъ, рѣшеніе чего зависить отъ опыта и времени, и въ статьѣ нашей: «Что можетъ способствовать успѣху наукъ въ Россіи», помѣщенной во II к. Р. Б. 1858 г., ограничились только указаніемъ существенныхъ сторонъ вопроса. По этому замѣчаніе редакціи, что положенія нашей статьи не довольно развиты, совершенно справедливо. Если не для успѣха дѣла, то для поясненія нашихъ о немъ понятій, мы вновь обращаемся къ предложенному нами вопросу, и, не касаясь прочихъ его сторонъ, ограничимся на этотъ разъ нѣсколькими замѣчаніями объ административномъ порядкѣ и о преподаваніи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ нашей учебной администраціи нельзя не видѣть въ настоящее время какой-то борьбы началъ, свойственной всякому переходному состоянію, когда старое измѣняется, а новое еще не возникло и не опредѣлилось.

Всѣми признается законнымъ желаніе нѣкоторыхъ перемѣнъ къ лучшему, и между тѣмъ весь прежній административный порядокъ остается во всей силѣ. Противорѣчіе между стремленіемъ и дѣйствительностію рождаетъ неопредѣленность и неувѣренность, имѣющія замѣтное вліяніе на состояніе учебной части. Гдѣ, сообразно требо-

(¹) См. II томъ Р. Бес. 1838 г.

ваніямъ времени, допускаются нѣкоторыя перемѣны, тамъ перемѣны эти производятся будто украдкою, посредствомъ толкованій и подъ страхомъ ответственности; гдѣ во всемъ придерживаются стараго порядка, тамъ требованія этого порядка исполняются безъ всякаго убѣжденія въ ихъ пользу, какъ одна формальность. Такому состоянію можетъ положить конецъ только одно: ясное указаніе всѣхъ измѣненій, которыя въ настоящее время могутъ быть признаны полезными. На опытѣ дознано, что въ нашемъ административномъ мірѣ самыя благія намѣренія, передаваемые на словахъ, остаются безъ всякихъ послѣдствій, тогда какъ и умѣренное требованіе въ пользу успѣха, выраженное легально, имѣетъ, особенно въ ученомъ кругу, замѣтное вліяніе. Здѣсь только одно условіе—своевременность. Иныя благотельныя мѣры не приносятъ всей желанной пользы, потому что обстоятельства, вызвавшія ихъ, измѣнились.

Начала учебной администраціи должны быть согласны съ началами порядка гражданскаго: духъ жизни долженъ быть и духъ школы; тѣмъ не менѣе въ учебной администраціи необходимо допустить гораздо болѣе личной свободы въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, нежели во всякой другой отрасли управленія. Плохой солдатъ, который разсуждаетъ, когда надо исполнять; плохой учитель, который исполняетъ буквально, безъ разсужденія. Свобода мнѣнія и совѣсти первое условіе успѣха въ дѣлѣ воспитанія. По-уставу, наши учебныя заведенія подчинены коллегіальному порядку управленія, какъ наиболѣе сообразному съ требованіями воспитанія. Но примѣры и вліяніе опыта убѣдительное словъ, и на дѣлѣ управленіе училищъ почти вездѣ зависитъ отъ власти одного мѣстнаго начальника учебнаго заведенія. Съ перемѣною начальника, измѣняются виды и начала управленія. Что еще вчера признавалось полезнымъ, то сегодня считается вреднымъ. Отъ этого на службѣ вездѣ господствуетъ убѣжденіе въ силѣ начальника, и рѣдко, гдѣ есть вѣра въ службу, въ общее благо; отъ этого на служебной сценѣ такъ много встрѣчается искателей и интригантовъ, которые, льстя вкусамъ начальника, почти всегда овладѣваютъ его довѣріемъ и, разумѣется, пользуются имъ не для общаго блага. Обаяніе власти велико. Самый благонамѣренный начальникъ можетъ войти во вкусъ безмолвнаго повиновенія, можетъ раздражаться, если члены совѣта не довольно сочувствуютъ всѣмъ его стремленіямъ и не безусловно соглашаются съ его мнѣніемъ. Какое же значеніе педагогическіе совѣты имѣютъ тамъ, гдѣ мѣстный на-

чальникъ учебнаго заведенія искренно убѣжденъ въ томъ, что совѣты учреждены только для подписыванія мѣсячныхъ вѣдомостей, кассовыхъ книгъ и годовыхъ отчетовъ. Какъ неприяты такимъ начальникамъ всякія педагогическія собранія, можно заключить изъ словъ одного изъ нихъ, сказанныхъ, при сдачѣ должности, своему преемнику, въ видѣ основнаго правила управления: «собирайте педагогическіе совѣты такъ, чтобы между однимъ собраніемъ и другимъ можно было съѣздить въ Петербургъ и назадъ возвратиться.» Это означало — собирайте, какъ можно рѣже.

Какъ ни велика въ сущности власть мѣстныхъ начальниковъ, однако каждый изъ нихъ не можетъ не помнить, что есть законъ — этотъ Дамокловъ мечъ. Въ настоящемъ случаѣ страшень, впрочемъ, не самый мечъ, а скорѣе ножны, въ которыхъ онъ хранится, то есть страшна канцелярія центральнаго управленія, ведущая точный счетъ всѣмъ постановленіямъ, изъ которыхъ и одного достаточно, чтобы смертнаго уличить въ его слабости. Такъ какъ канцелярія, во всякое время, на законномъ основаніи, можетъ напомнить каждому: *memento mori*, то каждый, что бы ни дѣлалъ и къ чему бы онъ стремился, прежде всего старается оградить себя соблюденіемъ формальности. Ничто же такъ не мертвитъ учебной части, какъ духъ формализма.

Чтобы внушить довѣріе къ службѣ и пробудить стремленіе къ общему благу, необходимо ограничить произволъ не однимъ канцелярскимъ умѣніемъ толковать законы, но влияніемъ на управленіе педагогическихъ совѣтовъ училищъ. До какой степени бываютъ наивны понятія иныхъ начальниковъ о значеніи педагогическихъ совѣтовъ, и какъ упорно они держатся этихъ понятій, — можетъ показать слѣдующій случай, за достовѣрность котораго не ручаюсь, но о которомъ можно сказать: *si pop e vero, e ben trovato*. Начальникъ одного учебнаго заведенія, получивъ предписаніе собирать педагогическіе совѣты для обсужденія вопросовъ, относящихся къ воспитанію, тотъ часъ собралъ всѣхъ членовъ совѣта, прочиталъ имъ полученное предписаніе, но, въ поясненіе его, прибавилъ, что начальство, приглашая педагогическіе совѣты къ дѣятельному участію въ обсужденіи мѣръ воспитанія, надѣется, что въ этомъ случаѣ обижитъ мыслей и замѣчаній будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ одно общее благо, а не возбужденіе личныхъ интересовъ и страстей. По этому онъ, какъ предсѣдатель совѣта, во избѣжаніе всего, съ чѣмъ можетъ быть

сопряженъ личный интересъ членовъ совѣта, предлагаетъ имъ на этотъ разъ заняться чтеніемъ послѣдней книжки Журнала для Воспитанія и обсужденіемъ помѣщенной въ ней статьи «О воспитаніи въ Англіи.» При чемъ долгомъ считаетъ прибавить, что и впредь онъ будетъ стараться, чтобы предметы разсужденій совѣтскихъ были не менѣе чужды всякихъ личностей.

Пока однако отъ мѣстнаго начальника учебнаго заведенія будутъ зависѣть награды, отличія, казенныя квартиры, пансіонеры, частныя уроки и другія матеріальныя и нематеріальныя блага, до тѣхъ поръ педагогическіе совѣты будутъ оставаться безъ всякаго существеннаго значенія.

При настоящемъ порядкѣ училищнаго управленія, власть мѣстнаго начальника учебнаго заведенія ограничивается въ сущности не совѣтомъ, но властью особаго должностнаго лица, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлять съ главнымъ мѣстнымъ начальникомъ труды надзора и управленія. Въ гимназіяхъ, напримѣръ, такое лицо — инспекторъ. При раздѣлѣ власти, смотря по личному характеру директора и инспектора, львиная часть въ однихъ заведеніяхъ достается одному, въ другихъ—другому. Во всякомъ однако случаѣ положеніе инспектора бываетъ иногда похоже на положеніе евунтскаго соціуса. По своимъ прямымъ обязанностямъ, находясь въ болѣе близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ учителями, учениками, ихъ родителями, съ содержателями ученическихъ квартиръ, инспекторъ имѣетъ большое вліяніе на заведеніе. Къ сожалѣнію, иногда инспекторъ не только не пользуется этимъ вліяніемъ, чтобы предупреждать случаи, ведущіе въ учебномъ мірѣ къ раздору и несогласію; но напротивъ, изъ-подъ-тишка самъ умножаетъ число такихъ случаевъ, чтобы поставить директора въ затрудненіе и, если можно, уронить его авторитетъ. Мы ни чуть не хотимъ сказать, что такія отношенія инспектора къ директору вытекаютъ изъ ихъ взаимнаго служебнаго положенія. Напротивъ, ничто не мѣшаетъ имъ обоемъ дружно стремиться къ общей цѣли — благу заведенія. Но когда замѣшаются страсти, тогда инспекторъ и директоръ дѣлаются естественными врагами. Явная или тайная вражда между этими лицами разстроиваетъ все заведеніе: образуются партіи, возникаютъ интриги, рождается взаимное недовѣріе. Вмѣсто раздвоенія одной и той же власти въ лицѣ инспектора и директора, быть можетъ по-

лезнѣе было бы возложить инспекторскія обязанности на членовъ совѣта.

Наконецъ, въ самомъ способѣ назначенія и перемѣщенія учителей могутъ быть допущены нѣкоторыя перемѣны. Разумѣется, если и воспитаніемъ, и воспитателями, распорядиться, какъ казенною собственностью, — то связь между учителемъ и обществомъ ни чѣмъ не будетъ обезпечена, то напрасно и говорить о самодѣятельности училищъ.

Не для всѣхъ однако нашихъ учебныхъ округовъ могутъ быть въ равной мѣрѣ полезны одни и тѣ же измѣненія. Въ различныхъ округахъ различны и степень просвѣщенія общества, и степень участія, которое оно принимаетъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Есть мѣста, въ которыхъ просвѣщеніе не составляетъ еще общественной потребности, въ которыхъ населеніе равнодушно, быть можетъ, смотрѣло бы на самое закрытіе всѣхъ училищъ: тамъ вполне благотворна непосредственная забота правительства о благосостояніи училищъ, тамъ и самое коллегіальное управленіе не составляетъ необходимости. Стремленія начальника учебнаго заведенія, какъ представителя видовъ правительства, бываютъ не рѣдко выше стремленій учителей, которые невольно примыкаютъ къ средѣ ихъ окружающей и подчиняются ея вліянію. Если педагогическіе совѣты и не сохранили власти, предоставленной имъ по уставу, то потому, что не умѣли ею пользоваться и способны были употребить ее во зло. Но гдѣ просвѣщеніе сдѣлалось необходимѣмъ требованіемъ самой жизни, тамъ ограниченіе самодѣятельности общества и училищъ, въ нѣтъ взаимной естественной связи, охлаждаетъ участіе, принимаемое обществомъ въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, рождаетъ превратныя понятія о воспитаніи на казенный счетъ и влечетъ за собою другія неудобства.

Одна изъ труднѣйшихъ задачъ воспитанія — умѣть назначить питомцу кругъ дѣятельности, сообразный съ его силами и личнымъ развитіемъ.

Распространеніе грамотности и элементарныхъ знаній въ массѣ народа не составляетъ еще успѣха наукъ, и не всегда служитъ доказательствомъ высшаго теоретическаго развитія общества. Китайцы въ извѣстномъ смыслѣ нація очень образованная, а между тѣмъ кругъ теоретической дѣятельности Китайцевъ очень ограниченъ. Мы говоримъ здѣсь объ условіяхъ успѣха наукъ; потому обратимъ вни-

маніе на ученіе только въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ которыхъ составляетъ основаніе народнаго воспитанія, именно на преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Одно изчисленіе предметовъ, входящихъ въ составъ гимназическаго курса, показываетъ, что плодомъ этаго курса можетъ быть скорѣе масса разнообразныхъ свѣдѣній, нежели теоретическое развитіе въ извѣстномъ духѣ и направленіи. Трудно представить, какими образомъ математика, исторія, естественныя науки, закоповѣдніе, филологія, могутъ составить одинъ связанный курсъ ученія, направленный къ одной теоретической цѣли. При такомъ составѣ курса, очень естественна забота учебнаго начальства болѣе о годности отдѣльныхъ свѣдѣній, нежели о системѣ. Вслѣдствіе тѣхъ же требованій самой программы ученія, наставники болѣе всего заботятся о полнотѣ изложенія. Что же выносить ученикъ изъ гимназіи, гдѣ ему преподается столько различныхъ предметовъ, гдѣ всѣ усилія обращены на то, чтобы сообщаемыя свѣдѣнія отличались полнотою и современностью? Выносить онъ грамотность и нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній. Явленіе это не есть слѣдствіе одной обширности гимназическаго курса; оно происходитъ и отъ внутренней безсвязности въ содержаніи многихъ отдѣльныхъ предметовъ, такъ какъ въ преподаваніи мало обращается вниманія на ту умственную пищу, которая заключается въ стройномъ изложеніи данныхъ науки, въ системѣ. Въ этомъ отношеніи защитники старины справедливо могутъ сказать, что въ одной латинской грамматикѣ болѣе системы и послѣдовательности, нежели во всемъ томъ, что преподается ученику въ извѣстномъ классѣ гимназіи.

Давно уже философія не читается въ нашихъ университетахъ, и философское образованіе чуждо молодому поколѣнію учителей. Положимъ, не важны были свѣдѣнія, которыя передавались слушателямъ съ философскихъ кафедръ, но безъ всякаго сомнѣнія важно вліяніе философскихъ наукъ на пріобрѣтеніе умственнаго навыка искать въ явленіяхъ внутренней связи и подчинять частности одному общему началу. Требованіе системы необходимо; по этому всякій учитель старается излагать свой предметъ въ извѣстной связи. Многіе однако въ этомъ случаѣ имѣютъ въ виду одну внѣшнюю связь явленій и ихъ часто случайныя отношенія. Такъ напримѣръ, три учителя географіи (впрочемъ не учителя гимназіи) приводили слѣдующія доказательства въ оправданіе принятаго каждымъ изъ нихъ порядка преподаванія. Одинъ

учитель начиналъ преподаваніе географіи съ Азіи на томъ основаніи, что Азія больше всѣхъ остальныхъ частей свѣта; другой—начиналъ съ Европы, потому что, по его мнѣнію, названія Европейскихъ горъ, городовъ, рѣкъ, легче удерживаются въ памяти дѣтей, нежели названія горъ, городовъ и рѣкъ другихъ частей свѣта; третій—начиналъ съ Африки, потому что географія Африки кратче географіи Европы и Азіи. Разумѣется, знаніе предмета заключается въ ученіи достовѣрствѣ передаваемыхъ свѣдѣній, независимо отъ порядка, въ какомъ эти свѣдѣнія передаются; но полагаемъ, что и порядокъ изложенія, система, независимо отъ полноты и точности свѣдѣній, тоже имѣютъ вліяніе на развитіе учащихся. Пожалуй, можно географію соединить съ зоологіею, потому что въ обѣихъ говорится о животныхъ, можно всѣ науки совмѣстить въ одномъ учебникѣ, такъ какъ предметъ всѣхъ наукъ одинъ и тотъ же—міръ Божій; но такого рода системы, основанныя на вѣдѣніяхъ и случайныхъ отношеніяхъ предметовъ, приучаютъ къ поверхностному взгляду на предметы.

Особенно ощутителенъ недостатокъ философскаго образованія въ наукахъ, которыя, по самому своему содержанію, имѣютъ связь съ философіею. Въ курсахъ словесности, напримѣръ, встрѣчаемъ ученіе о сужденіяхъ, умозаключеніяхъ, анализѣ, синтезѣ, обнаруживающее очень поверхностное знаніе логики. Всякій говоритъ объ этихъ предметахъ по своему, какъ будто бы они, наравнѣ съ трактатами о лирѣ, эпосѣ и драмѣ, составляли предметъ личныхъ убѣжденій и вкуса каждаго.

Къ несчастію, современная наша литература своими нападками на систему и умозрѣнія, своими наставленіями изучать явленія въ ихъ особенности, съ своей стороны ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ ведетъ и исключеніе философій изъ круга университетскихъ наукъ. Справедливо сказано: *les hommes ont beau être meilleurs que les lois. Les lois sont dans l'ordre politique la fatalité des anciens rien ne prévaut contre les lois.* Трудно быть на сторонѣ теорій и философій тому, кто самъ не получилъ философскаго образованія. Но, имѣя возможность пользоваться плодами теорій, хорошо намъ говорить: теорія пустая схоластика; пусть себѣ ломаютъ голову другіе, наше дѣло брать готовое въ его особенности. Это тоже своего рода національность въ наукѣ. Представимъ однако, что вдругъ какая нибудь Китайская стѣна отделила насъ отъ остальной Европы. Тогда, съ нашимъ запасомъ теоретическаго развитія, а главное съ нашею

любовію къ отвлеченнымъ занятіямъ, вѣроятно, не расширили предѣловъ науки. За то, занявшись на досугѣ изученіемъ нѣкоторыхъ специальностей, въ нихъ особенности, безъ сомнѣнія, можемъ довести ихъ до той степени неподражаемаго совершенства, до которой довели свои специальности и Китайцы. Справедливо, что въ наше время сами Нѣмцы вооружились противъ спекулятивныхъ утонченностей въ наукѣ. Но они вооружились противъ вредной исключительности и избытка; мы вооружаемся противъ того, въ чемъ болѣе всего нуждаются у насъ наука и воспитаніе—противъ теоріи. Теорія не Нѣмецкая выдумка, а естественное требованіе разума. Мы тогда только можемъ назвать и опредѣлять извѣстное недѣлимое, когда знаемъ его родъ, когда въ умѣ нашемъ есть общее, отвлеченное представленіе, въ которомъ узнаемъ данное недѣлимое. Предметовъ, для которыхъ у насъ нѣтъ идеальнаго образца, мы не умѣемъ назвать. Только въ идеальномъ узнаемъ реальное, и приложеніе идеальнаго міра понятій къ реальному міру явленій составляетъ одно изъ условій знанія. Какимъ же образомъ отказаться отъ того въ наукѣ, что составляетъ естественный законъ познанія? Но съ другой стороны справедливо и то, что понятія не врождены намъ, а образуются въ умѣ нашемъ чрезъ наблюденіе отдѣльныхъ явленій, что, по этому, условіе годности общаго, въ его приложеніи къ частному, заключается въ образованіи общаго по дѣйствительнымъ признакамъ частнаго. Теорія, основанная на воображаемыхъ свойствахъ и отношеніяхъ предметовъ, ведетъ къ заключеніямъ ложнымъ и обращается въ бесполезную отвлеченность. Можно вооружаться противъ злоупотребленія теоріи, но нельзя отвергать необходимости теоріи.

Каждый народъ имѣетъ свои особенности, не только характера, но и ума; по этому выраженіе національности возможно не только въ жизни, но и въ направленіи умственнаго развитія. Если мы не отличаемся склонностью къ отвлеченнымъ занятіямъ, или не любимъ смотрѣть на природу подъ вліяніемъ искусственныхъ теорій; то въ этого еще не слѣдуетъ, что въ наукѣ мы должны отказаться отъ всякой теоріи и ограничиться изученіемъ явленій. Напротивъ, отсутствіе стремленія къ теоретическому развитію составляетъ главный и существенный недостатокъ въ современномъ направленіи нашего публичнаго ученія. Дѣятельность умственная есть дѣятельность органическая: никакія внѣшнія средства не могутъ замѣнить въ дѣлѣ знанія—силы внутреннего усвоенія. По этому всѣ внѣшнія пособія,

облегчающія дѣло памяти и пониманія, и всё на нихъ основанныя методы ученія бесполезны, если вѣсть съ тѣмъ не будетъ возбуждена и внутренняя самодѣятельность мысли.

Съ народнымъ воспитаніемъ тѣсно связаны развитіе и самая судьба народа; по этому программа народнаго воспитанія представляетъ вопросъ особенной важности. Это своего рода законоположеніе, въ которомъ и выборъ предметовъ, и методы преподаванія, и объемы его, должны быть подчинены одной общей идѣе и вести къ одной цѣли. Полагаемъ, что, при составленіи программы народнаго воспитанія, богатство и разнообразіе свѣдѣній составляютъ предметъ второстепенной важности, главное же заключается въ развитіи умственныхъ силъ и въ направленіи умственной дѣятельности.

Безъ сомнѣнія, намъ не время начинать учиться и мѣнять способы ученія, когда необходимость заставляетъ насъ многое умѣть, чтобы не отстать отъ другихъ. Быть можетъ, и нынѣшняя программа нашего ученія не иное что, какъ выраженіе той же неизбѣжной необходимости, подъ вліяніемъ коей развивается наша жизнь и воспитаніе. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что богатство свѣдѣній, безъ теоретическаго развитія, дѣлаетъ воспитаніе слишкомъ одностороннимъ; и пока духъ теоріи не проникнетъ въ нашу школу, до тѣхъ поръ духъ творчества и изобрѣтательности будетъ чуждъ нашему умственному развитію, до тѣхъ поръ и явленіе науки на жизнь будетъ поверхностно. Отсутствіе философскаго развитія въ школѣ выражается въ обществѣ равнодушіемъ къ теоретическимъ интересамъ духа и можетъ повести къ легкомыслію—матеріализму и другимъ слѣдствіямъ, которыя во сто кратъ хуже всѣхъ слѣдствій, приписываемыхъ философіи. Если умъ и способенъ заблуждаться, за то одинъ только умъ можетъ быть и достойнымъ защитникомъ истины.

Въ первой статьѣ нашей мы сказали, что школа наша до сихъ поръ не можетъ выйти изъ закодированнаго круга отвлеченностей; теперь же говоримъ, что главный недостатокъ нашей школы заключается именно въ отсутствіи теоретическаго развитія. Но говоря это, мы не противорѣчимъ себѣ; потому что схоластика, въ разныхъ видахъ являющаяся въ ученіи нашей школы, не есть выраженіе извѣстнаго теоретическаго направленія, а неизбѣжная въ наукѣ дань теоріи, дань, которою мы замѣняемъ отсутствіе самобытнаго теоретическаго развитія. Подсмѣиваемся мы надъ теоріею очень остро, говоримъ о необходимости изучать жизнь въ ея явленіяхъ очень

дѣльно; но когда придется, для объясненія этихъ явленій, предложить и теорію, тогда или обращаемся къ старымъ знакомымъ, и передѣлываемъ старое на новый ладъ, или заимствуемъ изъ новыхъ и современныхъ источниковъ, и прилагаемъ чужое къ своему.

Дѣйствительно, наука не должна выходить изъ круга опыта и наблюденія; но опытъ и наблюденіе въ свою очередь должны быть озарены свѣтомъ теоріи, основанной на дѣйствительности. Такая теорія столь же чужда схоластическимъ отвлеченностямъ, какъ и материализма. Она не подчиняетъ природы искусственнымъ логическимъ построеніямъ, и признаетъ міръ чувства нравственнаго столь же реальнымъ, какъ и міръ чувствъ физическихъ.

М. Т.

БОСНІЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Письма къ А. С. Хомякову.)

Х.

ПРИЗРЕНЪ.

Народная цѣсь называетъ Призренъ Сербскимъ *Цареградомъ*. Это названіе не есть случайная гипербола какого нибудь пѣвца-гуслеяра. Призренъ не былъ столицей Сербскою, пока Сербскій народъ жилъ исключительно въ своей собственной тѣсной сферѣ: онъ сдѣлался столицей въ то время, когда Сербы, подъ сильною рукою преемниковъ Немани, захотѣли перешагнуть чрезъ свои предѣлы и соединить подъ своею властію всѣ земли Задунайскаго полуострова; когда расширившееся королевство Сербское стало принимать характеръ обновляемой, полу-славянской и полу-греческой Византійской имперіи. Въ эту завоевательную эпоху Неманичи не могли найти лучшаго средоточія для своей пространной державы, чѣмъ Призренъ. Онъ лежитъ еще на Сербской землѣ, но на самомъ краю ея, у подножія огромнаго хребта, остановившаго движеніе Сербскаго племени на югъ и служащаго гранію между нимъ и племенемъ Болгарскимъ, которое обошло этотъ хребетъ съ юго-востока и заняло Македонію и восточную часть Албаніи. Въ Призренѣ сходятся дороги, ведущія на западъ, по ущелію Дрины, къ городу Скадру (Скутари) и къ Адриатическому морю, и на востокъ къ ущелію Качанику, за которымъ открываются поля Македоніи; на сѣверъ разстилаются передъ нимъ равнины Подринья, Метохиі и Косова поля, гдѣ соединяются дороги въ Боснію, въ собственную Сер-

бію и въ западную часть Болгаріи. Наконецъ *градъ* Призренскій, построенный на неприступной скалѣ, на отрогѣ Шаръ-дага, господствуетъ надъ узкимъ ущельемъ рѣчки Быстрицы, по которому можно въ лѣтнее время подняться на Шаръ и достигнуть такъ называемаго Полога, т. е. края у верховьевъ р. Вардора, и такимъ образомъ прямо перешагнуть изъ бассейна Адриатическаго въ бассейнъ Архипелага. Таковы выгоды положенія Призрена.

И теперь еще Призрень, благодаря своему положенію, остается довольно многочисленнымъ и дѣятельнымъ городомъ. Въ немъ считаютъ около 3,000 мусульманскихъ, 900 православныхъ и 400 католическихъ домовъ, и около 12,000 жителей мужескаго пола. Большая часть мусульманъ и всѣ католики—Албанцы; между православными большинство—Сербы, но есть также довольно много Македонскихъ Волоховъ или Цинцаръ, Болгаръ и Грековъ. Въ рѣчи Призренскихъ Сербовъ уже слышно приближеніе къ Болгарскому нарѣчію; окончанія падежей часто опускаются, особенно въ сочетаніи съ предлогами; напр., я слышалъ не разъ отъ Призренцевъ такіа выраженія: *онъ га удрио, сосъ ножъ, сосъ рука, вѣсто съ ножемъ, съ рукой онъ е био у Призрень три годишта* (ви. у *Призрену*); удвоеніе предлога *съ*, образовавшее форму *соссъ*, есть тоже чистый Болгаризмъ, безпрестанно употребляемый Призренцами, также какъ слово *работа*, постоянно замѣняющее у нихъ Сербское *посао*, т. е. дѣло. Занимательно бы было прослѣдить это слияніе Сербскаго языка съ Македоно-Болгарскимъ въ населеніи, занимающемъ долины Шаръ-планины и Тетовскій край или Пологъ; къ сожалѣнію, я принужденъ былъ ограничить свою поѣздку Призреномъ и повернуть оттуда назадъ, на сѣверъ.

Древній *градъ* Призренскій, любимое, по словамъ народа, мѣсто-пребываніе Душана, находится въ полчасѣ на горѣ, какъ я сказалъ, въ ущельѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Быстрица. Мои проводники избавили меня отъ труда подыматься на эту крутизну, увѣривъ меня, что въ *градѣ* можно видѣть только кучи камней, остатокъ прежняго дворца Душанова, а нѣсколько ниже града такіа же кучи камней, свидѣтельствующія о мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда большая церковь Св. Архангела Михаила, которую строилъ также Душанъ, но которую Турки разрушили, чтобы употребить камень на постройку мечети. Въ церкви этой было похоронено тѣло великаго Сербскаго царя. Турки, сжегшіе мощи лучшаго духовна-

го дѣателя Сербскаго, Св. Саввы, не пощадил также останковъ могущественнѣйшаго политическаго дѣателя этого народа, и развѣяли по вѣтру прахъ Душана! Церковь Св. Михаила памятна еще тѣмъ, что въ ней былъ земскій соборъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу Сербскаго царства послѣ убіенія (въ 1371 г.) Душанова сына, Уроша, послѣдняго Неманича, и который окончился роковымъ раздѣленіемъ государства—главною виною его паденія. Кстати приведу здѣсь изъ неизданнаго источника ⁽¹⁾ любопытное извѣстіе объ этомъ соборѣ: «и тогда (послѣ убіенія молодого царя) собору бывшу во граду Призрену въ храмъ архистратига Михаила... яже есть на рѣцѣ Быстрицѣ подъ градомъ, выше мѣста Призрена, яже создалъ отъ основанія царь Стефанъ, и тѣло его тамо въ гробницѣ бѣ; собору же собравшуся немало, и архіепископу кврѣ Данилу тогда бывшу и митрополитомъ и епископомъ и игуменомъ и многимъ отъ иноковъ и отъ прочаго чина благочестивыхъ, и весь сонмъ Сербскій яже подъ властію тѣхъ, судимъ же бяше. Волкашинъ (опекунъ Уроша и его убійца), не повиновашеся, глаголя: «мнѣ предано есть» (т. е. царство); и соборъ съ архіепископомъ и со всѣмъ народомъ: «вѣмы, да есть на время тебѣ поручено (т. е. какъ опекуну) ; но престани, Волкашине, отъ наслія.» И многу же мятежу бывшу и крамогѣ никакъ же покоритися хотяше. Тогда патриарху съ соборомъ рекшу: «слава тебѣ Господеви, долготерпѣливе и многомилостиве, призири съ высоты святыя своея на озлобленіе людей своихъ, и виждь неправедный судъ, еже съ насліемъ отымаютъ!» Потомъ разидошася кійждо во своя. Волкашинъ же раздѣляетъ (царство) на три части, Углеши даетъ Серезъ и нарицаетъ его кесаремъ, а Гойка деспотомъ въ Тернову ⁽²⁾, а самъ въ Сербской земли пребываше.»

Отъ старины возвращаюсь опять къ настоящему.

Другой, новый *градъ* Призренскій занимаетъ верхнюю часть города, на склонѣ горы, и служитъ мѣстопребываніемъ паши и не-

(1) «Мѣца Декаврѣа къ память святаго и блаженнаго Уроша младаго, мученика и царя Сербскаго» (по рукописи, списанной въ недавнее время,—кажется въ концѣ прошлаго столѣтія,—и хранящейся въ монастырѣ Шиншатовѣцъ на Фрушкой горѣ: изъ житія видно, что составитель его пользовался хорошими источниками).

(2) Въ подлинникѣ: «въ Трапезонту сирѣчь Тернову.»

большаго Турецкаго гарнизона; его постройка принадлежитъ, кажется, ко времени Турецкаго владычества. Городъ раскинулся амфитеатромъ, частью на склонахъ, обозначающаго начало хребта Шара, частью въ равнинѣ. Дома такіе же, какъ я описалъ въ Печи, маленькіе, слѣпленные изъ нежженныхъ кирпичей и крытые черепицей; окна вездѣ обращены на дворъ; употребленіе стекла почти неизвѣстно въ Призренѣ. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ найти помѣщеніе въ такомъ значительномъ городѣ. Мы пріѣхали въ ханъ; ханъ оказался, правда, большой, но отвратительный: кругомъ двора ряды маленькхъ комнатокъ, почти совершенно темныхъ, потому что оконъ на улицу не смѣли пробить, а сдѣлали въ каждомъ номерѣ маленькое отверстіе со стороны крытой деревянной галлерей, составляющей сообщеніе между номерами кругомъ внутренняго двора зданія. Къ счастью, послѣ немалыхъ поисковъ, нашелся гостепріимный христіанскій домъ съ одною довольно просторною, чистою и свѣтлою горницею. Этотъ домъ, кажется, имѣеть нѣкоторымъ образомъ монополію служить пріютомъ всѣмъ Европейцамъ, посѣщающимъ Призренъ; впрочемъ ихъ бываетъ не много; въ немъ жилъ долго оффиціальныи агентъ, котораго Французское правительство помѣстило въ Призренѣ во время минувшей войны; въ немъ квартировалъ недавно еще какою-то «Франкъ», но кто именно, мнѣ не умѣли сказать.

Расположившись въ Призренѣ, я счелъ долгомъ познакомиться съ его властями и достопримѣчательностями. По узкимъ, кривымъ улицамъ, невообразимо скверно вымощеннымъ, поднялись мы на крутизну, чтобы достигнуть *града*. Мы посѣтили пашу. Губернаторъ Призренскій, Акифъ-паша, принялъ меня весьма ласково. Онъ чловѣкъ молодой, съ нѣкоторымъ лоскомъ Константинопольской цивилизаціи, впрочемъ не возвысившейся до знанія Еврпейскихъ языковъ, но его шеголеватая манера и сладкая рѣчь почему-то не возбуждаютъ сочувствія, точно также, какъ его полное, румяное, улыбающееся лицо, окаймленное рыжею, подстриженною бородою. Народъ его не любитъ, хотя не упрекаетъ въ особенномъ тираниствѣ; онъ его не любитъ за непростительную слабость власти, дающую необузданную свободу дикимъ Арнаутамъ, за несовѣтъ безпристрастный образъ дѣйствія въ дѣлахъ судебныхъ, и наконецъ за склонность кутить съ Цыганками . . . Недалеко отъ *конака* пашы, тоже въ верхней части города, находится невзрачная по наружно-

ств митрополія. Высшій ся обладатель « владыка Святорашскій, Призренскій и Скендерійскій (т. е. Скутарскій) » — молодой человекъ, въ 1849 году окончившій курсъ ученія въ Константинопольской семинаріи, митрополитъ Мелетій. Трудно себя представить человека благообразнаго наружностью: высокій статный ростъ, лицо нѣсколько худощавое, блѣдное и нѣсколько желтоватое съ прекрасными чертами, съ большими черными глазами, длинные, густые, черные какъ смоля волосы и большая окладистая черная борода. Этой наружности соответствуютъ и самыя симпатичныя манеры, проникнутыя какою-то нервною внезапностью и быстротою; ей соответствуетъ и разумная, пріятная рѣчь. Митрополитъ Мелетій просто очаровалъ меня. Я радовался, слыша наконецъ владыку, между Турецкими Славянами, говорящаго по-славянски: Мелетій родомъ изъ Серреса (близъ Солуна), города Греческаго, но въ которомъ живетъ много Болгаръ; онъ говоритъ на Македонско-Болгарскомъ нарѣчій, весьма понятномъ Сербамъ, и произноситъ Славянскіе звуки такъ правильно, что я, признаюсь, принималъ его за природнаго Болгарина, хотя онъ самъ почитаетъ себя за Грека. Не менѣе радовался я, слыша въ его рѣчахъ сочувствіе къ Славянскому народу и къ его духовнымъ нуждамъ; во за то какъ прискорбило мнѣ было противорѣчіе моего личнаго впечатлѣнія съ общими почти отзывами о немъ народа, свидѣтельствующими о нелюбви къ нему и о томъ, что на дѣлѣ его считаютъ однимъ изъ такъ называемыхъ « Грекомановъ, » т. е. приверженцевъ исключительнаго преобладанія Греческой народности надъ Славянскою.

Близъ митрополіи находится церковь Св. Георгія, темная и тѣсная, хотя ее расширили недавно пристройкою. Она была построена во время Турецкаго владычества; объ этомъ свидѣлствуетъ уже ее неуклюжіи видъ, ся малая вышина и плоская крыша. Но молвъ ей Призренцы теперь строятъ обширную церковь изъ бѣлаго камня; основаніе и нижняя часть стѣны уже выведены; трудно однако сказать, будетъ ли эта постройка живо идти впередъ; деньги, собранныя на церковь, почти всѣ израсходованы, а больше не откуда достать. Между православными купцами въ Призрентѣ есть много богатыхъ, но они, кажется, не слишкомъ отличаются щедростью.

Церковь Св. Георгія не одна въ Призрентѣ: въ Призрентѣ, какъ видно, фанатизмъ мусульманъ не былъ такъ силенъ, какъ въ горо-

дахъ Босніи и Герцеговины, гдѣ православные съ трудомъ только успѣли сохранить одну какую нибудь церковь. Кромѣ церкви Св. Георгія, въ верхней части города находится храмъ Св. Михаила Архангела, построенный, по преданію, Стефаномъ Штиляновичемъ, Сербскимъ воеводою, жившимъ въ первой половинѣ XVI вѣка; онъ не великъ, и по архитектурѣ не изященъ, какъ вообще всѣ постройки Сербскія этого времени; но съ высокой террасы, на которой онъ стоитъ,—видъ на городъ и на его окрестности, на горы съ одной стороны и на равнину съ другой, превосходенъ. Близъ церкви Св. Михаила есть еще другая, также небольшая и незамѣчательная ничѣмъ особеннымъ, церковь Вознесенія Господня. Наконецъ, на самомъ дворѣ митрополита недавно, стараніями митрополита Мелетія, открыта изъ-подъ груды мусора и освящена вновь небольшая часовня во имя Св. Николая.

Но христіанамъ оставлены въ Призренѣ только небольшія, темныя и некрасивыя церкви; великолѣпные храмы, украшавшіе эту столицу Сербскаго царства, у нихъ отняты. Я сказалъ, что большой монастырь Св. Архангела Михаила, находившійся подъ Душановымъ градомъ, былъ разломанъ Турками для постройки мечети. Обширная и прекрасная соборная церковь Св. Петки (Параскевіи), въ нижней части города, построенная, какъ говорятъ, Душаномъ, просто обращена въ мечеть. Мусульмане не потрудились даже скрыть въ ней слѣды ея прежняго христіанскаго назначенія. По прежнему возвышается надъ нею колокольня; по прежнему на сѣверной стѣнѣ остались изображенныя, посредствомъ искусно сложенныхъ кирпичей, слова: **СЯВЯ СРБСКИ**; по прежнему внутри зданія ясно обозначается мѣсто алтаря (только иконостасъ снятъ), а въ верхней галлерей (гдѣ была въ старину женская церковь) видны куски иконъ, написанныхъ на стѣнѣ *al fresco* и не совсѣмъ выскрѣбленныхъ. Этотъ христіанскій характеръ Джума-джаміи (т. е. мечеть—пятницы: такъ называютъ Турки бывшую соборную церковь Св. Петки) столь поразителенъ и непріятенъ для самихъ мусульманъ, что они рѣдко и неохотно вступаютъ въ нее; она стоитъ безъ всякаго вѣзсмотря и все болѣе и болѣе разрушается: на верхнюю галлерей трудно было взобраться по развалившейся лѣстницѣ. Говорятъ, что однажды, въ пятницу, повели въ Джума-джамію роту низама (регулярнаго войска), проходившую черезъ Призренъ: солдаты стали роптать и бранить Призренскихъ жителей, что они хотятъ ихъ «погнурить», что ихъ

привели не въ мечеть, а въ церковь. «Нѣтъ, это мечеть», сказали имъ. «А что это такое?» спросилъ одинъ изъ солдатъ, когда выходили изъ мечети, по окончаніи намаза, указывая на колокольную. — «Это колокольная, отвѣчалъ кто-то изъ туземцевъ, тутъ въ старинное время звонили въ колокола». — «И звонили, и будутъ звонить», замѣтилъ флегматически солдатъ.

Православные содержатъ въ Призренѣ общественную элементарную школу, въ которую ходитъ человѣкъ 200 мальчиковъ; кромѣ того недавно устроили такую же школу для дѣвочекъ. Одинъ Австрійскій подданный, воспитанникъ Карловецкой семинаріи, г. Николай Мусулинъ, попытался открыть въ послѣднее время частное училище въ Призренѣ, и объявилъ намѣреніе расширить въ ней кругъ преподаванія, который ограничивается въ общественной школѣ грамотою, катихизисомъ и четырьмя правилами ариметики; онъ собралъ до 20 учениковъ, но успѣху его предпріятія мѣшало недоброжелательство митрополита, не знаю, по какому случаю происшедшее. — Римско-католическая община имѣетъ въ Призренѣ своего епископа, человѣка пожилаго, образованнаго и даже ученаго, знающаго языки Итальянскій, Албанскій и Турецкій (по-Сербски онъ говоритъ съ трудомъ), и весьма достойнаго, судя по тому уваженію, какимъ онъ пользуется не только между своими, но и между православными; въ Призренѣ есть небольшая католическая церковь и при ней школа.

Что мнѣ сказать еще о Призренѣ? Я провелъ въ немъ только четыре дня, и не могъ, разумеется, ознакомиться съ нимъ иначе, какъ только съ внѣшней стороны. Но мнѣ показалось, что жизнь въ немъ какъ-то мягче и человѣчнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ сѣверо-западной Турціи, имѣю видѣнныхъ. Правда, въ окрестныхъ селеніяхъ буйство Арнаутовъ господствуетъ во всей своей дикой необузданности; но въ самомъ городѣ соблюдается нѣкоторая законность, и надъ Призренномъ туземное мусульманское населеніе не тяготитъ, не видимо, съ такою гнетущею силою, какъ надъ городами Босніи и Герцеговины. Дѣло въ томъ, что туземцы мусульмане въ Призренѣ большею частію — Албанцы, а въ Босніи и Герцеговинѣ — Славяне; Албанцы же, какъ я сказалъ, не фанатики, тогда какъ Славяне-потурчменцы (1) проникнуты фанатизмомъ до мозга костей. Между этими двумя сти-

(1) Потурчменцы — такъ называютъ ренегатовъ, преимущественно изъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру.

кими замѣтенъ поразительный контрастъ. Если Славянинъ-мусульманинъ дѣйствуетъ кротко и благородно съ раями, христіанами, то это происходитъ не отъ равнодушія къ исламу, а единственно отъ врожденнаго добродушія; если онъ обращается съ ними съ зѣвскою жестокостію, то источникъ его жестокости не въ его природномъ характерѣ, а въ религіозныхъ представленіяхъ, воспламеняющихъ въ немъ пепависть къ «невірнымъ». Напротивъ того, объ Албанцѣ-магометанинѣ вы никогда не услышите никакой черты патриархальнаго добродушія къ христіанамъ, а если онъ живетъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, то, будьте увѣрены, причина этому та, что онъ, собственно, совершенно равнодушенъ и къ христіанству и къ магометанству; если же вамъ будутъ говорить о случаяхъ неимовѣрнаго свирѣпства Албанцевъ-мусульманъ противъ беззащитной *raia*, то приписывайте ихъ не религіозному фанатизму, а природному буйству и кровожадности характера. Это сужденіе составилъ я себѣ изъ поминутныхъ наблюденій надъ характеромъ обомъ племенъ во время описываемой теперь поѣздки, гдѣ я былъ всегда окруженъ безпрестанно смѣнявшеюся свитою кавазовъ и проводниковъ, то изъ Арнаутовъ, то изъ Славянскихъ *потурчанцевъ*. И такъ въ Призренѣ это по характеру равнодушное къ вѣрѣ населеніе Албанцевъ-магометанъ нѣсколько укротилось и смягчилось подъ вліяніемъ городской, торговой жизни и Оттоманскихъ властей, которымъ иногда бываетъ стыдно допускать слишкомъ явное насилие и беззаконіе въ мѣстѣ своего пребыванія. Вотъ чѣмъ я объясняю себѣ, что въ Призренѣ, хотя онъ лежитъ гораздо болѣе въ глуши, чѣмъ главные города Босніи и Герцеговины, жизнь христіанъ, по вѣдному, нѣсколько легче и сноснѣе. Съ болѣею свободою соединено и большее просвѣщеніе: Призренцы мнѣ показали образованнѣе жителей Боснійскихъ городовъ; они завели у себя женскую школу, — и это великій признакъ просвѣщенія въ Турецкомъ городѣ; значительная часть православной общины поддерживала упомянутого мною учителя, хотѣвшаго усилить преподаваніе, противъ гнѣва владыки. Къ несчастію, Призренъ такъ удаленъ и отъ Сербіи и отъ Далмаціи, откуда нѣкоторая умственная жизнь распространяется на сосѣднія Славянскія земли въ Турціи; онъ такъ разобщенъ съ всѣмъ остальнымъ міромъ трудностію и, главное, небезопасностію дорогъ, что почти никакая книга, никакая газета не можетъ туда проникнуть; даже письма доставляются въ Призренъ съ «оказіями», потому что,

какъ это ни странно относительно значительнаго торговаго центра и главнаго города большой и важной области, онъ находится внѣ всякихъ почтовыхъ сообщений. Главная дѣятельность въ Призренѣ, разумѣется, торговая, и она сосредоточена, какъ и въ другихъ Сербскихъ городахъ Турціи, преимущественно въ рукахъ православныхъ жителей. Торговля эта почти исключительно внутренняя; Призренскіе купцы еще не ѣздятъ за границу, а покупаютъ иностранные товары изъ вторыхъ рукъ, въ Бѣлградѣ, Сараевѣ, Скадрѣ (Скутари) и т. д. Я описывалъ уже характеръ торговли въ этихъ земляхъ; въ Призренѣ она, разумѣется, еще первобытнѣе, еще болѣе сопряжена съ опасностями, неизбежными при доставкѣ товаровъ на выюкахъ черезъ дикіе, разбойничьи края, еще болѣе основана на кредитѣ и рискѣ; но о значительности ея свидѣлствуетъ огромная, кипящая народомъ, *чаршія*, занимающая нѣсколько тѣсныхъ, темныхъ, покрытыхъ рогожками и холстинами улицъ (въ Турціи ужасно любятъ завѣшивать лавки перекинутыми черезъ улицу тканями, — говорятъ, не только для прокладки, но, главное, для того, чтобы въ темной лавкѣ покупатель не могъ хорошенько разглядѣть товара и различить гнилаго, попорченнаго отъ хорошаго; въ Сараевѣ, послѣ пожара, истребившаго большую часть города и чаршію въ 1853 г. велѣно было снять этѣ ткани, но купцы всячески стараются избѣгать этого правила и, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, перекидываютъ холстинку черезъ улицу). Этою торговою жизнію Призренъ обязанъ исключительно выгодѣ своего положенія, какъ единственнаго центра сношеній между Македоніею и сѣвѣрною Албаціею съ одной стороны, и Босніею и Сербіею съ другой. Если бы только дороги нѣсколько улучшились и сдѣлались безопасными и прилегающія къ Призрену богатая равнина Подринья, Метохин и Косова поля опять увидѣли мирные дни и трудолюбивыхъ жителей, — Призренъ сдѣлался бы снова, какъ при Душанѣ, Сербскимъ Цареградомъ, средоточіемъ дѣятельности всей западной половины Балканскаго полуострова.

XI.

ОТЪ ПРИЗРЕНА ДО НЕРОДИМЛИ.

Время не позволяло мнѣ продолжать дагѣе свой путь на югъ; я принужденъ былъ повернуть назадъ, но, чтобы избрать другую до-

рогу, я направился на сѣверо-западъ, къ Неродимлѣ, чтобы проѣхать оттуда вдоль всего знаменитаго Косова поля.

Во всей окрестности Призрена, называемой въ народѣ Подримье или Подримъ, Албанское населеніе преобладаетъ надъ Славянскимъ точно также, какъ въ Дукадинѣ и Метохин. Край этотъ дѣлится, по старинному обычаю, на волости или *нахи*, которыя замѣнили собою древнія Сербскія *жулы*, но сохранили, кажется, ихъ старинное распредѣленіе. Такъ равнина около Призрена и прилегающій къ ней сѣверный склонъ Шаръ-планины дѣлится на 4 *нахи*: на собственный Подримъ, въ которомъ считаютъ около 3,000 Албанскихъ мусульманскихъ, и около 300 православныхъ Сербскихъ домовъ, на Раховацъ (50 Албанск. и 100 Сербск. домовъ), Стрѣцку-жулу (200 Албанск. и 300 Сербск. д.) и наконецъ Подгоръ (болѣе 1,000 Албанскихъ-мусульманскихъ, 20 Албанскихъ-католическихъ и около 300 православныхъ домовъ). Наша кавалькада направилась къ Подгору, чтобы посѣтить монастырь Св. Марка, лежащій въ 3 часахъ отъ Призрена.

Въ 1 часѣ разстоянія отъ города, еще въ полѣ, мы встрѣтили довольно значительное, раскинувшееся вдоль крутаго оврага, село Любиджу. Въ немъ мнѣ показывали небольшую церковь, въ которой хранится еще одна пергаменная Триодъ, не очень старинная; почему-то эта Триодъ пользуется особеннымъ уваженіемъ; объ ней мнѣ говорили еще въ Призренѣ, тогда какъ о тамошнихъ рукописяхъ никто не знаетъ, и онѣ лежатъ, въ страшномъ пренебреженіи. Въ Любиджѣ, говорятъ, было въ старину семь церквей; основанія нѣкоторыхъ еще видны. Вообще край около Призрена прежде былъ, можно сказать, устѣянъ церквями и монастырями. Поселяне и священники увѣряли меня, что во время независимости Сербской, въ Призренской *нахи* было 360 церквей и монастырей; теперь ихъ тамъ осталось 21, не считая тѣхъ, которые находятся въ самомъ городѣ и, разумѣется, тѣхъ, которые лежатъ въ развалинахъ. Число 360, конечно, сказочное; но тѣмъ не менѣе, судя по однимъ развалинамъ древнихъ храмовъ, большихъ и малыхъ, нельзя не удивляться ихъ множеству, особенно въ сравненіи съ Босніею и сѣверо-западною Герцеговиною; видно, что въ Призренскомъ краѣ православная вѣра вкоренена была крѣпко; видно, что народъ тутъ жидъ благочестивый и богатый.

За Любиджею мы скоро повернули съ большой дороги на право,

чтобы посмотреть на развалины Коришскаго монастыря. Мы стали взбираться на гору Мравинацъ, которая составляетъ, если можно употребить такое выраженіе, одно изъ *предгорій* Шаръ-дага. Мы любовались издали на огромную массу Шара, вершины котораго кое-гдѣ блестяли снѣгомъ, и который закрывалъ горизонтъ прямо передъ нами и направо; налѣво стоялъ другой, такой же величественный хребетъ, Люботинъ. По страшной трущобѣ ѣхали мы болѣе полу-часа, краемъ горы Мравинца, то подымаясь, то спускаясь, и добрались наконецъ до площадки, образуемой скалами надъ глубокимъ ущельемъ. Здѣсь былъ выстроенъ Коришскій монастырь. Онъ давно запустѣлъ, и самое село Кориша, находящееся нѣсколько выше, въ горахъ, перешло въ руки Арнаутовъ, мусульманъ. Мѣсто, въ которомъ спасался юный отшельникъ, Св. Петръ Коришскій, по своему удивленію, по страшной пропасти и грознымъ скаламъ, которыми оно окружено, напоминаетъ ту обитель, гдѣ теперь покоится его тѣло, — Чернорѣцкій монастырь, уже описанный мною. Мой спутникъ, Призренскій священникъ Стефанъ, сталъ показывать мнѣ всѣ остатки древней Коришской обители. Мы вошли въ небольшую пещеру, въ которой Св. Петръ устроилъ церковь. Въ ней еще довольно хорошо сохранился написанный на скалѣ образъ Спасителя; подлѣ образа мы могли прочесть слова:.....

МНѢ НѢ
ИМЯТЬ
ХОДИТИ
ВЪ ТМѢ
ВѢЧЬ....

Вблизи отъ этой пещеры находится другая, ниже, но длиннѣе, въ которой, какъ говорятъ, постылся отшельникъ, и въ которой потомъ устроена была также церковь. Передъ нею, на площадкѣ, молодой схимникъ, по разсказу моего провожатаго, боролся съ диаволомъ и повергъ его на землю, подкрѣпленный Архангеломъ Гавріиломъ. Нѣсколько далѣе стоятъ развалины зданія величественнаго. Царь Душанъ, чтобы почтить достойно память святаго юноши, котораго онъ зналъ и любилъ ⁽¹⁾, вскорѣ послѣ его смерти, рѣшился

(1) Приводимыя мною здѣсь свѣдѣнія о Св. Петрѣ Коришскомъ разсказаны

выстроить подлѣ его пещеры большую, великолѣпную церковь. Но какъ было помѣстить ее на склонѣ горы, гдѣ природа образовала лишь нѣсколько небольшихъ уступовъ и узкихъ площадокъ? Душанъ смѣло бросилъ аркаду въ глубину ущелья, и на аркадѣ основалъ церковь. Арки стоятъ еще почти невредимо, но церковь мусульмане разрушили; только уцѣлѣлъ большой кусокъ одной изъ стѣнъ, именно той, которая стоитъ надъ самою пропастью, не примыкая къ горѣ. На ней видны еще образа, написанные въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Арнауты испестрили ихъ пулями, потому что нельзя было подходить близко и скоблить ихъ ножами, какъ они дѣлали съ образами, написанными въ пещерахъ. Отчего путешественники все ѣздятъ по торнымъ дорогамъ, описывая мѣстности, давно извѣстныя, и снимая виды, уже сто разъ перенесенные на бумагу? Отчего никто изъ художниковъ еще не заглянулъ въ Славянскія земли въ Турцію? Какой чудесный видъ представило бы ему Коришское ущелье съ его высокою аркадою и съ кускомъ стѣны Душановой церкви, странно торчащимъ на аркадѣ надъ пропастью!

Осмотрѣвъ Коришу, мы возвратились назадъ, и потомъ вскорѣ опять повернули въ горы. Въ монастырѣ Св. Марка насъ ждалъ гостепріимный пріютъ. Монастырь этотъ построенъ почти въ такой же глуши, какъ Коришская обитель, но мѣстность менѣе замѣчательна. Основатели его были, по словамъ преданія, два брата, Призренскіе купцы, во время Турецкаго владычества; они выхлопотали для обители фирманъ султана Баязида, и завѣщали ей свое имущество и земли. Вскорѣ монастырь былъ разоренъ; 370 лѣтъ тому назадъ, по тому же преданію, его обновили, но онъ опять запустѣлъ и долго, долго церковь служила сосѣднимъ Албанцамъ хлѣвомъ для козъ, которыхъ гнали пастись въ окрестныя горы,—пока наконецъ, одинъ трудолюбивый священникъ, Паревній, умершій 72 года тому назадъ, вторично обновилъ церковь и монастырь. Церковь низенькая, небольшая, келліи бѣдныя, и обитель скудно поддерживается трудами трехъ или четырехъ монаховъ, которые живутъ въ ней, и подаваніемъ Призренскихъ жителей. Весь околотокъ населенъ

миѣ были священникомъ Стефаномъ, который говорилъ миѣ, что онъ читалъ житіе этого святаго въ одной старой рукописи, находящейся у какого-то сельскаго іерея въ окрестностяхъ Призрена. Онъ хотѣлъ достать миѣ эту рукопись, но не досталъ, а житія этого миѣ нигдѣ не случилось найти.

Албанцами. Не долго бы уцѣляла обитель съ такими сосѣдами, если бы христіанская святыня не внушала уваженія этимъ грубымъ мусульманамъ, дѣды или прадѣды которыхъ были еще христіанами, хотя по имени ⁽¹⁾. Арнауты, сосѣди монастыря, убѣждены, что кража чего бы то ни было, принадлежащаго обители, или другое оскорбленіе, ей нанесенное, влечетъ за собою страшную кару,—неминуемое сумасшествіе виновнаго. Монахи увѣряли меня, что на ихъ памяти были случаи, способствовавшіе распространенію такого убѣжденія; разумѣется, они стараются поддерживать въ Албанцахъ это вѣрованіе. Неопредѣленность религиозныхъ понятій у этихъ дикарей такова, что они очень часто, въ случаѣ болѣзни, приходятъ въ монастырь за духовною помощію, для которой однако необходимо казалась бы вѣра: монахъ читаетъ надъ ними молитву, осѣняетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и они возвращаются домой съ облегченною душою.

Инокіи обители Св. Марка съ величайшею готовностію принесли мнѣ всѣ свои рукописи; ихъ въ монастырѣ десятка два, но все довольно новыя, писанныя на бумагѣ; я не нашелъ въ нихъ ничего замѣчательнаго. Одинъ изъ братіи объявилъ, что въ старомъ, заколоченномъ подвалѣ монастырскомъ, можетъ быть еще какія нибудь ненужныя книги; съ большимъ трудомъ приподняли одну изъ досокъ, и мы съ фонаремъ прогѣзали въ подвалъ; но работа была напрасная, книгъ не оказалось. Любезность иноковъ еще не удовлетворилась этимъ: старшій между ними вспоминалъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ и служилъ у прежняго настоятеля (и единственнаго въ то время хранителя) монастыря, т. е. лѣтъ 40 тому назадъ, этотъ монахъ зарылъ въ землю какія-то древнія книги. Онъ даже указалъ на мѣсто, гдѣ это было. Пошли копать, но также напрасно: конечно, если и были тутъ рукописи, то онѣ давно сгнили, тѣмъ болѣе, что по этому мѣсту вода стекаетъ съ горы.

На другой день, мы, послѣ небольшого переѣзда, достигли монастыря Св. Троицы, называемаго Русинскимъ. Онъ стоитъ на небольшомъ возвышеніи у подножія горы Русеница: получилъ ли онъ отъ нея свое названіе, или гора по немъ прозвана? Монастырь этотъ

(1) Я говорю только по имени, потому что горныя племена Албанцевъ-католиковъ имѣютъ въ себѣ чрезвычайно мало христіанскаго.

возобновленъ былъ въ 1832 году; когда и кѣмъ онъ былъ построенъ первоначально, мнѣ не умѣли сказать. Церковь довольно просторна и хороша, но бѣдна; стѣны выбѣлены, и никакихъ слѣдовъ старины не осталось. Монастырское зданіе замѣчательно обширною залогою съ большими окнами, откуда видъ на окрестность чудеснѣйшій. Въ монастырѣ всего четыре или пять рукописей, и то не важныхъ; въ новыхъ богослужебныхъ книгахъ великій недостатокъ, какъ вездѣ въ этомъ краѣ.

Не долго пробыли мы въ монастырѣ Св. Троицы, и поспѣшили далѣе, чтобы достигнуть Неродимля. Дорога идетъ сначала полемъ Подгоромъ. Въ сторонѣ мнѣ показали села—Поповляне и Дворяне: жители ихъ помнятъ до сихъ поръ, что во время Сербскихъ королей одно изъ этихъ селъ было церковное, другое придворное. Незамѣтно выѣхали мы изъ равнины и стали подыматься, сперва по отлогому каменистому склону, на которомъ растутъ кое-гдѣ такъ называемые *цѣры*, т. е. каменистые дубы, а потомъ круто вверхъ, на Езерскую *планину* (хребетъ). Хребетъ этотъ, впрочемъ не высокій, отдѣляетъ Подринье, т. е. край, прилегающій къ Призрену, отъ Косова поля и примыкающихъ къ нему мѣстностей. Онъ составляетъ, какъ кажется, водораздѣлъ между притоками Дрина, текущаго въ Адриатическое море, и Ситницы, принадлежащей къ Дунайской системѣ. На верху, при перевалѣ черезъ хребетъ, мы слѣзли съ коней и дали имъ покушать дубовыхъ листьевъ, а сами сѣли и любовались, — я, по крайней мѣрѣ, на панораму горъ и поля. Къ сожалѣнію, никто изъ моихъ кавазовъ не былъ изъ этого края, а подъ Стефанъ уже оставилъ насъ и вернулся въ Призренъ; нельзя было ни разпросить названій окружающихъ горъ, ни узнать чего бы то ни было о мѣстности. Правда, кавазы, данные мнѣ изъ Призрена, ѣздили въ Неродимлю, можетъ быть, сотню разъ, на своемъ вѣку; но они не были оттуда родомъ, и стало быть, ничего не знали объ этихъ мѣстахъ, кромѣ направленія дороги: это народъ не любопытствующій.

Спустившись съ Езерскихъ горъ, мы ѣхали еще часа четыре по какимъ-то глухимъ мѣстамъ, не встрѣчая ни одной души. Дорога вилась по теченію рѣчки; справа стояли высокія горы, слѣва рядъ холмовъ и небольшихъ горъ; все эти мѣста покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Рѣчка, которая тутъ протекаетъ, называется Езерскою рѣкою; мнѣ рассказали потомъ Неродимскіе жители, что она не вда-

лѣтъ огъ ихъ села раздѣляется и течетъ однимъ рукавомъ въ «Бѣлое» море, а другимъ въ Черное; первый рукавъ соединяется съ Лепенцемъ, который впадаетъ въ Вардаръ, текущій въ Архипелагъ или, какъ называютъ его Сербы и Турки, Бѣлое море; другимъ рукавомъ вода этой рѣчки вливается въ Ситницу, изъ Ситницы въ Ибръ, изъ Ибра въ Мораву, изъ Моравы въ Дунай. Въ глуши, въ которой мы ѣхали, мы вдругъ были поражены видомъ развалины. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ высоты, между которыми течетъ Езерская рѣчка, нѣсколько разступаются, стоитъ большая, красная церковь. Крыша и часть купола ея провалились, стѣны во многихъ мѣстахъ стали разрушаться, бѣлыя каменные плиты, покрывавшія кирпичъ, попадали, внутренность завалена камнемъ и мусоромъ; но издали зданіе кажется почти невредимымъ, и оно могло бы быть возобновлено съ малымъ трудомъ. Мы стали мѣрять церковь: длина ея оказалась 63 ступни большаго размѣра, ширина 24. Церковь имѣла одинъ куполъ; внутри не было колоннъ, но зданіе поддерживалось тремя поперечными стѣнами, въ которыхъ продѣланы были по три арки для прохода, средняя большая и высокая, двѣ боковыя поменьше и пониже; первая отдѣляла трапезу отъ собственной церкви, послѣдняя служила иконостасомъ. На стѣнахъ сохранились еще многія иконы и живописныя изображенія: одно изъ нихъ, по видимому, относилось къ дѣяніямъ Сербскихъ государей: оно представляетъ какія-то лица, сидящія на престолахъ въ богатомъ одѣяніи. Окна церкви небольшія, скругленные, двойныя, раздѣляемыя колонною. Никто изъ моихъ провожатыхъ не умѣлъ мнѣ сказать, что это за церковь. «Такъ себѣ, старая церковь, давно *обаталенная*» (1), отвѣчали мнѣ на мои разспросы. Потомъ я узналъ, что церковь эта есть мѣсто замѣчательное въ Сербской исторіи. Это тотъ храмъ и монастырь Успенія Пресв. Богородицы, въ которомъ похороненъ былъ послѣдній Неманичъ, молодой царь Урошъ, убитый Волкашиномъ.

Церковь эта, вскорѣ потомъ запустѣвшая, совершенно была забыта Сербскимъ народомъ; ея положеніе въ глухомъ ущеліи, конечно, способствовало этой невѣстности. Народная пѣснь замѣнила ее, въ сказаніяхъ о кончинѣ Уроша, именемъ «церкви Самодрежи», которая находится на сѣверномъ краѣ Косова поля, и сдѣлалась извѣстною въ

(1) Т. е. развалившаяся.

эпосѣ тѣмъ, что въ ней князь Лазарь исповѣдалъ и причастилъ свое войско передъ роковою битвою съ Турками. Но Неродимскіе жители еще помнятъ и рассказывали мнѣ, что молодой царь Урошъ былъ убитъ на охотѣ близъ ихъ села: они указываютъ на холмъ, называемый Главницею, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Неродимля на востокъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено было страшное преступленіе: утомленный ловлею, говорятъ они, молодой царь остановился тамъ у колодца, сошелъ съ коня и нагнулся, чтобы зачерпнуть воды; въ это мгновеніе Вукашинъ ударилъ его мечемъ по затылку. Колодезь, прежде славившійся чистою, вкусною водою, съ того времени обратился въ грязную лужу. Народная пѣснь скрыла убіеніе Уроша за поэтическимъ сказаніемъ о томъ, какъ къ церкви Самодрежъ собрались инокоты Сербскаго престола: послѣдній Неманичъ, Урошъ, его опекунъ Вукашинъ и два его брата, Углеша и Гойко; какъ они призвали безпристрастнаго героя, сына Вукашинова, Марка, въ судья спора; какъ Марко рѣшилъ въ пользу законнаго наследника; какъ разгнѣванный Вукашинъ преслѣдовалъ роднаго сына съ кинжаломъ кругомъ церкви; какъ передъ Маркомъ, не смѣвшимъ поднять руку на отца, открылись церковныя двери и затворились за нимъ сами собою; какъ изступленный Вукашинъ ударилъ по косяку кинжаломъ и кровь выступила изъ косяка, и какъ Вукашинъ, воскликнувшій въ испугѣ, что онъ убилъ своего сына, услышалъ изъ церкви отвѣтъ: «ты не пронзилъ Марка, ты пронзилъ Божьяго ангела!» Никакого подобнаго поэтическаго сказанія, связаннаго съ смертію Уроша, вы не услышите въ Неродимлѣ: тамъ каждый поселянинъ помнитъ это роковое для Сербскаго народа преступленіе, совершившееся 491 годъ тому назадъ, какъ чисто историческое событіе; Неродимцы до сихъ поръ, можно сказать, оплакиваютъ Уроша: эта печаль слышна въ той глубокой скорби, съ какою они рассказываютъ объ его смерти, и о томъ, какъ въ послѣдствіи унесли отъ нихъ его мощи. Замѣчательна эта противоположность, въ народныхъ Сербскихъ сказаніяхъ, строго историческаго преданія, живущаго исключительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ событіе совершилось, и другаго—поэтическаго, вольно переносимаго изъ одного края Сербской земли въ другой; замѣчательно вообще, что на самомъ Косовомъ полѣ, гдѣ разыгрались всѣ событія Сербской исторіи, отъ смерти Уроша до смерти князя Лазаря, событія составляющія главный циклъ Сербскихъ народныхъ пѣсней, пѣсни эти совершенно неизвѣстны. Сколько я ни разспрашивалъ поселянъ въ Неродимлѣ и

въ разныхъ деревняхъ на Косовомъ полѣ про пѣсни объ Урошѣ, Вукашинѣ, Милошѣ и Лазарѣ, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ: «такихъ пѣсенъ у насъ те знаютъ!» «Если хочешь слышать пѣсню о Лазарѣ, поѣзжай въ Черную Гору и Приморье», замѣтилъ мнѣ одинъ изъ Неродимцевъ. Видно, поэзія не въ силахъ овладѣть событіемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно совершилось и гдѣ рѣчка, пригорокъ, могила напоминаютъ о немъ народу въ его сухой, дѣйствительной формѣ. Простите мнѣ это отступленіе. Мы стоимъ теперь на порогѣ Косова поля, на которомъ каждый шагъ полить кровью и говорить о трагической гибели Сербскаго царства, о паденіи Сербскаго народа; здѣсь-то именно и мѣсто было напоминать о преступленіи, пресѣкшемъ великій домъ Неманичей въ лицѣ прекраснаго, святаго юноши; но Косовское пораженіе и яго Турецкое было, по представленію Сербскаго народа, не разъ выраженному въ его письменныхъ памятникахъ, отищеніемъ за это преступленіе. Сперва, не долге какъ черезъ четыре года послѣ убіенія Уроша, Вукашинъ съ своимъ братомъ и приверженцами погубилъ, позорно застигнутые врасплохъ и разбитые слабою Турецкою ратью на р. Марицѣ»; а черезъ 22 года весь народъ Сербскій палъ, но въ храбромъ, честномъ бою, на Косовомъ полѣ: въ первомъ пораженіи современники и близкіе потомки видѣли «злую кару злыхъ убійцъ», а во второй, всенародной, славной катастрофѣ—гнѣвъ Божій, заслуженный народомъ, который хотя не опозорилъ себя преступленіемъ, но оправдалъ его, признавъ убійцу своимъ государемъ.

ХІІ.

КОСОВО ПОЛЕ

Отъ Неродими до Приштины.

Мы ѣхали цѣлый день, съ ранняго утра до заката солнца, и все еще не видно было Неродими. Мы просто изнемогали, а все вилась передъ нами та же Езерская рѣчка, которую я начиналъ считать безконечною, все тѣ же высоты закрывали намъ видъ направо и налево. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что холмы налево понижаются, и я думалъ, вотъ-вотъ мы выѣдемъ въ поле, но поля все не было. Наконецъ холмы, простиравшіеся налево отъ нашей дороги, дѣйстви-

тельно исчезли, цѣнь горъ, возвышавшаяся направо, отклонилась нѣсколько на востокъ, и мы вступили въ равнину, засѣянную кукурузою и покрытую множествомъ плодовыхъ деревьевъ. Скоро, среди кукурузныхъ полей и деревьевъ, стали показываться избышки, передъ которыми кое-гдѣ видны были сидящіе на корточкахъ и курящіе мусульмане, вооруженные съ ногъ до головы, и безоружные христіане. Уже поздно вечеромъ въѣхали мы на обширный дворъ *хача*. Ханъ этотъ примыкаетъ къ какой-то старой каменной *куль*, башнѣ, которая составляетъ теперь, вмѣстѣ съ пристройкою въ новомъ вкусѣ, жилище Неродимскаго *мудиръ-бекили* (намѣстника мудира). Ему принадлежить, кажется, и ханъ, который содержится христіаниномъ. Про Неродимскихъ христіанъ идетъ дурная слава: говорятъ, что они среди Арнаутовъ сдѣлались такъ же дикіи и непривѣтливы къ иностранцамъ, какъ мусульмане. И дѣйствительно, когда я пріѣхалъ и расположился въ ханѣ, они искоса и враждебно смотрѣли на меня. Слова «Московъ» и «Риштянинъ» не производили на нихъ никакого дѣйствія. Мнѣ нужно было въ Неродимѣ отпустить подводы, несшія изъ Призрена мой багажъ и взять новыя; обыкновенно перемѣна подводъ обходилась безъ хлопотъ, потому что поселяне давали довольно охотно своихъ лошадей такому путешественнику, отъ котораго ожидали не только исправной уплаты по таксѣ, но и *бакшиша*; не то было въ Неродимѣ: когда, рано утромъ, мои кавазы пошли за лошадьми, ни одной лошади въ селѣ не оказалось; всѣхъ угнали въ горы. Меня утѣшали тѣмъ, что Неродимцы, по злобности своего характера, дѣлаютъ это со всякимъ проѣзжимъ, который хочетъ взять у нихъ подводъ. Я послалъ своихъ кавазовъ ловить лошадей. Часа черезъ два привели одну какую-то клячу, а пужно было пять лошадей. Мнѣ объявили, что больше лошадей нельзя достать до вечера, а что можно найти телѣгу и пару воловъ, которые довезутъ вещи до слѣдующаго почлега. Нечего было дѣлать: г. Верковичъ и мой человекъ, которые ѣхали оба на перемѣнныхъ подводахъ, должны были прибѣгнуть къ телѣгѣ; для конвоирования ихъ и багажа я оставилъ своихъ кавазовъ, а самъ, чтобы не ждать нѣсколько часовъ, пока приведутъ воловъ, посадилъ на Неродимскую клячу одного изъ поселянъ, который согласился быть мнѣ проводникомъ и, вооружившись револьверомъ, отправился съ нимъ впередъ. Прежде однако осмотрѣлъ я Неродимскую церковь. Она имѣетъ видъ небольшой часовни изъ бѣлаго камня; креста на ней нѣтъ; священника не было

тогда въ Неродимлѣ, онъ поѣхалъ въ сосѣднія села совершать требы. На наружной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, сохранились изображенія двухъ государей Сербскихъ; на лѣвой сторонѣ, надъ изображеніемъ человѣка уже пожилаго (вѣроятно Св. Стефана Дечанскаго) написано:

КРАЛЪ СТИ СТЕФАНЪ;

на правой сторонѣ, гдѣ нарисованъ государь молодой, вѣроятно Стефанъ Душанъ, уцѣлѣло изъ надписи только слово СТЕФАНЪ. У изображеній этихъ, какъ вездѣ, гдѣ рука мусульманина могла достать до ненавистной имъ живописи, глаза выковыряны и лица поскоблены ножами. Надъ дверью церкви начертана надпись, въ которой говорится, что этотъ храмъ Св. Архангела по запустѣннн обновленъ былъ въ 7208 (т. е. 1700) году.

Въ Неродимлѣ и окрестныхъ селеніяхъ считаютъ 103 православныхъ дома; мусульманскихъ несравненно больше, но числа ихъ мнѣ не могли сказать.

Отъ Неродимли начинается Косово поле, и тянется на 14 часовъ пути, до Митровицы, крайней на юго-западъ точки Боснійскаго пашалыка. Ширина его не ровная, но нигдѣ, кажется, не болѣе пяти или шести часовъ. Это большой параллелограммъ, который лежитъ между Македоніею и Босніею и заслоняется отъ первой на юго-востокъ высокимъ хребтомъ Любетиномъ, вершина котораго, Круглица, покрыта была снѣгомъ среди лѣта, а отъ второй, на сѣверо-западъ, хребтомъ Рогозномъ; съ обѣихъ этихъ сторонъ ведутъ къ нему ущелья: съ юго-востока, со стороны Македоніи, весьма узкое, Качаникъ, прорытое рѣчкою Лепенцемъ, притокомъ Вардара; болѣе же широкое, по рѣчкѣ Баньской — съ сѣверо-запада, со стороны Босніи. Боковыя грани параллелограмма, сѣверная и южная, не такъ ясно обозначены природою. По всей дорогѣ отъ Неродимли до Митровицы вы видите сирава и слѣва рядъ высотъ, то довольно большихъ и крутыхъ (особенно съ сѣверной стороны), то незначительныхъ и отлогихъ. Высоты эти не имѣютъ общаго названія, а обозначаются именами деревень, которыя разбѣяны по ихъ склонамъ. Между ними выдается только довольно большая гора Голешъ, стоящая почти по срединѣ южной гряды, ограждающей Косово поле.

Южная гряда эта отдѣляетъ поле отъ Подринья и Метохія, сѣверная гряда—отъ Новобрдскаго края, мѣстности котораго еще совершенно неизвѣстны и который остается *en blanc* на всѣхъ картахъ Турціи. Все это пространство не составляетъ совершенно гладкой равнины: есть на немъ небольшія неровности и нѣсколько довольно странныхъ, котлообразныхъ углубленій; есть болота у истоковъ рѣчки Ситницъ, въ двухъ часахъ отъ Неродимли, и по теченію этой рѣчки и ея притока, Лаба, орошающихъ Косово поле. Косово поле теперь лежитъ, можно сказать, пустыремъ; большая часть его поросла кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ; есть на немъ обширныя луга; обработаны только ближайшія окрестности городовъ и деревень: тамъ чудно растутъ пшеница и кукуруза и показываетъ, какими богатыми жатвами покрывалась бы эта превосходная равнина въ рукахъ дѣятельнаго населенія.

Одинъ взглядъ на положеніе Косова поля показываетъ, что на немъ должны были сталкиваться войска сѣверо-западныхъ областей Задунайскаго полуострова, сходящія съ горныхъ пространствъ Сербіи и Босніи, съ войсками, выступающими изъ юго-восточныхъ областей этого полуострова, изъ Фракіи, Македоніи, Фессаліи. П сколько разъ лилась здѣсь кровь! Въ 1073 году, когда Косово поле еще причислялось къ землѣ Болгарской, и когда Сербы одержали подъ Приштиною великую побѣду надъ Греками и нѣк Болгарскими союзниками. Около 1170 года, когда основатель Сербскаго единодержавія, Неманя, встрѣтилъ на р. Ситницѣ, подъ Звечаномъ, своихъ братьевъ, возставшихъ противъ его государственной власти и приведшихъ съ собою Грековъ и наемниковъ, Франковъ и Турокъ, и разбилъ ихъ на голову! Въ 1389 г., когда Сербское царство пало на Косовѣ; въ 1403 г., когда Стефанъ, сынъ павшаго на Косовѣ князя Лазаря, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ погибъ его отецъ (близъ Грачаницы), поразилъ (побѣда, къ несчастію, почти безпольная), султана Мусу, внука того Мурата, котораго послѣднимъ, предсмертнымъ приказаніемъ было обезглавить плѣннаго Лазаря; въ 1448 г., когда три дня (17, 18, 19 Окт.) герой Гуниадъ бился на Ситницѣ съ 50,000 противъ 150,000 Турокъ и потерпѣлъ страшное пораженіе; въ 1689 г., когда Австрійскій полководецъ, Пякколомини былъ разбитъ Турками на Косовомъ полѣ, и наконецъ въ 1831 г., когда тутъ же войско султана Махмуда одержало побѣду надъ ополченіемъ Босняковъ, возставшихъ подъ знаменемъ

Гусейна-капетана Градашчевича за янычарство и мусульманскую старину. Но въсѣхъ позднѣйшихъ сраженій, даже того, которое было 27 лѣтъ тому назадъ, Сербскій народъ не знаетъ, и только одно ему памятно: великій бой «на Видовъ день» (15 Юня) 1389 года.

Часа четыре ѣхали мы нустыремъ. Мой проводникъ указывалъ мнѣ на разныя селенія, виднѣвшіяся въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ дороги Мирангъ, Дробнякъ. Деаново около Неродимли; далѣе, на самомъ Косовомъ полѣ: Славово и Косини, гдѣ жители—Ариауты; Бабякъ и Бабушъ, въ которомъ живутъ два брата, христіане, Живо и Крето Бабушанинъ, владеющіе землею, дарованною ихъ предкамъ султаномъ Муратомъ за какія-то услуги въ его походѣ противъ князя Лазаря, и имѣющіе на этой землѣ до 10 джмовъ и участковъ, отдаваемыхъ кметамъ-арендаторамъ; за Бабушемъ — христіанскія села Робовци, Войновци и Топличане. У самой дороги лежитъ большая камешная плита: мой проводникъ разсказалъ мнѣ, что она служила когда-то св. престоломъ въ церкви села Войновцевъ, недавно разорванной мусульманами, и что Ариауты изъ окрестныхъ селеній, всякій разъ, какъ у нихъ кто нибудь умретъ, приносятъ трупъ и кладутъ на священную плиту, чтобы на этомъ мѣстѣ *ходжа* прочиталъ надъ нимъ молитву изъ *читабъ* (1). Мы прѣехали въ большое село Липлянъ, которое было прежде городомъ и митрополіею, и упоминается Византійскими историками еще въ началѣ XI вѣка. Теперь тамъ сотня домовъ, изъ которыхъ около 30 православныхъ, и осталась одна маленькая церковь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія обновленная.

Липлянскій священникъ взялся провожать меня до соседняго монастыря Грачаницы, находящагося въ двухъ часахъ отъ Липяна и столько же отъ Приштины. Онъ мнѣ указалъ вѣво отъ дороги, у подножія невысокой, ровной горной цѣпи, называемой Велетинемъ. Большое село Янево, гдѣ живутъ теперь одни Ариауты, частью магаметанскаго, частью католическаго исповѣданія, и разсказывалъ съ неиритворною скорбью, какъ католики въ 1856 году запыли и перестроили тамъ для себя большую, запустѣвшую православную церковь Св. Николая, и уничтожили на стѣнахъ ея древнія иконы и

(1) *Китабъ* плч по Сербскому произношенію *Читабъ*, священная книга мусульманскаго закона, въ тѣсномъ смыслѣ—Коранъ.

старшинную Славянскую надпись золотыми буквами. — Мы миновали довольно обширное православное село Ливадье и въѣхали въ Грачаницкій монастырь.

Обитель эта, построенная королемъ Стефаномъ Урошемъ II Милутиномъ и освященная въ первый годъ царствованія его сына, Стефана Уроша III, въ 1322 году, подобно многимъ другимъ храмамъ въ этихъ мѣстахъ, долго находилась въ запустѣніи. Ее обновилъ отецъ нынѣшняго ея настоятеля, молодого священника Георгія Ристича. За немѣнѣемъ инокѡвъ, обитель вѣрена ему, хотя онъ только мірекой іерей; кромѣ его, въ Грачаницѣ живетъ одинъ старикъ, монахъ. Церковь Грачаницкая осталась почти невредимою, но колокольня и келліи были разрушены; теперешній келліи помѣщаются въ небольшой новой постройкѣ въ Турецкомъ вкусѣ.

Церковь, во имя Успенія Пресв. Богородицы, есть высокое, массивное, крестообразно построенное зданіе съ 5 куполами. Длина—60 ступней, ширина—45. Окна маленькія и внутренность церкви весьма темна. По обѣимъ сторонамъ алтаря есть небольшіе придѣлы, но въ этихъ придѣлахъ теперь не служатъ: въ нихъ хранятся скудные, ветхія облаченія, не парчевыя, а холстинныя, составляющія все богатство Грачаницкой ризницы. Трапеза или *приправа* гораздо ниже самой церкви и есть позднѣйшая пристройка (она была окончена въ 1571 году, какъ видно изъ надписи, помѣщенной на стѣнѣ). Надъ этою пристройкою сдѣланъ также куполь, который приходится ниже куполовъ церкви. Вообще эта *приправа* портитъ видъ церкви. Она построена изъ кирпича, а самая церковь изъ бѣлаго камня, но между каменными плитами помѣщены ряды кирпичей, которые скругляются дугообразно надъ окнами: этѣ красныя полосы придаютъ страннѣйшій видъ наружности зданія. Своды главной церкви опираются на двухъ большихъ столпахъ, соединенныхъ аркою и помѣщенныхъ ближе къ западной сторонѣ, и кромѣ того на 6 меньшихъ столпахъ, расположенныхъ недалеко одинъ отъ другаго, по три съ каждой стороны.

Хозяинъ обители встрѣтилъ насъ весьма гостепріимно, но келліи въ Грачаницѣ такъ неудобны, что я предпочелъ расположиться для ночлега на диванъ-хане (балконѣ). Чудная погода покровительствовала мнѣ въ эту поѣздку, и я могъ постоянно ночевать на чистомъ воздухѣ, на моемъ походномъ гуммиластическомъ тюфякѣ, и только въ большихъ городахъ, въ Новомъ Пазарѣ, въ Призренѣ,

и въ монастыряхъ, гдѣ есть нѣкоторыя удобства помѣщенія, на примѣръ въ Печи, Дечанахъ и обители Св. Марка, располагался въ комнатахъ. Но за то какое было страданіе путешествовать по этимъ странамъ въ холодную осень и зимою, когда нужно запереться въ грязную, душную конурку или ночевать въ конюшнѣ у огня.— Осмотрѣвъ церковь, я сталъ разбирать рукописи. Довольно большая кнѣга ихъ лежитъ въ двухъ изъ тѣхъ *стоцевъ* (1) или узкихъ скамеекъ съ высокою спинкою, отдѣленныхъ одна отъ другой наглухо доскою, которыми окружены стѣны въ большей части Сербскихъ церквей, (по образцу Греческихъ), и на которыя садятся почетные прихожане (обыкновенно, впрочемъ, они только въ нихъ становятся, опуская дощечку, которая сдѣлана для сидѣнія). Между этими рукописями древнихъ не оказалось; я полагаю, что древнія книги были уничтожены при запусѣтніи монастыря, и что тѣ, которыя тамъ находятся теперь, собраны были изъ разныхъ мѣстъ, для потребности богослуженія, когда его обновляли. Но мое вниманіе привлекъ большой сундукъ съ разными клочками бумаги и другимъ хламомъ, стоявшій въ ризницѣ. Я просилъ его вынести и отрылъ въ немъ по кускамъ одно очень древнее и любопытное Евангеліе, Болгарскаго письма, съ многими особенностями языка, писанное на Греческомъ палимпсестѣ (палимпсестъ этотъ, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ только какія-то Житія), и нѣсколько другихъ весьма старыхъ клочковъ пергамента.

Грачаницкая обитель пользуется большимъ уваженіемъ въ Сербскомъ народѣ. Это есть, такъ сказать, священный центръ Косова поля. Здѣсь положили тѣло князя Лазаря, погибшаго смертью мученика у ногъ издыхавшаго султана, побѣдителя (2). Но этотъ монастырь одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, какіе я видѣлъ. Съ трудомъ поддерживается онъ скуднымъ доходомъ съ 130 дворовъ, разбросанныхъ въ окрестныхъ селеніяхъ и составляющихъ его приходъ или *пурію* (3); нѣсколько помогаютъ ему также жители сосѣдняго города Приштины и нѣкоторые благочестивые Сербы въ Княжествѣ.

(1) Сербск. *столаць*, родит. *падежь*—*стоца*, вмѣсто *столица*.

(2) Потомъ оно перенесено было въ построенный имъ монастырь Раваницу, въ Сербіи, а въ послѣдствіи, въ новую Раваницу на Фрушкой горѣ въ Сремѣ.

(3) Сербское выраженіе, взятое съ Греческаго *ἐνορία*.

Но много еще пужно сдѣлать въ Грачаницѣ, чтобы она могла сравниться хотя бы съ другими обителями старой Сербіи; служба идетъ тамъ невообразимо плохо и несправно (да это и простиительно: въ Грачаницѣ, когда я проѣзжалъ, не имѣли даже печатнаго Служебника и Требника); никто изъ прихожанъ не умѣетъ пѣть; часы и прочія молитвы читаетъ старикъ монахъ, о которомъ я упомянулъ, и церковный сторожъ, съ трудомъ разбирающіе грамоту. При всемъ томъ нельзя не похвалить молодого священника, которому поручить монастырь: онъ сдѣлалъ для него, что могъ, и, кажется, пользуется уваженіемъ и любовью окрестныхъ жителей.

Въ Грачаницѣ я дождался прибытія воза, медленнымъ шагомъ привезшаго отсталую въ Неродимѣ часть каравана. На другой день мы благополучно нашли подводъ въ сосѣднемъ селѣ и отправились въ Приштину. Городъ этотъ отстоитъ только на два часа отъ монастыря. Дорога идетъ сначала гладкимъ полемъ; потомъ мы поднялись на небольшой холмъ, называемый Вѣтрникъ, и увидѣли оттуда всю окрестную равнину, рѣчку Свѣтлицу, текущую вѣдьво отъ дороги, а впередъ насъ, въ большомъ углубленіи, множество маленькихъ домовъ и красивыхъ, бѣлыхъ минаретовъ. Это городъ Приштина, одно изъ древнихъ мѣстопробываній Сербскихъ государей.

Приштина заключаетъ въ себѣ до 1,500 домовъ (около 1,200 магометанскихъ и до 300 православныхъ). Городъ похожъ на всѣ другіе города старой Сербіи: тѣ же домики изъ нежженого кирпича, болѣею частію побѣленные и окруженные безконечными заборами, тѣ же узкія, гадко мощенныя улицы, та же *чаршия* (гостиный дворъ). Приштина отличается дюжиною красивыхъ мечетей, построенныхъ изъ бѣлаго камня. Народъ объясняетъ эту роскошь въ постройкѣ мечетей тѣмъ, что онѣ всѣ суть *задушбны* женъ Турецкихъ вельможъ, царицъ на Косовомъ полѣ. Если въ этомъ преданіи есть доля правды, то, конечно, строеніе Приштинскихъ мечетей относится не къ первому сраженію на Косовомъ полѣ (1389 г.), послѣ котораго Турки очистили Сербскія земли и довольствовались только данью, а къ битвѣ 1448 года, кончивъ ейся великою побѣдою надъ Гуніадамъ. Мы сказали, что двѣ изъ мечетей, перестроены изъ церквей; я поѣхалъ ихъ осматривать, но въ этихъ зданіяхъ ничего не напоминаетъ характера церкви: вѣроятно христіанскіе храмы были разрушены и только матеріаль употребленъ на сооруженіе мусульманскихъ божницъ.

Православные долго не имѣли въ Приштинѣ богослуженія; церкви у нихъ не было, а Грачаницкій монастырь находился еще въ заустѣвнн. Только въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія они получили позволеніе строить церковь. Церковь эта, снаружи походя на простой домъ, внутри однако просторна и устроена красиво, сравнительно съ другими церквами, воздвигнутыми въ послѣднее время въ этихъ странахъ; на иконостасѣ есть даже образа, большая рѣдкость въ бѣдныхъ церквахъ, построенныхъ Турецкими *райями*. Подлѣ церкви недавно устроена школа, ученики которой прекрасно поютъ церковныя пѣсни. Впрочемъ положеніе христіанъ въ Приштинѣ, кажется, незавидное; Албанская стхія сильно преобладаетъ въ этомъ городѣ. Приштина была прежде мѣстопробываніемъ наши, которому подчинено было Косово поле съ безвѣстными намъ краями, прилегающими къ нему на сѣверъ; теперь въ Приштинѣ живетъ простой мудиръ, состоящій подъ начальствомъ Призренскаго губернатора.

XIII.

Мѣсто Косовскаго побоища. Сербское преданіе о немъ.

По народному преданію, воплотивъ вѣроятному, Сербское войско князя Лазаря съ его союзниками (1), расположилось сперва впереди города Приштина, около Грачаницкаго монастыря, но потомъ отступило, чтобы принять напоръ непріятели на болѣе выгодной позиціи, и стало за рѣку Лабъ, опираясь правымъ крыломъ на Ситницу, которая течетъ вдоль Косова поля и принимаетъ въ себя Лабъ,—а лѣвымъ крыломъ на горы, ограждающія Косово съ сѣвера; Турки же, занявъ оставленную Приштину, утвердили главный свой станъ въ углубленіи, находящемся близъ Ситницы впереди этого города, и выставили часть войска на холмѣ, лежащемъ на полдороги между Приштиною и Лабомъ и называемомъ Мазгитъ. Почему Сербское войско не воспѣшило предупредить Турокъ и остановить ихъ въ ущельѣ Качайка,—непонятно. Это была ошибка огромная, тѣмъ болѣе, что Лазарь потерялъ, какъ видно, нѣсколько дѣйларомъ на Косовомъ полѣ, выжидая непріятели. Можно развѣ предполагать одно: что онъ разчитывалъ на превосходство своего вой-

(1) Эти союзники были Венгерскій эгерлы и Албанцы подъ предводительствомъ Георгія Кастриота.

ска, преимущественно своей многочисленной, тяжелой конницы, вооруженной лаганами, и нарочно манилъ Турокъ въ равнину, чтобы ею затоптать ихъ пѣхоту. Свидѣтельства Сербскихъ, западныхъ и Турецкихъ сказаній о великомъ Косовскомъ побойщѣ, сходныя въ общихъ чертахъ, разноглася въ подробностяхъ. Я не стану разбирать ихъ здѣсь критически и боюсь вдаваться въ стратегическія соображенія. Подробности эти для меня не такъ важны, какъ тотъ виоловину историческій, вполонину эпическій образъ, который составилъ въ Сербскомъ народѣ о Косовскомъ побойщѣ, и который жители Косова поля привязали, такъ сказать, къ мѣстности, ихъ окружающей: ибо стратегическія подробности мало прибавятъ къ историческому событію, а эпическій образъ Косовскаго побойща есть живое сокровище Сербскаго народа, одинъ изъ существенныхъ фактовъ его духовной и нравственной жизни.

Вамъ, можетъ быть, любопытно будетъ прочесть народное сказаніе о битвѣ, положившей конецъ государству Неманичей, прежде нежели я приступлю къ описанію мѣстности, гдѣ разыгралась великая драма. Я приведу вамъ сказаніе о Косовской битвѣ не по тѣмъ, правда, многочисленнымъ и прекраснымъ, но отрывочнымъ пѣснямъ, которыя поются теперь о ней, описывая то одинъ эпизодъ сраженія, то другой, а цѣлую, еще неизданную рапсодію, или, лучше сказать, двѣ рапсодіи, непосредственно слѣдующія одна за другой, записанныя въ Дубровникѣ (Рагузѣ), въ 1758 году. Для любителя Славянскаго народной поэзіи подлинникъ этой рапсодіи былъ бы драгоцененъ и тѣмъ, что въ ней онъ увидѣлъ бы образчикъ особаго, до сихъ поръ неизслѣдованнаго народнаго размѣра, который теперь уже исчезъ въ Сербскомъ эпосѣ, но который въ прошломъ столѣтіи преобладалъ въ рапсодіяхъ, прославлявшихъ событія отдаленныхъ временъ. Размѣръ этотъ пятнадцати-сложный, съ цезурою послѣ седьмага слога, имѣетъ еще въ большей степени спокойный, медлительный характеръ эпическаго разсказа, нежели десяти-сложный стихъ (съ цезурою послѣ четвертаго слога), который въ Дубровницкомъ сборникѣ 1758 года является въ эпическихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія, и въ пѣсняхъ лирическихъ, — теперь же исключительно господствуетъ въ Сербскомъ эпосѣ. Но не стану утомлять вашего вниманія Сербскимъ текстомъ. Достаточно, если вы потрудитесь прочесть переводъ. — Рапсодія, которую я вамъ представляю, распадается, какъ я сказалъ, на двѣ части: въ первой заключается

разсказъ народный о поводѣ къ измѣнѣ Вука Бранковича, рѣшившей побѣду Турокъ; во второй, гдѣ пѣвецъ, въ однои мѣстѣ, можно сказать, прямо ссылается на предыдущую, описывается подробно все сраженіе, съ начала до конца; въ ней обозначены кратко всѣ эпизоды, послужившіе темою многоразличныхъ отдѣльных пѣсень теперь существующихъ въ Сербскомъ народѣ.

« У окна сидѣла Милица, подруга князя Лазаря, и съ нею были у окна двѣ родныя ея дочки. Милица стала говорить имъ, своимъ дочерямъ: «Любо поглядѣть на Лазаря между зятями!... Но я, Милица, дала бы изъ головы свои черныя очя, чтобы Волкъ Бранковичъ былъ такимъ, каковъ Милошъ Кобыловичъ!» А Волкова невеста отвѣчаетъ своей матери: «Но за то Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия (пастушка), влахия родила, подѣ кобылою вскормила.» Ей говоритъ невеста Милошева: «Все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а моего жениха младая влахия (пастушка), влахия родила, подѣ кобылою вскормила: оттого и зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы! Твой Волкъ красуется кушнями и рысьими мѣхами, а Милошъ Кобыловичъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ.» Досадно стало молодой невестѣ Волковой отъ этихъ словъ, и она ударила сестру по румяному бѣлому личику, такъ сердито ее ударила, что оцарапала сестрицѣ бѣлое личико перстнемъ, золотымъ перстнемъ съ алмазомъ, который былъ у нея на рукѣ. Кровь потекла у дѣвушки внизъ по бѣлому личику. Ушла молодая въ зеленые сады, и стала плакать подѣ зеленымъ деревомъ померанцевымъ, проливаетъ горькія слезы и отпраетъ черную кровь. Въ то время Лазарь воротился въ свои бѣлыя палаты. Коня подѣ нимъ приняла Милица, его подруга, подѣ молодымъ Волкомъ Бранковичемъ его молодая невеста, а некому принять коня подѣ Милошемъ Кобыловичемъ. Милошъ оглядывается во всѣ стороны. Тогда Милица пошла, чтобы принять подѣ нимъ добраго коня, но Милошъ не далъ ей и подойти къ коню: ему случилось посмотреть въ зеленый садъ, и онъ завидѣлъ подѣ померанцевымъ деревомъ свою молодую невесту, какъ она проливаетъ слезы и отпраетъ черную кровь. Быстро соскочилъ Милошъ съ своего

коня и бросился молодецъ въ зеленый садъ. Онъ сталъ спрашивать свою молодую невѣсту: «Что съ тобою, молодая дѣвушка? отчего проливаешь горькія слезы, проливаешь горькія слезы и оттираешь черную кровь? отчего замарала черная кровь твое личико?» — Дѣвушка стала отвѣчать Милошу: «Разкажу тебѣ все, какъ было. Нынче утромъ сидѣли мы въ бѣлыхъ палатахъ у окна, и съ нами разговаривала Милица, наша матушка. Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями, она сказала, по если бы Волкъ Бранковичъ былъ такимъ, каковъ Милошъ Кобыловичъ, то я, Милица, дала бы изъ головы свои черныя очи! А моя сестрица отвѣчала матушкѣ: Но за то Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия (пастушка), влахия родила, подѣ кобылою вскормила, и потому зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. А я отвѣчаю ей такъ на эти рѣчи: все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия, влахия родила, подѣ кобылою вскормила. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы! Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а мой женихъ Милошъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ. Ей тогда стало досадно при этихъ словахъ, и она ударила меня рукою по румяному бѣлому личику: такъ сердито ударила меня, что кровь полилась у меня внизъ по бѣлому личику. Вотъ почему проливаю слезы и оттираю черную кровь.» Когда Милошъ выслушалъ ту дѣвушку, онъ крѣпко смутился въ своемъ живомъ сердцѣ. Скокомъ выскочилъ онъ изъ зеленого сада, онъ схватилъ Волка за тонкое горло молодецкое, повалилъ его на молодецкую черную землю и сталъ его бить правою ногою, вышибъ ему два здоровыхъ зуба изъ русской головы. Лазарь между тѣмъ бросился къ Милошу: «Перестань, зять Милошъ, говорилъ онъ, да пощадить тебя великій Богъ! перестань буянить и ссориться съ Волкомъ!» Едва упросилъ его князь Лазарь.

* * *

«Сталъ Бушичъ Степанъ рано по утру будить свою милую (1):»

(1) Люби, т. е. лубы, любовь, древняя форма, теперь уже не употребляющаяся въ Сербскомъ языкѣ, часто является въ этихъ пѣсняхъ въ смыслѣ по-

«Встань, любовь моя, съ твоей мягкой постели и открой ты, молодая, окна бѣлыхъ палатъ, пусть развеселитъ свѣтлая заря мои палаты; да посмотри, милая, на высокое ведрое небо: *влашичи* (семизвѣдіе—плеяда) ли испестрили ведрое небо? стоитъ ли звѣзда денница на востокъ солнечномъ? бьетъ ли барабанъ передъ палатами князя Лазаря? собираются ли господа передъ палатою Лазаревою?» Послушалась Степана его молодая подруга, скоро встала съ своей мягкой постели, и открыла окна бѣлыхъ палатъ, и стала глядѣть на высокое ведрое небо. И за правду *влашичи* испестрили ведрое небо, свѣтлая звѣзда денница стояла на востокъ солнечномъ, и барабанъ билъ передъ палатами князя Лазаря, и собирались господа передъ палатами князя Лазаря. Скоро возвратилась къ Степану его подруга, и стала ему молоденькая называть доброе утро: «Доброе утро тебѣ моему Бушпчу Степану! Это *влашичи* испестрили ведрое небо и звѣзда денница стоитъ на востокъ солнечномъ, барабанъ бьетъ передъ палатами князя Лазаря, и господа собираются передъ палатами Лазаря.» Когда Бушпчъ Степанъ услышалъ свою подругу, онъ скоро поднялся съ своей мягкой постели, и сталъ опять говорить своей подругѣ: «Разбуди мнѣ, любовь моя, Оливера моего слугу, пусть онъ идетъ осѣдлатъ мнѣ и себѣ добрыхъ коней, и положить на коней, что нужно для битвы, чтобы я не отсталъ отъ Лазаря князя, отъ Угорскихъ ⁽¹⁾ господъ и отъ братьевъ Уговичей» ⁽²⁾. Но Степану стала говорить его подруга: «Разскажу я тебѣ печальную вѣсть. Тяжелый сонъ видѣла я пышнюю ночь: что соколъ вылетѣлъ у меня изъ этихъ бѣлыхъ палатъ, и воротился въ палаты безъ своей русой головы. Если я могу выпросить у тебя что нибудь, государь, то не ходи теперь на военную Украину ⁽³⁾, чтобы не слу-

друга, жена; теперь въ этомъ смыслѣ удогребляется въ Сербскихъ пѣсняхъ уменьшительное—*любвица*.

(1) Пѣсн: разумеетъ здѣсь Венгерскихъ союзниковъ князя Лазаря. Союзники эги, о которыхъ въ новѣйшихъ пѣсняхъ о Косовскомъ побойщѣ вовсе не упоминается, играютъ весьма важную роль въ приводимой здѣсь *рапсодіи*. Вѣроятно, она записана была изъ устъ какого-нибудь уроженца сѣверныхъ областей Сербскихъ, гдѣ подвиги Венгровъ противъ Турокъ занимали воображеніе народа; это видно изъ того, что большая часть пѣсень, вошедшихъ въ составъ упомянутаго Дубровницкаго сборника, относится къ подвигамъ Гуиіада и Сербскихъ героевъ, воевавшихъ въ XVI вѣкѣ противъ Турокъ въ южной Венгріи.

(2) Уговичи—въ вышнихъ пѣсняхъ Юговичи, сыновья престарѣлаго воеводы Лѣсковецкаго, Юга Богдана и братья Милицы, супруги князя Лазаря.

(3) *Размирна* (древняя форма вм. *размирна*) *покраина*, т. е. театръ войны.

чилось чего-нибудь на Косовѣ.» Но Бушичъ Степанъ отвѣчаетъ своей подругѣ: «Знать мнѣ, любовь моя, не вернуться съ Косова! Я не отстану отъ войска князя Лазаря, отъ Угорскихъ господъ и отъ братьевъ Уговичей.» Когда услышала Степана его подруга, она съ горестью пошла будить Оливера, вѣрнаго слугу: «Вставай, вставай, Оливеръ вѣрный слуга, и ты сѣдай коней себѣ и своему господину, и на коней положи, все что нужно для битвы!» Когда услышала слуга Оливеръ прекрасную Елену, онъ скоро всталъ съ своей мягкой постели, и осѣдалъ коней себѣ и своему господину, и положилъ на нихъ все, что нужно для битвы. Затѣмъ они вскочили на своихъ добрыхъ коней и отправились туда, къ палатамъ Лазаря. Передъ палатами находятъ многочисленныхъ Угорскихъ господъ. Вѣжливо поклонился Степанъ всѣмъ господамъ, и ему всѣ господа поклонились. У окна была Милица (подруга) Лазаря князя; она стала называть господамъ доброе утро: «Доброе вамъ утро, прекрасные Угорскіе господа! Любо поглядѣть на этихъ честныхъ господъ: точно какъ бы ихъ въ одинъ день родила одна мать!» Но Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ Милицѣ: «Налюбуйся теперь на всѣхъ этихъ прекрасныхъ господъ, на этихъ прекрасныхъ господъ, и на твоихъ братьевъ Уговичей. Богъ знаетъ, увидишь ли ты ихъ своими глазами!» Когда Милица услышала своего зятя, слезы потекли у нея по румяному бѣлому личику, и она стала такъ говорить Милошу: «Тяжелый сонъ я видѣла нынѣшнюю ночь: что звѣзды падали у меня съ неба на черную землю, что мѣсяцъ затмился у меня на небѣ и что ведрое небо разорвалось на четверо.» Но Милошъ Кобыловичъ отвѣчаетъ тещѣ: «Я могу отгадать, Милица, твой сонъ: что звѣзды падали съ неба на черную землю, это—головы будутъ падать этихъ Угорскихъ господъ! а что на небѣ затмился ясный мѣсяцъ, это—лицо затмится у славнаго Лазаря князя! а что ведрое небо разорвалось на четверо, это—твое, Милицыно, сердце у тебя разорвется (1), по Венгерскимъ господамъ и по братьямъ Уговичамъ.» Когда Милица услышала своего зятя, она опечалилась въ своемъ живомъ сердцѣ, и стала такъ говорить Милошу: «Могу ли просить тебя о чемъ, дорогой зять? чтобы ты за меня попросилъ славнаго Лазаря князя, оставить мнѣ одного изъ Уговичей: если бы чтонибудь при-

(1) Здѣсь очевидно пропущенъ одинъ стихъ, который былъ вѣроятно слѣдующій: сердце разорвется по славномъ Лазарѣ князѣ.

ключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей.» Но Милошъ сталъ отвѣчать тещѣ: «Не стану ни слова говорить объ этомъ Лазарю; всю ночь ты давеча спала у него на правой рукѣ, ты должна была просить его, какъ своего господина.» Когда Милица услышала своего зятя, она печально возвратилась къ своему господину, льетъ горькія слезы по своему бѣлому лицу, и стала говорить такъ Лазарю: «Могу ли я просить тебя о чемъ, государь? чтобы ты оставлялъ мнѣ одно изъ Уговичей: если бы что нибудь приключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей.» Но Лазарь отвѣчалъ на это Милицѣ: «Не могу тебѣ оставить ни одного изъ Уговичей: они похвалились передъ свѣтлымъ королемъ Угорскимъ (1), что если бы небо унало на молодецкую черную землю, то они приняли бы его на свои боевыя копья!» Уже Лазарь вышелъ изъ своихъ бѣлыхъ палатъ, онъ вѣжливо поклонился всѣмъ господамъ, и всѣ господа ему поклонились. Затѣмъ онъ сѣлъ на своего добраго коня, и они всеело пошли на ровное Косово поле. Они раскинули шатры на краю ровнаго Косова поля, а царь (Султанъ) сталъ съ войскомъ на быстрой рѣкѣ Ситницѣ (2). Тутъ они (т. е. войско Лазаря) остановились отдохнуть и ужинать, и веселятся они у стола за золотыми чашами. Но Вука Бранковича научила злая судьба: онъ сталъ говорить князю Лазарю передъ господами: «Милошъ будетъ тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ.» Когда Вука Бранковича услышалъ князь Лазарь, онъ взялъ въ руку золотую чашу съ холоднымъ виномъ и сталъ изъ золотой чаши «напивать» (3) Милошу: «Будь здоровъ, зять Милошъ: за мое и твое здоровіе! за мое и твое здоровіе и здоровіе всѣхъ господъ около насъ! Заклинаю тебя Единнымъ, Который тебя сотворилъ, и заклинаю тебя Даницею, твоею прекрасною подругою, заклинаю тебя ею, если ей тобою славиться и хвалиться: не будь мнѣ измѣнникомъ на Косовѣ!» Когда Милошъ Кобыловичъ услышалъ князя Лазаря, онъ

(1) Это упоминаніе о Венгерскомъ королѣ свидѣтельствуетъ опять о происхожденіи пѣвца, пѣвшаго эту рапсодію, изъ сѣверныхъ областей Сербскихъ, завистѣвшихъ отъ Венгріи.

(2) Въ подлинникѣ, вмѣсто Ситницы, сказано Марица,—ошибка весьма понятная при устной передачѣ пѣсни изъ края въ край, тѣмъ болѣе, что на Марицѣ дѣйствительно была другая песчаная битва Сербовъ съ Турками, именно та, въ которой погибъ Вукашинъ.

(3) *Напиасти*, т. е. пить вино, обращаясь къ кому нибудь съ тостомъ.

онечалился въ своемъ живомъ сердцѣ, взявъ въ руку золотую чашу холоднаго вина и сталъ изъ золотой чаши «напивать» Лазарю: «Будь здоровъ, тещъ Лазарь! за мое и твое здоровіе! за мое и твое здоровіе и здоровіе этихъ честныхъ господъ! Клянусь Единимъ, Который меня сотворилъ и клянусь Даницею, моею молодою подругою, клянусь ею, если ей мною славиться и хвалиться, не буду я тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ! Я тебѣ обещаюсь передъ всѣми этими господами: прежде нежели солнце будетъ завтра на восточной сторонѣ, я буду находиться подъ царскимъ (¹) шатромъ и я ударю царя кинжаломъ въ живое сердце и еще къ тому придавлю его правой ногою!» Тогда Милошъ пошелъ кликать своихъ слугъ, своихъ слугъ Ивана Милана и Николу Косанчича: «Ступайте, слуги, осѣдлайте молодецкихъ добрыхъ коней, ибо мы пойдемъ осматривать Турецкое войско». Вскочили слуги и осѣдлали коней, а Милошъ всталъ изъ-за господскаго стола, онъ бросился на своего добраго коня и отправился туда вверхъ (²) по ровному Косову полю. На конѣ вздремнулъ онъ немножко тихую дремотою, и солнце еще не стояло на восточной сторонѣ, а онъ, молодецъ, очутился предъ Султанскимъ шатромъ. Тогда крѣпкіе Турки стали говорить свѣтлому царю: «Вотъ у тебя передъ шатромъ Милошъ Кобыловичъ». А свѣтлый царь отвѣчаетъ своимъ Туркамъ, чтобы привели Милоша подъ его шелковый шатеръ. Когда Милошъ пришелъ къ честному царю, свѣтлый царь сталъ такъ говорить ему: «Что ты, Милошъ, пришелъ разглядывать мое войско?» А Милошъ Кобыловичъ отвѣчаетъ свѣтлому царю: «Я отступилъ отъ войска Лазаря князя и пришелъ помогать тебѣ, царю честному». Опять говоритъ Милошу свѣтлый царь: «Таковъ законъ, Милошъ, въ землѣ моей: кто ко мнѣ приходитъ, долженъ мнѣ вѣжливо поклониться и поцѣловать у меня колѣно правой ноги». Подошелъ Милошъ, чтобы поклониться свѣтлому царю и нагнулся, чтобы поцѣловать ему колѣно правой ноги,—выхватилъ золотой кинжалъ и его имъ ударилъ, (отскочилъ), и еще воротился и придавилъ его ногою.... Однимъ скокомъ выскочилъ онъ изъ его шатра и бросился съ другими на своего витязя-коня и вскакалъ на конѣ внизъ (³) по ровному Косову полю. Тогда Турки крикнули крѣпкими голосами, какъ одинъ

(1) Т. е. султанскимъ.

(2) *Вверхъ*, т. е. по направленію къ верховьямъ Ситницы.

(3) См. предъидущее примѣчаніе.

человѣкъ: « Милошъ ударилъ царя, но не убилъ его! » И за нимъ въ погоню поднялась вся крѣпкая сила Турецкая. Когда Милошъ увидѣлъ около себя крѣпкихъ Турокъ, онъ обернулся къ нимъ на встрѣчу съ саблею въ рукѣ и много Турокъ убилъ своею саблею; а кто отъ него убѣгалъ, не могъ убѣжать отъ добрыхъ слугъ. Но Милошу приключилась бѣда: Турки убили его слугъ. А онъ, молодецъ, еще объ этомъ не кручинился; но ему опять приключилась бѣда: голосъ вышелъ изъ облаковъ и говорилъ Туркамъ: « Развѣ вы, Турки, не видите, — пусть выпадутъ у васъ черные глаза! — что Милошъ закованъ въ броню и подъ нимъ его добрый конь: истребить онъ нынче всѣхъ васъ до одинаго! Бросайте ему подъ коня ваши щиты и острые сабли ». Когда Турки услышали этотъ голосъ, они бросили ему подъ коня щиты и острые сабли. Спотыкнулся на нихъ добрый конь, а они кинулись на него и отрубили ему правую ногу. Когда Милошъ увидѣлъ себя безъ молодецкой правой ноги, онъ схватилъ въ руку боевое копье и сталъ опираться на него вмѣсто ноги, и еще не далъ себя убить крѣпкимъ Туркамъ. Онъ крикнулъ, несчастный, изъ своего тонкаго горла: « Гдѣ ты, князь Лазарь, да видятъ тебя Богъ великій! помоги мнѣ, тещъ мой, теперь или никогда больше. Я согналъ тебѣ Турокъ на быструю рѣку Сятницу, нѣкоторыхъ я убилъ, а нѣкоторые потонули! « Все это хорошо слышалъ измѣнникъ Бранковичъ Вукъ, и сталъ такъ припѣвать передъ господами: « Держись, Милошъ, господское колѣно, покуда хочешь ратовать и биться съ Турками! Теперь ты заплатишь мнѣ всѣ зубы до одинаго! » Но князь Лазарь говорилъ своему зятю Вуку: « Молчи, замолчи, зять Вукъ, онѣмѣй у тебя тонкое горло! Я услышалъ теперь, говорить онъ (прислушавшись), чей-то голосъ вдалекѣ: я сказалъ бы, что это голосъ Милоша Кобыловича. Страхъ меня беретъ, что онъ въ великой бѣдѣ! » И они пошли и вскочили на своихъ добрыхъ коней. А тутъ то Турки подступили и ударили на нихъ, разбили Лазаря, ни съ чѣмъ не оставили, а Вукъ Бранковичъ убѣжалъ въ зеленныя горы. Лазаари они схватили живаго въ руки и отвезли его къ честному Отмановичу (1), и съ нимъ привели Милоша Кобыловича. Еще царь не разстался съ своею душою, такъ говорилъ онъ своимъ пашамъ и взираямъ: « Когда я буду уже разставаться съ своею душою, вы отрубите голову славному Лазарю князю, и вы отрубите также голову Милошу Кобыловичу, похорони-

(1) Султанъ Муратъ, внукъ Отмана.

те меня на Косовѣ ровномъ полѣ: подъ ноги мнѣ положите славнаго Лазаря князя, а Милоша Кобыловича у моей правой руки». Но когда Милошъ услышалъ свѣтлаго царя, онъ сталъ печально говорить ему такія рѣчи: «Могу ли просить тебя о чемъ, свѣтлый царь? не клади меня у своей правой руки, но положи ты меня, Милоша, подъ твои ноги, моего тестя Лазаря у твоей правой руки: какъ я ему всегда при жизни былъ хорошимъ слугою, пусть буду ему слугою и въ матерн—черной землѣ!» Смиловался свѣтлый царь на эти рѣчи. Но когда Лазарь услышалъ своего зятя, слезы полились у него по бѣлому лицу и онъ говорилъ ему, Милошу, такія слова: «Ахъ, блаженна мать твоя, которая тебя родила: тобою и всегда славился между братьями и господами! А да будетъ проклята мать, которая родила Вука: онъ опозорилъ меня передъ господами, онъ выдалъ меня на Косовѣ!» Еще хотѣлъ Лазарь бесѣдовать съ Милошемъ, но свѣтлый царь разстался съ своею душою. Турки отрубилъ голову славному Лазарю князю, славному Лазарю князю и Милошу Кобыловичу; Лазаря похоронили у царя по правую руку, Кобыловича Милоша подъ ногами свѣтлаго царя. Когда Милица услышала печальныя вѣсти, у нея отъ горя разорвалось живое сердце.»

Такова Сербская эпопея о Косовскомъ побоищѣ; она совершенно сходна по содержанию съ рассказами самихъ Косовскихъ жителей, которые хотя не поютъ, какъ я сказалъ, пѣсень о Милошѣ и Лазарѣ, однако живо представляютъ себѣ ихъ подвиги и ихъ кончину въ томъ же точно видѣ, какъ народный эпосъ; стало быть, и эпосъ и мѣстные рассказы имѣютъ основаніемъ одно общее преданіе, устатовившееся въ Сербскомъ народѣ. Преданіе это мы находимъ въ самомъ полномъ видѣ, въ одной лѣтописи (извѣстной подъ именемъ Тропошской), составленной въ концѣ XVIII вѣка, на основаніи древнѣйшихъ, краткихъ лѣтописныхъ извѣстій, но съ привнесеніемъ ктѣниихъ запаса историческихъ указаній, хранившихся въ народной памяти. Въ этомъ преданіи на первый планъ выдвинута измѣна Вука Бранковича, какъ главная причина пораженія Сербовъ. Въ древнихъ краткихъ лѣтописныхъ замѣткахъ, напротивъ, объ измѣнѣ Вука не говорится вовсе; одно лѣтописное сказаніе конца XIV или начала XV вѣка говоритъ о ней тономъ сомнѣнія («не вѣмъ, что истинное рещи о семъ, изданъ ли кымъ отъ своего бывъ храненія, или

иаче суду Божию о семь събывшусе»). Въ приведенной выше старинной пѣсни измѣна Вука, выставленная уже довольно ярко, еще не играетъ однако важной роли въ самомъ дѣйствіи; а въ лѣтописи конца XVIII вѣка и въ нынѣшнихъ Сербскихъ пѣсняхъ на ней лежитъ вся вина пораженія.

Изъ соображеній всѣхъ обстоятельствъ дѣла и иностранныхъ извѣстій видно, что Вукъ не былъ прямымъ предателемъ, но что онъ слишкомъ рано отчаялся въ успѣхъ битвы и отступилъ съ своимъ отрядомъ. Странно, какъ иногда несправедлива бываетъ народная память! Предавая Вука проклятію изъ рода въ родъ, Сербы въ то же время воспѣваютъ Марка Вукашиновича, какъ образецъ героя, а Марко положительно помогаль Амурату въ его походѣ противъ Лазаря, и вовсе не явился на Косово на помощь своимъ соотечественникамъ! Но, видно въ самой личности Вука Бранковича было что-то не симпатическое и коварное, расположившее народъ къ ненависти противъ него; объ его жизни мы почти ничего не знаемъ, но таковъ былъ, дѣйствительно, характеръ его сына, Юрія, правившаго Сербіею, среди разныхъ невгодъ, съ 1427 по 1456 годъ. Понятно, почему народъ, имѣя противъ Вука поводъ къ подозрѣніямъ и нелюбви, обрушилъ на него обвиненіе въ измѣнѣ и мало-по-малу прикрывалъ ею пораженіе Сербовъ: ибо для народнаго самолюбія все-таки утѣшительно, что свой же братъ, Сербъ, а не собственная доблесть дала Туркамъ побѣду. Дальѣйшее еще развитіе этой стихіи народнаго самолюбія мы видимъ въ прекрасной современной пѣсни, гдѣ Богородица предлагаетъ Лазарю побѣду и царство земное, или смерть и небесное царство, и онъ самъ избираетъ послѣднее.

Мы знаемъ народныя преданія о Косовской битвѣ въ томъ видѣ, какой она имѣла въ прошломъ вѣкѣ и имѣютъ теперь. Любопытно бы было сравнить эти преданія, принадлежащія позднему потомству, съ свидѣтельствами Сербовъ—современниковъ, о паденіи ихъ государства. Мы въ правѣ ожидать, что современники и близкіе потомки, пораженные этою великою катастрофою, оставили живыя описанія и сказанія о Косовой битвѣ, подобныя тѣмъ, которыя писались въ монастыряхъ Россіи о нашествіи Батыя и о Мамаевомъ побоищѣ. Къ удивленію, древняя Сербская письменность не представляетъ ничего подобнаго, хотя мы въ ней уже нашли, кромѣ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій, четыре довольно пространныхъ сказанія о Косовской битвѣ. Но они свидѣтельствуютъ только о томъ, какъ мало

было въ древнихъ Сербяхъ способности къ историческому пониманію и представленію. Даже величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силахъ было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, бессмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ Византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной Сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого бы то ни было лица или событія, ни живаго, простаго слова. Все—изысканныя, мудренныя фразы, все общія мѣста; даже названій лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали Сербскіе писатели, стараясь, по возможности, замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами. Такъ, напримѣръ, вмѣсто простаго извѣстія, что такой-то государь послалъ такого-то боярина туда-то съ войскомъ въ столько-то тысячъ, у древнихъ Сербскихъ писателей читаемъ всегда фразы въ родѣ этихъ: «Сей благочестивый и христілюбивый скиптоносецъ послалъ единаго отъ благородныхъ отечества своего въ нѣкую страну державы своей съ такою ратію, которая подобала для уничтоженія злокозненныхъ умысловъ враговъ своихъ» и т. под. Своего взгляда и сужденія они никогда не выражали. Вотъ почему всѣ историческія сказанія Сербскія, которыхъ дошло до насъ однако не мало и все весьма значительныхъ по объему, не объясняютъ нисколько ни древней жизни Сербскаго народа, ни даже историческихъ событій. Въ нихъ нѣтъ ни хронологическихъ указаній, ни извѣстій о дѣйствующихъ лицахъ и обстоятельствахъ времени. Какъ Русскіе лѣтописцы, какъ даже безтолковые Византійскіе историки кажутся привлекательными послѣ чтенія Сербскихъ историческихъ сказаній и житій! А эти сказанія и житія суть единственные произведенія древней Сербской письменности (за исключеніемъ переводовъ и официальныхъ актовъ). Другая характеристическая черта этихъ сказаній, неразрывно связанная въ нихъ съ обозначенной мною страстью къ фразеологіи и отсутствіемъ всякаго живаго смысла, есть безобразная, лицемерная лесть. Она убивала въ древнихъ Сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство. Нужно прочесть сказанія о дѣяніяхъ Неманичей, этой семьи полной проступленій брата противъ брата, сына противъ отца, отца противъ сына, чтобы понять, до какой степени духъ низкопоклонности могъ заглушать въ Сербяхъ нравственное чувство и сужденіе. Тамъ вы находите безпрестанно фразы въ

родѣ слѣдующихъ: «сему *благочестивому* краю Урошу (Милутину) *ослабнвшу* сына своего *возлюбленнаго* Стефана» (Даніилъ, въ Житіи Милутина); или: «сей *благочестивый* крау Урошъ третій (Дечанскій) *ненависть* воздвиже на сына своего *возлюбленнаго* (Душана) и вмѣсто *любве* великія *совершенною* ненавистью *возненавидѣ* ѿ» (Даніилъ, въ Житіи Стефана Дечанскаго) и множ. т. под. Разу-мѣется, при такомъ характерѣ лести, затмѣвающей всякое нравствен-ное разумѣніе, не могло быть того истиннаго, душевнаго благочестія, которое согрѣваетъ, напримѣръ, произведенія древней Русской сло-весности; вмѣсто того старинныя писанія Сербовъ представляютъ ка-кую-то условную набожность, которая нерѣдко доходитъ до явнаго фарисейства и граничить съ кошунствомъ, напримѣръ, въ тѣхъ много-численныхъ случаяхъ, гдѣ Сербскіе писатели, рассказывая о самыхъ черныхъ дѣлахъ своихъ королей, тутъ же величаютъ ихъ «благоче-стивыми, христіанскими» и т. под. Сербы подражали Византіи во многомъ, но приняли въ себя, какъ видно, только самыя дурныя ея стороны. Не даромъ кара, постигшая Византію, не миновала и ихъ; не даромъ и противъ нихъ судьба, по словамъ поэта,

Отману дала сокрушительный мзгъ

И силу коварную, злую.

Нельзя думать, чтобы пороки, высказывающіеся въ древней Сербской словесности, были случайною принадлежностью нѣкоторыхъ писателей. Нѣтъ, если бы низкопоклонство и фарисейство въ дѣлѣ религіи не были въ то время общимъ порокомъ народа, или, вѣрнѣе сказать, высшихъ его слоевъ, то мы не видѣли бы въ древней Сербской исто-ріи того поразительнаго явленія, что *всѣ* Сербскіе государи отъ Немани до паденія Сербскаго царства (за исключеніемъ одного только отцеубійцы Душана) причислялись современниками и близкими потом-ками къ святымъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ совершали хладнокровно тяжкія преступленія и постоянно готовы были измѣнить православію для политическихъ выгодъ, такъ что церковь и не могла въ послѣдствіи признать народнаго мнѣнія о нихъ законнымъ. Но, конечно, не весь народъ Сербскій долженъ подлежать осужде-нію, здѣсь провозносимому: только верхніе слои, заражаясь всѣмъ дурнымъ, что приносилось извнѣ, были проникнуты такимъ духомъ низкопоклонства и фарисейства; за то всѣ древніе памятники Серб-

ской словесности, будучи отраженіемъ духа, господствовавшего въ верхнихъ слояхъ общества, какъ будто бы не видятъ и не признаютъ существованія народа; въ низъ о народѣ вы не найдете и помину. Послѣ всего сказаннаго, мнѣ читателямъ понятно будетъ, почему эта словесность не умѣла сказать ни одного живаго слова о великомъ событіи, по поводу котораго я осмѣялся пуститься въ это длинное разсужденіе. Живое слово сказалъ о немъ народъ въ своихъ безыскусственныхъ пѣсняхъ; для грамотѣевъ же оно служило темою лжеученаго и лженабожнаго пустословія. И только въ гѣтонисѣ, составленной въ XVIII вѣкѣ, и обогащенной народною стихіею, заимствованною изъ пѣсенъ и преданій, является о Косовскомъ побоищѣ историческое сказаніе въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ въ древней Русской словесности, только съ гораздо меньшимъ характеромъ достовѣрности, потому что преданіе, какъ ни живо и крѣпко хранилось оно въ народѣ, должно было все-таки сгладиться и исказиться въ теченіе почти четырехъ столѣтій. Изъ современниковъ же только женщина умѣла сказать о Косовской катастрофѣ слово, проникнутое истиннымъ духомъ христіанскаго благочестія и любви. Врожденный тактъ женскаго ума освободилъ, видно, монахиню Евонію, вдову деспота Углеша, прежняго соперника князя Лазаря, отъ лжи, господствовавшей въ современномъ ей образованномъ классѣ Сербскомъ, и послѣ 460 лѣтъ нельзя читать безъ душевнаго сочувствія словъ, которыя она выткала золотомъ на шелковомъ покровѣ, устроенномъ ею для гробницы мученика-князя, погибшаго на Косовомъ полѣ:

«Въ краснихъ мира сего воспитал се еси отъ юности твоєе, о нові моучениче, кнеже Лазаре, и крѣпка роука господна въ всехъ господахъ земляныхъ крѣпка и славна показа те. господствовала еси землю отъчѣствія си, и въ всехъ блатыхъ възвеселил еси върученнѣи ти христіани, и моужьствинимъ срдцемъ и желаніемъ благочѣстіа изъшьль еси на зміа и съпостата божьствинихъ цркъвъ, расоудилъ нестрѣпимо бити срдцѣ твоємоу зрети христіани отъчѣствія ти обладеимъ бити измавлтени: аще ли сего не положуши, остави ти глѣбѣ висотѣ земнаго господьствія и обагрити се крѣвию своею и съвѣкоупити се съ вои небеснаго цара. тѣмже и двѣ желеаме положилъ еси, и зміа ѡбилъ еси и моученія вѣнцѣ възпріелъ еси отъ бога. ныма не въ забвеніе постави възлюбленна ти чѣда, иже сирѣхъ оставилъ еси прѣшъствнемъ твоимъ, тебе бо оупразнившоу се въ небесная веселія вѣчна многи скръби и болѣзни обеще възлюбленна

ти чеда, и въ многѣхъ скрбѣхъ житіе провождаютъ, обладаеми бо соутъ изманлени, і трѣбуемъ всѣи помощи твое. тѣмже молим се, моли се къ общенію владыцѣ о възлюбленнхъ ти чедѣхъ и о всехъ иже съ любовью и вѣрою слоужещнхъ имъ, печалемъ бо многѣмъ съпрежена соутъ възлюбленная ти чеда, ядоущи бо хлѣбъ ихъ въздвигше на нихъ ковь великъ, и твоя блага въ забить поставше, о иччениче. нъ аще и прѣшьль еси отъ житіа сего, скрѣби и болѣзни чедь твоихъ вѣсі і яко моученикъ дръзновение имашн къ господоу, прѣклони колѣне къ вѣнчавшомоу те владыцѣ, просі многолѣтное въ благихъ житіе възлюбленнмъ ти чедомъ проводить богуоугодно, просі православнѣи вѣрѣ христіанскеи неоскоудно стояти къ отъсѣтствію ти, просі побѣдителю богу побѣдъ подати възлюбленнмъ ти чедомъ, кнезоу Стефаноу и Влькоу, на невидиме и видиме враги, помощь бо аще приемемъ съ богомъ, тебѣ похвалоу и благодареніе възлави, събери лнкъ своихъ събѣдникъ, светихъ моученикъ, и съ всеми помоли се прославльшомоу те богу; възвѣсти Георгію, подвижни Димитриа, оубѣди Фодоре, поими Меркѣрія и Прокопіа, и. и. моученикъ севастиискнхъ не остави, въ нихже моучении воюють чеда твоя възлюбленна, кнезь Стефанъ и Влькъ, проси подати имъ се отъ бога помощи, приди убо на помощь нашу, идеже аще еси, на моя же малаа приношенія призри, и въ многа выѣни сіа, не по достоянію бо тебѣ похвалѣ принесохъ, нъ по сілѣ малаго ми разоума, тѣмже и мала възмздіа чаю. нъ не тако ти, о мяли мои господанне и свети моучениче, малоподатливъ билъ еси въ тлѣннихъ и маловѣчннхъ, колми паче въ непрѣходимнхъ великнхъ, яже възпрнлъ еси отъ бога, телесно бо странноую мене въ странныхъ окрмлялъ еси изобилно, ныня же обоюдоу прошоу, да окрмиши ме, и да оугниши боуроу лютооу доуше и тѣла моего. Ефиміа оусерьдно приносить сіа тебѣ, светі.»

Не осуждайте меня за это чрезмѣрно длинное отступленіе отъ моего разсказа. Когда я былъ на Косовомъ полѣ и сравнивалъ разсказы тамошннхъ поселянъ съ повѣствованіемъ народной эпопеи о великомъ побойцѣ, мнѣ пришла мысль опредѣлить отношеніе древннхъ сказаній о немъ къ народнымъ преданіямъ. Этотъ вопросъ привелъ меня къ вышензложеннымъ заключеніямъ, которыя я представилъ вамъ потому, что желаю въ этихъ письмахъ не только изображать видѣнныя мною мѣстности, но отчасти и характеризовать народъ, ихъ занимающій. А то, что я сказалъ о характерѣ древней Сербской письменности и высшихъ слоевъ древняго Сербскаго об-

щества, имѣетъ не только археологическій интересъ. Есть въ этомъ кое-что приложимое отчасти и къ современности. Что и теперь еще риторство составляетъ недугъ большинства Сербовъ, какъ скоро они мало-мальски образовались подражаніемъ чужому, въ томъ согласится всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ этимъ народомъ. Что же касается до низкопоклонства передъ властію и всего, отсюда протекающаго, то, право, встрѣчаешь въ современной Сербской письменности нѣкоторыя явленія, напоминающія старинныя сказанія о дѣяніяхъ Неманичей. Только вмѣсто того, чтобы умалчивать о существованіи народа, какъ было въ старину, новѣйшая Сербская письменность, повинуваяся духу времени, то и дѣло толкуетъ о народѣ и о народности, но толкуетъ она о нихъ большею частью такимъ риторическимъ тономъ и съ такою лестью, что не всегда вѣрныи искренности этихъ фразъ и не рѣдко думаешь, что было бы лучше, если бы поменьше и построже говорили народу о немъ самомъ. Пусть Сербы скажутъ себѣ, что риторство и лесть суть тяжелые и пагубные недуги въ обществѣ. Недуги эти не могутъ быть въ крови такого народа, гдѣ простые, грубые носеляне выказываютъ въ своемъ характерѣ много благороднаго мужества, въ своихъ пѣсняхъ много вѣрнаго художественнаго смысла; стало быть, эти недуги излѣчимы. Но они, къ несчастію, черезъ-чуръ легко прививаются къ людямъ, которые, выдѣлявшись изъ этого народа и пріобрѣтши нѣкоторый заграничный лоскъ «цивилизаци», спѣшатъ высказывать громкими словами свою поверхностную музрость и, сбитые съ толку не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, дѣлаются слѣпыми поклонниками случая и выгоды.

А. Гильбердинъ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О СКУПШТИНѢ.

(Письмо въ редакцію Русской Бесѣды)

26 Декабря 1838 г.
Бѣградъ.

М. Г.

Среди насъ въ настоящія минуты совершаются удивительныя дѣла,—обстоятельства, занимающія насъ сколько по своей важности, столько же, и даже болѣе, по возвышенности мысли, изъ которой и истекли они, какъ необходимые результаты.

Они не безынтересны и вообще, а особенно для насъ Славянъ; и это одна изъ причинъ, заставляющихъ меня написать о нихъ кое-что и къ вамъ.

Мы, конечно, люди темные, «восточные полуварвары» ⁽¹⁾; но тѣмъ не менѣе и у насъ совершается порой нѣчто такое, чего нѣтъ въ лѣтописяхъ человѣчества.

Представьте себѣ, м. г., что все это происходитъ въ какой-то странѣ, по поводу перемѣны власти, — въ странѣ, жители которой всегда вооружены съ головы до ногъ. Въ этомъ подвигѣ участвуетъ вся земля и ея престольный городъ. До 10,000 человекъ вооруженнаго населенія идутъ по улицамъ, отбрасываютъ регулярныя войска отъ Скупштины, берутъ цѣлую роту солдатъ, держать стражу въ городѣ, не признавая болѣе существовавшую въ немъ власть; сводятъ недостойнаго и возводятъ достойнѣйшаго князя—и все это дѣлается въ такомъ порядкѣ, съ такимъ хладнокровіемъ, что никто не

(1) Такъ иногда величаютъ насъ въ Австрійскихъ газетахъ.

погибаетъ, никто даже не раненъ; безъ случайнаго ружейнаго выстрѣла, безъ малѣйшаго вреда и ущерба, кому бы то ни было, во все время!..

Вѣдь не дурно? хороши Сербы? — а?

Но чтобы мой разсказъ былъ яснѣе, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Безъ всякаго сомнѣнія вамъ очень хорошо извѣстна новая исторія Сербіи: вы знаете заслуги князя Милоша Обреновича, оказанныя Сербіи; знаете народную любовь и преданность къ этому человѣку; знаете и то, что наши великаши ⁽¹⁾ (которымъ Милошъ въ свое правленіе не позволялъ нествотствовать надъ народомъ) употребили всѣ усилія, чтобы удалить Милоша изъ Сербіи. Все, на что только былъ способенъ ихъ хитрый умъ, все, чему они были научены въ Стамбулѣ—все это было употреблено въ дѣло для отстраненія Милоша отъ народа.

Милошъ долго боролся, но когда они ему сказали, что «его не желаетъ народъ», онъ отвѣчалъ: «Если народъ меня не желаетъ, я не хочу ему навязываться», и оставилъ Сербію. Это было 1-го Іюня 1839 года.

Сынъ Милоша, Миланъ, вступившій на тронъ отца по праву наслѣдія, умеръ въ 21-й день своего княженія.

Мѣсто его занялъ другой сынъ Милоша, Михайлъ. Онъ былъ еще молодъ, но султанъ призналъ его въ княжескомъ достоинствѣ, тайно назначивъ ему двоихъ опекуновъ — Абрама Петровіевича и Вучича. Михайлъ не хотѣлъ признать ихъ, и они, защищая во мнѣніи Порты свое назначеніе, возбудили ее противъ Михайла. Въ тяжкой борьбѣ съ нестовыми великашами Михайлъ провелъ два года и наконецъ долженъ былъ удалиться въ Австрію. Великаши только этого и ждали и избрали въ правители Сербскаго народа Александра Карадьюрдевича, сына покойнаго Карадьюрды. Это было въ Сентябрь 1842 года. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, великаши обманули народъ. Они говорили, что Милошъ и Миланъ попираютъ Уставъ Сербіи, и, что они, великаши, охраняютъ его и потому называли сами себя «защитниками Устава» (Уставобранители). По достиженіи власти они сдѣлались палачами своего народа. Они кровью залили землю Сербскую и ея гражданъ, которые съ сожалѣніемъ

(1) Магнаты, или лучше сказать: большаки.

вспомнили правленіе Милоша и Миханга; пути и города Сербскіе украсили орудіями казни (1) народа—особенно чиновниковъ, священниковъ и гражданъ,—и все это, по словамъ ихъ, творилось за тѣмъ, чтобъ поддержать Уставъ Сербскій, которымъ гарантировались «жизнь, благосостояніе, честь и имущество каждаго» (§ 66).

Уже съ первыхъ дней правленія князь Александръ доказалъ свою неспособность къ несенію столь важнаго и тяжкаго бремени. Весь народъ жалѣлъ Обреновичей. Сами великаши видѣли, что этотъ человекъ не способенъ быть правителемъ; но, опасаясь Обреновичей, предъ которыми они были такъ виновны, великаши употребляли всѣ усилія, чтобы возбранить возвратъ Обреновичей въ Сербію. И этому опасенію Александръ долженъ былъ быть благодаренъ за 16-ти лѣтнее управленіе Сербією, въ которое онъ хотя и не сдѣлалъ ничего путнаго, но тѣмъ не менѣе приобрѣлъ много золота, которое онъ очень любить.

Много разъ народъ готовъ былъ поднять оружіе для призванія Обреновичей, но великаши всякій разъ уничтожали эти покушенія и послѣ жестоко мстили за нихъ. Наконецъ и имъ надобно слѣпо повиноваться человеку, неспособному управлять и одной семьей, не только цѣлымъ государствомъ. Александръ же, не умѣя приобрести любви народной, способенъ былъ только наказывать каждаго, имѣющаго хоть что нибудь противъ него.

Его безчеловѣчные поступки съ тѣми изъ Сербовъ, которые обвинались въ покушеніи на жизнь князя, вооружили противъ него и самыхъ великашъ, которые до сихъ поръ были почти на его сторонѣ, народъ же и всегда былъ противъ него. На его сторонѣ оставались только его родственники или люди, имъ выдвинутые впередъ. Ихъ стараніями, весною, въ Апрельѣ мѣсяцѣ, въ Сербіи явился Этем-паша, и эта минута можетъ считаться началомъ паденія князя Александра.

Министерство, состоявшее тогда изъ противниковъ Александра, не могло быть свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, и должно было попустить тѣ страшныя ограниченія, среди которыхъ народъ стоналъ цѣлыя 16 лѣтъ.

Тяжело было дышать ему; всѣ въ одинъ голосъ требовали Скупщины—достойнѣйшаго древняго установленія Сербовъ, которое, при

(1) Такъ, напр. отъ Бѣлграда до Шабла.

своемъ свободномъ составѣ, вырывало бы куколь съ полей Сербіи, застыянныхъ пшеницею.

Послѣ всевозможныхъ сопротивленій и оттяжекъ, князь Александръ долженъ былъ согласиться съ общимъ желаніемъ и вслѣдствіе этого издалъ законъ, одобряющій собраніе Скупштины.

На основаніи этого закона каждыя 500 человекъ избираютъ *свободно* одного представителя на народную Скупштиную. Число всѣхъ призываемыхъ закономъ депутатовъ съ чиновниками и священниками достигаетъ 437-ми. Главною задачею дѣятельности Скупштины полагается: «быть предъ лицомъ правительства вѣрнымъ откликомъ воли и потребностей народа и изыскивать средства къ споспѣшествованію народнаго благоденствія.»

Скупштина собралась въ Бѣлградѣ 30-го Ноябра, въ день св. Андрея, прославляемый всенародно въ Сербіи (1).

Первымъ дѣломъ Скупштины было издать законъ, которымъ постановлялось, чтобы впередъ Скупштина созывалась ежегодно, — и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлялись ея занятія. Это постановленіе было представлено Совѣту (2) на утвержденіе.

Проектъ закона гласилъ:

«Народъ Сербскій, чрезъ свою Свято-Андреевскую Скупштиную, собранную въ Бѣлградѣ 1858 года, предлагаетъ:

ЗАКОНЪ

О НАРОДНОЙ СКУПШТИНѢ.

§ 1.

Народная Скупштина есть одно изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ установленій княжества Сербскаго. Она представляетъ законную волю всего Сербскаго народа.

§ 2.

Тотъ, кто противится установленію и узаконенной дѣятельности народной Скупштины — считается измѣнникомъ отечества.

(1) Во 1-хъ, потому что въ этотъ день въ 1806 году Сербы заняли Бѣлградъ; а во 2-хъ потому, что въ этотъ же день въ 1830 году обнародованы народныя права.

(2) Сенатъ.

§ 3.

Никто не можетъ ни уничтожить народную Скупштинну, ни ограничить ея правъ.

§ 4.

Народная Скупштина заботится о всемъ, касающемся благоденствія отечества.

§ 5.

Никакіе законы, касающіеся Князя, Совѣта, Попечительствъ ⁽¹⁾ и народной Скупштинны не могутъ ни быть изданы, ни измѣнены безъ ея предварительнаго согласія.

§ 6.

Народная Скупштина имѣетъ власть именемъ народа уничтожать все законы и учрежденія, противныя народнымъ интересамъ.

§ 7.

Сербія не можетъ входить ни въ какія обязательства, пока не признаетъ ихъ народная Скупштина.

§ 8.

Не могутъ быть установлены: никакаго приходъ въ государственную кассу, который бы посредственно или непосредственно палъ обременительно на народъ, — и никакая выдача изъ народной кассы, пока потребность этого не будетъ доказана предъ лицомъ народной Скупштинны въ главномъ годичномъ государственномъ бюджетѣ.

§ 9.

Народная Скупштина можетъ разбирать все государственныя мѣры и высказывать о нихъ свое мнѣніе.

§ 10.

Народная Скупштина можетъ именемъ народа подвергать суду попечителей ⁽²⁾ и всехъ чиновниковъ безъ различія рода и званія за ихъ противозаконныя доказанныя поступки; и судъ долженъ, принявъ жалобу, начать изслѣдованіе и сужденіе

§ 11.

Народная Скупштина составляется изъ лицъ, избираемыхъ народомъ.

(1) Министерствъ.

(2) Министровъ.

§ 12.

Народная Скупщина имѣть быть ежегодно въ столичномъ городѣ Сербіи, въ день Рождества Богородицы.

§ 13.

Правительство учреждаетъ до дня Успенія Богородицы выборъ депутатовъ.

§ 14.

Если до дня Успенія новые депутаты избраны не будутъ, то вновь избранными считаются депутаты послѣдней Скупщины, и обяжутся, не ожидая призыва власти, явиться на определенное мѣсто и въ день Рождества Богородицы открыть Скупщину.

§ 15.

Попечители, при которыхъ до назначеннаго дня не будетъ созвана и установлена учрежденная Скупщина, считаются и караются, какъ величайшіе преступники закона.

§ 16.

Каждый совершеннолѣтній гражданинъ Сербскій, какого бы состоянія, рода, званія и занятія ни былъ, не осужденный въ корыстолюбіи, имѣеть голосъ при избраніи депутатовъ въ мѣстѣ жительства, или гдѣ онъ имѣеть движимую собственность, или средства къ жизни.

§ 17.

Кто имѣеть голосъ при избраніи депутатовъ, тотъ можетъ также всюду быть избранъ въ депутаты, если достигъ 30-ти лѣтняго возраста, не взирая на то, будетъ ли онъ при избраніи или не будетъ.

§ 18.

Выборъ депутатовъ на народную скупщину долженъ быть совершенно свободенъ отъ всякаго вмѣшательства власти.

§ 19.

Если кто угрозами, подарками или иными какими недозвольтельными средствами будетъ стараться за себя или за другаго—быть избраннымъ въ народные депутаты,—то судъ долженъ наказать его лишеніемъ свободы отъ одного мѣсяца до года.

§ 20.

Каждый округъ и городъ избирають отъ себя депутата, равно и каждое мѣстечко, въ которомъ до 500 податныхъ, избираеть отъ себя депутата.

§ 21.

По округамъ избираеть выборная скупштина, которую составляютъ избиратели отъ каждаго окружнаго села или мѣстечка; каждое село или мѣстечко, которое не избираеть отъ себя и имѣеть менѣе 50-ти податныхъ, избираеть на сельскомъ сходѣ двоихъ человекъ; а села, имѣющія болѣе 50-ти податныхъ, избирають на каждыя 50 податныхъ по два человека. Эти избранныя лица собираются въ определенный день въ назначенное мѣсто на окружную выборную скупштиную, которая и имѣеть избирать депутатовъ на пародную Скупштиную.

§ 22.

По окружнымъ городамъ и въ Бѣлградѣ, равно какъ и по городамъ, не имѣющимъ округовъ, но по § 21 избирающимъ отъ себя депутатовъ, избираеть выборная скупштина, которую составляютъ всѣ, имѣющіе право избирать.

§ 23.

На выборной скупштинѣ предѣдательствуетъ предѣдатель того мирнаго суда, гдѣ скупштина находится. Кто имѣеть болѣе голосовъ, тотъ и провозглашается депутатомъ.

§ 24.

Каждый округъ и каждый окружный городъ въ округѣ, который по § 21 отъ себя избираеть, выбираеть на каждыя 500 податныхъ одного депутата. И окружные города, имѣющіе менѣе 500 податныхъ, избирають одного депутата. Если же въ какомъ нибудь округѣ или городѣ, количество податныхъ, превышая 500, простиралось бы до количества болѣе 250 податныхъ, то тамъ избирается еще одинъ депутатъ. Если же излишекъ не переходитъ за цифру 250, то не принимается въ расчетъ. Попечительство внутреннихъ дѣлъ имѣеть обнародовать таблицу, въ которой излагается: сколько какой окружный городъ, округъ или городъ, не имѣющій округа, но избирающій депутата — имѣеть податныхъ, и сколько долженъ избирать депутатовъ.

§ 25.

Скупщина, подъ управленіемъ старѣйшаго депутата по лѣтамъ, избираетъ изъ среды себя предсѣдателя, подпредсѣдателя и двоихъ секретарей. Но секретарей Скупщина можетъ избирать и не изъ среды себя.

§ 26.

Коммиссія Скупщины, составленная изъ 18 депутатовъ, принимаетъ и рассматриваетъ полномочія депутатовъ, снабженные печатью общины и подписанныя предсѣдателемъ и дѣлопроизводителемъ выборной скупщины, по городамъ—однимъ изъ членовъ общины, а въ округахъ—однимъ изъ избирателей отъ каждаго села. Скупщина сама уже рѣшаетъ, законны ли полномочія и выборы.

§ 27.

По собраніи и по разсмотрѣніи полномочій, Скупщина извѣщаетъ Совѣтъ, а онъ въ свою очередь Князя, который уже лично, или черезъ своего представителя открываетъ Скупщину

§ 28.

Скупщина продолжается мѣсяцъ. Но въ случаѣ чрезвычайной необходимости можетъ оставаться и долѣе.

§ 29.

Засѣданія Скупщины могутъ начаться, если на ядро будетъ двѣ трети депутатовъ.

§ 30.

Всякое опредѣленіе Скупщины становится закономъ, если оно принято хоть однимъ голосомъ сверхъ половины.

§ 31.

Опредѣленія народной Скупщины подписываются предсѣдателемъ, подпредсѣдателемъ, депутатомъ отъ каждаго округа и секретарями.

§ 32.

Предложенія свои объ изданіи всякаго новаго закона Скупщина подноситъ Совѣту.

§ 33.

На поднесенныя опредѣленія Скупщины долженъ быть данъ своевременный отвѣтъ.

§ 34.

Протоколъ засѣданій народной Скупщины печатается въ официальныхъ и другихъ отечественныхъ газетахъ.

§ 35.

Въ случаѣ какой нибудь чрезвычайной необходимости, Князь, согласясь съ Совѣтомъ, можетъ созвать и чрезвычайную Скупщину. Но это собраніе чрезвычайной Скупщины не должно ни въ чемъ мѣшать собранію и продолженію установленной народной Скупщины.

§ 36.

Народные депутаты никому и никогда не должны отвѣчать за то, что будетъ говорено на народной Скупщинѣ.

§ 37.

Народный депутатъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ подвергнуться заключенію во время Скупщины, безъ ея согласія. Но еслибы онъ дѣйствительно оказался виновнымъ, то можетъ подвергнуться заключенію, но тотчасъ же на это должно быть сняскано одобреніе Скупщины.

§ 38.

На печати народной Скупщины изображается гербъ Сербіи съ надписью вокругъ: «Сербская Народная Скупщина.»

§ 39.

Стараніями председателя и секретаря ведется полное производство всѣхъ дѣлъ Скупщины, которое при концѣ послѣдняго засѣданія снабжается надлежащимъ подписомъ Скупщины (§ 31), печатается и дается по экземпляру каждому депутату, а равно доставляется всѣмъ отечественнымъ властямъ и общинамъ. Окружные власти созываютъ окружные и городовыя скупщины, для прочтенія всего дѣлопроизводства народной Скупщины, чтобы весь народъ имѣлъ вѣрные и точныя свѣдѣнія о всемъ, что дѣлалось на Скупщинѣ.

§ 40.

По выслушаніи предложеній, составленіемъ которыхъ занималась народная Скупщина, Князь, по согласенію съ Совѣтомъ, выслушавъ предварительно о томъ мнѣніе Скупщины, издаетъ указъ, которымъ прекращаются ея занятія. Указъ этотъ доставляется Скупщинѣ Со-

вѣтомъ и потомъ Князь или лично, или чрезъ своего представителя закрываетъ Скупштинау.

Все это утверждено и обнародовано засѣданіемъ народной Скупщины въ понедѣльникъ 8-го Декабря 1858 года, въ Бѣлградѣ.»

Народная Скупштина этотъ проектъ препроводила на рѣшеніе Совета съ просьбою, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, благоволилъ извѣстить Скупштинау о своемъ заключеніи.

Засѣданіе кончилось въ часъ по полудни. За снѣмъ слѣдуютъ подписи:

Подпредсѣдатель *Стевча Михаиловичъ.*

Секретарь *Іованъ Иличь.*

Уполномоченные именемъ всѣхъ депутатовъ отъ округовъ:

Алексинскаго *Милосавъ Трифунаць.*

Города Бѣлграда *Міяило Барловаць.*

Бѣлградскаго *Паунъ Янкозичъ.*

Валѣвскаго *Ивко Остоичъ.*

Гургусовацкаго *Милошъ Станковичъ.*

Крагуевацкаго *Сава Вуковичъ.*

Краинскаго *Цела Миловичъ.*

Крушевацкаго *Коста Илиичъ.*

Подриискаго *Сава Боичъ.*

Пожаревацкаго *Петаръ Притичъ.*

Рудицкаго *Милое Петровичъ.*

Смедеревскаго *Марко Лукичь.*

Ужицкаго *Сима Маричъ.*

Цриорѣцкаго *Іованъ Машичъ.*

Чачанскаго *Вуле Пантеличь.*

Шабацкаго *Стева Милчи. Топузозичъ.*

Ягодинскаго *Сава Бушета.*

Чупријскаго *Станое Пеливановичъ.*

Утвердивши такимъ образомъ право народа регулярно собираться на Скупштинау, она начала заниматься разсматриваніемъ его нуждъ и потребностей. И когда депутаты Бѣлградскій и Смедеревскій износили все зло, нашедшее на народъ отъ верховной власти, Скупштина единодушно признала, что княжеская власть не должна болѣе оставаться въ рукахъ Александра, если народъ желаетъ и впередъ спокойствія Сербіи. Велѣдствіе этого Скупштина единогласно опредѣлила:

лишить князя Александра власти и передать ее Скупштинѣ. Съ этою цѣлью Скупштина назначила депутацію къ Александру и отправила ее въ 12 часовъ 10 Декабря къ князю съ слѣдующимъ письмомъ:

«Свѣтлѣйшій князь Сербскій,

Александръ Караджордѣевичъ!

Народная Скупштина, именемъ народа Сербскаго, въ своемъ сегодняшнемъ засѣданіи единогласно изъявила единодушное желаніе всего Сербскаго народа, чтобы ваша свѣтлость отказались отъ достоинства Сербскаго Князя и власть свою передали народной Скупштинѣ. Народная Скупштина посылаетъ къ вамъ избранную изъ своей среды депутацію съ актомъ отреченія для передачи его вашей свѣтлости, который, ваша свѣтлость, благоволите подписать.

Народная Скупштина надѣется, что, ваша свѣтлость, уважите этотъ голосъ всего народа и добровольно откажетесь отъ господства изъ любви ко благу, миру и спокойствію нашего и вашего отечества; и какъ въ 1842 г. народная Скупштина вамъ передала власть, такъ и вы, свѣтлѣйшій князь, возвратите теперь эту власть Скупштинѣ, а чрезъ нее и народу. Такъ опредѣлено въ засѣданіи народной Скупштинны въ среду 10-го Декабря 1858 года, въ Бѣлградѣ.»

Князь принявъ депутацію въ своемъ дворцѣ и, узнавъ, чего желаетъ Скупштина, смутился и сказалъ: «Братья! убейте меня, но не требуйте отреченія...» Стевча Михайловичъ, главное лицо депутаціи, такъ отвѣчалъ на слова Александра:

— «Господарь! мы не хотимъ ни чьей смерти, тѣмъ менѣе твоей, но только желаемъ, чтобы ты оставилъ правленіе, къ которому неспособенъ; а послѣ этого живи съ нами и среди насъ, какъ всякій достойный гражданинъ Сербскій.»

— Такъ, такъ, господарь!! подтвердила вся депутація.

Князь отвѣчалъ, чтобы подождали его рѣшенія до завтра, пока онъ переговоритъ объ этомъ съ своими совѣтниками. Депутація удовольствовавалась и отправилась на Скупштинну, чтобы передать ей отвѣтъ князя. Скупштина согласилась выжидать обѣщаннаго «завтра.» Между тѣмъ въ то же самое время, какъ депутація отправлялась къ князю, Скупштина писала Съѣзду изъясняя, для чего она собираетъ его, и просила письменно увѣдомить: «присоединяетъ ли онъ и свой голосъ къ голосу народа»; равно и къ начальнику гарнизон-

наго войска, Лукачевичу: «чтобъ онъ ничего не предпринималъ съ войскомъ, ему ввѣреннымъ; такъ какъ войска существуютъ за тѣмъ, чтобъ хранить народъ отъ зла, а не зло отъ народа.»

Все это происходило около полудня 10-го Декабря.

Въ четыре часа по полудни князь Александръ созвалъ къ себѣ всѣхъ Европейскихъ консуловъ и пашу Бѣлградскаго, Кабули-эфенди (1), и спрашивалъ ихъ совѣта въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но всѣ отвѣчали ему, что ничего не могутъ придумать въ этомъ случаѣ. Все это тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Скупштинѣ и ужъ пронесся слухъ, что князь собирается въ ту же ночь въ Крагуевацъ. Граждане Бѣлградскіе, бросивъ всѣ свои занятія и вооружившись, приготовились ко всему, что бы ни случилось. Совѣтъ собрался въ княжеской канцеляріи. Въ то же время отправилась новая депутація отъ Скупштины, чтобы немедленно донести ей: 1) или объ отреченіи князя, или его отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ; 2) отвѣтъ Совѣта: съ народомъ ли онъ, или нѣтъ?

Когда депутація передала Совѣту намѣреніе Скупштины, Совѣтъ отправился къ князю съ цѣлю склонить его на отреченіе.

Исключая А. Майсторовича и Ев. Гавриловича всѣ члены Совѣта и министры убѣждали князя, что онъ лучше сдѣлаетъ, если добровольно подпишетъ отреченіе. Но когда увидѣли, что всѣ увѣщанія напрасны, они простылись съ княземъ, заявивъ, что и они съ его стороны переходятъ на сторону народа. Трогательно было ихъ послѣднее разставаніе. Совѣтникъ Хранисавлѣвичъ сказалъ ему: «господарь! я начальникъ одной роты солдатъ, да и тутъ, если она выскажетъ ко мнѣ недовѣрчивость, я бы скорѣе сталъ просить милостыню или умеръ бы, а не сталъ бы ей навязываться; а вы насильно хотите быть государемъ цѣлаго народа, который васъ не желаетъ.» На послѣдокъ князь сказалъ, что «завтра утромъ, часовъ въ 10, онъ подпишетъ отреченіе и проситъ передать это Скупштинѣ.» Выслушавъ такой отвѣтъ, Совѣтъ простился съ княземъ и отправился въ залъ, гдѣ его ожидала депутація Скупштины, передалъ ей отвѣтъ князя и торжественно присовокупилъ съ своей стороны, что и онъ присоединяетъ свой голосъ къ голосу народа. Выслушавъ это, депутація отправилась въ Скупштину и передала ей отвѣтъ князя и слова Совѣта. Скупштина положила подождать отреченія — и разошлась.

(1) Который съ нѣкотораго времени проживаетъ здѣсь въ качествѣ комиссара, неизвѣстной только комиссіи.

Что же между тѣмъ творилось во дворцѣ князя? Оставшись одинъ, онъ испугался послѣдствій отреченія и рѣшился избѣжать его. И въ послѣднія минуты своей политической жизни онъ остался вѣренъ всегдашней своей политикѣ: «не съ народомъ! ..» Онъ рѣшился не давать отреченія, думая этииъ поправить ходъ всего дѣла. Но онъ жестоко ошибался.... Наконецъ онъ рѣшился перебраться въ Бѣлградскую крѣпость къ Туркамъ (1), и, боясь отправиться одинъ, онъ упросилъ Гарашинна отвезти его въ своемъ экипажѣ. Это было около полуночи съ 10-го на 11-е Декабря.

Рано утромъ, 11-го Декабря Скупштина составила засѣданіе, и, уже извѣщенная о переездѣ князя въ крѣпость, отправила депутацію въ Совѣтъ съ вопросомъ: тамъ ли находится Князь, гдѣ ему слѣдуетъ быть, или нѣтъ? Совѣтъ отвѣчалъ письменно, что «онъ раздѣляетъ мнѣніе народа и что князь бѣжалъ ночью въ крѣпость къ Туркамъ и такимъ образомъ земля осталась безъ главы.»

Въ слѣдствіе этого народная Скупштина единогласно слѣдующимъ актомъ присудила сверженіе князя Александра:

« Народная Скупштина именемъ народа опредѣляетъ и объявляетъ слѣдующее: князь Александръ Карадѣордьевичъ лишается достоинства Князя Сербіи и съ этой же минуты считается потерявшимъ свою власть, которая переходитъ къ народной Скупштинѣ. Такъ постановлено и объявлено въ засѣданіи народной Скупштины Декабря 11-го дня 1858 года, въ Бѣлградѣ.» Актъ этотъ подписанъ всеми народными депутатами.

Съ тѣмъ вмѣстѣ народная Скупштина, желая, чтобы отечество ни на минуту не оставалось безъ главы, единогласно, слѣдующими словами заключило актъ воспоставленія на достоинство князя Сербіи Милоша Обреновича: «такъ какъ князь Александръ Карадѣордьевичъ низверженъ, то народная Скупштина, именемъ народа, воспоставляетъ князя Милоша Обреновича въ достоинство Князя Сербіи съ наследственными правами, по уставу ему дарованнымъ. Такъ постановлено и объявлено въ засѣданіи Сербской народной Скупштины. 11-го Декабря 1858 года, въ Бѣлградѣ.» Оба эти акта Скупштина обнародовала прокламаціею «всему народу Сербскому.»

Вслѣдъ за этимъ Скупштина издала указъ, который передавала

(1) Крѣпость находится на высокомъ мѣстѣ города и господствуетъ надъ окрестностью. Здѣсь средоточіе Турецкаго гарнизона, единственнаго въ Сербіи.

Прим. Пер.

начальство надъ гарнизоннымъ войскомъ и надъ Бѣлградомъ Стевчѣ Михайловичу, подиректѣдателью парадной Скупштини. О всемъ этомъ Скупштина извѣстила Совѣтъ и всѣ Попечительства, а на Попечительство внутреннихъ дѣлъ наложила обязанность привести въ исполненіе указъ о передачѣ команды надъ войскомъ и Бѣлградомъ Стевчѣ; но Гарашанинъ не тотчасъ привелъ это въ исполненіе, и въ это время могло произойти много ужасныхъ беспорядковъ; но все кончилось благополучно, благодаря мудрой разсудительности Сербскаго народа.

Совѣтъ, получивъ извѣщеніе отъ Скупштини о низверженіи Александра и о воспоставленіи Милоша, обрадовался первому и испугался втораго. Немедленно отправилъ онъ подъ предводительствомъ Вучича депутацію къ Скупштинѣ. Вучичъ сказалъ Скупштинѣ, что относительно перваго она поступила хорошо, но что въ другомъ слишкомъ поторопилась; потому что «государи не захотятъ допустить возвращенія Милоша въ Сербію.» На это народъ воскликнулъ въ одинъ голосъ: «государи—наши благодѣтели и допустятъ все, что поведетъ насъ ко благу.» Депутація видѣла, что все кончено, и, недовольная, возвратилась въ Совѣтъ. Войска, не извѣщенные объ этомъ оффиціально, но тѣмъ не менѣе знавшія все, оставались покойны. А граждане Бѣлграда, которыхъ отъ 3-хъ до 4,000 человекъ вооруженныхъ собралось предъ здаціемъ, занимаемымъ Скупштиною, услыхавъ дорогое имя избавителя Сербіи, оглашали воздухъ пронзительными кликами: «Да здравствуетъ Скупштина! Да здравствуетъ князь Милошъ!» и тогда же, отънесявъ портретъ Милоша, съ радостными кликами и пѣніемъ пропесни по всѣмъ улицамъ Бѣлграда. У многихъ выступали слезы радости. . . Такъ прошелъ день 11-го Декабря и наступила ночь.

Опять слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ великашахъ. Въ этихъ обстоятельствахъ они дѣлились на двѣ партіи: одни были за князя Александра, а другіе противъ него; но изъ этихъ послѣднихъ немногіе желали возстановленія Милоша, а остальные и его не желали; а ужъ чего они хотѣли — только Богъ одинъ знаетъ. Извѣстно только, что они желали образованія *kajmakamii*, и только позднѣе—*избранія* князя. Имъ было извѣстно, что народъ низвергъ Александра, но до нихъ еще не доходила вѣсть о воспоставленіи Милоша. Они доказывали, что народъ имѣетъ право только на первое, не взявъ во вниманіе, что *народъ правъ избранія*

имѣть по уставу, а право сверженія истекаетъ изъ права избиранія.

Теперь я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ объ одной личности не изъ великашъ, а именно—о нѣкомъ Миливоѣ Петровичѣ, начальникѣ военнаго отдѣленія при Попечительствѣ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ человекъ еще въ 1848 году, въ Загребѣ, заслужившій недобрыя князя Милоша, пуще огня боялся его возврата въ Сербію. Но видя желаніе всего народа возстановить Милоша, Миливоѣ «схватился, какъ у насъ говорятъ, за раскаленное желѣзо.» Опъ, уговорившись съ великашами и офицерами, которые были въ родствѣ съ княземъ Александромъ, ночью выдвинулъ солдатъ и рано утромъ, 12-го Декабря, всѣ гарнизонныя войска выстроены были въ боевой порядокъ у казармы и громко кричали: «да здравствуетъ князь Александръ!»

Совѣтники, знавшіе это, явились въ Совѣтъ, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ солдатъ, который взялъ ихъ и, какъ будто силою, отвелъ въ казарму. Здѣсь имъ говорили, что слѣдуетъ пригласить обратно князя Александра изъ крѣпости и возвести его на прежнее достоинство; а начальникъ войска, Лукачевичъ, отпавилъ отрядъ солдатъ окружить Скупшину. Солдаты явились предъ зданіемъ Скупщины; но были встрѣчены многочисленной толпой народа, которая безъ ружейнаго выстрѣла отгѣснила ихъ назадъ. Солдаты, надо имъ отдать справедливость, не стрѣляли, и граждане сказали имъ, что не допустятъ ихъ къ Скупщинѣ. Солдаты разошлись. Предсѣдатель Скупщины, согласно съ ея подтвержденіемъ, издалъ къ Бѣлградскимъ гражданамъ слѣдующій благодарственный адресъ за оборону народной Скупщины отъ злонамѣреннаго нападенія:

«Братья!

Когда поднялась сила, чтобы бороться противъ разума, воли, права и свободы народа, вы грудью своей заслонили отъ штыка народную Скупшину и охраняли успѣхъ ея дѣятельности. Двадцатое Декабря 1858 года да будетъ всемъ приснопамятно въ Сербіи, не только по отважности и одушевленію вашему при защитѣ милой свободы народа, но и по безпримѣрной мудрости и правотѣ, которыя оказаны вами при защитѣ нашего святаго дѣла. Вы смертной опасности подвергали жизнь свою, чтобы отстоять права и свободу народа — и отстояли ихъ безъ всякаго мщенія по-

бѣжденному непріятелю. Черезъ это, братья, вы освѣтили блескомъ себя и весь народъ Сербскій — и за это-то примите отъ народной Скупщины заслуженную благодарность, отъ имени всего нашего народа».

Войска, послѣ столкновенія съ гражданами, возвратились въ казарму. А что же дѣлаютъ тамъ совѣтники?

А вотъ что: составляютъ заключеніе, которымъ признаютъ Скупщину противозаконной и всю ея дѣятельность возмутительной, вслѣдствіе чего они (какъ Совѣтъ) просятъ князя Александра возвратиться изъ крѣпости, разогнать Скупщину и возстановить почти нарушенный миръ въ государствѣ. Это определеніе представляютъ въ крѣпость князю Александру совѣтники: Ранко Матенчъ и Антоніе Майсторовичъ, а для безопасности имъ дается рота солдатъ и отрядъ кавалеристовъ. Изъ казармы они отправились въ крѣпость, но граждане, понявъ ихъ намѣреніе, устроили по всѣмъ улицамъ баррикады и приготовились уничтожить всѣ ихъ покушенія. Удивительное зрѣлище представляло это всеобщее рвеніе, одушевлявшее даже дѣтей! Солдаты съ совѣтниками покушались на нѣсколькихъ улицахъ пробиться въ крѣпость; но всюду были остановлены гражданами. Наконецъ въ улицѣ «двухъ бѣлыхъ голубей» солдаты были окружены дѣтьми въ толпѣ вооруженныхъ гражданъ и принуждены возвратиться назадъ. Вскорѣ опять они были встрѣчены толпой вооруженныхъ гражданъ и нѣкоторые изъ нихъ схватили и сбросили съ копей обонихъ совѣтниковъ и офицера Тодора, и связали ихъ. Солдаты говорили послѣ, что и они защищали народное дѣло. Съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ были отведены въ народную Скупщину, которая, отпустивъ солдатъ, оставила подъ стражей совѣтниковъ и Тодора (1). Между тѣмъ народная Скупщина, узнавъ, что войска взволнованы нѣсколькими безумцами, рѣшила пока оставить ихъ въ покоѣ; но чрезъ депутацію просила начальника войска вынудить совѣтниковъ изъ казармы. Совѣтники получили свободу, и увидавъ что ихъ личные интересы не будутъ поддержаны народомъ, говорили, что они были насильно уведены, и явились въ Скупщину съ увѣреніями, что они будутъ дѣлать съ народомъ и счастье и несчастье. Это было въ сумерки, послѣ чего всѣ члены Скупщины разошлись по кварти-

(1) Это тотъ самый Тодоръ, что въ прошломъ году отличился своимъ неосторожствомъ надъ совѣтниками, заключенными въ крѣпость.

рамъ. Въ этотъ день всеобщимъ одобреніемъ было встрѣчено участие, принятое въ общемъ дѣлѣ, Русскимъ консуломъ Милошевичемъ. Увидавъ, что настала рѣшительная минута дѣйствовать, онъ въ своемъ экипажѣ явился въ толпу народа, « Братцы—сказалъ онъ— не стрѣляйте вы первые; а солдаты тоже не стануть. Ваше дѣло не будетъ противно государямъ ».

— Да здравствуетъ консулъ нашего покровителя! . . . Въ нуждѣ познается другъ!!—кричалъ народъ. Потомъ Милошевичъ обратился къ солдатамъ съ увѣщаніемъ: « не стрѣлять въ народъ, прибавивъ, что дѣло должно кончиться мирно ». Его появленіе ободрило гражданъ и показало солдатамъ, что они защищаютъ проигранное дѣло.

Такъ прошелъ страшный и многознаменательный, для жителей Бѣлграда, день 12-го Декабря. 13-го Декабря Скупштина образовала временное правленіе изъ И. Гарашанина, Попечителя внутреннихъ дѣлъ, Стевчи Михайловича, подиректѣдателя народной Скупщины и Евтимія Угричича, предсѣдателя кассационнаго суда, которымъ вѣрялось управленіе Сербією до возврата князя Милоша. Распоряженіе это Скупштина объявила народу прокламаціей. Временное правительство также издало прокламацію къ народу, въ которой излагались основанія, на какихъ оно принимало власть до прибытія Милоша. Войска, прочитавъ прокламацію, также признали Княземъ Сербіи—Милоша. Обо всемъ этомъ немедленно были извѣщены и консулы. Вечеромъ семейство бывшаго князя переехало въ свой частный домъ. При этомъ народъ оказалъ довольно снисходительности и участія къ семейству князя Александра, опечаленному исходомъ дѣла.

Въ слѣдующіе за симъ дни Скупштина занималась приготовленіемъ депутаціи въ Валахию къ Милошу и составленіемъ прошенія къ Султану о подтвержденіи воспоставленія фамиліи Обреновичей. Но въ этомъ прошеніи Скупштина предоставила Султану болѣе правъ, нежели ему слѣдовало: она просила; чтобы Султанъ бератомъ своимъ утвердилъ Милоша въ достоинствѣ Князя Сербіи; но въ немъ ужъ давно утверждень Милошъ бератомъ и не лишень этого подтвержденія, а самъ добровольно оставилъ отечество; да и народъ желалъ опять имѣть его своимъ Княземъ—стало быть, уже по этому только дѣло принимаетъ законный видъ и Султану тутъ вовсе не зачѣмъ вмѣшиваться.

Намъ кажется, что народъ долженъ былъ пригласить князя Милоша въ Сербію, а Султану только *дать знать*, что такъ какъ

князь Александръ низверженъ, то братья ему данный должень считаться не дѣйствительнымъ, и что народъ опять призываетъ къ себѣ прежняго Князя; а этотъ послѣдній, возвратясь въ Сербію, долженъ былъ только письменно извѣстить Султана о своемъ прибытіи и принятіи правленія.

При извѣстіи о воспоставленіи Милоша вся Сербія торжественно выражала свой восторгъ. И какъ различно выражалась всеобщая радость! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при одномъ частномъ слухѣ обо всемъ происшедшемъ, производилась пальба; въ другихъ немедленно собирались въ церковь и торжественно возсылали благодареніе Богу; въ иныхъ дѣлали иллюминаціи; въ нѣкоторыхъ учреждались общественныя торжества, на которыхъ народъ пилъ вино за здоровыя любимаго Князя; въ другихъ носили по улицамъ портреты Милоша и старики съ религіознымъ чувствомъ цѣловали его, какъ икону святителя и орошали слезами благодарности.... О, если бы я могъ вамъ доставить всѣ листки нашихъ газетъ, наполненные подобными извѣстіями со всѣхъ краевъ Сербіи!! Невозможно описать восторгъ всѣхъ вообще Турецкихъ христіанъ!

27-е Декабря.

Вчера мы получили извѣстіе, что Порта одобряетъ воспоставленіе Милоша, но желаетъ, чтобы онъ прежде явился въ Царь-градъ (1).

Наше правительство отвѣчало, что народъ теперь же съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Милоша въ Сербію; но, что лѣтомъ, быть можетъ, онъ и явится къ Падишаху. Какъ думаетъ объ этомъ Милошъ — еще здѣсь не извѣстно, но на сколько мы его знаемъ, — имѣемъ основаніе думать, что если онъ и въ 19 лѣтъ своего странствованія не ходилъ на поклонъ къ Падишаху, то и теперь не пойдетъ.

Такъ вотъ въ какомъ положеніи наши дѣла! А что будетъ далѣе сообщу вамъ въ свое время.

М. Милочевичъ.

(1) Видно у двелета почувствовалась потребность присутствія Милошевскихъ дукатовъ.

